

ADAM SMITH

I N Q U I R Y I N T O T H E
N A T U R E
A N D
C A U S E S
O F T H E W E A L T H
O F N A T I O N S

VOL. II

THE STATE
SOCIAL AND ECONOMIC PRESS

MOSCOW • 1935 • LENINGRAD

АДАМ СМИТ

801-14
2469

И С С Л Е Д О В А Н И Е
О
П Р И Р О Д Е
И
П Р И Ч И Н А Х
Б О Г А Т С Т В А
Н А Р О Д О В

ТОМ II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА • 1935 • ЛЕНИНГРАД

2010456111

10697-35

ВВЕДЕНИЕ

Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования или, точнее, обеспечить ему возможность добывать себе такой доход или средства существования; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя.

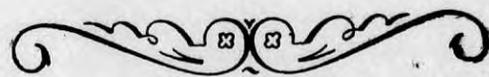
Различный характер развития благосостояния в различные периоды и у различных народов породил две различные системы политической экономии по вопросу о способах обогащения народа. Одна может быть названа коммерческой системой, другая—системою земледелия. Я попытаюсь с доступной мне полнотой и отчетливостью изложить обе эти системы, причем начну с коммерческой системы. Это—современная система, и ее лучше всего понять на примере нашей собственной страны и нашего времени.

Отв. ред. И. Удальцов. Тех. редактор Л. Кошутина. Отв. за выпуск. В. Антонов

Сдано в набор 17 марта 1935. Подп. к печати 20 мая 1935. 49120 зн. в печ. листе.
Формат 62×94/16. Тираж 20000 экз. Объем 293/4 л. Уполномоченный Главлита Б 6428.
Огиз 1474. Цена 8 р. 75 к. Переплет 1 р. 25 к. Заказ № 402.

16-я типография треста «Полиграфнига», Трехпрудный пер., 9.

КНИГА IV

О СИСТЕМАХ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

У

Глава I

О ПРИНЦИПАХ КОММЕРЧЕСКОЙ, ИЛИ МЕРКАНТИЛИСТИЧЕСКОЙ, СИСТЕМЫ

Что богатство состоит из денег или золота и серебра—таково общераспространенное представление, естественно порождаемое двойной функцией денег,—как орудия обмена и мерила стоимости. Ввиду того, что деньги являются орудием обмена, мы, обладая ими, легче можем достать все то, что нам нужно, чем посредством всякого другого товара. Мы всегда убеждаемся, что самое главное, это—добыть деньги. Когда они добыты, не представляет уже никаких затруднений произвести любую покупку. Поскольку же деньги являются мерилom стоимости, мы измеряем стоимость всех других товаров количеством денег, на которое они обмениваются. О богатом человеке мы говорим, что он стоит многих тысяч, а про бедняка—что цена ему грош. Про человека бережливого или стремящегося разбогатеть говорят, что он любит деньги, а о человеке легкомысленном, щедром или расточительном говорят, что он равнодушен к ним. Разбогатеть—значит получить деньги; одним словом, на общеупотребительном языке богатство и деньги признаются во всех отношениях равнозначными понятиями.

Богатой страной, как и богатым человеком, признается страна, в изобилии обладающая деньгами, и потому накопление возможно большего количества золота и серебра в данной стране признается самым надежным способом ее обогащения. В течение некоторого времени после открытия Америки первый вопрос испанцев, когда они высаживались на каком-нибудь неизвестном берегу, обычно сводился к тому, имеется ли в окрестностях золота или серебро. В зависимости от полученных ими сведений они решали, стоит ли устраивать здесь поселение на берегу или завоевывать страну. Монах Плато Карпино, отправленный королем Франции в качестве посланника к одному из сыновей знаменитого Чингиз-хана, рассказывает, что татары часто спрашивали его, много ли овец и много ли быков во французском королевстве. Их вопрос преследовал ту же цель, что и вопрос испанцев. Они хотели знать, достаточно ли богата страна, чтобы стоило завоевывать ее. У татар, как и у других скотоводческих народов, которые обычно не знают употребления денег,

скот является орудием обмена и мерилom стоимости. Поэтому в их глазах богатство состояло в скоте, как для испанцев оно выражалось в золоте и серебре. Представление татар было, пожалуй, ближе к истине, чем испанцев.

Локк отмечает различие между деньгами и всяким другим движимым имуществом¹. Все другие движимые предметы, говорит он, по своей природе потребляемы, и потому нельзя особенно полагаться на богатство, состоящее из них; народ, обладающий ими в изобилии в одном году, может в следующем ощущать острую нужду в них даже при отсутствии вывоза, а только в результате его собственной расточительности. Деньги же, напротив, являются неизменным другом; хотя они и могут переходить из рук в руки, все же они не так легко уничтожаются и потребляются, если только удастся предотвратить их отлив из страны. Ввиду этого, по его мнению, золото и серебро представляют собой самую устойчивую и существенную часть движимого богатства нации, и потому умножение этих металлов должно быть, как он думает, главной задачей ее политической экономии.

Другие полагают, что если бы какая-нибудь нация могла быть изолирована от всего мира, то не имело бы никакого значения, как много или как мало денег обращается в ней. Предметы потребления, обращающиеся посредством этих денег, лишь обменивались бы на большее или меньшее количество монет, но действительное богатство или бедность страны, по их мнению, зависело бы исключительно от обилия или недостаточности этих предметов потребления. Иначе, однако, обстоит дело, по их мнению, в странах, которые поддерживают сношения с другими народами и которые вынуждены вести войны, содержать флоты и армии в отдаленных странах. Это, по их словам, может быть достигнуто лишь при отправке денег за границу для оплаты их, а народ не может отправлять много денег за границу, если не имеет их в достаточном количестве у себя дома. Поэтому всякий народ должен стараться в мирное время накапливать золото и серебро, чтобы иметь возможность, когда это потребует, вести войны за границей.

Под влиянием этих общераспространенных представлений все народы Европы изучали, хотя и без всякой пользы, все возможные средства для накопления золота и серебра в своих странах. Испания и Португалия, обладатели главных рудников, снабжающих Европу этими металлами, запрещали под страхом самых суровых кар их вывоз или облагали его высокой пошлиной. Подобное же запрещение, повидимому, входило в старое время в политику большинства остальных европейских народов. Проявления такой политики встречаются даже там, где мы меньше всего могли бы ожидать этого, а именно в некоторых старинных законах шотландского парламента, которые запрещают, под угрозой строгих кар, вывоз

золота и серебра *из королевства*. Такая же политика в давние времена проводилась во Франции и в Англии.

Когда эти страны сделались торговыми, купцы во многих случаях стали находить такое запрещение чрезвычайно неудобным. Они часто могли покупать с большей выгодой на золото и серебро, чем в обмен на какой-нибудь другой товар, те заграничные товары, которые им были нужны для ввоза в свою страну или для переправки в какую-нибудь другую чужую страну. Поэтому они протестовали против такого запрещения, как вредящего торговле.

Они доказывали, во-первых, что вывоз золота и серебра для покупки иностранных товаров не всегда уменьшает количество этих металлов в стране; что, наоборот, он может часто приводить к увеличению этого количества, так как, если потребление иностранных товаров не увеличится в результате этого внутри страны, эти товары могут быть обратно экспортированы в другие страны и, будучи проданы там с большой прибылью, могут принести обратно гораздо больше звонкой монеты, чем было вывезено первоначально для покупки их. Мэн сравнивает эту операцию внешней торговли с посевом и жатвой в сельском хозяйстве. «Если бы,—говорит он,—мы стали судить о действиях земледельца во время посева, когда он бросает в землю много хорошего зерна, мы должны были бы признать его скорее сумасшедшим, чем старательным хозяином. Но если мы вспомним о жатве, являющейся венцом его усилий, мы убедимся в плодотворности и полезности его усилий»¹.

Они доказывали, во-вторых, что такое запрещение не может помешать вывозу золота и серебра, которые легко могут быть вывозимы за границу контрабандой ввиду незначительности их объема по сравнению с их стоимостью; что вывоз их может быть предотвращен только при надлежащем внимании к соблюдению так называемого ими торгового баланса; что, когда стоимость вывоза страны превышает стоимость ее ввоза, другие нации остаются ее должниками на известную сумму, которая обязательно уплачивается ей золотом и серебром и таким образом увеличивает собою количество этих металлов в стране. Если же страна ввозит на большую стоимость, чем вывозит, баланс становится неблагоприятным для нее в пользу других наций, причем она необходимо должна уплачивать последним тоже золотом и серебром, уменьшая таким образом их количество у себя. В таком случае запрещение вывоза этих металлов не может помешать их вывозу, но только сделает его более дорогим, поскольку сделает его более опасным; благодаря этому курс окажется более неблагоприятным для страны, баланс которой является отрицательным, чем это было бы при иных условиях, потому что купец, покупающий вексель на за границу, должен будет платить банкиру, продавшему его, не только за нормальный риск, хлопоты и расходы по пересылке туда денег, но и за добавочный риск, обусловленный запрещением вывоза. Но чем неблагоприят-

¹ [Locke, An essay concerning human understanding.]

¹ [Mun, England's treasure by foreign trade, глава 4. Первое издание в 1664 г.]

нее курс какой-нибудь страны, тем неблагоприятнее становится по необходимости и ее торговый баланс; соответственно этому по необходимости понижается стоимость ее денег по сравнению с деньгами страны, в пользу которой обращен баланс. Так, например, если разница в курсе между Англией и Голландией составляет пять процентов против Англии, то на покупку векселя на 100 унций серебра потребуются затратить в Англии 105 унций серебра; таким образом, 105 унций серебра в Англии будут стоить только 100 унций серебра в Голландии, и на них можно будет купить только соответствующее количество голландских товаров; английские товары, продаваемые Голландии, будут продаваться дешевле на всю разницу в курсе, а голландские товары, продаваемые Англии, на столько же дороже. В первом случае уменьшится на всю эту разницу приток голландских денег в Англию, а во втором—увеличится на столько же отлив английских денег в Голландию. В результате этого торговый баланс необходимо окажется на соответственно большую сумму против Англии, и это потребует вывоза в Голландию большего количества золота и серебра.

Эти аргументы и соображения были отчасти основательны и отчасти ложны. Они были основательны, поскольку утверждали, что вывоз золота и серебра для нужд торговли часто может быть выгоден для страны. Они были также основательны, поскольку утверждали, что никакие запрещения не могут предотвратить их вывоза, если частные лица находят какую-либо выгоду от вывоза их. Но они были ложны, поскольку предполагали, что сохранение или увеличение наличного количества этих металлов требует большего внимания и забот правительства, чем сохранение или увеличение количества каких-либо других полезных продуктов, которые при свободе торговли и при отсутствии такого внимания и забот всегда имеются в надлежащем количестве. Они были ложны также постольку, поскольку утверждали, что высокий вексельный курс обязательно увеличивает то, что они называли неблагоприятным торговым балансом, или приводит к вывозу большего количества золота и серебра. Этот высокий курс действительно крайне невыгоден купцам, которым предстоит производить платежи в других странах. Им приходится соответственно дороже платить за векселя, предоставляемые им банкирами на эти страны. Но хотя риск, обусловленный запрещением вывоза, может вызвать для банкиров некоторые чрезвычайные издержки, это отнюдь не должно вести обязательно к отливу из страны большего количества денег. Эти издержки должны обычно производиться в самой стране, оплачивая контрабандный вывоз денег из нее, и редко могут приводить к вывозу хотя бы одной лишней шестипенсовой монеты сверх суммы вексельного перевода. Притом высокий вексельный курс должен естественно побуждать купцов стараться о том, чтобы их вывоз покрывал более или менее их ввоз, чтобы таким образом им приходилось по этому высокому курсу оплачивать возможно меньшую сумму. Сверх того, высокий вексельный курс должен производить такое же действие,

как и пошлина, повышая цену иностранных товаров и этим уменьшая их потребление. Он поэтому вызовет тенденцию не к усилению, а к ослаблению так называемого неблагоприятного баланса, а следовательно и вывоза золота и серебра.

Но как бы то ни было, приведенные аргументы убедили тех, к кому они были обращены. Они исходили от купцов и были обращены к парламентам и королевским советам, к аристократии и поместному дворянству; они исходили от тех, которые считались знатоками торговли и были обращены к тем, которые сознавали, что решительно ничего не понимают в этом деле. Опыт показал как аристократии и землевладельцам, так и купечеству, что иностранная торговля обогатила страну, но никто из них не отдавал себе отчета, как или каким образом она обогатила ее. Купцы отлично знали, как она обогащала их самих; их делом было знать это, но вопрос о том, каким образом она обогащала страну, совершенно их не занимал. Вопрос этот возникал у них только в тех случаях, когда им приходилось обращаться к своей стране в целях каких-либо изменений в законах, относящихся к внешней торговле. Тогда становилось необходимым сказать что-нибудь о благотворном действии внешней торговли и о том, как мешают этому благотворному действию существующие законы. Судьям, которые должны были решать этот вопрос, казалось вполне удовлетворительным разъяснением дела, когда им говорили, что внешняя торговля вызывает прилив денег в страну, но что законы, о которых идет речь, препятствуют притоку их в таком большом количестве, который имел бы место при их отсутствии. Эти доводы поэтому производили желаемое действие. Запрещение вывоза золота и серебра было во Франции и в Англии ограничено запрещением вывоза монеты этих стран; вывоз же иностранной монеты и слитков был объявлен свободным. В Голландии и в некоторых других местах эта свобода вывоза была распространена и на монету данной страны. Внимание правительства было отвлечено от забот о недопущении вывоза золота и серебра и направлено в сторону наблюдения за торговым балансом как единственной причиной, могущей вызывать увеличение или уменьшение этих металлов. От одной бесплодной заботы оно обращалось к другой, гораздо более сложной, гораздо более затруднительной и столь же бесплодной. Заглавие книги Мэна—«Богатство Англии во внешней торговле»—стало основным положением политической экономии не только в Англии, но и во всех других торговых странах. Внутренняя, или отечественная, торговля,—главнейший вид торговли, в которой капитал данной величины приносит наибольший доход и дает максимальное занятие населению страны,—признавалась лишь вспомогательною по отношению к внешней торговле. Утверждали, что она и не вызывает притока денег в страну, и не приводит к отливу их. Страна поэтому не может в результате этой торговли стать богаче или беднее, если не считать того, что ее процветание или упадок могут косвенно влиять на состояние внешней торговли.

Страна, не обладающая собственными рудниками, должна, разумеется, получать свое золото и серебро из других стран, подобно тому как стране, не имеющей своих виноградников, приходится ввозить вина. Однако не представляется необходимым, чтобы внимание правительства было больше занято одной из этих задач, чем другой. Страна, которой приходится покупать вино где-нибудь на стороне, всегда получит его, когда оно ей понадобится; точно так же страна, которой приходится покупать на стороне золото и серебро, никогда не будет терпеть недостатка в этих металлах. Их можно покупать за определенную цену, как и все другие товары, и подобно тому как они составляют цену всех остальных товаров, так и все остальные товары составляют их цену. Мы рассчитываем с полной уверенностью, что свобода торговли, помимо всяких мероприятий правительства, всегда снабдит нас вином, какое нам нужно; с такою же уверенностью мы можем рассчитывать и на то, что она всегда доставит все количество золота и серебра, какое мы сможем купить или употребить как для обращения наших товаров, так и для других надобностей.

Количество любого товара, который может быть куплен или произведен трудом человека, естественно регулируется само собою в каждой стране в зависимости от действительного спроса, т. е. спроса тех, кто готов оплатить полностью ренту, труд и прибыль, которые надо оплатить для того, чтобы изготовить его и доставить на рынок. Но ни один товар не приспособляется легче или точнее к этому действительному спросу, чем золото и серебро, потому что, ввиду малого объема и высокой стоимости этих металлов, никакому другой товар не может быть легче их перевозим из одного места в другое, из пунктов, где они дешевы, в пункты, где они дороги, из пунктов, где они имеются в избытке, в пункты, где они не покрывают этого действительного спроса. Если, например, в Англии имеется действительный спрос на добавочное количество золота, то почтовый пароход может привести из Лиссабона или из какого-либо другого места, где его можно достать, 50 тонн золота, из которых можно начеканить более 5 миллионов гиней. Но если бы имелся действительный спрос на хлеб на такую же стоимость, то ввоз его потребовал бы, при цене в 5 гиней за тонну, миллион тонн водоизмещения или тысячу кораблей в 1 000 тонн каждый. Для этого нехватило бы всего флота Англии.

Когда количество золота и серебра, ввозимого в данную страну, превышает действительный спрос, никакие старания правительства не могут помешать их вывозу. Все суровые законы Испании и Португалии не в состоянии удержать в стране их золото и серебро. Непрерывный ввоз их из Перу и Бразилии превышает действительный спрос этих стран и понижает там цену этих металлов сравнительно с ее уровнем в соседних странах. Напротив, если в какой-либо стране их количество окажется ниже действительного спроса, так что их цена превысит их цену в соседних странах, правительству не будет нужды прилагать усилий для ввоза их. Даже если бы оно

старалось препятствовать их ввозу, оно не сможет достичь этого. Металлы эти, когда спартанцы приобрели средства для покупки их, прорвались через все преграды, какие законы Ликурга воздвигали их проникновению в Лакедемон. Все суровые таможенные законы не в состоянии воспрепятствовать ввозу чаев Голландской и Геттенборгской ост-индских компаний, потому что они несколько дешевле чаев Британской компании. А между тем фунт чая своим объемом почти в 100 раз превышает объем максимальной цены его в 16 шиллингов, обычно уплачиваемой серебром, и более чем в 2 000 раз превышает объем той же цены его в золоте, а следовательно контрабандный ввоз его во столько же раз затруднительнее.

Отчасти именно ввиду легкости доставки золота и серебра из мест, где они имеются в избытке, в места, где в них ощущается недостаток, цена этих металлов не подвергается постоянным колебаниям подобно цене большей части других товаров, громоздкость которых препятствует их перемещению, когда рынок окажется переполнен или же недостаточно снабжен ими. Правда, цена этих металлов не совсем свободна от колебаний, но колебания, которым она подвержена, обычно медленны, постепенны и единообразны. В Европе, например, считается, может быть и без особенных оснований, что в течение текущего и предыдущего столетий стоимость золота и серебра постоянно, но постепенно понижалась ввиду непрерывного ввоза их из испанской Вест-Индии¹. Но для того, что бы вызвать такое внезапное изменение цены золота и серебра, которое могло бы сразу, чувствительно и заметно повысить или понизить денежную цену всех других товаров, требуется такая революция в торговле, какая была произведена открытием Америки.

Если, несмотря на все это, окажется в какой-либо момент недостаток в золоте и серебре в стране, которая имеет средства для покупки их, то существует больше способов заменить их, чем всякий другой товар. Если недостает сырья для мануфактур, должна остановиться промышленность. Если недостает продовольствия, должен голодать народ. Но если нехватает денег, их заменит, хотя и с значительными неудобствами, непосредственный товарообмен. Покупка и продажа в кредит, — причем все участники сделок ежемесячно или ежегодно погашают свои счета друг с другом, — заменяет деньги с меньшими неудобствами. Надлежащим образом регулируемые бумажные деньги заменят их не только без всяких неудобств, но в некоторых случаях и с известными выгодами. Со всех точек зрения поэтому никогда заботы правительства не были так излишни, как тогда, когда они направлялись на сохранение или увеличение количества денег в данной стране.

Между тем чаще всего слышатся жалобы именно на недостаток денег. Денег, как и вина, всегда нехватает тем, кто не имеет средств, чтобы купить их, или не обладает кредитом, чтобы занять их. Люди, обладающие тем или другим, редко будут испытывать нужду в день-

¹ [Т. е. из Америки.]

гах или в вине, которые им могут понадобиться. Однако эти жалобы на недостаток денег не всегда исходят от одних только непредусмотрительных расточителей. Нередко они получают распространение во всем торговом городе и в окружающих его деревнях. Обычно причиной этого бывает чрезмерное расширение торговых операций. Вполне благоразумные люди, планы которых оказались в несоответствии с их капиталами, точно так же могут не иметь средств, чтобы купить деньги, или не располагать кредитом, чтобы занять их, как и расточители, расходы которых не соответствовали их доходу. Пока осуществляются их проекты, капитал их исчерпывается, а вместе с ним и кредит. Они бегают повсюду, чтобы занять деньги, и все и каждый говорят им, что у них нет свободных денег. Даже такие всеобщие жалобы на отсутствие денег не всегда служат доказательством того, что в стране в данный момент не обращается обычное количество золотых и серебряных монет; они лишь доказывают, что в этих монетах нуждается множество людей, не имеющих ничего дать взамен их. Когда прибыль, приносимая торговлей, почему-либо превышает обычный уровень, чрезмерное расширение торговых операций является общей ошибкой как крупных, так и мелких торговцев. Они не всегда отправляют за границу больше денег, чем обыкновенно, но покупают в кредит как внутри страны, так и за границей необычайно большое количество товаров, отправляя их на какой-нибудь отдаленный рынок в надежде, что выручка за них получится до срока платежа. Но платежи наступают до получения выручки, и у них не оказывается в наличности ничего, на что они могли бы купить деньги или представить солидное обеспечение под заем. Таким образом, не недостаток золота и серебра, а трудность для таких людей занять деньги, а для их кредиторов—получить следуемые им платежи, порождает общие жалобы на отсутствие денег.

Было бы слишком смешно доказывать серьезно, что богатство заключается отнюдь не в деньгах и не в золоте и серебре, а в том, что покупается на деньги, и что оно ценится только ради этой способности покупать. Не подлежит сомнению, что деньги всегда составляют часть национального капитала, но было уже указано, что они составляют только небольшую часть его и притом приносящую наименьшую выгоду.

Если купцу, по общему правилу, легче покупать товары за деньги, чем деньги—за товары, то происходит это не потому, что богатство заключается преимущественно в деньгах, а не в товарах, но потому, что деньги представляют собою общераспространенное и признанное орудие обмена, на которое в обмен охотно отдают любую вещь, но которое не всегда бывает столь же легко получить в обмен на другие предметы. Помимо того, большая часть товаров легче подвергается порче или уничтожению, чем деньги, и купец, который держит их, часто может понести гораздо более значительные убытки. Далее, когда его товары находятся у него на складе, он легче может оказаться не в состоянии покрыть предъявляемые к нему де-

нежные платежи, чем в том случае, если продаст их и вырученные деньги спрячет в свои сундуки. Помимо всего этого, его прибыль получается более непосредственно от продажи, а не от покупки, и ввиду этого он обычно стремится больше обменивать свои товары на деньги, чем свои деньги—на товары. Но хотя отдельный купец, склады которого переполнены товарами, может иногда разориться, не будучи в состоянии продать их во-время, народ или страна не подвергаются такой опасности. Весь капитал купца часто состоит из подверженных уничтожению товаров, предназначенных для покупки денег. Но лишь небольшая часть годового продукта земли и труда всей страны может быть предназначена для покупки золота и серебра у ее соседей. Значительно большая часть обращается и потребляется в самой стране, и даже из избытка, отправляемого за границу, большая часть обычно предназначается на покупку других иностранных товаров. Поэтому, если даже золото и серебро нельзя получить в обмен на товары, предназначенные на покупку их, нация все же не будет разорена. Она, конечно, сможет испытать некоторые потери и неудобства и оказаться вынужденной прибегнуть к тому или иному из тех мероприятий, которые необходимы для замены денег. Но годовой продукт ее земли и труда останется неизменным или почти неизменным, потому что такой же капитал, как прежде, или почти такой же капитал будет затрачиваться на его производство. И хотя товары не всегда так быстро притягивают к себе деньги, как деньги притягивают товары, все же в общем и целом товары с большею необходимостью притягивают к себе деньги, чем наоборот. Ведь товары могут служить для многих других целей, помимо покупки денег, тогда как деньги могут служить только для покупки товаров. Деньги поэтому необходимо ищут товары, тогда как товары не всегда и не обязательно ищут деньги. Человек, совершающий покупку, не всегда имеет в виду продать потом купленное, часто он предполагает употребить купленное или потребить, между тем продавец всегда имеет в виду совершить покупку. Первый часто оказывается закончившим свою операцию, второй всегда оказывается выполнившим только половину ее. Люди хотя и обладают деньгами не ради них самих, а ради того, что они могут купить на них.

Как указывают, предметы потребления быстро уничтожаются, тогда как золото и серебро отличаются большей долговечностью, и, если бы не происходило упомянутого постоянного вывоза их, они могли бы накапливаться на протяжении веков, что невероятно увеличило бы действительное богатство страны. Поэтому полагают, что нет ничего столь невыгодного для страны, как торговля, которая состоит в обмене таких долговечных предметов, как драгоценные металлы, на товары, подлежащие уничтожению. Мы, однако, не считаем невыгодной ту торговлю, которая состоит в обмене английских металлических изделий на французские вина, а между тем металлические изделия представляют собою весьма прочный товар, и, если бы не было постоянного его вывоза, этих изделий

на протяжении веков тоже накопилось бы так много, что это вероятно увеличило бы количество горшков и кастрюль страны. Но очевидно, что количество подобной утвари в каждой стране необходимо ограничено имеющейся в ней потребностью; что было бы нелепо иметь больше горшков и кастрюль, чем необходимо для приготовления предметов питания, обычно потребляемых в ней; что при возрастании количества предметов питания легко увеличится соответственно этому и количество горшков и кастрюль, так как часть возросшего количества предметов питания пойдет на покупку их или на содержание добавочного количества рабочих, изготавливающих их. Не менее очевидно, что количество золота и серебра ограничено в каждой стране наличной потребностью в этих металлах: что они употребляются—в виде монеты—для обращения товаров и—в виде посуды—для домашнего обихода; что количество звонкой монеты в каждой стране определяется стоимостью товаров, обращающихся в ней; достаточно этой стоимости возрасти, и немедленно часть товаров будет отправлена за границу для покупки, где это окажется возможным, добавочного количества монеты, необходимого для их обращения; что количество золотой и серебряной посуды определяется числом и богатством тех частных семей, которые позволяют себе пользоваться подобной роскошью; стоит увеличиться количеству и богатству таких семей, и часть этого увеличившегося богатства почти наверное будет затрачена на покупку добавочного количества золотой и серебряной посуды; что пытаться увеличить богатство страны посредством ввоза в нее или удержания в ней излишнего количества золота и серебра столь же нелепо, как нелепо было бы пытаться улучшить питание частных семей, заставляя их держать излишнее количество кухонной посуды. Подобно тому как расход на покупку этой ненужной посуды понизит, а не повысит количество или качество пищи, употребляемой ими, так и расход на излишнее количество золота и серебра должен столь же необходимо уменьшить богатство, за счет которого кормится, одевается, оплачивает свои жилища население страны и которое содержит его и дает ему занятие. Не надо забывать, что золото и серебро, в виде ли монеты или посуды, представляют собою такой же предмет обихода, как и кухонная посуда. Увеличьте пользование ими, увеличьте количество предметов потребления, подлежащих при их помощи обращению, хранению и изготовлению, и вы обязательно придете к увеличению их количества. Но если вы попытаетесь увеличить их количество какими-нибудь чрезвычайными средствами, вы неизбежно сократите пользование ими, а также и количество их, которое для этих металлов никогда не может превышать действительной потребности в них. Если бы даже их накопилось больше этого количества, перевозка их так легка, а потеря от их неиспользования и оставления без дела так велика, что никакой закон не мог бы помешать их немедленному вывозу из страны.

Не всегда представляется необходимым накапливать золото и се-

ребро, чтобы дать стране возможность вести внешние войны и содержать флот и армии в отдаленных странах. Флот и армии содержаться не на золото и серебро, а на предметы потребления. Народ, который из годового продукта своей туземной промышленности, из годового дохода, получающегося с его земель, от его труда и производительного капитала, имеет на что покупать эти предметы потребления в отдаленных странах, может вести там войны.

Нация может приобретать деньги на оплату армии в отдаленной стране и провиант для нее тремя путями, а именно: посылая за границу, во-первых, некоторую часть накопленного ею золота и серебра или, во-вторых, некоторую часть годового продукта своих мануфактур, или, наконец, некоторую часть своей годовой добычи сырья.

Золото и серебро, которые надлежит считать накопленным запасом страны, можно подразделить на три части: во-первых, деньги, находящиеся в обращении, во-вторых, золотая и серебряная посуда частных семей, в-третьих, деньги, накопленные в результате многолетней бережливости и хранящиеся в казне государя.

Редко бывает, чтобы удавалось много сберечь из обращающихся в стране денег, потому что редко может существовать значительный излишек их. Стоимость товаров, покупаемых и продаваемых в течение года в данной стране, требует определенного количества денег для обращения их и распределения среди соответствующих потребителей и не может дать применения добавочному количеству денег. Каналы обращения необходимо вбирают в себя сумму, достаточную для наполнения их, и никогда не вмещают сверх этого. Но в случае внешней войны некоторая сумма обычно извлекается из этих каналов. При большом числе людей, содержимых за границей, меньше содержится внутри страны. В ней обращается меньше товаров и для их обращения требуется теперь меньше денег. Притом в таких случаях обыкновенно выпускается необычайное количество бумажных денег того или иного рода, как, например, билеты казначейства, билеты адмиралтейства и банковые билеты в Англии; заменяя в обращении золото и серебро, эти бумажные деньги дают возможность отсылать большее количество их за границу. Тем не менее, все это может служить лишь очень недостаточным источником для ведения внешней войны, требующей крупных расходов и продолжающейся несколько лет.

Превращение в слитки золотой и серебряной посуды частных лиц во всех случаях оказывалось еще более незначительным источником. Французы в начале последней войны не получили от этого средства даже столько выгоды, чтобы это оправдывало потерю художественной формы посуды.

Накопленные у государя сокровища в прежние времена являлись гораздо более крупным и более постоянным ресурсом. В настоящее время, если не считать прусского короля, накопление сокровищ, повидимому, не входит в политику ни одного из европейских государей.

Средства, на которые велись внешние войны текущего столетия, потребовавшие неслыханных еще в истории расходов, получались, повидимому, отнюдь не от вывоза денег, находившихся в обращении, или от золотой и серебряной посуды частных лиц или сокровищницы государя. Последняя война с Францией обошлась Великобритании свыше 90 миллионов, включая в эту сумму не только 75 миллионов нового долга, заключенного в это время, но и увеличение на 2 шиллинга с фунта земельного налога, а также ежегодные позаймствования из фонда погашения. Более двух третей этих расходов были произведены в отдаленных странах—в Германии, Португалии, Америке, в портах Средиземного моря, в Ост-Индии, Вест-Индии. Короли Англии не имели накопленных сокровищ. Мы совсем не слышали о больших количествах золотой и серебряной посуды, обращенной в слитки. Стоимость золота и серебра, находившегося в обращении страны, определялась не более чем в 18 миллионов. Впрочем, полагают, судя по последней переписке золота, что цифра эта сильно преуменьшена. Предположим поэтому, в соответствии с самой преувеличенной оценкой, какую мне, помнится, приходилось читать или слышать, что общая стоимость обращающейся золотой и серебряной монеты достигала 30 миллионов. Если бы война велась на наши деньги, находящиеся в обращении, они целиком должны были бы, даже согласно этой оценке, по крайней мере дважды быть отправлены за границу и вернуться оттуда, и притом на протяжении 6—7 лет. Допущение такого предположения явилось бы самым убедительным доказательством того, как излишне правительству заботиться о сохранении денег в стране, если вся денежная наличность могла в такой короткий промежуток времени дважды уйти из страны и вернуться в нее, причем никто этого и не заметил. Однако каналы обращения ни на один момент за весь этот период не казались опустевшими более обычного. Немногие из тех, кто имел, чем оплатить деньги, испытывали недостаток в них. Прибыли от внешней торговли превышали, правда, обычный уровень в течение всей войны, особенно же к концу ее. Это привело, как и всегда приводит, к общему чрезмерному расширению торговых операций во всех портах Великобритании, а это, в свою очередь, породило обычные жалобы на отсутствие денег, которые всегда следуют за таким расширением операций. В деньгах нуждалось множество лиц, не имевших средств, чтобы купить их, или не обладавших кредитом, чтобы занять их. И так как должникам было трудно занять деньги, то кредиторам оказалось трудным получать платежи по долгам. Тем не менее те, которые могли отдать какую-нибудь стоимость в обмен на золото и серебро, по общему правилу, могли получать их по их стоимости.

Таким образом, громадные издержки последней войны должны были быть покрыты преимущественно не вывозом золота и серебра, а вывозом тех или иных британских товаров. Когда правительство или его агенты договаривались с купцом о переводе денег в какую-нибудь страну, купец, естественно, старался уплатить своему загра-

ничному корреспонденту, на которого он выдал переводный вексель, отправкой за границу каких-нибудь товаров, а не золота и серебра. Если в этой стране не было спроса на английские товары, он старался отправить их в какую-нибудь другую страну, где мог купить вексель на нужную ему страну. Доставка товаров на иностранный рынок, если она отвечает спросу, всегда приносит значительную прибыль, тогда как доставка золота и серебра почти никогда не дает ее. Когда эти металлы посылаются за границу для покупки иностранных товаров, прибыль купца получается не от покупки, а от продажи купленного. Когда же они посылаются за границу лишь для уплаты долга, он ничего не получает взамен и потому не имеет никакой прибыли. Поэтому он, естественно, изощряет свою изобретательность, чтобы найти способ оплатить свои заграничные долги посредством вывоза товаров, а не золота и серебра. В согласии с этим автор «Современного состояния нации»¹ отмечает значительный вывоз британских товаров во время последней войны без соответствующих обратных поступлений.

Помимо трех упомянутых выше видов золота и серебра, во всех больших торговых странах имеется значительное количество слитков, попеременно ввозимых и вывозимых в целях внешней торговли. Эти слитки, поскольку они обращаются между различными торговыми странами таким же образом, как национальная монета обращается внутри каждой отдельной страны, можно рассматривать как деньги великой торговой республики. Национальная монета получает свое движение и направление от товаров, обращающихся в пределах каждой отдельной страны; деньги всего торгового мира получают свое движение и направление от товаров, обращающихся между различными странами. Та и другие употребляются для облегчения обмена: первая между различными лицами в одной стране, последние между отдельными лицами в различных странах. Часть этих денег великой торговой республики могла быть и наверно была употреблена на ведение последней войны. Естественно предположить, что во время войны эти деньги получают направление, отличное от обычного направления их в мирное время, что они больше будут обращаться в районе войны и будут больше употребляться на приобретение там и в соседних странах жалования и провианта для различных армий. Но какой бы частью этих денег великой торговой республики² ни пользовалась в течение года Великобритания, она должна была приобретать их за это же время или на британские товары, или на что-нибудь иное, полученное в обмен на последние; это опять-таки возвращает нас к товарам, к годовому продукту земли и труда страны как к последнему источнику, давшему нам возможность вести войну. Действительно, есте-

¹ [Смит имеет в виду книгу Филиппа: *Philips E., The state of the nation, in respect to her commerce, debts and money. 1725.*]

² [Под «торговою республикою» здесь и всюду ниже Смит понимает международную торговлю.]

ственно предполагать, что такой большой расход должен был быть покрыт за счет большой годовой продукции. Расходы 1764 г., например, превышали 19 миллионов. Никакого накопления нехватало бы для таких расточительных расходов. Нет такого годовичного продукта, даже золота и серебра, который мог бы покрыть такой расход. Весь ежегодный ввоз золота и серебра в Испанию и Португалию, согласно наиболее достоверным источникам, обычно не намного превышает 6 миллионов фунтов, что в некоторые годы едва оплатило бы издержки последней войны за четыре месяца.

Повидимому, товарами, наиболее подходящими для вывоза в отдаленные страны в целях приобретения там жалованья и провианта для армии или же в целях приобретения некоторой доли денег великой торговой республики для оплаты этого жалованья и провианта, являются более тонкие и дорогие изделия промышленности, такие изделия промышленности, которые при небольшом объеме обладают высокой стоимостью и поэтому могут вывозиться на большие расстояния с незначительными издержками. Страна, промышленность которой производит значительный годовой избыток таких изделий, обычно вывозимых в другие страны, может в течение многих лет вести сопряженную с очень большими издержками внешнюю войну, не вывозя сколько-нибудь значительных количеств золота и серебра или даже совсем не имея их для вывоза. Разумеется, в таком случае большая часть годового избыточного продукта ее мануфактур должна вывозиться без соответствующих обратных поступлений для страны, хотя купец такие поступления получает, ибо правительство покупает у купца его векселя на заграницу, чтобы приобрести там жалованье и провиант для армии. Однако некоторая часть этого избытка может все же приносить обратные поступления. К владельцам мануфактур во время войны предъявляется удвоенный спрос, и им приходится, во-первых, изготовлять товары для отправки их за границу, чтобы оплатить векселя, выписанные на другие страны для приобретения жалованья и провианта для армии, и, во-вторых, вырабатывать такие товары, какие нужны для покупки за границей товаров, обычно потребляемых в стране. Поэтому в разгар самой разрушительной внешней войны мануфактуры в большей своей части могут сильно процветать и, напротив, могут приходиться в упадок при восстановлении мира. Они могут процветать во время разорения их страны и склоняться к упадку, когда она начинает опять процветать. Неодинаковое состояние различных отраслей британских мануфактур во время последней войны и некоторое время после заключения мира может служить иллюстрацией к только что сказанному.

Никакую войну, связанную с большими расходами или отличающуюся своей продолжительностью, нельзя без неудобств вести за счет вывоза сырых продуктов. Слишком велики оказались бы издержки по отправке такого количества их за границу, на которое можно было бы приобрести там жалованье и провиант для армии. Притом лишь немногие страны производят сырые продукты в ко-

личестве, значительно превышающем то, которое необходимо для существования их собственных жителей. Поэтому отправка за границу сколько-нибудь значительного количества сырья означала бы в большинстве случаев отправку части необходимых средств существования населения. Иначе обстоит дело с вывозом изделий мануфактур. Средства, необходимые на содержание рабочих, занятых их производством, остаются внутри страны, и вывозятся только избыточная часть продуктов их труда. Юм часто отмечает неспособность прежних королей Англии вести без перерыва сколько-нибудь продолжительные внешние войны¹. Англичане того времени не имели средств, чтобы приобретать в чужих странах жалованье и провиант для своих армий; у них было слишком мало сырья, чтобы сколько-нибудь значительная часть его могла быть сбережена от внутреннего потребления; они вырабатывали мало мануфактурных изделий и притом самых грубых и дешевых, транспорт которых, как и сырья, обходился слишком дорого. Эта неспособность обуславливалась не недостатком денег, а отсутствием тонких и лучшего качества мануфактур. Купля и продажа в ту пору, как и теперь, совершалась в Англии посредством денег. Отношение количества денег, находящихся в обращении, к числу и стоимости покупок и продаж, обычно совершавшихся в ту пору, должно было быть таким же, как и в настоящее время, или, вернее, оно должно было быть несколько больше, так как тогда не существовало бумажных денег, которые ныне заменяют значительную часть золота и серебра. У народов, которым мало известны торговля и мануфактуры, государь в чрезвычайных обстоятельствах редко может получить сколько-нибудь существенную помощь от своих подданных в силу причин, которые будут объяснены в дальнейшем. В таких странах поэтому он обычно старается накапливать сокровища как единственный источник в таких чрезвычайных случаях. Независимо от этой необходимости, государь вообще в этих условиях бывает склонен к бережливости, необходимой для накопления. В таком примитивном состоянии расход даже одного соверена производится не ради удовлетворения тщеславия, которое наслаждается пышной роскошью двора, а для оказания помощи держателям или гостеприимства приближенным и сторонникам. Но такие щедроты и гостеприимство очень редко ведут к расточительности, тогда как тщеславие почти всегда ведет к ней. В соответствии с сказанным любой татарский хан обладает сокровищами. Как передают, сокровища Мазепы, главы казаков на Украине, известного союзника Карла XII, были очень велики. Французские короли меровингской династии все обладали сокровищами. Когда они производили раздел своего королевства между своими детьми, они делили также свои сокровища. Англосаксонские князья и первые короли после завоевания² тоже, по-

¹ [D. Hume, History of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. London 1778.]

² [Имеется в виду завоевание Англии норманнами в XI столетии.]

видимому, накопили сокровища. Первым делом каждого нового царствования было обычно завладеть сокровищами предшествующего короля; это было главным средством упрочить наследование. Государи культурных и торговых стран не испытывают такой необходимости накапливать сокровища, потому что они, по общему правилу, могут получить от своих подданных чрезвычайную помощь в чрезвычайных обстоятельствах. Они и проявляют менее склонности к этому. Они естественно и, пожалуй, даже необходимо следуют за обычаями своего времени, и их расходы определяются тем же расточительным тщеславием, которое руководит всеми другими крупными землевладельцами в их владениях. Скромная пышность их двора становится с каждым днем все роскошнее, и расходы на нее не только препятствуют накоплению, но часто черпают из фондов, предназначенных для более необходимых издержек. То, что Дерилидас говорит о персидском дворе, может быть отнесено к дворам многих европейских государей: он видел там много блеска, но мало силы, много слуг, но мало воинов.

Ввоз золота и серебра представляет собою не главную и, тем более, не единственную выгоду, которую нация получает от своей внешней торговли. Все местности, между которыми ведется внешняя торговля, извлекают из нее двоякого рода выгоду. Внешняя торговля вывозит ту избыточную часть продукта их земли и труда, на которую у них нет спроса, и в обмен на это привозит какие-нибудь другие товары, на которые существует у них спрос. Она придает стоимость их излишкам, обменивая их на продукты, которые могут удовлетворить часть их потребностей и увеличить их наслаждения. Благодаря ей ограниченность рынка не препятствует развитию разделения труда в любой отрасли ремесл или мануфактур до высшей степени совершенства. Открывая более обширный рынок для той доли продукта их труда, которая превышает потребности внутреннего потребления, она поощряет их развивать свои производительные силы и увеличивать до максимальных размеров свой годовой продукт и таким образом увеличивать действительный доход и богатство общества. Такие большие и важные услуги внешняя торговля постоянно оказывает всем странам, между которыми она ведется. Они все извлекают из нее большую пользу, хотя наибольшую пользу обыкновенно извлекает та страна, где живет купец, потому что он больше бывает занят удовлетворением потребностей и вывозом излишков своей собственной страны, чем какой-либо чужой страны. Нет сомнения, что ввоз в страны, не обладающие собственными рудниками, необходимого им золота и серебра составляет одну из функций внешней торговли. Но это—самая незначительная из ее функций. Страна, ведущая внешнюю торговлю только для этой цели, едва ли могла бы за целое столетие отправить одно груженое судно.

Открытие Америки обогатило Европу не благодаря ввозу золота и серебра. Вследствие обилия американских рудников эти металлы подешевели. Золотую или серебряную посуду теперь можно купить

за треть того количества хлеба или труда, которого она стоила бы в XV столетии. При той же ежегодной затрате труда и товаров Европа может теперь покупать ежегодно в три раза большее количество золотой и серебряной посуды, чем покупала в ту пору. Но когда какой-нибудь товар начинает продаваться за третью часть своей обычной цены, не только прежние его покупатели могут приобрести в три раза больше прежнего, но он делается также по средствам гораздо большему числу новых покупателей, может быть в десять или даже двадцать раз превышающему прежнее их число. Таким образом, в Европе в настоящее время имеется, может быть, не только в три раза, а, пожалуй, в 20 или 30 раз большее количество золотой и серебряной посуды, чем было бы в ней даже при современном ее благосостоянии, если бы не произошло открытия американских рудников. Постольку Европа, несомненно, извлекла из этого действительную выгоду, но, разумеется, совершенно ничтожную. Дешевизна золота и серебра делает эти металлы, пожалуй, даже менее пригодными для выполнения роли денег, чем это было прежде. Для того, чтобы произвести те же самые покупки, мы должны теперь нагружаться большим количеством их и носить в своем кармане шиллинг в тех случаях, когда прежде было бы достаточно монеты в четыре пенса. Трудно сказать, что из этого имеет меньшее значение—это неудобство или же противоположное удобство. Ни то, ни другое не могло вызвать сколько-нибудь существенного изменения в общем положении Европы. Однако открытие Америки, несомненно, произвело весьма существенное изменение. Открыв новый и неисчерпаемый рынок для всех товаров Европы, оно дало толчок дальнейшему разделению труда и улучшению техники, которые в узких пределах прежней торговли никогда не могли бы иметь место из-за отсутствия рынка, способного поглотить большую часть их продукта. Производительность труда повысилась, и продукт его во всех странах Европы увеличился, а вместе с этим увеличились действительный доход и богатство их населения. Европейские товары почти все были неизвестны Америке, а многие американские товары—неизвестны Европе. Поэтому начали совершаться многочисленные акты обмена, которые раньше никому не приходили в голову и которые естественно оказывались столь же выгодными для нового материка, как были, без сомнения, выгодны для старого. Дикая несправедливость европейцев сделала событие, которое могло быть благодетельным для всех, разорительным и гибельным для некоторых из этих несчастных стран.

Открытие пути в Ост-Индию мимо мыса Доброй Надежды приблизительно около того же времени дало, пожалуй, еще более широкий простор развитию внешней торговли, чем даже открытие Америки, несмотря на большую отдаленность новых рынков. В Америке имелись только два народа, во всех отношениях стоявшие выше дикарей, и они были истреблены почти сейчас же после того, как были открыты. Остальные жители Америки были настоящими дикарями. Напротив, государства Китая, Индостана, Японии, а также

другие страны Ост-Индии¹, не обладая особенно богатыми рудниками золота и серебра, во всех других отношениях были богаче. Культурнее и дальше ушли вперед во всех ремеслах и мануфактурах, чем Мексика и Перу, даже если мы отнесем с доверием к очевидно не заслуживающим никакого доверия преувеличенным сообщениям испанских писателей о состоянии последних государств в древности. Но богатые и цивилизованные народы всегда могут производить обмен друг с другом на гораздо большую стоимость, чем с дикарями и варварами. Европа, однако, до сих пор извлекала гораздо меньше выгоды из своей торговли с Ост-Индией, чем из торговли с Америкой. Португальцы приблизительно на целое столетие монополизировали остиндскую торговлю в свою пользу, и только окольным путем и через них другие народы Европы могли отправлять или получать товары из этой страны. Когда в начале минувшего столетия голландцы начали проникать туда, они сосредоточили всю свою ост-индскую торговлю в руках одной монопольной компании. Англичане, французы, шведы и датчане, — все последовали их примеру, так что ни одна большая нация Европы никогда не пользовалась преимуществами свободной торговли с Ост-Индией. Не нужно отыскивать других причин для объяснения того, почему она никогда не была так выгодна, как торговля с Америкой. Которая, поскольку речь идет о торговле между данною европейскою нациею и ее колониями, вполне свободна для всех подданных этой нации. Исключительные привилегии этих остиндских компаний, их большие богатства, значительные льготы и покровительство, которые благодаря этому были им обеспечены со стороны их правительств, возбуждали сильную зависть по отношению к ним. Эта зависть часто изображала их торговлю как вообще вредную ввиду больших количеств серебра, которые ежегодно вывозились из стран, ведущих эту торговлю. Заинтересованная сторона отвечала, что ее торговля, благодаря такому непрерывному вывозу серебра, может действительно приводить к обеднению Европы в целом, но не отдельной страны, ведущей ее, потому что, благодаря вывозу части получаемых ею товаров в другие европейские страны, она ежегодно привозит домой гораздо большее количество этого металла, чем вывозит. Как обвинение, так и ответ на него основаны на том распространенном представлении, которое я только что подверг рассмотрению, поэтому нет необходимости останавливаться на них. В результате ежегодного вывоза серебра в Ост-Индию серебряная посылка в Европе, возможно, становится несколько дороже, чем это было бы при отсутствии такого вывоза, а за серебряную монету дают, вероятно, большее количество труда и товаров. Первое из этих последствий представляет собой весьма незначительную потерю, а последнее составляет столь же незначительную выгоду; то и другое слишком незначительно, чтобы заслуживать какого-либо

¹ [Странами Ост-Индии Смит называл все страны, расположенные к востоку от Индостана.]

общественного внимания. Торговля с Ост-Индией, открывая рынок европейским товарам или, что сводится почти к тому же, золоту и серебру, которые приобретаются на эти товары, необходимо должна вести к увеличению годового производства европейских товаров, а следовательно и действительного богатства и дохода Европы. То обстоятельство, что она до сих пор увеличила его так незначительно, объясняется, вероятно, теми ограничениями, при которых ей повсеместно приходится работать.

Я счел необходимым, хотя и с риском показаться скучным, рассмотреть со всей подробностью то распространенное представление, будто богатство заключается в деньгах или в серебре и золоте. Деньги, в просторечии, как я уже заметил, часто означают богатство, и эта двусмысленность выражения сделала это распространенное представление столь привычным для нас, что даже те, кто убежден в его нелепости, весьма склонны забывать свои собственные принципы и в ходе своих рассуждений принимать его как несомненную и неопровержимую истину. Ряд лучших английских писателей о торговле начинал свои сочинения с замечания, что богатство страны состоит не из одних только золота и серебра, но также из ее земель, домов и предметов потребления всякого рода. Однако в ходе их рассуждений земли, дома и предметы потребления как будто ускользают из их памяти, и вся их аргументация часто исходит из того, что все богатство состоит из золота и серебра и что умножение этих металлов составляет главную цель национальной промышленности и торговли.

Поскольку, таким образом, утвердились два основных положения, что богатство состоит из золота и серебра и что эти металлы могут притекать в страну, не обладающую рудниками, только в результате благоприятного торгового баланса или посредством вывоза на большую сумму, чем страна ввозит, главной задачей политической экономии неизбежно сделалось уменьшение, елико возможно, ввоза иностранных товаров для внутреннего потребления и увеличение, по возможности, вывоза продуктов отечественной промышленности. И поэтому двумя главными ее средствами для обогащения страны явились ограничения ввоза и поощрение вывоза.

Ограничения ввоза были двоякого рода:

1. Ограничения ввоза тех иностранных продуктов для внутреннего потребления, которые могут быть вырабатываемы внутри страны, независимо от того, из какой страны они ввозятся.

2. Ограничения ввоза продуктов почти всех родов из тех отдельных стран, торговый баланс по отношению к которым считался неблагоприятным.

Эти различные ограничения и стеснения состояли или в обложении высокими пошлинами, или в полном запрещении ввоза.

Вывоз поощрялся или возвратом пошлин, или выдачей премий, или заключением выгодных торговых договоров с иностранными государствами, или, наконец, учреждением колоний в отдаленных странах.

другие страны Ост-Индии¹, не обладая особенно богатыми рудниками золота и серебра, во всех других отношениях были богаче. Культурнее и дальше ушли вперед во всех ремеслах и мануфактурах, чем Мексика и Перу, даже если мы отнесемся с доверием к очевидно не заслуживающим никакого доверия преувеличенным сообщениям испанских писателей о состоянии последних государств в древности. Но богатые и цивилизованные народы всегда могут производить обмен друг с другом на гораздо большую стоимость, чем с дикарями и варварами. Европа, однако, до сих пор извлекала гораздо меньше выгоды из своей торговли с Ост-Индией, чем из торговли с Америкой. Португальцы приблизительно на целое столетие монополизировали остиндскую торговлю в свою пользу, и только окольным путем и через них другие народы Европы могли отправлять или получать товары из этой страны. Когда в начале минувшего столетия голландцы начали проникать туда, они сосредоточили всю свою ост-индскую торговлю в руках одной монопольной компании. Англичане, французы, шведы и датчане,—все последовали их примеру, так что ни одна большая нация Европы никогда не пользовалась преимуществами свободной торговли с Ост-Индией. Не нужно отыскивать других причин для объяснения того, почему она никогда не была так выгодна, как торговля с Америкой, которая, поскольку речь идет о торговле между данной европейскою нацией и ее колониями, вполне свободна для всех подданных этой нации. Исключительные привилегии этих остиндских компаний, их большие богатства, значительные льготы и покровительство, которые благодаря этому были им обеспечены со стороны их правительств, возбуждали сильную зависть по отношению к ним. Эта зависть часто изображала их торговлю как вообще вредную ввиду больших количеств серебра, которые ежегодно вывозились из стран, ведущих эту торговлю. Заинтересованная сторона отвечала, что ее торговля, благодаря такому непрерывному вывозу серебра, может действительно приводить к обеднению Европы в целом, но не отдельной страны, ведущей ее, потому что, благодаря вывозу части получаемых ею товаров в другие европейские страны, она ежегодно привозит домой гораздо большее количество этого металла, чем вывозит. Как обвинение, так и ответ на него основаны на том распространенном представлении, которое я только что подверг рассмотрению, поэтому нет необходимости останавливаться на них. В результате ежегодного вывоза серебра в Ост-Индию серебряная поезда в Европе, возможно, становится несколько дороже, чем это было бы при отсутствии такого вывоза, а за серебряную монету дают, вероятно, большее количество труда и товаров. Первое из этих последнее представляет собой весьма незначительную потерю, а последнее составляет столь же незначительную выгоду; то и другое слишком незначительны, чтобы заслуживать какого-либо

¹ [Странами Ост-Индии Смит называл все страны, расположенные к востоку от Индостана.]

общественного внимания. Торговля с Ост-Индией, открывая рынок европейским товарам или, что сводится почти к тому же, золоту и серебру, которые приобретаются на эти товары, необходимо должна вести к увеличению годового производства европейских товаров, а следовательно и действительного богатства и дохода Европы. То обстоятельство, что она до сих пор увеличила его так незначительно, объясняется, вероятно, теми ограничениями, при которых ей повсеместно приходится работать.

Я счел необходимым, хотя и с риском показаться скучным, рассмотреть со всей подробностью то распространенное представление, будто богатство заключается в деньгах или в серебре и золоте. Деньги, в просторечии, как я уже заметил, часто означают богатство, и эта двусмысленность выражения сделала это распространенное представление столь привычным для нас, что даже те, кто убежден в его нелепости, весьма склонны забывать свои собственные принципы и в ходе своих рассуждений принимать его как несомненную и неопровержимую истину. Ряд лучших английских писателей о торговле начинал свои сочинения с замечания, что богатство страны состоит не из одних только золота и серебра, но также из ее земель, домов и предметов потребления всякого рода. Однако в ходе их рассуждений земли, дома и предметы потребления как будто ускользают из их памяти, и вся их аргументация часто исходит из того, что все богатство состоит из золота и серебра и что умножение этих металлов составляет главную цель национальной промышленности и торговли.

Поскольку, таким образом, утвердились два основных положения, что богатство состоит из золота и серебра и что эти металлы могут притекать в страну, не обладающую рудниками, только в результате благоприятного торгового баланса или посредством вывоза на большую сумму, чем страна ввозит, главной задачей политической экономии неизбежно сделалось уменьшение, елико возможно, ввоза иностранных товаров для внутреннего потребления и увеличение, по возможности, вывоза продуктов отечественной промышленности. И поэтому двумя главными ее средствами для обогащения страны явились ограничения ввоза и поощрение вывоза.

Ограничения ввоза были двоякого рода:

1. Ограничения ввоза тех иностранных продуктов для внутреннего потребления, которые могут быть вырабатываемы внутри страны, независимо от того, из какой страны они ввозятся.

2. Ограничения ввоза продуктов почти всех родов из тех отдельных стран, торговый баланс по отношению к которым считался неблагоприятным.

Эти различные ограничения и стеснения состояли или в обложении высокими пошлинами, или в полном запрещении ввоза.

Вывоз поощрялся или возвратом пошлин, или выдачей премий, или заключением выгодных торговых договоров с иностранными государствами, или, наконец, учреждением колоний в отдаленных странах.

Возврат пошлин практиковался в двух различных случаях. Отечественные фабриканты, облагаемые каким-нибудь налогом или акцизом, при вывозе своих изделий получали часто обратно всю или часть уплачиваемой ими суммы; точно так же, когда в страну ввозились с целью обратного вывоза товары, облагаемые пошлиной, эта пошлина целиком или частично возвращалась иногда при их вывозе.

Премии выдавались в целях поощрения или вновь возникающих мануфактур, или таких отраслей промышленности, которые признавались заслуживающими особого покровительства.

Посредством выгодных торговых договоров товарам и купцам данной страны предоставлялись в некоторых иностранных государствах особые преимущества сравнительно с товарами и купцами других стран.

При учреждении колоний в отдаленных странах товарам и купцам метрополии часто предоставлялись не только особые преимущества, но и монополия.

Упомянутые два вида ограничений ввоза вместе с четырьмя способами поощрения вывоза представляют собою шесть главных средств, при помощи которых меркантилистическая система предполагает увеличить количество золота и серебра в данной стране, изменив торговый баланс в ее пользу. В особой главе я подвергну рассмотрению каждое из этих средств и, не останавливаясь специально на их предполагаемой тенденции вызывать приток денег в страну, займусь выяснением главным образом вероятного влияния каждого из них на годовой продукт промышленности страны. В зависимости от того, ведут ли они к увеличению или уменьшению стоимости этого годового продукта, они, очевидно, должны вести к увеличению или уменьшению действительного богатства и дохода страны.

Глава III

ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ВВОЗА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ ТАКИХ ПРОДУКТОВ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ПРОИЗВОДИМЫ ВНУТРИ СТРАНЫ

Ограничением при помощи высоких пошлин или абсолютным воспрещением ввоза из-за границы таких продуктов, которые могут производиться внутри страны, более или менее обеспечивается монополия внутреннего рынка для отечественной промышленности, занятой их производством. Так, запрещение ввоза из-за границы живого скота или солонины обеспечивает скотоводам Великобритании монополию внутреннего рынка мяса. Высокие пошлины на ввозимый хлеб, которые в годы среднего урожая почти равносильны запрещению, дают такое же преимущество производителям этого товара. Запрещение ввоза иностранных шерстяных изделий столь же выгодно шерстяным фабрикантам. Шелковое производство, хотя и работающее исключительно на иностранном сырье, недавно добилось такого же преимущества. Производство полотна еще не добилось его, но прилагает большие усилия к этому. Многие другие отрасли промышленности таким же образом добились в Великобритании или полной монополии, или почти монопольного положения по отношению к своим соотечественникам. Люди, мало знакомые с таможенными законами, не легко могут представить себе все разнообразие и многочисленность товаров, ввоз которых в Великобританию воспрещен или абсолютно, или при известных условиях.

Не может подлежать сомнению, что такая монополия внутреннего рынка часто служит большим поощрением для отрасли промышленности, пользующейся ею, и нередко привлекает к ней большую долю труда и капитала общества, чем это было бы при других условиях. Но, пожалуй, не столь очевидно, ведет ли она к развитию всей промышленности общества в целом и дает ли ей наиболее выгодное направление.

Вся промышленность данного общества в целом не может никогда выходить за пределы, определяемые размером капитала этого общества. Поскольку количество рабочих, которым может быть занято отдельное лицо, должно находиться в известном отношении к его капиталу, постольку и количество тех рабочих, которым могут

дать постоянное занятие все члены обширного общества, должно так же находиться в известном отношении ко всему капиталу этого общества и никогда не может превысить это соотношение. Никакое регулирование торговли не в состоянии вызвать увеличение промышленности какого-либо общества сверх того, что соответствует его капиталу. Оно может лишь дать некоторой части промышленности такое направление, в каком она без этого не могла бы развиваться, и отнюдь не представляется несомненным, что это искусственное направление более выгодно для общества, чем то, по какому она развивалась бы, если бы была предоставлена самой себе.

Каждый отдельный человек постоянно старается найти наиболее выгодное приложение капиталу, которым он может распоряжаться. Он имеет в виду свою собственную выгоду, а отнюдь не выгоды общества. Но когда он принимает во внимание свою собственную выгоду, это естественно или, точнее, неизбежно приводит его к предпочтению того занятия, которое наиболее выгодно обществу.

Во-первых, каждый человек старается приложить свой капитал по возможности поближе к своему дому и, следовательно, по возможности для вложения в отечественную промышленность, при том неизменном условии, что он может таким путем получить обычную или почти обычную прибыль на капитал.

Так, при условии одинаковой или почти одинаковой прибыли всякий оптовый купец естественно предпочитает торговлю внутри страны внешней торговле для нужд потребления, а внешнюю торговлю для нужд потребления—транзитной торговле. При занятии внутренней торговлей его капитал никогда не уходит из его рук на столь продолжительное время, как это часто бывает во внешней торговле для нужд потребления. Он может лучше узнавать характер и положение лиц, которым оказывает доверие, а если ему случится быть обманутым, он лучше знает законы страны, у которой должен искать помощи. В транзитной торговле капитал купца как бы делится между двумя заграничными странами, и ни малейшая часть его не возвращается необходимо домой и не оказывается под его непосредственным контролем и в его распоряжении. Капитал, который амстердамский купец затрачивает на доставку хлеба из Кенигсберга в Лиссабон и фруктов и вина из Лиссабона в Кенигсберг, должен обычно находиться наполовину в Кенигсберге и наполовину в Лиссабоне. Ни малейшая доля его не должна попадать в Амстердам. Естественным местопребыванием такого купца должен был бы служить Кенигсберг или Лиссабон, и только какие-либо особые обстоятельства могут заставить его предпочесть пребывание в Амстердаме. Впрочем, неудобство, причиняемое ему тем, что его капитал находится так далеко от него, обычно побуждает его доставлять в Амстердам часть кенигсбергских товаров, предназначенных для Лиссабона, и часть лиссабонских товаров, предназначенных им для Кенигсберга; и хотя это необходимо обременяет его двойным расходом на нагрузку и разгрузку, а также платежом лишних налогов

и пошлин, он все же охотно идет на этот добавочный расход, лишь бы только всегда иметь в своем распоряжении и под своим контролем некоторую часть своего капитала. Таким-то образом всякая страна, принимающая сколько-нибудь значительное участие в транзитной торговле, становится всегда складочным местом или центральным рынком для товаров всех тех стран, торговлю которых она ведет. Купец в своем стремлении обойтись без вторичной нагрузки и разгрузки всегда старается продать на отечественном рынке столько товаров этих стран, сколько только может, и таким образом, по возможности, превратить свою транзитную торговлю в внешнюю торговлю для нужд потребления. Точно так же и купец, занятый внешней торговлей для нужд потребления, будет всегда рад, собирая товары для иностранных рынков, продать—при одинаковой или почти одинаковой прибыли—возможно большую часть их у себя на родине. Он избавляет себя от риска и хлопот, связанных с вывозом их, благодаря тому, что он, по возможности, превращает свою внешнюю торговлю для нужд потребления в внутреннюю торговлю. Внутренний рынок является, таким образом, центром, если можно так выразиться, вокруг которого постоянно обрастают капиталы жителей всякой страны и к которому они всегда стремятся, хотя особые причины могут иногда отвлекать их для употребления в отдаленных местах. Но капитал, занятый в внутренней торговле, как уже показано, неизбежно приводит в движение большее количество отечественного труда и дает доход и занятие большему числу жителей страны, чем таких же размеров капитал, вложенный в внешнюю торговлю для нужд потребления, а капитал, вложенный в последнюю, обладает таким же преимуществом сравнительно с капиталом одинакового размера, вложенным в транзитную торговлю. Ввиду этого при одинаковой или почти одинаковой прибыли каждый отдельный человек естественно склонен употреблять свой капитал таким способом, при котором он оказывает наибольшее содействие отечественной промышленности и дает доход и занятие наибольшему числу жителей своей страны.

Во-вторых, всякий человек, затрачивающий свой капитал на поддержку отечественного труда, обязательно старается дать ему такое направление, чтобы его продукт обладал возможно большей стоимостью.

Продукт промышленности составляет то, что прибавляется ею к предмету или материалу, к которым промышленный труд прилагается. В зависимости от того, насколько значительна или незначительна стоимость этого продукта, будет и прибыль предпринимателя. Но всякий человек употребляет капитал на поддержку промышленности только ради прибыли, и поэтому он всегда будет стараться употреблять его на поддержку той отрасли промышленности, продукт которой будет обладать наибольшей стоимостью или обмениваться на наибольшее количество денег или других товаров.

Но годовой доход всякого общества всегда в точности равен годовой стоимости всего годового продукта его труда или, вернее,

именно и представляет собою эту меновую стоимость. И, поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он и не имеет в виду содействовать общественной пользе и не со- знает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказать поддержку отечественной промышленности, а не иностранной, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, а направляя эту промышленность таким образом, чтобы ее продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится служить им. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества. Впрочем, подобные претензии не очень обычны среди купцов, и немного надо слов, чтобы уговорить их отказаться от них.

Очевидно, что каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель или законодатель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал и продукт какой промышленности может обладать наибольшей стоимостью. Государственный деятель, который попытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил бы себе власть, которую нельзя без ущерба доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению, и которая ни в чьих руках не оказалась бы столь опасной, как в руках человека, настолько безумного и самонадеянного, чтобы вообразить себя способным использовать эту власть.

Установление монополии внутреннего рынка для продукта отечественной промышленности в той или иной отрасли ремесел или мануфактур в известной мере равносильно указанию частным лицам, каким образом они должны употреблять свои капиталы, и должно почти во всех случаях являться или бесполезным, или вредным мероприятием. Это регулирование очевидно бесполезно, если продукт отечественной промышленности может быть доставлен на внутренний рынок по такой же цене, как и продукт иностранной промышленности. Если это невозможно, регулирование, по общему правилу, должно оказаться вредным. Основное правило каждого благоразумного главы семьи состоит в том, чтобы не пытаться изготовлять дома такие предметы, изготовление которых обойдется дороже, чем при покупке их на стороне. Портной не пробует сам шить

себе сапоги, а покупает их у сапожника. Сапожник не пробует сам шить себе одежду, а прибегает к услугам портного. Фермер не пробует ни того, ни другого, а пользуется услугами обоих этих ремесленников. Все они находят более выгодным для себя затрачивать весь свой труд в той области, в которой они обладают некоторым преимуществом перед своими соседями, и все необходимое им покупать в обмен на часть продукта или, что то же самое, на цену части продукта своего труда.

То, что представляется разумным в образе действий любой частной семьи, вряд ли может оказаться неразумным для всего королевства. Если какая-либо чужая страна может снабжать нас каким-нибудь товаром по более дешевой цене, чем мы сами в состоянии изготовлять его, гораздо лучше покупать его у нее на некоторую часть продукта нашего собственного промышленного труда, прилагаяемого в той области, в которой мы обладаем некоторым преимуществом. Общая сумма промышленного труда страны, будучи всегда пропорциональна капиталу, который пользуется им, от этого не уменьшится, как не уменьшится и труд вышеупомянутых ремесленников; ему придется лишь искать область, в которой он может быть употреблен с наибольшей выгодой. Вне всякого сомнения, он прилагается не с наибольшей выгодой, когда направлен на изготовление предмета, который может быть куплен дешевле, чем произведен им самим. Стоимость его годового продукта, несомненно, более или менее понизится, когда он, таким образом, отвлекается от производства товаров, обладающих большей стоимостью по сравнению с товаром, на изготовление которого он направляется. Согласно нашему предположению, товар этот может быть куплен за границей по более дешевой цене, чем при изготовлении внутри страны. Следовательно, он может быть куплен на часть товаров, — или, что то же самое, на часть цены товаров, — которые произвел бы внутри страны промышленный труд, употребляемый равным капиталом, если бы ему было предоставлено следовать своим естественным путем. Промышленный труд страны, таким образом, отвлекается от более выгодного к менее выгодному занятию, и меновая стоимость его годового продукта, вместо того, чтобы увеличиваться, как хотел законодатель, должна неизбежно уменьшаться в результате каждого подобного ограничения.

Правда, благодаря таким мероприятиям отдельная отрасль промышленности может возникнуть в стране скорее, чем это было бы в противном случае, и по истечении некоторого времени ее изделия будут изготовляться внутри страны дешевле, чем за границей. Но, хотя промышленный труд может таким образом быть с выгодой направлен в особое русло скорее, чем это было бы в противном случае, отсюда вовсе не следует, что общая сумма промышленного труда или дохода страны может быть каким-либо образом увеличена при помощи подобных мероприятий. Промышленный труд общества может возрастать только в меру возрастания его капитала, а этот последний может возрастать лишь в меру того, что может быть постепенно

сбережено из дохода общества. Между тем, непосредственным результатом каждого такого мероприятия является уменьшение дохода общества, а то, что уменьшает его доход, разумеется, вряд ли может увеличивать его капитал быстрее, чем это было бы, если бы капиталу и промышленному труду было предоставлено самим находить себе свое естественное применение.

Если даже в результате отсутствия подобных мероприятий общество никогда не введет у себя упомянутой отрасли мануфактур, оно из-за этого отнюдь не станет беднее в какой-либо период своего существования. В каждый данный момент весь его капитал и промышленный труд могут все же быть заняты, хотя и в других областях, и притом таким образом, который наиболее выгоден в данное время. В каждый данный момент его доход может достигать того максимума, который способен давать его капитал, и как капитал его, так и доход могут возрастать с максимально возможной быстротой.

Естественные преимущества, какими обладает одна страна перед другой при производстве определенных продуктов, иногда так велики, что всеми признается безнадежной всякая борьба с ними. Путем применения стеклянных рам, парников и теплиц в Шотландии возможно выращивать очень хороший виноград и из него можно также выделывать очень хорошее вино, обходящееся по меньшей мере в тридцать раз дороже такого же качества вина, привозимого из-за границы. Будет ли разумным закон, запрещающий ввоз всех заграничных вин исключительно в целях поощрения производства кларета и бургундского в Шотландии? Но если очевидной нелепостью было бы обращать к какому-либо занятию в тридцать раз большее количество капитала и промышленного труда страны, чем требуется для того, чтобы купить за границей такое же количество нужных товаров, то также является нелепостью, — хотя и не столь вопиющей, но совершенно такого же рода, — обращать к подобному занятию хотя бы на одну тридцатую или на одну трехсотую долю больше капитала или промышленного труда. В данном случае не имеет никакого значения, являются ли те преимущества, какими обладает одна страна сравнительно с другой, естественными или приобретенными. Поскольку одна страна обладает такими преимуществами, а другая лишена их, для последней всегда будет выгоднее покупать у первой, а не производить самой. Преимущество, которым обладает ремесленник перед своими соседями, занимающимися другими профессиями, является приобретенным, и, тем не менее, как он, так и они находят более выгодным покупать друг у друга, вместо того, чтобы производить предметы не по своей специальности.

Наибольшую выгоду от указанной монополии на внутреннем рынке извлекают купцы и владельцы мануфактур. Запрещение ввоза заграничного скота и солонины, а также высокие пошлины на иностранный хлеб, в годы среднего урожая равносильные запрещению ввоза, даже приблизительно не столь выгодны для скотоводов и фермеров Великобритании, насколько другие ограничения подобного рода выгодны ее купцам и владельцам мануфактур. Ма-

нуфактурные изделия, в особенности более дорогие, гораздо легче перевозятся из одной страны в другую, чем скот или хлеб. Ввиду этого внешняя торговля занимается главным образом скупкой и доставкой мануфактурных изделий. При торговле мануфактурными изделиями самое незначительное преимущество позволяет иностранцам с успехом конкурировать с нашими рабочими даже на нашем внутреннем рынке. Но требуется очень большое преимущество на их стороне, чтобы они могли конкурировать при продаже сельскохозяйственных продуктов. Если бы был допущен свободный ввоз иностранных мануфактурных изделий, некоторые из отечественных мануфактур, вероятно, пострадали бы от этого, а некоторые даже разорились бы, и значительная часть капитала и промышленного труда, занятых в настоящее время в них, была бы вынуждена искать какого-нибудь другого применения. Но самый свободный ввоз сельскохозяйственных продуктов не мог бы иметь подобных последствий для сельского хозяйства страны.

Так, например, если бы был сделан совершенно свободным ввоз скота из-за границы, могло бы ввозиться столь небольшое количество его, что скотоводы Великобритании были бы мало затронуты этим. Живой скот, пожалуй, представляет собою единственный товар, перевозка которого обходится дороже морем, чем по суше. При сухопутной перевозке скот сам доставляет себя на рынок. При перевозке морем приходится возить с немалыми расходами и неудобствами не только самый скот, но и корм для него и воду. Небольшое протяжение морского пути между Ирландией и Великобританией делает ввоз ирландского скота более легким. Но хотя свободный ввоз его, разрешенный раньше только на определенный срок, теперь установлен навсегда, это не могло сколько-нибудь чувствительно отразиться на интересах скотоводов Великобритании. Те части Великобритании, которые граничат с Ирландским морем, являются все скотоводческими районами. Ирландский скот не может ввозиться для них, он должен перегоняться через эти обширные районы с немалыми расходами и неудобствами, пока не попадет на подходящий для него рынок. Но откормленный скот нельзя перегонять на столь далекое расстояние. Поэтому возможен ввоз только тощего скота; а такой ввоз может задевать интересы не откармливающих районов, для которых он скорее выгоден, поскольку понижает цену тощего скота, а только районов, которые разводят скот. Небольшие размеры ввоза ирландского скота со времени разрешения его, а также высокие цены, по которым попрежнему продается неоткормленный скот, свидетельствуют, повидимому, что даже те районы Великобритании, которые занимаются разведением скота, не очень пострадали от свободного ввоза ирландского скота. Сообщают, что ирландские бедные классы иногда насильно препятствовали вывозу скота. Но если экспортеры находили сколько-нибудь значительную выгоду в продолжении своей торговли, они легко могли, имея на своей стороне закон, сломить это противодействие толпы.

Надо еще заметить, что районы, откармливающие скот, должны отличаться высокой земледельческой культурой, тогда как районы, занимающиеся разведением скота, обычно стоят на низком уровне земледельческой культуры. Высокая цена тощего скота, увеличивая стоимость невозделанных земель, является как бы премией за отказ от ее возделывания и улучшения. Для страны с высокой земледельческой культурой гораздо выгоднее ввозить нужный ей тощий скот, чем самой разводить его. Как сообщают, Голландия в настоящее время следует этому правилу. Горы Шотландии, Уэльса и Нортумберленда представляют собою районы, не пригодные для значительных улучшений, и предназначены, повидимому, природой быть скотоводческими районами Великобритании. Неограниченная свобода ввоза иностранного скота могла иметь лишь тот результат, что она помешала этим скотоводческим районам воспользоваться ростом населения и благосостояния остального королевства, повысить цены на скот до чрезвычайных размеров и таким образом обложить фактическим налогом все более развитые и более культурные районы страны.

Неограниченная свобода ввоза солонины точно так же могла столь же мало задевать интересы скотоводов Великобритании, как и свободный ввоз живого скота. Солонина не только очень громоздкий товар, но в сравнении с свежим мясом представляет собою товар и худшего качества, и более дорогой, поскольку на него затрачено больше труда и издержек. Поэтому она никогда не может конкурировать с свежим мясом, хотя и может конкурировать с солониной, изготовленной внутри страны. Она может употребляться для снабжения продовольствием судов, отправляющихся в дальнее плавание, и для других подобных целей, но никогда не может служить в сколько-нибудь значительных размерах для питания населения. Малый размер ввоза солонины из Ирландии со времени объявления его свободным служит наглядным доказательством того, что нашим скотоводам не приходится опасаться его. Нет никаких данных, что ввоз солонины сколько-нибудь отразился на цене мяса.

Даже свободный ввоз иностранного хлеба может весьма мало отражаться на интересах фермеров Великобритании. Хлеб гораздо более громоздкий товар, чем мясо. Фунт пшеницы при цене в один пенни так же дорог, как фунт мяса при цене в 4 пенса. Небольшие размеры ввоза иностранного хлеба даже во времена сильнейших неурожаев могут убедить наших фермеров, что им нечего бояться самой неограниченной свободы ввоза. Средний ввоз достигает, согласно весьма осведомленному автору трактатов о хлебной торговле¹, 23 728 кварталов всех видов хлеба и не превышает одной пятисот семьдесят первой доли всего годового потребления. Но подобно тому, как премия на хлеб вызывает увеличение вывоза в урожайные годы, так в годы неурожайные она должна вызывать больший ввоз,

¹ [Смит имеет в виду книгу: *Smith Charles, Three tracts on the corn trade and corn laws. London 1766.*]

чем это имело бы место при отсутствии премии при данном состоянии земледелия. Благодаря этому изобилие одного года не компенсирует скудости другого, и это необходимо повышает среднее количество как вывозимого хлеба, так и ввозимого. Если бы не существовало премии, вывозилось бы меньше хлеба и потому, вероятно, ввозилось бы в среднем также меньше, чем в настоящее время. Торговцы хлебом, занимающиеся закупкой и доставкой хлеба между Великобританией и другими странами, имели бы меньше дел и могли бы чувствительно пострадать, но землевладельцы и фермеры пострадали бы очень мало. Ввиду этого я замечал сильнейшее желание возобновления и сохранения премии не столько среди землевладельцев и фермеров, сколько среди торговцев хлебом.

Землевладельцы и фермеры, к их большой чести, менее всех заражены извращенным духом монополии. Владелец большой мануфактуры нередко бывает встревожен, если другое предприятие такого же рода возникает на расстоянии двадцати миль от него. Голландский предприниматель шерстяной фабрики в Эббевилле поставил условие, чтобы ни одно заведение подобного же рода не открывалось в районе 30 миль от этого города. Фермеры и землевладельцы, напротив, по общему правилу склонны скорее содействовать, чем препятствовать обработке и улучшению ферм и поместий своих соседей. Они не имеют никаких секретов, какими владеет большинство владельцев мануфактур; напротив, они скорее любят сообщать своим соседям и распространять, насколько возможно, все новые приемы и методы, которые они нашли выгодными. «*Pius Questus, — говорит старик Катон¹, — stabilissimusque, minimeque invidiosus; minimeque male cogitantes sunt, qui in eo studio occupati sunt*». Землевладельцы и фермеры, рассеянные по всей стране, не могут так легко объединяться и сговариваться, как купцы и владельцы мануфактур, которые, будучи сосредоточены в городах и пропитавшись преобладающим в последних духом корпоративной исключительности, естественно стараются приобрести по отношению ко всем своим соотечественникам те же исключительные преимущества, какими они обычно обладают по отношению к жителям своих городов. В соответствии с этим они, повидимому, являлись инициаторами и авторами тех ограничений ввоза иностранных товаров, которые обеспечивают им монополию внутреннего рынка. Вероятно, в подражание им и из желания не уступать тем, кто, по их мнению, намеревался угнетать их, землевладельцы и фермеры Великобритании настолько забыли благородство, свойственное их классу, что стали требовать исключительного права снабжать своих соотечественников хлебом и мясом. Они, наверное, не дали себе труда поразмыслить, насколько меньше могут быть затронуты свободой торговли их интересы сравнительно с интересами людей, примеру которых они последовали.

Запрещение на основе постоянно действующего закона ввоза ино-

¹ [*Caton, De re rustica.*]

странного хлеба и скота на деле равносильно провозглашению того, что население и промышленность страны никогда не должны превышать те размеры, при которых они могут содержаться за счет сырого продукта ее собственной почвы.

Однако имеются, повидимому, два случая, когда, по общему правилу, выгодно наложить некоторые тяготы на иностранную промышленность в целях поощрения промышленности отечественной.

Первый случай имеет место тогда, когда какая-либо отдельная отрасль промышленности необходима для обороны страны. Оборона Великобритании, например, в весьма большой степени зависит от количества ее моряков и кораблей. Навигационный акт поэтому вполне уместно пытается предоставить морякам и судоходству Великобритании монополию торговли их собственной страны, устанавливая в одних случаях полное запрещение, а в других—подвергая тяжелому обложению судоходство других стран. Главные положения этого акта таковы:

1) Всем судам, на которых их владельцы, капитаны и три четверти экипажа не состоят британскими подданными, воспрещается, под страхом конфискации судна и груза, вести торговлю с британскими поселениями и колониями или заниматься каботажной торговлей в Великобритании.

2) Целый ряд наиболее громоздких предметов ввоза может доставляться в Великобританию только на судах, удовлетворяющих описанным условиям, или же на судах той страны, где произведены эти товары, причем владельцы, капитаны и три четверти экипажа их должны быть подданными этой страны; но даже будучи ввезены на суда этого рода, товары эти облагаются двойной пошлиной. При ввозе же на суда какой-либо иной страны установлена конфискации судна и товаров. Когда был издан этот закон, голландцы были, как и являются до сих пор, главными транспортерами Европы; установленные законы ограничения совершенно лишили их возможности транспортировать товары в Великобританию или ввозить к нам товары других европейских стран.

3) Воспрещается под угрозой конфискации судна и груза ввоз целого ряда наиболее громоздких предметов, даже на британских судах, откуда бы то ни было, кроме той страны, где они производятся. Эта мера тоже, вероятно, была направлена против голландцев. Голландия в эту эпоху являлась, как и в настоящее время, главным складочным местом всех европейских товаров; это постановление запрещало британским судам принимать на борт в Голландии товары других европейских стран.

4) Соленая рыба всякого рода, китовые плавники, китовый ус, жир и ворвань, добытые и заготовленные не на борту британских судов, при ввозе в Великобританию облагаются двойной пошлиной. Голландцы являются и до сих пор главными, а в то время были единственными рыболовами Европы, старавшимися снабжать рыбой другие страны. Эта мера очень затруднила им снабжение Великобритании рыбою.

Хотя Англия и Голландия не находились в состоянии войны друг с другом во время издания Навигационного акта, между этими двумя государствами существовала сильнейшая вражда. Она возникла во время управления Долгого парламента, который впервые проектировал этот акт, и вскоре после того вылилась в войну с Голландией при протекторе¹ и Карле II. Поэтому возможно, что некоторые из ограничений этого знаменитого акта порождены национальной враждой. Тем не менее, они отличаются такой мудростью, точно были продиктованы самым зрелым размышлением. Национальная вражда в данном случае наметила себе ту самую цель, какую подсказало бы и самое зрелое размышление,—ослабление морского могущества Голландии, единственной морской силы, которая могла угрожать безопасности Англии.

Навигационный акт не благоприятствует внешней торговле или возрастанию того богатства, которое порождается ею. В своих торговых сношениях с другими народами нация, подобно купцу в его сношениях с различными лицами, заинтересована покупать возможно дешевле и продавать возможно дороже. Но наибольшие шансы покупать дешево она будет иметь в том случае, если наиболее полной свободой торговли будет поощрять все народы привозить к ней товары, которые ей надо покупать; и по той же причине у нее будут наибольшие шансы продавать дорого, когда ее рынки будут таким же образом привлекать наибольшее число покупателей. Навигационный акт, правда, не налагает никаких пошлин на иностранные суда, прибывающие в целях ввоза продуктов британской промышленности. Даже прежняя пошлина с иностранцев, которая уплачивалась за все товары, как вывозимые, так и ввозимые, была различными последующими законами отменена для большей части вывозимых предметов; но если запрещениями или высокими пошлинами затрудняется проезд иностранцев для продажи товаров, то они не всегда могут приезжать и для закупок, потому что, приезжая без груза, они должны терять фрахт от их страны до Великобритании. Таким образом, уменьшая число продавцов, мы неизбежно уменьшаем и количество покупателей и потому вынуждены не только платить дороже при покупке иностранных товаров, но и продавать наши собственные товары по более дешевой цене, чем если бы существовала более полная свобода торговли. Однако, принимая во внимание, что оборона страны гораздо важнее, чем богатство, Навигационный акт представляет собою, пожалуй, одно из самых мудрых мероприятий Англии по регулированию торговли.

Вторым случаем, когда выгодно подвергать некоторому обложению иностранную промышленность в целях поощрения отечественной, является тот, когда продукт последней внутри страны облагается налогом. В таком случае представляется целесообразным, чтобы таких же размеров налог взимался с аналогичного продукта промышленности иностранной. Это не создаст монополии внутрен-

¹ [Т. е. при Кромвеле, который носил титул протектора.]

него рынка для отечественной промышленности и не направит в эту отрасль большую долю капитала и труда, чем это было бы при обычных условиях. Это только предотвратит отлив от нее капитала и труда и сохранит, после установления налога, по возможности прежние условия конкуренции между иностранной и отечественной промышленностью. В Великобритании принято за правило в тех случаях, когда устанавливается какой-либо подобный налог на продукт отечественной промышленности, одновременно с этим вводить еще более тяжелую пошлину на ввоз всех иностранных товаров такого же рода, чтобы прекратить громкие жалобы наших купцов и фабрикантов на непосильную конкуренцию.

Это второе ограничение свободы торговли, по мнению некоторых, должно быть в некоторых случаях распространено гораздо дальше, а именно—не только на те иностранные товары, которые могут вступить в конкуренцию с товарами, облагаемыми внутри страны. Они полагают, что при обложении внутри страны предметов продовольствия надлежит облагать не только эти же предметы продовольствия, ввозимые из других стран, но и все другие иностранные товары, которые могут конкурировать с любым продуктом отечественной промышленности. Предметы питания, говорят они, неизбежно становятся дороже в результате таких налогов, а цена труда всегда должна повышаться вместе с возрастанием цены средств существования рабочего. Ввиду этого всякий товар, произведенный отечественной промышленностью, хотя непосредственно и не облагается, становится все же дороже в результате таких налогов, потому что становится дороже труд, который производит его. Подобные налоги ввиду этого, по их словам, фактически равносильны налогу на все товары, производимые внутри страны. Поэтому для обеспечения отечественной промышленности равных условий с иностранной необходимо обложить все иностранные товары некоторым налогом, соответствующим удорожанию отечественных товаров, с которыми они конкурируют.

В дальнейшем, при рассмотрении вопроса о налогах, я выясню, повышают ли налоги на предметы потребления, как например, существующие в Великобритании налоги на мыло, соль, кожу, свечи и т. п., цену труда, а следовательно и всех других товаров. Если мы временно допустим такое их действие,—а они, без сомнения, оказывают его,—это общее удорожание цены всех товаров в результате повышения цены труда представляет собою случай, в двух следующих отношениях отличающийся от того случая, когда цена какого-нибудь отдельного товара повышается благодаря налогу, налагаемому непосредственно на него.

Во-первых, всегда можно с большой точностью установить, насколько цена такого товара может повыситься благодаря подобному налогу, тогда как никогда нельзя определить хотя бы с некоторой точностью, в каких размерах общее повышение цены труда может отразиться на цене каждого отдельного товара, на изготовление

которого был потрачен этот труд. Поэтому окажется невозможным хотя бы с некоторой точностью сообразовать пошлину на каждый заграничный товар с этим повышением цены соответствующего товара внутреннего производства.

Во-вторых, налоги на предметы первой необходимости почти так же отражаются на условиях жизни народа, как и дурная почва и плохой климат. Благодаря им средства питания становятся дороже, как если бы требовался добавочный труд и издержки для их производства. Если было бы нелепо при естественной скудости, обусловленной почвой и климатом, указывать людям, как им затрачивать свой капитал и промышленный труд, то столь же нелепо делать это при искусственной скудости, порождаемой такими налогами. В обоих случаях, очевидно, выгоднее всего для них, если им самим будет предоставлено приспособить, насколько они могут, свой промышленный труд к данному положению и найти такие занятия, которые, несмотря на неблагоприятные условия, могут дать им некоторые преимущества на внутреннем или внешнем рынке. облагать их новым налогом, потому что они уже переобременены налогами, и принуждать их платить слишком дорого за большую часть других товаров, потому что они уже платят слишком дорого за предметы первой необходимости, было бы, без сомнения, самым нелепым способом поправить их положение.

Такие налоги, когда они достигают известной высоты, являются бедствием, не уступающим бесплодию земли и немилосердию небес, а между тем чаще всего они устанавливаются в наиболее богатых и наиболее промышленных странах. Ни одна другая страна не могла бы выдержать такого серьезного расстройства. Подобно тому как только самые сильные организмы могут жить и пользоваться здоровьем при нездоровом режиме, так и при таких налогах могут существовать и процветать только те народы, которые во всех отраслях промышленности обладают наибольшими естественными и приобретенными преимуществами. Голландия представляет собой ту страну в Европе, в которой больше всего существует подобных налогов и которая в силу особых обстоятельств продолжает процветать, но не благодаря им, как это нелепым образом предполагали, а несмотря на эти налоги.

Если в двух случаях вообще подвергать некоторому обложению иностранную промышленность в целях поощрения отечественной, то могут иметь место и такие два случая, когда понадобится взвесить следующие вопросы: во-первых, насколько целесообразно продолжать допущение свободного ввоза определенных иностранных товаров и, во-вторых, в какой степени и каким образом может оказаться полезным восстановить свободный ввоз после того, как он на некоторое время был приостановлен.

Подвергнуть обсуждению вопрос о целесообразности сохранения свободного ввоза определенных иностранных товаров приходится в том случае, когда какое-нибудь иностранное государство ограничивает высокими пошлинами или запрещает ввоз некоторых наших

мануфактурных изделий в свою страну. Чувство мести естественно диктует в таком случае возмездие—обложение такими же пошлинами или объявление запрещения ввоза в нашу страну некоторых или всех ее мануфактурных изделий. И действительно, нации обычно отвечают подобным возмездием. Французы особенно энергично поощряли свои мануфактуры посредством стеснения ввоза таких иностранных товаров, которые могли конкурировать с ними. В этом состояло главное основание политики Кольбера, на которого, при всех его больших способностях, повлияли, повидимому, в этом случае доводы купцов и владельцев мануфактур, всегда требующих монополии в ущерб своим соотечественникам. В настоящее время наиболее просвещенные люди во Франции сходятся в том, что эти его мероприятия не были полезны для его страны. Этот министр тарифом 1667 г. обложил весьма высокими пошлинами большое количество иностранных мануфактурных изделий. Вследствие отказа его понизить их в пользу голландцев последние в 1671 г. запретили ввоз вина, водок и мануфактурных изделий Франции. Война 1672 г. была, повидимому, вызвана отчасти этим торговым столкновением. Нимвегенский мир в 1678 г. положил ей конец, понизив некоторые из этих пошлин в интересах голландцев, которые вследствие этого отменили свое запрещение ввоза. Приблизительно в это же время французы и англичане начали взаимно стеснять промышленность друг друга установлением подобных же пошлин и запретений, причем, впрочем, первый пример, повидимому, подали французы. Вражда, существовавшая с тех пор между этими двумя нациями, препятствовала до настоящего времени смягчению этих мер тою или другою стороною. В 1697 г. англичане запретили ввоз плетеных кружев, этого продукта мануфактур Фландрии. Правительство этой страны, в то время находившейся под владычеством Испании, воспретило в ответ на это ввоз английских сукон. В 1700 г. запрещение ввоза кружев в Англию было отменено на том условии, что ввоз английских сукон во Фландрию будет допущен на прежних основаниях.

Такого рода репрессивные меры могут быть признаны правильной политикой, когда имеется вероятность, что они приведут к отмене высоких пошлин или запретений. Приобретение вновь обширного иностранного рынка обычно возместит с избытком временную невыгоду, заключающуюся в необходимости платить дороже за некоторые товары в течение непродолжительного времени. Суждение о том, насколько подобные репрессивные меры смогут оказать такое действие, относится, пожалуй, не столько к науке законодателя, который в своих суждениях должен руководствоваться общими принципами, всегда неизменными, сколько к искусству того коварного и хитрого создания, в просторечии называемого государственным деятелем или политиком, решения которого определяются изменчивыми и преходящими моментами. Когда достижение такой отмены не представляется вероятным, следует признать плохим методом для возмещения ущерба, причиненного некоторым классам

нашего народа, если мы сами будем причинять новый ущерб не только этим, но и всем вообще классам. Когда наши соседи запрещают ввоз какого-нибудь нашего мануфактурного изделия, мы обычно запрещаем ввоз не только этого же их изделия (ибо одно это редко чувствительно их заденет), но и какого-нибудь другого. Это, без сомнения, может дать поощрение какому-нибудь отдельному классу наших работников и, устранив некоторых из их соперников, обеспечить им возможность повысить свою цену на внутреннем рынке. Но те работники, которым нанесен ущерб запретительной мерой наших соседей, ничего не выиграют от нашей меры. Напротив, как они, так и почти все другие классы наших граждан будут благодаря этому вынуждены платить дороже, чем до сих пор, за ряд товаров. Следовательно, каждый такой закон облагает фактическим налогом всю страну не в пользу того класса работников, который пострадал благодаря установленному нашими соседями запрещению, а какого-нибудь другого.

Подвергать обсуждению вопрос о том, насколько и каким образом целесообразно восстановить свободный ввоз иностранных товаров после того, как в течение некоторого времени он был приостановлен, придется в том случае, когда определенные отрасли мануфактур, в результате высоких пошлин или запрещения ввоза всех иностранных товаров, могущих конкурировать с ними, настолько разрослись, что занимают большее количество рабочих рук. Чувство человечности может в подобных случаях требовать, чтобы свобода торговли была восстановлена лишь постепенно и с большой осторожностью и предусмотрительностью. При отмене сразу всех этих высоких пошлин и запретений более дешевые иностранные товары этой отрасли промышленности могут нахлынуть в таком количестве на внутренний рынок, что лишат сразу многие тысячи нашего населения обычной работы и средств к существованию. Расстройство, которое будет этим вызвано, может, без сомнения, оказаться очень значительным. Однако, по всей вероятности, оно будет гораздо меньше, чем это обычно полагают, и в силу следующих двух причин:

1) Все те отрасли мануфактур, часть изделий которых обычно вывозится в другие европейские страны без премии, могут быть весьма мало задеты даже самым свободным ввозом иностранных товаров. Эти мануфактурные изделия должны продаваться за границей не дороже, чем иностранные товары такого же рода и качества, и потому на отечественном рынке должны продаваться дешевле. Поэтому они сохраняют за собою внутренний рынок, и хотя привередливый модник может иногда предпочесть заграничные товары только потому, что они заграничные, более дешевым и лучшим по качеству товарам того же рода, изготовленным внутри страны, такая причуда, по самой природе вещей, может быть свойственна столь немногим, что это не окажет сколько-нибудь заметного влияния на количество занятых рабочих. Но значительная часть продуктов различных отраслей нашей шерстяной промышленности, наши выделанные кожи и металлические изделия из года в год без всякой

премии вывозятся в другие европейские страны, а эти отрасли мануфактур как раз дают работу наибольшему количеству рабочих. Шелковая промышленность, пожалуй, больше всего пострадает от такой свободы торговли, а после нее—производство полотна, хотя последнее гораздо меньше первой.

2) Хотя такое восстановление свободы торговли сразу лишит большое количество рабочих обычного их занятия и привычных условий существования, это отнюдь не означает, что благодаря этому они вообще окажутся без работы или без средств к существованию. В результате сокращения армии и флота по окончании последней войны больше ста тысяч солдат и матросов,—количество, не уступающее числу рабочих, занятых в крупнейших отраслях мануфактурной промышленности,—были сразу лишены своего обычного занятия; тем не менее, хотя они, без сомнения, испытали некоторые неудобства, это отнюдь не лишило их всякого занятия и средств к существованию. Большая часть матросов, вероятно, постепенно обратилась к торговому судоходству, поскольку они могли найти в нем работу; вообще же как они, так и солдаты растворились в общей массе народа и стали заниматься всеми разнообразными видами труда. Не только серьезного потрясения, но и сколько-нибудь заметного расстройств не получилось от столь крупной перемены в положении более ста тысяч человек, из которых все привыкли к употреблению оружия, а многие—к грабежу и насилиям. Количество бродяг едва ли сколько-нибудь заметно возросло в результате этого, даже заработная плата рабочих не понизилась ни в одной профессии, насколько я мог установить, исключая оплаты матросов в торговом судоходстве. Но если мы сравним привычки солдата и рабочего любой отрасли мануфактурной промышленности, то мы увидим, что привычки последнего не в такой степени делают его непригодным к работе по другой специальности, как привычки солдата. Мануфактурный рабочий приучен всегда рассчитывать на средства к жизни только от своего труда, солдат же рассчитывает на свое жалованье. Старательность и трудолюбие привычны первому, для второго обычны праздность и разгульная жизнь. Очевидно, что гораздо легче направить приложение промышленного труда от одного занятия к другому, чем направить к труду праздность и разгульную жизнь. Кроме того, как уже указывалось, в большей части мануфактурной промышленности существует столько родственных и сходных по своему характеру производств, что рабочий легко может переходить от одного из них к другому. К тому же значительная часть таких рабочих находит временное занятие в сельском хозяйстве. Капитал, дававший им раньше работу в какой-либо специальной отрасли мануфактурной промышленности, останется все же в стране и будет давать работу такому же количеству рабочих в какой-либо иной отрасли. Поскольку капитал страны останется неизменным, не изменится или почти не изменится и спрос на труд, хотя он может быть затрачиваем в других местах и для других целей. Будучи отпущены с королевской службы, солдаты и матросы могут сво-

бодно выбрать любую профессию в любом городе или местности Великобритании или Ирландии. Восстановите так же, как для солдат и матросов, эту естественную свободу заниматься по своему усмотрению любой профессией для всех подданных его величества, т. е. уничтожьте исключительные привилегии корпораций и отмените устав об ученичестве, ибо они представляют собою действительное ограничение естественной свободы, и прибавьте к этому отмену закона об оседлости, чтобы бедный работник, лишившийся работы в одной отрасли промышленности или в одном месте, мог искать ее в другой промышленности или в другом месте, не опасаясь преследования или выселения, и тогда ни общество в целом, ни отдельные лица не будут страдать от увольнения того или иного разряда мануфактурных рабочих больше, чем от увольнения солдат. Наши мануфактурные рабочие, без сомнения, имеют большие заслуги перед своей родиной, но эти заслуги не могут быть больше заслуг тех, кто защищает ее своей кровью, и не дают права на более бережное обращение.

Конечно, ожидать восстановления когда-нибудь полностью свободы торговли в Великобритании так же нелепо, как ожидать осуществления в ней «Океании» или «Утопии»¹. Этому непреодолимо препятствуют не только предубеждения общества, но и частные интересы многих отдельных лиц, которые еще труднее одолеть. Если бы офицеры армии восставали с таким же усердием и единодушием против всякого сокращения численности армии, с какими владельцы мануфактур противятся всякому закону, могущему привести к увеличению числа их конкурентов на внутреннем рынке; если бы они подстрекали своих солдат, как владельцы мануфактур подстрекают своих рабочих, нападать с оскорблениями и ругательствами на людей, предлагающих подобные меры, то попытка сократить армию была бы столь же опасна, как сделалось в настоящее время опасным пытаться уменьшить в каком-либо отношении монополию, захваченную нашими владельцами мануфактур к нашему ущербу. Эта монополия привела к такому сильному увеличению численности некоторых групп нашего промышленного населения, что, подобно разросшейся постоянной армии, оно стало внушительной силой в глазах правительства и во многих случаях заигрывает законодателей. Член парламента, поддерживающий любое предложение в целях усиления этой монополии, может быть уверен, что приобретет не только репутацию знатока промышленности, но и большую популярность и влияние среди класса, которому его численность и богатство придают большой вес. Напротив того, если он высказывается против таких мер и если он пользуется достаточным авторитетом, чтобы иметь возможность помешать им, то ни его общепризнанная честность, ни самое высокое общественное положение, ни величайшие общественные заслуги не смогут оградить

¹ «Океания»—название известного сочинения Гарринтона, «Утопия»—название сочинения Томаса Мора.]

его от самых гнусных обвинений и клевет, от личных оскорблений, а иногда даже от опасностей, грозящих со стороны возбешенных и разочарованных монополистов.

Владелец большой мануфактуры, который при внезапном открытии внутреннего рынка для конкуренции иностранцев будет вынужден прекратить свое дело, без сомнения потерпит очень значительный убыток. Та часть его капитала, которая затрачивалась им на покупку сырых материалов и на оплату его рабочих, сможет без особых затруднений найти другое применение. Но та часть его, которая была вложена в фабричные постройки и в орудия производства, вряд ли сможет быть реализована без крупных потерь. Поэтому справедливое внимание к его интересам требует, чтобы перемены такого рода производились отнюдь не внезапно, а медленно, постепенно и после предупреждения за продолжительный срок. И если бы было возможно, чтобы решения законодательных учреждений внушались всегда не крикливой настойчивостью групповых интересов, а широким пониманием общественного блага, то именно ввиду этого они должны были бы особенно избегать как установления новых монополий этого рода, так и дальнейшего расширения уже существующих монополий. Каждое такое ограничительное мероприятие вносит известную степень расстройств в состояние государства, от которого трудно потом будет избавиться, не вызывая другого расстройства.

Насколько может быть уместным обложение пошлиной ввоза иностранных товаров не с целью противодействия их ввозу, а с целью получения дохода для правительства, я рассмотрю в дальнейшем, когда перейду к вопросу о налогах. Пошлины, налагаемые с целью воспрепятствовать ввозу или хотя бы только уменьшить его, очевидно одинаково подрывают как таможенные доходы, так и свободу торговли.

Глава III

ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЯХ ВВОЗА ПОЧТИ ВСЕХ ТОВАРОВ ИЗ СТРАН, БАЛАНС С КОТОРЫМИ ПРИЗНАЕТСЯ НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ

Отдел I. Неразумность подобных ограничений с точки зрения самой меркантилистической системы

Установление особых ограничений ввоза всех почти товаров из тех стран, торговый баланс с которыми считается неблагоприятным, представляет собою второе средство, при помощи которого меркантилистическая система рассчитывает увеличить количество золота и серебра. Так, например, в Великобританию разрешен ввоз силезского батиста для внутреннего потребления при уплате известной пошлины, но воспрещен ввоз французского кембрика и батиста, если не считать лондонского порта, где они должны храниться в складах для вывоза. Более высокие пошлины наложены на французские вина, чем на вина португальские или какой-либо другой страны. Так называемая пошлина 1692 г. устанавливала пошлину в 25% суммы стоимости на все французские товары, тогда как товары других наций в большинстве своем были обложены гораздо более низкими пошлинами, редко превышающими пять процентов. Исключение было сделано для вина, водки, соли и уксуса из Франции; эти товары были обложены другими тяжелыми пошлинами на основании других законов или специальных статей того же закона. В 1696 г. добавочная пошлина в 25% была наложена на все французские товары, кроме водки, ибо основная пошлина была признана недостаточно затрудняющей их ввоз; вместе с тем была установлена новая пошлина в 25 фунтов с бочки французского вина и другая — в 15 фунтов — с бочки французского уксуса. Французские товары никогда не исключались при взимании тех общих платежей или пошлин в 5%, которые налагались на все или на большую часть товаров, перечисленных в таможенном уставе. Если мы будем считать пошлины в одну треть и в две трети за одну целую пошлину, то получится всего пять таких общих пошлин, так что в период до начала настоящей войны пошлину в 75% с цены следует считать минимальным обложением большей части сельскохозяйственных или

промышленных продуктов Франции. Для большинства этих товаров такие пошлины были равносильны запрещению ввоза. Французы, в свою очередь, как кажется, относились к нашим товарам и мануфактурным изделиям с такой же суровостью, хотя я не столь хорошо осведомлен о том специальном обложении, какому они подвергали их. Эти взаимные стеснения и ограничения прекратили почти всякую легальную торговлю между этими двумя народами, и контрабандисты стали теперь главными поставщиками британских товаров во Францию и французских товаров в Великобританию. Руководящие принципы, которые я подверг рассмотрению в предыдущей главе, порождены частными интересами и духом монополии; принципы, которые я рассмотрю в настоящей главе, имеют своим источником национальное предубеждение и вражду. Ввиду этого, они как и следовало ожидать, еще более неразумны. Неразумными они являются даже с точки зрения меркантилистической системы.

1) Хотя и было несомненно, что при свободной торговле между Францией и Англией, например, баланс окажется в пользу Франции, это отнюдь не означало, что такая торговля будет невыгодна для Англии или что общий баланс всей ее торговли окажется благодаря этому более неблагоприятным для нее. Если вина Франции лучше и дешевле португальских вин или если ее полотно лучше полотна Германии, то для Великобритании выгоднее покупать нужное ей вино и заграничное полотно у Франции, а не у Португалии и Германии. Хотя стоимость ежегодного ввоза из Франции благодаря этому значительно повысится, стоимость всего ежегодного ввоза понизится соответственно тому, насколько французские товары одинакового качества дешевле товаров двух других стран. И это действительно имело бы место, даже при предположении, что все ввозимые французские товары потребляются в самой Великобритании.

2) Однако значительная часть этих товаров может быть снова вывезена в другие страны, где, будучи проданы с прибылью, они могут принести доход, равный по стоимости первоначальной цене всех ввезенных из Франции товаров. Возможно, что к торговле с Францией приложимо то, что часто утверждали относительно остиндской торговли, а именно, что хотя большая часть остиндских товаров покупается на золото и серебро, обратный вывоз части их в другие страны возвращает стране, ведущей эту торговлю, больше золота и серебра, чем стоят все ее затраты. Одна из главнейших отраслей голландской торговли состоит в настоящее время в доставке французских товаров в другие европейские страны. Даже часть французских вин, распиваемых в Великобритании, тайно ввозится из Голландии и Зеландии. Если бы существовала свободная торговля между Францией и Англией или если бы французские товары могли ввозиться с уплатой лишь таких же пошлин, какие взимаются с товаров других европейских народов, причем они возвращались бы при обратном вывозе, то Англия имела бы некоторую долю в торговле, которая оказалась столь выгодной для Голландии.

3) Не существует, наконец, надежного критерия, при помощи которого мы можем определить, в чью пользу обращен так называемый баланс между данными двумя странами или какая из них вывозит на большую стоимость. Национальные предубеждения и вражда, питаемые всегда частными интересами отдельных торговцев, обычно определяют наше суждение по всем вопросам, относящимся к этой области. Однако часто ссылались в этих случаях на два таких критерия, как записи в таможенных книгах и вексельный курс. Записи в таможенных, я полагаю, как это теперь общепризнано, представляют собою очень ненадежный критерий ввиду неточности оценки, которой подвергается в них большая часть товаров. Вексельный курс, пожалуй, является почти столь же ненадежным критерием.

Когда вексельный курс между двумя пунктами, например между Лондоном и Парижем, стоит на уровне паритета, говорят, что это свидетельствует о том, что обязательства Лондона на Париж покрываются обязательствами Парижа на Лондон. Напротив, когда в Лондоне уплачивается премия за вексель на Париж, это, как утверждают, служит свидетельством того, что обязательства Лондона на Париж не покрываются обязательствами Парижа на Лондон и, следовательно, из Лондона должна быть послана разница в балансе наличными деньгами; за риск, затруднения и расходы по вывозу этих денег требуется и уплачивается премия. Но обычное состояние дебета и кредита¹ между этими двумя городами должно обязательно регулироваться, как утверждают, обычным ходом их торговых операций друг с другом. Если ни один из них не вывозит из другого на большую сумму, чем вывозит туда, дебет и кредит каждого из них могут покрывать друг друга. Но когда один из них ввозит из другого на большую стоимость, чем вывозит туда, первый необходимо становится должником второго на большую сумму, чем второй должен ему: дебет и кредит каждого из них не покрывают друга друга, и деньги должны быть посланы из того города, у которого дебет превышает кредит. Поэтому обычный вексельный курс, будучи показателем обычного соотношения дебета и кредита между двумя пунктами, должен быть также показателем обычного состояния их ввоза и вывоза, так как последнее определяет соотношение дебета и кредита.

Но даже при допущении того, что обычный курс является достаточно точным показателем обычного соотношения дебета и кредита между данными двумя пунктами, отсюда отнюдь не следует, что торговый баланс благоприятен тому пункту, в пользу которого обращено обычное соотношение дебета и кредита. Это соотношение дебета и кредита между двумя пунктами не всегда определяется исключительно обычным ходом их операций друг с другом, на него часто оказывает влияние ход операций этих пунктов с многими другими

¹ [«Состояние дебета и кредита» обозначает у Смита так называемый платежный баланс.]

местностями. Если, например, английские купцы обычно уплачивают за товары, которые они покупают в Гамбурге, Данциге, Риге и пр., векселями на Голландию, то обычное соотношение дебета и кредита между Англией и Голландией будет определяться не исключительно только ходом торговых операций этих стран друг с другом, но и ходом операций Англии с упомянутыми другими пунктами. Англия может оказаться вынужденной пересылать ежегодно деньги в Голландию, хотя ее ежегодный вывоз в эту страну может значительно превышать стоимость ее ввоза оттуда и хотя так называемый торговый баланс может на очень большую сумму быть в пользу Англии.

Помимо того, при том способе, которым до сих пор исчислялся вексельный паритет, обычный вексельный курс не может служить достаточным показателем того, что обычное соотношение дебета и кредита складывается в пользу той страны, которая, повидимому, имеет или которая предполагается имеющей вексельный курс в свою пользу; или, говоря другими словами, фактический курс может расходиться и часто действительно настолько расходиться с исчисленным, что по последнему во многих случаях нельзя делать никаких заключений о первом.

Когда за известную сумму денег, уплачиваемую в Англии и содержащую, соответственно пробе английской монеты, определенное количество унций чистого серебра, вы получаете вексель на известную сумму денег, подлежащую выплате во Франции и содержащую, соответственно пробе французской монеты, такое же количество унций чистого серебра, то курс между Англией и Францией, как выражаются, стоит на уровне паритета. Когда вы уплачиваете больше, считается, что вы даете премию, и курс тогда, как говорят, против Англии и в пользу Франции. Когда вы платите меньше, считается, что вы получаете премию, и курс тогда, как говорят, против Франции и в пользу Англии.

Но, во-первых, мы не всегда можем судить о стоимости обращающихся денег различных стран по установленной у них пробе: в одних странах деньги больше, в других меньше стерты, обрезаны и иным образом отступают от установленной нормы. А ведь стоимость обращающихся денег каждой страны в сравнении с деньгами всякой другой страны определяется не количеством чистого серебра, которое они должны содержать, а количеством, которое они фактически содержат. До перечековки серебряной монеты во время короля Вильгельма вексельный курс между Англией и Голландией, исчисленный обычным способом соответственно пробе их соответствующей монеты, был на 25% против Англии. Но стоимость находившихся в обращении денег Англии, как мы это знаем от Лаундса¹, была на 25% с лишним ниже своей нормальной стоимости. Поэтому фактический курс мог быть даже и в то время в пользу Англии, хотя

¹ [См. Lowndes, A report containing an essay for the amendment of the silver coin. 1695.]

предполагаемый курс был значительно против нее; на меньшее количество унций чистого серебра, фактически уплаченное в Англии, можно было купить вексель на большее количество унций чистого серебра, подлежащих уплате в Голландии, и человек, который считался приплачивающим премию, на самом деле мог получить премию. Французская монета до последней перековки английской золотой монеты была гораздо меньше стерта, чем английская, и была, пожалуй, на 2 или 3% ближе к установленной норме. Поэтому, если исчисленный курс с Францией был не больше, чем на 2 или 3% против Англии, фактический курс мог быть в пользу последней. Со времени перековки золотой монеты вексельный курс постоянно был в пользу Англии и против Франции.

Во-вторых, в некоторых странах расходы по чеканке покрываются правительством; в других они оплачиваются частными лицами, которые доставляют свои слитки на монетный двор, и правительство даже извлекает некоторый доход от чеканки. В Англии расходы эти покрываются правительством, и если вы приносите на монетный двор фунт серебра установленной пробы, вы получаете обратно 62 шиллинга, содержащие ровно фунт серебра такой же пробы. Во Франции при чеканке удерживается налог в 8%¹, который не только покрывает расходы по чеканке, но и дает правительству небольшой доход. Так как в Англии чеканка ничего не стоит, звонкая монета никогда не может стоить дороже слитка, содержащего такое же количество металла. Во Франции труд, затрачиваемый на чеканку, поскольку вы платите за него, увеличивает стоимость монеты точно так же, как и стоимость изделий из золота и серебра. Поэтому во Франции сумма денег, содержащая определенное весовое количество чистого серебра, стоит больше, чем сумма английских денег, содержащая такое же весовое количество чистого серебра, и для приобретения ее требуется слиток больших размеров или большее количество других товаров. И поэтому, хотя звонкая монета обеих этих стран одинаково близка к пробе, установленной их монетными дворами, на определенную сумму английских денег нельзя получить соответствующую сумму французских денег, содержащую одинаковое количество унций чистого серебра, а следовательно нельзя и получить вексель на Францию на такую сумму. Если за такой вексель уплачивается не больше добавочных денег, чем требуется для покрытия издержек по чеканке во Франции, то фактический курс между обеими странами может держаться на уровне паритета, их дебет и кредит могут взаимно покрывать друг друга, хотя предполагаемый курс считается намного в пользу Франции. Если уплачивается меньше этой суммы, фактический курс может быть в пользу Англии, тогда как предполагаемый—в пользу Франции.

В-третьих, наконец, в некоторых местах, как, например, в Ам-

¹ [Смит ошибочно указал эту высокую цифру: пошлина за чеканку монеты во Франции не превышала 1—1½%. См. примечание в I томе, стр. 43.]

стердаме, Гамбурге, Венеции и т. п., иностранные векселя оплачиваются так называемыми там банковыми деньгами¹, тогда как в других местах, как в Лондоне, Лиссабоне, Антверпене, Ливорно и др., они оплачиваются обычной ходячей монетой страны. Так называемые банковые деньги всегда стоят больше, чем такая же номинальная сумма ходячей монетой. Тысяча гульденов деньгами Амстердамского банка, например, стоит больше, чем тысяча гульденов амстердамской ходячей монетой. Разница между ними называется банковским лажем, который в Амстердаме достигает обычно около 5%. Если предположить, что ходячая монета двух стран одинаково близка к установленной их монетными дворами пробе и что одна страна оплачивает заграничные векселя этой ходячей монетой, а другая—банковыми деньгами, то очевидно, что исчисленный вексельный курс может оказаться в пользу страны, платящей банковыми деньгами, тогда как действительный курс будет в пользу страны, платящей ходячей монетой; так будет по той же причине, по которой исчисленный курс может быть в пользу страны, платящей лучшими деньгами или деньгами, более близкими к установленной для них пробе, хотя действительный курс стоит в пользу страны, платящей худшими деньгами. Исчисленный курс до последней переканки золотой монеты был обычно против Лондона в пользу Амстердама, Гамбурга, Венеции и, полагаю, в пользу всех других мест, где платежи производятся так называемыми банковыми деньгами. Однако отсюда отнюдь не следует, что действительный курс был против Лондона. Со времени переканки золотой монеты он был в пользу Лондона даже в сношениях с этими городами. Исчисленный курс был обыкновенно в пользу Лондона в сношениях с Лиссабоном, Антверпеном, Ливорно и, исключая Францию, наверное с большей частью других стран Европы, производящих платежи ходячей монетой, и вполне вероятно, что действительный курс тоже был в его пользу;

Отступление относительно депозитных банков и, в частности, Амстердамского банка

Деньги, находящиеся в обращении какого-нибудь большого государства, вроде Франции или Англии, состоят обыкновенно почти целиком из монеты его собственной чеканки. И если эта монета ока-

¹ [Для понимания роли так называемых «банковых денег» приводим сведения об амстердамских банковых деньгах. Так как в обращении циркулировали монеты самого различного наименования и веса (в том числе много испорченной и обрезанной монеты), Амстердамский банк, основанный в 1609 году, решил создать собственную счетную единицу, так называемый «банковый флорин», который принимался равным 211,91 ассам чистого серебра. Если вкладчик приносил в банк определенное количество различных монет, банк определял точное количество серебра, содержащегося в них, и записывал за вкладчиком в своих книгах соответствующую сумму «банковых флоринов». Эта сумма банковых денег ценилась выше соответствующей суммы наличных денег, так как стертые и обрезанные монеты фактически не содержали полного количества серебра, установленного законом. Подробные сведения об Амстердамском банке Смит сообщает ниже.]

жется стертой, обрезанной или как-нибудь иначе пониженной в стоимости сравнительно с установленной нормой, то государство посредством переканки своей монеты может с успехом восстановить ее стоимость. Напротив, деньги, служащие для целей обращения в маленьком государстве, как, например, Генуя или Гамбург, редко могут состоять только из его собственной монеты; в обращении должно находиться много денег всех соседних государств, с которыми его жители ведут постоянные торговые сношения. Такое государство поэтому не всегда сможет посредством переканки своей монеты восстановить свое денежное обращение. Если заграничные векселя оплачиваются этой монетой, то неопределенность стоимости всякой суммы, выплачиваемой в этих неустойчивых деньгах, делает всегда вексельный курс обращенным против такого государства, поскольку его валюта во всех других государствах неизбежно расценивается даже ниже ее действительной стоимости.

Для устранения неудобств, которые должны проистекать от такого неблагоприятного курса для их купцов, подобные небольшие государства, когда они начали заботиться об интересах торговли, часто устанавливали законом, что заграничные векселя определенной стоимости должны оплачиваться не ходячей монетой, а чеком или переводом на банк, который основан на государственном кредите и пользуется покровительством государства, причем этот банк обязан производить свои платежи полноценной монетой, в точном соответствии с установленными в данном государстве весом и пробой монет. Банки Венеции, Генуи, Амстердама, Гамбурга и Нюрнберга были, повидимому, все первоначально учреждены в этих видах, хотя впоследствии некоторые из них могли быть использованы и для других целей. Деньги этих банков, будучи лучшего качества, чем ходячая монета, обращались с некоторой премией (лаж), большей или меньшей в зависимости от того, насколько ходячая монета считалась обесцененной сравнительно с установленной в государстве валютой. Так, лаж Гамбургского банка, который, как передают, достигает обычно около 14%, представляет собою предполагаемую разницу между полноценной монетой государства и обрезанными, стертymi и неполноценными деньгами, притекающими к нему из всех соседних государств.

В период до 1609 г. большое количество обрезанной и стертой иностранной монеты, привлеченной со всех концов Европы обширной торговлей Амстердама, уменьшило стоимость его ходячей монеты приблизительно на 9% по сравнению с только что начеканенной монетой, выходящей с монетного двора. Как только такая полноценная монета появлялась в обращении, ее сейчас же обращали в слитки или вывозили из страны, как это всегда бывает при подобных условиях. Купцы, имевшие более чем достаточно ходячей монеты, не всегда могли добыть нужное количество полноценных денег, чтобы оплатить свои переводные векселя, и стоимость таких векселей, несмотря на различные меры в целях предупреждения этого, становилась в значительной степени неустойчивой.

В целях устранения этих неудобств был учрежден в 1609 году банк с гарантией города. Этот банк принимал как иностранную монету, так и неполновесную и стертую монету страны по ее действительной внутренней стоимости в полноценных деньгах страны, за вычетом лишь суммы, необходимой для покрытия расхода по чеканке и других постоянных издержек по управлению. На оставшуюся после этого небольшого вычета сумму банк открывал в своих книгах соответствующий кредит. Этот кредит получил название банковых денег, которые, представляя собою полноценные деньги согласно установленному весу и пробе, всегда обладали неизменной действительной стоимостью и притом большей, чем ходячая монета. Одновременно с этим был издан закон, что все векселя на сумму в 600 флоринов и выше, выданные на Амстердам или выпущенные в Амстердаме, должны оплачиваться банковыми деньгами, что сразу устранило всякую неустойчивость стоимости этих векселей. Все купцы в силу этого постановления были обязаны иметь счет в банке, чтобы оплачивать свои заграничные векселя, и это необходимо порождало определенный спрос на банковые деньги.

Банковые деньги, помимо их внутреннего превосходства сравнительно с ходячей монетой и добавочной стоимости, которую необходимо придает им указанный спрос, обладают также и другими преимуществами. Они обеспечены от пожара, краж и других случайностей; город Амстердам гарантирует их; они могут быть выплачены посредством простого перевода, без затруднений, связанных с отсчитыванием их, и без риска при доставке из одного места в другое. Вследствие этих различных преимуществ они с самого начала, повидимому, ходили с премией, и считается несомненным, что все деньги, вложенные первоначально в банк, оставались там вкладчиками, потому что никому не приходило в голову требовать выплаты долга, который можно было продать на рынке с премией. Требуя от банка платежа, обладатель банковского кредита терял бы эту премию. Подобно тому как на монету в один шиллинг, только что выпущенную с монетного двора, можно купить на рынке не больше товаров, чем на один из находящихся в наших руках стертых шиллингов, так и хорошая и полноценная монета, перешедшая из денежных шкафов банка в шкаф частного лица, будучи смешана с обычной ходячей монетой страны, обладает не большей стоимостью, чем эта ходячая монета, от которой ее нельзя уже будет отличить. Пока она оставалась в хранилищах банка, ее превосходство было известно и удостоверено. Когда она переходила в руки частного лица, ее превосходство не могло быть установлено без затруднений и расходов, превышающих, может быть, разницу в стоимости. Помимо того, будучи извлечена из хранилищ банка, она утрачивала все другие преимущества банковых денег: надежность, легкость и безопасность перехода из рук в руки, способность оплачивать заграничные векселя. А кроме того, ее нельзя было извлечь из этих хранилищ, как это выяснится в дальнейшем, не уплатив предварительно за хранение.

Эти вклады в монете или вклады, которые банк обязывался выплачивать монетой, составляли первоначальный капитал банка или всю ту стоимость, которая была представлена так называемыми банковыми деньгами. В настоящее время они составляют, как полагают, только очень небольшую часть его. Для того чтобы облегчить торговлю слитками, банк в течение ряда последних лет стал практиковать открытие в своих книгах кредита под вклады золота и серебра в слитках. Этот кредит предоставляется обычно в размере на 5% менее цены этих слитков на монетном дворе. Банк выдает вместе с тем так называемую квитанцию, дающую право вкладчику или предъявителю в любое время в течение шести месяцев взять из банка слитки, при условии обратной уплаты банку того количества банковых денег, на которое был открыт кредит в его книгах, когда был сделан вклад, и уплаты четверти процента за хранение, если вклад был в серебре, и половины процента, если он был в золоте; но в квитанции вместе с тем указывается, что в том случае, если эта уплата не последует, то, по истечении установленного срока, вклад переходит в собственность банка по цене, по какой он был принят или на какую был открыт кредит в книгах банка. Плату, взимаемую за хранение вклада, можно считать своего рода арендной платой за складочное помещение, а относительно того, почему эта плата для золота настолько дороже, чем для серебра, даются различные объяснения. Указывают, что труднее установить качество золота, чем серебра. Легче могут иметь место надувательства, вызывая большую потерю более дорогого металла. Кроме того, поскольку основной валютой является серебро, государство, как утверждают, стремится поощрять больше вклады серебра, чем золота.

Вклады слитков на хранение производятся в большинстве случаев тогда, когда цена их несколько ниже обычной, а берутся они обратно, когда она повышается. В Голландии рыночная цена серебра и золота в слитках обычно выше их монетной цены по той же причине, по которой это имело место и в Англии перед последней перечеканкой золотой монеты. Разница, как передают, составляет обычно от 6 до 16 стиверов на марку или на 8 унций серебра 88-й пробы. Банковская цена или кредит, который банк предоставляет за вклады такого серебра (если они производятся иностранной монетой, содержание в которой драгоценного металла точно известно и удостоверено, как, например, мексиканские доллары), равняется 22 флоринам за марку; монетная цена достигает 23 флоринов, а рыночная цена—от 23 флоринов 6 стиверов до 23 флоринов 16 стиверов, или на 2—3% выше цены монетного двора¹. Соотношение

¹ Вот цены, по которым Амстердамский банк принимает в настоящее время (сентябрь 1775) слитки и различные монеты:

Серебро: мексиканские доллары или пиастры—22 флорина за марку; французские экю—22 флорина за марку; английская серебряная монета—22 флорина за марку; мексиканские пиастры нового чекана—21 фл. 10 стив. за марку; дукатоны—3 флорина за штуку; рейхсталеры—2 фл. 8 стив. за штуку; за серебряные слитки, содержащие $\frac{11}{12}$ чистого металла,—21 флорин за марку, и в той

между банковской ценой, монетной ценой и рыночной ценой золотых слитков почти такое же. Владелец банковской квитанции может обычно продать ее за разницу между монетной ценой слитков и их рыночной ценой. Квитанция на вклад слитка почти всегда обладает некоторой стоимостью, поэтому очень редко бывает, чтобы кто-либо дал истечь сроку своей квитанции или допустил переход его слитка в собственность банка по цене, по которой он был принят, не взяв его обратно до истечения шести месяцев или не уплатив $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ % за возобновление квитанции на дальнейшие шесть месяцев. Впрочем, как сообщают, это иногда, хотя и редко, имеет место, притом чаще с вкладами золота, чем с вкладами серебра, ввиду более высокой платы за хранение, взимаемой за более дорогой металл.

Лицо, которое после вклада слитка получает банковский кредит и квитанцию, оплачивает свои переводные векселя, когда наступает их срок, своим банковским кредитом и продает или сохраняет у себя квитанцию в зависимости от того, ожидает ли он повышения или понижения цены слитков. Квитанция и банковский кредит редко сохраняются долгое время в одних руках, ибо для этого нет особой причины.

Лицо, обладающее квитанцией и желающее взять обратно слиток, всегда легко сможет купить на какую угодно сумму банковский кредит или банковские деньги, а лицо, обладающее банковскими деньгами и желающее получить слиток, всегда найдет в таком же изобилии продающиеся квитанции.

Владельцы банковских кредитов и держатели квитанций образуют две различные группы кредиторов банка. Держатель квитанции не может взять обратно слиток, на который она выдана, не возместив банку сумму банковских денег, соответствующую цене, по которой был принят слиток. Если у него нет своих банковских денег, он должен купить их у тех, кто обладает ими. Владелец банковских денег не может взять обратно слитки, не представив банку квитанции на нужное ему количество драгоценного металла в слитках. Если он таких квитанций совсем не имеет, он должен купить их у тех, кто обладает ими. Держатель квитанции, покупая банковские деньги, покупает вместе с тем право взять из банка такое количество драгоценного металла в слитках, цена которого на монетном дворе на 5% превышает банковскую цену. Таким образом, премия в 5%, которую он обычно уплачивает за это, уплачивается не за

же пропорции до $\frac{3}{12}$ чистого металла, за которые выдает 6 флор. за марку; за чистое серебро—23 флор. за марку.

Золото: португальская монета—310 флор. за марку; гиней—310 флор. за марку; новые луидоры—310 фл. за марку; старые луидоры—300 фл.; новые дукаты—4 фл. 19 ст. 8 пен. за штуку; золотые слитки принимались, смотря по количеству чистого золота, сравнительно с вышеприведенной золотой монетой; за чистое золото—340 флор. за марку.

Вообще же банк дает несколько больше за монету, проба которой известна, чем за слитки золота или серебра, достоинство которых может быть определено только переплавкою и испытанием.

воображаемую, а за реальную стоимость. Владелец банковских денег, покупающий квитанцию, покупает право взять из банка такое количество драгоценного металла в слитках, рыночная цена которого обычно на 2—3% превышает цену монетного двора. Таким образом, уплачиваемая им цена точно так же уплачивается за реальную стоимость. Цена квитанции и цена банковских денег составляют в своей сумме полную стоимость или цену драгоценного металла в слитках.

На вклады ходячей в стране монеты банк тоже выдает квитанции и открывает банковские кредиты, но эти квитанции часто не обладают никакой стоимостью и не имеют никакой цены на рынке. Под дукатоны, например, которые в обращении ходят по 3 флорина 3 стивера каждый, банк дает кредит только в 3 флорина, или на 5% ниже их ходячей стоимости. Он равным образом выдает квитанцию, дающую предъявителю право взять обратно в любое время в течение шести месяцев сданное количество дукатонов после уплаты $\frac{1}{4}$ % за хранение. Такие расписки часто не имеют никакой рыночной цены. 3 флорина банковскими деньгами обычно продаются на рынке за 3 флорина 3 стивера, т. е. по полной стоимости дукатонов, если они взяты из банка, и для взятия их из банка нужно предварительно уплатить $\frac{1}{4}$ % за хранение, что является чистой потерей для держателя квитанции. Однако, если банковская премия в какой-либо момент понижается до 3%, такие квитанции могут тогда иметь некоторую рыночную цену и могут продаваться за $1\frac{3}{4}$ %. Но поскольку банковская премия в настоящее время обычно превышает 5%, часто дают истекать сроку таких квитанций или, как выражаются в таких случаях, оставляют их в пользу банка. Квитанции, выдаваемые на вклады золотых дукатонов, остаются банку еще чаще, потому что более высокая плата за хранение или $\frac{1}{2}$ % должны уплачиваться при взятии их обратно. 5%, которые выигрывает банк, когда вклады монеты или слитки оставляют в пользу банка, можно признать платой за постоянное хранение таких вкладов.

Сумма банковских денег, срок квитанций на которые истекает, должна быть очень значительна. Она должна включать весь первоначальный капитал банка, который, как обычно предполагается, оставался в нем с того момента, как первоначально был вложен туда, поскольку никто не думает возобновлять свои квитанции или брать обратно свои вклады, так как, в силу уже указанных причин, ни то, ни другое не может быть сделано без потерь. Но каковы бы ни были размеры этой суммы, она совершенно незначительна по сравнению со всей массой банковских денег. Амстердамский банк в течение многих лет являлся крупным хранилищем Европы для драгоценных металлов в слитках, на которые квитанции редко не возобновлялись в срок или, как принято выражаться, оставались в пользу банка. Гораздо более значительная часть банковских денег или кредитов на книги банка имели своим основанием, как полагают, в эти годы такие вклады, которые торговцы слитками постоянно вносили или брали обратно.

Требования к банку могут предъявляться только посредством предъявления квитанций. Меньшее количество банковых денег, на которые срок квитанций истек, смешалось с гораздо большим количеством таких, на которые квитанции сохраняют еще силу, так что, хотя налично может быть значительная сумма банковых денег, на которые совсем не существует квитанций, все же нет такой определенной суммы или части их, которая не могла бы быть истребована в любой момент. Банк не может быть должником двух различных лиц за одну и ту же вещь, и обладатель банковых денег, не имеющий квитанции, не может потребовать от банка платежа, пока не купит ее. В нормальное и спокойное время он без затруднений может купить такую квитанцию по рыночной цене, соответствующей обычно цене, по какой он может продать монету или слиток, на получение которых из банка она дает ему право.

Иначе может обстоять дело во время какого-нибудь общественного бедствия, как, например, неприятельского вторжения, вроде вторжения французов в 1672 г. Владельцы банковых денег в таких случаях стремятся извлечь деньги из банка, чтобы иметь их у себя на руках, и потому спрос на квитанции может поднять их цену до чрезвычайной высоты. Держатели их могут проникнуться чрезмерными ожиданиями и вместо двух или трех процентов требовать половины банковых денег, на которые был открыт кредит под вклады, обозначенные на этих квитанциях. Неприятель, осведомленный об уставе банка, может даже скупить квитанции, чтобы воспрепятствовать изъятию вложенных на хранение драгоценных металлов. В таких чрезвычайных обстоятельствах банк, как полагают, нарушит свое обычное правило производить платежи только предъявителям квитанций. Держатели квитанций, не имеющие банковых денег, получают от 2 до 3% стоимости вкладов, на которые им выданы квитанции. Банк поэтому не постесняется в этом случае выплачивать деньгами или слитками полную стоимость той суммы, на которую был открыт в его книгах кредит владельцам банковых денег, не могущим добыть квитанций; он вместе с тем будет платить 2 или 3% тем держателям квитанций, которые не имеют банковых денег, причем эта сумма составляет всю ту стоимость, которая при таком положении вещей по справедливости им причитается.

Даже в нормальное и спокойное время в интересах держателей квитанций понижать премию, чтобы по более дешевой цене покупать банковые деньги (а следовательно и слитки, на получение которых из банка их квитанции дают им тогда право) или дороже продавать свои квитанции тем, кто имеет банковые деньги и хочет взять из банка слитки; ведь цена квитанции обыкновенно равняется разности между рыночной ценой банковых денег и рыночной ценой монеты и слитков, на которые выдана квитанция. Напротив, в интересах владельца банковых денег повышать премию, чтобы соответственно дороже продавать свои банковые деньги или соответственно дешевле покупать квитанцию. Для предупреждения подобной биржевой спекуляции, какую могут иногда порождать эти противоположные

интересы, банк в последние годы пришел к решению продавать во всякое время банковые деньги за ходячую монету с премией в 5% и покупать их с премией в 4%. Ввиду этого премия не может никогда подняться выше 5% или упасть ниже 4%, и соотношение между рыночной ценой банковых денег и ходячей монеты постоянно удерживается весьма близко к отношению между их действительными стоимостями. До принятия этого решения рыночная цена банковых денег то поднималась так высоко, что премия достигала 9%, то падала до уровня паритета, смотря по тому, как воздействовали на рынок противоположные интересы.

Амстердамский банк заявляет, что он не отдает в ссуду ни малейшей части вложенных в него вкладов и что на каждый флорин, на который он открывает кредит, он держит в своих подвалах стоимость флорина в монете или слитках. Не подлежит сомнению, что он держит в своих подвалах все те деньги или слитки, на которые им выданы квитанции, которые в любой момент могут быть предъявлены к оплате и которые действительно непрерывно выдаются им и поступают к нему обратно. Но представляется не столь бесспорным, поступает ли он таким же образом с той частью своего капитала, на которую срок квитанций давно истек, которая в нормальное и спокойное время не может быть истребована и которая в действительности, по всей вероятности, останется у него навсегда или до тех пор, пока существует государство Соединенных Провинций Голландии. Тем не менее, в Амстердаме считается бесспорным догматом, что на каждый флорин, находящийся в обращении в виде банковых денег, в подвалах банка лежит соответствующий флорин золотом или серебром. Город гарантирует это. Банк управляется четырьмя бургомистрами, сменяющимися ежегодно. Каждый новый состав бургомистров посещает кладовые банка, сверяет наличность с книгами, принимает ее под присягой и передает ее с такой же торжественностью составу, сменяющему его, а в этой трезвой и религиозной стране присяга еще не потеряла своего значения. Уже одна эта частая смена управителей, повидимому, представляется достаточной гарантией против всяких недозволенных операций. Ни разу среди всех переворотов в управлении Амстердама, к каким приводила партийная борьба, победившая партия не обвиняла своих предшественников в злоупотреблениях при управлении банком. Между тем никакое обвинение не могло бы сильнее подорвать репутацию и судьбу победившей партии, и если бы такое обвинение можно было поддерживать, то мы можем быть уверены, что оно было бы предъявлено. В 1672 г., когда король Франции был в Утрехте, Амстердамский банк производил платежи столь беспрепятственно, что не оставил никаких сомнений в точном соблюдении им принятых на себя обязательств. Некоторые из монет, извлеченные тогда из его кладовых, носили еще следы пожара, бывшего в ратуше вскоре после учреждения банка. Это значит, что монеты эти лежали там еще с того времени.

Каковы могут быть размеры запаса банка,—вот вопрос, который долгое время занимал любопытных; на этот счет можно делать только

предположения. Считают, что около 2 000 человек имеют счета в банке, и если принять, что на счету каждого из них числится 1 500 фунтов (что очень много), то все количество банковых денег, а следовательно и запас банка, выразится в сумме около 3 миллионов фунтов стерлингов, или, считая 11 флоринов за один фунт стерлингов, 33 миллиона флоринов. Сумма эта весьма значительна и достаточна для обслуживания очень большого обращения, но она намного ниже тех преувеличенных представлений, которые некоторая часть публики составила себе на этот счет.

Город Амстердам извлекает из банка значительный доход. Помимо упомянутой выше платы, которую можно назвать платой за помещение, каждое лицо, при открытии в первый раз счета в банке, уплачивает взнос в 10 флоринов, а за каждый новый счет—3 флорина 3 стивера; за каждый перевод денег уплачивается 2 стивера, а если перевод не достигает 300 флоринов, то 6 стиверов, чтобы предотвратить множество мелких сделок. Лицо, которое не балансирует свой счет два раза в год, уплачивает штраф в 25 флоринов. Лицо, дающее распоряжение о переводе суммы большей, чем имеется на его счету, обязан платить 3% за добавочную сумму, и вдобавок его распоряжение остается невыполненным. Кроме того, как полагают, банк получает значительную прибыль от продажи иностранной монеты или слитков, которые иногда достаются ему в результате истечения сроков квитанций и которые он всегда выдерживает до того времени, когда их можно продать с выгодой. Точно так же он извлекает прибыль от продажи банковых денег с премией в 5% и покупки их с премией в 4%. Эти различные поступления значительно превышают то, что необходимо для выплаты жалованья служащим и покрытия издержек по управлению. Одна только плата за хранение слитков, на которые выданы квитанции, дает, как полагают, чистый годовой доход в 150—200 тысяч флоринов. Конечно, первоначальной целью этого учреждения была общественная польза, а не доход. Его целью было избавить купцов от неудобств неблагоприятного курса. Доход, какой получился от него, не был предусмотрен и может считаться случайным.

Однако пора вернуться от этого длинного отступления, в которое я незаметно вдался, к выяснению причин, в силу которых вексельный курс между странами, платящими так называемыми банковыми деньгами, и странами, платящими обычной ходячей монетой, обычно оказывается в пользу первых и против последних. Первые платят такими деньгами, внутренняя стоимость которых всегда неизменна и точно соответствует уставу соответствующих монетных дворов, тогда как последние платят деньгами, внутренняя стоимость которых постоянно изменяется и почти всегда в той или иной мере ниже этой нормы.

Отдел II. Неразумность чрезвычайных ограничений в силу других соображений

В предыдущем отделе этой главы я пытался показать, насколько излишне, даже с точки зрения меркантилистической системы, обставлять особыми ограничениями ввоз товаров из тех стран, торговый баланс с которыми предполагается неблагоприятным.

Ничего не может быть нелепее всей этой теории торгового баланса, на которой основаны не только эти ограничения, но почти все другие меры, регулирующие торговлю. Когда две страны торгуют друг с другом, то, согласно этой теории, при одинаковости баланса, ни одна из них не теряет и не выигрывает; но если баланс хотя чуть-чуть склоняется в одну сторону, одна из них теряет, а другая выигрывает соответственно его отклонению от точного равновесия. Оба предположения неправильны. Торговля, которая создается посредством премий и монополий, может быть и обычно бывает невыгодной для той страны, в интересах которой это делается, как я и постараюсь показать в дальнейшем. Напротив, торговля, которая, помимо всяких искусственных воздействий или стеснений, естественно и нормально ведется между двумя странами, всегда выгодна, хотя и не всегда одинаково, им обеим.

Под выгодой я понимаю увеличение не количества золота и серебра, а меновой стоимости годового продукта земли и труда страны или увеличение годового дохода ее жителей.

Если баланс уравновешивается и если торговля между двумя странами состоит вообще в обмене производимыми ими товарами, то они в большинстве случаев не только выигрывают обе, но и выигрывают одинаково или почти одинаково; каждая из них в этом случае служит рынком для части излишнего продукта другой, каждая возмещает капитал, который был затрачен на добычу и приготовление для рынка этой части излишнего продукта другой и который, будучи распределен среди известного числа ее жителей, доставил им доход и средства к существованию. Таким образом, известная часть жителей каждой из этих стран получает свой доход и средства к существованию от другой. И так как предполагается, что обмениваемые товары имеют равную стоимость, то оба капитала, затрачиваемые в этой торговле, должны быть в большинстве случаев равны или почти равны; и поскольку оба они затрачиваются на производство местных товаров в обеих странах, доход и средства существования, которые их распределение даст жителям каждой страны, тоже будут равны или почти равны. Эта доход и средства существования, таким образом доставляемые ими друг другу, будут больше или меньше в соответствии с размерами их оборотов. Если эти последние будут достигать, например, 100 000 или 1 миллиона фунтов в год для каждой стороны, то каждая из этих стран будет обеспечивать жителям другой годовой доход в 100 000 фунтов в одном случае и в миллион фунтов—в другом.

Если их торговля будет такова, что одна из них вывозит в другую только товары своего собственного производства, тогда как другая

в обмен на них дает иностранные товары, то баланс в этом случае все же будет считаться уравновешивающимся, поскольку товары оплачиваются товарами. В этом случае они обе тоже будут выигрывать, но неодинаково; жители страны, вывозящей только товары собственного производства, будут получать от такой торговли большую выгоду. Если, например, Англия стала бы ввозить из Франции только товары собственного производства этой страны, а сама, не имея таких собственных товаров, на какие там существует спрос, посылала туда в обмен иностранные товары, положим, табак и остиндские продукты, то такая торговля, хотя и дающая доход жителям обеих стран, давала бы жителям Франции более значительный доход, чем жителям Англии. Весь французский капитал, затрачиваемый ежегодно в ней, ежегодно же распределялся бы среди жителей Франции, тогда как среди жителей Англии распределялась бы только та часть английского капитала, которая затрачивалась на производство английских товаров, в обмен на которые были приобретены эти иностранные товары. Значительно большая часть его шла бы на возмещение капиталов, затраченных в Виргинии, Индостане и Китае и давших доход и средства существования жителям этих отдаленных стран. Поэтому, если капиталы были равны или почти равны, такая затрата французского капитала гораздо больше увеличит доход населения Франции, чем затрата английского капитала—доход населения Англии. Франция в этом случае будет вести с Англией непосредственную внешнюю торговлю предметами потребления, тогда как Англия будет вести лишь косвенную торговлю такого же рода с Францией. Различные результаты от затраты капитала в непосредственной и косвенной торговле предметами потребления были уже подробно выяснены.

Не бывает, вероятно, такой торговли между двумя странами, которая заключалась бы в том, что обе взаимно обмениваются только их собственными продуктами или же одна дает в обмен только собственные продукты а другая—только иностранные продукты. Почти все страны обмениваются друг с другом отчасти собственными и отчасти иностранными продуктами. Но всегда больше выгадывает та страна, в грузах которой больше отечественных продуктов и меньше иностранных.

Если бы Англия платила за товары, ежегодно ввозимые из Франции, не табаком и остиндскими продуктами, а золотом и серебром, то баланс считался бы в этом случае неблагоприятным, поскольку товары оплачивались бы не товарами, а золотом и серебром. Тем не менее, торговля в этом случае, как и в предыдущем, давала бы некоторый доход жителям обеих стран, но больший—жителям Франции, чем Англии. Она давала бы некоторый доход жителям Англии. Возмещался бы и мог бы служить дальше для той же цели капитал, затраченный на производство английских товаров, на которые приобретены эти золото и серебро, капитал, распределенный между некоторыми жителями Англии и доставивший им доход. Капитал Англии в целом от такого вывоза золота и серебра уменьшится не

в большей степени, чем от вывоза на такую же стоимость каких-либо других товаров. Напротив, в большинстве случаев он даже увеличится. За границу отправляются только такие товары, спрос на которые предполагается там более значительным, чем внутри страны, и выручка за которые поэтому будет, как ожидают, иметь внутри страны большую стоимость, чем вывезенные товары. Если табак, стоящий в Англии только 100 000 фунтов, будучи отправлен во Францию, даст возможность приобрести вино, стоящее в Англии 110 000 фунтов, то такой обмен увеличит капитал Англии на 10 000 фунтов. Точно так же, если на 100 000 фунтов английским золотом можно купить вино, которое стоит в Англии 110 000 фунтов, то такой обмен тоже увеличит капитал Англии на 10 000 фунтов. Если купец, имеющий в своем погребе вина на 110 000 фунтов, богаче купца, имеющего у себя на складе табаку только на 100 000 фунтов, то он точно так же богаче того купца, который имеет в своих сундуках золота только на 100 000 фунтов. Он может привести в движение большее количество труда и дать доход, средства к существованию и занятие большему числу людей, чем оба другие. Но капитал страны равняется сумме капиталов всех ее жителей, и количество труда, которое в течение года может быть занято в ней, равняется тому количеству, которое могут занять все эти отдельные капиталы, взятые вместе. Таким образом, в результате такого обмена должны, по общему правилу, возрастать как капитал страны, так и количество труда, которое может быть в течение года занято в ней. Конечно, для Англии было бы выгоднее, если бы она могла покупать английские вина в обмен на свои собственные металлические изделия и сукно, а не в обмен на виргинский табак или на золото и серебро из Бразилии и Перу. Непосредственная внешняя торговля предметами потребления всегда более выгодна, чем косвенная. Но косвенная внешняя торговля предметами потребления, которая производится на золото и серебро, не менее выгодна, чем всякая другая косвенная торговля того же рода. Равным образом страна, не обладающая рудниками, вряд ли может больше оскудеть золотом и серебром в результате такого вывоза этих металлов, чем оскудеет табаком благодаря его вывозу страна, которая сама не разводит табак. Подобно тому как страна, которой приходится покупать где-нибудь на стороне табак, никогда не будет долгое время терпеть недостаток в нем, так и не будет нуждаться в золоте и серебре страна, которой нужно покупать на стороне эти металлы.

Говорят, что обмен, который рабочий производит с кабаком, убыточен, и торговый обмен, который промышленная нация ведет с страной, производящей вино, можно приравнять к обмену этого рода. На это я отвечаю, что обмен с кабаком отнюдь не обязательно представляет собою убыточную торговлю. По своей природе он столь же выгоден, как и всякая другая торговля, хотя, может быть, чаще ведет к злоупотреблениям. Профессия пивовара или даже держателя пивной представляет собою такое же необходимое проявление разделения труда, как и всякое иное. По общему правилу, рабочему

будет выгоднее покупать нужное ему количество пива у пивовара, чем самому варить его, а для бедного рабочего будет обычно выгоднее покупать его малыми количествами у трактирщика, чем покупать сразу много у пивовара. Без сомнения, может случиться, что он покупает слишком много у того или другого, но ведь может также случиться, что он покупает слишком много у любого из окрестных торговцев: у мясника, если он любит хорошо поесть, или у сукопщика, если хочет выделяться своим нарядом среди товарищей. Тем не менее, для массы рабочих выгодно, чтобы все эти занятия были свободны, хотя возможны злоупотребления этой свободой в каждом из них, и притом в некоторых они более вероятны, чем в других. Кроме того, хотя отдельные лица иногда могут разориться благодаря чрезмерному потреблению спиртных напитков, нет, повидимому, опасности, чтобы это могло случиться со всей нацией в целом. Хотя в каждой стране имеется много людей, которые тратят на эти напитки свыше своих средств, в ней всегда найдется гораздо больше таких, которые тратят меньше этого. С другой стороны, надлежит заметить, что, как говорит опыт, дешевизна вина является, повидимому, причиной не склонности к пьянству, а трезвости. Жители винодельческих стран являются по общему правилу самыми трезвыми народами Европы: свидетельством этого служат испанцы, итальянцы и жители южных провинций Франции. Люди редко виновны в злоупотреблении тем, что составляет предмет их повседневного потребления. Никто не покажется щедрым и хорошим собутыльником, если он не жалеет напитка, столь же дешевого, как и простое пиво. Напротив, в странах, где из-за чрезмерной жары или холода не растет виноград и где поэтому вино дорого и представляет собою редкость, пьянство является широко распространенным пороком—как у северных народов, так и у всех тех, которые живут между тропиками, например у негров на Гвинейском берегу. Мне часто приходилось слышать, что при переводе какого-нибудь французского полка из северных провинций, где вино дороже, на квартиры в южные провинции, где оно очень дешево, солдаты сперва начинают пьянствовать ввиду дешевизны и новизны для них хорошего вина, но после нескольких месяцев пребывания на новом месте большинство их становится столь же трезвыми, как и остальные жители. Отмена сразу пошлин на иностранные вина и акцизов на солод, пиво и эль могла бы точно таким же образом породить в Великобритании почти всеобщее и временное пьянство среди средних и низших классов народа, за которым, вероятно, скоро последовала бы постоянная и почти всеобщая трезвость. В настоящее время пьянство отнюдь не является пороком светских людей или таких, которые легко могут приобретать самые дорогие напитки. Вряд ли когда-либо приходилось видеть среди нас приличного человека, опьяневшего от эля. Помимо того, стеснения торговли вином в Великобритании, повидимому, имеют в виду удерживать людей, если можно так выразиться, от посещения не столько портерных, сколько таких мест, где они могут покупать самый лучший и самый дешевый напиток. Они по-

ощряют торговлю португальским вином и затрудняют торговлю вином французским. Указывают, что португальцы являются лучшими чем французы, потребителями наших промышленных изделий и потому им следует оказывать покровительство преимущественно перед французами. Так как они удовлетворяют свои потребности нашими товарами, мы должны, как утверждают, свои потребности удовлетворять их товарами. Таким образом, низменные приемы мелких лавочников возводятся в политическое правило поведения большого государства, ибо только самые мелкие торговцы придерживаются правила давать заказы преимущественно своим покупателям. Крупный купец покупает всегда свои товары там, где они дешевле и лучше всего, не считаясь с мелкими интересами этого рода.

Однако подобными принципами народам внушили, что их интерес состоит в разорении всех их соседей. Каждый народ приучили смотреть завистливыми глазами на все народы, с которыми он ведет торговлю, и их выгоду считать своим убытком. Торговля, которая естественно должна создавать между народами, как и между отдельными людьми, узы единения и дружбы, сделалась самым обильным источником вражды и разногласий. Капризное тщеславие королей и министров не было в течение настоящего и минувшего столетий более роковым для спокойствия Европы, чем высокомерное соревнование купцов и промышленников. Насилия и несправедливость правителей человечества—старинное зло, против которого, боюсь, природа дел человеческих вряд ли знает лекарство. Но низменной жадности, монополистическим стремлениям купцов и промышленников, которые ведь и не являются и не должны являться владыками человечества, можно очень легко воспрепятствовать нарушать чье-либо спокойствие, кроме их собственного, если уже нельзя совсем вылечить их от этих пороков.

Не может подлежать сомнению, что именно дух монополии первоначально придумал и распространил эту теорию; и те, кто первые проповедывали ее, были отнюдь не так глупы, как те, кто уверовал в нее. В любой стране главная масса народа заинтересована и должна быть заинтересована в том, чтобы покупать все необходимое у тех, кто продает дешевле всего. Положение это настолько очевидно, что представляется смешным стараться доказывать его, да оно и никогда не ставилось бы под сомнение, если бы хитрые, своекорыстные доводы купцов и промышленников не затуманили здравый смысл человечества. Их интерес в этом отношении прямо противоположен интересу главной массы народа. Подобно тому как мастера, члены цеха, заинтересованы в том, чтобы препятствовать остальным жителям давать работу другим работникам, кроме них самих, так и купцы и владельцы мануфактур каждой страны заинтересованы в закреплении за собою монополии внутреннего рынка. Отсюда в Великобритании и в большинстве других европейских стран чрезмерные пошлины почти на все товары, ввозимые иностранными купцами. Отсюда высокие пошлины и запреты на все те заграничные мануфактурные изделия, которые могут конкурировать с нашими.

Отсюда также чрезвычайные стеснения ввоза почти всех видов товаров из тех стран, торговый баланс с которыми признается неблагоприятным, т. е. из тех, по отношению к которым обычно сильнее всего разгорается национальная вражда.

Между тем, хотя богатство соседней нации опасно во время войны и в политическом отношении, оно несомненно выгодно с точки зрения торговли. В состоянии войны оно может позволить нашим противникам содержать флот и армии более сильные, чем наши, но во время мира и торговых сношений оно должно также давать им возможность обмениваться с нами на более значительную стоимость и являться лучшим рынком или для непосредственных продуктов нашего труда, или для тех товаров, которые куплены на эти продукты. С богатой нацией дело обстоит так же, как и с богатым человеком, который наверное будет лучшим потребителем для живущих в этой местности трудящихся людей, чем бедняк. Разумеется, богатый человек, если он сам владелец мануфактуры, является очень опасным соседом для всех тех, кто занят этим же делом. Но все остальные соседи, подавляющее большинство их, выгадывают благодаря тому хорошему рынку, который создают для них его расходы. Они даже выгадывают от того, что он побивает более бедных работников, которые производят те же продукты, что и он. Владельцы мануфактур богатой нации точно таким же образом могут быть, без сомнения, очень опасными соперниками для владельцев мануфактур соседних стран. Но эта же конкуренция выгодна главной массе народа, которая, помимо того, много выигрывает благодаря хорошему рынку сбыта, создаваемому для нее во всех других отношениях большими расходами такой нации. Частные лица, желающие составить себе состояние, никогда не помышляют об отъезде в отдаленные и бедные районы страны, а направляются в столицу или в один из больших городов. Они знают, что мало можно заработать там, где обрывается мало богатств, но знают, что некоторая доля может достаться и им там, где в движении находятся большие богатства. Те самые принципы, которые руководят, таким образом, здравым смыслом одного, десяти или двадцати отдельных лиц, должны определять суждение одного, десяти или двадцати миллионов и заставлять всю нацию видеть в богатствах своих соседей вероятную причину и возможность для собственного обогащения. Нация, желающая разбогатеть при помощи внешней торговли, наверное скорее достигнет своей цели, если все ее соседи — богатые, трудолюбивые и торговые нации. Великая нация, окруженная со всех сторон кочующими дикарями и бедными варварами, может, без сомнения, приобрести богатства путем воздвигания своих земель и путем внутренней торговли, но отнюдь не путем торговли внешней. Как кажется, таким именно образом приобрели свое большое богатство древние египтяне и современные китайцы. Передают, что древние египтяне не занимались внешней торговлей, а современные китайцы, как известно, относятся к ней с крайним презрением и едва удостоивают предоставлять ей хотя бы слабую защиту законов. Современные принципы внешней торговли,

поскольку они имеют целью обеднение всех наших соседей и поскольку они в состоянии привести к желательным им результатам, имеют тенденцию превратить эту торговлю в нечто незначительное и не стоящее внимания.

Именно на основании этих принципов торговля между Францией и Англией была подвергнута в обеих этих странах столь многочисленным ограничениям и стеснениям. Между тем, если бы эти страны обсуждали свои действительные интересы без меркантилистической зависти или национальной вражды, торговля Франции могла бы быть более выгодной Великобритании, чем торговля какой-либо другой страны, и по той же причине то же самое было бы с торговлей Великобритании для Франции. Франция является ближайшим соседом Великобритании. В торговле между южным побережьем Англии и северным и северо-западным берегами Франции можно ожидать, как и во внутренней торговле, четырех, пяти или шести оборотов в год. Ввиду этого капитал, вкладываемый в эту торговлю, может в каждой из этих стран приводить в движение в четыре, пять или шесть раз большее количество труда и давать занятие и средства к существованию в четыре, пять или шесть раз большему количеству людей сравнительно с одинаковым по размерам капиталом в других отраслях внешней торговли. В торговле между наиболее отдаленными частями Франции и Великобритании можно ожидать, по меньшей мере, одного оборота в год; постольку даже и эта торговля будет, во всяком случае, не менее выгодна, чем большинство других отраслей нашей внешней торговли с европейскими странами. Она будет, по меньшей мере, в три раза выгоднее хваленой торговли с нашими североамериканскими колониями, в которой капитал редко оборачивается меньше чем в три года, а часто не меньше чем в четыре или пять лет. Во Франции, кроме того, насчитываются 24 миллиона жителей, тогда как для наших североамериканских колоний ни одно исчисление не дает больше трех миллионов; притом Франция гораздо более богатая страна, чем Северная Америка, хотя, ввиду более неравномерного распределения богатств, в ней гораздо больше бедных и нищих, чем в последней. Ввиду этого Франция может служить рынком, по меньшей мере, в восемь раз более обширным и, ввиду большей быстроты оборотов, в двадцать четыре раза более выгодным, чем когда бы то ни было были наши североамериканские колонии. Торговля с Великобританией столь же выгодна для Франции, и соответственно богатству, численности населения и близости этих стран она будет иметь такие же преимущества сравнительно с торговлей, которую Франция ведет с своими колониями. Такого громадного различия между той торговлей, какую мудрость обеих этих наций сочла нужным затруднять, и той торговлей, какую она больше всего поощряла.

Но те самые условия, которые делали бы открытую и свободную торговлю между этими двумя странами столь выгодной для них обеих, породили главные препятствия для этой торговли. Будучи соседями, они по необходимости являются врагами, и богатство

и могущество каждой из них становятся ввиду этого тем более опасными для другой; поэтому то, что должно было бы увеличивать выгоды национальной дружбы, служит только раздуванию национальной вражды. Обе они представляют собою богатые и промышленные нации, и купцы и владельцы мануфактур каждой из них опасаются соперничества, искусства и активности купцов и промышленников другой. Возбуждается коммерческая зависть, и обе стороны заражают других и сами заражаются национальной враждой; и торговцы обеих стран возвестили со всей страстной уверенностью заинтересованного заблуждения свое несомненное разорение вследствие неблагоприятного торгового баланса, который, как они утверждают, явится неизбежным результатом ничем не стесняемой торговли между этими странами.

Нет такой торговой страны в Европе, предстоящее разорение которой благодаря неблагоприятному торговому балансу часто не предсказывалось мнимыми учеными этой системы. Но несмотря на все опасения, которые они по этому поводу возбуждали у нас, несмотря на все тщетные попытки почти всех торговых наций обратить торговый баланс в свою собственную пользу и против своих соседей, нет данных, чтобы какая-либо европейская нация в каком-либо отношении обеднела от этого. Напротив, все те города и страны, которые открывали свои порты всем нациям, богатели благодаря этому, вместо того чтобы разориться в результате такой свободы торговли, как мы это должны были бы ожидать на основании принципов меркантилистической системы. В Европе, правда, существует несколько городов, заслуживающих в некоторых отношениях названия вольных гаваней, но таких стран совсем нет. Голландия, пожалуй, больше всех других стран приближается к такому типу, хотя все еще весьма далека от него; и тем не менее, Голландия, как это общепризнано, от внешней торговли получает не только все свое богатство, но и значительную часть своих средств существования.

На самом деле существует другой баланс, уже объясненный выше¹ и весьма отличный от торгового баланса, баланс, который необходимо обуславливает процветание или упадок нации в зависимости от того, благоприятен он ей или нет. Это—баланс годового производства и потребления. Если меновая стоимость годового продукта, как уже замечено, превышает меновую стоимость годового потребления, капитал общества должен ежегодно возрастать соответственно этому избытку. Общество в этом случае живет, не выходя за пределы своего дохода, а то, что сберегается за год из этого дохода, соответственно добавляется к его капиталу и затрачивается на дальнейшее увеличение его годового продукта. Напротив, если меновая стоимость годового продукта не покрывает годового потребления, капитал общества должен уменьшаться в соответствии с этим дефицитом. В этом случае расходы общества превышают его доход и неизбежно затрагивают его капитал. Его капитал должен поэтому уменьшаться,

¹ [См. третью главу второй книги.]

а вместе с тем должна уменьшаться меновая стоимость годового продукта его труда.

Этот баланс производства и потребления совершенно отличен от так называемого торгового баланса. О нем может идти речь в применении к нации, совсем не ведущей внешней торговли и совершенно изолированной от всего остального мира. О нем может идти речь в применении ко всему земному шару в целом, богатство которого, население и производительные силы могут постепенно возрастать или постепенно уменьшаться.

Баланс производства и потребления может быть постоянно в пользу нации, хотя так называемый торговый баланс все время обращен против нее. Нация может в течение пятидесяти лет ввозить на большую стоимость, чем вывозить; все золото и серебро, притекающее к ней за все это время, может немедленно отливать из нее; ее находящаяся в обращении монета может постепенно снашиваться, причем для замены ее могут вводиться различного рода бумажные деньги, могут также постепенно возрастать долги ее главным нациям, с которыми она торгует, и все же ее действительное богатство, меновая стоимость годового продукта ее земли и труда на протяжении этого же периода может возрасти в гораздо большей степени. Состояние наших североамериканских колоний и торговли, какую они вели с Великобританией перед началом нынешних осложнений¹, может служить доказательством того, что это отнюдь не невозможное предположение.

¹ [Настоящий параграф написан в 1775 г.]

Глава IV

О ВОЗВРАТНЫХ ПОШЛИНАХ

Купцы и владельцы мануфактур не удовлетворяются монополией на внутреннем рынке, они добиваются также возможно большей продажи за границу своих товаров. Их страна не располагает властью над иностранными народами и потому редко может обеспечить им там монополию. Поэтому им по общему правилу приходится ограничиваться просьбами о тех или иных поощрительных мерах для вывоза.

Среди этих поощрительных мер наиболее разумными представляются так называемые возвратные пошлины. Предоставление купцу права получать обратно при вывозе весь или часть акциза или внутренней пошлины, взыскиваемых с отечественной промышленности, никогда не может вызвать вывоза большего количества товаров, чем было бы вывезено их при отсутствии такого обложения. Такое поощрение не имеет тенденции направлять к какому-либо определенному употреблению более значительную долю капитала страны, чем это было бы при отсутствии его, а может только препятствовать тому, чтобы внимание пошлины отвлекало какую-нибудь часть этого капитала к другому занятию. Оно стремится не к нарушению того равновесия, которое естественным образом устанавливается в обществе между всеми различными отраслями промышленности, а только предотвращает нарушение его этой пошлиной; оно направлено не к уничтожению, а к сохранению того, что в большинстве случаев выгодно сохранить,—к сохранению естественного разделения и распределения труда в обществе.

То же самое можно сказать и о возвратных пошлинах для иностранных товаров, ввезенных в страну и обратно вывозимых из нее; эти возвратные пошлины в Великобритании обычно значительно превышают половину ввозных пошлин. На основании второго добавления к закону, установившему так называемую ныне старую субсидию, каждому купцу, англичанину или иностранцу предоставляется право получать обратно при вывозе половину ввозной пошлины: английский купец получает ее в том случае, если он вывозит товар не позже 12 месяцев после ввоза его, иностранный купец—не позже 9 месяцев. Вина, коринка и выделанные шелка представляли собою единственные товары, на которые не распространялось действие этого

постановления, так как для них были установлены другие, более выгодные ставки. Пошлины, установленные этим законом, были в то время единственными пошлинами на ввозимые иностранные товары. Впоследствии (закон в 7-й год правления Георга I, гл. 21, раздел 10) срок, в течение которого можно было требовать уплаты этой и всех других возвратных пошлин, был продолжен до трех лет.

Большая часть пошлин, установленных после старой субсидии, целиком возвращается при вывозе. Впрочем, это общее правило не свободно от многочисленных исключений, и теория возвратных пошлин стала гораздо менее простым вопросом, чем это было при введении их впервые.

При вывозе некоторых иностранных товаров, относительно которых предполагается, что их ввоз значительно превышает потребность их для внутреннего потребления, возвращается обратно вся пошлина полностью, без удержания даже половины старой субсидии. До мятежа наших североамериканских колоний мы обладали монополией марилендского и виргинского табака. Мы ввозили около 96 000 бочек, а внутреннее потребление не превышало, по предположениям, 14 000 бочек. В целях поощрения крупного вывоза, который был необходим для того, чтобы мы могли сбыть табак с рук, пошлина возвращалась целиком при условии, если табак вывозился обратно не позднее трех лет.

Мы до сих пор обладали почти полной монополией сахара с наших вестиндских островов. Поэтому, если сахар вывозится обратно в течение года, ввозная пошлина возвращается полностью, а если он вывозится на протяжении трех лет, пошлина возвращается за вычетом половины старой субсидии, которая все еще удерживается при вывозе большей части товаров. Хотя ввоз сахара превышает нужды внутреннего потребления, получающийся излишек все же незначителен в сравнении с получавшимся излишком табака.

Воспрещен ввоз некоторых товаров для внутреннего потребления, представляющих предмет особенной ревности наших собственных владельцев мануфактур. Но при уплате известной пошлины они могут ввозиться и храниться на складе для обратного вывоза. Однако при таком вывозе ни малейшая доля этой пошлины не возвращается обратно. Повидимому, нашим владельцам мануфактур нежелательно, чтобы встречал поощрение даже такой ограниченный ввоз, и они опасаются, что часть этих товаров может быть украдена из складов и начнет конкурировать с их собственными товарами. Только с соблюдением этих правил мы можем ввозить выделанные шелка, французский кембрик и батист, бумажные ткани—цветные, набивные, печатные или крашенные и т. п.

Мы даже неохотно являемся посредниками по продаже французских товаров и предпочитаем лишиться прибыли, лишь бы не помогать тем, кого считаем своими врагами, получить некоторую прибыль. При вывозе французских товаров удерживается не только половина старой субсидии, но еще 25%.

В силу четвертого добавления к старому закону о пошлине воз-

вратная пошлина при вывозе всех вин значительно превышала половину пошлины, взимаемой в то время при ввозе их; законодательство в то время, повидимому, ставило себе целью оказывать несколько больше, чем обычно, поощрение транзитной торговле вином. Целиком возвращался при обратном вывозе ряд других пошлин и сборов, установленных одновременно со старой пошлиной или вскоре после нее, а именно так называемая добавочная пошлина, новая пошлина, пошлина в одну треть и в две трети, сбор 1692 г., монетная пошлина¹ на вина. Однако ввиду того, что все эти пошлины, за исключением добавочной пошлины и сбора 1692 г., уплачивались наличными деньгами при ввозе товаров, проценты на столь большую сумму составляли такой расход, что нельзя было ожидать сколько-нибудь выгодной транзитной торговли этим продуктом. Поэтому при вывозе возвращалась только часть пошлины, называвшейся сбором с вина, и совсем не возвращалась пошлина в 25 фунтов с бочки французских вин или пошлины, установленные в 1745, 1763 и 1778 гг. Два сбора в 5%, установленные в 1779 и 1781 гг. в добавление ко всем прежним таможенным пошлинам, целиком возвращаемые при вывозе всех других товаров, возвращались также и при вывозе вина. Последняя пошлина, специально наложенная на вино, а именно пошлина 1780 г., возвращается при вывозе полностью—льгота, которая, при сохранении столь многочисленных высоких пошлин, по всей вероятности не смогла повести к вывозу хотя бы одной лишней бочки вина. Эти добавочные правила относятся ко всем местам законного вывоза, исключая британских колоний в Америке.

Закон, изданный в 15-й год правления Карла II, гл. 7, и называемый актом о поощрении торговли, дал Великобритании монополию в деле снабжения колоний всеми продуктами, растущими или производимыми в Европе, а следовательно и винами. В странах со столь протяженными береговыми линиями, как наши североамериканские и вестиндские колонии, где наша власть всегда была очень слаба и где жителям было дозволено вывозить на собственных кораблях свои, не включенные в таможенную роспись товары сперва во все части Европы, а затем—во все части Европы южнее мыса Финистера, не очень вероятно, чтобы эта монополия когда-либо строго соблюдалась; их жители, вероятно, всегда находили способы привозить обратно грузы из стран, куда им дозволялось возить свои товары. Однако они, повидимому, нашли затруднительным ввозить европейские вина непосредственно из стран их происхождения, а также не могли ввозить их из Великобритании, где они были обременены тяжелыми пошлинами, значительная часть которых не возвращалась при вывозе. Мадера, не будучи продуктом европейского происхождения, могла ввозиться непосредственно в Америку и Вест-Индию, которые пользовались полной свободой торговли с островом Мадерой

¹ [Г. е. пошлина, предназначенная для покрытия расходов по чеканке монеты.]

всеми товарами, не включенными в роспись. Эти обстоятельства, вероятно, содействовали появлению того всеобщего предпочтения мадеры, какое наши офицеры обнаружили во всех наших колониях в начале войны, начавшейся в 1755 г., и какое они привезли с собою на свою родину, где это вино до того не пользовалось особым распространением. По окончании войны, в 1763 г. (закон, изданный в 4-й год правления Георга III, гл. 15, раздел 12), все пошлины, за вычетом 3 ф. 10 ш., стали возвращаться при вывозе в колонии всех вин, исключая французские вина, торговле которыми и потреблению которых национальное предубеждение не хотело оказывать ни малейшего поощрения. Период между установлением этой льготы и мятежом наших североамериканских колоний был, вероятно, слишком непродолжителен для того, чтобы произвести сколько-нибудь значительные перемены в привычках этих колоний.

Тот самый закон, который возвратом пошлин со всех вин, исключая французских, значительно больше благоприятствовал колониям, чем другим странам, в отношении возврата пошлин с большей части других товаров благоприятствовал им гораздо меньше. При вывозе большей части товаров в другие страны возвращалась половина старой пошлины. А между тем этот закон устанавливал, что ни малейшая часть этой пошлины не подлежит возврату при вывозе в колонии продуктов, растущих или выделяемых в Европе или Ост-Индии, исключая вин, белых бумажных тканей и муслина.

Возврат пошлин был первоначально установлен, вероятно, в целях поощрения транзитной торговли, которая ввиду того, что фрахт за морскую перевозку часто уплачивается иностранцами звонкой монетой, считалась особенно пригодной для привлечения в страну золота и серебра. Но хотя транзитная торговля безусловно не заслуживает особого поощрения и хотя мотив введения такого порядка был, пожалуй, в высшей степени нелеп, самый порядок этот представлялся вполне разумным. Такой возврат пошлин не может привлечь к этому виду торговли большую долю капитала страны, чем притекала бы к ней естественным путем при отсутствии ввозных пошлин. Он только предотвращает полный отлив капитала в результате этих пошлин. Транзитная торговля, хотя и не заслуживает никакого поощрения, не должна встречать противодействия; ей следует предоставить свободу, как и всем прочим отраслям торговли. Она является необходимым прибежищем для тех капиталов, которые не могут найти приложения ни в сельском хозяйстве или промышленности страны, ни в ее внутренней или внешней торговле.

Доход таможен вместо того, чтобы уменьшаться от такого возврата пошлин, увеличивается благодаря ему на ту часть пошлины, которая удерживается. Если бы удерживалась полностью вся пошлина, то иностранные товары, с которых она взимается, редко могли бы вывозиться, а следовательно и ввозиться, ввиду отсутствия рынка, а потому совсем не уплачивались бы пошлины, часть которых теперь удерживается.

Эти соображения, как кажется, достаточно оправдывают возврат

пошлин, и притом оправдывают даже в том случае, если пошлина возвращается всегда целиком при вывозе продуктов отечественной промышленности или иностранных товаров. Акцизный доход в таком случае, правда, несколько сократится, еще более сократится таможенный доход, но это в большой степени восстановит естественный баланс промышленности, естественное разделение и распределение труда, которое всегда более или менее нарушается подобными пошлинами.

Однако эти соображения могут оправдывать возврат пошлин при вывозе товаров только в иностранные и независимые государства, а не в страны, где наши купцы и владельцы мануфактур пользуются монополией. Возврат пошлин, например, при вывозе европейских товаров в наши американские колонии не всегда приведет к увеличению вывоза сравнительно с тем, какой был бы без этого. Благодаря монополии, какую пользуются там наши купцы и владельцы мануфактур, туда часто можно было бы, наверное, отправлять то же количество товаров, даже если бы удерживалась вся пошлина целиком. Таким образом, возврат пошлин может часто представлять собою чистую потерю в доходе от акциза и таможен, не влияя в то же время на состояние торговли или не ведя в каком-либо отношении к расширению ее оборотов. Насколько такой возврат пошлин может быть оправдан как надлежащая мера поощрения промышленности наших колоний или насколько выгодно самой метрополии, чтобы они освобождались от налогов, уплачиваемых всеми остальными их соотечественниками, выяснится в дальнейшем, когда я займусь вопросом о колониях.

Впрочем, всегда надлежит помнить, что возврат пошлин полезен только в тех случаях, когда товары, при вывозе которых он производится, действительно вывозятся в какое-либо иностранное государство, а не ввозятся тайком обратно в нашу же страну. Хорошо известно, что возвратом некоторых пошлин, в особенности пошлин на табак, часто злоупотребляли таким образом и что он давал повод к многочисленным обманам в ущерб как доходу казны, так и честным торговцам.

Глава V

О ПРЕМИЯХ

В Великобритании часто подаются петиции о вывозных премиях, и последние иногда предоставляются для продуктов определенных отраслей отечественной промышленности. Как утверждают, наши купцы и владельцы мануфактур будут благодаря им в состоянии продавать свои товары столь же дешево или дешевле, чем их соперники на внешнем рынке. Говорят, что таким образом будет вывозиться большее количество товаров, и торговый баланс, следовательно, склонится больше в пользу нашей страны. Мы не можем обеспечить нашим производителям монополию на внешнем рынке, как сделали это на внутреннем. Мы не можем заставить иностранцев покупать их товары, как сделали это с нашими собственными гражданами. Поэтому решили, что лучший способ, это—платить иностранцам, чтобы они покупали наши товары. Таким-то образом меркантилистическая система рассчитывает обогатить всю страну и наполнить деньгами все наши карманы посредством торгового баланса.

Допускают, что премии следует давать только тем отраслям торговли, которые не могут вестись без них. Но всякая отрасль торговли, в которой купец может продавать свои товары по цене, возмещающей ему, с обычной прибылью на капитал, весь капитал, затраченный на приготовление их и доставку на рынок, может вестись без премии. Такая отрасль торговли находится, очевидно, в одинаковых условиях со всеми другими отраслями, которые ведутся без премии, и потому не больше их может требовать для себя премии. Только те отрасли торговли требуют премии, в которых купец вынужден продавать свои товары за цену, не возмещающую ему его капитал вместе с обычной прибылью, или в которых он вынужден продавать их дешевле, чем обходится ему доставка их на рынок. Премия дается в целях покрытия этого убытка и поощрения его продолжать или, может быть, начать торговлю, издержки которой, согласно предположению, превышают доходы, каждая операция которой съедает часть капитала, вложенного в нее, и которая отличается таким характером, что если бы все другие отрасли торговли походили на нее, в стране скоро совсем не осталось бы никакого капитала.

Следует заметить, что отрасли торговли, которые ведутся при помощи премий, являются единственными, которые могут вестись между двумя нациями сколько-нибудь продолжительное время таким образом, чтобы одна из них постоянно и регулярно несли убыток или продавала свои товары по цене, которая меньше действительной стоимости доставки их на рынок. Но если бы премия не возмещала купцу то, что он при ее отсутствии терял бы на цене своих товаров, его собственный интерес скоро заставил бы его затратить свой капитал иным образом или найти такую отрасль торговли, в которой цена товаров возмещала бы ему, с обычной прибылью на капитал, тот капитал, который затрачен на доставку их на рынок. Результатом премий, как и всех других мероприятий меркантилистической системы, может быть только искусственное направление торговли страны в русло, гораздо менее выгодное, чем то, по какому она естественно шла бы, будучи предоставлена самой себе.

Остроумный и хорошо осведомленный автор трактатов о хлебной торговле¹ очень ясно показал, что со времени введения вывозной премии на хлеб цена вывозимого хлеба, исходя из довольно умеренной ее оценки, превысила цену ввезенного хлеба, исчисленную по очень высокой оценке, на гораздо большую сумму, чем вся сумма премий, выплаченных за этот период. Это, думает он, исходя из принципов меркантилистической системы, служит несомненным доказательством того, что такая искусственно вызванная хлебная торговля благотворна для нации, поскольку стоимость вывоза превышает стоимость ввоза на гораздо большую сумму, чем весь чрезвычайный расход, понесенный государством для достижения такого вывоза. Он не принимает во внимание, что этот чрезвычайный расход, или премия, составляет ничтожнейшую часть издержек, с которыми фактически связан для общества вывоз хлеба. В расчет должен быть также принят и капитал, затраченный фермером на добывание его. Если цена хлеба при продаже его на внешнем рынке не возмещает не только премию, но и этот капитал вместе с обычной прибылью на капитал, то общество терпит убыток на всю разницу, или национальный капитал соответственным образом уменьшается. Но ведь установить премию было сочтено необходимым именно потому, что цена на хлеб признавалась недостаточной для этого.

Средняя цена хлеба, как утверждали, значительно понизилась со времени введения премии. Я уже пытался показать, что средняя цена хлеба начала понижаться приблизительно к концу минувшего столетия и продолжала понижаться в течение первых шестидесяти четырех лет настоящего столетия. Но это явление, если считать его действительно установленным, — а я полагаю, что это так, — должно было иметь место вопреки премии и никак не могло произойти вследствие ее. Оно имело место во Франции так же, как и в Англии, хотя во Франции не только не было никакой премии, но и вывоз хлеба

¹ [Смит имеет в виду книгу: *Smith Charles, Three tracts on the corn trade and corn laws. 1766.*]

вплоть до 1764 г. был вообще воспрещен. Поэтому такое постепенное падение средней цены зерна в конечном счете обусловлено, вероятно, не тем или иным мероприятием, а тем постепенным и незаметным повышением действительной стоимости серебра, которое, как я пытался показать в первой книге этого труда, происходило на общеевропейском рынке в течение настоящего столетия. Представляется вообще невозможным, чтобы премия могла когда-либо содействовать понижению цены зерна.

Как уже было замечено, в урожайные годы премия, вызывая чрезмерный вывоз, необходимо удерживает цену хлеба на внутреннем рынке на более высоком уровне, чем тот, на котором она естественно держалась бы. Достичь этого было признанной целью введения премии. Хотя в неурожайные годы премия часто временно отменяется, однако увеличение вывоза, вызываемое ею в годы урожайные, часто препятствует тому, чтобы изобилие одного года уравновесило скудость другого. Таким образом, как в годы урожайные, так и в годы неурожайные премия неизбежно ведет к несколько большему повышению денежной цены хлеба на внутреннем рынке, чем это было бы при отсутствии премии.

Что при современном состоянии земледелия премия необходимо должна иметь такую тенденцию, это, полагаю я, не станет оспаривать ни одно разумное существо. Но многие думали, что она имеет тенденцию поощрять земледелие, и притом двояким образом: во-первых, открывая хлебу земледельца более обширный внешний рынок, она, по их мнению, увеличивает спрос на этот продукт, а следовательно и производство его, и, во-вторых, обеспечивая ему лучшую цену, чем он мог бы без такой премии ожидать при современном состоянии земледелия, она, как они полагают, поощряет развитие земледелия. Такое двойное поощрение должно, как они воображают, вызвать по прошествии продолжительного периода такое увеличение производства зерна, которое может понизить его цену на внутреннем рынке в гораздо большей степени, чем может повысить ее премия при том состоянии земледелия, в каком оно будет находиться к концу этого периода.

На это я отвечаю, что всякое расширение внешнего рынка, обусловленное премией, должно происходить в каждом данном году за счет внутреннего рынка, так как каждый бушель хлеба, который вывозится благодаря премии и который при ее отсутствии не вывозился бы, оставался бы на внутреннем рынке, увеличивая потребление и понижая цену этого продукта. Премия на хлеб, следует заметить, как и всякая другая вывозная премия, налагает на народ два различных налога: во-первых, налог, который он вынужден вносить, чтобы выплачивать премию, и, во-вторых, налог, который порождается высокой ценой этого продукта на внутреннем рынке и который, поскольку вся масса народа является покупателем хлеба, должен быть оплачиваем, при покупке этого продукта, всем народом. Таким образом, этот второй налог, уплачиваемый на этом особом товаре, гораздо тяжелее первого. Предположим, что в сред-

нем для ряда лет премия в 5 шиллингов при вывозе квартера пшеницы повышает цену этого товара на внутреннем рынке только на 6 пенсов на бушель или на 4 шиллинга на квартал, сравнительно с той ценой, которая стояла бы при данном урожае. Даже при таком осторожном предположении вся масса народа, помимо уплаты налога, из которого покрывается премия в 5 шилл. за каждый вывозимый квартал пшеницы, должна платить еще 4 шилл. за каждый квартал пшеницы, который она сама потребляет. Но, согласно весьма хорошо осведомленному автору трактатов о хлебной торговле¹, среднее отношение количества вывозимого хлеба к количеству его, потребляемому внутри страны, не превышает 1 к 31. Следовательно, на каждые 5 шилл., вносимые народом на уплату первого налога, он должен затрачивать 6 фунтов 4 шиллинга на уплату второго. Такой тяжелый налог на предмет самой первой необходимости должен или понижать уровень существования трудящихся бедных классов, или вести к некоторому увеличению их денежной заработной платы, пропорциональному увеличению денежной цены необходимых им средств существования. Поскольку он действует в первом направлении, он должен понижать способность трудящихся бедняков воспитывать и кормить своих детей и в результате этого должен вести к ограничению населения страны. Поскольку он действует во втором направлении, он должен сокращать возможность для предпринимателей давать работу такому количеству людей, которое они занимали бы без этого, и, следовательно, должен вести к ограничению промышленности страны. Таким образом, чрезмерный вывоз хлеба, вызываемый премией, не только в каждом отдельном году уменьшает внутренний рынок и потребление ровно настолько, насколько расширяет внешний, но, сокращая население и промышленность страны, своей конечной тенденцией имеет остановку роста и задержку постепенного расширения внутреннего рынка, а потому, в конечном счете, скорее уменьшение, чем увеличение общего рынка и потребления хлеба.

Однако полагали, что такое повышение денежной цены хлеба, делая этот товар более выгодным для фермера, должно необходимо поощрять его производство. На это я возражаю, что это было бы так, если бы следствием премии являлось повышение действительной цены хлеба или предоставление фермеру возможности содержать на прежнее количество хлеба большее число рабочих таким же образом (более щедро, умеренно или скудно), как обычно содержится в его местности остальные рабочие. Но очевидно, что ни премия, ни какое-либо иное человеческое учреждение не может иметь такого влияния. Не на действительную, а только на номинальную цену хлеба может сколько-нибудь заметно влиять премия. И хотя налог, который эта премия накладывает на весь народ, может быть очень обременителен для уплачивающих его, он приносит совсем мало выгоды тем, кто получает его.

¹ [См. примечание на стр. 76.]

Действительное следствие премии состоит не столько в повышении действительной стоимости хлеба, сколько в понижении действительной стоимости серебра, так что одинаковое количество его обменивается уже на меньшее количество не только хлеба, но и всех других товаров внутреннего производства, ибо денежная цена хлеба определяет цену всех других товаров внутреннего производства.

Она определяет денежную цену труда, которая всегда должна быть такова, чтобы давать возможность рабочему покупать количество хлеба, достаточное для содержания его самого и его семьи в изобилии, умеренности или скудости, в зависимости от того, находится ли общество в состоянии процветания, застоя или упадка.

Она определяет денежную цену всех других видов сырого продукта земли, которые на всех ступенях развития должны находиться в известном соотношении с ценою хлеба, хотя это соотношение неодинаково в различные периоды. Она определяет, например, денежную цену травы или сена, мяса, лошадей и фуража для лошадей, а следовательно сухопутного транспорта или большей части внутренней торговли страны.

Но, определяя денежную цену всех других видов сырого продукта земли, она вместе с тем определяет и цену материалов почти всех мануфактурных изделий. Определяя денежную цену труда, она определяет цену мануфактурного труда и искусства, а определяя их, она определяет денежную цену готового мануфактурного изделия. Денежная цена труда и всего того, что представляет собою продукт земли или труда, должна неизбежно повышаться или понижаться соответственно повышению или понижению денежной цены хлеба.

Поэтому, хотя благодаря премии фермер сможет продавать бушель хлеба за 4 шиллинга вместо 3 шилл. 6 пенс. и платить своему землевладельцу денежную аренду, соответствующую такому повышению денежной цены его продукта, все же, если в результате такого повышения цены хлеба можно будет покупать на 4 шиллинга не больше товаров внутреннего производства, чем раньше можно было купить на 3 шилл. 6 пенс., то от такой перемены не намного улучшится положение фермера или землевладельца. Фермер не делается способным намного лучше обрабатывать землю, землевладелец не получит возможности жить много лучше. При покупке зарубежных товаров такое повышение цены хлеба может дать им некоторую небольшую выгоду, но при покупке продуктов внутреннего производства она не может дать им никакой выгоды, а между тем почти вся сумма затрат фермера и даже значительно большая часть затрат землевладельца приходится на продукты внутреннего производства.

То уменьшение стоимости серебра, которое является результатом богатства рудников и которое действует равномерно или почти равномерно в большей части торгового мира, весьма мало задевает каждую отдельную страну. Обусловливаемое им повышение всех денежных цен, хотя и не делает в действительности более богатыми

тех, кто получает их, но и не делает их в действительности более бедными. Серебряный сервиз становится действительно более дешевым, а все остальные предметы обладают той же точно действительной стоимостью, какую обладали и до того.

Но такое уменьшение стоимости серебра, которое, будучи результатом особого положения или политических учреждений отдельной страны, происходит только в этой стране, имеет очень большое значение и, далеко не делая кого-либо действительно богаче, делает каждого действительно более бедным. Повышение денежной цены всех товаров, которое в таком случае характерно для этой страны, имеет тенденцию более или менее задерживать развитие всех отраслей промышленности, существующих в ней, и давать другим нациям возможность конкурировать с ними не только на внешнем, но даже и на ее внутреннем рынке, поскольку они могут доставлять почти все виды товаров в обмен на меньшее количество серебра, чем могут это делать ее собственные производители.

Особое положение Испании и Португалии как собственников рудников делает их поставщиками золота и серебра для всех других стран Европы. Эти металлы поэтому естественно должны быть несколько дешевле в Испании и Португалии, чем в любой другой части Европы. Впрочем, разница не должна превышать размеров фрахта и страховой премии; а ввиду значительной стоимости и небольшого объема этих металлов их фрахт не играет большой роли, а страховая премия за них не превышает премии за любой другой товар такой же стоимости. Поэтому Испания и Португалия очень мало страдали бы от своего особого положения, если бы не отягчали его невыгод своими политическими учреждениями.

Испания, облагая налогом, а Португалия, запрещая вывоз золота и серебра, обременяют этот вывоз расходами по контрабанде и повышают стоимость этих металлов в других странах сравнительно со стоимостью их в Испании и Португалии на всю сумму этих расходов. Когда вы запруживаете поток воды, то, как только уровень воды достигнет высоты плотины, волна должна переливаться через плотину, как будто бы последней совсем не было. Воспрещение вывоза не может удержать в Испании и Португалии большее количество золота и серебра, чем они могут при данном годовом продукте их земли и труда употребить на монету, утварь, золочение и серебрение и другие украшения из золота и серебра. Когда они получают это количество, уровень плотины достигнут, и вся вода, притекающая после этого, должна переливаться через нее. В соответствии с этим годовой вывоз золота и серебра из Испании и Португалии, несмотря на все ограничения, почти равняется, согласно всем сообщениям, всему годовому ввозу их. Однако, так как уровень воды перед плотинной всегда должен быть выше, чем за нею, то количество золота и серебра, которое эти ограничения удерживают в Испании и Португалии, должно, в соответствии с годовым продуктом их земли и труда, быть больше того количества, которое имеется в других странах. Чем выше и крепче плотина, тем больше должна

быть разница в уровне воды перед нею и за нею. Чем выше налог, чем строже кары, ограждающие действующие запрещения, чем бдительнее и строже надзор, который следит за соблюдением закона, тем больше должна быть разница в отношении между золотом и серебром к годовому продукту земли и труда в Испании и Португалии и в других странах. Действительно, сообщают, что оно очень значительно и что вы часто можете встретить там обилие золотой и серебряной посуды в домах, где отсутствуют другие предметы, которые в других странах считались бы подходящими или соответствующими такого рода великолепию. Дешевизна золота и серебра, или, что то же самое, дороговизна всех товаров, являющаяся неизбежным следствием такого обилия драгоценных металлов, затрудняет развитие земледелия и промышленности Испании и Португалии и дает возможность другим нациям снабжать их многими видами сырья и почти всеми мануфактурными продуктами в обмен на меньшее количество золота и серебра, чем то, которого стоило бы производство этих продуктов в самой Испании и Португалии. Налог и запрещение вывоза действуют двойным образом: они не только очень значительно понижают стоимость драгоценных металлов в Испании и Португалии, но, удерживая там известное количество этих металлов, которое без этого отливало бы в другие страны, они удерживают их стоимость в этих других странах несколько выше естественного уровня и таким образом дают этим странам двойное преимущество в их торговле с Испанией и Португалией. Откройте шлюз в плотине, и перед нею будет теперь меньше воды, а позади—больше, и скоро она окажется тут и там на одном уровне. Отмените налог и запрещение, и так как количество золота и серебра значительно уменьшится в Испании и Португалии, то оно несколько увеличится в других странах, и стоимость этих металлов, их отношение к годовому продукту земли и труда станет одинаковым или почти одинаковым во всех странах. Потеря, которую Испания и Португалия могут иметь в результате такого вывоза их золота и серебра, будет вообще номинальной и воображаемой. Номинальная стоимость их товаров и годового продукта их земли и труда уменьшится и будет выражаться меньшим количеством серебра, чем до того, но их действительная стоимость останется прежней и будет достаточна для того, чтобы содержать, распоряжаться и занимать прежнее количество труда. Так как номинальная стоимость товаров уменьшится, то действительная стоимость оставшегося у них золота и серебра увеличится, и меньшее количество этих металлов будет удовлетворять всем тем потребностям торговли и обращения, которые раньше требовали большего количества. Золото и серебро, ушедшие за границу, уйдут не без соответствующего возмещения, они принесут на такую же стоимость товары того или иного рода. Притом не все эти товары будут представлять собою предметы роскоши, предназначенные для потребления праздных людей, которые ничего не производят в оплату своего потребления. Поскольку действительное богатство и доход праздных людей не увеличатся в ре-

зультате такого необычайного вывоза золота и серебра, постольку вследствие этого не увеличится значительно и их потребление. Эти товары в большей своей части, во всяком случае, в некоторой своей части будут состоять, вероятно, из материалов, инструментов и продовольствия для занятия и содержания трудящихся людей, которые воспроизведут с прибылью полную стоимость своего потребления. Таким образом, часть мертвого капитала общества обратится в действующий капитал, и он приведет в движение большее количество труда, чем было занято до того. Годовой продукт земли и труда немедленно несколько увеличится, а через несколько лет увеличится, по всей вероятности, очень значительно, поскольку промышленность этих стран избавится от самого тяжелого бремени, задерживающего ныне ее развитие.

Вывозная премия на хлеб необходимым образом оказывает такое же действие, как и эта нелепая политика Испании и Португалии. Независимо от фактического состояния сельского хозяйства, она несколько удорожает наш хлеб на внутреннем рынке сравнительно с тем, сколько он стоил бы при данном состоянии сельского хозяйства, и несколько удешевляет его на рынке внешнем; а так как средняя денежная цена хлеба определяет более или менее денежную цену всех других товаров, премия значительно понижает стоимость серебра на внутреннем рынке и имеет тенденцию немного повышать ее на внешнем. Она позволяет иностранцам, в особенности голландцам, не только питаться нашим хлебом по более дешевой цене, но иногда даже по более дешевой цене, чем может иметь его наш собственный народ,—так уверяет нас безусловный авторитет, сэр Мэтью Деккер¹. Премия не позволяет нашим производителям поставлять свои товары за такое небольшое количество серебра, за какое они могли бы отдавать их при отсутствии премии, и дает голландцам возможность поставлять их за меньшее количество серебра. Она имеет тенденцию удорожать несколько наши мануфактурные изделия на всех рынках, а изделия голландцев—несколько удешевлять, а следовательно давать их промышленности двойное преимущество перед нашей собственной.

Так как премия повышает на внутреннем рынке не столько действительную, сколько номинальную стоимость нашего хлеба, так как она увеличивает не количество труда, которое определенное количество хлеба может содержать и занимать, а только количество серебра, на которое оно обменивается, то она задерживает развитие наших мануфактур, не оказывая сколько-нибудь значительных услуг нашим фермерам или землевладельцам. Конечно, она дает тем и другим несколько больше денег, и, пожалуй, будет трудновато убедить большинство их, что это отнюдь не оказывает им значительной

¹ [Смит имеет в виду анонимное сочинение «An essay on the causes of the decline of the foreign trade consequently of the value of lands in Britain, and on the means to restore both» (London 1744), автором которого считался Matthew Decker. Мак Куллох считает автором этого сочинения Виллиама Ричардсона. См. *Mac-Culloch, The literature of political economy. 1845. p. 46, 329.*]

услуги. Но если стоимость этих денег, т. е. количество труда, предметов продовольствия и всякого рода продуктов отечественного производства, которое можно купить на эти деньги, понижается, и притом понижается пропорционально увеличению их количества, то польза от этого будет почти только номинальная и воображаемая.

Во всем государстве имеется только один класс, которому премия была или может быть действительно полезна. Это—торговцы хлебом, экспортеры и импортеры хлеба. В урожайные годы премия необходимо вызвала более значительный вывоз, чем это было бы при отсутствии ее; препятствуя изобилию одного года восполнять скудость другого, она в неурожайные годы вызвала больший ввоз, чем это было бы необходимо в противном случае. В обоих случаях она увеличивала обороты хлеботорговцев, а в неурожайные годы она не только давала им возможность ввозить большее количество хлеба, но и продавать его по лучшей цене, а следовательно и с большей прибылью, чем это было бы, если бы не была более или менее устранена возможность восполнить недостаток хлеба в одном году обильем его в другом. В соответствии с этим именно среди этого класса я наблюдал наибольшее стремление сохранить или возобновить вывозную премию.

Наши землевладельцы, вводя высокие пошлины на ввозимый иностранный хлеб, которые в годы среднего урожая равносильны запрещению ввоза, и устанавливая премию, подражали, повидимому, поведению владельцев наших мануфактур. При помощи первых они закрепляли за собою монополию на внутреннем рынке, а при помощи второй пытались помешать тому, чтобы этот рынок оказался когда-либо переполненным их товаром. Посредством обоих этих мероприятий они старались повысить действительную стоимость хлеба точно таким же образом, как наши владельцы мануфактур посредством таких же мер повышали действительную стоимость различных видов мануфактурных изделий. Они, вероятно, не обратили внимания на большое и существенное различие, самой природой установленное между хлебом и почти всеми другими товарами. Когда посредством монополии на внутреннем рынке или вывозной премии вы даете владельцам наших шерстяных или полотняных мануфактур возможность продавать их товары по несколько более высокой цене, чем они могли бы без этого получить за них, вы повышаете не только номинальную, но и действительную цену этих товаров. Вы делаете их эквивалентными большему количеству труда и предметов существования; вы увеличиваете не только номинальную, но и действительную прибыль, действительное богатство и доход этих владельцев мануфактур; вы даете им возможность или самим жить лучше, или занимать большее количество рабочих на своих мануфактурах. Вы оказываете этим владельцам мануфактур действительное поощрение и направляете к ним большее количество труда страны, чем это, вероятно, было бы при естественном ходе вещей. Но когда посредством таких же мероприятий вы повышаете номинальную или денежную цену хлеба, вы не повышаете его дей-

ствительную стоимость—вы не увеличиваете действительное богатство, действительный доход наших фермеров или землевладельцев, вы не поощряете производства хлеба, так как вы не даете им возможности содержать и занимать больше рабочих для выращивания его. По самой природе вещей, хлеб имеет определенную действительную стоимость, которая не может быть изменена одним лишь изменением его денежной цены. Никакая вывозная премия, никакая монополия на внутреннем рынке не могут повысить эту стоимость. Самая свободная конкуренция не в состоянии понизить ее. Во всем мире стоимость эта равна количеству труда, которому она может дать содержание, и в каждой отдельной местности она равняется количеству труда, которое—обильно, умеренно или скудно, в зависимости от обычного уровня существования рабочих в этой местности,—она может содержать. Шерстяные материи или полотно не являются регулирующими товарами, которыми в конечном счете должна измеряться и определяться действительная стоимость всех других товаров; таким товаром является хлеб. Действительная стоимость всякого другого товара измеряется и определяется в конечном счете отношением его средней денежной цены к средней денежной цене хлеба. Действительная стоимость хлеба не изменяется вместе с теми изменениями его средней денежной цены, которые иногда происходят от одного столетия к другому. В результате этих изменений изменяется лишь действительная стоимость серебра.

Вывозные премии на любой продукт отечественного производства вызывают, во-первых, то общее возражение, которое может быть выдвинуто против всех вообще мероприятий меркантилистической системы, а именно—что они насильственно направляют некоторую часть труда страны в русло, менее выгодное, чем то, по какому он направлялся бы, будучи предоставлен самому себе; во-вторых, то специальное возражение, что они направляют его не только в менее выгодное, но и фактически в невыгодное русло; торговля, которую можно вести только при существовании вывозной премии, обязательно должна быть убыточной торговлей. Вывозная премия на хлеб вызывает то дальнейшее возражение, что она ни в каких отношениях не может увеличивать производства того продукта, которое она имеет в виду поощрять. Таким образом, наши землевладельцы, требуя установления премии, хотя и подражали при этом нашим купцам и владельцам мануфактур, не проявили того правильного понимания своих собственных интересов, которое обычно руководит поведением этих двух других классов общества. Они обременили общественный доход весьма значительным расходом; они взвалили очень тяжелый налог на всю массу народа, но не увеличили в сколько-нибудь значительной мере действительную стоимость своего собственного товара; понизив несколько действительную стоимость серебра, они в известной мере затруднили развитие всей вообще промышленности страны и вместо того, чтобы подвинуть вперед, более или менее замедлили улучшение своих собственных земель,

которое необходимо зависит от общего состояния промышленности страны.

Могут предположить, что в целях поощрения производства какого-нибудь продукта более непосредственное действие будет иметь премия за производство, а не вывозная премия. Кроме того, такая премия будет облагать народ только одним налогом, а именно тем, который ему придется вносить для выплаты этой премии. Вместо того, чтобы повышать, она будет иметь тенденцию понижать цену данного продукта на внутреннем рынке, а потому, не налагая на народ второго налога, она сможет, по крайней мере отчасти, возмещать ему то, что он внес в виде первого налога. Однако премии за производство выдавались очень редко. Предвзвешенные, привитые меркантилистической системой, приучили нас думать, что национальное богатство создается главным образом вывозом, а не производством. В соответствии с этим вывоз больше поощрялся как более непосредственное орудие привлечения денег в страну. Вместе с тем утверждали, что премии за производство, как это выяснилось на опыте, в большей степени допускают обманы, чем вывозные премии. Не знаю, насколько это справедливо. Очень хорошо известно, что вывозными премиями злоупотребляли для многочисленных надувательств. Но отнюдь не в интересах купцов и владельцев мануфактур, главных изобретателей всех этих мер, чтобы внутренний рынок был переполнен их товарами,—явление, которое может иногда вызывать премия за производство. Это переполнение устраняет вывозная премия, позволяя им отправлять за границу излишки и поднимая цену остающегося на внутреннем рынке продукта. Ввиду этого из всех мероприятий меркантилистической системы купцы и владельцы мануфактур больше всего одобряют именно эту меру. Мне приходилось слышать, что предприниматели определенной отрасли промышленности вступали между собою в частное соглашение о выдаче из их собственного кармана премии за вывоз определенной доли товаров, составлявших предмет их торговли. Эта мера действовала так удачно, что более чем удваивала цену товаров их на внутреннем рынке, несмотря на значительное увеличение производства. Действие же вывозной премии на хлеб следует считать совершенно противоположным, если она вела к понижению денежной цены этого товара.

Впрочем, нечто вроде премии за производство предоставлялось в некоторых специальных случаях. Близкими по своему характеру подобным премиям следует, пожалуй, считать потонные премии, выдаваемые ловцам белых сельдей и китоловам. Можно предполагать, что они непосредственно ведут к удешевлению на внутреннем рынке определенных товаров. В других отношениях их действие следует признать аналогичным действию вывозных премий. Благодаря им часть капитала страны употребляется на снабжение рынка товарами, цена которых не покрывает издержек вместе с обычной прибылью на капитал.

Но хотя потонные премии этим рыболовным предприятиям не

содействуют увеличению богатства нации, можно, пожалуй, думать, что они содействуют ее обороне, поскольку увеличивают численность ее моряков и судов. Это, пожалуй, может быть достигнуто иногда посредством таких премий с гораздо меньшими издержками, чем посредством содержания большого, если позволено так выразиться, постоянного флота, наподобие постоянной армии.

Вопреки этим благоприятным предположениям, нижеследующие соображения заставляют меня полагать, что при установлении по крайней мере одной из этих премий законодательство сделало очень грубую ошибку.

1) Премия за ловлю сельдей на парусниках представляется слишком высокой.

С начала зимнего рыболовного сезона 1771 г. до конца зимнего рыболовного сезона 1781 г. потонная премия на сельдяной промысел на мелких парусниках равнялась 30 шилл. за тонну. За эти одиннадцать лет весь улов от мелкого сельдяного промысла в Шотландии достигал 378 347 боченков. Сельдь, выловленная в море и тут же засоленная, называется сельдью морской заготовки. Для того, чтобы сделать ее так называемой продажной сельдью, необходимо перебрать ее, добавив некоторое количество соли. Поэтому считают, что из трех боченков сельдей морской заготовки получают обычно два боченка продажных сельдей. Таким образом, общий улов продажной сельди за эти 11 лет выразится, согласно этому расчету, только в 252 231 $\frac{1}{3}$ боченка. За эти 11 лет потонной премии было всего выплачено 155 463 ф. 11 ш., или 8 ш. 2 $\frac{1}{4}$ п. на каждый боченок продажной сельди.

Для заготовки этой сельди употребляется иногда шотландская соль, иногда заграничная; та и другая предоставляется рыбопромышленникам освобожденной от всякого акциза. Акциз на шотландскую соль составляет в настоящее время 1 ш. 6 п., а акциз на заграничную соль—10 ш. на бушель. На боченок сельдей требуется, согласно расчетам, около одного бушеля с четвертью заграничной соли; шотландской соли требуется в среднем два бушеля. Если сельди предназначаются для вывоза, этот акциз совсем не взывается; если они предназначаются для внутреннего потребления, уплачивается с каждого боченка всего 1 ш., безразлично, заграничная или шотландская соль была употреблена на заготовку. Таков был размер старинного шотландского акциза с бушеля соли, т. е. того количества, которое считалось необходимым для заготовки боченка сельдей. В Шотландии заграничная соль очень мало употребляется для других целей, кроме засолки сельдей. Но с 5 апреля 1771 г. по 5 апреля 1782 г. количество ввезенной заграничной соли достигло 937 974 бушелей по 84 фунта в каждом, а количество шотландской соли, доставленной соляными предприятиями рыбопромышленникам, не превышало 168 226 бушелей по 56 ф. в каждом. Отсюда явствует, что при засолке сельдей употребляется главным образом заграничная соль. Кроме того, за каждый боченок сельдей, вывозимый за границу, выдается премия в 2 ш. 8 п., а вывозится больше двух пре-

тей всего улова сельдей мелких парусников. Если принять в соображение все эти факты, то окажется, что за эти 11 лет каждый боченок сельдей улова мелких парусников, на заготовку которого была употреблена шотландская соль, при вывозе его за границу обошелся правительству в 17 ш. 11 $\frac{3}{4}$ п., а при назначении его для внутреннего потребления—в 14 ш. 33 $\frac{3}{4}$ п., и что каждый боченок, на заготовку которого была употреблена заграничная соль, при вывозе его за границу обошелся правительству в 1 ф. 7 ш. 5 $\frac{3}{4}$ п., а при назначении его для внутреннего потребления—1 ф. 3 ш. 9 $\frac{3}{4}$ п. Цена боченка продажных сельдей хорошего качества колеблется от 17—18 до 24—25 шиллингов, равняясь в среднем одной гинее¹.

2) Премия, установленная для промысла белых сельдей, представляет собою потонную премию и пропорциональна вместимости судна, а не успешности или усердию ловцов; и я боюсь, что слишком часто суда снаряжались с единственной целью вылавливать не рыбу, а премию. В 1759 г., когда премия достигала 50 шиллингов за тонну, весь промысел на мелких парусниках Шотландии дал всего только четыре боченка сельдей морской заготовки. В этом году каждый боченок сельдей морской заготовки потребовал от правительства затраты на одну только премию 113 ф. 15 ш., а боченок продажной сельди—159 ф. 7 ш. 6 п.

3) Самый характер промысла по ловле белых сельдей, за который выдавалась премия (на палубных судах вместимостью от 20 до 80 тонн), повидимому, приспособлен не столько к условиям Шотландии, сколько к условиям Голландии, откуда он, как кажется, заимствован. Голландия расположена на большом расстоянии от морей, в которые главным образом устремляются сельди, и потому может вести этот промысел только на палубных судах, которые могут забирать с собою достаточно воды и провизии для рейса в далекое море. Но Гебридские или Западные острова, острова Шотландские и северные и северо-западные берега Шотландии, по соседству с которыми главным образом ведется ловля сельдей, повсюду прорезываются морскими заливами, глубоко вдающимися в сушу и называющимися на местном языке морскими озерами. В эти-то морские озера преимущественно и стекаются сельди в те периоды, когда посещают эти воды: эта рыба, а также и многие другие виды рыб, как меня уверяли, появляются не регулярно и не всегда. Ввиду этих обстоятельств ловля рыбы с баркасов представляется наиболее приспособленной к специальным условиям Шотландии, ибо рыбаки доставляют сельдь на берег сейчас же после того, как выловят ее, для заготовки или потребления в свежем виде. Но значительное поощрение, оказываемое рыбному промыслу на парусных судах выдачей премии в 30 шилл. за тонну, неизбежно наносит ущерб баркасному промыслу, который, не получая никакой премии, не может доставлять свой улов на рынок на таких же условиях, на каких доставляют его промышленные на парусных судах. Благо-

¹ См. расчет в конце настоящей главы [стр. 108—109].

даря этому почти совсем пришел в упадок рыбный промысел на баркасах, который до введения премии для парусных судов был очень значителен и, как передают, давал занятие не меньшему числу людей, чем в настоящее время занято промыслом на парусных судах. Впрочем, должен признать, что относительно прежних размеров этого ныне подорванного и покинутого рыбного промысла я не могу говорить с большой точностью. Так как никакой премии не выдавалось на участвующие в промысле баркасы, таможенные и соляные чиновники не вели регистрацию их.

4) Во многих частях Шотландии в течение известных периодов года сельди составляют довольно значительную часть питания простого народа. Премия, понижающая их цену на внутреннем рынке, могла бы много содействовать улучшению положения многочисленных наших соотечественников, которые отнюдь не обладают достатком. Но премия, предоставленная сельдяному промыслу на парусниках, совсем не содействует этой благой цели. Она разорила баркасный рыбный промысел, который лучше всего приспособлен для снабжения внутреннего рынка, и добавочная вывозная премия в 2 ш. 8 п. на боченок ведет к вывозу за границу большей части улова (более двух третей). Меня уверяли, что 30—40 лет тому назад, до введения премий для промысла на парусниках, 16 шилл. за боченок составляли обычную цену белых сельдей. Лет 10—15 тому назад, когда баркасный рыбный промысел не был еще совершенно уничтожен, цена колебалась, как сообщают, в пределах от 17 до 20 шилл. за боченок. В течение последних пяти лет она в среднем достигала 25 шилл. за боченок. Впрочем, такая высокая цена могла вызываться малым количеством сельдей у берегов Шотландии. Точно так же я должен заметить, что самый боченок, который продается обычно вместе с сельдью и цена которого включена во все приведенные выше цены, со времени начала американской войны вздорожал вдвое против прежнего, а именно—с 3 шилл. до 6 шилл. Должен равным образом заметить, что сообщения, полученные мною относительно цен прежних лет, отнюдь не сходятся друг с другом и не единодушны, и один старик, отличающийся большой точностью и опытностью, уверял меня, что более 50 лет тому назад обычная цена боченка хорошей продажной сельди равнялась одной гинее, и эту цену, мне кажется, можно и для настоящего времени считать средней ценой. Как бы то ни было, все сообщения, кажется мне, сходятся в том, что цена на внутреннем рынке не понизилась в результате введения премии для промысла на парусниках.

Если рыбопромышленники, после предоставления им таких щедрых премий, продолжают продавать свой товар по прежней или даже еще более высокой цене, чем обычно продавали раньше, то можно ожидать, что их прибыли будут очень высоки, и весьма вероятно, что прибыли некоторых из них действительно таковы. Однако по общему правилу, как я имею все основания полагать, дело обстоит совершенно иначе. Обычное действие подобных премий выражается в том, что они поощряют опрометчивых предприни-

мателей браться за дело, которого они не понимают, и то, что они теряют в результате собственной неосмотрительности и незнания, с избытком поглощает все то, что они могут выгадать благодаря чрезвычайной щедрости правительства. В 1750 г. тот самый закон, который впервые устанавливает премию в 30 шилл. за тонну в целях поощрения ловли белых сельдей (закон, изданный в 23-й год правления Георга II, гл. 24), учреждал также акционерную компанию с капиталом в 500 000 фунтов, причем акционерам (помимо всех прочих поощрительных мер: только что упомянутой потонной премии, вывозной премии в 2 ш. 8 п. за боченок, безакцизного отпуса британской и иностранной соли) на протяжении 14 лет предоставлялось право получать на каждые 100 фунтов, подписанные ими и внесенные в капитал общества, по 3 фунта в год, выплачиваемые им главным заведующим таможенными сборами равными долями каждые полгода. Помимо этой большой компании, председатель и директора которой должны были жить в Лондоне, объявлялось дозволенным учреждение различных рыбопромышленных контор во всех внешних портах королевства при условии подписки в капитал каждой из них не менее 10 000 фунтов, причем они должны были вести операции на свой собственный риск. Этим малым конторам были предоставлены такие же ежегодные дотации и такие же поощрения разного рода, как и большой лондонской компании. Капитал большой компании был скоро полностью внесен, а в различных внешних портах королевства возникло несколько рыбопромышленных контор. Несмотря на все эти поощрения, почти все эти компании, как большие, так и малые, потеряли весь или большую часть своего капитала; в настоящее время от них почти не осталось следа, и промысел по ловле белых сельдей ныне целиком или почти целиком ведется отдельными предпринимателями. Если какая-либо отдельная отрасль мануфактур необходима для защиты общества, не всегда будет благоразумно оставаться зависимыми в деле снабжения ее изделиями от наших соседей, и может оказаться целесообразным обложение всех других отраслей промышленности для поддержания ее, если она иначе не может существовать внутри страны. Этот принцип может, пожалуй, оправдывать выдачу премий на вывоз парусины и пороха британской выделки.

Но хотя очень редко может оказаться разумным обложение налогом труда широкой массы народа в целях поддержания труда какого-нибудь одного разряда владельцев мануфактур, однако при расточительности, свойственной периодам большого процветания, когда публика получает больший доход, чем может с толком употребить, можно, пожалуй, признать такие премии излюбленным отраслям мануфактур не менее естественными, чем всякий другой ненужный расход. В деле государственных, как и частных расходов ссылкой на большое богатство часто считают возможным оправдать большую расточительность, но, конечно, требуется нечто большее, чем нормальная глупость, чтобы продолжать такую расточительность в периоды общих затруднений и нужды.

Так называемые премии нередко представляют собою не что иное, как возврат пошлин, и к ним поэтому в таких случаях не приложимы те возражения, какие делаются против премий в собственном смысле слова. Премия, например, за вывозимый рафинад может рассматриваться как возврат пошлины, взимаемой с сахарного песку, из которого он выделяется; премия за вывозимый выделанный шелк—как возврат пошлины с ввозимого шелка-сырца и трощеного шелка; премия за вывозимый порох—как возврат пошлины с ввозимой серы и селитры. На таможенном языке только те выдачи называются возвратом пошлин, которые предоставляются за товары, вывозимые в той же самой форме, в какой они ввезены. Когда их форма так изменяется при мануфактурной переработке, что они получают новое обозначение, эти выдачи называются премиями.

Награды, даваемые обществом художникам или мануфактуристам, которые выделяются в своей специальности, не могут вызывать тех же возражений, как премии вышеописанного характера. Поощряя выдающиеся способности и умение, они служат поддержанию соревнования между работниками, занятыми в этих специальностях, и недостаточно велики для того, чтобы направлять в какую-либо из них большую долю капитала страны, чем это было бы при отсутствии таких наград. Они имеют тенденцию не нарушать естественное равновесие занятий, а сделать работу, выполняемую в каждом из них, возможно более искусной и совершенной. Кроме того, расход на такие награды незначителен, тогда как премии требуют очень больших расходов. Одна только премия на хлеб обходилась иногда государству в течение года более чем в 300 000 фунтов.

Премии иногда называются наградой, как возвратные пошлины иногда называются премиями. Но мы должны во всех случаях считаться с сущностью вещей, не обращая внимания на слова.

Отступление по вопросу о хлебной торговле и хлебных законах

Я не могу закончить эту главу относительно премий, не указав, что совершенно не заслужены похвальные отзывы, которыми удостоивали закон, устанавливающий премию на вывозимый хлеб, и связанную с ним систему мероприятий. Специальное выяснение природы хлебной торговли и изучение главных законов Великобритании, относящихся к ней, достаточно подтвердит справедливость этого утверждения. Важность этого вопроса должна оправдать размеры нашего отступления.

Хлебная торговля состоит из четырех различных ветвей, которые, хотя и могут иногда вестись все одним и тем же лицом, по самому характеру своему представляют собою четыре самостоятельные и особые отрасли торговли. Это, во-первых, торговля хлебом внутри страны; во-вторых, импортная торговля для внутреннего потребления; в-третьих, экспортная торговля хлебом страны для

иностранного потребителя и, в-четвертых, транзитная торговля хлебом—ввоз хлеба в целях обратного вывоза.

1. Интересы торговца хлебом внутри страны и широких слоев народа, как бы они ни казались противоположными с первого взгляда, совершенно тождественны даже в годы сильнейшего неурожая. В интересах торговца поднимать цену своего хлеба так высоко, как этого требует скудость урожая, и в его интерес никогда не может входить поднятие ее выше этого уровня. Поднимая цену, он ограничивает потребление и заставляет всех, а в особенности низшие классы народа, более или менее соблюдать бережливость и умеренность. Если чрезмерным повышением цены он уменьшает потребление столь значительно, что запасы урожая могут превысить потребление до следующей жатвы и оставаться у него некоторое время после того, как начнет поступать хлеб нового урожая, он рискует не только потерять оставшийся хлеб в силу естественных причин, но и оказаться вынужденным продать оставшийся хлеб по гораздо более дешевой цене, чем мог получить за него несколькими месяцами раньше. Если он поднимет цену недостаточно высоко и благодаря этому так мало ограничит потребление, что запасов урожая нехватит до новой жатвы, он не только теряет часть прибыли, которую мог бы в противном случае получить, но и заставляет народ терпеть до нового урожая если не тягости дороговизны, то убийственные ужасы голода. В интересах народа, чтобы его потребление за день, неделю и месяц по возможности точно соответствовало запасам урожая. Интересы торговца хлебом внутри страны таковы же. Снабжая население по возможности соответственно такому расчету, он наверняка продаст свой хлеб по наиболее высокой цене и с наибольшей прибылью; а знание им состояния запасов и размеров своей ежедневной, еженедельной, месячной продажи позволяет ему судить с большей или меньшей точностью, в какой мере население действительно снабжается указанным образом. Не имея в виду соблюдения интересов населения, он неизбежно побуждается, ради соблюдения своих собственных интересов, обращаться с ним, даже в годы неурожая, совсем так, как осмотрительный капитан корабля иногда оказывается вынужден обращаться со своим экипажем. Когда он предвидит, что провианта может нехватить, он сажает его на уменьшенную порцию. Из избытка предосторожности он иногда делает это при отсутствии действительной необходимости, тем не менее все неудобства, которые от этого может терпеть экипаж, незначительны в сравнении с опасностью, страданиями и гибелью, которым они могут иногда подвергнуться при менее предусмотрительном поведении. Хотя точно так же торговец хлебом внутри страны может нередко, под влиянием чрезмерной жадности, поднять цену на хлеб несколько выше, чем это требуется недостатком хлеба, все же все те неудобства, которые население может испытывать благодаря такому образу действий, фактически избавляющему их от голода в конце года, будут незначительны в сравнении с тем, что им пришлось бы пережить, если бы он в начале года проявил меньшую строгость.

Хлеботорговец сам скорее всего пострадает от такой чрезмерной жадности, и не только ввиду возмущения, которое он в таком случае возбуждает против себя, но также и потому, что, если даже он сумеет избежать последствий этого возмущения, все же у него на руках к концу года останется непроданный хлеб, который если новый урожай окажется более благоприятным, ему придется продать по более низкой цене, чем это могло бы быть в противном случае.

Конечно, если бы было возможно, чтобы одна большая торговая компания захватила в свои руки весь урожай обширной страны, в ее интересах было бы, пожалуй, поступать с ним так, как голландцы, по рассказам, поступают с пряностями с Молуккских островов, а именно—уничтожают или выбрасывают в море значительную часть их, чтобы удержать на высоком уровне цену оставшегося количества. Но даже с помощью принудительного воздействия закона вряд ли возможно установить такую всеобъемлющую монополию в отношении хлеба; и всюду, где закон охраняет свободу торговли, хлеб из всех товаров труднее всего сосредоточить в одних руках или монополизировать при помощи немногих крупных капиталов, скупающих значительную часть его. Стоимость хлеба не только намного превышает размеры капиталов тех немногих частных лиц, которые могли бы его скупить, но даже при предположении, что этих капиталов достаточно для скупки всего хлеба, ее делает вообще неосуществимой самый способ, каким производится хлеб. Так как во всех культурных странах хлеб представляет собою продукт, потребляемый больше всего, то на производство хлеба затрачивается большее количество труда, чем на производство всякого другого продукта. Далее, когда снимается жатва, хлеб оказывается по необходимости распределенным между большим числом владельцев, чем всякий иной товар, и этих владельцев никак нельзя собрать в одно место, как небольшое число независимых владельцев мануфактур; они необходимо разбросаны по всем концам страны. Эти первоначальные владельцы или непосредственно снабжают потребителей в своей округе или снабжают других торговцев хлебом внутри страны, которые, в свою очередь, снабжают им потребителей. Поэтому торговцы хлебом внутри страны, включая фермера и булочника, по необходимости более многочисленны, чем торговцы всяким другим товаром, и разбросанность их делает для них вообще невозможным вступать в какие-либо общие соглашения. Ввиду этого, если в неурожайный год один из них увидит, что у него на руках значительно больше хлеба, чем он может рассчитывать продать по существующей цене до нового урожая, он ни за что не станет держаться этой цены в убыток самому себе и лишь к выгоде своих соперников и конкурентов, а сейчас же понизит ее, чтобы сбыть свой хлеб до того, как станет поступать хлеб нового урожая. Те же соображения, тот же самый интерес, которые определяют в данном случае образ действий одного торговца, будут определять и образ действий всякого другого и побуждать их всех продавать свой

хлеб по цене, наиболее соответствующей, по их крайнему разумению, недостатку или обилию его в данном году.

Всякий, изучающий внимательно историю периодов дороговизны и голодовок, которые поражали ту или иную часть Европы в течение настоящего или двух предшествовавших столетий и относительно которых мы имеем довольно точные данные, убедится, что дороговизна никогда не возникала в результате какого-либо соглашения между собою торговцев хлебом внутри страны или какой-нибудь другой причины, а порождалась действительным недостатком хлеба, который создавался иногда и в некоторых отдельных местах благодаря расточительности войны, а в гораздо большем числе случаев—благодаря плохому урожаю, и что голод никогда не возникал по какой-либо иной причине, как в результате насильственных мероприятий правительства, пытавшегося негодными средствами устранить неудобства дороговизны.

В обширной земледельческой стране, между различными частями которой существует свободная торговля и сообщение, недостаток хлеба, порожденный самым сильным неурожаем, никогда не может быть так значителен, чтобы вызвать голод, и даже самый скудный урожай, если обращаться с ним с бережливостью и умеренностью, прокормит в течение всего года такое же количество людей, какое обычно прокармливается более щедро в годы среднего урожая. Больше всего неблагоприятна для урожая погода слишком засушливая или слишком дождливая. Но так как хлеб растет одинаково на высоких и низменных местах, на почвах очень влажных или очень засушливых, то засуха или дожди, губельные для одной части страны, полезны для другой; и хотя как в дождливый, так и в засушливый год урожай бывает значительно хуже, чем в год с более равномерной погодой, однако в обоих этих случаях потери в одной части страны в известной мере уравновешиваются избытком в другой ее части. В странах, выращивающих рис, где для этого растения необходима не только очень влажная почва, но и нахождение в известный период его произрастания под водой, последствия засухи гораздо более серьезны. Однако даже и в таких странах засуха редко бывает столь повсеместной, чтобы обязательно породить голод, если только правительство допустит свободную торговлю. Засуха в Бенгалии несколько лет тому назад могла, вероятно, вызвать очень сильную дороговизну. Ряд неправильных мероприятий, ряд неразумных ограничений торговли рисом, установленных служащими Остландской компании, содействовали, наверное, превращению этой дороговизны в голод.

Когда правительство в стремлении устранить неудобства дороговизны приказывает всем торговцам продавать их хлеб по цене, которую оно считает разумной и справедливой, оно или удерживает их от доставки хлеба на рынок, что может иногда вызвать голод даже в начале года, или, если они и привозят его туда, это дает населению возможность и потому поощряет его потреблять хлеб так неумеренно, что это должно неизбежно породить голод еще до

конца года. Неограниченная, ничем не стесняемая свобода хлебной торговли не только представляет собою единственное средство для предотвращения бедствий голода, она является также наилучшим средством против неудобств дороговизны, ибо неудобные последствия действительного неурожая ничем нельзя предотвратить, их можно только смягчить. Ни один род торговли не заслуживает в большей степени покровительства закона и ни один из них не нуждается в нем в такой степени, ибо ни один другой вид торговли не рискует вызвать такого возмущения и нападков населения.

В неурожайные годы низшие классы населения приписывают свои лишения алчности хлеботорговца, который становится предметом их ненависти и возмущения. Поэтому вместо того, чтобы наживать в таких случаях барыши, хлеботорговец часто подвергается опасности разориться и видеть свои склады разграбленными и разрушенными в результате их насильственных действий. Тем не менее именно в неурожайные годы, когда цены высоки, хлеботорговец рассчитывает получить наибольшую прибыль. Он обычно имеет договоры с несколькими фермерами на поставку ему в течение определенного числа лет определенного количества хлеба по определенной цене. Эта договорная цена устанавливается в соответствии с тем, что считается умеренной и справедливой ценой, т. е. в соответствии с обычной или средней ценой, которая до последних неурожайных годов колебалась в пределах от 8 до 20 шиллингов за четверть пшеницы с соответствующими изменениями для прочих хлебов. Поэтому в неурожайные годы хлебный торговец покупает значительную часть своего хлеба по нормальной, а продает его по гораздо более высокой цене. Но что эта сверхобычная прибыль не более чем достаточна для того, чтобы поставить его торговлю в такие же условия, как и другие виды торговли, и компенсировать многочисленные потери, которые он несет в других случаях как потому, что его товар подвержен порче, так и из-за частых и непредвидимых колебаний его цены, представляется вполне очевидным уже в силу одного того, что большие состояния в хлебной торговле приобретаются столь же редко, как и во всякой другой. Однако народное неудовольствие, которому она подвергается в неурожайные годы,—единственные годы, когда она может быть очень прибыльной,—внушает людям честным и самостоятельным нежелание заниматься ею. Она оказывается предоставленной низшему разряду торговцев, и мельники, булочники, мучные торговцы и мучные комиссионеры, вместе с жалкими мелочными лавочниками, представляют собою единственных посредников, которые на внутреннем рынке оперируют между производителем и потребителем.

Политика, установившаяся в прежнее время в Европе, вместо того, чтобы устранить эту общераспространенную вражду по отношению к торговле, столь благодетельной для общества, повидимому, напротив, только освящала и питала ее.

Законом, изданным в 5-й и 6-й год правления Эдуарда VI, гл. 14, было установлено, что всякий, покупающий какой бы то ни было

хлеб или зерно в целях перепродажи его, будет объявлен незаконным скупщиком и будет подлежать в первый раз двухмесячному тюремному заключению и штрафу в размере стоимости этого хлеба, во второй раз—шестимесячному заключению и штрафу в размере двойной стоимости и в третий раз—тюремному заключению до королевского распоряжения и конфискации всех его товаров и имущества. Политика большей части остальной Европы была не лучше политики Англии.

Наши предки воображали, повидимому, что люди смогут покупать хлеб дешевле у фермера, чем у хлеботорговца, который, как они боялись, будет брать с них, сверх цены, уплаченной им фермеру, чрезмерную прибыль в свою пользу. Поэтому они пытались совсем уничтожить его торговлю; они даже старались по возможности помешать тому, чтобы существовал какой-либо посредник между производителем и потребителем; таков был смысл многих ограничений, которым они подвергали торговлю так называемых ими перекупщиков или перевозчиков хлеба,—торговлю, которую никто не имел права заниматься без разрешения, удостоверяющего его честность и добросовестность. Согласно статуту Эдуарда VI, для выдачи такого разрешения требовалось согласие трех мировых судей. Но даже и такое ограничение было впоследствии признано недостаточным, и в силу статута Елизаветы право выдавать его было передано четвертным судебным сессиям.

Политика Европы в минувшие времена пыталась таким образом регулировать сельское хозяйство, главный промысел деревни, принципами, совершенно отличными от тех, которые она установила по отношению к мануфактурной промышленности, главному занятию городов. Не оставляя фермеру других покупателей, кроме потребителей или их непосредственных комиссионеров, перекупщиков и перевозчиков хлеба, она пыталась заставить его заниматься промыслом не только фермера, но также крупного хлеботорговца или торговца хлебом в розницу. Напротив того, она во многих случаях воспрещала владельцу мануфактуры держать магазин или продавать свои товары в розницу. Первым законом она имела в виду служить общему интересу страны или удешевить хлеб, сама, пожалуй, не отдавая себе отчета, как это может быть достигнуто. Вторым законом она имела в виду служить интересам определенного класса, лавочников, которым владелец мануфактуры, если бы только ему было позволено вести розничную торговлю, составил, как полагали, такую сильную конкуренцию, что они были бы совсем разорены.

Однако, если бы даже владельцу мануфактуры было дозволено держать лавку и продавать свои товары в розницу, он все же не мог бы успешно конкурировать с обыкновенным лавочником. Какую бы часть своего капитала он ни вложил в свою лавку, он должен был бы взять ее из своей мануфактуры. Для того чтобы вести свое предприятие в обычных условиях, он должен был бы получать, с одной стороны, прибыль в качестве владельца мануфактуры, а с другой—в качестве лавочника. Предположим для примера, что

в городе, где он живет, десять процентов составляют обычную прибыль как на капитал, вложенный в мануфактурное предприятие, так и на капитал, вложенный в розничную торговлю. В этом случае он должен накидывать на каждую единицу своего товара, продаваемого в его лавке, двадцать процентов на прибыль. Вывозя товары со склада к себе в лавку, он должен расценивать их по цене, по которой мог бы продавать их лавочнику или купцу, которые купил бы их у него оптом. Если он расценивает их дешевле, он теряет часть прибыли с своего капитала, занятого в мануфактуре. Когда же он продает их в своей лавке, он теряет часть прибыли с своего торгового капитала, если только не выручает такую же цену, по которой продавал бы их лавочник. Поэтому, хотя и может казаться, что он получает двойную прибыль на одной и той же единице товара, на самом деле, поскольку эти товары составляли последовательно часть двух различных капиталов, он получает обычную прибыль на весь капитал, затрачиваемый на них. А если он получает прибыль меньшую, он терпит убыток или оказывается затрачивающим свой капитал с меньшей выгодой, чем большинство его соседей.

То, что воспрещалось владельцу мануфактуры, в известной мере предписывалось делать фермеру, а именно—делить свой капитал между двумя различными назначениями: одну часть его он должен держать в амбарах и на гумне для удовлетворения требований рынка, а другую—затрачивать на обработку своей земли. Но подобно тому как он не может затрачивать последнюю с меньшей прибылью, чем это обычно для фермерского капитала, столь же мало он может затрачивать первую с меньшей прибылью, чем это обычно для торгового капитала. Принадлежит ли капитал, на который фактически ведется предприятие хлебопловца, лицу, называемому фермером, или лицу, называемому хлебным торговцем, в обоих случаях необходима одинаковая прибыль, чтобы возместить его собственнику употребление его таким именно образом, чтобы его промысел находился в таких же условиях, как и другие предприятия, и чтобы у него не появилось стремление возможно скорее переменить это занятие на другое. Поэтому фермер, вынужденный таким образом заниматься промыслом торговца хлебом, никак не может продавать свой хлеб дешевле, чем должен был бы продавать всякий другой торговец хлебом при наличии свободной конкуренции.

Торговец, который может вкладывать весь свой капитал в одно определенное предприятие, обладает такого же рода преимуществом, как и рабочий, который может затрачивать весь свой труд на одну определенную операцию. Как последний приобретает ловкость, позволяющую ему теми же двумя руками выполнять гораздо большее количество работы, так и первый научается столь легко и быстро вести свое дело, покупать и сбывать свои товары, что с одним и тем же капиталом он может делать гораздо большие обороты. Как первый обычно может продавать свой труд значительно дешевле, так и второй обычно может продавать свои товары несколько дешевле, чем

в том случае, когда его капитал и его внимание были бы заняты не одним только делом. Большинство владельцев мануфактур не в состоянии продавать в розницу свои товары так дешево, как старательный и деятельный розничный торговец, единственное занятие которого состоит в покупке их оптом и в продаже потом в розницу. Большинство фермеров еще меньше может продавать в розницу свой хлеб, снабжать жителей города на расстоянии, может быть, четырех или пяти миль по такой же цене, по какой может делать это старательный и деятельный хлебопловец, единственное занятие которого состоит в покупке хлеба оптом, в доставке его на склад и последующей его продаже.

Закон, воспрещавший владельцу мануфактуры заниматься промыслом лавочника, пытался форсировать отмеченное разделение в употреблении капиталов; закон, обязывавший фермера заниматься промыслом хлебопловца, пытался задержать развитие в этом направлении; оба закона являлись явным нарушением естественной свободы, а потому были несправедливы; вместе с тем они были столь же нецелесообразны, сколь несправедливы. В интересах всякого общества, чтобы в подобного рода делах не было ни принуждения, ни стеснения. Человек, употребляющий свой труд или свой капитал на большее число занятий, чем требует того его положение, никогда не сможет повредить своему соседу, конкурируя с ним: он скорее повредит самому себе, и это обычно так и бывает. Хватающийся сразу за несколько дел никогда не разбогатеет, говорит пословица. Закон должен всегда предоставлять людям самим заботиться об их собственных интересах, так как о своих специальных условиях и положении они, по общему правилу, более способны судить, чем законодатель. Из вышеупомянутых законов более вредным был закон, который обязывал фермера заниматься промыслом хлебопловца.

Этот закон не только задерживал деление употребляемого капитала, столь выгодное для каждого общества, но и препятствовал также улучшению и обработке земли. Заставляя фермера заниматься двумя промыслами вместо одного, он принуждал его делить свой капитал на две части, из которых только одна могла быть употреблена на возделывание земли. Если же, напротив, фермер был бы волен продавать весь свой хлеб хлебопловцу, как только успеет обмолотить его, весь его капитал мог бы немедленно вернуться к земле и быть употреблен на покупку добавочного скота и на наем добавочных батраков, чтобы лучше возделывать землю. Будучи же обязан продавать свой хлеб в розницу, он был вынужден держать значительную часть своего капитала на протяжении года в амбарах и на гумне и потому не мог обрабатывать землю так хорошо, как мог бы делать это в противном случае при том же капитале. Таким образом, закон этот мешал улучшению и обработке земли и вместо того, чтобы вести к удешевлению хлеба, должен был уменьшать его количество, а потому и удорожать его в сравнении с тем, что было бы при естественном ходе вещей.

После промысла фермера промысел хлеботорговца представляет собою в действительности тот промысел, который при надлежащем поощрении и охране может больше всего содействовать производству хлеба. Он может содействовать промыслу фермера точно так, как промысел оптового торговца содействует промыслу владельцев мануфактур.

Оптовый торговец, доставляя владельцу мануфактуры готовый рынок, беря у него товары, как только он успевает изготовить их, и иногда даже выплачивая ему вперед их цену еще до их изготовления, позволяет ему держать весь свой капитал, а иногда и еще большую сумму, постоянно в производстве, а потому и вырабатывать гораздо большее количество товаров, чем если бы он был вынужден сам сбывать их непосредственным потребителям или только розничным торговцам. При этом, так как капитал оптового торговца обычно по своим размерам равен капиталу нескольких мануфактуристов, то эти деловые отношения между ними делают владельца крупного капитала заинтересованным в поддержке владельцев большого числа мелких капиталов и в оказании им помощи при тех потерях и неудачах, которые в противном случае могли бы оказаться для них гибельными.

Если бы подобного же рода деловые отношения повсюду установились между фермерами и торговцами хлебом, то это имело бы столь же благодетельные последствия для фермеров. Они получили бы возможность постоянно держать вложенным в земледелие весь свой капитал и даже больше этой суммы. В случае одного из тех несчастий, которые нигде не случаются так часто, как в фермерском промысле, они находили бы в своем постоянном покупателе, богатом хлеботорговце, человека, который и заинтересован помочь им, и в состоянии сделать это, и они не зависели бы целиком, как в настоящее время, от снисходительности своего землевладельца или от милости его управляющего. Если бы было возможно установить такие деловые отношения повсеместно и сразу, если бы было возможно обратить сразу весь фермерский капитал королевства к его действительному назначению, к возделыванию земли, отвлекши его от всех тех других занятий, на которые в настоящее время затрачивается его часть, и если бы было возможно, в целях содействия и поддержки в необходимых случаях операций этого большого капитала, добыть сразу другой капитал почти таких же размеров, то трудно даже представить себе, какие большие, глубокие и быстрые успехи земледелия повлекла бы за собою во всех частях страны такая перемена.

Следовательно, статут Эдуарда VI, запрещавший всякое посредничество между производителем и потребителем, старался уничтожить промысел, свободное занятие которым представляет собою не только лучшее средство против неудобств дороговизны, но и лучшее предупредительное средство против этого бедствия, ибо после фермерского промысла ни один другой промысел не содействует так производству хлеба, как промысел торговца хлебом.

Суровый характер этого закона был впоследствии смягчен изданием нескольких новых статутот, разрешавших последовательно скупку хлеба, когда цена пшеницы не превышала 20, 24, 32 и 40 шиллингов за квартал. Наконец, законом, изданным в 15-й год правления Карла II, гл. 7, скупка или покупка хлеба в целях перепродажи его, поскольку цена пшеницы не превышала 48 шилл. за квартал (при соответственной цене других хлебов), объявлялась дозволенной всем лицам, не являющимся барышниками, т. е. не перепродающим его на том же рынке до истечения трех месяцев. Вся та свобода, которую с тех пор пользовалась торговля хлебом внутри страны, была установлена этим законом. Статут, изданный в 12-й год правления нынешнего короля и отменяющий все остальные прежние законы против скупщиков и перекупщиков, не отменяет ограничений, установленных этим законом, которые поэтому сохраняют свою силу и по сию пору.

Однако статут этот в известном смысле подтверждает два совершенно нелепых общераспространенных предрассудка.

Во-первых, он предполагает, что при повышении цены пшеницы до 48 шилл. за квартал (и всех других хлебов соответственно) будет происходить такая скупка в одни руки, что это неблагоприятно отразится на народе. Но из сказанного выше, кажется, достаточно очевидно, что ни при какой цене не может происходить такая скупка хлеба торговцами внутри страны, чтобы это отражалось на населении; притом цена в 48 шилл. за квартал, хотя она и может казаться очень высокой, в неурожайные годы нередко устанавливается сейчас же после сбора урожая, когда не может еще быть продана сколько-нибудь значительная часть нового хлеба и когда даже невежественные люди не могут предполагать, чтобы хотя небольшая часть его могла быть скуплена в одни руки в ущерб населению.

Во-вторых, статут предполагает, что существует определенная цена, при которой обычно происходит спекуляция хлебом, т. е. при которой хлеб скупается в целях перепродажи его в ближайшем будущем на том же рынке, что причиняет ущерб населению. Но если купец когда-либо скупает хлеб, направляемый на рынок или уже находящийся на рынке, чтобы вскоре снова продать его на этом же рынке, то это объясняется только тем, что он полагает, что рынок в течение всего года не может снабжаться так обильно, как в данный момент, и что поэтому цена должна скоро повыситься. Если его расчеты на это ошибочны и цена не повышается, он теряет не только всю прибыль с капитала, затрачиваемого им таким образом, но и часть самого капитала ввиду издержек и потерь, необходимо связанных с скупкой хлеба и хранением его. Поэтому он самому себе причиняет гораздо больший ущерб, чем может нанести его тем отдельным людям, которым он помешает приобрести нужный им хлеб в данный базарный день, потому что они могут позже, в один из следующих базарных дней, купить хлеб так же дешево. Если его расчеты оправдываются, он не только не причиняет ущерба главной массе народа, но оказывает ей весьма важную услугу. Заста-

вляя население почувствовать неудобства дороговизны несколько ранее, чем это было бы в противном случае, он не дает ему чувствовать эту дороговизну впоследствии так остро, как это было бы, если бы дешевизна хлеба поощряла потребление его в большем количестве, чем это совместимо с недостатком хлеба в данном году. Когда недостаток хлеба действительно существует, самое лучшее, что можно сделать, это распределить протекающие от этого неудобства по возможности равномерно на все месяцы, недели и дни года. Интерес хлеботорговца побуждает его наблюдать за этим с возможной для него точностью; и так как никто другой не может быть в этом так заинтересован и не может обладать таким же знакомством с положением дела и такой же способностью точно следить за ним, то эта важнейшая функция торговли должна быть всецело предоставлена хлеботорговцу или, другими словами, торговля хлебом, поскольку, по крайней мере, дело идет о снабжении внутреннего рынка, должна быть оставлена совершенно свободной.

Широко распространенную в народе боязнь скупки хлеба и спекуляции им можно сравнить с столь же широко распространенными страхами и подозрениями относительно колдовства. Несчастные жертвы, обвинявшиеся в этом последнем преступлении, были столь же виноваты в бедствиях, приписываемых им, как те, кого обвиняли в первом преступлении. Закон, положивший конец всем преследованиям за колдовство, лишивший возможности любого человека удовлетворять свою собственную злобу обвинением своего соседа в этом воображаемом преступлении, повидимому, действительно положил конец этим страхам и подозрениям, устранив главную причину, питавшую и поддерживавшую их. Закон, который восстановит полностью свободу внутренней торговли хлебом, окажется, вероятно, столь же действительным для полного устранения общераспространенных опасений относительно скупки и спекуляции хлебом.

Несмотря, однако, на все свои несовершенства, закон 15-го года правления Карла II, гл. 7, наверно больше содействовал достаточному снабжению внутреннего рынка и развитию хлебопашества, чем какой-либо другой закон нашей книги статутах. Именно благодаря этому закону внутренняя хлебная торговля получила ту свободу и защиту, которыми она с тех пор пользовалась, а как снабжению внутреннего рынка, так и интересам земледелия гораздо более содействует внутренняя торговля, чем торговля импортная или экспортная.

Согласно вычислениям автора трактатов о хлебной торговле¹, отношение среднего количества всех хлебов, ввозимых в Великобританию, к среднему количеству всех хлебов, потребляемому внутри страны, не превышает 1 к 570. Следовательно, в деле снабжения внутреннего рынка внутренняя торговля в 570 раз важнее импортной торговли.

¹ [См. примечание выше, на стр. 76.]

Среднее количество всех хлебов, вывозимых из Великобритании, не превышает, согласно этому же автору, одной тридцать первой части годового продукта. Следовательно, для поощрения земледелия внутренняя торговля, обеспечивая его продукту рынок, имеет в 30 раз большее значение, чем экспортная торговля.

Я не придаю особенно большой веры политической арифметике и не думаю ручаться за точность этих расчетов. Я привожу их только для того, чтобы показать, насколько меньшее значение, по мнению самых благоразумных и опытных людей, имеет экспортная торговля хлебом сравнительно с торговлей внутренней. Значительная дешевизна хлеба в годы, непосредственно предшествовавшие установлению пошлины, пожалуй, не без основания может быть приписана в известной мере действию этого статута Карла II, изданного за 25 лет до того и, следовательно, имевшего уже достаточно времени, чтобы проявить свое действие.

Немногих слов будет достаточно для объяснения всего того, что я хочу сказать относительно других трех отраслей хлебной торговли.

II. Торговля купца, ввозящего иностранный хлеб для внутреннего потребления, очевидно содействует непосредственному снабжению внутреннего рынка и постольку должна быть непосредственно полезна для массы населения. Она имеет тенденцией несколько понижать среднюю денежную цену хлеба, но не уменьшать его действительную стоимость или количество труда, которое он может содержать. Если бы ввоз всегда был свободен, наши фермеры и землевладельцы выручали бы, вероятно, за свой хлеб, в среднем за ряд лет, несколько меньше денег, чем выручают в настоящее время, когда ввоз почти всегда оказывается в действительности воспрещенным; но деньги, которые они получали бы, имели бы большую стоимость, на них можно было бы покупать больше всяких других товаров и занимать большее количество труда. Таким образом, их действительное богатство, их действительный доход были бы такими же, как и в настоящее время, хотя и выражались бы в меньшем количестве серебра; это не лишило бы их возможности и не помешало бы им производить хлеб в таком же количестве, как и теперь. Напротив, так как повышение действительной стоимости серебра в результате понижения денежной цены хлеба несколько понижает денежную цену всех других товаров, это создает для промышленности страны, где это имеет место, некоторое преимущество на всех иностранных рынках и потому ведет к поощрению и развитию этой промышленности. Но размеры внутреннего рынка для хлеба должны соответствовать общим размерам промышленности страны, в которой он произрастает, или количеству тех, кто производит что-нибудь другое и потому обладает чем-нибудь другим, или, что то же самое, ценою чего-нибудь другого для обмена на хлеб. При этом внутренний рынок, будучи в каждой стране самым близким и наиболее удобным, является вместе с тем самым обширным и наиболее важным рынком для хлеба. Поэтому отмеченное повышение действительной стоимости серебра, являющееся следствием пони-

жения средней денежной цены хлеба, ведет к расширению самого большого и наиболее важного рынка для хлеба и таким образом поощряет его производство, а не ведет к уменьшению последнего.

В силу закона, изданного в 22-й год правления Карла II, гл. 13, ввоз пшеницы, когда ее цена на внутреннем рынке не превышала 53 шиллингов 4 пенсов за квартал, был обложен пошлиной в 16 шилл. на квартал и пошлиной в 8 шилл., когда цена не превышала 4 фунтов; первая из этих двух цен на протяжении более столетия имела место только во времена очень большого неурожая, а вторая, насколько мне известно, ни разу не была отмечена. Тем не менее, пока цена пшеницы не поднималась выше этой последней нормы, закон облагал ее очень тяжелой пошлиной, а пока она не достигала первой, он облагал ее пошлиной, имевшей запретительный характер. Ввоз других видов хлеба был ограничен пошлинами, — пропорционально стоимости данного вида, — почти одинаково высокими¹. Последующие законы еще более повысили эти пошлины.

Лишения, которые в неурожайные годы вызвало бы для народа строгое проведение этих законов, были бы, вероятно, очень велики, но обыкновенно в таких случаях их применение приостанавливалось временными статутами, которые разрешали в течение ограниченного срока ввоз иностранного хлеба. Необходимость таких временных статут достаточно свидетельствует о непригодности этого общего закона.

Эти стеснения ввоза, хотя они и предшествовали установлению вывозной премии, были внушены тем же духом, теми же принципами, которые впоследствии привели к указанной мере. Те или иные ограничения ввоза, как ни вредны были бы они сами по себе, сде-

¹ До закона, изданного в 13-й год правления теперешнего короля [Георга III], на разного рода привозной хлеб уплачивалась следующая пошлина:

Бобы:	при цене до 28 ш. за квартал	пошлина составляла	19 ш. 10 п.
»	» » 40 »	»	» 16 » 8 »
»	» св. 40 »	»	» — » 12 »
Ячмень:	» » до 28 »	»	» 19 » 10 »
»	» » 32 »	»	» 16 » — »
»	» св. 32 »	»	» — » 12 »

Ввоз солода воспрещается ежегодным биллем о пошлине на солод.

Овес:	при цене до 16 ш. за квартал	пошлина составляла	5 ш. 10 п.
»	» св. 16 »	»	» — » 9 ¹ / ₂ »
Горох:	» » до 40 »	»	» 16 » — »
»	» св. 40 »	»	» — » 9 ³ / ₄ »
Рожь:	» » до 36 »	»	» 19 » 10 »
»	» » 40 »	»	» 16 » 8 »
»	» св. 40 »	»	» — » 12 »
Пшеница:	» » до 44 »	»	» 21 » 9 »
»	» » 53 ш. 4 п.	»	» 17 » — »
»	» » 4 ф. ст.	»	» 8 » — »
»	» св. 4 »	»	» около 1 » 4 »
Гречиха:	» » » 32 ш.	»	» 16 » — »

Пошлины эти были установлены отчасти постановлением 22-го года правления Карла II вместо старой пошлины, отчасти постановлениями о новой пошлине, о пошлинах в одну треть и в две трети и о пошлине 1747 года.

лались необходимыми вследствие введения премий. Если бы при цене пшеницы ниже 48 ш. за квартал или несколько выше этого заграничный хлеб мог ввозиться или совсем без пошлины, или с уплатой лишь незначительной пошлины, его можно было бы вывозить обратно с прибылью в размере всей вывозной пошлины к большому ущербу для государственной казны и при полном извращении того установления (премии), целью которого было расширение рынка для хлеба отечественного производства, а не для хлеба чужих стран.

III. Торговля купца, вывозящего хлеб для потребления его за границей, безусловно не содействует непосредственно обильному снабжению внутреннего рынка, но делает это косвенным путем. Из какого бы источника ни производилось обычно это снабжение, за счет ли выращиваемого в стране хлеба или ввозимого из-за границы, снабжение внутреннего рынка никогда не может быть очень обильным, если обычно не выращивается или не ввозится в страну больше хлеба, чем потребляется в ней. Но если при нормальных условиях нельзя вывозить этот излишек, производители постараются производить, а импортеры — ввозить не больше того, чего требует одно лишь потребление внутреннего рынка. Этот рынок очень редко будет переполнен хлебом; напротив, по общему правилу он будет снабжаться недостаточно, так как люди, занимающиеся его снабжением, будут обычно опасаться, как бы их товар не остался у них на руках. Запрещение вывоза ограничивает возделывание и улучшение земли тем размером, которого требует снабжение населения страны. Свобода вывоза позволяет стране расширять обработку земель в целях снабжения других народов.

Законом, изданным в 12-й год правления Карла II, гл. 4, был дозволен вывоз хлеба во всех тех случаях, когда цена пшеницы не превышала 40 шилл. за квартал. Законом, изданным в 15-й год правления того же государя, эта свобода вывоза предоставлялась при цене до 48 шилл. за квартал, а законом 22-го года она сохранялась при любой более высокой цене. Правда, при вывозе взимался весовой сбор в пользу королевской казны. Но для всех хлебов были установлены такие низкие ставки, что на квартал пшеницы приходился весовой сбор всего в 1 шилл., на квартал овса — 4 пенса и на все другие хлеба — 6 пенсов. В силу закона, изданного в 1-й год правления Вильгельма и Марии и установившего вывозную премию, этот небольшой сбор фактически отменялся всякий раз, когда цена пшеницы не превышала 48 шилл. за квартал, а законом 11-го и 12-го годов правления Вильгельма III, гл. 20, он был специально отменен и при более высокой цене.

Таким образом, торговля экспортера не только поощрялась премией, но и была сделана гораздо более свободной, чем промысел торговца внутри страны. На основании последнего из этих законов хлеб для вывоза можно было скупать при любой цене, тогда как для продажи внутри страны его дозволялось скупать только тогда, когда цена не превышала 48 шиллингов за квартал. Между

тем, как уже выяснено, интересы торговца внутри страны никогда не могут идти вразрез с интересами широких слоев населения, а интересы купца-экспортера могут расходиться и иногда действительно расходятся с ними. Если в момент, когда собственная родина экспортера страдает от дороговизны, соседняя страна поражена голодом, в его интересах может быть вывозить туда хлеб в таких количествах, что это очень сильно увеличит бедствия дороговизны. Обильное снабжение внутреннего рынка не было прямой целью этих законов; под предлогом поощрения земледелия они имели в виду поднять по возможности выше денежную цену хлеба и таким образом по возможности вызвать постоянную дороговизну на внутреннем рынке. Благодаря затруднениям, которые ставились ввозу хлеба, снабжение этого рынка, даже в периоды большого неурожая, ограничивалось хлебом внутреннего производства, а благодаря поощрению вывоза, когда цена не превышала 48 шилл. за квартал, этот рынок не мог получать всего урожая страны даже в периоды значительного недостатка хлеба. Временные законы, воспрещавшие на определенный срок вывоз хлеба и на определенный же срок отменявшие ввозные пошлины,—меры, к которым Великобритания так часто вынуждена бывала прибегать,—достаточно свидетельствуют о непригодности ее общей системы. Если бы система эта была хороша, Великобритании не приходилось бы так часто отступать от нее.

Если бы все нации придерживались либеральной системы свободного вывоза и свободного ввоза, то многочисленные государства, на которые распадается великий континент, уподобились бы различным провинциям одного большого государства. Подобно тому как свобода внутренней торговли между различными провинциями одного большого государства представляется не только лучшим средством против дороговизны, но и самым действительным средством для предотвращения голода, так подобное же значение имела бы свобода вывозной и ввозной торговли между различными странами, на которые делится континент. Чем обширнее континент, чем легче по суше и по воде сообщение по различным частям его, тем меньше будет какая-либо его часть подвергаться когда-нибудь этим бедствиям, так как недостаток хлеба в одной стране сможет восполняться изобилием его в другой. Но очень немногие страны целиком приняли эту либеральную систему. Свобода хлебной торговли почти везде более или менее ограничена, а в многих странах стеснена такими нелепыми правилами, которые нередко превращают неустрашимое несчастье дороговизны в ужасное бедствие голода. Спрос таких стран на хлеб может иногда быть столь большим и столь настоящим, что небольшое государство по соседству с ними, которое как раз в это время страдает от некоторой дороговизны, не решится снабжать их, чтобы не рисковать самому подвергнуться столь же ужасному бедствию. Таким образом, дурная политика одной страны может делать в известной мере опасным и неосторожным проведение в другой такой политики, которая при других условиях явилась бы наилучшей. Неограниченная свобода вывоза

будет гораздо менее опасной в больших государствах, где сбор хлебов гораздо более значителен и где поэтому на снабжении редко может чувствительно отразиться вывоз любого количества хлеба. В каком-нибудь кантоне Швейцарии или в одном из мелких государств Италии может, пожалуй, оказаться иногда необходимым ограничить вывоз хлеба, но в таких обширных государствах, как Франция или Англия, это вряд ли когда-нибудь может понадобиться. Помимо того, препятствовать фермеру отправлять его товары в любое время на наиболее выгодный для него рынок очевидно равносильно принесению обычных законов справедливости в жертву идее общественного блага, своего рода соображениям государственной пользы. Такого рода акты законодательной власти должны иметь место и могут быть оправданы только в случаях самой крайней необходимости. Цена, при которой воспрещается вывоз хлеба, если он вообще когда-либо воспрещается, должна всегда устанавливаться на очень высоком уровне.

Законы относительно хлеба можно сравнить с законами, касающимися религии. Люди чувствуют себя столь заинтересованными в том, что касается их существования в здешней жизни или их блаженства в жизни будущей, что правительство бывает вынуждено уступать их предрассудкам, и, чтобы сохранить общественное спокойствие, устанавливать ту систему, которую они одобряют. Может быть, именно поэтому нам так редко приходится встречать разумные системы, установленные в этих двух важнейших областях.

IV. Торговля купца в транзитной торговле, т. е. импортирующего иностранный хлеб для обратного вывоза его, содействует обильному снабжению внутреннего рынка. Правда, в цели его торговли прямо не входит продавать на внутреннем рынке свой хлеб, но обычно он охотно делает это и даже по гораздо меньшей цене, чем он мог бы получить на заграничном рынке. Он это делает потому, что таким образом сберегает издержки по нагрузке и разгрузке, на фрахт и страхование. Жители страны, которая благодаря такой транзитной торговле становится складочным местом и хранилищем для снабжения других стран, очень редко сама может терпеть нужду в хлебе. Хотя таким образом транзитная торговля может содействовать понижению средней денежной цены хлеба на внутреннем рынке, она этим отнюдь не понижает его действительной стоимости: она только несколько повышает действительную стоимость серебра?

Транзитная торговля в Великобритании была фактически запрещена при нормальных условиях благодаря высоким пошлинам на ввоз иностранного хлеба, на большую часть которого не выдавались возвратные пошлины; что же касается чрезвычайных обстоятельств, когда недостаток хлеба делал необходимой отмену этих пошлин временными законами, то в это время оказывался почти совсем запрещенным вывоз хлеба. Ввиду этого существовавшая система законов фактически запрещала транзитную торговлю во всех случаях

Поэтому та система законов, которая связана с установлением вывозных премий, совсем, повидимому, не заслуживает и части той похвалы, которая высказывалась по ее адресу. Богатство и процветание Великобритании, столь часто приписывавшиеся этим законам, могут быть очень легко объяснены другими причинами. Та уверенность, которую законы Великобритании дают каждому человеку в том, что он сможет пользоваться плодами своего труда, сама по себе уже является достаточной для процветания любой страны, несмотря на те или другие нелепые правила о торговле; и эта уверенность была упрочена революцией как раз около того времени, когда была установлена премия. Естественное стремление каждого человека улучшить свое положение, если ему обеспечена возможность свободно и беспрепятственно проявлять себя, представляет собою столь могущественное начало, что одно оно не только способно без всякого содействия со стороны довести общество до богатства и процветания, но и преодолеть сотни досадных препятствий, которыми безумие человеческих законов так часто затрудняет его деятельность, хотя эти препятствия всегда более или менее ограничивают его свободу или ослабляют его действие. В Великобритании промышленность совершенно обеспечена, и хотя она далеко не вполне свободна, она во всяком случае не менее свободна или даже свободнее, чем в любой стране Европы.

Хотя период наибольшего процветания и благосостояния Великобритании последовал за установлением системы законов, связанной с премией, мы не должны все же приписывать его этим законам. Этот период ведь следовал также и за появлением национального долга. А национальный долг, несомненно, не был его причиной.

Хотя система законов, связанная с установлением премии, имеет совершенно такую же тенденцию, как и политика Испании и Португалии, а именно—тенденцию несколько понизить стоимость драгоценных металлов в стране, применяющей ее, все же Великобритания, несомненно, является одной из самых богатых стран Европы, тогда как Испания и Португалия должны быть причислены, пожалуй, к самым нищенским. Но такое различие в положении этих стран может быть легко объяснено двумя причинами: во-первых, налог в Испании на вывоз золота и серебра, запрещение его в Португалии и бдительная полиция, которая следит за выполнением этих законов, должны в этих двух очень бедных странах, ввозящих ежегодно на 6 миллионов фунтов стерлингов с лишним, влиять не только более непосредственно, но и гораздо более действительно на понижение там стоимости этих металлов, чем могут делать это в Великобритании хлебные законы; во-вторых, эта плохая политика не уравновешивается в этих странах общей свободой и безопасностью населения. Труд там не свободен и не обеспечен, а гражданское и церковное управление как Испании, так и Португалии таковы, что их одних достаточно для увековечения их нынешней бедности, даже если бы их законы, относящиеся к торговле, были столь же мудры, как нелепо и неразумно большинство их в настоящее время.

Закон, изданный в 13-й год правления ныне царствующего короля¹, гл. 43, установил новую систему в отношении хлебных законов, во многом лучшую, чем прежняя система, но кое в чем, пожалуй, не столь удовлетворительную.

На основании этого закона высокие пошлины на хлеб, ввозимый для потребления внутри страны, отменяются всякий раз, когда цена пшеницы среднего качества повышается до 48 шилл. за квартал, цена среднего качества ржи, гороха или бобов—до 32 шилл., цена ячменя—до 24 шилл., а овса—до 16 шилл.; вместо них взимается небольшой налог—всего лишь в 6 пенсов с квартала пшеницы и в соответственных размерах с остальных хлебов. Таким образом, в отношении всех этих хлебов, а в особенности в отношении пшеницы, внутренний рынок открыт для снабжения его из-за границы при ценах, гораздо более низких, чем это было раньше.

На основании того же закона прекращается выдача при вывозе пшеницы прежней премии в 5 шилл., как только цена поднимается до 44 шилл. за квартал вместо цены в 48 шилл., при которой прежде прекращалась выдача премии; прекращается выдача прежней премии в 2 шилл. 6 пенс. при вывозе ячменя, как только цена поднимается до 22 шилл. за квартал вместо прежних 24 шилл.; премия в 2 шилл. 6 пенс. при вывозе овсяной муки перестает выдаваться, как только цена поднимается до 14 шилл. вместо прежних 15 шилл. Премия при вывозе ржи понижена с 3 шилл. 6 пенс. до 3 шилл., и ее выдача прекращается, как только цена достигает 28 шилл. вместо прежде установленных для этого 32 шилл. Если вывозные премии столь нецелесообразны, как я это пытался доказать, то чем скорее они отменяются и чем они ниже, тем это лучше.

Этот же закон разрешает, при самых низких ценах, беспошлинный ввоз хлеба в целях обратного его вывоза при том условии, если он до вывоза хранится на складе за пломбами казенной и импортера. Правда, эта свобода ввоза распространена только на 25 портов Великобритании, но это—все главные порты, и в большей части остальных портов не найдется складов, приспособленных для этой цели.

В указанных отношениях закон этот представляется очевидным улучшением прежней системы.

Но этим же законом устанавливается премия в 2 шилл. за квартал при вывозе овса, когда цена его не превышает 14 шилл. До сих пор не существовало никакой премии за вывоз этого зерна, как и за вывоз гороха или бобов.

Этим же законом равным образом воспрещается вывоз пшеницы, как только ее цена повышается до 44 шилл. за квартал, вывоз ржи—при цене в 28 шилл., вывоз ячменя—при цене в 22 шилл. и вывоз овса—при цене в 14 шилл. Все эти цены представляются установленными слишком низко, и кроме того кажется нецелесообразным запрещать вообще вывоз как раз при тех ценах, при которых от-

¹ [Т. е. Георга IV.]

меняется премия, установленная для поощрения его. Нет сомнения, что либо премия должна отменяться при гораздо более низкой цене, либо же вывоз должен быть допущен при гораздо более высокой цене.

В этом отношении новый закон представляется уступающим прежней системе. Тем не менее, при всех его несовершенствах, мы можем, пожалуй, сказать о нем то, что было сказано о законах Солона, а именно, что хотя он сам по себе и не является наилучшим, он все же лучше всего того, что допускают интересы, предрассудки и нравы его времени. Может быть, он подготавливает со временем почву для лучшего закона.

* * *

Два следующих расчета присоединены здесь для иллюстрации и подтверждения того, что сказано в пятой главе четвертой книги по поводу премии за тонну улова белых сельдей. Я надеюсь, что читатель может вполне положиться на точность обоих расчетов.

Расчет судов для лова сельдей, снаряженных в Шотландии в течение одиннадцати лет, числа вятых пустых бочек и бочек, заполненных сельдями; средняя премия за каждую бочку сельдей морской заготовки и за каждую наполненную бочку

Годы	Число двухмачтовых судов	Вывезенные пустые бочки	Бочки с сельдями	Премия на двухмачтовые суда		
				Ф. ст.	Ш.	п.
1771	29	5 948	2 832	2 085	0	0
1772	168	41 316	22 237	11 055	7	6
1773	190	42 333	42 055	12 510	8	6
1774	248	59 303	56 365	16 952	2	6
1775	275	69 144	52 879	19 315	15	0
1776	294	76 329	51 863	21 290	7	6
1777	240	62 679	43 313	17 592	2	6
1778	220	56 390	40 958	16 316	2	6
1779	206	55 194	29 367	15 287	0	0
1780	181	48 315	19 885	13 445	12	6
1781	135	33 992	16 593	9 613	12	6
Итого	2 186	550 943	378 347	155 463	11	0

Сельди морской заготовки — 378 347
 Средняя премия за бочку сельдей морской заготовки £ 0 8 2¹/₄
 Но так как бочка сельдей морской заготовки считается равной только 2/3 наполненной бочки, то одну треть следует вычесть, и премия поэтому составит £ 0 12 3³/₄.

А если сельди экспортируются, то, кроме того, получается премия в . . . . . £ 0 2 8

Таким образом, премия, выплачиваемая правительством деньгами за каждую бочку, составляет . . . . . £ 0 14 11³/₄.

Но сюда следует еще прибавить пошлину на соль, причем обыкновенно считают, что на бочку употребляется в среднем 1¹/₄ бушеля иностранной соли, что составляет . . . . . £ 0 12 6

Премия за каждую бочку составляет таким образом . . . . . £ 1 7 5³/₄
 При употреблении для приготовления сельдей британской соли получаем следующий расчет:

Премия прежняя . . . . . £ 0 14 11³/₄
 Но если к этой премии прибавить пошлину на два бушеля шотландской соли, по 1 ш. 6 п. на бушель, которая в среднем употребляется на каждую бочку, а именно . . . . . £ 0 3 0

то премия на каждую бочку составит . . . . . £ 0 17 11³/₄
 А если двухмачтовые суда привозят сельди для внутреннего потребления в Шотландии и платят один шиллинг пошлины с бочки, то премия, как и прежде, составит . . . . . £ 0 12 3³/₄
 Из этой суммы следует вычесть 1 ш. с бочки . . . . . £ 0 1 0

Но к этому опять следует прибавить пошлину на иностранную соль, употребляемую при заготовке сельдей . . . . . £ 0 11 3³/₄
 Таким образом, законная премия на каждую бочку ввозимых для внутреннего потребления сельдей составит . . . . . £ 0 12 6
 Если для приготовления сельдей употребляется британская соль, то получается следующий расчет:
 Премия за каждую бочку, ввезенную двухмачтовым судом, прежняя . . . . . £ 1 3 9³/₄
 Отсюда следует вычесть 1 ш. с бочки, уплачиваемый при ввозе для внутреннего потребления . . . . . £ 0 12 3³/₄
 £ 0 1 0

Но если прибавить к премии пошлину на два бушеля шотландской соли, по 1 ш. 6 п. за бушель, которые составляют среднее количество соли, употребляемой на бочку, то премия за каждую ввезенную для внутреннего потребления бочку составит . . . . . £ 0 11 3³/₄
 £ 0 3 0
 £ 0 14 3³/₄

Хотя вычет пошлин за вывозимые сельди нельзя считать, собственно говоря, премией, но зато можно, конечно, считать премией вычет пошлин за сельди, ввозимые для внутреннего потребления.

Расчет количества иностранной соли, ввезенной в Шотландию, и шотландской соли, выданной беспощинно из солеварен для рыбной ловли с 5 апреля 1771 г. по 5 апреля 1782 г., и среднее количество той и другой в год.

Период с 5 апреля 1771 г. по 5 апреля 1782 г.	Ввезенная иностранная соль (бушелей)	Шотландская соль, выданная из солеварен (бушелей)
936 974	168 226	
В среднем за год	851,79 ⁵ / ₁₁	152, 93 ³ / ₁₁

Надо заметить, что бушель иностранной соли весит 84 фунта, а бушель британской соли только 56 фунтов.

Глава VI

О ТОРГОВЫХ ДОГОВОРАХ

Когда какая-нибудь нация обязуется договором разрешать ввоз определенных товаров какой-нибудь другой страны, ввоз которых из всех остальных стран она воспрещает, или освобождать товары одной страны от уплаты пошлин, которыми она облагает товары всех остальных стран, страна или, по крайней мере, купцы и владельцы мануфактурной страны, торговля которой получает такое преимущество, должны необходимым образом извлекать большую выгоду из подобного договора. Эти купцы и владельцы мануфактур пользуются своего рода монополией в стране, которая так предупредительна к ним. Эта страна становится и более обширным и более выгодным рынком сбыта для их товаров: более обширным потому, что в виду устранения или обложения более тяжелыми пошлинами товаров других наций она поглощает большее количество их товаров; более выгодным рынком потому, что купцы благоприятствуемой страны, пользуясь на нем своего рода монополией, могут часто продавать свои товары по лучшей цене, чем если бы им пришлось иметь дело с свободной конкуренцией всех других наций.

Однако такие договоры, хотя они и могут быть выгодны торговцам и владельцам мануфактур благоприятствуемой страны, обязательно невыгодны купцам и владельцам мануфактур страны, оказывающей такое предпочтение. Таким образом чужой нации предоставляется монополия против них, и им часто приходится покупать нужные им иностранные товары по более дорогой цене, чем это было бы при допущении свободной конкуренции других наций. Та часть собственного продукта такой нации, в обмен на которую она приобретает иностранные товары, должна ввиду этого продаваться дешевле потому, что когда два предмета обмениваются один на другой, дешевизна одного является необходимым следствием или, точнее, равносильна дороговизне другого. Поэтому меновая стоимость годового продукта этой нации должна уменьшаться в результате каждого такого договора. Впрочем, это уменьшение вряд ли может представлять собою положительный убыток, оно лишь ведет к уменьшению прибыли, которая в противном случае могла бы быть получена. Хотя эта нация продает свои товары дешевле, чем

могла бы делать это при других условиях, она наверное не будет продавать их дешевле того, что они стоят, или, как при существовании премий, по цене, не возмещающей капитал, затраченный на изготовление и доставку их на рынок, вместе с обычной прибылью на капитал. Торговля в противном случае не могла бы долго продолжаться. Следовательно, даже благоприятствующая страна может все же извлекать пользу из торговли, хотя и меньшую, чем это было бы при свободной конкуренции.

Впрочем, некоторые торговые договоры считались выгодными в силу совершенно иных соображений, и торговая страна иногда давала чужой стране против самой себя монополию этого рода на определенные товары, потому что ожидала, что в общем торговом обороте между ними она в течение года будет продавать больше, чем покупать, и что баланс в золоте и серебре будет ежегодно в ее пользу. Именно с этой точки зрения так много восхваляли торговый договор между Англией и Португалией, заключенный в 1703 г. Метуеном. Вот точный перевод этого договора, который состоит всего лишь из трех статей:

Статья I. «Его священное величество король Португалии обещает, от имени своего и своих преемников, навсегда отныне допускать в Португалию сукно и другие шерстяные изделия Великобритании, как это практиковалось до запрещения законом их ввоза; это делается на том условии, что:

Статья II. «Его священное величество король Великобритании обязуется, от имени своего и своих преемников, отныне и навсегда допускать в Британию вина португальского происхождения; так что никогда, будет ли между королевствами Британии и Франции мир или война, с этих вин под видом пошлин или сборов или под каким-либо иным названием, прямо или косвенно, будут ли они ввозиться в Великобританию в бочках или малых боченках или в какой-либо другой посуде, не будет взиматься больше того, что взимается за такое же количество или такую же меру французского вина, со скидкой одной трети пошлины или сбора. Если же когда-либо будет нарушена или отменена вышеупомянутая скидка пошлины, будет правомерно и законно со стороны его священного величества короля Португалии снова воспретить ввоз сукна и других британских шерстяных изделий».

Статья III. «Их высокие превосходительства уполномоченные обещают и обязуются, что их вышеназванные государи ратифицируют этот договор и что обмен ратификациями должен произойти не позже двух месяцев».

Согласно этому договору, Португалия обязуется допускать ввоз английских шерстяных тканей на тех же основаниях, как и до запрещения, т. е. не повышать пошлин, которые взимались до того. Но она не обязалась допускать их на лучших условиях, чем предоставленные другим нациям условия, например Франции или Голландии. Великобритания, напротив, обязуется допускать ввоз португальских вин с уплатой только двух третей пошлины, уплачиваемой

мой с французских вин, т. е. тех вин, которые больше всего могут конкурировать с ними. Постольку этот договор, очевидно, выгоден Португалии и невыгоден Великобритании.

Тем не менее, его прославляли как лучший образец торговой политики Англии. Португалия получает ежегодно из Бразилии большее количество золота, чем может быть употреблено в ее внутренней торговле, в виде ли монеты или драгоценных изделий. Излишек слишком ценен, чтобы можно было его оставлять без употребления и хранить в сундуках; и так как он не может найти выгодного рынка внутри страны, он должен, несмотря на все запрещения, вывозиться за границу и обмениваться на что-нибудь такое, для чего имеется внутри страны более выгодный рынок. Значительная часть его попадает ежегодно в Англию в оплату или английских товаров, или товаров других европейских наций, получающих свою оплату через Англию. Г-ну Баретти сообщили, что еженедельный почтовый пароход из Лиссабона привозит в Англию каждый раз более 50 тысяч фунтов золота. Сумма эта, вероятно, преувеличена. Это составит более 2 600 000 фунтов в год, что превышает всю предполагаемую добычу Бразилии.

Наши торговцы несколько лет тому назад были недовольны португальским правительством. Некоторые преимущества, предоставленные им не договором, а по доброй воле правительства, вероятно по специальной просьбе и в обмен на гораздо большие льготы, защиту и покровительство со стороны правительства Великобритании, были ограничены или совсем отменены. Поэтому люди, обычно наиболее заинтересованные в восхвалении торговли с Португалией, в ту пору были скорее склонны изображать ее менее выгодной, чем это всеми предполагалось. Они заявляли, что значительно большая часть, если не весь этот годовой ввоз золота, производится не за счет Великобритании, а за счет других европейских наций, что фрукты и вина Португалии, ежегодно ввозимые в Великобританию, почти покрывают стоимость британских товаров, отправляемых в Португалию.

Но допустим, однако, что весь ввоз золота производится за счет Великобритании и что он достигает даже еще большей суммы, чем это, по видимому, предполагает Баретти. И все же этот факт не делает эту торговлю более выгодной, чем всякая иная, при которой за определенную вывезенную стоимость мы получаем в обмен предметы потребления на такую же стоимость.

Как можно предполагать, только очень небольшая часть этого ввозимого золота употребляется ежегодно на добавление к уже существующим в королевстве изделиям из этого металла или к монете. Весь остаток должен отсылаться за границу и вымениваться на предметы потребления того или иного рода. Но если бы эти предметы потребления покупались непосредственно в обмен на продукты английской промышленности, это было бы для Англии более выгодно, чем сперва приобретать на этот продукт португальское золото, а потом покупать на это золото эти предметы потребления. Торговля для

нужд непосредственного потребления всегда выгоднее, чем торговля, ведущаяся обходным путем, и для того, чтобы доставить на внутренний рынок иностранные товары определенной стоимости, требуется гораздо меньший капитал при торговле первого рода, чем при торговле второго рода. Поэтому для Англии было бы выгоднее, если бы меньшая часть ее промышленности была занята производством товаров, пригодных для португальского рынка, а большая часть — производством товаров, пригодных для других рынков, где можно получать те предметы потребления, на которые существует спрос в Великобритании. Тогда требовалась бы гораздо меньшая затрата капитала, чем теперь, чтобы получить золото, в котором она нуждается для собственного употребления, и вместе с тем предметы потребления. Оставался бы свободный капитал, который мог бы затрачиваться на другие цели: на расширение промышленности и на увеличение годового продукта.

Если бы даже Британия была совсем отстранена от торговли с Португалией, для нее не составило бы никакого труда ежегодно добывать все количество золота, нужное ей для драгоценных изделий, для монеты или для внешней торговли. Золото, как и всякий другой товар, всегда могут достать в том или другом месте за его стоимость те, кто имеет в обмен соответствующую стоимость. К тому же ежегодный излишек золота в Португалии будет попрежнему отсылаться за границу, и если его будет вывозить не Великобритания, то это будет делать какая-нибудь другая нация, которая будет рада перепродавать его по надлежащей цене, как это в настоящее время делает Великобритания. Правда, покупая золото в Португалии, мы покупаем его из первых рук, тогда как при покупке его у другой нации, исключая Испанию, мы покупали бы его из вторых рук и должны были бы платить несколько дороже. Но эта разница в цене была бы, несомненно, настолько незначительна, что совсем не заслуживала бы общественного внимания.

Как сказано, почти все наше золото получается из Португалии. С другими нациями торговый баланс или против нас, или не намного склоняется в нашу пользу. Но мы должны помнить, что чем больше золота мы ввозим из одной страны, тем меньше должны мы по необходимости ввозить из всех других стран. Действительный спрос на золото, как и на всякий другой товар, ограничен в каждой стране определенным количеством. Если девять десятых этого количества ввозят из одной страны, для ввоза из всех остальных остается всего только одна десятая. Кроме того, чем больше золота вывозится ежегодно из определенных стран сверх того, что необходимо для драгоценных изделий и монеты, тем больше должно вывозиться в другие страны; и чем больше торговый баланс, этот не имеющий никакого значения объект современной политики, оказывается в нашу пользу в торговле с определенными странами, тем больше он должен оборачиваться против нас в торговле с некоторыми другими странами.

Однако это нелепое представление, что Англия не может существовать без торговли с Португалией, повело к тому, что к концу

последней войны Франция и Испания, не ссылаясь даже на какие-нибудь обиды или провокацию, потребовали от португальского короля недопущения в его порты всех британских судов, а для гарантии полного недопущения—принятия в них французских и испанских гарнизонов. Если бы португальский король подчинился этим унизительным требованиям, поставленным ему его зятем, королем испанским, то Британия с потерей торговли с Португалией избавилась бы от гораздо большего неудобства, а именно—от обузы поддерживать очень слабого союзника, столь плохо снабженного всем необходимым для его собственной защиты, что все могущество Англии, если бы оно целиком было направлено на эту цель, вряд ли могло бы защитить его в течение еще одной кампании. Потеря торговли с Португалией причинила бы, без сомнения, значительные затруднения купцам, в данный момент занимающимся ею, которые, может быть, не были бы в состоянии в течение года или двух найти другое, столь же выгодное применение своим капиталам; в этом, вероятно, состоял бы весь ущерб, который был бы причинен Англии этим замечательным образчиком торговой политики.

Большой ввоз золота и серебра имеет место не в целях использования их для драгоценных изделий или монеты, а для нужд внешней торговли. Внешняя торговля предметами потребления, ведущаяся обходным путем, может вестись с большей выгодой посредством этих металлов, чем при посредстве почти всех других товаров. Так как они являются всеобщим орудием торговли, их охотнее принимают, чем какие-либо другие товары, в обмен на все решительно товары; а ввиду их незначительного объема и большой стоимости перевозка их взад и вперед из одного места в другое обходится дешевле, чем перевозка любого другого товара, и при перевозке они меньше теряют в своей стоимости. Поэтому из всех товаров, покупаемых за границей с единственной целью перепродажи их или обмена на какие-нибудь иные товары в другой стране, нет других, столь же удобных, как золото и серебро. Главная выгода от торговли с Португалией в том и состоит, что она поощряет все различные отрасли ведущейся обходным путем внешней торговли, которыми занимается Великобритания; и хотя эта выгода не первостепенная, она все же, без сомнения, имеет большое значение.

Кажется достаточно очевидным, что любое добавление, которое, как это можно разумно предполагать, делается ежегодно к уже существующим в королевстве драгоценным изделиям или монете, может требовать лишь совершенно незначительного ежегодного ввоза золота и серебра. И если бы даже мы не вели непосредственной торговли с Португалией, это незначительное количество всегда могло бы быть получено в том или другом месте.

Хотя промысел золотых дел мастеров имеет в Великобритании очень значительные размеры, большая часть новых драгоценностей, ежегодно продаваемых ими, сделана из старых драгоценностей, переплавленных для этой цели, так что ежегодное добавление к уже имеющимся в королевстве драгоценным изделиям не может быть очень ве-

лико и может требовать лишь весьма незначительного ежегодного ввоза.

Точно так же обстоит дело и с монетой. Никто, я думаю, не воображает, что большая часть вновь начеканенной монеты, составлявшей ежегодно в среднем за десять лет до последней перечеканки золотой монеты свыше 800 000 фунтов золотом, фактически добавлялась к монете, уже находящейся в обращении в королевстве. В стране, где расходы по чеканке оплачиваются правительством, стоимость монеты, даже когда она содержит по весу установленное законом количество золота и серебра, никогда не может намного превышать стоимость такого же количества этих металлов в слитках, потому что достаточно дать себе труд отправиться на монетный двор и подождать, может быть, несколько недель, чтобы получить за любое количество золота и серебра в слитках равное количество этих металлов в монете. Но во всех странах большая часть находящейся в обращении монеты почти всегда более или менее стерта и вообще отстает от установленной нормы. В Великобритании до последней перечеканки это несоответствие было очень значительно: золотой монете до установленной нормы нехватало 2% с лишним, серебряной—8% с лишним. Но если за 44½ гиней, имеющие полностью установленный вес, т. е. фунт золота, можно было получить чуть-чуть больше фунта золота в слитках, то за 44½ гиней, весящие несколько меньше установленной нормы, нельзя было получить фунт золота и надо было к ним добавлять некоторую сумму, чтобы компенсировать разницу. Ввиду этого обычная цена на рынке золотых слитков, вместо того чтобы равняться их монетной цене или 46 ф. 14 ш. 6 п. за фунт, достигала тогда 47 ф. 14 ш., а иногда и около 48 ф. Но когда большая часть обращающейся монеты настолько испорчена, то за 44½ гиней, только что выпущенные из монетного двора, можно получить на рынке не больше товаров, чем на все другие гиней, ранее выпущенные, потому что после того, как они попадут в кассу купца и будут перемешаны с другими деньгами, их уже нельзя отличить от последних без труда, который стоит больше, чем сама разница в цене. Поэтому, подобно старым гинейам, они стоят уже не более 46 ф. 14 ш. 6 п., а между тем, будучи сплавлены, они дают, без особых потерь, фунт стандартного золота, который можно продать в любое время за 47 ф. 14 ш.—48 ф. в золотых или серебряных монетах, которые выполняют все функции денег не хуже, чем переплавленные монеты. Таким образом, была очевидная выгода переплавлять вновь отчеканенную монету в слитки, и это делалось так упорно, что никакие предупредительные меры правительства не могли этому помешать. Ввиду этого работа монетного двора уподобилась работе Пенелопы: сработанное днем уничтожалось ночью. Монетный двор был занят не столько ежедневным увеличением количества обращающейся монеты, сколько возмещением наиболее доброкачественной ее части, ежедневно переплавляемой в слитки.

Если бы частные лица, приносящие на монетный двор свое золото и серебро, сами оплачивали стоимость чеканки, это увеличи-

вало бы стоимость этих металлов точно таким же образом, как увеличивает стоимость их фасон и рисунок сделанной из них посуды. Золото и серебро в монете стоили бы больше, чем в слитках. Пошлина за чеканку, если бы она не была чрезмерна, увеличивала бы стоимость слитков на всю стоимость взимаемой суммы, потому что, при повсеместной исключительной монополии правительства на чеканку монеты, ни одна монета не может появиться на рынке по более дешевой цене, чем оно сочтет это нужным. При чрезмерности этой пошлины, т. е. если бы она на очень много превышала действительную стоимость труда и расходов, необходимых при чеканке, фальшивомонетчики как внутри страны, так и за границей поощрялись бы значительной разницей между стоимостью слитков и монеты выпускать в обращение такое большое количество фальшивой монеты, что это привело бы к понижению стоимости правительственных денег. Между тем, хотя во Франции пошлина за чеканку достигает 8%¹, там не обнаружили сколько-нибудь значительные неудобства от этого. Опасности, которым везде подвергается фальшивомонетчик, если он живет в той самой стране, чьи деньги он подделывает, и которым подвергаются его агенты и корреспонденты, если он живет за ее пределами, слишком велики, чтобы рисковать ради прибыли в 6 или 7%.

Пошлина за чеканку, установленная во Франции, повышает стоимость монеты больше, чем это соответствует содержащему ею количеству чистого золота. Так, законом, изданным в январе 1726 г., монетная цена 24 каратов золота была установлена в 740 ливров 9 су 1¹/₁₁ денье за марку в 8 парижских унций². Золотая монета Франции, считая оплату издержек по чеканке, содержит 21³/₄ карата чистого золота и 2¹/₄ карата лигатуры. Поэтому марка золота установленной пробы стоит не более 671 ливра 10 денье. Но во Франции из этой марки стандартного золота чеканится 30 луидоров по 24 ливра в каждом, или 720 ливров. Таким образом, при превращении в монету стоимость слитка в марку золотом установленной пробы увеличивается на всю разность между 671 ливром 10 денье и 720 ливрами, или на 48 ливров 19 су 2 денье.

Пошлина за чеканку во многих случаях совсем уничтожает, а во всех случаях уменьшает прибыль от превращения новой монеты в слитки. Эта прибыль всегда получается от разности между тем количеством металла, которое должна содержать находящаяся в обращении монета, и тем количеством, которое она фактически содержит. Если эта разность меньше пошлины, взимаемой за чеканку, получается вместо прибыли убыток. Если она равняется пошлине, не будет ни прибыли, ни убытка. Если она превышает пошлину, получается действительно некоторая прибыль, но меньше той, которая была бы, если бы пошлина не существовала. Если бы, например,

перед последней перечекалкой золотой монеты существовала пошлина за чеканку в 5%, то при превращении золотой монеты в слитки получался бы убыток в 3%. При пошлине в 2% не было бы ни прибыли, ни убытка. При пошлине в 1% получалась бы прибыль, но только в 1% вместо двух. Поэтому всюду, где монета принимается счетом, а не по весу, пошлина за чеканку представляет собой самое действительное средство против превращения монеты в слитки, а следовательно и вывоза ее за границу. Превращаются в слитки и вывозятся за границу обычно лучшие и самые тяжелые монеты, потому что на них получается наибольшая прибыль.

Закон о поощрении чеканки монеты объявлением ее бесплатной был сперва установлен при Карле II на определенный срок, а затем действие его несколько раз было продолжено вплоть до 1769 г., когда он получил постоянный характер. Английский банк часто вынужден для пополнения своих касс деньгами отправлять слитки на монетный двор, и интересам банка, — как его директора, вероятно, воображали, — больше соответствовало, чтобы чеканка производилась за счет правительства, а не за его собственный счет. Вероятно, из внимания к этой большой компании правительство согласилось сделать этот закон постоянным. Но если будет покинута обычай взвешивать золото, как это, вероятно, случится ввиду неудобства его, если в Англии золотую монету станут принимать счетом, как это было до последней перечекалки, то эта большая компания, пожалуй, найдет, что в этом случае, как и в некоторых других, она неправильно поняла свои собственные интересы.

Перед последней перечекалкой, когда золотая монета была на 2% ниже своего стандартного веса, она стоила, ввиду того, что не существовало пошлины за чеканку, на 2% меньше того количества стандартного золота в слитке, которое должна была содержать. Поэтому, когда эта компания покупала золотые слитки для перечекалки их в монету, она вынуждена была платить за них на 2% больше того, что они стоили после превращения в монету. Но если бы существовала пошлина в 2% за чеканку, то находящаяся в обращении монета, хотя и всящая на 2% меньше установленного, имела бы, тем не менее, такую же стоимость, как и то количество стандартного золота, которое она должна была содержать; стоимость работы в этом случае компенсировала бы уменьшение в весе. Правда, пришлось бы платить пошлину за чеканку, но поскольку она равнялась 2%, потеря на всей операции была бы равной 2%, т. е. не превышала бы ту потерю, которую фактически несет компания теперь.

Если бы пошлина была 5%, а золотая монета, находящаяся в обращении, только на 2% не достигала стандартного веса, то банк в таком случае выгадывал бы 3% на цене слитков; но так как ему приходилось бы платить за чеканку 5%, то его потеря на всей операции точно так же равнялась бы ровно 2%.

Если бы пошлина за чеканку была только 1%, а золотая монета на 2% не достигала стандартного веса, то банк в таком случае терял бы всего 1% на цене слитков; но так как ему приходилось бы пла-

¹ [Эта высокая цифра ошибочна. См. примечание выше, на стр. 51.]

² См. сочинение Абб-де-Базингена, советника Парижского монетного двора: «Dictionnaire des Monnoies, том III, слово *Seigneurage*, стр. 489.

тить за чеканку тоже 1%, его потеря на всей операции достигала бы тоже 2%, ровно столько же, сколько, во всех других случаях.

Если бы была установлена умеренная пошлина за чеканку при содержании в монете ее полного стандартного веса, как это было со времени последней перечеканки, то все, что банк мог терять благодаря пошлине, он должен был бы выгадывать на цене слитков; а все, что он мог выигрывать на цене слитков, он должен был бы терять благодаря пошлине. Поэтому вся операция не сопровождалась бы для него ни убытком, ни прибылью, и в данном случае, как во всех предыдущих, для него ничего не изменилось бы сравнительно с тем положением, когда пошлина за чеканку совсем отсутствовала бы.

Когда пошлина на какой-нибудь товар настолько умеренна, что не поощряет контрабанды, купец, торгующий им, хотя и уплачивает вперед пошлину, но, собственно, оплачивает ее не из своего кармана, так как получает ее обратно в цене товара. Пошлина оплачивается в конечном счете последним покупателем или потребителем. Но деньги представляют собой товар, по отношению к которому каждый человек является купцом. Все покупают их только для того, чтобы снова продать, и по отношению к ним не существует в обычных случаях последнего покупателя или потребителя. Поэтому, когда пошлина за чеканку настолько умеренна, что не поощряет выделывания фальшивой монеты, то, хотя каждый уплачивает эту пошлину, никто не платит ее из своего кармана, потому что каждый получает ее обратно в повышенной стоимости монеты.

Таким образом, умеренная пошлина за чеканку не во всех случаях увеличивает издержки банка или любого частного лица, которое приносит свой слиток на монетный двор для перечеканки его в монету, а отсутствие умеренной пошлины не во всех случаях уменьшает эти издержки. Независимо от того, существует или нет пошлина за чеканку, если только монета содержит свой полный стандартный вес, чеканка ничего никому не стоит, а если в ней нехватает полного веса, чеканка всегда должна обходиться в размере разности между количеством металла, которое должна была содержать монета, и тем количеством, которое фактически содержится в ней.

Поэтому правительство, когда оно само покрывает расходы по чеканке, не только берет на себя некоторый небольшой расход, но и теряет некоторый небольшой доход, который оно могло бы извлекать при надлежащей пошлине; и при этом ни банк, ни частные лица ни в малейшей мере не выгадывают от такого бесцельного проявления государственной щедрости.

Впрочем, директора банка, вероятно, не захотели бы согласиться на установление пошлины за чеканку, ссылаясь на теорию, которая не обещает им прибыли, но только претендует гарантировать их от всякой потери. При теперешнем качестве золотой монеты и до тех пор, пока монета будет приниматься по весу, они безусловно ничего не выиграют от такой перемены. Но если даже обычай взвешивать золотую монету когда-либо исчезнет, как это весьма вероятно, и если золотая монета окажется в такой степени испорченной, в какой была

до последней перечеканки, то прибыль или, точнее, экономия банка в результате установления пошлины будет весьма значительна. Английский банк является единственной компанией, отправляющей сколько-нибудь значительное количество слитков на монетный двор, и расход по ежегодной чеканке монеты производится поэтому целиком или почти целиком ради него. Если бы вновь выпускаемая ежегодно монета должна была лишь восполнять неизбежную убыль и неизбежное снашивание монеты, она редко в своей сумме превышала бы 50 000 или, самое большее, 100 000 фунтов. Но когда монета содержит меньше установленного веса, ежегодно выпускаемая монета должна, кроме того, заполнять те большие опустошения, которые вывоз и плавильный тигель производят постоянно в обращающейся монете. Именно по этой причине в течение десяти или двенадцати лет, непосредственно предшествовавших последней перечеканке золотой монеты, ежегодно чеканилось новой монеты в среднем более чем на 850 000 фунтов. Но если бы существовала пошлина в 4 или 5% за чеканку золотой монеты, то, вероятно, даже при существовавшем тогда положении вещей это положило бы действительный конец промыслу по вывозу золота и работе плавильного тигля. Банк, вместо того чтобы терять ежегодно около 2½% на слитках, из которых приходится чеканить монету более чем на 850 000 фунтов, т. е. терпеть ежегодный убыток свыше 21 250 ф., не имел бы и десятой части этой потери.

Парламент ассигнует на покрытие издержек по чеканке монеты всего только 14 тысяч фунтов в год, а действительный расход правительства на это дело или жалованье служащим монетного двора при нормальных условиях, как уверяли меня, не превышает половины этой суммы. Можно подумать, что сбережение столь ничтожной суммы или даже получение другой суммы, которая не может быть много больше, — дело слишком незначительное, чтобы заслуживать серьезного внимания правительства. Но сбережение 18 или 20 тысяч фунтов в год в случае наступления обстоятельств, которые не представляются невероятными, которые часто бывали раньше и, весьма вероятно, повторятся, — дело, безусловно заслуживающее серьезного внимания такой крупной компании, как Английский банк.

Некоторые из вышеизложенных соображений и замечаний, может быть, было бы уместнее поместить в тех главах первой книги, которые говорят о возникновении и употреблении денег и о различии между действительной и номинальной ценой товаров. Но так как закон о поощрении чеканки монеты своим возникновением обязан тем вульгарным предрассудкам, которые были пущены в оборот меркантилистической системой, то я счел более целесообразным отнести их к этой главе. Ничто не могло бы так соответствовать духу этой системы, как своего рода премия за производство денег, того именно предмета, который, по ее предположению, составляет богатство всякой нации. Это представляет собою одно из ее многочисленных чудесных средств для обогащения страны.

Глава VII

О КОЛОНИЯХ

Отдел I. О причинах, побуждающих к учреждению новых колоний

Учреждение первых европейских колоний в Америке и Вест-Индии было вызвано не столь отчетливыми и определенными интересами, как это было при учреждении колоний древней Греции и Рима.

Все до одного государства древней Греции обладали очень незначительной территорией, и когда население какого-либо из них возрастало свыше того, что могла прокормить эта территория, часть его отсылалась на поиски нового места жительства в какой-нибудь отдаленной части света, поскольку наличие воинственных соседей, окружавших их со всех сторон, делало для каждого из них трудным делом заметное расширение своей территории у себя дома. Колонии дорийцев направлялись главным образом в Италию и Сицилию, населенные в эпоху, предшествовавшую основанию Рима, варварскими и некультурными народами. Колонии ионян и эолийцев, двух других больших греческих племен, направлялись в Малую Азию и на острова Эгейского моря, жители которых в ту пору находились, повидимому, на той же ступени развития, как и население Сицилии и Италии. Город-метрополия, хотя и считавший колонию своим детищем, имеющим право во всякое время на благожелательность и содействие и обязанным взамен этого проявлять благодарность и уважение, все же смотрел на нее как на отделившееся дитя, по отношению к которому он не претендовал ни на прямую власть, ни на юрисдикцию. Колония устанавливала свою собственную форму управления, издавала собственные законы, заключала мир или объявляла войну соседям как самостоятельное государство, которое не считает нужным ожидать одобрения или согласия метрополии. Ничего не может быть яснее и определеннее интереса, побуждавшего учреждать подобного рода колонии.

Рим, как и большинство других древних республик, первоначально имел своим основанием аграрный закон, деливший общественную территорию в известной пропорции между гражданами, которые

составляли государство. Обычное течение человеческих дел, в результате браков, переходов по наследству, отчуждения, неизбежно нарушало этот первоначальный раздел, и часто передавало в обладание одного единственного лица земли, которые были предоставлены для содержания многих семейств. Для устранения такого ненормального положения (ибо оно считалось ненормальным) был издан закон, ограничивавший количество земли, которым мог обладать отдельный гражданин, пятью стами югеров или приблизительно 350 акров. Однако закон этот игнорировался или обходился, хотя мы читаем о применении его в одном или двух случаях, и неравенство состояний все более усиливалось. Большая часть граждан совсем не владела землей, а без нее нравы и обычаи того времени делали невозможным для свободного человека сохранять свою независимость. В настоящее время бедный человек, хотя он и не имеет земли, если он обладает небольшими средствами, может или арендовать землю у другого, или вести мелочную торговлю; а если у него нет средств, он может найти работу или в качестве сельского батрака, или в качестве ремесленника. Но у древних римлян земли богатых обрабатывались рабами, которые работали под надзором надсмотрщика, бывшего тоже рабом, так что неимущий свободный человек имел мало шансов устроиться арендатором или батраком. Точно так же все промыслы и мануфактуры, даже розничная торговля, велись рабами богатых в пользу их господ; богатство, власть и покровительство последних делали трудным для неимущего свободного человека выдерживать конкуренцию с рабами. Поэтому граждане, не обладавшие землей, не имели почти никаких других средств к существованию, кроме подачек кандидатов на ежегодных выборах. Народные трибуны, когда они хотели возбудить народ против богатых и властвующих, напоминали ему о старинном разделе земель и изображали закон, ограничивавший этот вид частной собственности, как основной закон республики. Народ начинал требовать наделения землей, а богатые и властвующие, как это понятно, твердо решали не отдавать ему ни пяди своей земли. Для того же, чтобы хотя в некоторой степени удовлетворить его, они часто предлагали основать колонию. Но Рим-завоеватель даже в таких случаях не был связан необходимостью выбрасывать своих граждан на поиски счастья, так сказать, по белу свету, без определенного места поселения. Он обыкновенно отводил им земли в завоеванных провинциях Италии, где они не могли образовать самостоятельного государства, поскольку оставались в пределах владений республики; в лучшем случае они образовывали лишь нечто вроде корпорации, которая, хотя и имела власть издавать правила и местные законы для собственного управления, оставалась все же подчиненной указаниям, юрисдикции и законодательной власти своей метрополии. Выделение такого рода колонии не только давало некоторое удовлетворение народу, но часто также создавало своего рода гарнизон в недавно завоеванной провинции, подчинение которой без этого могло бы оказаться сомнительным. Таким образом, римская колония как по методу ее созда-

ния, так и по мотивам, побуждавшим учреждать ее, была совершенно отлична от колонии греческой. Соответственно этому совершенно несходное значение имеют слова, которыми эти учреждения обозначались на латинском и греческом языках. Латинское слово *colonia* означает просто поселение; греческое слово *ароікіа*, напротив, означает разделение жилья, отъезд с родины, уход из дома. Но хотя римские колонии во многих отношениях отличались от греческих, причины, побуждавшие учреждать их, были столь же ясны и определены. В обоих случаях они возникали или в силу непреодолимой необходимости, или ввиду явной пользы.

Основание европейских колоний в Америке и Вест-Индии не диктовалось никакой необходимостью, и хотя польза, полученная от них, была велика, но она не так ясна и самоочевидна. При учреждении колоний отсутствовало понимание этой пользы, и не она служила побудительной причиной к учреждению их или к тем открытиям, которые вызвали их к жизни. Вместе с тем характер этой полезности колоний, степень ее и ее пределы, пожалуй, и по настоящее время не поняты в полной мере.

Венецианцы в XIV и XV столетиях вели очень выгодную торговлю пряностями и другими остиндскими товарами, которые они доставляли другим народам Европы. Они покупали их главным образом в Египте, в то время находившемся под властью мамелюков, врагов турок, врагами которых были и венецианцы. Эта общность интересов, усиливаемая деньгами Венеции, создала такую связь между ними, которая давала венецианцам почти полную монополию торговли.

Громадные барыши венецианцев возбуждали жадность португальцев. В течение всего XV столетия они старались найти морской путь в страны, откуда мавры доставляли им через пустыню слоновую кость и золотой песок. Они открыли острова Мадеру, Канарские, Азорские, острова Зеленого мыса, Гвинейский берег, берег Лоанго, Конго, Анголы и Бенгуэлы и, наконец, мыс Доброй Надежды. Они давно желали приобщиться к прибыльной торговле венецианцев, и последнее из их открытий сделало вероятным достижение ими этой цели. В 1497 г. Васко-да-Гама отплыл из гавани Лиссабона с эскадрой из четырех судов и после одиннадцатимесячного плавания прибыл к берегу Индостана и таким образом завершил ряд открытий, которые с большой настойчивостью и почти без перерывов производились в течение почти целого столетия.

За несколько лет до этого, когда вся Европа напряженно следила за проектами португальцев, успех которых казался еще сомнительным, один генуэзский мореплаватель задумал еще более смелый проект — направиться в Ост-Индию западным путем. В ту пору положение последней было очень неточно известно в Европе. Немногие европейские путешественники, побывавшие там, преувеличивали ее расстояние от Европы; возможно, что благодаря невежеству и простодушию расстояние, действительно очень большое, казалось почти бесконечным тем, кто не мог измерить его; возможно также, что это делалось в целях усиления чудесного характера их приключений —

посещения стран, столь неизмеримо отдаленных от Европы. Чем длиннее путь на восток, вполне верно заключал Колумб, тем короче он должен быть на запад. Он решил поэтому направиться этим путем, как более коротким и безопасным, и ему удалось убедить Изабеллу Кастильскую в осуществимости своего проекта. Он отплыл из гавани Палос в августе 1492 г., почти за пять лет до отплытия экспедиции Васко-да-Гама из Португалии. После путешествия, длившегося от двух до трех месяцев, он открыл сперва некоторые из малых Багамских или Лукайских островов, а затем большой остров Сан-Доминго.

Но страны, открытые Колумбом в этом или в его последующих путешествиях, не походили на те, на поиски которых он отправился. Вместо богатства, культуры и населенности Китая или Индостана он находил в Сан-Доминго и во всех других частях нового света, которые он посетил, только местности, сплошь покрытые лесами, невозделанные и населенные малочисленными племенами голых и жалких дикарей. Тем не менее он не хотел признать, что страны эти не те, которые описал Марко Поло, первый европеец, который посетил или, по крайней мере, оставил после себя описание Китая или Ост-Индии¹. Часто бывало достаточно ничтожного сходства, например между Цибао, названием одной горы в Сан-Доминго, и Ципранго, упоминаемым Марко Поло, чтобы Колумб возвращался к своему излюбленному предположению, хотя и вопреки самым очевидным фактам. В письмах к Фердинанду и Изабелле он называл открытые им страны Индиями. Он ни в малейшей степени не сомневался в том, что они представляют собою крайнюю оконечность стран, описанных Марко Поло, и что они не очень отдалены от Ганга или стран, завоеванных когда-то Александром. И даже когда он в конце концов убедился в своей ошибке, он все же обольщался надеждой, что эти богатые страны не очень далеки, и в свое следующее путешествие отправился на поиски их вдоль берега материка и в сторону Дарьенского перешейка.

Благодаря этой ошибке Колумба название Индии сохранилось с тех пор за этими несчастными странами; а когда, наконец, было ясно установлено, что эта новая Индия не имеет ничего общего с старой Индией, первая была названа Западной (Вест-Индия) в отличие от последней, которая получила название Восточной (Ост-Индии).

Для Колумба было, конечно, очень важно изобразить испанскому двору открытые им земли, каковы бы они ни были, как имеющие очень большую ценность и значение. А между тем, поскольку речь идет о том, что составляет действительное богатство каждой страны, т. е. о животном и растительном царстве, в это время отсутствовали какие бы то ни было данные, которые могли бы оправдывать такое изображение этих стран.

Самым крупным живородящим четвероногим в Сан-Доминго было *кори*, нечто среднее между крысой и кроликом, которое Бюффон

¹ [Ост-Индией Смит называл все страны, расположенные к востоку от Инда.]

считает тождественным с бразильским арегеа¹. Этот вид, повидимому, никогда не был очень многочисленным; а собаки и кошки испанцев, как передают, давно уже почти полностью истребили его, как и некоторых других животных, еще меньшего размера. Эти животные вместе с довольно большой ящерицей, называемой *ивано*, или *игуана*, составляли главную часть животной пищи, которая здесь имела.

Растительная пища жителей, хотя и не очень обильная ввиду отсутствия трудолюбия с их стороны, все же не была так скудна. Она состояла из маиса, плодов хлебного дерева, картофеля, бананов и других растений, тогда вообще еще не известных в Европе и впоследствии не очень ценившихся в ней и не считавшихся столь же питательными, как обычные сорта хлеба и стручковых, которые с незапамятных времен возделывались в этой части света.

Хлопок, правда, доставлял материал для очень важной отрасли мануфактур и, без сомнения, был в то время для европейцев самым ценным из всех растительных продуктов этих островов. Но хотя в конце XV столетия кисея и другие хлопчатобумажные изделия Ост-Индии весьма ценились во всей Европе, хлопчатобумажная промышленность не существовала ни в одной из европейских стран. Поэтому даже этот продукт не мог иметь в это время в глазах европейцев особенно большого значения.

Не находя ничего среди животного или растительного царства вновь открытых земель, что могло бы оправдывать изображение их в очень выгодном свете, Колумб обратил свое внимание на минералы; он утешал себя мыслью, что в богатстве этого третьего царства он нашел полное возмещение скудости двух других. Маленьких кусочков золота, которыми жители украшали свою одежду и которые, как ему сообщили, они часто находили в ручьях и потоках, стекавших с гор, было достаточно, чтобы убедить его, что эти горы изобилуют богатейшими золотыми залежами. Поэтому Сан-Доминго был изображен страной, изобилующей золотом и ввиду этого (в соответствии с предрассудками не только настоящего времени, но и той эпохи) являющейся неисчерпаемым источником действительного богатства для королевства Испании. Когда после возвращения из своего первого путешествия Колумб был представлен с торжественными почестями государям Кастилии и Арагонии, перед ним в торжественной процессии несли главные продукты открытых им стран. Единственно ценная часть их состояла из нескольких маленьких золотых обручей, браслетов и других украшений и из нескольких тюков хлопка. Все остальное представляло собою лишь предметы, рассчитанные на возбуждение любопытства и удивления толпы: тростник чрезвычайно больших размеров, несколько птиц с очень красивым оперением и несколько чучел громадных аллигаторов и ламантинов; во главе этой процессии шло шесть или семь несчастных туземцев, необычный цвет кожи и внешность которых усиливали оригинальность всего зрелища.

¹ [Buffon, Histoire naturelle. Vol. XV, p. 162].

В результате представлений Колумба совет Кастилии решил принять в свое владение земли, жители которых были явно неспособны защищаться. Благочестивая цель обращения их в христианство освящала несправедливость этого проекта. Но надежда найти там золотые сокровища являлась единственным мотивом, побуждавшим предпринять этот шаг; и чтобы придать этому мотиву больший вес, Колумбом было предложено, чтобы короне уплачивалась половина всего золота и серебра, которые будут найдены. Предложение это было одобрено советом.

До тех пор, пока все золото или значительная часть золота, привозимого в Европу первыми искателями приключений, добывалась таким легким способом, как ограбление беззащитных туземцев, было, пожалуй, не очень трудно платить даже эту тяжелую пошлину. Но после того, как у туземцев отняли все, что они имели, — а это в Сан-Доминго и во всех других странах, открытых Колумбом, было полностью сделано за шесть или семь лет, — и когда, чтобы добыть золото стало необходимо искать его в рудниках, уже не представлялось ни малейшей возможности уплачивать эту пошлину. Ввиду этого строгое взимание ее привело сперва, как передают, к тому, что рудники в Сан-Доминго были совсем заброшены, и разработка их потом уже никогда не возобновлялась. Поэтому пошлина скоро была понижена до одной трети, потом до пятой, затем до одной десятой и, наконец, до одной двадцатой валовой добычи. Пошлина с серебра еще долгое время оставалась в размере одной пятой валовой добычи; она была понижена до одной десятой только в текущем столетии. Но первые искатели приключений, как кажется, не очень интересовались серебром. Предметы менее драгоценные, чем золото, не казались им заслуживающими внимания.

Все остальные предприятия испанцев в новом свете, последовавшие за путешествиями Колумба, были вызваны, повидимому, тем же мотивом. «Священная жажда золота» привела Ойеду, Никессу, Васко-Нуньеса-де-Бальбоа к Дариенскому перешейку, Кортаца — в Мексику, а Альмагро и Пизарро — в Чили и Перу. Когда эти искатели приключений прибывали к какому-нибудь неведомому берегу, они всегда первым делом осведомлялись, есть ли здесь золото, и в зависимости от полученного ответа на этот счет они решали, покинуть ли эту местность или осесть в ней.

Между тем из всех тех дорогих и ненадежных проектов, которые приносят банкротство большинству людей, увлекающихся ими, нет, пожалуй, более разорительного и губительного, чем поиски новых серебряных и золотых рудников. Это, вероятно, самая невыгодная на свете лотерея или, во всяком случае, такая, в которой выгода тех, на долю которых выпадают выигрыши, меньше всего соответствует потерям тех, кто получает пустые номера, ибо выигрышей немного, пустых билетов много, а самая цена билета обычно равняется целому состоянию очень богатого человека. Прискоковые предприятия не только не возмещают затраченный на них капитал вместе с обычной на него прибылью, но и поглощают обычно как капитал,

так и прибыль. Поэтому благоразумный законодатель, желающий увеличить капитал своей нации, меньше всего станет оказывать особое поощрение именно этому роду деятельности или направлять к нему большую долю капитала, чем это было бы при отсутствии поощрения. Действительно, нелепая вера всех людей в свою удачу столь сильна, что значительная часть их склонна по собственному почину заняться этим делом, если налицо имеется хотя бы малейшая вероятность успеха.

Но хотя отношение здравого смысла и опыта к подобного рода проектам было всегда крайне неблагоприятно, человеческая жадность обычно шла наперекор этому. Та самая страсть, которая внушала столь многим людям нелепую мысль о философском камне, внушала другим столь же нелепое представление о неисчерпаемо богатых золотых и серебряных рудниках. Они не принимали во внимание тот факт, что стоимость этих металлов во все времена и у всех народов обуславливалась главным образом их редкостью, а эта последняя обуславливалась тем, что природа расположила их очень небольшими количествами во всех тех местах, где они встречаются; что почти повсюду она окружила эти небольшие количества твердыми и прочными веществами и что поэтому повсюду необходимы значительный труд и расходы, чтобы добраться до них и овладеть ими. Эти люди льстили себя надеждой, что во многих местах можно найти жилы этих металлов, столь же мощные и обильные, как и обычно обнаруживаемые жилы свинца, меди, олова или железа. Мечта сэра Вальтера Ралея¹ о золотом городе и стране Эльдорадо свидетельствует нам, что даже мудрые люди не всегда свободны от подобных иллюзий. Больше ста лет после смерти этого великого человека иезуит Гумила² все еще был убежден в действительном существовании этой чудесной страны и с большой горячностью и, смею сказать, с большой искренностью говорил о том, как был бы он счастлив понести свет евангелия народу, который в состоянии так хорошо вознаграждать благочестивые усилия своего миссионера.

В странах, впервые открытых испанцами, в настоящее время неизвестны золотые или серебряные рудники, которые считались бы стоящими разработки. Сведения о количествах этих металлов, найденных там первыми пришельцами, были, вероятно, очень сильно преувеличены, равно как и сведения о богатстве рудников, которые были подвергнуты разработке непосредственно вслед за открытием этих стран. Тем не менее того, что нашли, по слухам, эти искатели приключений, было достаточно, чтобы воспламенить жадность всех их соотечественников. Каждый испанец, отправлявшийся в Америку, ожидал найти Эльдорадо. Фортуна сделала в этом случае то, что делала в очень немногих случаях: она осуществила в некоторой степени чрезмерные надежды своих почитателей и при открытии и за-

¹ [Raleigh, The discovery of the large, rich and beautiful empire of Guiana. 1596.]

² [Gumila, El Orinoco ilustrado. Vol. I, cap. 25.]

воевании Мексики и Перу (первое имело место спустя 30, а второе 40 лет после первой экспедиции Колумба) она преподнесла им нечто близкое к тому изобилию драгоценных металлов, которого они искали.

Таким образом, проект о торговле с Ост-Индией повел к открытию Вест-Индии. Стремление к завоеванию породило все колонии испанцев в этих вновь открытых землях. К такому завоеванию их побуждала мысль о золотых и серебряных рудниках; и ход событий, который не в состоянии предвидеть никакая человеческая мудрость, обеспечил этим стремлениям больший успех, чем это имели разумные основания ожидать сами инициаторы.

Первые выходцы всех других наций Европы, пытавшиеся устраивать поселения в Америке, вдохновлялись подобными же химерическими намерениями, но не имели такого же успеха. Только спустя сто с лишним лет после основания первых поселений в Бразилию там были открыты серебряные, золотые и бриллиантовые рудники. В колониях английских, французских, голландских и датских до настоящего времени не найдено ни одного месторождения этих металлов, во всяком случае ни одного, признаваемого ныне заслуживающим разработки. А между тем первые английские поселенцы в Северной Америке предлагали королю пятую часть всего золота и серебра, которые могут быть найдены там, взамен за предоставление им патентов. В соответствии с этим в патентах, выданных сэру Вальтеру Ралею, Лондонской и Плимутской компаниям, Плимутскому совету и др., пятая часть добычи сохранялась за короной. Наряду с ожиданием найти золотые и серебряные рудники эти первые поселенцы надеялись также открыть северо-западный путь в Ост-Индию. До сей поры обе эти надежды обманывали их.

Отдел II. Причины процветания новых колоний

Колония цивилизованной нации, занимающая обширную страну или страну, столь редко населенную, что ее коренные жители легко уступают место новым пришельцам, быстрее движется по пути к богатству и могуществу, чем всякое другое общество людей.

Колонисты приносят с собою знание земледелия и других полезных ремесел, превосходящее то знание, которое может самостоятельно развиваться в течение ряда веков среди диких и варварских народов. Они также приносят с собою привычку к подчинению, некоторое представление об устойчивом правительстве, какое существует у них на родине, о системе законов, ограждающих его, и о регулярном отправлении юстиции, и они естественно устанавливают нечто подобное в новом поселении. Но у диких и варварских народов, после того как закон и правительство установлены в той мере, в какой это необходимо для их защиты, естественное развитие совершается еще медленнее, чем естественное развитие ремесел. Каждый колонист получает больше земли, чем он в состоянии обраба-

тывать. Ему не приходится платить никакой ренты и почти никаких налогов. Он не знает землевладельца, с которым должен был бы делить свой продукт, который при таких условиях почти полностью достается ему самому, доля же государя совершенно ничтожна. Но его земельный участок обычно так обширен, что при всем напряжении его собственных сил и сил других работников, которых он может нанять, он редко в состоянии извлечь из него десятую часть того, что он мог бы произвести. Поэтому он стремится привлекать отовсюду работников и вознаграждать их самой щедрой заработной платой. Но эта высокая заработная плата вместе с обилием и дешевой земли скоро побуждает этих работников покинуть его, чтобы самим сделаться землевладельцами и оплачивать с такой же щедростью других работников, которые, в свою очередь, скоро покидают их по той же причине, по какой они сами оставили своих хозяев. Высокая оплата труда поощряет браки. Дети в годы младенчества хорошо питаются и пользуются надлежащим уходом; когда они подрастают, стоимость их труда с избытком оплачивает стоимость их содержания. Когда они достигают зрелости, высокая цена труда и дешевизна земли позволяет им завести самостоятельное хозяйство, как до них делали это их отцы.

В других странах земельная рента и прибыль съедают заработную плату, и два высших класса общества угнетают низший. В новых колониях интерес двух высших классов заставляет их относиться к низшему с большим вниманием и человечностью, по крайней мере, там, где этот низший класс не находится в состоянии рабства. Обширные земли, отличающиеся величайшим естественным плодородием, можно получать здесь за безделицу. Увеличение дохода, которого собственник, являющийся всегда вместе с тем и предпринимателем, ожидает от улучшения земли, составляет его прибыль, при этих условиях обычно значительную. Но эта значительная прибыль может быть получена только при затрате труда других людей на расчистку и обработку земли, а несоответствие между большой площадью земли и незначительностью населения, по общему правилу существующее в новых колониях, делает для него трудным получение необходимого труда. Поэтому он не торгуется из-за заработной платы, а готов нанимать рабочих за любую цену. Высокая оплата труда поощряет рост населения. Дешевизна и обилие хороших земель поощряет их возделывание и дает землевладельцу возможность платить такую высокую заработную плату. Из этой заработной платы состоит почти вся цена земли, и хотя в качестве оплаты труда ее следует считать высокой, она совсем низка, поскольку составляет цену столь ценного предмета, как земля. Все, что содействует росту населения и возделыванию земли, содействует также возрастанию действительного богатства и могущества.

В соответствии с сказанным рост богатства и могущества многих древних греческих колоний, повидимому, совершался очень быстро. За одно или два столетия некоторые из них, повидимому,

сравнились с своими метрополиями и даже оставили их за собою. Сиракузы и Агригент в Сицилии, Тарент и Локры в Италии, Эфес и Милет в Малой Азии, согласно всем сообщениям, по меньшей мере не уступали ни одному из городов древней Греции. Хотя они и возникли значительно позднее, все же у них культура, философия, поэзия, ораторское искусство развились столь же рано и были доведены до такого же совершенства, как и в любой части метрополии. Замечательно, что школы двух древнейших греческих философов, Фалеса и Пифагора, возникли не в древней Греции, а одна — в азиатской, а другая — в итальянской колонии. Все подобные колонии основывались в странах, населенных дикими и варварскими народами, которые легко уступали место новым поселенцам. Последние имели в изобилии хорошую землю, и, поскольку они были вообще независимы от своего родного города, они могли свободно вести свои дела так, как считали наиболее соответствующим своим интересам.

История римских колоний отнюдь не так блестяща. Правда, некоторые из них, как, например, Флоренция, на протяжении столетий и после падения своей метрополии выросли в крупные государства, но ни одна из них не отличалась очень быстрым развитием. Они все основывались в завоеванных провинциях, которые в большинстве случаев уже до этого были густо заселены. Количество земли, предоставляемое каждому колонисту, редко бывало весьма значительным; а так как колония не пользовалась независимостью, она не всегда вольна была вести свои дела так, как считала соответствующим своим интересам.

По обилию хорошей земли европейские колонии, основанные в Америке и Вест-Индии, приближаются к колониям древней Греции и даже значительно оставляют их за собою. Своей зависимостью от метрополии они похожи на римские колонии; но их отдаленность от Европы более или менее ослабляла для них последствия этой зависимости. Благодаря своей отдаленности они не всегда были на виду, а это уменьшало власть над ними их метрополии. Когда они самостоятельно и по собственному разумению преследовали свои интересы, на их образ действий во многих случаях не обращали внимания, — потому ли, что не знали об этом в Европе, или потому, что не понимали его, — а в некоторых случаях терпели его и соглашались с ним потому, что их отдаленность делала трудным вмешательство. Даже насильственное и произвольное правительство Испании во многих случаях оказывалось вынужденным, опасаясь общего восстания, отменять или смягчать приказы, которые оно издавало для управления своими колониями. Ввиду всего этого прогресс всех европейских колоний в отношении богатства, населения и культуры был очень велик.

Испанское правительство с первых же дней существования своих колоний извлекало из них некоторый доход в виде доли добываемого золота и серебра. По своей природе доход этот был таков, что возбуждал в человеческой жадности чрезмерные ожидания еще боль-

ших богатств. Поэтому испанские колонии с самого своего возникновения привлекали к себе очень большое внимание своей метрополией, тогда как колонии других европейских наций долгое время оставались в большой мере в пренебрежении. Первые, пожалуй, не очень выгадали от такого внимания, а последние—не потерпели особого ущерба от этого пренебрежения. Испанские колонии, принимая во внимание имеющуюся в их распоряжении площадь страны, менее населены и пользуются меньшим благосостоянием, чем колонии почти всех других европейских наций. Однако рост населения и благосостояния даже испанских колоний был, несомненно, очень быстрый и очень значительный. Город Лима, основанный после завоевания, по сообщению Уллоа¹, имел около тридцати лет тому назад 50 000 жителей. Квито, бывший жалкой деревушкой индейцев, изображается этим же автором столь же населенным в его время. Гемелли Карери², который, как говорят, был лишь мнимым путешественником, но все же писал, повидимому, на основании в высшей степени достоверных источников, рисует город Мексико насчитывающим 100 000 жителей,—количество, которое, при всем преувеличении испанских писателей, вероятно в пять раз превышает то, которое он имел во времена Монтезумы. Эти цифры значительно превышают численность населения Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии, трех самых больших городов английских колоний. В Мексике и Перу до завоевания их испанцами не было совсем скота, годного для перевозки тяжестей. Лама была их единственным вьючным скотом, а ее выносливость, кажется, значительно уступает выносливости обыкновенного осла. Плуг был неизвестен в этих странах. Население их было незнакомо с употреблением железа. Оно не обладало чеканной монетой и вообще каким бы то ни было общепризнанным орудием торгового обмена. Торговля велась посредством натурального обмена. Нечто вроде деревянной лопаты было главным орудием для возделывания земли. Заостренные камни служили вместо ножей и топоров; кости рыб и крепкие жилы некоторых животных служили иглами и нитками для шитья; и, повидимому, они же являлись вместе с тем главным орудием торговли. При таком положении вещей представляется немислимым, чтобы то или другое из этих государств могло обладать таким же благосостоянием, как в настоящее время, когда они обладают в изобилии всеми видами европейского скота и когда в них введено употребление железа, плуга и стали известны многие европейские ремесла. Но населенность всякой страны должна быть пропорциональна степени ее благосостояния и культуры. Несмотря на жестокое истребление коренных жителей, последовавшее за завоеванием, эти два обширных государства в настоящее время, вероятно, обладают более многочисленным населением, чем когда бы то ни было раньше, да и самый народ, несомненно, очень изменился, ибо мы должны признать, мне

¹ [Ulloa, Relacion de Viage à la America Meridional. 1740.]

² [Careri, Voyage du tour du monde. V. VI, p. 36.]

думается, что испанские креолы во многих отношениях стоят выше древних индейцев.

После поселений испанцев португальские поселения в Бразилии являются старейшими из колоний всех других европейских наций. Но так как в течение долгого времени после открытия Бразилии здесь не находили ни золота, ни серебра и новая колония поэтому доставляла правительству небольшой доход или даже совсем не давала его, то она продолжительное время оставалась в почти полном пренебрежении. Именно за этот период пренебрежения она развилась в большую и могущественную колонию. Когда Португалия находилась под властью Испании, на Бразилию напали голландцы, которые завладели семью провинциями из четырнадцати, на которые она подразделялась. Они рассчитывали вскоре завоевать и остальные семь, когда Португалия вернула себе независимость, возведя на престол Браганцскую династию. Тогда голландцы, бывшие врагами испанцев, стали союзниками португальцев, которые тоже были врагами испанцев. Поэтому они согласились оставить ту часть Бразилии, которую еще не завоевали, королю португальскому, согласившемуся, в свою очередь, оставить за ними завоеванную уже часть, считая это дело не заслуживающим вражды между столь добрыми союзниками. Но голландское правительство скоро начало угнетать португальских колонистов, которые, вместо того чтобы тратить время на жалобы, взялись за оружие против своих новых владык и благодаря своей храбрости и решимости, разумеется при попустительстве своей родной страны, но без всякой открытой помощи с ее стороны, выгнали голландцев из Бразилии. Голландцы, убедившись в невозможности удержать за собой какую-либо часть страны, должны были согласиться на возвращение ее целиком под власть португальского короля. Как сообщают, в этой колонии насчитывается свыше 600 000 жителей—португальцев или потомков португальцев, креолов, мулатов и расы, смешанной из португальцев и бразильцев. Ни одна колония в Америке, как полагают, не имеет так много жителей европейского происхождения.

В конце XV и в течение большей части XVI столетий Испания и Португалия являлись двумя великими морскими державами; действительно, хотя торговля Венеции распространялась на все части Европы, ее флот почти не выходил за пределы Средиземного моря. Испанцы, ссылаясь на право первого открытия, предъявили притязания на всю Америку; и хотя они не могли воспрепятствовать такой великой морской державе, как Португалия, утвердиться в Бразилии, все же страх перед именем испанцев был в то время так велик, что большинство других наций Европы опасалось заводить колонии в какой-либо другой части этого великого материка. Французы, пытавшиеся поселиться во Флориде, были все перебиты испанцами. Однако упадок морской силы последних, явившийся результатом поражения или неудачи их так называемой Непобедимой армады в конце XVI столетия, лишил их силы и впредь препятствовать устройству колоний других европейских наций. Поэтому в те-

чение XVII столетия англичане, французы, голландцы, датчане и шведы, одним словом все великие нации, обладавшие морскими гаванями, пытались устраивать поселения в Новом свете.

Шведы поселились в Нью-Джерси, и большое число шведских семейств, которых еще и ныне можно встретить там, достаточно свидетельствует, что эта колония наверное процветала бы, если бы пользовалась поддержкой своей метрополии. Но будучи пренебрегаема Швецией, она была поглощена голландской колонией Нью-Йорк, которая, в свою очередь, подпала в 1674 году под власть англичан.

Небольшие острова Св. Фомы и Санта-Круз представляют собою единственные местности в Новом свете, когда-либо принадлежавшие датчанам. Притом эти небольшие поселения находились в управлении монопольной компании, которая одна обладала правом покупать избыточный продукт колонистов и снабжать их теми товарами других стран, в которых они нуждались; благодаря этому указанная компания при этих покупках и продажах не только могла подвергаться, но и действительно подвергалась большому искушению угнетать их. Управление монопольной компании купцов является, пожалуй, самым худшим из всех правительств для любой страны. Однако оно не могло совсем остановить развитие этих колоний, хотя и сделало его более медленным и затрудненным. Покойный датский король распустил эту компанию, и с тех пор благосостояние этих колоний сильно возросло.

Голландские поселения в Вест-Индии, так же как и в Ост-Индии, были сначала поставлены под управление монопольной компании. Поэтому развитие некоторых из них, хотя и значительное в сравнении почти с любой другой страной, давно заселенной, было медленным в сравнении с развитием большей части новых колоний. Колония Суринам, хотя и очень значительная, все еще стоит ниже большей части сахарных колоний других европейских наций. Колония Новая Бельгия, ныне разделенная на две провинции—Нью-Йорк и Нью-Джерси, вероятно скоро тоже сильно разрослась бы, если бы даже и осталась под управлением голландцев. Изобилие и дешевизна хорошей земли представляют собою столь мощные факторы процветания, что даже наихудшее правительство почти не может помешать их действию. Помимо того и отдаленность от метрополии позволит колонистам более или менее освобождаться, при помощи контрабанды, от гнета монополии, которой компания пользовалась в ущерб им. В настоящее время компания допускает все голландские суда к торговле с Суринамом при условии уплаты за разрешение двух с половиной процентов со стоимости их груза и сохраняет исключительно за собой только непосредственную торговлю между Африкой и Америкой, которая состоит почти исключительно в торговле рабами. Такое смягчение монопольных привилегий компании является, вероятно, главной причиной той степени благосостояния, какую в настоящее время пользуется эта колония. Кюрасо и Св. Евстафия, два главных острова, принадлежащие гол-

ландцам, представляют собою вольные гавани, открытые судам всех наций; и эта свобода, предоставленная им в то время, как гавани лучших колоний открыты только для судов одной нации, была главной причиной процветания этих двух бесплодных островов.

Французская колония Канада в течение большей части минувшего столетия и некоторой части текущего находилась под управлением монопольной компании. При столь неблагоприятном управлении ее развитие неизбежно подвигалось вперед очень медленно в сравнении с развитием других новых колоний, но оно пошло гораздо быстрее, когда эта компания была распущена после неудачи так называемого Миссисипского проекта¹. Когда англичане завладели этой страной, они нашли в ней почти вдвое большее число жителей сравнительно с тем населением, какое определял за 20—30 лет до того отец Шарльвуа². Этот иезуит объехал всю страну и не имел никаких оснований изображать ее менее значительной, чем она была в действительности.

Французская колония Сан-Доминго была основана пиратами и разбойниками, которые в течение продолжительного времени не домогались защиты Франции и не признавали ее власти; а когда это племя бандитов настолько превратилось в граждан, что стало признавать власть Франции, то еще долго ее приходилось осущестлять с очень большой мягкостью. В течение этого периода население и благосостояние этой колонии возрастали очень быстро. Даже гнет монопольной компании, которой она вместе со всеми другими французскими колониями была на некоторое время подчинена, хотя, без сомнения, замедлил, но не смог совсем остановить ее развитие. Быстрый темп развития ее благосостояния возобновился сейчас же после того, как она была избавлена от этого гнета. В настоящее время она является важнейшей из сахарных колоний Вест-Индии, и ее продукт, как утверждают, размерами своими превышает продукт всех английских сахарных колоний, взятых вместе. Остальные сахарные колонии Франции в общем все очень незначительны.

Но не существует колоний, развитие которых совершалось быстрее, чем развитие английских колоний в Северной Америке.

Обилие хороших земель и свобода по собственному усмотрению вести свои дела являются, повидимому, двумя основными причинами процветания всех новых колоний.

В отношении обилия хорошей земли английские колонии Северной Америки, хотя, без сомнения, снабжены землею в большом изобилии, уступают колониям испанцев и португальцев и не превосходят некоторых из тех колоний, которыми обладали французы до последней войны. Но политические учреждения английских колоний были более благоприятны для их развития и возделывания их земли, чем учреждения колоний любой из других трех наций.

¹ [См. примечание о Джоне Лоу в I томе, книга вторая, глава вторая.]

² [Charlevoix, Histoire et description de la Nouvelle France, avec le journal historique d'un voyage dans l'Amérique septentrionale. Paris 1744.]

1) Сосредоточение в одних руках больших пространств не возделанной земли хотя и не запрещалось совсем, но было в большей степени ограничено в английских колониях, чем в других. Колониальный закон, обязывающий каждого земельного собственника в течение определенного срока улучшить и обработать известную часть его земель, а в случае неисполнения этого объявляющий эти заброшенные земли подлежащими отводу всякому желающему, оказал определенное действие, хотя, возможно, и не очень строго применялся на практике.

2) В Пенсильвании не существует права первородства, и земля, как и движимое имущество, делится поровну между всеми детьми. В трех провинциях Новой Англии старший сын получает лишь двойную долю, как это установлено моисеевым законом. Поэтому, хотя в этих провинциях иногда слишком большое количество земли может оказаться сосредоточенным в руках одного лица, оно в течение одного или двух поколений должно снова быть поделенным на части. В других английских колониях, правда, право первородства существует, как и в английском законе. Но во всех английских колониях порядок владения землями, сдаваемыми в наследственную аренду, облегчает их отчуждение, и тот, кто получает большой участок земли, обычно заинтересован в том, чтобы сдать от себя другим лицам большую его часть, сохраняя за собой лишь право на небольшую ренту. В испанских и португальских колониях при наследовании всех крупных поместий, с которыми связаны какие-либо почетные титулы, соблюдается так называемое майоратное право. Такие поместья целиком переходят к одному лицу и являются фактически неделимыми и неотчуждаемыми. Во французских колониях применяется парижское обычное право, которое в отношении наследования земли гораздо больше покровительствует младшим детям, чем английский закон. Но во французских колониях существует правило, что при отчуждении какой-либо части имения, дворянского или пожалованного за заслуги, по отношению к нему на определенный срок сохраняется право выкупа его наследником старшего сына или наследником семейства; а так как все крупнейшие поместья здесь находятся в руках дворян, то это неизбежно затрудняет их отчуждение. Между тем во всякой новой колонии большое возделываемое поместье гораздо скорее может быть разделено на небольшие владения путем отчуждения, а не в порядке наследования. Обилие и дешевизна хорошей земли, как уже замечено, являются главными причинами быстрого процветания новых колоний. Но сосредоточение в одних руках большого количества земли уничтожает это обилие и дешевизну. Такое сосредоточение невозделанных земель, кроме того, составляет величайшее препятствие для их обработки и улучшения. Но труд, затрачиваемый на возделывание и улучшение земли, дает обществу наибольший и наиболее ценный продукт. Продукт труда в этом случае оплачивает не только затраченную на него заработную плату и прибыль на капитал, занимающий этот труд, но также и ренту за землю, на которой он прилагается. Ввиду этого,

поскольку труд английских колонистов в большей степени затрачивается на улучшение и обработку земли, постольку он должен приносить больший и более ценный продукт, чем труд колонистов трех других наций, который, из-за сосредоточения земель в одних руках, в большей или меньшей мере отвлекается к другим занятиям.

3) Труд английских колонистов не только дает больший и более ценный продукт; вследствие умеренности уплачиваемых ими налогов им достается более значительная часть этого продукта, который они могут накапливать и употреблять в целях приложения еще большего количества труда. Английским колонистам еще ни разу не приходилось вносить что-нибудь для обороны своей метрополии или на содержание ее гражданского управления. Напротив, они сами до сих пор защищались почти целиком за счет метрополии. Но расходы на флот и армию несоизмеримо превышают необходимые расходы на содержание гражданского управления. Расходы на гражданское управление самих колоний всегда были очень невелики: они обычно ограничивались суммами, необходимыми для уплаты достаточного вознаграждения губернатору, судьям и некоторым другим полицейским чиновникам и для выполнения немногих, наиболее полезных общественных сооружений. Расходы гражданского управления Массачусетса, до возникновения нынешних смут, не превышали обычно 18 000 ф. в год. В Нью-Гэмпшире и Род-Айленде эти расходы выражались в 3 500 ф. в каждом, Коннектикуте— в 4 000 ф., в Нью-Йорке и Пенсильвании— по 4 500 ф., в Нью-Джерси— 1 200 ф., в Виргинии и Южной Каролине— по 8 000 ф. Гражданское управление Новой Шотландии и Георгии содержится отчасти за счет ежегодной субсидии парламента. Но Новая Шотландия в добавление к ней уплачивает около 7 000 ф. в год на общественные расходы колонии, а Георгия вносит около 2 500 ф. в год. Одним словом, все гражданское управление Северной Америки, если не считать Мэрилэнда и Северной Каролины, относительно которых не удалось получить точных данных, стоило жителям, до возникновения нынешних смут, не больше 64 700 ф. в год; это—вечно памятный пример того, с какими ничтожными издержками можно не только управлять, но и хорошо управлять трехмиллионным населением. Правда, наиболее важная часть расходов по управлению, а именно—расходы на оборону и защиту, постоянно падали на метрополию. Притом церемониал гражданского управления в колониях при встрече нового губернатора, при открытии новой сессии колониального собрания и пр., хотя и достаточно торжественный, не сопровождается чрезмерной пышностью. Управление церковными делами колоний ведется столь же экономно. Десятины у них неизвестны, и их духовенство, отнюдь не многочисленное, содержится на умеренное жалованье или на добровольные взносы населения. Испанское и португальское правительства, напротив, извлекают некоторую выгоду из налогов, взимаемых ими с колоний. Что касается Франции, то она никогда не извлекала сколько-нибудь значительного дохода со своих колоний, поскольку налоги, взимаемые

ею с них, обычно там же и расходуются. Но колониальное управление этих трех наций ведется с гораздо большими расходами и сопровождается гораздо более дорогим церемониалом. Суммы, затрачивавшиеся на прием нового вице-короля Перу, например, часто бывали громадными. Такие церемонии не только представляют собою тяжелый налог, уплачиваемый богатыми колонистами в этих особых случаях, но и приучают их к пышности и расточительности во всех других случаях. Они являются не только очень вредным единовременным налогом, но и содействуют установлению постоянного налога такого же рода, еще более вредного, — разорительного налога роскоши и расточительности частных лиц. В колониях этих трех наций равным образом чрезвычайно обременительно и церковное управление. Десятина существует у них всех, а в колониях Испании и Португалии взимается с чрезвычайной строгостью. Помимо этого их обременяет многочисленный класс нищенствующих монахов, попрошайничество которых, не только допускаемое, но и освящаемое религией, является в высшей степени обременительным налогом, падающим на бедное население, которому усиленно внушают, что его долг подавать монахам и что очень грешно отказывать им в милостыни. Помимо всего этого, духовенство во всех этих колониях больше всего занимается скупкой и сосредоточением в своих руках земли.

4) В отношении реализации своего избыточного продукта или того, что превышает их собственное потребление, английские колонии были в более благоприятном положении и имели в своем распоряжении более обширный рынок, чем колонии какой-либо иной европейской нации. Все европейские нации старались в большей или меньшей степени монополизировать в свою пользу торговлю своих колоний и с этой целью воспрещали судам других наций торговать с ними, а также запрещали своим колониям ввозить европейские товары какой-либо другой нации. Впрочем, способы осуществления этой монополии различными нациями были очень различны.

Некоторые нации передавали всю торговлю своих колоний монополю компании, у которой колонисты обязаны были покупать все нужные им европейские товары и которой они должны были продавать весь свой избыточный продукт. Ввиду этого компания была заинтересована не только в том, чтобы продавать первые так дорого и покупать последние так дешево, как только возможно, но и в том, чтобы покупать продукты колонии, даже по этой низкой цене, не в большем количестве, чем она могла продавать их по очень высокой цене в Европе. Поэтому в ее интересах было не только понижать во всех случаях стоимость избыточного продукта колонии, но и затруднять во многих случаях и задерживать естественное возрастание его количества. Из всех средств, которые могут быть придуманы для воспрепятствования естественному росту новой колонии, метод установления монополю компании является, без сомнения, наиболее действительным. Однако такова была политика Голландии, хотя голландская компания в настоящем столетии отказалась

во многих отношениях от пользования своей исключительной привилегией. Такова же была политика Дании до царствования последнего короля. В отдельных случаях такой же политики держалась Франция; а в самое последнее время, с 1755 г., после того как от этой политики отказались все другие нации ввиду ее нелепости, она воспринята Португалией, по крайней мере по отношению к двум главным провинциям Бразилии — Фернамбуко и Мараньон.

Другие нации, не учреждая монополии одной какой-нибудь компании, сосредоточивали свою торговлю со своими колониями в определенном порту метрополии, откуда ни одному судну не разрешалось отплыть иначе, как в составе целого флота, или в установленное время года, или со специального разрешения, которое в большинстве случаев очень хорошо оплачивалось. Такая политика оставляла торговлю с колониями открытой для всех уроженцев метрополии, при том условии, что они вывозили товары из назначенного порта в установленное время года и на соответствующих судах. Но так как различные купцы, соединявшие свои капиталы для снаряжения этих судов, получивших разрешительные свидетельства, были заинтересованы в согласовании своих действий, то и торговля, ведущаяся при таких условиях, необходимо должна была вестись почти на таких же основаниях, как и торговля монополю компании. Прибыли этих купцов должны были быть столь же чрезмерны и обременительны. Колонии плохо снабжались и должны были покупать по очень дорогим ценам и продавать по очень дешевым. Такова, однако, до самого последнего времени была всегда политика Испании, и в соответствии с этим цена всех европейских товаров, как сообщают, была невероятно высока в испанской Вест-Индии. В Квито, как рассказывает нам Уллоа¹, фунт железа продавался за 4 шилл. 6 пенсов, а фунт стали — за 6 шилл. 9 пенсов. Но колонии продают часть своего собственного продукта главным образом для того, чтобы покупать европейские товары. Поэтому чем больше они платят за последние, тем меньше получают фактически за первые, и дороговизна одних равносильна дешевизне других. Колониальная политика Португалии в этом отношении не отличается от прежней политики Испании, исключая Фернамбуко и Мараньон, по отношению к которым недавно усвоена еще худшая политика.

Другие нации предоставляют полную свободу торговли с колониями всем своим подданным, которые могут вести ее из всех портов метрополии без особых разрешительных свидетельств, кроме обычных таможенных формальностей. В этом случае многочисленность и разбросанность купцов делает для них невозможным заключение каких-либо общих соглашений, и конкуренция между ними является достаточной, чтобы воспрепятствовать им извлекать чрезмерные барыши. При такой либеральной политике колонии получают возможность продавать свои продукты и покупать европейские товары по разумной цене. Со времени ликвидации Плимутской компании,

¹ [См. примечание выше, стр. 130.]

когда наши колонии переживали еще свое детское состояние, такова именно была всегда политика Англии; по общему правилу, такова же была и политика Франции, оставаясь без изменений с момента ликвидации так называемой в Англии Миссисипской компании. Поэтому прибыли от торговли, которую Франция и Англия ведут со своими колониями, хотя, без сомнения, и несколько выше той прибыли, которую они получали бы при допущении свободной конкуренции всех других наций, но все же отнюдь не чрезмерна; соответственно этому и цена европейских товаров в большей части колоний обеих этих наций не отличается чрезмерной высотой.

Что касается вывоза избыточного продукта колоний Великобритании, то они ограничены рынком своей метрополии только в отношении некоторых товаров. Так как эти товары были перечислены в Навигационном и некоторых других последующих актах, то они поэтому получили название *перечисленных товаров*, а все остальные — *неперечисленных*; эти последние могут вывозиться непосредственно в другие страны при условии, что они перевозятся на британских или колониальных судах, владельцы которых и три четверти экипажа состоят британскими подданными.

В числе неперечисленных товаров находятся некоторые из наиболее важных продуктов Америки и вест-индских островов: все хлеба, лес, консервы, рыба, сахар и ром.

Хлеб, естественно, является первым и главным предметом земледельческой культуры во всех новых колониях. Предоставляя им самый широкий рынок для этого продукта, закон поощряет расширять культуру его сверх потребностей редко заселенной страны и таким образом обеспечивать заранее обильные средства существования непрерывно возрастающему населению.

В стране, почти целиком покрытой лесом, где древесина поэтому стоит очень мало или почти ничего не стоит, издержки по расчистке земли служат главным препятствием для увеличения посевов. Предоставляя своим колониям очень обширный рынок для их лесных материалов, закон старается облегчить увеличение посевов повышением цены товара, который без этого имел бы ничтожную стоимость, и облегчением им извлечения некоторой прибыли из той операции, которая в противном случае вызывала бы только издержки.

В стране, еще и наполовину незаселенной и невозделанной, скот, естественно, размножается больше, чем требуется для потребления жителей, и часто поэтому имеет ничтожную стоимость или совсем ничего не стоит. Но как уже показано, для того, чтобы большая часть земель какой-либо страны подвергалась обработке, необходимо, чтобы цена скота находилась в определенном соотношении с ценою хлеба. Открывая очень обширный рынок американскому скоту во всех его видах, как битому, так и живому, закон старается повысить стоимость товара, высокая цена которого так необходима для возделывания земли. Благоприятные последствия этой свободы, впрочем, должны несколько ослабляться законом, изданным в 4-й год правления Георга III, гл. 15, который относит шкуры и кожи

к перечисленным товарам и таким образом ведет к понижению стоимости американского скота.

Увеличить судоходство и морское могущество Великобритании посредством расширения рыболовного промысла в наших колониях — такова цель, которую законодательство, повидимому, почти всегда имело ввиду. Вследствие этого рыболовный промысел пользовался всем тем поощрением, которое могла дать ему свобода, и поэтому процветал. В частности рыболовство в Новой Англии было до последних смут одним из самых крупных, пожалуй, во всем мире. Китоловный промысел, который, несмотря на чрезвычайно высокую премию, ведется в Великобритании с столь незначительными результатами, что, по мнению многих (за правильность которого я, впрочем, не ручаюсь), вся добыча не намного превышает стоимость премий, ежегодно выплачиваемых за нее, в Новой Англии ведется в очень широких размерах без всякой премии. Рыба представляет собою один из главных предметов торговли североамериканцев с Испанией, Португалией и портами Средиземного моря.

Сахар первоначально относился к перечисленным товарам и мог вывозиться только в Великобританию. Но в 1731 г., в результате представления сахарных плантаторов, был разрешен его вывоз во все порты мира. Однако ограничения, которыми была обусловлена эта свобода вывоза, вместе с высокой ценой сахара в Великобритании в значительной степени ослабили действие этой меры. Великобритания и ее колонии продолжают и в настоящее время оставаться почти единственным рынком для всего сахара, производимого на британских плантациях. Их потребление возрастает так быстро, что хотя в результате увеличения производительности Ямайки и уступленных островов¹ ввоз очень значительно увеличился в течение последних двадцати лет, вывоз в иностранные государства, как утверждают, не намного превышает вывоз прежних лет.

Ром является очень важным предметом в торговле, которую американцы ведут на Африканском берегу, откуда они привозят вместо этого рабов — негров.

Если бы весь избыточный продукт Америки — хлеб всех видов, солонина и рыба — был внесен в список перечисленных товаров и таким образом насильственно направлен на рынок Великобритании, это сильно отразилось бы на продукте труда нашего собственного народа. И, вероятно, не столько из внимания к интересам Америки, сколько из опасения этой конкуренции, эти важные товары не только не были включены в список, но и ввоз в Великобританию всех хлебов, исключая риса, а также ввоз солонины, был при нормальных условиях воспрещен.

Так называемые неперечисленные товары могли первоначально вывозиться во все части света. Вывоз лесных материалов и риса, первоначально включенных в перечень, был впоследствии, после их

¹ [Речь идет об островах, которые Франция уступила Англии по Парижскому миру 1763 г.]

исключения из него, ограничен, поскольку речь идет о европейском рынке, странами, расположенными южнее мыса Финистер. В силу гл. 52 закона, изданного в 6-й год правления Георга III, все перечисленные товары были подчинены такому же ограничению. Части Европы, находящиеся южнее мыса Финистера,—сплошь непромышленные страны, и мы меньше опасались, что колониальные суда будут вывозить оттуда домой какие-либо промышленные изделия, которые бы могли конкурировать с нашими.

Перечисленные товары разделяются на две группы: во-первых, такие, которые представляют собою специальный продукт Америки или которые не могут производиться и, во всяком случае, не производятся в метрополии. К этой группе относятся: патока, кофе, какаоовые бобы, табак, индийский перец, имбирь, китовый ус, шелк-сырец, хлопок, бобровый мех и другой пушной товар Америки, индиго, желтлик и другие красильные вещества; во-вторых, такие товары, которые не представляют собою специального продукта Америки и которые могут производиться и производятся в метрополии, хотя и не в таком количестве, чтобы покрывать большую часть ее спроса, удовлетворяемого главным образом другими странами. В эту группу входят все корабельные снасти, мачты, бушприты, рей, смола, деготь и скипидар, полосовое железо и чугун, медная руда, шкуры и кожи, поташ. Самый широкий ввоз товаров первой группы не мог мешать возрастанию или препятствовать сбыту какой-либо части производства метрополии. Благодаря направлению их исключительно на рынок метрополии наши купцы, как предполагалось, получают возможность не только покупать их по более дешевой цене из колоний и, следовательно, продавать их с большей прибылью дома, но и установить выгодную транзитную торговлю между колониями и иностранными государствами, центром или складочным местом которой неизбежно должна была сделаться Великобритания, как та европейская страна, куда прежде всего привозятся эти товары. Что же касается ввоза товаров второй группы, то предполагалось, что его тоже возможно так регулировать, чтобы он отразился не на продаже таких же продуктов внутреннего производства, а на продаже тех продуктов, которые ввозились из иностранных государств: действительно, посредством соответствующих пошлин цену этих товаров всегда можно было установить несколько выше цены первых товаров и значительно ниже цены последних. Таким образом, направляя такие товары исключительно на рынок метрополии, предполагали препятствовать производству не Великобритании, а некоторых иностранных государств, торговый баланс с которыми считался неблагоприятным для Великобритании.

Запрещение вывоза из колоний куда бы то ни было, кроме Великобритании, мачт, рей, бушпритов, смолы, дегтя и скипидара естественно вело к понижению цены леса в колониях, а следовательно и к увеличению издержек по расчистке их земель, служившей главным затруднением при обработке их. Но в самом начале текущего столетия, а именно в 1703 г., Шведская компания торговли смолой

и дегтем пыталась повысить цену своих товаров в Великобритании, запретив их вывоз иначе, как на ее собственных судах, по установленным ею ценам и в таких количествах, какие она находила нужным. Для того, чтобы парализовать этот замечательный акт меркантилистической политики и сделать себя по возможности независимой не только от Швеции, но и от всех других северных держав, Великобритания установила премию на ввоз корабельных снастей и материалов из Америки; эта премия имела своим последствием повышение цены лесных материалов в Америке в гораздо большей степени, чем могло понизить ее ограничение вывоза их исключительно на рынок метрополии; и так как обе эти меры были установлены одновременно, то их одновременное действие скорее поощряло, чем затрудняло расчистку земель в Америке.

Хотя чугун и полосовое железо включены в список перечисленных товаров, однако, так как при ввозе их из Америки они были освобождены от значительных пошлин, какими они облагаются при ввозе из всякой другой страны, то это ограничение в одной своей части поощряет устройство в Америке плавильных печей, а в другой—затрудняет его. Нет другой отрасли промышленности, которая вызывала бы такое большое потребление леса, как чугуноплавильная, или которая могла бы так содействовать расчистке страны, поросшей лесом.

Тенденция некоторых из этих ограничительных мер повышать цену лесных материалов в Америке и этим облегчать расчистку земель вероятно и не имела в виду и не учитывалась законодательством. Однако, хотя их благотворные последствия были в этом отношении случайными, они не становятся от этого менее действительными.

Наиболее полная свобода торговли как «перечисленными», так и «неперечисленными» товарами допущена между британскими колониями Америки и вестиндскими островами. Эти колонии становятся теперь столь населенными и столь процветающими, что каждая из них находит в некоторых из других большой и широкий рынок для продуктов своего производства. Взятые вместе, они образуют один большой внутренний рынок для своих продуктов.

Терпимость Англии по отношению к торговле ее колоний ограничивалась, однако, главным образом тем, что касалось рынка сырья или, так сказать, полуобработанного продукта. Более сложную и тонкую переработку даже колониальных продуктов купцы и владельцы мануфактур Великобритании предпочитали сохранять за собою и сумели побудить законодательство предотвратить устройство соответствующих предприятий в колониях в одних случаях установлением высоких пошлин, а в других—абсолютным запрещением.

Так, например, в то время как сахар-сырец из британских колоний облагается при ввозе пошлиной только в 6 ш. 4 п. с центнера, белый сахар облагается пошлиной в 1 ф. 1 ш. 1 п., а сахар-рафинад в головах, двойной или простой,—в 4 ф. 2 ш. 5⁸/₂₀ п. Когда были установлены эти высокие пошлины, Великобритания представляла собою единственный рынок, а в настоящее время продолжает быть еще глав-

ным рынком, куда может вывозиться сахар британских колоний. Пошлины поэтому были первоначально равносильны полному запрещению очистки или рафинирования сахара для какого бы то ни было внешнего рынка; в настоящее время пошлины равносильны запрещению очистки или рафинирования его для рынка, который поглощает, пожалуй, более девяти десятых всего производства. Ввиду этого промышленность по очистке и рафинированию сахара, процветавшая во всех производящих сахар колониях Франции, очень мало развилась в колониях Англии, ограничиваясь только работой на рынок самих колоний. Пока Гренада находилась в руках Франции, почти на каждой плантации производилось рафинирование сахара, хотя бы в виде очистки его глиной. С тех пор как она попала в руки англичан, почти все заводы этого рода были остановлены, и в настоящее время (в октябре 1773 г.), как меня уверяют, на всем острове остается не более двух или трех таких заводов. Впрочем, теперь благодаря снисходительности таможи очищенный или рафинированный сахар обычно ввозится в качестве сахара-сырца, если предварительно головы его превращены в песок.

В то время как Великобритания поощряет в Америке производство чугуна и полосового железа, освобождая их от пошлины, какими облагаются эти изделия при ввозе из других стран, она налагает абсолютное запрещение на устройство сталелитейных и прокатных заводов во всех своих американских колониях. Она не желает допускать, чтобы колонисты занимались этим более сложным производством хотя бы только для своего собственного потребления, и настаивает, чтобы все нужные им продукты этого рода они покупали у ее купцов и владельцев мануфактур.

Великобритания запрещает вывоз из одной колонии в другую водку и даже сухим путем верхом или в повозках шляп, шерсти и шерстяных товаров американского производства; такое ограничение фактически препятствует устройству каких-либо мануфактур, занятых производством этих товаров на определенный рынок, и таким образом ограничивает промышленность ее колонистов производством тех грубых и домашнего обихода предметов, которые обычно отдельная семья производит для своего собственного потребления или для нужд своих соседей в этой же провинции.

Но запрещение целому народу выделять из продукта своего труда все то, что он может, или затрачивать свой капитал и промышленный труд таким образом, как он считает для себя наиболее выгодным, представляет собою явное нарушение самых священных прав человечества. Однако, как ни несправедливы были такие запрещения, они до сих пор не причинили колониям слишком большого ущерба. Земля все еще у них так дешева, а труд, следовательно, так дорог, что они могут ввозить из метрополии почти все более тонкие и сложные мануфактурные изделия по более дешевым ценам, чем могли бы сами производить их. Поэтому, если бы даже им не было запрещено устройство таких мануфактур, при современном уровне их хозяйства правильное понимание их собственных интере-

сов все равно удержало бы их от этого. При современном уровне их хозяйственного развития эти запрещения, отнюдь не парализуя их труда и не препятствуя ему заниматься теми промыслами, какими он занимался бы по собственному почину, являются лишь ненужными цепями рабства, налагаемыми на них без всякого разумного основания неосновательной завистью купцов и владельцев мануфактур метрополии. На более высокой ступени развития они могли бы оказаться совершенно вредными и невыносимыми.

Ограничивая вывоз некоторых из важнейших продуктов колонии своим собственным рынком, Великобритания взамен этого предоставляет некоторым из них известные преимущества на этом рынке; делает она это или путем обложения более высокими пошлинами соответствующих продуктов, ввозимых из других стран, или установлением премий при ввозе их из колоний. Первым способом она дает преимущество на своем внутреннем рынке сахару, табаку и железу из ее собственных колоний, а вторым способом их шелку-сырцу, пеньке и льну, индиго, корабельным материалам и строительному лесу. Этот второй способ поощрения колониального производства посредством ввозных пошлин, насколько я мог установить, практикуется исключительно Великобританией, в противоположность высокими пошлинами табака, ввозимого из других стран, а воспрещает его ввоз под страхом самых строгих кар.

В отношении ввоза товаров из Европы Англия тоже проявляла в большей мере великодушие к своим колониям, чем какая-либо другая нация.

Великобритания допускает возврат части пошлины, почти всегда половины, обычно больше половины, а иногда и всей пошлины, уплачиваемой при ввозе иностранных товаров, когда они снова вывозятся в какую-нибудь другую страну. Ни одно независимое иностранное государство, как это легко было предвидеть, не стало бы приобретать эти товары, если бы они прибывали обремененные высокими пошлинами, какими облагаются при ввозе в Великобританию почти все иностранные товары. Поэтому, если бы при обратном вывозе не возвращалась часть этих пошлин, прекратилась бы всякая транзитная торговля,—та торговля, которой так сильно покровительствует меркантилистическая система.

Но наши колонии отнюдь не являются независимыми иностранными государствами, и Великобритания, присвоившая себе исключительное право снабжать их всеми товарами из Европы, могла бы заставлять их (как это делали другие страны с своими колониями) принимать эти товары, обремененные всеми теми пошлинами, какие уплачиваются за них в метрополии. Несмотря на это, до 1763 г. при вывозе большей части иностранных товаров в наши колонии производился такой же возврат пошлин, как и при вывозе их в любое независимое иностранное государство. Впрочем, в 1763 г. законом 4-го года правления Георга III, гл. 15, эта льгота была в значительной степени уменьшена и было постановлено, что «никакая

часть пошлины, называемая старой пошлиной, не подлежит возврату с каких-либо продуктов, растущих, производимых или выделяемых в Европе или в Ост-Индии, которые вывозятся из этого королевства в какую-либо британскую колонию или плантацию в Америке, исключая вина, ситца и кисею». До издания этого закона многие иностранные товары можно было покупать в колониях по более дешевой цене, чем в метрополии; с некоторыми товарами дело так обстоит и в настоящее время.

Главными вдохновителями большей части правил и ограничений, относящихся к торговле с колониями, были, следует отметить это, купцы, занимавшиеся ею. Мы поэтому не должны удивляться, что при установлении большинства их интересы этих купцов принимались во внимание в большей степени, чем интересы колоний или метрополии. Благодаря наделению этих купцов исключительным правом снабжать колонии всеми нужными им европейскими товарами и покупать всю ту часть их избыточного продукта, которая не могла повредить торговле, ведущейся ими самими в метрополии, интересы колонии были принесены в жертву этим купцам. Благодаря установлению такого же возврата пошлин при обратном вывозе большей части европейских и остиндских продуктов в колонии, как и при обратном вывозе их в любую независимую страну, ради купцов были принесены в жертву интересы метрополии даже согласно меркантилистическому пониманию этих интересов. Именно купцы были заинтересованы платить возможно меньше за иностранные товары, отправляемые ими в колонии, и, следовательно, получать обратно возможно большую часть пошлин, уплаченных ими при ввозе их в Великобританию. Это позволяло им продавать в колониях или то же самое количество товаров с большей прибылью или большее количество их при той же прибыли, а следовательно так или иначе получать известную выгоду. Точно так же и колонии были заинтересованы в том, чтобы получать все такие товары возможно дешевле и в возможно большем количестве, но это не всегда могло быть в интересах метрополии. Последняя часто могла терпеть ущерб как в своем доходе вследствие возвращения части пошлин, уплаченных при ввозе этих товаров, так и в отношении сбыта своих мануфактурных изделий, так как она встречала на колониальном рынке конкуренцию иностранных товаров вследствие льготных условий ввоза их туда благодаря возврату пошлин. Как признается всеми, развитие полотняных мануфактур в Великобритании было значительно замедлено установлением возврата пошлин при обратном экспорте германского полотна в американские колонии.

Но хотя политика Великобритании по отношению к торговле ее колоний вдохновлялась тем же меркантилистическим духом, как и политика других наций, она все же в целом была менее стеснительна и не столь несправедлива, как политика любой из них.

Решительно во всем, за исключением внешней торговли, свобода английских колонистов вести свои дела по собственному усмотрению ничем не ограничена. Она во всех отношениях не уступает

свободе их соотечественников на родине и точно таким же образом ограждается собранием народных представителей, которые претендуют на признание лишь за ними одними права устанавливать налоги для содержания колониального управления. Власть этого собрания держит в узде исполнительную власть, и даже самый бедный и зависимый колонист, поскольку он не нарушает закона, может не бояться неудовольствия губернатора или любого другого гражданского или военного чиновника провинции. Правда, колониальные собрания, как и палата общин в Англии, не всегда являются вполне точным представительством народа, но все же они по своему характеру ближе к этому; и так как исполнительная власть не располагает средствами подкупать их или, ввиду поддержки, получаемой ею из метрополии, не имеет необходимости делать это, то, по общему правилу, эти собрания находятся под большим влиянием настроения своих избирателей. Советы, которые в законодательных учреждениях колоний соответствуют палате лордов в Великобритании, состоят не из наследственной знати. В некоторых колониях, как, например, в трех округах Новой Англии, советы эти не назначаются королем, а выбираются народными представителями. Ни в одной из английских колоний не существует наследственной аристократии. Конечно, во всех них, как и во всех других свободных странах, потомок старинной колониальной фамилии пользуется большим уважением, чем новопришелец одинаковых достоинств и столь же состоятельный, но он только пользуется большим уважением и не обладает никакими привилегиями, могущими быть неприятными и отягощающими для его соседей. До возникновения нынешних смут колониальные собрания обладали не только законодательной, но и частью исполнительной властью. В Коннектикуте и Род-Айленде они выбирали губернатора. В других колониях они назначали чиновников, собиравших налоги, устанавливаемые ими, причем эти чиновники были подчинены непосредственно этим собраниям. Таким образом, среди английских колонистов больше равенства, чем среди жителей метрополии. Их нравы более республиканские, и их правительства, в особенности в трех провинциях Новой Англии, до сих пор тоже были более республиканскими.

Напротив того, в колониях Испании, Португалии и Франции правительства отличаются тем же абсолютистским характером, какой они имеют в их метрополиях, и неограниченные полномочия, которые эти правительства обычно предоставляют всем своим низшим чиновникам, естественно осуществляются там, ввиду большой отдаленности, с более чем обычными произволом и насилием. При существовании неограниченного правительства столица пользуется большей свободой, чем любая другая часть страны. Сам государь никогда не бывает ни заинтересован, ни склонен нарушать справедливость или угнетать основную массу народа. В столице его присутствие более ими менее сдерживает всех его низших чиновников, которые в более отдаленных провинциях, откуда жалобы народа не легко могут дойти к нему, имеют возможность с большей безнака-

занностью проявлять свою тиранию. Но европейские колонии в Америке более отдаленны, чем самые отдаленные провинции величайших империй, когда-либо известных раньше. И правительство английских колоний является, пожалуй, единственным с самого возникновения мира, которое может обеспечивать полную безопасность жителям столь отдаленной провинции. Впрочем, управление французскими колониями осуществлялось всегда с большей мягкостью и умеренностью, чем управление колониями португальскими и испанскими. Такое превосходство соответствует как характеру французской нации, так и природе ее правительства, которая определяющим образом влияет на характер нации; это правительство, хотя жестокое и полное произвола в сравнении с великобританским, все же считается с законом и свободно в сравнении с правительствами Испании и Португалии.

Превосходство английской политики проявляется, впрочем, главным образом в развитии североамериканских колоний. Развитие сахарных колоний Франции по меньшей мере не отставало, а может быть и опередило развитие большей части сахарных колоний Англии, а между тем эти последние обладают таким же свободным правительством, какое существует в ее колониях Северной Америки. Но сахарные колонии Франции не встречают препятствия, как сахарные колонии Англии, в деле рафинирования своего сахара, и, что еще важнее, характер их правительства естественно обуславливает лучшее использование их невольников-негров.

Во всех европейских колониях возделывание сахарного тростника производится рабами-неграми. Организм лиц, родившихся в умеренном климате Европы, не может, как полагали, выдержать работу по вскапыванию земли под палящим солнцем вестиндских островов, а культура сахарного тростника, как она ведется в настоящее время, основана целиком на ручном труде, хотя, по мнению многих, вспашка плугом может быть введена здесь с большой выгодой. Но подобно тому как доходность и успешность обработки земли, ведущейся посредством скота, очень сильно зависят от умелого обращения с этим скотом, так и доходность и успешность работы, выполняемой рабами, должны также зависеть от умелого обращения с этими рабами, а в отношении умелости обращения с своими рабами французские плантаторы, как это, повидимому, признается всеми, превосходят англичан. Закон, поскольку он дает хотя бы слабую защиту рабу от жестокости его хозяина, будет наверное лучше исполняться в колонии, где правительство в значительной мере ограничено, чем в колонии, обладающей свободным правительством. Во всякой стране, где существует злосчастный институт рабства, должностное лицо, выступающее на защиту раба, в известной мере вмешивается в право частной собственности его хозяина; а в свободной стране, где этот хозяин состоит, может быть, членом колониального законодательного собрания или избирателем этих членов, он решается делать это только с величайшей осторожностью и осмотрительностью. Уважение, которое он вынужден оказывать

хозяину, делает для него более трудным выступление на защиту раба. Напротив того, в стране с правительством более или менее неограниченным, где чиновники обычно вмешиваются даже в управление частных лиц своей собственностью и посылают им, может быть, приказ об аресте (*lettres de cachet*), если они управляют ею не по их вкусу, им гораздо легче оказывать рабу некоторую защиту, а чувство гуманности, естественно, побуждает их к этому. Правительство чиновников делает раба менее безответственным в глазах его хозяина, который благодаря этому побуждается относиться к нему с некоторым вниманием и более мягко обращаться с ним. Более мягкое обращение делает раба не только верным, но и более толковым, а следовательно вдвойне более полезным. Он приближается к положению свободного рабочего и может обладать некоторой степенью честности и проявлять внимание к интересам своего хозяина, — добродетели, часто свойственные свободным рабочим, но отнюдь не рабу, с которым обращаются так, как это обычно принято в странах, где их хозяин совершенно независим и ничего не опасается.

Тот факт, что положение раба лучше при самодержавном правительстве, чем при свободном, подтверждается, по моему мнению, историей всех веков и народов. В римской истории о должностном лице, выступающем на защиту раба от жестокости его хозяина, мы в первый раз читаем при императорах. Когда Вевий Поллион в присутствии Августа приказал разрубить на куски одного из своих рабов, совершившего небольшой проступок, и бросить его в пруд, чтобы накормить рыб, император с негодованием велел ему немедленно отпустить на волю не только этого раба, но и всех других, принадлежавших ему. При республике ни одно должностное лицо не могло иметь достаточно власти, чтобы защитить раба, и еще меньше, чтобы наказать хозяина.

Следует отметить, что капитал, содействовавший развитию сахарных колоний Франции, в частности большой колонии Сан-Доминго, был получен почти целиком в результате постепенной разработки и усовершенствования колоний.

Он представлял собою почти целиком продукт почвы и труда колонистов или, другими словами, цену этого продукта, постепенно накопленную благодаря хорошему управлению и затраченную на производство еще большего продукта. Напротив, капитал, послуживший для развития сахарных колоний Англии, в большей своей части был доставлен из самой Англии и ни в какой мере не является продуктом почвы и труда колонистов. Процветание английских сахарных колоний в значительной мере обуславливалось большим богатством Англии, часть которого притекала, если можно так выразиться, в эти колонии; процветание сахарных колоний Франции, с другой стороны, обуславливалось целиком хорошим ведением дела колонистами, которые, следовательно, должны были обладать некоторым превосходством над английскими колонистами, и это превосходство ни в чем так сильно не проявлялось, как в хорошем обращении с рабами.

Таковы были общие линии политики различных европейских наций по отношению к своим колониям.

Политика Европы, таким образом, очень мало чем может похвастать как в отношении первоначального основания американских колоний, так и в отношении их последующего процветания, поскольку речь идет об их внутреннем управлении.

Безумие и несправедливость были, повидимому, основными началами, какими руководствовались при первоначальном проекте учреждения этих колоний,—безумие в поисках золотых и серебряных рудников и несправедливость в желании завладеть страной, безобидные жители которой не только никогда не причиняли вреда европейцам, но и приняли первых пришельцев со всевозможными свидетельствами доброжелательства и гостеприимства.

Правда, другие переселенцы, основавшие некоторые из позднейших колоний, присоединяли к химерическому проекту поисков золотых и серебряных рудников другие мотивы, более разумные и более похвальные, но даже и эти мотивы делают очень мало чести политике Европы.

Английские пуритане, притесняемые на родине, бежали в поисках свободы в Америку и основали там четыре провинции Новой Англии. Английские католики, терпевшие еще более несправедливое обращение, образовали провинцию Мэрилэнд; квакеры основали колонию Пенсильванию. Португальские евреи, преследуемые инквизицией, лишившиеся своего достояния и изгнанные в Бразилию, установили своим примером некоторый порядок и привычку к труду среди сосланных преступников и проституток, какими первоначально была заселена эта колония, и обучили их разведению сахарного тростника. Во всех этих различных случаях не мудрая политика, а беспорядок и несправедливость европейских правительств вели к заселению Америки и возделыванию ее земель.

В создании некоторых наиболее значительных из этих колоний различным правительствам Европы принадлежит не большая заслуга, чем в проектировании их. Завоевание Мексики было задумано не высшим советом Испании, а губернатором Кубы, выполнено же оно было смелым авантюристом, которому оно было поручено вопреки всем попыткам помешать этому со стороны губернатора, скоро раскаявшегося в том, что оказал доверие такому человеку. Завоеватели Чили и Перу и почти всех других испанских владений на материке Америки не имели другого содействия государства, кроме общего разрешения основывать поселения и завоевывать земли от имени короля Испании. Испанское правительство ни одному из них не оказало почти никакой поддержки. Все эти предприятия производились на свой риск и за счет самих авантюристов. Английское правительство столь же мало содействовало основанию некоторых из важнейших колоний в Северной Америке.

Когда эти колонии были основаны и настолько разрослись, что привлекли внимание метрополии, первые ее мероприятия по отношению к ним всегда имели в виду обеспечить ей монополию торговли

с ними, ограничить их рынок и за их счет расширить свой собственный, а следовательно скорее задержать и помешать развитию их благосостояния, чем ускорить и подвинуть его вперед. В различии методов осуществления этой монополии состоит одно из главнейших различий в политике различных европейских наций по отношению к своим колониям. Лучшая из них всех, политика Англии лишь несколько менее стеснительна и несправедлива, чем политика других стран.

Итак, каким же путем политика Европы содействовала основанию колоний в Америке или их современному процветанию? Она много содействовала этому одним путем и притом только одним. *Magna virum mater!* Она воспитала и создала людей, способных совершить такие великие деяния и заложить основания столь великим владениям. И на всем земном шаре нет другого места, политика которого была бы способна создавать таких людей или действительно создала их. Колонии обязаны политике Европы воспитанием и широтой взглядов их активных и предприимчивых основателей. И некоторые из крупнейших и важнейших колоний, поскольку дело касается их внутреннего управления, вряд ли обязаны ей чем либо большим.

Отдел III. О выгодах, полученных Европой от открытия Америки и пути в Ост-Индию мимо мыса Доброй Надежды

Таковы выгоды, полученные Америкой от политики Европы.

Каковы же выгоды, извлеченные Европой из открытия и колонизации Америки?

Выгоды эти можно разделить, во-первых, на те общие выгоды, которые Европа в целом получила от этих великих событий, и, во-вторых, на особые выгоды, которые каждая колонизирующая страна извлекла из принадлежащих ей колоний вследствие своей власти или обладания ими.

Общего характера выгоды, извлеченные Европой в целом от открытия и колонизации Америки, состоят, во-первых, в увеличении количества предметов, служащих удовлетворению ее потребностей, и, во-вторых, в развитии ее промышленности.

Избыточный продукт Америки, ввозимый в Европу, снабжает жителей этого великого материка разнообразными предметами, которые они другим путем не могли бы иметь, причем некоторые из этих предметов служат для удобства и полезного употребления, некоторые для удовольствия и другие—для украшения; таким образом разнообразится и расширяется их потребление.

Открытие и колонизация Америки, как согласится с этим всякий, содействовали росту и развитию промышленности прежде всего всех стран, которые ведут непосредственную торговлю с нею, каковы Испания, Португалия, Франция и Англия, и во вторую очередь всех тех, которые, не торгуя непосредственно с Америкой, через

посредство других стран отправляют туда продукты своего производства; таковы австрийская Фландрия и некоторые области Германии, которые через посредство вышеупомянутых стран отправляют в Америку значительное количество полотна и других товаров. Все подобные страны приобрели, очевидно, более обширный рынок для своего избыточного продукта и, следовательно, получили толчок для увеличения его количества.

Но, пожалуй, не столь очевидно, что эти великие события могли также содействовать развитию промышленности таких стран, как Венгрия и Польша, которые, возможно, ни разу не отправили в Америку ни одного продукта своего производства. Однако не приходится сомневаться, что эти события оказали такое действие. Некоторая доля продукта Америки потребляется в Венгрии и Польше, и в этих странах существует некоторый спрос на сахар, шоколад и табак, производимые в этой новой части света. Но эти продукты приходится покупать в обмен или на какие-нибудь продукты промышленности Венгрии и Польши, или на какие-нибудь другие продукты, купленные в обмен на последние. Эти американские товары представляют собою новые стоимости, новые эквиваленты, ввозимые в Венгрию и Польшу для обмена там на избыточный продукт этих стран. Будучи привозимы туда, они создают новый и более обширный рынок для этого избыточного продукта. Они повышают его стоимость и этим поощряют его увеличение. Хотя, может быть, ни малейшая часть этого продукта не будет отправлена в Америку, он может быть вывезен в другие страны, покупающие его на часть их доли в избыточном продукте Америки; таким образом, он может найти рынок в результате оборотов торговли, исходным пунктом которой был избыточный продукт Америки.

Указанные великие события могли даже содействовать увеличению потребления и росту промышленности стран, которые не только никогда не отправляли товаров в Америку, но и никогда не получали оттуда никаких товаров. Даже такие страны могли получать в гораздо большем количестве другие товары из тех стран, избыточный продукт которых увеличился вследствие торговли с Америкой. Такое изобилие, неизбежно увеличивая их потребление, должно также вызывать рост их промышленности. Большое количество новых эквивалентов того или иного рода должно было предлагаться им в обмен на избыточный продукт этой промышленности. Более широкий рынок должен был возникнуть для этого избыточного продукта, повышая его стоимость и еще больше содействуя увеличению его. Вся масса товаров, ежегодно обращающихся в кругообороте европейской торговли и в своем кругообращении распределяемых ежегодно между различными нациями, охватываемыми ею, должна была увеличиться на всю массу избыточного продукта Америки. Поэтому несколько большая доля этой увеличившейся массы должна приходиться на каждую из этих наций, увеличивая их потребление и вызывая рост их промышленности.

Монопольная торговля метрополий имеет тенденцию уменьшать

или, по крайней мере, задерживать увеличение потребностей и торговли всех этих наций вообще и американских колоний в частности. Это—мертвый груз в работе одной из великих пружин, приводящих в движение значительную часть хозяйственной деятельности человечества. Удорожая колониальные продукты во всех других странах, эта монополия уменьшает их потребление и таким образом уменьшает промышленность колоний, а также потребление и промышленность всех других стран, которые и потребляют меньше, когда им приходится платить дороже за потребляемое ими, и производят меньше, когда получают меньше за свой продукт. Удорожая в колониях продукты всех других стран, она точно таким же образом уменьшает промышленность всех других стран вместе с потреблением и промышленностью колоний. Это—помеха, которая ради предполагаемой выгоды какой-либо отдельной страны суживает потребности и задерживает развитие промышленности всех других стран, а больше всего колоний. Монопольная торговля не только устраняет по возможности с какого-нибудь отдельного рынка все остальные страны, но и по возможности ограничивает колонии каким-нибудь одним рынком; а ведь очень велика разница между устранением с одного отдельного рынка, когда открыты все другие, и ограничением одним каким-нибудь рынком, когда закрыты все другие. Между тем избыточный продукт является основным источником всего того увеличения потребления и промышленности, которое произошло в Европе в результате открытия и колонизации Америки, а монопольная торговля метрополий имеет тенденцию делать этот источник менее обильным, чем это было бы при отсутствии монополии.

Специальные выгоды, которые всякая колонизирующая страна извлекает из принадлежащих ей колоний, бывает двух родов: во-первых, те обычные выгоды, которые всякое государство получает от подчиненных ему владений, и, во-вторых, те специальные выгоды, которые, по предположению, должны получаться от владений столь своеобразного характера, как европейские колонии Америки.

Общего характера выгоды, которые каждая страна получает от подчиненных ее власти провинций, состоят, во-первых, из военных сил, доставляемых ими для ее обороны, и, во-вторых, из дохода, приносимого ими для содержания ее гражданского управления. Римские колонии иногда давали то и другое. Греческие колонии иногда доставляли военную силу, но редко приносили какой-либо доход. Они редко признавали себя подчиненными власти своей метрополии. Они обычно являлись ее союзниками в войне, но очень редко были ее подданными во время мира.

Европейские колонии в Америке еще ни разу не дали военной силы для защиты метрополии. Их военные силы никогда еще не являлись достаточными для их собственной защиты; и в различных войнах, которые вели метрополии, защита их колоний обычно требовала очень значительного отвлечения их военных сил. В этом отно-

шении все европейские колонии без исключения являлись причиной скорее слабости, чем силы своих метрополий.

Только колонии Испании и Португалии доставляли некоторый доход для обороны метрополии или для содержания ее гражданского управления. Налоги, которые взимались с колоний других европейских наций, в частности с колоний Англии, редко покрывали расходы, производимые на них в мирное время, и никогда не были достаточны для того, чтобы оплатить издержки, вызываемые ими во время войны. Поэтому эти колонии являлись для своих метрополий источником издержек, а не доходов.

Выгода от таких колоний для их метрополий состоит вообще в тех особых преимуществах, которые, как предполагают, получаются от областей столь своеобразного характера, как европейские колонии в Америке; и монополия торговля признается единственным источником всех этих особых преимуществ.

Вследствие установления такой монополии торговли вся та часть избыточного продукта английских колоний, которая, например, состоит из так называемых «перечисленных» товаров, не может вывозиться ни в какую другую страну, кроме Англии. Другие страны должны потом покупать их у последней. Они должны быть поэтому дешевле в Англии, чем в какой-либо другой стране, и должны в большей мере содействовать увеличению потребления Англии, чем других стран; точно так же это должно больше содействовать развитию ее промышленности. За всю ту часть своего собственного избыточного продукта, какую Англия обменивает на эти «перечисленные» товары, она должна получать более высокую цену, чем могут получить другие страны при обмене своего избыточного продукта на эти же товары. Так, например, в обмен на ткани Англии можно приобрести большее количество сахара и табаку ее колоний, чем на такие же ткани других стран. И поскольку мануфактурные изделия Англии и этих других стран вымениваются на сахар и табак английских колоний, такое превосходство цены дает большее поощрение промышленности Англии по сравнению с промышленностью других стран. Следовательно, поскольку монополия торговля с колониями уменьшает или, по крайней мере, не допускает роста потребления и промышленности стран, которые не обладают ею, постольку она дает очевидное преимущество странам, обладающим ею, над этими другими странами.

Однако можно, пожалуй, признать, что это преимущество является скорее, так сказать, относительным, чем абсолютным, и дает превосходство стране, обладающей им главным образом в силу того, что оно задерживает промышленность и рост производства других стран, а не потому, что содействует развитию их в данной отдельной стране сверх того, что было бы при свободе торговли.

Так, например, мэрилэндский и виргинский табак благодаря монополии, какую пользуется Англия, стоит, конечно, дешевле в Англии, чем во Франции, которой Англия обычно продает значительную часть его. Но если бы Франции и всем другим европейским странам

в любой момент была открыта свободная торговля с Мэрилэндом и Виргинией, то табак этих колоний в таком случае мог бы оказаться дешевле, чем в настоящее время, не только во всех этих странах, но также и в Англии. Производство табака вследствие такого расширения рынка сравнительно с прежним могло бы возрасти и наверное действительно настолько возросло бы в этом случае, что это уменьшило бы прибыли с табачных плантаций до их естественного уровня, сравнив их с прибылью от хлебных посевов, которую они, как полагают, несколько превышают. Цена табака в этом случае сможет понизиться и, вероятно, действительно несколько понизится сравнительно с его ценой в настоящее время. И тогда на одно и то же количество товаров Англии или других стран можно будет купить в Мэрилэнде или Виргинии большее количество табака, чем это возможно теперь, и, следовательно, за них можно будет получить при продаже настолько же более высокую цену. Таким образом, поскольку табак может в силу своей дешевизны и обилия увеличивать потребление или промышленность Англии или какой-либо иной страны, он при свободной торговле, вероятно, оказывал бы оба эти действия в несколько большей степени, чем может делать это теперь. И в этом случае Англия, конечно, не обладала бы никакими преимуществами сравнительно с другими странами. Она могла бы покупать табак своих колоний несколько дешевле и, следовательно, продавать некоторые из своих собственных товаров несколько дороже, чем в настоящее время. Но она не могла бы покупать первый дешевле и продавать последние дороже, чем это делала бы любая другая страна. Она могла бы получать абсолютную выгоду, но наверняка утратила бы относительную.

Однако в стремлении получить это относительное преимущество в колониальной торговле, в стремлении осуществить завистливый и зложелательный проект отстранения елико возможно других наций от участия в ней, Англия,—как мы имеем все основания предполагать,—не только принесла в жертву часть абсолютной выгоды, какую она вместе с другими нациями могла извлекать из этой торговли, но и навлекла на себя как абсолютную, так и относительную невыгоду почти во всех других отраслях своей торговли.

Когда изданием Навигационного акта Англия утвердила за собою монополию торговли с колониями, иностранные капиталы, до того времени занятые в этой торговле, были из нее извлечены. Английский капитал, который до сих пор вел только часть ее, теперь должен был целиком вести ее. Капитал, который до сих пор снабжал колонии только частью тех европейских товаров, которые им были нужны, теперь составлял весь тот капитал, посредством которого должно было происходить все их снабжение; но полностью всем необходимым он не мог их снабжать, и потому товары, которые он им доставлял, неизбежно продавались по очень дорогой цене. Капитал, на который раньше покупалась только часть избыточного продукта колоний, теперь должен был служить для покупки всего избыточного продукта; но купить весь этот продукт по цене, сколько-

нибудь приближающейся к прежней, он не мог, и потому все, что покупалось на этот капитал, по необходимости покупалось очень дешево. Но при такой затрате капитала, когда купец продавал очень дорого и покупал очень дешево, прибыль необходимо была очень высока и намного превышала обычный уровень прибыли в других отраслях торговли. Такая высота прибыли в колониальной торговле не могла не отвлечь из других отраслей торговли части капитала, до сих пор занятого в них. Такое перемещение капитала, постепенно усиливая конкуренцию капиталов в колониальной торговле, должно было вместе с тем постепенно ослаблять ее во всех других отраслях торговли; постепенно понижая прибыли в колониальной торговле, оно должно было вместе с тем постепенно повысить их в других отраслях торговли, пока прибыли и тут и там не установились на новом уровне, отличном от прежнего и несколько превышающем его.

Такой двойной результат,—отвлечение капитала из всех других отраслей торговли и некоторое повышение нормы прибыли во всех отраслях торговли,—не только был вызван самым установлением этой монополии, но и продолжал проявляться в продолжение всего времени ее существования.

1) Эта монополия постоянно отвлекала капитал от всех других отраслей торговли для вложения его в колониальную торговлю.

Хотя богатство Великобритании очень сильно возросло со времени издания Навигационного акта, оно, без сомнения, возросло не в той пропорции, в какой увеличилось богатство колоний; но внешняя торговля всякой страны естественно увеличивается в соответствии с ростом ее богатства, а ее избыточный продукт—в соответствии с общей массой ее продукта; и поскольку Великобритания захватила в свои руки почти всю внешнюю торговлю колоний, а ее капитал не увеличивался в такой же степени, как обороты этой торговли, постольку она могла вести ее лишь при том условии, если она отвлекала постоянно от других отраслей торговли некоторую часть капитала, до того занятого в них, а также препятствовала притоку к ним еще больших капиталов, которые при нормальных условиях притекали бы к ним. Ввиду этого со времени издания Навигационного акта колониальная торговля непрерывно возрастала, тогда как многие другие отрасли внешней торговли, в частности торговля с другими странами Европы, непрерывно приходили в упадок. Наши мануфактуры, работающие на иностранный рынок, вместо того чтобы иметь в виду, как это было до Навигационного акта, соседний рынок Европы или более отдаленный рынок по побережью Средиземного моря, в своем большинстве приспособились к еще более отдаленному рынку колоний, где они обладают монополией, предпочитая его тем рынкам, где у них много конкурентов. Причины упадка других отраслей внешней торговли, которые сэр Мэтью Деккер¹ и другие писатели искали в чрезмерном и неправильном обложении, в высокой цене труда, в увеличении роскоши и т. п., все

¹ [См. примечание выше, на стр. 82.]

могут быть сведены к чрезмерному возрастанию колониальной торговли. Торговый капитал Великобритании, хотя он и очень велик, все же не беспрделен, и хотя он очень возрос со времени Навигационного акта, все же он не увеличился в такой же пропорции, как колониальная торговля; поэтому эта торговля не могла вестись без отвлечения части этого капитала от других отраслей торговли и, следовательно, не могла не вызывать некоторого упадка этих последних.

Следует иметь в виду, что Англия была великой торговой страной, что ее торговый капитал был очень велик и возрастал с каждым днем не только до того, как Навигационный акт установил монополию колониальной торговли, но и до того, как эта торговля приобрела сколько-нибудь значительные размеры. В войне с Голландией, при правлении Кромвеля, английский флот превосходил голландский, а в войне, вспыхнувшей в начале царствования Карла II, он по меньшей мере не уступал, а может быть и превосходил соединенные флоты Франции и Голландии. Его превосходство в настоящее время, пожалуй, вряд ли будет значительнее, во всяком случае, если размеры голландского флота находятся в настоящее время в таком же соответствии с оборотами торговли Голландии, как то было в то время. Но это морское могущество Англии в обеих этих войнах не могло быть порождено Навигационным актом. Во время первой из этих войн проект этого акта был еще только задуман, а что касается второй войны, то хотя перед возникновением ее акт был уже полностью опубликован законодательной властью, однако ни одно из его положений не успело еще произвести сколько-нибудь серьезного действия, и меньше всего та часть его, которая устанавливала монополию торговли с колониями. И сами колонии, и их торговля были тогда незначительны в сравнении с их размерами в настоящее время. Остров Ямайка представлял собою нездоровую пустыню, мало населенную и еще хуже возделываемую; Нью-Йорк и Нью-Джерси принадлежали голландцам; половина острова Св. Христофора принадлежала французам. Остров Антигуа, обе Каролины, Пенсильвания, Джоргия и Новая Шотландия не были еще заселены. Виргиния, Мэрилэнд и Новая Англия были заселены, и, хотя эти колонии очень процветали, в то время в Европе и Америке не было, наверное, ни одного человека, который предвидел или даже подозревал бы тот быстрый рост их богатства и населения, какой имел место с тех пор. Одним словом, остров Барбадос был единственной сколько-нибудь значительной английской колонией, состояние которой в то время сколько-нибудь походило на современное. Торговля с колониями, которая даже спустя некоторое время после издания Навигационного акта только частью находилась в руках Англии (потому что этот акт не очень строго соблюдался в первые годы после его опубликования), не могла быть в то время причиной больших размеров торговли Англии, а также ее морского могущества, обусловленного этой торговлей. Источником этого морского могущества была в то время торговля с странами Европы и, в частности, с странами по берегам Средиземного моря. Между тем та часть этой тор-

говли, которая приходится на долю Великобритании, в настоящее время не может служить источником такого большого морского могущества. Если бы растущая торговля с колониями была оставлена свободной для всех наций, то какая бы часть ее ни пришлось на долю Великобритании (а на ее долю, вероятно, пришлось бы очень значительная ее часть), она увеличивала бы собою указанную обширную торговлю, находившуюся раньше в руках Великобритании. В результате же монополии рост колониальной торговли вызвал не столько увеличение торговли по сравнению с тою, которую Великобритания вела раньше, сколько полное изменение ее направления.

2) Эта монополия колониальной торговли неизбежно вела к повышению нормы прибыли во всех различных отраслях британской торговли сравнительно с тем, на каком уровне она стояла бы при допущении свободной торговли всех наций с британскими колониями.

Монополия колониальной торговли необходимо привлекала к последней большую долю капитала Великобритании, чем это имело бы место при естественном ходе вещей; вместе с тем, устраняя все иностранные капиталы, она неизбежно уменьшала общую сумму капитала, вкладываемого в эту отрасль торговли, сравнительно с тем, как это было бы при свободе торговли. Но уменьшая конкуренцию капиталов в этой отрасли торговли, она необходимо вела к повышению нормы прибыли в этой последней. Точно так же, уменьшая конкуренцию британских капиталов во всех других отраслях торговли, она необходимо повышала в них норму прибыли британских купцов. Каковы бы ни были, в любой период после издания Навигационного акта, размеры или состояние торгового капитала Великобритании, монополия колониальной торговли должна была при прочих равных условиях повышать норму прибыли британских купцов несколько больше, чем это было бы при отсутствии монополии как в этой, так и во всех других отраслях британской торговли. Если со времени издания Навигационного акта обычная норма прибыли британского капитала значительно понизилась, как это, несомненно, имело место, то она должна была бы понизиться еще больше, если бы монополия, установленная этим актом, не содействовала удержанию ее на более высоком уровне.

Но все то, что повышает в какой-либо стране обычную норму прибыли выше ее нормального уровня, неизбежно ставит эту страну в абсолютно и относительно неблагоприятное положение во всех отраслях ее торговли, в которых она не обладает монополией.

Это ставит ее в абсолютно неблагоприятное положение, потому что в таких отраслях торговли ее купцы не могут получать эту повышенную прибыль, не продавая дороже, чем делали бы это при нормальных условиях, как иностранные товары, ввозимые ими в свою страну, так и товары своей страны, вывозимые ими в чужие государства. Их собственная страна должна и покупать и продавать по более дорогим ценам, должна и покупать и продавать меньше, должна и потреблять и производить меньше, чем это было бы при нормальных условиях.

Это ставит страну в относительно неблагоприятное положение, потому что в указанных отраслях торговли позволяет другим нациям, не находящимся в таком же абсолютно невыгодном положении, больше обгонять ее или меньше отставать от нее, чем это было бы в противном случае. Это позволяет им и потреблять и производить больше сравнительно с тем, что данная страна потребляет и производит. Это усиливает их превосходство или уменьшает их отставание от нее сравнительно с тем, что было бы в противном случае. Повышение цены ее продуктов выше нормального уровня позволяет купцам других наций успешно конкурировать с нею на иностранных рынках и таким образом вытеснить ее почти из всех тех отраслей торговли, в которых она не обладает монополией. Наши купцы часто жалуются на высокую заработную плату британских рабочих как на причину того, что их товары вытесняются с иностранных рынков, но они молчат насчет высоких прибылей на капитал. Они жалуются на чрезмерные барыши других, но ни слова не говорят о своих собственных. А между тем высокая норма прибыли на английский капитал может во многих случаях вести к повышению цены британских товаров в такой же степени, а в некоторых случаях еще в большей степени, чем высокая заработная плата британских рабочих.

С полным основанием можно сказать, что именно таким образом капитал Великобритании был отчасти отвлечен и отчасти вытеснен из большей части различных отраслей торговли, в которых она не пользуется монополией, в частности из европейской торговли и особенно из торговли со странами по берегам Средиземного моря.

Капитал отчасти отвлекался от этих отраслей торговли, привлекаемый более высокой прибылью в колониальной торговле вследствие непрерывного ее возрастания и вследствие того обстоятельства, что капитал, на который она велась в одном году, всегда оказывался недостаточным для ведения ее в следующем году.

Отчасти же капитал вытеснялся из этих отраслей вследствие того преимущества, какое высокая норма прибыли, установившаяся в Великобритании, дает другим странам во всех отраслях торговли, в которых Великобритания не пользуется монополией.

Отвлекая из других отраслей торговли часть британского капитала, который был бы в противном случае вложен в них, монополия колониальной торговли привлекала к ним многочисленные иностранные капиталы, которые никогда не притекли бы к ним, если бы они не были вытеснены из колониальной торговли. В остальных отраслях торговли эта монополия уменьшила конкуренцию британских капиталов и благодаря этому повысила норму прибыли с британского капитала сравнительно с той, которая существовала бы при отсутствии монополии. Напротив того, она усилила конкуренцию иностранных капиталов и благодаря этому понизила их норму прибыли сравнительно с той, которая была бы в противном случае. Как тем, так и другим путем она должна была, очевидно, поставить Великобританию в относительно неблагоприятное положение во всех этих других отраслях торговли.

Однако могут, пожалуй, сказать, что колониальная торговля более выгодна Великобритании, чем всякая иная, и что монополия, привлекая в эту торговлю большую долю капитала Великобритании, чем та, которая притекала бы к ней при отсутствии монополии, давала этому капиталу более выгодное для страны применение, чем всякое иное, какое он мог бы найти.

Наиболее выгодное употребление капитала для страны, которой он принадлежит, является такое, при котором в ней находит приложение наибольшее количество производительного труда и больше всего увеличивается годовой продукт земли и труда этой страны. Но количество производительного труда, какое может применять капитал, вкладываемый в внешнюю торговлю предметами потребления, как это доказано во второй книге, находится в точном соответствии с быстротой его оборота. Капитал в тысячу фунтов, например, который вкладывается в внешнюю торговлю предметами потребления и оборачивается обычно один раз в год, может давать в стране, которой он принадлежит, постоянное занятие такому количеству производительного труда, которое можно содержать там в течение года на тысячу фунтов. Если капитал оборачивается дважды или трижды в год, он может давать постоянное занятие такому количеству производительного труда, которое можно содержать там в течение года на две или три тысячи фунтов. Ввиду этого внешняя торговля для нужд потребления, ведущаяся с соседней страной, по общему правилу более выгодна, чем ведущаяся с страной отдаленной; по той же причине непосредственная внешняя торговля для нужд потребления, как это тоже доказано во второй книге, обычно более выгодна, чем торговля, ведущаяся обходным путем.

Но монополия колониальной торговли, поскольку последняя велась на капитал Великобритании, во всех случаях отвлекала некоторую его часть от внешней торговли для нужд потребления, ведущейся с соседней страной, а во многих случаях отвлекала его от непосредственной торговли для нужд потребления к торговле, ведущейся обходным путем.

1) Монополия колониальной торговли во всех случаях отвлекала часть капитала Великобритании от внешней торговли для нужд потребления, ведущейся с соседней страной, к такой же торговле, ведущейся с страной более отдаленной.

Во всех случаях она отвлекала некоторую часть этого капитала от торговли с Европой и странами, лежащими по побережью Средиземного моря, к торговле с более отдаленными областями Америки и Вест-Индии, в которой обороты по необходимости более медленны не только ввиду большей отдаленности, но и ввиду особых условий этих стран. Как уже было отмечено, новые колонии всегда бедны капиталом. Их капитал всегда значительно меньше того, какой они могли бы с большой прибылью и выгодой употребить на улучшение и обработку своей земли. Поэтому у них существует постоянный спрос на капитал, превышающий их собственный, и для того, чтобы воспол-

нить недостаточность своего капитала, они стараются занимать возможно больше у своей метрополии, у которой они поэтому всегда состоят должниками. Наиболее обычный способ, каким колонисты заключают этот долг, состоит не в займах под закладные у богатых людей метрополии, — хотя иногда они поступают именно так, — а в затягивании, по возможности, платежей своим корреспондентам, снабжающим их товарами из Европы, поскольку эти последние допускают это. Их ежегодные платежи часто не превышают трети того, что они должны, а иногда не достигают и этой доли. Поэтому весь капитал, авансированный им их корреспондентами, редко возвращается в Англию раньше, чем через три года, а иногда через четыре или пять лет. Но британский капитал, например, в тысячу фунтов, который возвращается в Великобританию только один раз в пять лет, может давать постоянное занятие лишь пятой части того британского труда, который он мог бы занимать, если бы целиком оборачивался в один год; вместо того, чтобы давать постоянное в течение года занятие такому количеству труда, которое можно содержать на тысячу фунтов, он теперь дает постоянное занятие только такому количеству, которое можно содержать на двести фунтов. Плантатор, без сомнения, возмещает — и даже более чем возмещает — все потери своего корреспондента, которые тот может иметь от затягивания платежей, возмещает их высокой ценой, уплачиваемой им за европейские товары, процентами по выдаваемым им долгосрочным векселям и комиссией при возобновлении краткосрочных векселей. Но хотя он может возмещать потери своего корреспондента, он не в состоянии возместить потери Великобритании. В торговле, обороты которой очень медленны, прибыль кушца может быть не меньше или даже больше, чем в торговле с быстро оборачивающимся капиталом; но выгода страны, в которой он живет, количество производительного труда, находящего в ней постоянное занятие, годовой продукт земли и труда, всегда должны быть меньше. Я думаю, всякий, сколько-нибудь знакомый с различными отраслями торговли, охотно признает, что обороты торговли с Америкой и еще больше торговли с Вест-Индией, по общему правилу, не только более медленны, но и более нерегулярны и ненадежны, чем обороты торговли с любой частью Европы или странами по побережью Средиземного моря.

2) Монополия колониальной торговли во многих случаях отвлекала часть капитала Великобритании от непосредственной внешней торговли для нужд потребления к торговле, ведущейся обходным путем.

Среди так называемых «перечисленных» товаров, которые могут вывозиться только на рынок Великобритании, есть несколько таких, количество которых очень значительно превышает потребление Великобритании и часть которых поэтому должна вывозиться в другие страны. Но это не может быть сделано без отвлечения части капитала Великобритании во внешнюю торговлю для нужд потребления, ведущуюся обходным путем. Мэрилэнд и Виргиния, например,

отправляют ежегодно в Великобританию свыше 96 000 бочек табаку, а потребление Великобритании, как утверждают, не превышает 14 000 бочек. Свыше 82 000 бочек должно быть поэтому вывезено в другие страны: во Францию, в Голландию и в страны, расположенные по берегам Балтийского и Средиземного морей. Но та часть капитала Великобритании, которая доставляет эти 82 000 бочек в Великобританию, потом снова вывозит их оттуда в указанные страны и затем привозит обратно из этих стран в Великобританию полученные взамен товары или деньги, занята во внешней торговле для нужд потребления, ведущейся обходным путем, и необходимо привлекается к такому занятию, чтобы сбыть этот значительный излишек. Если мы хотим высчитать, через сколько лет весь этот капитал сможет вернуться в Великобританию, мы должны к медленности оборотов с Америкой прибавить медленность оборотов с этими странами. Если в непосредственной внешней торговле для нужд потребления, которую мы ведем с Америкой, весь вложенный капитал часто возвращается не раньше, чем через три или четыре года, то весь капитал, вкладываемый в такую торговлю, ведущуюся обходным путем, вряд ли может возвращаться раньше, чем через четыре или пять лет. Если первый может давать постоянное занятие только третьей или четвертой части того количества труда внутри страны, какое может содержать капитал, оборачивающийся за год, то второй может давать постоянное занятие только четвертой или пятой части этого труда. В некоторых внешних портах обычно предоставляется кредит тем иностранным корреспондентам, для которых они вывозят свой табак. Впрочем, в лондонском порту он обычно продается за наличные. Здесь правилом является: *взвешивай и плати*. Поэтому в лондонском порту окончательное поступление денег замедляется сравнительно с поступлением денег от торговли с Америкой только на то время, в течение которого товар пролежит на складе, где, впрочем, он может иногда пролежать достаточно долго. Между тем, если бы колонии не были связаны необходимостью продавать свой табак исключительно на рынке Великобритании, к нам, вероятно, привозилось бы не многим более того, что необходимо для нашего собственного внутреннего потребления. Товары, которые Великобритания в настоящее время покупает для своего собственного потребления в обмен на этот большой излишек табака, вывозимый ею в другие страны, она в этом случае, вероятно, приобрела бы непосредственно на продукт своего собственного труда или на некоторую часть своих мануфактурных изделий. Этот продукт, эти промышленные изделия, вместо того, чтобы почти полностью, как в настоящее время, быть приравненными к одному обширному рынку, вероятно приравнивались бы к большому числу менее обширных рынков. Вместо обширной внешней торговли для нужд потребления, ведущейся обходным путем, Великобритания вероятно вела бы несколько отдельных, меньших по объему операций по внешней непосредственной торговле того же рода. Ввиду большей быстроты оборотов только часть и, вероятно, только небольшая часть,—возможно, не больше

трети или четверти,—капитала, который ныне ведет обходным путем эту обширную торговлю, оказалась бы достаточной для ведения всех этих небольших непосредственных торговых операций, могла бы давать постоянное занятие такому же количеству британского труда и поддерживала бы на том же уровне годовой продукт земли и труда Великобритании. Поскольку, таким образом, все нужды этой торговли обслуживались бы гораздо меньшим капиталом, оставался бы значительный свободный капитал для употребления его на другие цели,—на улучшение земель, на увеличение числа мануфактур, на расширение торговли Великобритании, на конкуренцию, по крайней мере с другими британскими капиталами, затрачиваемыми этими различными способами, на понижение нормы прибыли во всех этих отраслях, что обеспечило бы Великобритании еще большее превосходство над другими странами, чем то, которым она обладает в настоящее время.

Монополия колониальной торговли точно так же отвлекала некоторую часть капитала Великобритании вообще от внешней торговли для нужд потребления к торговле транзитной, а следовательно от большей или меньшей поддержки промышленного труда Великобритании к поддержке отчасти промышленного труда колоний, отчасти некоторых других стран.

Так, например, товары, покупаемые ежегодно на большой излишек в 82 000 бочек табаку, обратно вывозимого ежегодно из Великобритании, не целиком потребляются в Великобритании. Часть их,—полотно из Германии и Голландии, например,—возвращается в колонии для их потребления. Но часть капитала Великобритании, затрачиваемая на покупку табака, в обмен на который впоследствии покупается это полотно, неизбежно отвлекается от оплаты труда Великобритании, чтобы быть затраченным на оплату отчасти труда колоний, отчасти труда тех отдельных стран, которые оплачивают этот табак продуктом своего собственного труда.

Монополия колониальной торговли, кроме того, отвлекая к себе гораздо большую долю капитала Великобритании, чем направлялась бы в нее при нормальных условиях, нарушила, повидимому, то естественное равновесие, которое в противном случае существовало бы между различными отраслями британской промышленности. Промышленность Великобритании, вместо того, чтобы приспособляться к большому числу менее обширных рынков, приравнивалась преимущественно к одному обширному рынку. Ее торговля, вместо того, чтобы направляться по большому числу небольших каналов, была приучена идти преимущественно по одному широкому руслу. Это сделало всю систему ее промышленности и торговли менее устойчивой, а общее состояние ее политического организма менее здоровым, чем это было бы в противном случае. В своем современном состоянии Великобритания напоминает один из тех нездоровых организмов, у которых некоторые важные члены слишком разрослись и которые поэтому подвержены многим опасным заболеваниям, почти неизвестным тем организмам, у которых члены развиты более пропорцио-

нально. Небольшая остановка в деятельности того большого кровеносного сосуда, который искусственно расширен сравнительно с его естественными размерами и через который заставляют циркулировать неестественно большую часть промышленности и торговли страны, почти наверно приведет к весьма опасным заболеваниям всего политического организма. В соответствии с этим перспектива разрыва с колониями напугала народ Великобритании гораздо больше, чем когда-либо пугала его Испанская армада или вторжение французов. Именно этот страх, основательный или безосновательный, сделал отмену закона о штемпельном сборе популярной мерой, по крайней мере среди купцов. В полном устранении с колониального рынка, хотя бы оно длилось всего несколько лет, большая часть наших купцов усматривала неизбежную полную приостановку своей торговли, большая часть владельцев наших мануфактур—полную гибель своих предприятий, а большая часть наших рабочих—прекращение своей работы. Напротив, разрыв с кем-либо из наших соседей на континенте, хотя он тоже может вызвать некоторое нарушение или приостановку в занятиях некоторых из различных классов населения, ожидается без такого всеобщего волнения. Кровь, циркуляция которой задерживается в одном из меньших сосудов, легко просачивается в сосуд больших размеров, не вызывая сколько-нибудь опасного расстройства; напротив, когда она задерживается в каком-либо из более крупных сосудов, немедленным и неизбежным последствием бывают судороги, паралич или смерть. Если только одна из этих чрезмерно разросшихся отраслей мануфактурной промышленности, искусственно поднятая при помощи премий или монополии на внутреннем и колониальном рынке на неестественную высоту, испытывает небольшую остановку или перерыв в своей работе, это часто вызывает возмущение и беспорядки, беспокоящие правительство и даже затрудняющие работу законодательного учреждения. Как велики должны быть поэтому расстройства и замешательство, неизбежно вызываемые внезапной и полной остановкой работы столь большой части главных отраслей нашей мануфактурной промышленности!

Умеренное и постепенное смягчение законов, дающих Великобритании монополию торговли с колониями, пока она не будет сделана в значительной степени свободной, представляется единственным средством, которое может избавить Великобританию на будущее время от этой опасности, которое может позволить ей или даже вынудить ее перейти, хотя и с меньшей прибылью, к другим занятиям, которое, наконец, постепенно сократит одну отрасль ее промышленности и расширит все другие и таким образом сможет постепенно восстановить то естественное, здоровое и надлежащее соотношение между всеми различными отраслями промышленности, которое необходимо устанавливает полная свобода и которое она одна в состоянии сохранить. Открытие сразу колониальной торговли всем нациям могло бы вызвать не только некоторые временные затруднения, но и значительные длительные потери для большей части тех, кто в настоя-

щее время участвует в ней своим трудом или капиталом. Внезапное лишение работы даже одних только кораблей, которые ввозят 82 000 бочек табаку, превышающие потребление Великобритании, очень сильно дало бы себя почувствовать. Таковы несчастные последствия всех регулирующих мер меркантилистической системы! Они не только вызывают очень опасное расстройство политического организма; расстройству эти такого характера, что часто бывает трудно устранить их, не вызывая, по крайней мере временно, еще больших расстройств. Поэтому мы должны предоставить мудрости будущих государственных деятелей и законодателей решить, каким именно образом должна быть колониальная торговля постепенно открыта, какие ограничения должны быть отменены в первую и какие в последнюю очередь или каким образом должна быть постепенно восстановлена естественная система полной свободы и справедливости.

Пять различных событий, не предвиденных и не имевшихся в виду, очень счастливо содействовали тому, что Великобритания не почувствовала так сильно, как это всеми ожидалось, полного отстранения, длящегося уже более года (с 1 декабря 1774 г.), от очень важной ветви колониальной торговли, а именно—от торговли с двенадцатью объединенными провинциями Северной Америки. Во-первых, эти колонии, готовясь к своему соглашению об отказе от ввоза, совершенно очистили Великобританию от всех товаров, пригодных для их рынка; во-вторых, чрезвычайный спрос испанского флота поглотил в этом году многие товары Германии и северных государств, в частности полотно, которые обычно конкурировали даже на британском рынке с мануфактурными изделиями Великобритании; в-третьих, мир между Россией и Турцией¹ вызвал чрезвычайный спрос со стороны турецкого рынка, который во время расстройств в этой стране и крейсирования русского флота в Архипелаге снабжался очень скудно; в-четвертых, в течение некоторого времени из года в год возрастал спрос северных государств Европы на мануфактурные изделия Великобритании и, в-пятых, недавний раздел и умиротворение Польши², открыв рынок этой обширной страны, прибавил в этом году чрезвычайный спрос этой страны к возросшему спросу северных стран. Все эти события, исключая четвертое, по природе своей отличаются временным и случайным характером, и отстранение от столь важной ветви колониальной торговли, если, к несчастью, оно затянется на более продолжительное время, может все еще вызвать некоторые затруднения. Однако эти затруднения, поскольку они наступят постепенно, будут ощущаться не столь остро, как если бы они проявились сразу, а за это время труд и капитал страны смогут найти новое занятие и направление, предупреждая таким образом возможность сколько-нибудь значительного возрастания этих затруднений.

¹ [Имеется в виду Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г.]

² [Первый раздел Польши был произведен в 1772 г.]

Таким образом, монополия колониальной торговли, поскольку она отвлекала к последней гораздо большую долю капитала Великобритании, чем это было бы при отсутствии ее, во всех случаях отвлекала его от внешней торговли для нужд потребления с соседней страной к такого же рода торговле с более отдаленной страной, во многих случаях—от непосредственной внешней торговли для нужд потребления к торговле, ведущейся обходным путем. Следовательно, во всех случаях она отвлекала капитал от того направления, при котором он занимал бы большее количество производительного труда, и давала ему направление, при котором он может занимать гораздо меньшее количество труда. Помимо того, приспособляя к одному только специальному рынку столь большую часть промышленности и торговли Великобритании, она сделала общее состояние этой промышленности и торговли более неустойчивым и менее обеспеченным, чем это было бы при приспособлении ее производства к большому количеству различных рынков.

Мы должны тщательно различать между действием колониальной торговли и действием монополии колониальной торговли. Первое всегда и обязательно благотворно, второе всегда и обязательно вредно. Но первое настолько благотворно, что колониальная торговля, даже будучи монополизирована и несмотря на вредные последствия этого, все же в целом остается благотворной, и притом очень благотворной, хотя и в меньшей степени, чем это было бы при отсутствии монополии.

Действие колониальной торговли в ее естественном и свободном состоянии должно выражаться в открытии обширного, хотя и отдаленного рынка для той части продукта британской промышленности, которая может оказаться превышающей спрос более близких рынков, а именно—рынков Европы и стран по побережью Средиземного моря. В своем естественном и свободном состоянии колониальная торговля, не отвлекая от этих рынков ни малейшей доли продуктов, обычно отправлявшихся туда, поощряет Великобританию постепенно увеличивать избыточный продукт, постоянно предлагать новые эквиваленты для обмена. В своем естественном и свободном состоянии колониальная торговля имеет тенденцией увеличивать количество производительного труда в Великобритании, ни в малейшей степени не изменяя при этом направления, в каком он раньше затрачивался там. При естественном и свободном состоянии колониальной торговли конкуренция всех других наций не допускает повышения нормы прибыли выше обычного уровня как на новом рынке, так и в сфере новых занятий. Новый рынок, ничего не отвлекая от прежнего, создает, если можно так выразиться, новый продукт для своего собственного снабжения, а этот новый продукт образует новый капитал для нового производительного употребления, которое, в свою очередь, ничего не отвлекает от прежнего капитала.

Напротив того, монополия колониальной торговли, устраняя конкуренцию других наций и этим повышая норму прибыли на новом рынке и при новом вложении капитала, отвлекает продукт от

прежнего рынка и капитал от прежнего употребления. Признанная цель монополии—увеличение нашей доли в колониальной торговле сверх той, какую мы имели бы в нормальных условиях. Если бы наша доля не увеличилась сравнительно с тем, какою она была бы при отсутствии монополии, не было бы причины устанавливать последнюю. Но все то, что искусственно привлекает в отрасль торговли, обороты которой медленнее, чем в большей части других отраслей, большую долю капитала какой-либо страны, чем естественно притекало бы в эту отрасль, неизбежно уменьшает против нормального количества производительного труда, ежегодно затрачиваемого в ней, уменьшает общий годовой продукт земли и труда этой страны. Монополия понижает доход жителей этой страны сравнительно с его естественными размерами и таким образом уменьшает их способность к накоплению. Она не только всегда препятствует их капиталу содержать такое количество труда, которое он содержал бы в противном случае, но и препятствует его возрастанию столь быстрым темпом, каким он возрастал бы в противном случае, и, следовательно, содержанию еще большего количества производительного труда.

Тем не менее, естественные благотворные последствия колониальной торговли более чем уравновешивают для Великобритании дурные последствия монополии, так что монополия вместе с этой торговлей, даже в том виде, как она в настоящее время ведется, не только выгодна, но и очень выгодна. Новый рынок и новые приложения производительного труда, открытые колониальной торговлей, гораздо более обширны, чем та доля прежнего рынка и прежних приложений труда, которые утрачены благодаря монополии. Новый продукт и новый капитал, созданные, так сказать, колониальной торговлей, дают в Великобритании содержание большему количеству производительного труда, чем то, которое могло лишиться занятия благодаря отливу капитала от других отраслей торговли с более быстрым оборотом. Но если колониальная торговля, даже в том виде, как она ведется в настоящее время, выгодна Великобритании, то это отнюдь не в результате монополии, а вопреки монополии.

Колониальная торговля открывает новый рынок главным образом для мануфактурных изделий Европы, а не для ее сырых продуктов. Сельское хозяйство—занятие, наиболее подходящее для всех новых колоний, занятие, которое дешевизна земли делает более выгодным, чем всякое другое. Поэтому колонии располагают в избытке сырым продуктом земли, и вместо того, чтобы ввозить его из других стран, обычно имеют значительные излишки его для вывоза. В новых колониях сельское хозяйство или отвлекает рабочие руки от всех других занятий, или удерживает их от перехода к каким-либо другим занятиям. У них налицо мало рабочих сил, которые можно было бы уделять на производство необходимых мануфактурных изделий, и совсем нет их для производства предметов, служащих для украшения. Они находят, что большую часть этих изделий того и другого рода им дешевле покупать у других стран, чем производить самим. Поощряя европейскую мануфактурную промышленность, колониаль-

ная торговля косвенно поощряет европейское земледелие. Владельцы мануфактур в Европе, которым эта торговля дает работу, образуют новый рынок для продукта земли, и таким образом благодаря торговле с Америкой значительно расширяется самый выгодный из всех рынков—внутренний рынок для зерна и скота, для хлеба и мяса Европы.

Но пример Испании и Португалии достаточно свидетельствует о том, что одной лишь монополии торговли с населенными и процветающими колониями недостаточно для того, чтобы создать или даже хотя бы поддерживать существование мануфактурной промышленности какой-либо страны. Испания и Португалия были промышленными странами до того, как обзавелись обширными колониями. Они перестали быть ими после того, как стали обладать богатейшими и плодороднейшими во всем мире колониями.

В Испании и Португалии дурные последствия монополии, усугубленные другими причинами, почти уравновесили, вероятно, естественные благоприятные последствия колониальной торговли. Причинами этими являются, повидимому, другие монополии различного рода: понижение стоимости золота и серебра ниже ее уровня в большинстве других стран; устранение с иностранных рынков в силу несоответственных вывозных пошлин и сужение внутреннего рынка благодаря еще более несоответственным пошлинам при перевозке товаров из одной части страны в другую; но больше всего то беспорядочное и пристрастное отправление правосудия, которое часто ограждает богатого и могущественного должника от преследования его потерпевшим кредитором и внушает трудолюбивой части населения неохоту изготовлять продукты для потребления тех высокомерных и могущественных людей, которым они не осмеливаются отказать в продаже в кредит и от которых они не уверены получить уплату долга.

В Англии, напротив, естественные благотворные последствия колониальной торговли в соединении с другими причинами в значительной мере парализовали вредные последствия монополии. Эти причины, повидимому, следующие: общая свобода торговли, которая, несмотря на некоторые ограничения, по меньшей мере, не уступает, если не превосходит ту свободу, которая существует в любой другой стране; свобода вывоза, без уплаты пошлины, почти всех видов товаров, являющихся продуктом отечественной промышленности, почти во все иностранные государства и, что, пожалуй, имеет еще большее значение,—неограниченная свобода перевозки их из любой части нашей страны в другую без обязательства доводить об этом до сведения каких-либо властей или отвечать на какие бы то ни было расспросы; но наибольшее значение имеет то справедливое и беспристрастное отправление правосудия, которое делает права самого скромного британского подданного неприкосновенными для самых могущественных людей и которое, обеспечивая каждому плоды его труда, служит величайшим и наиболее действительным поощрением всех видов промышленности.

Тем не менее, если колониальная торговля подвинула вперед,— что она, несомненно, сделала,—развитие мануфактурной Великобритании, то произошло это не благодаря монополии колониальной торговли, а вопреки монополии. Следствием монополии было не увеличение количества, а изменение качества и формы части мануфактурных изделий Великобритании и приспособление тех товаров, которые в нормальных условиях направлялись бы на рынок с быстрым оборотом торговли, к рынку с медленным оборотом торговли. Следовательно, ее результатом было отвлечение части капитала Великобритании от такого употребления, при котором он питал бы большее количество мануфактурной промышленности, к такому употреблению, при котором он питает гораздо меньшее количество, и, таким образом, уменьшение, а не увеличение всего размера мануфактурной промышленности, существующей в Великобритании.

Итак, монополия колониальной торговли, подобно всем другим низменным и завистливым мероприятиям меркантилистической системы, подавляет промышленность всех других стран, главным образом колоний, ни в малейшей степени не увеличивая, а, напротив, уменьшая промышленность страны, в пользу которой она устанавливается.

Монополия препятствует капиталу этой страны, каковы бы ни были в данный момент его размеры, занимать такое большое количество производительного труда, которое он в противном случае занимал бы, и доставлять трудолюбивым жителям такой большой доход, который он давал бы в противном случае. Но так как капитал может возрастать только за счет сбережений из дохода, то монополия, не давая капиталу приносить столь большой доход, который он приносил бы при отсутствии монополии, неизбежно препятствует его естественному возрастанию, а следовательно и занятию им еще большего количества производительного труда и доставлению трудолюбивым жителям страны еще большего дохода. Таким образом, монополия неизбежно должна всегда делать менее обильным великий первоначальный источник дохода, заработную плату, чем это было бы при ее отсутствии.

Повышая норму торговой прибыли, монополия замедляет улучшение земли. Прибыль от улучшения земли зависит от разницы между тем, что земля ежегодно производит, и тем, что она может производить при приложении некоторого капитала. Если эта разница дает более высокую прибыль, чем какая может быть получена от такого же капитала в любом торговом занятии, улучшение земли будет отвлекать капиталы от всех торговых занятий. Если прибыль меньше, торговля будет отвлекать капитал от улучшения земли. Поэтому все, что повышает норму торговой прибыли, обязательно или уменьшает избыток прибыли, получаемой от улучшения земли, или увеличивает дефицитность этой прибыли; в первом случае это удерживает капитал от перехода к улучшению земли, а во втором—отвлекает его от последнего. Но, замедляя улучшение земли, монополия неизбежно замедляет естественное возрастание другого великого первоначаль-

ного источника дохода—земельной ренты. Повышая норму прибыли, монополия также необходимо держит рыночную норму процента на более высоком уровне, чем это было бы в противном случае. Но цена земли по отношению к ренте, которую она дает, или число лет, за какое помножится при определении цены земли приносимая ею рента, неизбежно уменьшается по мере повышения нормы процента и увеличивается при понижении этой нормы. Поэтому монополия двояким образом вредит интересам землевладельца: она задерживает естественное возрастание, во-первых, его ренты, а во-вторых, цены, которую он мог бы получить за свою землю пропорционально приносимой ею ренте.

Монополия, правда, увеличивает норму торговой прибыли и этим несколько увеличивает барыши наших купцов. Но так как она препятствует естественному возрастанию капитала, она имеет тенденцию скорее уменьшать, чем увеличивать общую сумму дохода, получаемого жителями страны от прибыли на капитал; небольшая прибыль с большого капитала обычно дает больший доход, чем большая прибыль с малого капитала. Монополия повышает норму прибыли, но не дает сумме прибыли подняться так высоко, как это было бы при отсутствии монополии.

Все первоначальные источники дохода: заработная плата, земельная рента и прибыль на капитал благодаря монополии становятся гораздо менее обильными, чем это было бы при ее отсутствии. Одностороннее содействие ограниченным интересам одного немногочисленного класса в стране означает собою причинение ущерба интересам всех других классов в этой стране и всех людей во всех других странах.

Только в силу производимого ею повышения обычной нормы прибыли монополия оказалась или могла оказаться выгодной какому-либо отдельному классу. Но помимо всех уже отмеченных вредных последствий для страны вообще, являющихся неизбежным результатом высокой нормы прибыли, существует еще одно, более губительное, пожалуй, чем все они, взятое вместе, и, как можно судить по опыту, неразрывно связанное с монополией. Высокая норма прибыли, как кажется, повсюду уничтожает ту бережливость, которая при других условиях естественна для купца. Когда прибыли высоки, эта трезвая добродетель представляется купцу излишней, расточительная роскошь кажется более соответствующей улучшению его положения. Но обладатели больших торговых капиталов необходимо являются вождями и руководителями всей промышленной деятельности страны всякой нации, и их пример оказывает гораздо большее влияние на нравы всей трудящейся части последней, чем пример какого-либо иного класса. Если предприниматель старателен и бережлив, таким же будет, наверное, и его рабочий, но если хозяин ведет беспорядочный образ жизни и расточителен, то рабочий тоже устроит свою жизнь по образцу, даваемому им. Это препятствует накоплению в руках тех, кто естественно больше всего расположен к накоплению, а фонды, предназначенные на содержание производительного

труда, не получают никакого увеличения из дохода тех, кто должен был бы естественно больше всего увеличивать их. Капитал страны, вместо того, чтобы возрастать, постепенно растрачивается, и количество производительного труда, содержимого в ней, уменьшается с каждым днем. Увеличили ли чрезмерные прибыли купцов Кадикса и Лиссабона капитал Испании и Португалии? Смягчили ли они бедность, содействовали ли развитию промышленной деятельности этих двух нищенских стран? Так велики были траты коммерческих кругов этих двух торговых городов, что чрезмерные прибыли не только не увеличили общего капитала страны, но, повидимому, оказались недостаточными для того, чтобы сохранить в прежних размерах капиталы, от которых они получались. Иностранные капиталы ежедневно все больше и больше вторгаются, так сказать, в торговлю Кадикса и Лиссабона. В целях изгнания этих иностранных капиталов из торговли, которую их собственные капиталы с каждым днем все более и более становятся неспособными вести, испанцы и португальцы стараются все сильнее и сильнее натянуть цепь своей нелепой монополии. Сравните купеческие нравы Кадикса и Лиссабона, с одной стороны, Амстердама, с другой, и вы отметите, как различно влияет на поведение и характер купцов высота или малые размеры прибыли на капитал. Правда, лондонские купцы, по общему правилу, еще не стали такими расточительными важными господами, какими стали купцы Кадикса и Лиссабона, но вместе с тем они и не являются такими старательными и бережливыми гражданами, какими являются амстердамские купцы. А между тем многие из них считаются значительно более богатыми, чем большая часть купцов Кадикса и Лиссабона, и не столь богатыми, как многие из купцов амстердамских. Легко нажито, легко прожито,—говорит пословица, и обычный уровень расходов, как кажется, регулируется повсюду не столько действительной способностью тратить, сколько предполагаемой легкостью доставать деньги для расходования.

Таким образом, единственная выгода, которую монополия приносит одному только классу, во многих отношениях вредит интересам страны.

Основание обширных владений с единственной целью создать народ, состоящий из потребителей, может с первого взгляда показаться проектом, подобающим нации лавочников. Однако он совсем не пригоден для нации лавочников, а чрезвычайно пригоден для нации, правительством которой находится под влиянием торговшей. Такие и только такие государственные деятели способны воображать, что найдут какую-либо выгоду в расточении крови и денег своих сограждан для создания и сохранения подобных владений. Скажите лавочнику: «купи мне хорошее поместье, и я всегда буду покупать в твоей лавке свое платье, хотя бы даже мне пришлось платить несколько дороже, чем при покупке в других лавках»,—вы не встретите с его стороны особенной готовности принять ваше предложение. Но если другое лицо купит вам такое поместье, то торговец будет очень благодарен вашему благодетелю, если он обяжет вас покупать

все нужное вам платье в его лавке.] Англия приобрела для некоторых из своих подданных, которые плохо чувствовали себя дома, большое поместье в отдаленной стране. Цена его, правда, была очень невелика, и вместо тридцатикратной стоимости ежегодного дохода, как в настоящее время определяется обычная цена земли, она не намного превышала расходы различных экспедиций, сделавших первые открытия, обследовавших побережье и номинально занявших страну. Земля была хороша и обширна, и земледельцы, располагая для обработки любым количеством хорошей земли и в течение некоторого времени обладая свободой продавать свой продукт, где им вздумается, уже по прошествии каких-нибудь 30 или 40 лет (между 1620 и 1660 гг.) превратились в столь многочисленный и процветающий народ, что лавочники и другие торговцы Европы захотели обеспечить за собою монополию их потребления. Не ссылаясь поэтому на то, что они оплатили хотя бы часть или первоначальной покупной цены, или последующих издержек, они обратились к парламенту с петицией, чтобы земледельцы Америки на будущее время были принуждены к торговле исключительно с ними: во-первых, при покупке всех товаров, нужных им из Европы, и, во-вторых, при продаже всех тех своих продуктов, которые эти торговцы сочтут для себя желательным покупать; они не находили нужным покупать все эти продукты, так как некоторые из них, будучи ввезены в Англию, могли бы повредить некоторым отраслям торговли, которые сами торговцы вели дома. Поэтому они хотели, чтобы колонисты продавали эту часть своих продуктов, где могут, — чем дальше, тем лучше. Ввиду этого они предложили, чтобы продажа этих товаров была ограничена странами южнее мыса Финистер. Специальный пункт знаменитого Навигационного акта превратил это чисто торговое предложение в закон.

Сохранение этой монополии до сих пор было главной или, пожалуй, единственной целью и задачей господства Великобритании над ее колониями. Монопольная торговля, как предполагают, представляет собою большую выгоду, получаемую от провинций, которые до сих пор совсем еще не доставляли никакого дохода или военной силы для содержания гражданского управления или защиты метрополии. Монополия служит главным признаком их зависимости и является единственным плодом, который до сих пор был получен от этой зависимости. Все расходы, производившиеся до сих пор Великобританией для сохранения этой зависимости, фактически производились в целях удержания этой монополии. Расходы на обычное в мирное время управление колониями выражались, до возникновения нынешних смут, в оплате двадцати полков пехоты, в издержках на содержание артиллерии, складов и на добавочное необходимое для них продовольствие, а также в издержках на весьма значительный флот, который постоянно содержался, чтобы охранять от занимающихся контрабандой судов других наций громадное побережье Северной Америки и берега наших вестиндских островов. Весь этот расход на управление мирного времени ложился бременем на доход

Великобритании и вместе с тем представлял собою наименьшую часть того, во что обходилось метрополии господство над колониями. Если бы мы знали общую сумму расхода мирного времени, мы должны были бы добавить к ней проценты на те суммы, которые Великобритания в различное время затратила на защиту своих колоний, поскольку смотрела на них как на подвластные ей провинции. Мы должны были бы добавить к ней в частности всю сумму расходов последней войны и значительную часть расходов войны, предшествовавшей ей. Последняя война являлась вообще столкновением из-за колоний, и весь расход, связанный с нею, в какой бы части света он ни производился, в Германии или в Ост-Индии, по справедливости должен быть поставлен на счет колоний. Он превышал 90 миллионов фунтов стерлингов, считая не только новый заем, который был заключен, но и добавочный поземельный налог в размере двух шиллингов с фунта, а также суммы, ежегодно заимствовывавшиеся из фонда погашения государственного долга. Война с Испанией, начавшаяся в 1739 г., была главным образом столкновением из-за колоний. Ее главной целью было прекратить осмотр колониальных судов, занимавшихся контрабандной торговлей с Испанией. В действительности все эти расходы представляют собою премию, выданную в целях сохранения монополии. Их предполагаемою целью было поощрение мануфактурной промышленности и увеличение торговли Великобритании, но ее фактическим последствием было повышение нормы торговой прибыли и предоставление нашим купцам возможности направить более значительную долю своего капитала в ту отрасль торговли, обороты которой гораздо более медленны, чем в большинстве других ее отраслей. Это — последствия такого рода, что, если бы премия могла предотвратить их, стоило бы, пожалуй, установить такую премию.

Итак, при современной системе, Великобритания ничего, кроме убытка, не получает от своего господства над колониями.

Предлагать, чтобы Великобритания добровольно отказалась от всякой власти над колониями и предоставила им свободно избирать свое правительство, издавать свои законы, заключать мир и объявлять войны по своему усмотрению — значило бы предлагать такую меру, на которую никогда не шла и никогда не пойдет ни одна нация в мире. Ни одна нация никогда добровольно не отказывалась от господства над какой-либо провинцией, как ни обременительно могло быть управление ею и как бы мал ни был приносимый ею доход в сравнении с вызываемыми ею расходами. Такие отказы, хотя они часто могут соответствовать интересам, всегда унижительны для гордости всякой нации и, — что, пожалуй, имеет еще большее значение, — всегда идут вразрез с частными интересами ее правящей части, которая при этом лишилась бы возможности распоряжаться многочисленными ответственными и доходными должностями, лишилась бы многих случаев приобрести богатство и отличия, — а ведь господство даже над наиболее беспокойной и самой невыгодной для большинства народа провинцией редко не доставляет таких случаев. Самый пылкий энтузиаст вряд ли решится предложить такой шаг, по

крайней мере с сколько-нибудь серьезной надеждой на успех. Между тем, если бы такая мера была принята Великобританией, последняя не только немедленно избавилась бы от всего ежегодного расхода на мирное управление колоний, но и могла бы заключить с ними торговый договор, обеспечивающий ей свободу торговли, более выгодную для всей массы народа, хотя и менее выгодную купцам, чем монополия, которою она обладает в настоящее время. Если метрополия и колонии расстанутся добрыми друзьями, их естественная симпатия к ней, почти уничтоженная нашими недавними раздорами, быстро снова возродится. Это расположит их не только соблюдать в течение веков тот торговый договор, который они заключат с нами при расставании, но и благоприятствовать нам как в войне, так и в торговле; из беспокойных и мятежных подданных они превратятся в наших самых верных, сердечных и щедрых союзников. Тогда между Великобританией и ее колониями сможет вновь ожить та отеческая любовь, с одной стороны, и то сыновнее уважение, с другой, которые обычно существовали между колониями древней Греции и метрополией, от которой они происходили.

Для того, чтобы сделать какую-нибудь провинцию выгодной для государства, которому она принадлежит, она должна в мирное время приносить доход, достаточный для покрытия не только всего расхода на ее собственное управление в мирное время, но и ее доли в содержании общего правительства государства в целом. Всякая провинция вызывает большее или меньшее увеличение расходов этого общего правительства. Поэтому, если какая-нибудь провинция не доставляет своей доли на покрытие этих расходов, большее бремя должно быть взыскано на какую-нибудь другую часть государства. Точно так же чрезвычайный доход, который каждая провинция доставляет казне во время войны, должен в силу тех же соображений стоять в таком же отношении к чрезвычайному расходу государства, в каком обычный доход с нее стоит к расходу в мирное время. Всякий согласится с тем, что ни обыкновенный, ни чрезвычайный доход, получаемый Великобританией от ее колоний, не составляет такой доли всего дохода Британской империи. Правда, высказывалось предположение, что монополия, увеличивая частный доход жителей Великобритании и этим позволяя им платить более высокие налоги, возмещает недостаточность дохода с колоний. Но эта монополия, как я пытался показать, хотя и является очень обременительным налогом на колонии и хотя она может увеличивать доход одного класса из всего населения Великобритании, уменьшает, а не увеличивает доход главной массы народа, а следовательно уменьшает, но отнюдь не увеличивает способность последней платить налоги. А люди, доход которых монополия увеличивает, составляют особый класс, который, как я постараюсь доказать в следующей книге, совершенно невозможно и крайне непополитично даже пытаться облагать свыше той нормы, которая принята при обложении других классов. Поэтому никакие добавочные средства не могут быть получены от этого особого класса.

Колонии могут облагаться или их собственными собраниями представителей, или парламентом Великобритании.

Представляется мало вероятным, чтобы можно было когда-нибудь так воздействовать на колониальные собрания, чтобы они взимали с своих избирателей средства, достаточные не только для содержания во всякое время их собственного гражданского управления и военных сил, но и для уплаты приходящейся на них доли расхода общего правительства Британской империи. Потребовалось много времени, пока даже парламент Англии, хотя он находится непосредственно на глазах государя, мог быть подчинен подобной системе воздействия и проявил достаточную щедрость в своих ассигновках на содержание гражданских и военных учреждений своей собственной страны. Только посредством предоставления отдельным членам парламента значительной части должностей в гражданском или военном управлении или возможности распоряжаться этими должностями удалось установить такого рода систему даже по отношению к английскому парламенту. Но отдаленность колониальных собраний от надзора государя, их многочисленность, их разбросанность и различный состав делали бы очень трудным воздействовать на них таким же образом, если бы даже у государя были такие же средства делать это, а таких средств у него нет. Было бы совершенно невозможно предоставить всем влиятельным членам всех колониальных собраний такую часть должностей или возможность распоряжаться должностями в общем управлении Британской империи, чтобы это побуждало их пожертвовать своей популярностью у себя дома и облагать своих избирателей для содержания этого управления, в котором почти все оплачиваемые должности достаются посторонним им людям. Помимо того, неизбежное незнание администрацией относительного значения отдельных членов этих собраний, оскорбления, неизбежно часто наносимые, и ошибки, неизбежно совершаемые постоянно при попытках воздействовать на них таким образом,—все это, повидимому, делает подобную систему воздействия неосуществимой в отношении к колониям.

К тому же колониальные собрания не могут почитаться компетентными судьями в вопросе о том, что необходимо для защиты и управления всей империи. Забота о защите и управлении империи не доверена им. Это не их дело, и у них нет нормальных способов осведомиться на этот счет. Собрание провинции, как и собрание жителей района, но не обладает надлежащими данными для того, чтобы судить о делах, относящихся до всего государства в целом. Оно даже не может правильно судить о том, какую часть всего государства составляет его провинция, не может судить об относительной степени ее богатства и значения сравнительно с другими провинциями, потому что другие провинции не находятся под надзором и контролем собрания какой-нибудь отдельной провинции. О том, что необходимо для защиты и управления всего государства и в какой пропорции каждая его часть должна нести расходы на это, может судить только то

собрание, которое контролирует и наблюдает за делами всего государства.

В соответствии с этим было предложено, чтобы колонии облагались в порядке раскладки,—чтобы парламент Великобритании определял общую сумму, которую каждая колония должна уплатить, а провинциальное собрание распределяло и собирало ее таким способом, какой лучше всего соответствует условиям провинции. При таком порядке то, что касается всего государства, устанавливалось бы собранием, наблюдающим и контролирующим дела всего государства, а провинциальные дела каждой колонии могли бы регулироваться ее собственным собранием. Хотя колонии в этом случае не имели бы представителей в британском парламенте, однако, если можно судить на основании опыта, мало вероятно, чтобы такая парламентская раскладка была несправедлива. Английский парламент ни в одном случае не проявил ни малейшей склонности чрезмерно обременять те части империи, которые не представлены в нем. Острова Гернси и Джерси, не обладающие никакими средствами сопротивления власти парламента, обложены гораздо легче, чем любая часть Великобритании. Парламент в своих попытках осуществлять свое предполагаемое право, хорошо или плохо обоснованное, еще ни разу до сих пор не требовал от них чего-либо, что хотя бы приближалось к той доле, которую платили их сограждане на родине. К тому же, если бы взимаемый с колоний налог повышался или понижался в соответствии с повышением или понижением поземельного налога, то парламент не мог бы облагать их, не облагая одновременно с этим своих собственных избирателей, и колонии в таком случае можно было бы признать фактически представленными в парламенте.

Нет недостатка в примерах таких государств, где различные провинции, если можно так выразиться, не облагаются по одному типу, а где государь устанавливает сумму, которую каждая провинция должна платить, причем в некоторых провинциях он определяет и взимает ее по своему усмотрению, тогда как в других провинциях он предоставляет устанавливать и взимать ее по усмотрению представительных собраний каждой провинции. В некоторых провинциях Франции король не только устанавливает налоги, какие считает нужными, но и распределяет и взимает их по своему усмотрению. От других же провинций он требует определенную сумму, но предоставляет властям каждой провинции распределять и собирать эту сумму, как им заблагорассудится. При принятии способа обложения посредством раскладки парламент Великобритании окажется в таком же положении по отношению к колониальным собраниям, в каком король Франции находится по отношению к штатам тех отдельных провинций, которые еще сохранили привилегию иметь такие собрания и которые, по общему мнению, управляются лучше других провинций Франции.

Но, хотя при проведении этой системы у колоний не может быть разумных оснований опасаться, что их доля в государственных налогах когда-либо превысит надлежащие размеры в сравнении с до-

лей их соотечественников на родине, Великобритания может иметь разумные основания опасаться, что эта доля никогда не достигнет этих размеров. Парламент Великобритании в последнее время не обладал в колониях той общепризнанной властью, какую обладает король Франции в тех французских провинциях, которые пользуются еще привилегией иметь собственные штаты, представительные собрания. Колониальные собрания, если настроение их не очень благожелательно (а если на них не будут воздействовать более умело, чем до сих пор, оно вряд ли станет благожелательным), все еще могут находить многочисленные предлоги для уклонения от самых справедливых требований парламента и для отклонения их. Предположим, что вспыхивает война с Францией; должно быть немедленно собрано 10 миллионов, чтобы защищать столицу государства. Эта сумма может быть занята в долг под обеспечение какого-нибудь фонда, установленного парламентом для платежа процентов. Часть этого фонда парламент предлагает собрать при помощи налога, взимаемого в Великобритании, а другую—посредством раскладки между колониальными собраниями Америки и Вест-Индии. Охотно ли будут люди ссужать свои деньги, обеспечиваемые фондом, самое существование которого зависит от доброй воли всех этих собраний, находящихся далеко от театра войны, а иногда, возможно, не считающих себя сильно заинтересованными в ее исходе? Под обеспечение такого фонда можно будет, вероятно, получить в заем немного больше денег, чем сможет дать налог, взимаемый в Великобритании. Вся тяжесть займа, заключенного по случаю войны, ляжет, таким образом, как это всегда бывало до сих пор, на Великобританию, на часть государства, а не на все государство. Великобритания, кажется, является единственным государством с самого возникновения мира, которое, превратившись в империю, только увеличило свои расходы, отнюдь не увеличив свои ресурсы. Другие государства обычно взваливали на покоренные и подвластные им провинции самую значительную часть расходов по защите империи. Великобритания до сих пор допускала, чтобы покоренные и подвластные ей провинции взваливали на нее почти всю сумму этих расходов. Для того, чтобы поставить Великобританию в равные условия с ее собственными колониями, которые закон до сих пор признавал подчиненными и подвластными ей, представляется необходимым, при принятии метода обложения их посредством парламентской раскладки, чтобы парламент обладал теми или иными средствами добиваться немедленного выполнения его раскладок на тот случай, если колониальные собрания попытаются уклониться от них или отвергнуть их. Каковы должны быть эти средства,—это не очень легко представить себе и не было еще выяснено.

Одновременно с этим, если за парламентом Великобритании когда-либо будет окончательно признано право облагать колонии, даже независимо от согласия их собственных собраний, эти собрания с того момента утратят свое значение, а вместе с тем утратят его и все руководящие деятели Америки. Люди желают участвовать в управлении государственными делами главным образом ради значения,

которое это дает им. От той способности и силы, которыми большинство руководящих деятелей, естественная аристократия всякой страны, обладает в деле сохранения или защиты своего значения, зависит устойчивость и долговечность всякой системы свободного правительства. В постоянных нападках этих руководящих деятелей друг против друга с целью подорвать чужой престол или защитить свой собственный и состоит вся игра партий и честолюбия. Руководящие деятели Америки, подобно деятелям всех других стран, желают сохранить свое влияние. Они чувствуют или воображают, что если их собрания, которые они любят называть парламентами и считают равными по власти парламенту Великобритании, будут в такой степени принижены, что превратятся в скромных слуг и чиновников для поручений этого последнего, то наступит конец большей части их собственного влияния. Они поэтому отвергли предложение об обложении их в порядке раскладки, производимой парламентом, и, подобно другим честолюбивым и высокомерным людям, предпочли обнажить меч в защиту своего влияния и значения.

В период упадка римской республики союзники Рима, на которых ложилось главное бремя защиты государства и расширения его пределов, стали требовать распространения на них всех прав римских граждан. Когда им в этом было отказано, началась гражданская война. В ходе этой войны Рим предоставил эти права большей части союзников, — сперва одним, потом другим, по мере того как они отпадали от общей конфедерации. Парламент Великобритании настаивает на обложении колоний, а они не соглашаются на обложение их парламентом, в котором они не представлены. Если каждой колонии, которая отпадет от общей конфедерации, Великобритания предоставит столько представителей, сколько соответствует ее доле в государственных доходах империи, установив некоторые налоги с нее и взамен этого разрешив ей свободу торговли с ее соотечественниками в метрополии, причем число ее представителей будет увеличиваться соответственно увеличению в дальнейшем ее взноса, то перед руководящими деятелями каждой колонии откроется новый способ приобретения влияния и значения, новый и более заманчивый объект для их честолюбия. Вместо того, чтобы состязаться из-за ничтожных призов, которые можно выиграть, если позволено так выразиться, в жалкой лотерее колониальной партийной борьбы, они смогут также надеяться, исходя из свойственной людям веры в свои способности и свою счастливую звезду, вытянуть один из больших выигрышей, выбрасываемых иногда колесом большой государственной лотереи британской политической жизни. Если не будет принят такой или подобный ему метод (а, повидимому, нет другого, более подходящего) для сохранения влияния и удовлетворения честолюбия руководящих деятелей Америки, то мало вероятно, чтобы они когда-либо добровольно подчинились нам. А мы должны помнить, что кровь, которую необходимо пролить, чтобы принудить их к этому, каждая ее капля, представляет собою кровь тех, кто является и кого мы хотим иметь нашими согражданами. Очень ошибаются те, кто

обольщает себя мыслью, что при создавшемся положении наши колонии легко будут завоеваны при помощи одной только силы. Лица, которые в настоящее время определяют решения так называемого ими континентального конгресса¹, исполнены в данный момент такого сознания своего значения, какого не чувствуют, пожалуй, самые великие люди в Европе. Из лавочников, купцов, адвокатов они превратились в государственных людей и законодателей и заняты созданием новой формы управления для обширного государства, которое, как они надеются и как это весьма вероятно, сделается одним из величайших и сильнейших государств, которые когда-либо существовали на земле. Пятьсот человек, различным образом непосредственно участвующих в деятельности континентального конгресса, и до пятисот тысяч человек, действующих под руководством этих пятисот, все одинаково чувствуют соответствующее возрастание своего значения. Почти каждый отдельный член господствующей партии в Америке занимает теперь в собственном воображении положение более высокое в сравнении не только с тем, какое занимал прежде, но и с тем, какое когда-либо рассчитывал занимать. И если перед ним или его вождами не будет выдвинута какая-нибудь новая цель для честолюбия, он умрет, защищая это положение, если только обладает нормальным мужеством.

Президент Гено² замечает, что мы теперь с интересом читаем о мелких подробностях деятельности Лиги³, не считавшихся в ту пору важными новостями. В то время, рассказывает он, каждый приписывал себе некоторое значение; и бесчисленные воспоминания, дошедшие до нас от того времени, были в большинстве своем написаны людьми, которым доставляло удовольствие передавать и возвеличивать события, в которых они, по их мнению, были важными действующими лицами. Хорошо известно, как упорно тогда защищался город Париж, какой ужасный голод он переносил, лишь бы не покориться наилучшему и впоследствии наиболее любимому из всех королей Франции⁴. Большая часть граждан или тех, кто управлял большей их частью, боролись в защиту своего собственного значения и влияния, которые, как они предвидели, должны были прийти к концу, как только будет восстановлено прежнее правительство. Наши колонии, если только их не удастся побудить к заключению союза, будут, по всем вероятностям, столь же упорно защищаться против лучшей из метрополий, как город Париж делал это против лучшего из королей.

Идея представительства была неизвестна в древние времена. Когда жители одного государства получали право гражданства в другом,

¹ [Повидимому, Смит имеет в виду собравшийся в 1774 г. в Филадельфии конгресс американских колоний, требовавший отмены законов, изданных английским парламентом в ущерб колониям.]

² [Hénaut, Histoire de France, vol. I.]

³ [Речь идет об известной Лиге, созданной французскими католиками в середине XVI века для борьбы с пуританами.]

⁴ [Смит имеет в виду Генриха IV.]

они не обладали другим средством пользоваться этим правом, как отправляться всей массой для голосования и обсуждения вместе с жителями этого другого государства. Распространение на большую часть жителей Италии прав римского гражданства окончательно погубило римскую республику. Стало уже невозможно различать между теми, кто был римским гражданином и кто не был им. Ни одно племя не могло знать всех своих членов. Сброд всякого рода мог быть привлекаем к участию в народных собраниях; эти люди могли вытеснить из них настоящих граждан и решать дела республики, как будто они сами являлись ее гражданами. Но даже если Америка будет посылать 50 или 60 новых представителей в парламент, привратнику палаты общин не составит сколько-нибудь большого труда различать между членами и нечленами. Поэтому, хотя римская конституция была неизбежно разрушена в результате объединения Рима с союзными государствами Италии, нет ни малейшего вероятия, чтобы британской конституции могло повредить объединение Великобритании с ее колониями. Напротив, эта конституция была бы таким образом только завершена и кажется несовершенной без этого. Собрание, обсуждающее и решающее дела всех частей государства, должно, несомненно, иметь в своем составе представителей их всех, чтобы быть надлежащим образом осведомленным. Однако я не стану утверждать, что такое объединение может быть легко осуществлено или что при его осуществлении не могут представиться различные затруднения, и притом значительные. И все же мне не приходилось слышать ни об одном затруднении, которое являлось бы непреодолимым. Главное из них вытекает, пожалуй, не из природы вещей, а из предрассудков и взглядов людей по сю и по ту сторону Атлантического океана.

Мы, находящиеся по эту сторону океана, опасаемся, что большое число американских представителей нарушит равновесие конституции и чрезмерно усилит или влияние короны, с одной стороны, или силу демократии—с другой. Но если число американских представителей будет соответствовать доходу от обложения Америки, то количество населения, подлежащего управлению, возрастет в точном соответствии со средствами для управления им, а средства управления—с численностью управляемого населения. Демократическая и монархическая части конституции останутся после объединения при совершенно таком же соотношении сил между собой, как это было до того.

Люди по ту сторону океана опасаются, что отдаленность их от местопребывания правительства подвергнет их всякого рода угнетению. Но их представители в парламенте, число которых с самого начала должно быть значительно, легко смогут оградить их от всякого угнетения. Расстояние не может сильно ослабить зависимость представителя от избирателя, и первый будет все же сознавать, что обязан своим местом в парламенте и всем, что он извлекает из него, доброй воле последнего. Поэтому в его интересах будет питать эту добрую волю обличением, со всем авторитетом члена законодатель-

ного собрания, каждой несправедливости, в какой может провиниться в этих отдаленных частях империи любой гражданский или военный чиновник. Кроме того, как могут утешаться с некоторым основанием жители Америки, отдаленность этой страны от местопребывания правительства не очень долго сохранится. Так велика была доселе быстрота, с какою эта страна развивалась в отношении богатства и населения, что не многим больше, чем через сто лет, пожалуй, доходы от обложения Америки превысят доходы от обложения Великобритании, и центр империи тогда естественно передвинется в ту ее часть, которая дает больше всего для общей защиты и содержания органов государства.

Открытие Америки и пути в Ост-Индию мимо мыса Доброй Надежды представляют собою два величайших и важнейших события во всей истории человечества. Последствия их уже теперь очень значительны, но за короткий период в двести лет, протекший со времени этих открытий, никоим образом не могли в полной мере проявиться все их результаты. Человеческая мудрость не в состоянии предвидеть, какие благие или несчастные последствия могут еще проистечь от этих великих событий. Их общее влияние представляется скорее благотворным, поскольку они сблизили самые отдаленные части мира, позволили им удовлетворять нужды друг друга, расширить круг потребностей и возможность удовлетворять их друг для друга, поощрить промышленность друг друга. Но для туземцев Ост- и Вест-Индии все коммерческие выгоды, которые могли получиться от этих событий, были совершенно парализованы порожденными ими ужасными бедствиями. Однако эти бедствия были обусловлены, повидимому, скорее привходящими обстоятельствами, а не чем-либо, коренящимся в самом характере событий. В эпоху открытий превосходство силы на стороне европейцев было так велико, что они могли безнаказанно совершать в этих отдаленных странах любые несправедливые поступки. Впоследствии, может быть, туземцы этих стран станут сильнее или европейцы станут слабее, и жители всех различных частей мира настолько сравняются в мужестве и силе, что это одно, внушая им боязнь друг перед другом, сможет превратить несправедливость независимых наций в некоторое уважение к правам друг друга. Но скорее всего такое равенство силы может установить взаимное сообщение знаний и ознакомление со всеми видами промышленной деятельности, которые естественно или даже необходимо ведут за собою оживленные сношения между всеми странами.

Между прочим, одним из главных последствий этих открытий было то, что меркантилистическая система приобрела блеск и славу, которых она при других условиях никогда бы не достигла. Цель этой системы состоит в обогащении каждой большой нации преимущественно при посредстве торговли и мануфактур, а не при посредстве обработки и улучшения земли, преимущественно при посредстве труда городов, а не деревень. Но вследствие этих открытий торговые города Европы, вместо того чтобы быть мануфактуристами

и транспортерами лишь для очень небольшой части мира (части Европы, омываемой Атлантическим океаном, и стран, лежащих по берегам Балтийского и Средиземного морей), сделались теперь мануфактуристами для многочисленных и пользующихся благосостоянием колонистов Америки и транспортерами, а также в некоторых отношениях и мануфактуристами почти для всех различных наций Азии, Африки и Америки. Два новых мира были открыты для их промышленности, причем каждый из них был гораздо значительнее и обширнее, чем старый, а рынок одного из них с каждым днем становился все больше и больше.

Страны, обладающие колониями в Америке и торгующие непосредственно с Ост-Индией, пользуются действительно всем блеском и показным величием этой торговли. Однако другие страны, вопреки всем завистливым стеснениям, посредством которых хотят оттеснить их, часто пользуются большей долей выгоды, приносимой ею. Колонии Испании и Португалии, например, гораздо больше содействуют фактически развитию промышленности других стран, чем самих Испании и Португалии. Потребление этими колониями одного только предмета, а именно—полотна, достигает, как сообщают (но я не ручаюсь за точность этой цифры), суммы в три с лишним миллиона фунтов в год. Но все это значительное потребление обслуживается почти целиком Францией, Фландрией, Голландией и Германией. Испания и Португалия доставляют лишь ничтожную часть всего потребляемого их колониями полотна. Капитал, снабжающий колонии этим большим количеством полотна, ежегодно распределяется между жителями этих других стран и доставляет им доход, только прибыли с него тратятся в Испании и Португалии, где дают пищу роскоши и расточительности купцов Кадикса и Лиссабона.

Даже ограничения, посредством которых каждая нация старается закрепить исключительно за собою торговлю с своими колониями, часто бывают более вредными для стран, в пользу которых они установлены, чем для тех, против которых они были направлены. Несправедливое угнетение промышленности других стран, так сказать, обрушивается на голову самих угнетателей и сокрушает их промышленность в гораздо большей степени, чем промышленность этих стран. На основании этих ограничений, например, гамбургский купец должен полотно, предназначенное им для американского рынка, отправлять в Лондон и вынужден привозить оттуда табак, предназначенный им для германского рынка, потому что он не может ни отправлять полотно прямо в Америку, ни вывозить табак непосредственно из Америки. Благодаря таким стеснениям он, вероятно, вынуждается продавать полотно несколько дешевле и покупать табак несколько дороже, чем мог бы делать это при отсутствии их; его прибыли в силу этого, вероятно, урезаются. Однако в этой торговле между Гамбургом и Лондоном его капитал, несомненно, обращается гораздо быстрее, чем это могло бы быть в непосредственной торговле с Америкой, даже если предположить (а этого отнюдь не бывает), что платежи Америки производятся так же аккуратно,

как и платежи Лондона. Следовательно, при торговле, которую эти стеснения ограничивают гамбургского купца, его капитал может давать постоянное занятие гораздо большему количеству германского труда, чем это было бы при торговле, от которой он отстранен. Хотя, таким образом, один вид торговли может быть менее выгоден ему, чем другой, но не может быть менее выгоден для его страны. Как раз наоборот обстоит дело с тем видом торговли, к которому монополия естественно привлекает, так сказать, лондонского купца. Он может, пожалуй, быть более выгодным ему, чем большая часть других отраслей торговли, но ввиду медленности оборотов он не может быть более выгодным для страны.

Таким образом, после всех несправедливых усилий всех стран Европы получить на свою долю всю выгоду от торговли с своими колониями ни одной из них не удалось еще до сих пор получить для себя ничего другого, кроме издержек на сохранение во время мира и защиты во время войны той притеснительной власти, которую они присвоили себе над ними. Все страны полностью получили на свою долю все неудобства, вытекающие из обладания колониями. Что касается выгод, даваемых торговлей с ними, то их им приходилось делить с многими другими странами.

С первого взгляда, несомненно, монополия обширной торговли с Америкой естественно кажется приобретением в высшей степени ценным. С близорукой точки зрения легкомысленного честолюбия она в запутанной схватке политической и военной борьбы представляется объектом, весьма достойным борьбы. Но именно заманчивый блеск цели, громадные размеры торговли, является как раз тем свойством, которое делает монополию ее вредной или которое приводит к тому, что одно занятие,—по самой природе своей менее выгодное для страны, чем большинство других занятий,—поглощает гораздо большую часть капитала страны, чем это было бы при отсутствии такой монополии.

Торговый капитал каждой страны, как уже показано во второй книге, естественно ищет, так сказать, приложения, наиболее выгодного для данной страны. Если он вложен в транзитную торговлю, страна, которой он принадлежит, становится складочным местом товаров всех стран, для которых этот капитал служит посредником. Но владелец этого капитала необходимо стремится сбыть возможно большую часть этих товаров у себя на родине. Он таким путем избавляет себя от беспокойств, риска и издержек, связанных с вывозом, и поэтому он охотно продаст их внутри страны не только за значительно меньшую цену, но и с несколько меньшей прибылью, чем мог бы получить при отправке их за границу. Поэтому он естественно старается превратить по возможности свою транзитную торговлю в внешнюю торговлю для нужд потребления. Точно так же, если его капитал вложен в внешнюю торговлю для нужд потребления, он по той же самой причине будет рад сбыть внутри страны возможно большую часть тех товаров внутреннего производства, которые он скупает для вывоза их на какой-нибудь иностранный рынок, и таким

образом будет по мере своих сил стараться превратить свою внешнюю торговлю для нужд потребления в внутреннюю торговлю. Торговый капитал каждой страны, таким образом, естественно ищет близкого вложения и избегает отдаленного, естественно ищет такого применения, при котором он оборачивается быстро, и избегает такого, при котором обороты медленны, естественно ищет такого применения, при котором он может давать занятие наибольшему количеству производительного труда в стране, где он находится или где живет его владелец, и избегает такого применения, при котором он может содержать там наименьшее количество труда. Он естественно ищет такого применения, которое в обычных условиях наиболее выгодно, и избегает такого, которое в обычных случаях менее всего выгодно этой стране.

Но если в одном из этих отдаленных вложений, при обычных условиях, менее выгодных для страны, прибыли почему-либо несколько повысятся сравнительно с тем, что достаточно для того, чтобы перевесить естественное предпочтение, отдаваемое вложениям более близким, то такая сверхобычная прибыль будет вызывать отлив капитала из этих более близких вложений, пока прибыли повсюду не вернуться к своему нормальному уровню. Однако такая сверхобычная прибыль служит доказательством того, что при современных общественных условиях в этих отдаленных вложениях помещено недостаточно капитала в сравнении с другими видами торговли и что капитал общества распределяется не вполне надлежащим образом среди всех различных отраслей торговли, ведущихся в нем. Это служит доказательством того, что какие-нибудь предметы покупаются дешевле или продаются дороже, чем следовало бы, и что какой-нибудь определенный класс граждан подвергается в большей или меньшей степени угнетению, уплачивая больше или получая меньше против того, что соответствует тому равенству, которое должно существовать и которое естественно осуществляется среди всех различных классов граждан. Хотя один и тот же капитал никогда не может давать занятие одному и тому же количеству производительного труда как при отдаленном, так и при близком вложении, все же первое может быть столь же необходимым для благоденствия общества, как и последнее, поскольку товары, которыми ведется в этом случае торговля, необходимы для ведения многих более близких операций. Но если прибыли тех, кто торгует такими товарами, превышают обычный уровень, они будут продаваться дороже, чем следовало бы, или с некоторым превышением против их естественной цены, и все те, кто занят в более близких операциях, будут более или менее терпеть ущерб от такой высокой цены. Поэтому их интересы в подобном случае требуют, чтобы часть капитала была извлечена из этих более близких вложений и была обращена на это более отдаленное, чтобы свести прибыль от него к надлежащему уровню, а цену соответствующих товаров к их естественной цене. В этом исключительном случае общественный интерес требует, чтобы часть капитала была отвлечена от тех занятий, которые в обыч-

ных условиях более выгодны, и обращена к такому занятию, которое в обычных условиях менее выгодно обществу; в этом исключительном случае естественные интересы и наклонности людей так же полно совпадают с общественными интересами, как и во всех других нормальных случаях, и побуждают их отвлекать капитал от близкого и обращать его на отдаленное занятие.

Таким-то образом частные интересы и стремления отдельных людей естественно располагают их обращать свой капитал к занятиям, в обычных условиях наиболее выгодным для общества. Но если под влиянием такого естественного предпочтения они начнут обращать слишком много капитала к этим занятиям, понижение прибыли в них и повышение ее во всех других занятиях немедленно же побудят их исправить такое неправильное распределение. Таким путем, без всякого вмешательства закона, частные интересы и стремления людей естественно заставляют их делить и распределять капитал любого общества среди различных занятий, существующих в нем, по возможности в точном соответствии с тем, что наиболее совпадает с интересами всего общества в целом.

Все разнообразные ограничения меркантилистической системы неизбежно в большей или меньшей степени нарушают это естественное и наиболее выгодное распределение капитала. Те же ограничения, которые касаются торговли с Америкой и Ост-Индией, нарушают его, пожалуй, больше, чем все другие, потому что торговля с этими двумя великими материками поглощает гораздо большее количество капитала, чем любые другие две отрасли торговли. Впрочем, ограничения и правила, при помощи которых достигается в этих двух отраслях торговли такое перемещение капитала, отнюдь не одни и те же. Монополия в обоих случаях является главным средством, но монополия особого рода. Действительно, монополия того или иного рода является, повидимому, единственным оружием меркантилистической системы.

В торговле с Америкой все нации стараются по возможности сосредоточить в своих руках весь сбыт на рынок своих колоний, совершенно отстранив все другие нации от непосредственной торговли с ними. В течение большей части шестнадцатого столетия португальцы старались таким же образом регулировать торговлю с Ост-Индией, претендуя на исключительное право плавать в индийских водах на том основании, что им принадлежит заслуга первого открытия пути туда. Голландцы и теперь еще не допускают все другие европейские нации к торговле с их островами, дающими пряности. Монополии такого рода явно установлены против всех других европейских наций, которые благодаря этому не только отстраняются от торговли, к которой им могло быть выгодно обратиться часть своего капитала, но и оказываются вынужденными покупать товары, доставляемые этой торговлей, по несколько более дорогой цене сравнительно с той, какую им пришлось бы платить, если бы они могли сами ввозить их непосредственно из стран, производящих их.

Но после падения могущества Португалии ни одна европейская

нация уже не претендовала на исключительное право плавания в индийских водах, главные порты которых открыты теперь кораблям всех европейских наций. Однако, исключая Португалию и, с недавнего времени, Францию, торговля с Ост-Индией во всех европейских странах была отдана в руки монопольных компаний. Монополии подобного рода в сущности устанавливаются против той самой нации, которая провозглашает ее. Значительная часть этой нации не только устраняется благодаря ей от торговли, к которой ей могло бы быть выгодно обратиться часть своего капитала, но и вынуждается покупать товары, доставляемые этой торговлей, по несколько более дорогой цене, чем если бы она была открыта и свободна для всех членов этой нации. Со времени учреждения английской Остиндской компании, например, остальные жители Англии, помимо того, что были отстранены от торговли, должны были оплачивать в цене потребляемых ими остиндских товаров не только все чрезвычайные прибыли, которые компания получала на этих товарах вследствие своей монополии, но и все те чрезвычайные излишние издержки, которые неизбежно должны были вызываться обманом и злоупотреблениями, неотделимыми от управления делами столь большой компании. Таким образом, нелепость этого второго рода монополии гораздо более очевидна, чем нелепость монополии первого рода.

Оба эти вида монополии более или менее нарушают естественное распределение капитала общества, но они не всегда нарушают его одинаковым образом.

Монополии первого рода всегда привлекают к одной какой-нибудь отрасли торговли, в которой они устанавливаются, более значительную долю капитала общества, чем естественно притекало бы к ней.

Монополии второго рода могут иногда привлекать капитал к той отрасли торговли, в которой они устанавливаются, а иногда и отвлекать его от нее, в зависимости от различных обстоятельств. В бедных странах они естественно привлекают к ней больше капитала, чем при нормальных условиях притекало бы к ней. В богатых странах они естественно отвлекают от нее значительное количество капитала, которое в нормальных условиях направлялось бы в нее.

Такие бедные страны, как, например, Швеция и Дания, вероятно, никогда не отравили бы ни одного единственного судна в Ост-Индию, если бы эта торговля не была предоставлена монопольной компании. Учреждение такой компании неизбежно поощряет предприимчивых людей. Монополия ограждает их от всех конкурентов на внутреннем рынке, а на внешних рынках они имеют равные шансы с купцами других наций. Их монополия дает им уверенность, что они получают большую прибыль на значительном количестве товаров, и вероятность того, что они получают значительную прибыль на большом количестве товаров. Не получая такого чрезвычайного поощрения, бедные купцы таких бедных стран никогда, наверное, не решились бы рисковать своими небольшими капиталами в столь от-

даленном и ненадежном предприятии, каким естественно должна была казаться им торговля с Ост-Индией.

Напротив, такая богатая страна, как Голландия, при свободной торговле, вероятно, отправляла бы в Ост-Индию гораздо больше кораблей, чем делает это в настоящее время. Ограниченный капитал Голландской остиндской компании не пускает, вероятно, в эту торговлю многие крупные торговые капиталы, которые притекали бы к ней при отсутствии монополии. Торговый капитал Голландии так велик, что он, так сказать, постоянно перетекает то в займы иностранных государств, то в займы частным торговцам и предприимчивым людям чужих стран, то в транзитную торговлю. Поскольку почти все отрасли торговли переполнены, а весь капитал, который с более или менее сносной прибылью может быть помещен в них, уже вложен в них, постольку капитал Голландии неизбежно отвлекается к наиболее отдаленным предприятиям. Если бы торговля с Ост-Индией была вполне свободна, она, вероятно, поглотила бы большую часть этого избыточного капитала. Ост-Индия представляет собою как для мануфактурных изделий Европы и золота и серебра, так и для некоторых других продуктов Америки более обширный и емкий рынок, чем Европа и Америка, взятые вместе.

Всякое нарушение естественного распределения капитала неизбежно бывает вредным для общества, в котором оно происходит, тем ли, что отвлекает от какой-нибудь отрасли торговли капитал, который без этого притекал бы к ней, или тем, что привлекает к ней капитал, который без этого не притекал бы к ней. Если бы при отсутствии монопольной компании торговля Голландии с Ост-Индией была значительнее, чем теперь, страна эта должна терпеть значительный ущерб благодаря тому, что часть ее капитала отстранена от такого занятия, которое для нее наиболее выгодно. Точно так же, если при отсутствии монопольной компании торговля Швеции и Дании с Ост-Индией была бы меньше, чем теперь, или, — что, пожалуй, более вероятно, — совсем не существовала бы, то обе эти страны должны терпеть значительный ущерб ввиду отвлечения части их капитала в занятие, которое в той или иной мере не соответствует их современным условиям. Для них, пожалуй, было бы лучше при наличных условиях покупать остиндские товары у других наций, даже платя при этом несколько дороже, чем отвлекать столь значительную часть своего незначительного капитала к столь отдаленной торговле, в которой капитал оборачивается так медленно и может содержать столь небольшое количество производительного труда внутри собственной страны, где имеется столь большая нужда в производительном труде, где так мало производится и так много требуется производить.

Хотя, таким образом, при отсутствии монопольной компании какая-нибудь отдельная страна может оказаться не в состоянии вести непосредственную торговлю с Ост-Индией, отсюда отнюдь не следует, что подобного рода компания должна быть учреждена в ней; отсюда следует только то, что при данных обстоятельствах такая

страна не должна торговать непосредственно с Ост-Индией. Тот факт, что подобные компании вообще не являются необходимыми для торговли с Ост-Индией, достаточно доказывается опытом Португалии, которая более ста лет подряд почти всю ее держала в своих руках без всякой монопольной компании.

Указывали, что ни один отдельный купец не может обладать капиталом, достаточным для содержания представителей и агентов в различных портах Ост-Индии, чтобы доставать товары для судов, посылаемых им туда; а между тем при отсутствии таких представителей и агентов трудность найти груз может часто приводить к тому, что суда упустят благоприятное время для возвращения, и издержки, связанные с таким промедлением, не только съедят всю прибыль от предприятия, но часто причинят и значительные убытки. Однако этот довод, если он вообще что-нибудь доказывает, доказывал бы только то, что ни одна значительная отрасль торговли не может вестись без монопольной компании, а это противоречит опыту всех наций. Нет такой крупной отрасли торговли, в которой капитал любого отдельного купца был бы достаточен для ведения всех подсобных операций, необходимых для ведения основной торговли. Но когда нация созревает для ведения какой-нибудь крупной отрасли торговли, одни купцы естественно вкладывают свои капиталы в основную ее ветвь, а другие—в подсобные ее ветви, и хотя таким образом ведутся все ее ветви, однако очень редко бывает, чтобы все они велись посредством капитала одного отдельного торговца. Если поэтому нация созрела для торговли с Ост-Индией, известная часть ее капитала естественно распределяется между различными ветвями этой торговли. Некоторые из ее купцов сочтут выгодным для себя поселиться в Ост-Индии и затрачивать там свои капиталы на доставку товаров судам, которые присылаются другими купцами, живущими в Европе. Если бы поселения, приобретенные различными европейскими нациями в Ост-Индии, были отняты у монопольных компаний, которым они ныне принадлежат, и поставлены под непосредственное покровительство государя, жизнь в них стала бы удобной и безопасной, по крайней мере для купцов тех наций, которым эти поселения принадлежат. Если в какой-либо момент та часть капитала какой-либо страны, которая по собственному почину стремится и склоняется, так сказать, к торговле с Ост-Индией, окажется недостаточной для ведения всех этих различных ее ветвей, это будет служить доказательством того, что в данное время эта страна еще не созрела для такой торговли и что ей выгоднее еще некоторое время покупать, даже по более высокой цене, у других европейских наций нужные ей остиндские товары вместо того, чтобы ввозить их самой непосредственно из Ост-Индии. Ее потери на высокой цене этих товаров редко могут сравниться с потерями, которые она понесет вследствие отвлечения значительной части своего капитала от другого употребления, более нужного, более полезного или более соответствующего ее условиям и положению, чем непосредственная торговля с Ост-Индией.

Хотя европейцы обладают на Африканском побережье и в Ост-Индии многочисленными значительными поселениями, они еще не обзавелись ни тут, ни там такими населенными и богатыми колониями, как на островах и материке Европы. Африка, равно как некоторые из стран, объединяемых под общим наименованием Ост-Индии¹, населены варварскими народами. Но эти народы отнюдь не были так слабы и беззащитны, как жалкие и беспомощные американцы; помимо того, они были и гораздо более многочисленны, в зависимости от естественного плодородия населяемых ими стран. Самые варварские народы Африки или Ост-Индии были пастушескими народами, даже готтентоты, тогда как туземцы всех местностей Америки, за исключением Мексики и Перу, были лишь охотниками; а существует очень большая разница между числом пастухов и числом охотников, которым может обеспечить средства к существованию территория одного и того же размера и одинакового плодородия. Поэтому в Африке и Ост-Индии было гораздо труднее вытеснить туземцев и распространить плантации на большую часть земель их первоначальных жителей. Кроме того, как уже было отмечено, дух монопольных компаний не благоприятен для развития новых колоний и был, вероятно, главной причиной ничтожности успехов их в Ост-Индии. Португальцы вели торговлю как с Африкой, так и с Ост-Индией, не учреждая монопольных компаний, и их поселения в Конго, Анголе и Бенгуале на Африканском побережье и в Гоа в Ост-Индии, хотя на них сильно отразились предрассудки и всяческие проявления плохого управления, все же отчасти, хотя и слабо, напоминают американские колонии и отчасти заселены португальцами, поселившимися там несколько поколений назад. Голландские поселения на мысе Доброй Надежды и в Батавии являются в настоящее время самыми значительными колониями из учрежденных европейцами в Африке или в Ост-Индии, и притом оказались очень удачно расположенными. Мыс Доброй Надежды был населен народом, почти столь же варварским и столь же неспособным защищать себя, как и туземцы Америки. К тому же он представляет собою как бы постоянный двор на пути между Европой и Ост-Индией, где на некоторое время останавливается почти каждое европейское судно во время своего рейса туда или обратно. Снабжение этих судов всякого рода свежими съестными припасами, фруктами и иногда вином одно уже создает весьма обширный рынок для избыточного продукта колонистов. Тем, чем является мыс Доброй Надежды на пути между Европой и Ост-Индией, является Батавия между главными пунктами Ост-Индии. Она расположена на самой оживленной дороге от Индостана к Китаю и Японии и находится почти на половине этой дороги. Почти все суда, плавающие между Европой и Китаем, заходят в Батавию; помимо этого, она служит центральным и главным рынком так называемой местной торговли Ост-Индии,—не только

¹ [Смит объединял под этим наименованием все страны к востоку от Индостана.]

той ее части, которая ведется европейцами, но и той, которая ведется туземными народами; в ее порту часто можно видеть суда, управляемые жителями Китая и Японии, Тонкина, Малакки, Кохинхины и острова Целебес. Столь выгодное местоположение позволило обеим этим колониям преодолеть все препятствия, которые мог противопоставлять их развитию гнетущий дух монопольной компании. Оно позволило Батавии парализовать добавочную невыгоду самого, пожалуй, нездорового климата во всем мире.

Английская и Голландская компании, хотя они и не учредили никаких крупных колоний, за исключением двух вышеупомянутых, сделали обе значительные завоевания в Ост-Индии. Но в том, как они обе управляют своими новыми подданными, естественный дух монопольной компании проявился наиболее ярко. На островах, где растут пряности, голландцы, как утверждают, сжигают пряности, доставляемые обильным урожаем сверх того количества, которое они рассчитывают продать в Европе с достаточной, по их мнению, прибылью. На островах, где они совсем не имеют поселений, они дают премию тем, кто собирает молодые цветы и зеленые листья гвоздичного и мускатного деревьев, естественно растущих там, но почти совершенно уничтоженных теперь, как передают, в результате этой дикой политики. Даже на островах, где они имеют свои поселения, они очень сильно уменьшили количество этих деревьев. Если сбор даже на их собственных островах окажется значительно большим, чем это соответствует их рынку, туземцы, как они опасаются, могут найти способ доставить некоторую часть его другим нациям; и поэтому, как им кажется, самым лучшим средством обеспечить себе монополию будет забота о том, чтобы здесь произрастало не больше того, что они сами доставляют на рынок. Различными средствами угнетения они сократили население некоторых из Молуккских островов почти до такой численности, которая достаточна для снабжения свежим провиантом и другими необходимыми предметами их незначительных гарнизонов и тех их судов, которые время от времени заходят туда за грузами пряностей, а между тем при господстве даже португальцев эти острова, как сообщают, были довольно хорошо заселены. Английская компания еще не успела установить в Бенгалии столь совершенную разрушительную систему. Но система их управления отличалась в точности такой же тенденцией. Как меня заверяли, нередко бывало, что начальник, т. е. главный приказчик какой-либо фактории, приказывал крестьянину распахать цветущее поле мака и засеять его рисом или каким-нибудь другим злаком. Предлогом выставлялось предупреждение недостатка продовольствия, но фактической причиной являлось стремление дать начальнику возможность продать по лучшей цене большое количество опиума, имевшееся у него на руках. В других случаях давалось приказание противоположного характера, и хорошее поле риса или другого хлеба перепахивалось, чтобы уступить место плантации мака; это делалось, когда начальник предусматривал возможность получения чрезвычайно большой прибыли от опиума. Служащие

компании во многих случаях пытались устанавливать в свою собственную пользу монополию какой-либо из важнейших отраслей не только внешней, но и внутренней торговли страны. Если бы им было позволено действовать дальше в таком же направлении, они необходимо попытались бы раньше или позже ограничить производство отдельных продуктов, монополию которых они таким образом захватили, ограничить его не только тем количеством, которое могли продать, но и тем, которое могли рассчитывать продать с достаточной, по их мнению, прибылью. По прошествии столетия или двух политика Английской компании наверное оказалась бы таким образом столь же разрушительной, как и политика Голландской компании.

Однако ничто не может в большей степени идти вразрез с действительными интересами этих компаний, рассматриваемых как владельцы завоеванных ими стран, чем эта разрушительная система. Почти во всех странах доход государя получается из дохода народа. Поэтому, чем больше доход народа, тем больше годовой продукт земли и труда населения, тем больше может он уделить государю. Ввиду этого в интересах последнего увеличивать по возможности этот годовой продукт. Но если таков интерес всякого государя, это особенно относится к такому государю, доход которого, как это имеет место с государем Бенгалии, получается главным образом от земельной ренты. Эта рента должна обязательно зависеть от количества и стоимости продукта, а оба они, в свою очередь, зависят от размеров рынка. Количество всегда будет соответствовать, с большей или меньшей точностью, потреблению тех, кто в состоянии платить за него, а цена, которую последние будут согласны платить, всегда будет стоять в зависимости от напряженности конкуренции между ними. Поэтому в интересах такого государя открывать возможно более обширный рынок для продукта своей страны, предоставлять наиболее полную свободу торговли, чтобы увеличивать по возможности число и конкуренцию покупателей, а следовательно устранять не только все монополии, но и все стеснения при перевозке продукта страны из одной ее части в другую, при вывозе его в другие страны или при ввозе всевозможных товаров, на которые он может обмениваться. Таким путем он скорее всего увеличит количество и стоимость этого продукта, а следовательно и своей собственной доли его или свой доход.

Но, как кажется, торговая компания неспособна смотреть на себя как на государя даже после того, как становится им. Она прежде всего считает своим главным делом торговлю, т. е. покупку с целью последующей перепродажи, и по странному непониманию рассматривает свою роль государя как некое дополнение к своей роли купца, как нечто такое, что должно быть подчинено последней или в силу чего она может получить возможность дешевле покупать в Индии и благодаря этому продавать с большей прибылью в Европе. С этой целью она пытается по возможности устранять всех конкурентов с рынка стран, подчиненных ее управлению, а сле-

довательно сокращать по крайней мере некоторую часть избыточного продукта этих стран до того количества, которое только достаточно для удовлетворения ее собственного спроса или которое она рассчитывает продать в Европе с нормальной, по ее мнению, прибылью. Ее торгашеские привычки, таким образом, побуждают ее почти неизбежно, — хотя, может быть, и бессознательно, — предпочитать во всех обычных случаях небольшую и временную прибыль монополиста большому и устойчивому доходу государя и постепенно ведут ее к почти такому же обращению с странами, подчиненными ее управлению, каково обращение голландцев с Молуккскими островами. В интересах Остиндской компании, рассматриваемой как государь, чтобы европейские товары, привозимые в ее индийские владения, продавались там возможно дешевле и чтобы индийские товары, доставляемые оттуда, приносили туда наибольшую выручку или продавались по возможно более высокой цене. Но ее интересы как купца прямо противоположны этому. В качестве государя она имеет интересы, совершенно совпадающие с интересами страны, управляемой ею. В качестве купца ее интересы совершенно противоположны последним.

Но если дух такого управления, даже поскольку речь идет о его руководителях в Европе, является таким образом по существу и, пожалуй, безнадежно неправильным, то практика его в Индии является таковой в еще большей степени. Во главе этого управления стоит по необходимости совет купцов, — профессия, без сомнения, чрезвычайно почтенная, но ни в одной стране мира не обладающая тем авторитетом, который естественно внушает народу страх и без всякого применения силы вызывает его добровольное подчинение. Такой совет в состоянии добиваться повиновения только с помощью военной силы, которую он располагает, и его управление поэтому по необходимости носит военный и деспотический характер. Между тем, его главное занятие — занятие купца. Оно состоит в продаже за счет его хозяев европейских товаров, доставляемых ему, и в покупке взамен индийских товаров для европейского рынка. Оно состоит в продаже первых так дорого и в покупке вторых так дешево, как только это возможно, а следовательно в отстранении по возможности всех соперников от того рынка, где он держит свои конторы и магазины. Поэтому дух администрации компании, поскольку это относится к ее торговле, не отличается от духа ее правления. Он имеет тенденцию подчинять управление интересам монополии, а следовательно ограничивать естественный рост по крайней мере некоторой части избыточного продукта страны ровно тем, что достаточно для удовлетворения спроса самой компании.

Помимо того, все члены администрации торгуют более или менее за свой собственный счет, и тщетно было бы воспрещать им делать это. Ничего не может быть глупее, как ожидать, чтобы служащие большой фирмы, находящейся на расстоянии десяти тысяч миль, а следовательно почти совершенно свободные от контроля, по одному приказу своих хозяев прекратили сразу ведение всякого рода опе-

раций за собственный счет, отказались навсегда от всякой надежды составить себе состояние, для чего они имеют в руках все средства, и удовлетворились скромным жалованьем, которое дают им хозяева и которое, при всей его умеренности, редко может быть увеличено, поскольку оно обычно устанавливается в размерах, допускаемых действительной прибылью от торговли компании. При таких условиях запрещение служащим компании торговать за собственный счет вряд ли может приводить к чему-либо иному, как к возможности для старших служащих, под предлогом выполнения распоряжения своих хозяев, угнетать тех из низших служащих, которые имели несчастье вызвать их неудовольствие. Служащие естественно стараются установить в пользу своей собственной частной торговли такую же монополию, как и для торговли компании. Если им предоставят действовать по своему усмотрению, они установят эту монополию открыто и непосредственно, запретив всем другим лицам торговать предметами, какими они хотят торговать, и это, пожалуй, лучший и наименее стеснительный способ установления монополии. Но если приказом из Европы это им запрещено, они, тем не менее, постараются установить такого же рода монополию тайно и не прямым путем, способом, гораздо более губительным для страны. Они будут пользоваться всем авторитетом правительства и извращать отправление правосудия, чтобы преследовать и разорять тех, кто мешал им в какой-либо отрасли торговли, которую они ведут при помощи агентов или скрыто, или, по крайней мере, не признаваясь в этом открыто. Вместе с тем частная торговля служащих естественно должна распространиться на гораздо большее количество разных предметов, чем официальная торговля компании. Торговля компании охватывает только торговлю с Европой, охватывает только часть внешней торговли страны. Частная же торговля служащих может распространяться на все различные отрасли ее внутренней и внешней торговли. Монополия компании может вести только к задержке естественного возрастания той части избыточного продукта, которая при свободе торговли вывозилась бы в Европу. Монополия служащих ведет к задержке естественного возрастания количества всех решительно продуктов, какими они вздумают торговать, предназначенных как для внутреннего потребления, так и для вывоза, а следовательно к понижению культуры всей страны и к уменьшению численности ее населения. Она ведет к уменьшению количества всех решительно продуктов, даже предметов жизненной необходимости, когда служащие компании вздумают торговать ими, покупая их и рассчитывая продать их с желательной им прибылью.

По самому характеру своего положения служащие равным образом должны быть более склонны с большей строгостью отстаивать свои интересы против интересов управляемой ими страны, чем могут делать это их хозяева. Страна принадлежит не служащим, а хозяевам, которые не могут совсем не считаться с интересами страны. Действительные интересы хозяев, если только они способны понять

их, совпадают с интересами страны¹, и если они угнетают ее, то главным образом благодаря неведению и нелепости меркантилистического предрассудка. Напротив, действительные интересы служащих отнюдь не тождественны с интересами страны, и наилучшее осведомление не обязательно должно вести к прекращению притеснений с их стороны. Ввиду этого правила, присылавшиеся из Европы, хотя и были часто неудачны, в большинстве случаев преследовали благие намерения. Больше понимания и, пожалуй, меньше благожелательности проявлялось иногда в правилах, устанавливавшихся служащими в Индии. Что это вообще за странное правительство, если каждый член его администрации стремится поскорее уехать из страны и, следовательно, по возможности скорее расстаться с этим правительством, если каждому члену администрации на другой же день после того, как он уехал и увез с собою свое состояние, совершенно безразлично, если вся страна будет уничтожена землетрясением.

Все сказанное здесь отнюдь не означает, что я возвожу какие-либо обвинения против служащих Остиндской компании и еще меньше против каких-либо отдельных лиц. Я порицаю систему управления, положение, в какое люди поставлены, а не характер людей, работавших в этой системе управления. Они поступали так, как это естественно диктовалось их положением, и те, кто громче всех кричал против них, вероятно действовали бы сами не лучше. Во время войны и переговоров советы Мадраса и Калькутты во многих случаях действовали с решительностью и уверенной мудростью, которые сделали бы честь римскому сенату в лучшие дни республики. А между тем члены этих советов были воспитаны для профессий, весьма далеких от войны и политической деятельности. Но, повидимому, одно только их положение, без соответствующего образования, опыта или даже примера, породило в них все те великие качества, которые требовались обстоятельствами, и пробудило в них способности и доблести, наличие которых у себя они даже сами не подозревали. Если поэтому в некоторых случаях их положение воодушевляло их к великодушным действиям, каких от них трудно было ожидать, то не приходится удивляться, что в других случаях оно толкало их на поступки несколько иного характера.

Итак, подобного рода монопольные компании во всех отношениях являются вредными, всегда более или менее невыгодными для стран, в которых они учреждаются, и губительными для тех, которые имеют несчастье оказаться под их управлением.

¹ Однако интересы каждого отдельного владельца акций Остиндской компании никоим образом не совпадают с интересами страны, на управление которой он может влиять своим правом голоса. См. книгу 5, главу I, отдел III.

Глава VIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О МЕРКАНТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Хотя поощрение вывоза и затруднение ввоза представляют собою два главных средства, при помощи которых меркантилистическая система хочет обогащать любую страну, по отношению к некоторым особым товарам она все же, повидимому, идет противоположным путем: стоит за затруднение вывоза и за поощрение ввоза. Однако ее конечная цель, как она утверждает, всегда одна и та же, а именно — обогащение страны посредством благоприятного торгового баланса. Она затрудняет вывоз промышленного сырья и орудий производства, чтобы дать нашим рабочим преимущество и позволить им успешно конкурировать с рабочими других наций на всех иностранных рынках; ограничивая таким образом вывоз немногих товаров, не очень дорогих, она имеет в виду вызвать гораздо больший и гораздо более ценный вывоз других. Она поощряет ввоз сырья для мануфактур, чтобы население нашей страны могло перерабатывать его дешевле и чтобы этим был предотвращен более значительный и стоящий дороже ввоз мануфактурных изделий. Я не вижу, по крайней мере в нашем своде законов, никаких поощрительных мер в пользу ввоза орудий производства. Когда мануфактурная промышленность достигает известной степени развития, производство орудий производства само становится занятием большого числа очень важных мануфактур. Предоставление особого поощрения ввозу таких орудий производства слишком нарушало бы интересы этих предприятий. Поэтому их ввоз не только не поощрялся, но часто совсем воспрещался. Так, ввоз шерсточесальных аппаратов был воспрещен законом, изданным в 3-й год правления Эдуарда IV; исключение было сделано только при ввозе их из Ирландии или при ввозе их в качестве призового груза или груза, спасенного при кораблекрушении. Запрещение это было возобновлено законом в 39-м году правления Елизаветы и было продолжено и установлено навсегда последующими законами.

Ввоз сырья для промышленности иногда поощрялся освобождением его от пошлин, которыми облагались другие товары, а иногда премиями.

Ввоз шерсти из ряда стран, хлопчатой бумаги из всех стран, нечесанного льна, большей части красильных веществ, большей части невыделанных кож из Ирландии или британских колоний, тюленьих кож с британских промыслов в Гренландии, чугуна и полосового железа из британских колоний, а также ввоз некоторых других видов промышленного сырья поощрялся освобождением от всяких пошлин при условии надлежащей регистрации в таможне. Возможно, что эти изъятия, равно как большую часть наших других торговых правил, исторг у законодательства частный интерес наших купцов и владельцев мануфактур. Тем не менее, они совершенно справедливы и разумны, и если, не посягая на нужды государства, их можно было бы распространить на все другие виды промышленного сырья, общество, без сомнения, выиграло бы от этого.

Однако жадность наших владельцев крупных мануфактур в некоторых случаях распространяла эти изъятия гораздо дальше того, что может быть с основанием признано сырьем для их работы. Законом 24-го года правления Георга II, гл. 46, была установлена незначительная пошлина, всего только в один пенни на фунт, при ввозе иностранной суровой пряжи вместо гораздо более высокой пошлины, какою она облагалась прежде, а именно в 6 пенсов с фунта парусной пряжи, в 1 шилл. с фунта французской и голландской пряжи и в 2 ф. 13 ш. 4 п. с центнера русской льняной пряжи. Но наши владельцы мануфактур не долго удовлетворялись этим понижением. Законом, изданным в 29-м году правления этого же короля, гл. 15, вместе с предоставлением премии при вывозе британского и ирландского полотна, цена которого не превышала 18 пенсов за ярд, была также отменена даже эта незначительная пошлина при ввозе суровой льняной пряжи. Однако в различных операциях, необходимых для изготовления льняной пряжи, затрачивается гораздо больше труда, чем в последней операции, — выделке полотна из льняной пряжи. Не говоря уже о труде тех, кто выращивает лен, и о труде чесальщиков льна, требуются по меньшей мере три или четыре прядильщика, чтобы давать постоянное занятие одному ткачу, и более четырех пятых всего количества труда, необходимого для изготовления полотна, затрачивается при изготовлении льняной пряжи; но наши прядильщики состоят из бедняков, — обычно женщин, — разбросанных в различных частях страны, не встречающих поддержки или защиты. Не от продажи их работы, а от продажи законченного продукта ткачей получают свою прибыль наши владельцы крупных мануфактур. Подобно тому, как в их интересах продавать готовые изделия возможно дороже, так и в их интересах покупать нужное им сырье возможно дешевле. Добиваясь от законодательства премий при вывозе их собственного полотна, высоких пошлин при ввозе всех иностранных полотен и полного воспрещения употребления внутри страны некоторых сортов французского полотна, они стараются продавать свои собственные изделия возможно дороже. Поощряя ввоз иностранной льняной пряжи и вызывая таким образом конкуренцию с нашей собственной пряжей, они стремятся возможно дешевле

покупать труд бедных прядильщиков. Они одинаково стремятся понижать заработную плату своих ткачей, как и заработок бедных прядильщиков, и, конечно, отнюдь не ради рабочих они стараются повысить цену готового продукта или понизить цену сырых материалов. Наша меркантилистическая система поощряет главным образом ту именно промышленность, которая ведется в пользу богатых и сильных. Та промышленность, которая ведется в интересах бедных и нуждающихся, слишком часто оказывается в пренебрежении или стесняется.

Как премия при вывозе полотна, так и освобождение от пошлины при ввозе иностранной пряжи, предоставленные сроком на 15 лет, но продолженные в силу двух отсрочек, подлежат прекращению в конце сессии парламента, непосредственно после 24 июня 1786 г.

Поощрение, оказываемое ввозу сырых материалов для промышленности посредством установления премий, ограничивалось главным образом сырьем, ввозимым из наших американских плантаций.

Первыми премиями такого рода явились премии, установленные в начале текущего столетия при ввозе корабельных снастей из Америки. Под этим наименованием подразумевались мачтовый лес, рей и бушприты, пенька, смола, деготь и скипидар. Но премия в 1 фунт на тонну мачтового леса и в 6 фунтов на тонну пеньки была распространена на эти предметы и при ввозе в Англию из Шотландии. Эти премии сохранялись без всяких изменений в тех же размерах, пока не истек установленный для них срок: премия для пеньки — 1 января 1741 г., премия для мачтового леса — по окончании парламентской сессии, открывшейся вслед за 24 июня 1781 г.

Премия на смолу, деготь и скипидар за время своего существования подвергались неоднократным изменениям. Первоначально премия на смолу равнялась 4 ф. за тонну, такого же размера была премия и на деготь, а премия на скипидар достигала 3 ф. за тонну. Премия в 4 ф. за тонну смолы была впоследствии сохранена только для смолы, приготовленной особым образом; премия на другие сорта хорошей, чистой и продажной смолы была понижена до 2 ф. 4 ш. за тонну. Премия на деготь тоже была понижена до 1 ф., а на скипидар до 1 ф. 10 ш. с тонны.

Второй, в порядке времени, премией при ввозе сырья для промышленности была премия, установленная гл. 30 закона, изданного в 21-й год правления Георга II, для ввозимого с британских плантаций индиго. Когда индиго с плантациями стоило три четверти цены лучшего французского индиго, этим актом предоставлялась премия в 6 пенсов за фунт. Эта премия, которая, как и большинство других, была установлена лишь на определенный срок, была продолжена рядом последующих отсрочек, но понижена до 4 п. за фунт. Премия не была возобновлена и перестала выдаваться в конце сессии парламента 25 марта 1781 г.

Третья премия этого рода была установлена (около того времени, когда мы начали то проявлять любезность к нашим американским колониям, то есориться с ними) законом, изданным в 4-й год правле-

ния Георга III, гл. 26, при ввозе пеньки или нечесанного льна с британских плантаций. Эта премия была установлена на 21 год, с 24 июня 1764 г. до 24 июня 1785 г. В течение первых семи лет она определялась в 8 ф. за тонну, вторых семи лет—6 ф. и третьих—4 ф. Она не была распространена на Шотландию, климат которой не очень пригоден для этого продукта (хотя пенька иногда выращивается там в небольших количествах и худшего качества). Подобная же премия при ввозе шотландского льна в Англию являлась бы слишком большим препятствием для производства этого продукта в южной части Соединенного королевства.

Четвертой премией этого рода явилась премия, установленная законом 5-го года правления Георга III, гл. 45, для лесных материалов, ввозимых из Америки. Она была предоставлена на девять лет, с 1 января 1766 г. до 1 января 1775 г. В течение первых трех лет она должна была равняться 1 ф. за каждые 120 хороших досок и 12 ш. за 50 куб. футов всякого иного обтесанного леса. На следующие три года она определялась в размере 15 ш. для досок и 8 ш. для прочего обтесанного леса, а на последние три года—соответственно в 10 и 5 ш.

Пятой премией этого рода была премия при ввозе из британских плантаций шелка-сырца, установленная законом 9-го года правления Георга III, гл. 38. Сроком она была на 21 год, с 1 января 1770 г. по 1 января 1791 г. На первые семь лет она определялась в 25 ф. на каждые 100 ф. по стоимости, на вторые семь лет—в 20 ф. и на третьи семь лет—в 15 ф. Уход за шелковичным червем и изготовление шелка требует так много ручного труда, а труд так дорог в Америке, что даже эта высокая премия, как мне сообщали, не оказала, повидимому, сколько-нибудь значительного влияния.

Шестой премией этого рода была премия, установленная законом 11-го года правления Георга III, гл. 50, на ввозимые бочки и клепку из британских плантаций. Она была введена на девять лет, с 1 января 1772 г. по 1 января 1781 г. На первые три года она достигала 6 ф. за определенное количество этих материалов, на последующие три года—4 ф. и на последние три года—2 ф.

Седьмая и последняя премия этого рода была установлена законом 19-го года правления Георга III, гл. 37, для пеньки, ввозимой из Ирландии. Она была введена, как и премия для пеньки и нечесанного льна, ввозимых из Америки, на 21 год, с 24 июня 1779 г. до 24 июня 1800 года. Срок этот точно так же подразделен на три периода по семь лет каждый, причем в каждый из этих периодов размер премии при ввозе из Ирландии совпадает с размером премии при ввозе из Америки. Однако, в отличие от премии при ввозе из Америки, она не распространяется на нечесанный лен. Это слишком повредило бы культуре этого растения в Великобритании. Когда устанавливалась эта премия, взаимоотношения между законодательными учреждениями Великобритании и Ирландии были не лучше, чем раньше были взаимоотношения между законодательными учреждениями Великобритании и Америки. Но надо надеяться, что эта

льгота дана была Ирландии при лучших предзнаменованиях, чем все льготы, предоставленные Америке.

Те самые товары, на которые мы выдавали премии при ввозе их из Америки, облагались значительными пошлинами при ввозе их из всякой другой страны. Интересы наших американских колоний признавались тождественными с интересами метрополии. Их богатство считалось нашим богатством. Все деньги, которые посылаются в колонии, как утверждали, в силу торгового баланса полностью возвращаются к нам, и мы не можем стать хотя бы на фартинг беднее в результате каких бы то ни было расходов, производимых ради них. Во всех отношениях колонии принадлежат нам, и поэтому затраченные деньги представляют собою расход на улучшение нашей собственности и для предоставления выгодного занятия нашему собственному населению. Мне думается, нет необходимости в настоящее время останавливаться дальше на этом, чтобы показать все безумие системы, истинный смысл которой достаточно выяснил печальный опыт. Если бы наши американские колонии были действительно частью Великобритании, эти премии можно было бы считать премиями для производства, и они вызывали бы все те возражения, которые относятся к такого рода премиям, но только эти возражения.

Вывоз промышленного сырья задерживался или абсолютными воспрещениями, или высокими пошлинами.

Владельцы наших шерстяных мануфактур имели больше успеха, чем другой какой-либо класс работников, в деле внушения законодательным учреждениям, что благосостояние всей нации зависит от успешности и процветания их специального промысла. Они не только добивались монополии против потребителей посредством абсолютного запрещения ввоза сукна из других стран, но равным образом добились другой монополии против овцеводов и производителей шерсти установлением подобного же запрещения вывоза овец и шерсти. С полным основанием жалуются на суровость многих законов, издававшихся для ограждения доходов казны, поскольку они тягело карали действия, которые до издания законов, объявлявших их преступлением, всегда почитались вполне дозволенными. Но самый жесткий из всех этих законов, решаюсь утверждать это, мягок и снисходителен в сравнении с некоторыми из тех, которые были исторгнуты воплями наших купцов и мануфактуристов от законодательства для ограждения их собственных нелепых и стеснительных монополий. Как и законы Дракона, эти законы, можно сказать, написаны все кровью.

На основании гл. 3 закона, изданного в 8-й год правления Елизаветы, виновный в вывозе овец, ягнят и баранов подлежал в первый раз конфискации навсегда имущества, годичному тюремному заключению, а после того отсечению левой руки на базарной площади с пригвождением ее к столбу, а во второй раз признавался государственным изменником и в соответствии с этим подлежал смертной казни. Целью этого закона было, повидимому, воспрепятствовать распространению в других странах породы наших овец. Законом

13 и 14-го годов правления Карла II, гл. 18, вывоз шерсти был объявлен государственной изменой, и экспортер подлежал карам и конфискациям, определенным для государственных изменников.

Во имя чести нации надо надеяться, что ни один из этих законов не осуществлялся на практике. Однако, насколько мне известно, первый из них не был никогда определенно отменен, и юрист Гаукинс¹ как будто считает его остающимся еще в силе. Все же, пожалуй, этот закон можно признавать фактически отмененным законом 12-го года правления Карла II, гл. 32, ст. 3, который, не отменяя прямо кары, налагаемые прежними законами, устанавливает новое наказание, а именно—штраф в 20 шилл. за вывоз или попытку вывоза каждой овцы вместе с конфискацией овцы и доли ее владельца в судне. Второй из вышеупомянутых законов был определенно отменен законом, изданным в 7 и 8-й годы правления Вильгельма III, гл. 28, ст. 4, который объявлял: «Поскольку закон 13 и 14-го годов правления короля Карла II, изданный против вывоза шерсти, наряду с некоторыми другими предметами, признавал его государственной изменой, благодаря каковой строгости наказания преследование нарушителей закона производилось недостаточно энергично, постольку пусть будет отныне установлено, что отменяется и объявляется недействительной та часть вышеуказанного закона, которая объявляет это преступление государственной изменой».

Тем не менее, кары, установленные этим более мягким законом или же установленные предыдущими законами и не отмененные им, все еще достаточно суровы. Помимо конфискации имущества, экспортер подлежит штрафу в 3 шилл. с каждого фунта шерсти, вывезенной или предназначавшейся к вывозу, т. е. штрафу, в четыре или пять раз превышающему ее стоимость. Всякий купец или другое лицо, осужденное за это преступление, лишается права требовать уплаты долгов от своих комиссионеров или других лиц. Каково бы ни было его имущество, в состоянии ли он или нет уплатить этот высокий штраф, закон имеет целью совершенно разорить его. Но так как нравственность основной массы народа еще не развращена так, как нравственность вдохновителей этого закона, я не слышал, чтобы когда-либо пользовались этим пунктом закона. Если лицо, осужденное за это преступление, не в состоянии уплатить наложенный штраф в течение трех месяцев после приговора, оно подлежит ссылке на семь лет, а в случае возвращения до истечения этого срока оно подлежит наказанию, как за государственную измену, с недопущением к нему исповедника. Владелец судна, знающий об этом преступлении, утрачивает свои права на судно и его оборудование. Капитан и матросы, знающие об этом преступлении, лишаются всего своего имущества и подвергаются трехмесячному тюремному заключению. Согласно изданному впоследствии закону, капитан подлежит шестимесячному заключению в тюрьме.

Ради предотвращения вывоза вся внутренняя торговля шерстью

¹ [Hawkins, Pleas of the crown, I, 195.]

подвергнута весьма тяготительным и стеснительным ограничениям. Воспрещается упаковывать шерсть в ящики какого бы то ни было рода или в какую-нибудь другую тару; она должна паковаться только в кипы, обшиваемые кожей или холстиной, причем снаружи должна делаться надпись: *шерсть* или *пряжа*, большими буквами, размером не менее 3 дюймов, под страхом конфискации шерсти и упаковки и штрафа в 3 шилл. за каждый фунт шерсти, уплачиваемого владельцем или упаковщиком. Шерсть разрешается грузить на лошадь или телегу или перевозить сухим путем на расстояние пяти миль от берега только от восхода до заката солнца под страхом, в случае нарушения этого правила, конфискации самой шерсти, лошадей и телег. Волость, ближайшая к побережью, из которой или через которую вывозится или перевозится шерсть, платит штраф в 20 фунтов, если шерсть стоит меньше 10 фунтов, а при большей ее стоимости— в тройном размере последней вместе с издержками в тройном размере, причем штраф этот взыскивается не позже, как в течение года, с каких-либо двух жителей волости, которым суд возмещает внесенную сумму за счет раскладки, распределенной среди остальных жителей, как это делается в случаях воровства. И если кто-либо сговаривается с волостью об уплате штрафа в меньшем размере, он заключается в тюрьму на пять лет, и всякому лицу предоставляется право возбудить преследование. Эти правила действительны на всем протяжении королевства.

Однако в двух графствах—Кенте и Суссексе—установленные правила еще тяготительнее. Каждый владелец шерсти, на расстоянии 10 миль от морского побережья, должен письменно извещать ближайшего таможенного чиновника, не позднее трех дней после стрижки овец, о количестве состриженной шерсти и о месте ее хранения, и перед увозом со склада хотя бы части ее он должен посылать такое же извещение с указанием количества и веса шерсти, а также имени и местожительства лица, которому она продана, и места, куда предполагается ее перевезти. Ни одно лицо в этих графствах, на расстоянии 15 миль от моря, не имеет права покупать шерсть, не принеся присяги в том, что ни одна частица шерсти, покупаемой им, не будет продана им кому бы то ни было в пределах 15 миль от моря. Если в этих графствах обнаруживается шерсть, перевозимая по направлению к морю, она конфискуется, если не была зарегистрирована и не было дано упомянутого ручательства, а виновный уплачивает штраф в размере 3 шилл. за каждый фунт шерсти. Если кто-либо хранит у себя шерсть, не зарегистрированную согласно вышеприведенному правилу, на расстоянии 15 миль от моря, она подлежит отобранию и конфискации, и если, после такого отобрания, кто-либо станет предъявлять на нее претензии, он должен представить обеспечение казначейству, что, если проиграет процесс, он уплатит издержки в тройном размере, помимо других кар.

Раз таким стеснениям подвергнута внутренняя торговля, то следует предполагать, что и прибрежная торговля не оставлена совсем свободной. Каждый владелец шерсти, отправляющий или по-

ручающий отправить шерсть в какой-нибудь порт или место на морском побережье, должен сделать заявление об этом в порту, откуда предполагается ее отправить, причем в этом заявлении должны быть указаны вес, марки и число кип; заявление должно быть сделано до того, как шерсть доставлена на расстояние 5 миль от порта. За нарушение этого предписания у виновного конфискуется шерсть, а также лошади, телега и другие перевозочные средства, а сам он подлежит наказанию, определенному другими действующими законами, воспрепятствующими вывозу шерсти.

Однако закон этот (1-го года правления Вильгельма III, гл. 32) простирает свою снисходительность так далеко, что объявляет, что «это не должно мешать кому бы то ни было отвезти домой свою шерсть с места стрижки, хотя бы это было в пределах пяти миль от моря, при условии, что в течение десяти дней после стрижки и перед перевозкой шерсти данное лицо сообщит за своей подписью ближайшему таможенному чиновнику действительное количество шерсти и место, где она хранится, и не будет перевозить ее, не оповестив за своей подписью этого чиновника о своем намерении сделать это за три дня до перевозки». Закон требовал представления поручительства в том, что шерсть, отправляемая водою вдоль берега, будет выгружена в том именно порту, который указан при отправке, а при выгрузке хотя какой-нибудь ее части не в присутствии таможенного чиновника устанавливалась не только конфискация шерсти и другого имущества, но и обычный добавочный штраф в 3 шилл. за каждый фунт шерсти.

Владельцы наших шерстяных мануфактур, в целях оправдания своего требования таких чрезвычайных ограничений и правил, уверенно утверждали, что английская шерсть отличается особым качеством и лучше шерсти всех других стран; что из шерсти других стран нельзя выделывать сколько-нибудь сносной материи, не примешав некоторого количества английской шерсти; что тонкое сукно невозможно выделывать без нее; что поэтому Англия может монополизировать в свою пользу почти всю торговлю шерстяными материями, если окажется возможным совершенно прекратить вывоз английской шерсти, и сможет таким образом, не имея соперников, продавать их по любой, удобной ей цене и достичь в короткое время совершенно невероятной степени богатства благодаря максимально выгодному торговому балансу. Эта теория, как и большинство других теорий, с уверенностью отстаиваемых какой-либо многочисленной группой, принималась и принимается на веру еще большим количеством людей, — почти всеми теми, кто не знаком с торговлей шерстяными изделиями или кто не наводил специальных справок. Между тем, совершенно неверно, будто английская шерсть в каком бы то ни было отношении необходима для выделки тонкого сукна; напротив, она совершенно непригодна для этого. Тонкое сукно вообще выделывается из испанской шерсти. Английскую шерсть нельзя даже примешивать к испанской при выработке такого сукна, не испортив и не понизив в известной степени его качества.

На страницах этого сочинения было уже показано, что результатом этих стеснений было понижение цены английской шерсти не только ниже того уровня, на котором она естественно держалась бы в настоящее время, но и гораздо ниже того уровня, на котором она фактически стояла во времена Эдуарда III. Цена шотландской шерсти, когда она вследствие объединения Шотландии с Англией подверглась тем же стеснениям, понизилась, как утверждают наполовину. Очень добросовестный и осведомленный автор «Записок о шерсти», достопочтенный Джон Смит¹ замечает, что цена английской шерсти лучшего качества в Англии в общем ниже обычной цены шерсти гораздо худшего качества на Амстердамском рынке. Понизить цену этого товара ниже его естественной и надлежащей цены было признанной целью этих стеснений и правил, и, повидимому, нет никакого сомнения, что они произвели то действие, которое от них ожидали.

Такое понижение цены, как могут, пожалуй, подумать, делая невыгодным разведение овец, должно было очень значительно сократить годовое производство этого продукта по сравнению, правда, не с его прежними размерами, а с теми размерами, которых оно достигло бы, вероятно, при современных условиях, если бы благодаря наличию открытого и свободного рынка цена шерсти могла подняться до своего естественного и надлежащего уровня. Однако я склонен думать, что эти ограничения вряд ли могли оказать большое влияние на размеры годового производства шерсти, хотя, возможно, некоторое влияние они и оказали. Получение шерсти не является главной целью, ради которой овцевод затрачивает свой труд и капитал. Он ждет прибыли не столько от цены руна, сколько от цены туши, и средняя или обычная цена последней должна даже во многих случаях возмещать ему то, что он может недополучить в средней или обычной цене первого. Как уже было замечено в предыдущей части этого сочинения², «всякого рода регулирующие меры, ведущие к понижению цены шерсти или невыделанных шкур ниже их естественного уровня, в культурной и развитой в хозяйственном отношении стране должны иметь тенденцию повышать цену мяса. Цена как крупного, так и мелкого скота, разводимого и откармливаемого на улучшенной и культурной земле, должна быть достаточно для оплаты ренты и прибыли, которые в праве ожидать получить с такой земли ее владелец и фермер. Если она недостаточна для этого, они скоро перестанут откармливать скот. Поэтому та доля этой цены, которая не оплачивается шерстью или шкурой, должна покрываться ценою туши. Чем меньше платят за первые, тем больше должно быть уплачено за вторую. Землевладельцам и фермерам безразлично, как распределяется эта цена между различными частями животного, если только она полностью уплачивается им. Поэтому в хозяйственной и развитой и культурной стране интересы землевладельцев и фер-

¹ [John Smith, Chronic on rusticum-commerciale, or Memoirs of wool. 1747. Vol. II, p. 215.]

² [См. первый том настоящего издания, стр. 207.]

меров не могут быть сильно задеты такими регулирующими мерами, хотя их интересы как потребителей могут оказаться затронутыми в результате повышения цены продовольствия». Согласно этим соображениям, такое понижение цены шерсти не должно в культурной и промышленной стране вызывать какое-либо уменьшение годового производства этого товара, если только не считать того, что, ведя к повышению цены баранов, оно может несколько уменьшить спрос, а следовательно и производство этого особого вида мяса. Но и такое действие, вероятно, не очень значительно.

Но, хотя действие понижения цены шерсти на количество годового продукта и не было сколько-нибудь значительно, его действие на качество, как могут, пожалуй, думать, должно быть очень сильное. Могут, пожалуй, предполагать, что понижение качества английской шерсти, если не сравнительно с ее качеством в прежнее время, то с тем, которого она естественно достигла бы при современном уровне культуры и улучшений, должно было почти полностью соответствовать понижению ее цены. Так как качество зависит от породы, корма и ухода за овцой во все время роста шерсти, то можно естественно предполагать, что затрачиваемые на это внимание и усилия всегда будут соответствовать тому вознаграждению, которое цена руна обещает за труд и издержки, вызываемые ими. Однако дело обстоит так, что хорошее качество руна стоит в зависимости в значительной мере от здоровья, размеров и веса животного; тот уход, который необходим для улучшения туши, достаточен в некоторых отношениях и для улучшения руна. Несмотря на понижение цены, английская шерсть, как утверждают, значительно улучшилась даже в течение настоящего столетия. Улучшение, может быть, было бы более заметно, если бы цена была выше, но низкий уровень цены, хотя, может быть, и затруднял это улучшение, во всяком случае безусловно не сделал его невозможным.

Таким образом, суровый характер этих ограничений, повидимому, не оказал такого большого влияния ни на количество, ни на качество годового производства шерсти, какого можно было ожидать (хотя я считаю вероятным, что он повлиял на последнее гораздо больше, чем на первое), и хотя интересы производителей шерсти должны были в некоторой степени страдать от этого, они в общем, повидимому, страдали гораздо меньше, чем это можно было предполагать.

Тем не менее, соображения эти отнюдь не оправдывают полного воспрещения вывоза шерсти. Они только вполне оправдывают установление значительной пошлины при вывозе ее.

Причинять какой-либо ущерб интересам одного класса граждан с единственной целью идти навстречу интересам другого, противоречит, очевидно, той справедливости и равенству в обращении, которые обязательны для государя в его отношении ко всем различным классам его подданных. Но запрещение вывоза, несомненно, причиняет в известной мере ущерб производителям шерсти с единственной целью содействовать интересам владельцев мануфактур.

Все классы граждан обязаны вносить свою долю на расходы государя или государства. Пошлина в 5 или даже в 10 шиллингов с каждого тода¹ вывозимой шерсти даст государю очень значительный доход. Она будет задевать интересы производителей несколько меньше, чем запрещение вывоза, потому что не понизит, вероятно, цену шерсти так чувствительно. Она даст достаточное преимущество мануфактуристу, потому что, хотя он и не сможет покупать шерсть так дешево, как при запрещении вывоза, все же он будет покупать ее по меньшей мере на 5 или 10 шиллингов дешевле, чем любой иностранный мануфактурист, не говоря уже о фрахте и страховании, которые должен будет оплачивать последний. Вряд ли возможно придумать другой налог, который мог бы давать столь значительный доход государю и вместе с тем причинял так мало неудобств кому бы то ни было.

Запрещение вывоза, несмотря на все кары, установленные для нарушающих его, не останавливает вывоза шерсти. Как хорошо известно, она вывозится в больших количествах. Большая разница в цене внутри страны и на внешнем рынке создает такое искушение для контрабанды, что вся строгость закона не в состоянии предотвратить последнюю. Такой незаконный вывоз не выгоден никому, кроме самого контрабандиста. Между тем, дозволенный законом вывоз, облагаемый пошлиной, приносит доход государю и таким образом устраняет необходимость установления других, может быть, более обременительных и неудобных налогов, а следовательно может оказаться выгодным для всех подданных государства.

Вывоз валяльной глины, которая считалась необходимой для выделки и очистки суконных изделий, был воспрещен под страхом таких же наказаний, как и вывоз шерсти. Даже вывоз глины для курительных трубок, хотя она была признана отличной от валяльной глины, все же был воспрещен и карался таким же образом ввиду его сходства с нею и ввиду того, что последняя могла вывозиться под видом глины для курительных трубок.

Законом, изданным в 13-й и 14-й год правления Карла II, гл. 7, был воспрещен вывоз не только сырых кож, но и выделанной кожи, за исключением кожи в виде сапогов, башмаков или туфель; закон предоставлял монополию нашим сапожникам и башмачникам не только против наших скотоводов, но и против наших кожевников. В силу последующих законов наши кожевники добились избавления от этой монополии, уплачивая небольшую пошлину всего в один шиллинг с центнера выделанной кожи весом в 112 фунтов. Они добились также возврата двух третей акциза, которым облагался их товар, даже в случае вывоза его без дальнейшей выделки. Все кожаные изделия могут вывозиться беспошлинно, и экспортер, кроме того, имеет право на возврат ему всего акциза. Наши скотоводы по-прежнему остаются во власти старой монополии. Скотоводы, будучи разобщены друг с другом и разбросаны по всем углам страны, не

¹ [Тодом называется кипа шерсти в 28 фунтов.]

могут без больших усилий объединиться в целях установления монополии против своих сограждан или освобождения себя от монополии, которой они подчинены другими. Легко могут делать это владельцы мануфактур всякого рода, объединенные в многочисленные группы во всех больших городах. Даже вывоз рогов скота воспрещен, и два незначительных промысла—роговых изделий и гребней—пользуются в этом отношении монополией против скотоводов.

Всякого рода ограничения—в виде ли воспрещения или обложения пошлиной—вывоза товаров, которые представляют собою не готовые изделия, а только полуфабрикаты, характерны не только для кожевенной мануфактуры. Во всех тех случаях, когда остается еще какая-нибудь операция, чтобы сделать какой-нибудь товар пригодным для непосредственного использования или потребления, владельцы мануфактур считают, что они сами должны выполнить ее. Вывоз шерстяной пряжи и крученой шерсти воспрещен и подвержен такому же штрафу, как и вывоз шерсти. Даже некрашенное сукно обложено вывозной пошлиной, и наши красильщики таким образом получили монополию против наших суконщиков. Наши суконщики, вероятно, смогли бы защитить себя против нее, но случилось так, что большинство наших крупнейших суконщиков является вместе с тем и красильщиками. Запрещен вывоз часовых ящиков, футляров и циферблатов для стальных и карманных часов. Наши часовых дел мастера, повидимому, не хотят, чтобы цена этих предметов повысилась для них в результате спроса иностранных покупателей.

Некоторыми старинными законами Эдуарда III, Генриха VIII и Эдуарда VI был воспрещен вывоз всех металлов. Исключение было сделано только для свинца и олова, вероятно ввиду большого изобилия этих металлов, в вывозе которых состояла в то время значительная часть торговли королевства. В целях поощрения горной промышленности закон, изданный в 5-й год правления Вильгельма и Марии, гл. 17, изъял из этого запрещения железо, медь и литые из британской руды. Впоследствии законом, изданным в 9-й и 10-й год правления Вильгельма III, гл. 26, был допущен вывоз всякого рода полосовой меди, иностранной и британской. Вывоз невыделанной меди, так называемого пушечного, колокольного и банковского металла, оставался попрежнему запрещенным. Медные изделия всякого рода могли вывозиться беспошлинно.

Вывоз промышленного сырья, в тех случаях, когда он вообще не воспрещен, во многих случаях облагался высокими пошлинами.

Законом, изданным в 8-й год правления Георга I, гл. 15, был объявлен свободным от обложения пошлинами вывоз всех товаров, сырья или промышленных изделий Великобритании, которые облагались какими-либо пошлинами на основании прежних законов. Впрочем, исключение было сделано для следующих предметов: квасцы, свинец, свинцовая руда, олово, выделанная кожа, купорос, уголь, чесалки для шерсти, некрашенное сукно, гальмейный камень, шкуры всякого рода, клей, кроличий пух или шерсть, заячья шерсть, всякого рода волос, лошади и свинцовый глет. За исключением лошадей,

все эти предметы представляют собою или промышленное сырье, или полуфабрикаты (которые можно рассматривать как сырой материал для дальнейшей мануфактурной обработки), или средства производства. Этот закон оставляет для перечисленных предметов все прежние пошлины, установленные для них старую пошлину и однопроцентную вывозную.

Тем же законом большое число иностранных москательных товаров, нужных в красильном деле, было освобождено от каких бы то ни было ввозных пошлин. Но каждый из них затем облагается при вывозе некоторой пошлиной, правда, не очень обременительной. Наши красильщики, повидимому, считали в своих интересах не только поощрять ввоз этих веществ посредством освобождения их от всяких пошлин, но и несколько затруднять их вывоз. Однако жадность, внушившая это примечательное проявление меркантилистической изобретательности, весьма вероятно, обманулась в своих расчетах. Она по необходимости научила импортеров проявлять гораздо большую осторожность, чтобы ввозимое ими количество товаров не превышало необходимого для снабжения внутреннего рынка. Внутренний рынок все время оказывался более скудно снабженным, и товары всегда стоили несколько дороже, чем если бы вывоз был так же свободен, как и ввоз.

В силу вышеупомянутого закона сенегальская или аравийская камедь, поскольку она была включена в список перечисленных красящих веществ, могла ввозиться беспошлинно. Она облагалась при обратном вывозе только незначительным весовым сбором в размере всего 3 пенсов с центнера. Франция в это время пользовалась монополией торговли с страной, больше всего производящей эти вещества и находящейся в окрестностях Сенегала, и британский рынок не мог легко снабжаться путем непосредственного ввоза их из места их добывания. Поэтому законом 25-го года правления Георга II был дозволен ввоз сенегальской камеди (в изъятие из общих правил Навигационного акта) из всех стран Европы. Но так как закон не имел в виду поощрять этот вид торговли, столь идущий вразрез с общими принципами меркантилистической политики Англии, то он установил ввозную пошлину в 10 шиллингов с центнера, причем при обратном вывозе пошлина эта не возвращалась даже частично. Успешная война, начавшаяся в 1755 г., дала Великобритании такую же монополию с этими странами, какую раньше обладала Франция. Наши владельцы мануфактур, как только был заключен мир, попытались использовать это преимущество и установить монополию в свою собственную пользу против производителей и против импортеров этого продукта. В результате этого закон 5-го года правления Георга III, гл. 37, ограничил вывоз сенегальской камеди из владений его величества в Африке одной только Великобританией и подчинил его всем тем ограничениям, правилам, конфискациям и карам, которые были установлены для «перечисленных» товаров британских колоний в Америке и Вест-Индии. Ввоз камеди облагался, правда, незначительной пошлиной в 6 пенсов с центнера, но при обратном вывозе она

облагалась громадной пошлиной в 1 фунт 10 шиллингов с центнера. Владельцы наших мануфактур хотели, чтобы весь продукт этих стран ввозился в Великобританию, а для того, чтобы они сами могли покупать его по удобной им цене, они добивались, чтобы ни малейшую долю его нельзя было вывозить обратно без таких издержек, которые делали бы невыгодным такой вывоз. Однако их жадность в этом случае, как и во многих других, привела к противоположным результатам. Эта громадная пошлина служила таким искушением к контрабанде, что большие количества этого продукта тайно вывозились, вероятно, во все промышленные страны Европы, в особенности же в Голландию, и не только из Великобритании, но и из Африки. Ввиду этого законом 14-го года правления Георга III, гл. 10, эта вывозная пошлина была понижена до 5 шилл. на центнер.

В таможенном тарифе, на основании которого взималась старая пошлина, тариф на бобровые шкуры был установлен в 6 шилл. 8 пенс. за штуку, и различные пошлины и сборы, которые до 1722 г. взимались при ввозе их, достигали одной пятой этого тарифа или 16 пенсов за каждую шкуру, причем вся эта сумма, за вычетом старой пошлины, возвращалась обратно при вывозе. Такая пошлина при ввозе столь важного материала для промышленности была признана слишком высокой, и в 1722 г. ставка была понижена до 2 шилл. 6 пенс., что довело ввозную пошлину до 6 пенсов, причем при вывозе возвращалась обратно только половина этой суммы. Упомянутая выше война сделала владением Великобритании страну, более всех изобилующую бобрами, и поскольку бобровые шкуры были включены в список «перечисленных» товаров, их вывоз из Америки мог направляться только на рынок Великобритании. Наши владельцы мануфактур скоро сообразили выгоду, какую они могут извлечь из этого обстоятельства, и в 1764 г. ввозная пошлина с бобровых шкур была понижена до одного пенни, но вывозная пошлина была повышена до 7 пенсов со шкуры, причем не был установлен возврат ввозной пошлины. Тем же самым законом была установлена вывозная пошлина в 18 пенсов с фунта бобровой шерсти, причем не было сделано никакого изменения ввозной пошлины на этот товар, которая, при ввозе его британцами и на британских судах, достигала в это время 4—5 пенсов со штуки.

Уголь можно рассматривать и как промышленное сырье, и как средство производства. В соответствии с этим его вывоз был обложен высокими пошлинами, достигающими в настоящее время (1783 г.) 5 с лишним шиллингов с тонны или 15 с лишним шиллингов с чалдрона¹ ньюкэстльской меры, что в большинстве случаев превышает стоимость самого товара на руднике или даже в порту при вывозе.

Что касается вывоза собственно так называемых средств производства, то обыкновенно он предотвращается не высокими пошлинами, а полным запрещением. Так, законом 7-го и 8-го года пра-

¹ [Чалдрон—мера, употребляемая при измерении каменного угля и составляющая 36 бушелей.]

вления Вильгельма III, гл. 20, ст. 8, вывоз рам или машин для вязания перчаток или чулок воспрещен под угрозой не только конфискации этих рам или машин при вывозе или попытке вывезти их, но и штрафа в 40 фунтов, причем половина его идет в пользу казны, а другая половина в пользу лица, донесшего об этом или возбуждившего обвинение. Точно таким же образом законом 14-го года правления Георга III, гл. 71, вывоз в иностранные государства инструментов и принадлежностей, употребляемых в хлопчатобумажной, льняной, шерстяной и шелковой промышленности, запрещен под угрозой не только конфискации их, но и штрафа в 200 ф., уплачиваемого лицом, которое нарушило это запрещение, а также и штрафа в 200 ф. с владельца судна, заведомо допустившего погрузку на свое судно подобных инструментов и принадлежностей.

Если такие суровые кары налагались за вывоз мертвых орудий производства, трудно было ожидать, чтобы был допущен свободный отъезд из страны живого орудия производства, работника. И действительно, закон, изданный в 5-й год правления Георга I, гл. 27, устанавливал, что всякий, кто будет уличен в том, что подговаривал какого-либо мастера с какой-либо мануфактуры в Великобритании уехать за границу, чтобы заниматься там своим ремеслом или обучать ему, подлежит в первый раз штрафу не свыше 100 фунтов и трехмесячному заключению в тюрьме и до уплаты штрафа, а второй раз—штрафу по усмотрению суда и годичному заключению в тюрьме и до уплаты штрафа. Законом 23-го года правления Георга II, гл. 13, это наказание усилено: в первый раз штраф установлен в размере 500 ф. за каждого рабочего, склоненного к отъезду, а заключение продлено до одного года и до уплаты штрафа, а во второй раз штраф доведен до 1 000 ф., а заключение в тюрьме—до двух лет и вплоть до уплаты штрафа.

На основании первого из этих двух законов, если было доказано, что кто-либо склонял какого-нибудь ремесленника или какой-нибудь ремесленник обещал или пообещал отправиться за границу для вышесказанной цели, то такой ремесленник мог быть обязан представить обеспечение по усмотрению суда, что он не отправится за океан, и мог быть заключен в тюрьму до представления такого поручительства.

Если какой-либо ремесленник отправится за океан и станет заниматься там своим ремеслом или обучать ему в каком-либо иностранном государстве и если, после предостережения, данного ему одним из послов или консулов его величества за границей или одним из государственных секретарей его величества, он не вернется в течение шести месяцев после этого предупреждения в королевство и не станет после того постоянно проживать в его пределах, он объявляется неправомочным получать наследство, завещанное ему в пределах королевства, или быть душеприказчиком или опекуном кого бы то ни было, или владеть землей по наследству, по завещанию или посредством покупки. Равным образом у него конфискуются в пользу короля все принадлежащие ему земли, товары и скот, он объявляется

во всех отношениях иностранцем и лишается покровительства короля.

Излишне, думается мне, указывать, насколько противоречат эти правила хваленой свободе личности, которою мы как будто так дорожим, но которая в данном случае явно приносится в жертву мелочным интересам наших купцов и владельцев мануфактур.

Похвальной целью всех подобных правил является расширение наших собственных мануфактур не в результате их улучшения, но при помощи затруднений, причиняемых мануфактурам всех наших соседей, и посредством прекращения, насколько возможно, отяготительной конкуренции столь ненавистных и неприятных соперников. Наши владельцы мануфактур считают разумным и справедливым, чтобы им принадлежала монополия на искусство и способности всех их сограждан. Хотя посредством ограничения в некоторых профессиях числа учеников, которое можно держать одновременно, и необходимости продолжительного обучения во всех профессиях они все без исключения стараются возможно больше ограничить число людей, обученных соответствующим профессиям, они, тем не менее, не хотят, чтобы хотя некоторая часть из этого небольшого числа уезжала за границу и обучала там иностранцев.

Потребление является единственной целью всякого производства, и интересы производителя заслуживают внимания лишь постольку, поскольку они могут служить интересам потребителя. Положение это настолько самоочевидно, что было бы нелепо даже пытаться доказывать его. Между тем при господстве меркантилистической системы интересы потребителя почти постоянно приносятся в жертву интересам производителя, и эта система, повидимому, признает не потребление, а производство главной и конечной целью всякой промышленной деятельности и торговли.

При установлении ограничений ввоза всех тех иностранных товаров, которые могут оказаться конкурирующими с нашими сельскохозяйственными или мануфактурными продуктами, интересы отечественного потребителя явно принесены в жертву интересам производителя. Именно в пользу последнего первый оказывается вынужденным оплачивать то повышение цены, которое почти всегда вызывает эта монополия.

Именно в пользу производителя устанавливаются премии при вывозе некоторых продуктов его производства. Отечественный потребитель вынуждается платить, во-первых, налог, необходимый для выдачи премий, и, во-вторых, еще больший налог в виде повышения цены товара на внутреннем рынке.

Прославленный торговый договор с Португалией посредством высоких пошлин лишает потребителя возможности покупать в соседней стране товар, которого мы не можем сами производить благодаря нашему климату, а заставляет покупать его в более отдаленной стране, хотя признано, что в этой последней он худшего качества, чем в стране соседней. Отечественный потребитель вынуждается испытывать неудобство для того, чтобы производитель мог ввозить в эту

более отдаленную страну некоторые свои продукты на более выгодных условиях, чем это было бы при других условиях. Потребителю равным образом приходится оплачивать то повышение цены этих продуктов, которое может вызвать на внутреннем рынке подобный форсированный вывоз.

Но в общей системе законов, установленных для управления нашими американскими и вестиндскими колониями, интересы отечественного потребителя были принесены в жертву интересам производителя еще в гораздо больших размерах, чем во всем остальном нашем торговом законодательстве. Была организована огромная область с единственной целью создать нацию потребителей, обязанных покупать из магазинов различных наших производителей все товары, которыми они могут снабжать их. Ради того небольшого повышения цены, которое эта монополия могла дать нашим производителям, на отечественных потребителей был взвален весь расход по содержанию и защите этой области. Для этой и только для этой цели на две последние войны было израсходовано более 200 миллионов и был заключен новый государственный долг, превышающий 170 миллионов, в добавление ко всем издержкам на ту же цель в предыдущих войнах. Одни проценты по этому долгу превышают не только всю ту добавочную прибыль, которую когда-либо могла давать монополия колониальной торговли, но и всю стоимость оборотов этой торговли или всю стоимость товаров, которые в среднем вывозились ежегодно в колонии.

Не может составить большого труда установить, кто был вдохновителем всей этой меркантилистической системы: то не были, мы можем быть уверены в этом, потребители, интересы которых были оставлены совершенно без внимания; то были производители, об интересах которых так старательно позаботились; и среди этих последних главными действующими лицами явились наши купцы и владельцы мануфактур. В меркантилистических постановлениях, отмеченных в этой главе, больше всего были приняты во внимание интересы наших мануфактуристов, а принесены были в жертву им интересы не столько потребителей, сколько некоторых других групп производителей.

Глава IX

О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ИЛИ О ТЕХ СИСТЕМАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, КОТОРЫЕ ПРИЗНАЮТ ПРОДУКТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЕДИНСТВЕННЫМ ИЛИ ГЛАВНЫМ ИСТОЧНИКОМ ДОХОДА И БОГАТСТВА КАЖДОЙ СТРАНЫ

Земледельческие системы политической экономии не потребуют такого подробного выяснения, которое я счел необходимым уделить меркантилистической, или коммерческой системе.

Теория, признающая продукт земледелия единственным источником дохода и богатства каждой страны, насколько мне известно, никогда не была воспринята ни одной нацией и в настоящее время выдвигается только в рассуждениях немногочисленной группы ученых и талантливых людей во Франции. Вне всякого сомнения, не стоит труда подробно выяснять ошибки теории, которая никогда не причиняла и, вероятно, никогда не причинит ни малейшего вреда ни в одной части земного шара. Все же я попытаюсь изложить так отчетливо, как могу, основные мысли этой весьма остроумной теории.

Кольбер, знаменитый министр Людовика XIV, был человеком честным, трудолюбивым и обладавшим знанием житейской практики, человеком большой опытности и сведущим в государственных финансах, отличавшимся, одним словом, способностями, во всех отношениях подходящими для установления метода и надлежащего порядка при собирании и расходовании государственных доходов. Этот министр, к несчастью, воспринял все предрассудки меркантилистической системы, являющейся по своей природе и сущности системой ограничений и стеснений; она не могла не быть по душе столь трудолюбивому и старательному деловому человеку, привыкшему заведывать различными отраслями государственного управления и устанавливать необходимые ограничения и контроль, чтобы удерживать каждую из них в предоставленной ей сфере. Промышленность и торговлю великой страны он пытался регулировать по тому же образцу, как и деятельность различных отраслей государственного управления, и вместо того, чтобы предоставить каждому человеку преследовать свои интересы по своему собственному разумению, при соблюдении равенства, свободы и справедливости, он наделял

одни отрасли промышленности чрезвычайными привилегиями, тогда как другие подвергался чрезвычайным стеснениям. Он не только был склонен, как и другие европейские министры, поощрять больше промышленность городов, чем промышленность деревни, но и обнаруживал даже стремление ради поддержки первой стеснять и задерживать развитие последней. Для того, чтобы сделать дешевыми для жителей городов предметы продовольствия и этим поощрять мануфактурную промышленность и внешнюю торговлю, он запретил вывоз хлеба и таким образом отнял внешний рынок у самого главного продукта труда жителей деревни. Это запрещение в соединении с стеснениями, установленными старинными провинциальными законами Франции при перевозке хлеба из одной провинции в другую, и с произвольными и невыносимыми налогами, взимаемыми с крестьян почти во всех провинциях, задерживало развитие земледелия этой страны и удерживало его на гораздо более низком уровне, чем оно естественно достигло бы при столь плодородной почве и столь благоприятном климате. Этот упадок и замедленное развитие земледелия ощущались более или менее во всех частях страны и вызвали многочисленные обследования причин этого. Одной из этих причин оказалось предпочтение, оказывавшееся мероприятиями Кольбера промышленности городов в ущерб хозяйственной деятельности деревни.

Если палка слишком перегнута в одну сторону, говорит пословица, для выпрямления ее следует настолько же перегнуть в другую сторону. Французские философы, предложившие систему, которая представляет земледелие единственным источником дохода и богатства каждой страны, усвоили, повидимому, мудрость этой пословицы. Если в плане Кольбера промышленность городов была несомненно переоценена в сравнении с земледелием, то в их системе она столь же несомненно недооценивается.

Они подразделяют на три класса все те различные группы населения, которые когда-либо считались участвующими в том или ином отношении в создании годового продукта земли и труда страны. Первый класс, это—собственники земли; второй класс составляют земледельцы, фермеры и сельскохозяйственные рабочие, которых они отличают специальным наименованием производительного класса; третий класс состоит из ремесленников, мануфактуристов и купцов¹, который они стараются принизить, прилагая к нему название бесплодного или непроизводительного класса.

Класс земельных собственников участвует в годовом продукте издержками, производимыми для улучшения земли, сооружения построек, осушительных работ, устройства ограждений и для других улучшений, которые они могут делать или поддерживать и благодаря которым земледельцы получают возможность, при том же капитале, собирать больший продукт, а следовательно платить бо-

¹ [У Смита термин «manufacturers» здесь и в дальнейшем охватывает как промышленных рабочих, так и предпринимателей.]

лее высокую ренту. Эту повышенную ренту можно рассматривать как процент или прибыль, причитающуюся землевладельцу за издержки или капитал, который он таким образом затрачивает на улучшение своей земли. Такие издержки эта теория называет поземельными издержками (*dépenses foncières*).

Земледельцы или фермеры участвуют в годовом продукте тем, что эта теория называет первоначальными и ежегодными издержками (*dépenses primitives et dépenses annuelles*), которые они производят для обработки земли. Первоначальные издержки состоят в сельскохозяйственных орудиях, в скоте, семенах и в содержании семьи самого фермера, рабочих и скота в течение, по крайней мере, большей части первого года ведения им хозяйства или пока он сможет получить что-нибудь с земли. Ежегодные издержки состоят в семенах, в снашивании орудий и в содержании в течение года рабочих фермера и его скота, а также и его семьи, поскольку некоторую часть членов ее можно считать рабочими, занятыми возделыванием земли. Та часть продукта земли, которая остается ему после уплаты ренты, должна быть достаточна, во-первых, для возмещения ему в непродолжительный срок, по крайней мере в течение срока его аренды, всей суммы его первоначальных издержек вместе с обычной прибылью на капитал, а во-вторых, для возмещения ему ежегодно всей суммы его ежегодных расходов, точно так же вместе с обычной прибылью на капитал. Эти две различных группы издержек представляют собою два капитала, затрачиваемых фермером при обработке земли, и если они не будут регулярно возмещаться ему вместе с умеренной прибылью на капитал, он не сможет вести свой промысел на одном уровне с другими промыслами; в своих собственных интересах он должен будет оставить его как можно скорее и поискать себе другого занятия. Та часть продукта земли, которая таким образом необходима для того, чтобы фермер мог продолжать свой промысел, должна почитаться неприкосновенным фондом земледелия; если землевладелец посягнет на него, он неизбежно уменьшит продукт с своей собственной земли и по прошествии немногих лет сделает для фермера невозможным уплачивать не только такую вадутую ренту, но и умеренную ренту, которую в противном случае он мог бы получать с своей земли. Рента, которая собственно принадлежит землевладельцу, не превышает чистого продукта, остающегося после оплаты сполна всех необходимых издержек, которые должны быть предварительно произведены, чтобы получить валовой или весь продукт. И на том основании, что чистый продукт этого рода, остающийся сверх полной оплаты всех этих необходимых издержек, доставляет именно труд землевладельцев, эта теория особо отличает этот класс людей под почетным наименованием производительного класса. По той же причине эта теория называет их первоначальные и ежегодные издержки производительными издержками, потому что, помимо возмещения своей собственной стоимости, они обуславливают ежегодное воспроизводство указанного чистого продукта.

Так называемые поземельные издержки или затраты, производи-

мые землевладельцем для улучшения его земли, тоже обозначаются этой теорией как производительные издержки. До тех пор, пока вся сумма этих издержек вместе с обычной прибылью на капитал не оплачена землевладельцу сполна повышенной рентой, получаемой им с своей земли, эта рента должна признаваться священной и неприкосновенной для церкви и короля и из нее не должно производиться вычетов на десятину или налоги. В противном случае, отбивая охоту к улучшению земли, церковь делает невозможным возрастание в будущем своей десятины, а король — получаемых им налогов. Так как, таким образом, при нормальном порядке эти поземельные издержки, помимо полного возмещения своей собственной стоимости, обуславливают также по истечении определенного промежутка времени воспроизводство чистого продукта, эта теория признает их производительными издержками.

Однако эта теория признает производительными только три вида издержек — поземельные издержки землевладельца, первоначальные и ежегодные издержки фермера. Все другие издержки и все другие классы населения, даже те, которые в обычных представлениях людей считаются самыми производительными, в этой характеристике общего положения вещей признаются бесплодными и непроизводительными.

Ремесленники и мануфактуристы в особенности, труд которых, согласно общераспространенному представлению, так значительно увеличивает стоимость сырого продукта земли, этой теорией изображаются как класс вообще бесплодный и непроизводительный. Их труд, говорит эта теория, только возмещает вместе с обычной прибылью тот капитал, который занимает их. Капитал этот состоит из материалов, орудий труда и заработной платы, авансированной им их предпринимателями, и представляет собою фонд, предназначенный для занятия их и содержания. Прибыль, приносимая их трудом, составляет фонд, предназначенный для содержания их предпринимателя. Их предприниматель, авансирующий им капитал в виде сырья, орудий труда и заработной платы, необходимых для их работы, вместе с тем авансирует самому себе то, что необходимо для его собственного содержания; последнее он обычно соразмеряет с прибылью, какую ожидает получить с цены их изделий. Если эта цена не оплачивает ему содержания, которое он авансирует самому себе, а также сырье, орудие труда и заработную плату, которые он авансирует своим рабочим, она, очевидно, не оплачивает ему всех произведенных им издержек. Прибыль на промышленный капитал не представляет собою поэтому, подобно ренте с земли, чистый продукт, остающийся после полной оплаты всех издержек, необходимых для получения ее. Капитал фермера приносит ему прибыль так же, как и капитал промышленного предпринимателя, но вместе с тем он приносит также ренту другому лицу, чего не делает капитал последнего. Таким образом, издержки, производимые для занятия и содержания ремесленников и мануфактуристов, только продолжают, так сказать, существование своей собственной стоимости и не произ-

водят никакой новой стоимости. Они являются поэтому бесплодными и непроизводительными издержками. Напротив того, издержки, производимые для занятия фермеров и сельскохозяйственных рабочих, помимо воспроизведения своей собственной стоимости, производят новую стоимость—ренту землевладельца. Они поэтому представляют собою производительные издержки.

Торговый капитал так же бесплоден и непроизводителен, как и капитал промышленный. Он только воспроизводит свою собственную стоимость, не производя никакой новой стоимости. Его прибыль представляет собою лишь оплату содержания, которое он авансирует себе на то время, в продолжение которого занимает этот капитал или пока получит доход от него. Она является лишь оплатой части издержек, которые необходимо произвести при употреблении этого капитала.

Труд ремесленников и мануфактуристов решительно ничего не добавляет к стоимости всего годового сырого продукта земли. Он, правда, значительно увеличивает стоимость некоторых отдельных частей его, но потребление других частей, которое он в это же время вызывает, в точности равняется стоимости, какую он добавляет к этим частям сырого продукта; в результате этого стоимость всей массы сырого продукта ни на один момент не увеличивается им ни в малейшей степени. Лицо, изготовляющее кружева для пары тонких манжет, например, иногда может повесить до 30 фунтов стерлингов стоимость мотка льняных ниток ценою в один пенни. Но хотя с первого взгляда кажется, что это лицо увеличило таким образом стоимость части сырого продукта в 7 200 раз, на самом деле оно ничего не добавляет к стоимости всей массы годового сырого продукта. Работа над этим кружевом, может быть, стоит ему двух лет труда. Тридцать фунтов, получаемые им по окончании этой работы, представляют собою не что иное, как возмещение тех средств существования, которые оно авансирует самому себе в течение двух лет, затраченных на работу. Стоимость, которую оно добавляет к стоимости льна за каждый день, месяц, год своего труда, только возмещает стоимость его собственного потребления за этот день, месяц или год. Таким образом, ни в какой момент оно ничего не добавляет к стоимости всей массы годового сырого продукта земли, поскольку доля продукта, непрерывно им потребляемого, всегда равна той стоимости, которую это лицо непрерывно производит. Крайняя бедность большей части лиц, занятых в этой дорогой, хотя и процветающей мануфактурной промышленности, служит доказательством для нас, что цена их труда по общему правилу не превышает стоимости их средств существования. Иначе обстоит дело с трудом фермеров и сельскохозяйственных рабочих. Рента землевладельца представляет собою стоимость, которую этот труд нормально производит сверх полного возмещения всего потребления, всех издержек, сделанных для содержания и занятия как рабочих, так и их предпринимателя.

Ремесленники, мануфактуристы и купцы могут увеличивать доход и богатство общества, членами которого они состоят, только по-

средством бережливости или, как выражаются авторы этой теории, посредством воздержания, т. е. отказываясь от части фондов, предназначенных для их содержания. Они воспроизводят ежегодно только эти фонды и ничего больше. Поэтому, если они не сберегают ежегодно некоторую часть их, если они не воздерживаются от потребления некоторой части этих средств существования, доход и богатство общества не могут ни в малейшей степени увеличиться в результате их труда. Фермеры и сельскохозяйственные рабочие, напротив, могут целиком потреблять фонды, предназначенные для их существования, и все же увеличивать в то же время доход и богатство общества. Сверх того, что необходимо для их существования, их труд ежегодно доставляет чистый продукт, увеличение которого необходимо увеличивает доход и богатство общества. Ввиду этого нации, которые, подобно Франции или Англии, состоят в значительной мере из землевладельцев и земледельцев, могут обогащаться трудом и потреблением. Напротив, страны или города, которые, подобно Голландии и Гамбургу, состоят преимущественно из купцов, ремесленников и мануфактуристов, могут богатеть только посредством бережливости и воздержания. Как различны интересы столь различных наций, так и различен общий характер их народов. У наций первого рода естественными чертами характера бывают щедрость, откровенность и веселость, тогда как вторые отличаются скупостью, мелочностью и эгоизмом и не любят никаких общественных развлечений и удовольствий.

Непроизводительный класс, класс купцов, ремесленников и мануфактуристов содержится и получает занятие за счет двух других классов: класса землевладельцев и класса земледельцев. Последние оба снабжают его материалами его труда и средствами существования, хлебом и скотом, которые он потребляет в то время, когда занят своим трудом. Землевладельцы и земледельцы в конечном счете оплачивают как заработную плату всех рабочих непроизводительного класса, так и прибыли всех их предпринимателей. Эти рабочие и их предприниматели являются, собственно, слугами землевладельцев и крестьян, с тем отличием, что они работают на стороне, тогда как прислуга работает в самом хозяйстве. Но те и другие одинаково содержатся за счет одних и тех же хозяев. Труд тех и других одинаково непроизводителен. Он ничего не прибавляет к стоимости общей суммы сырого продукта земли. Вместо того, чтобы увеличивать стоимость этой общей суммы, он представляет собою издержки, которые должны оплачиваться за ее счет.

Тем не менее, непроизводительный класс не только полезен, но и очень полезен для других двух классов. Благодаря труду купцов, ремесленников и мануфактуристов землевладельцы и земледельцы могут покупать нужные им заграничные товары и мануфактурные изделия своей собственной страны в обмен на продукт гораздо меньшего количества своего труда, чем то, которое они вынуждены были бы затрачивать, если бы пытались, неловко и неумело, сами ввозить первые или сами выделывать вторые для своего потребления. Благодаря непроизводительному классу земледельцы избавлены от мно-

гих забот, которые отвлекли бы их внимание от возделывания земли. Увеличенное количество продукта, которое они в состоянии получить с своей земли в результате такого сосредоточения своего внимания, вполне достаточно для оплаты всех издержек, которые вызывает содержание и занятие непроизводительного класса для землевладельцев или для самих земледельцев. Таким образом, хотя труд купцов, ремесленников и мануфактуристов по природе своей и непроизводителен, он все же косвенно содействует увеличению продукта с земли. Он увеличивает производительность производительного труда, обеспечивая ему возможность сосредоточиться на своем основном занятии—возделывании земли, и плуг нередко ходит легче и лучше, водимый рукой человека, специальность которого ничего общего с плугом не имеет.

Ограничение или стеснение в каком-либо отношении труда купцов, ремесленников и мануфактуристов никогда не может быть в интересах землевладельцев и земледельцев. Чем больше свобода, какую пользуется этот непроизводительный класс, тем больше будет конкуренция во всех различных промыслах, которыми он занимается, и тем дешевле будут оба класса получать иностранные товары и мануфактурные изделия своей собственной страны.

Непроизводительный класс никогда не может быть заинтересован в угнетении двух других классов. Содержание и занятие ему обеспечивает избыточный продукт земли или то, что остается за вычетом содержания, во-первых, земледельцев и, во-вторых, землевладельцев. Чем больше этот излишек, тем больше должно идти на содержание и занятие этого класса. Установление совершенного правосудия, совершенной свободы и полного равенства—вот тот совсем простой секрет, который наиболее действительным образом обеспечивает наибольшее преуспеяние всех трех классов.

Купцы, ремесленники и мануфактуристы тех торговых государств, которые, подобно Голландии и Гамбургу, состоят главным образом из этого непроизводительного класса, точно так же получают содержание и занятие за счет землевладельцев и земледельцев. Единственное отличие состоит в том, что эти землевладельцы и земледельцы в большинстве своем живут на очень отдаленном расстоянии от тех купцов, ремесленников и мануфактуристов, которых они снабжают материалами для их работы и средствами для их существования, а именно являются жителями других стран и подданными других правительств.

Все же эти торговые государства не только полезны, но и очень полезны для жителей этих других стран. Они заполняют в известной мере весьма важный пробел и заменяют тех купцов, ремесленников и мануфактуристов, которых жители этих последних стран должны были бы иметь у себя дома, но которых ввиду ошибочности своей политики они у себя дома не имеют.

Интересы этих земледельческих стран, если можно так назвать их, никогда не могут требовать стеснения или расстройств промышленности таких торговых государств посредством обложения высокими

пошлинами их торговли или товаров, которые они доставляют. Подобные пошлины, удорожая эти товары, могут вести только к понижению действительной стоимости избыточного продукта их собственной земли, на который или, что то же самое, на цену которого приобретаются эти товары. Подобные пошлины могут только задерживать увеличение этого избыточного продукта, а следовательно препятствовать улучшению и возделыванию их собственной земли. Напротив, наиболее действительным средством повысить стоимость этого избыточного продукта, поощрить его увеличение, а следовательно улучшение и возделывание их земли, будет допущение наиболее полной свободы торговли всех таких торговых наций.

Такая полная свобода торговли явится даже наиболее действительным средством для того, чтобы они обзавелись по прошествии известного времени всеми ремесленниками, мануфактуристами и купцами, которых у них не было в стране, чтобы заполнился самым подходящим и наиболее выгодным образом тот весьма важный пробел, который они до сих пор чувствовали.

Непрерывное увеличение избыточного продукта с их земли должно, по прошествии известного времени, образовать больший капитал, чем может быть употреблен с обычной нормой прибыли для улучшения и возделывания земли; излишек его естественно будет обращен на использование труда ремесленников и мануфактуристов внутри страны. И эти ремесленники и мануфактуристы, находя у себя в стране как материалы для своей работы, так и средства для существования, смогут сразу же, даже при меньшем умении и искусстве, работать так же дешево, как и такие же ремесленники и мануфактуристы упомянутых торговых государств, которым приходится привозить то и другое издалека. Если даже ввиду недостаточного умения и искусства они некоторое время не будут в состоянии работать так же дешево, все же они смогут, имея рынок у себя в стране, продавать на нем продукты своего труда не дороже изделий ремесленников и мануфактуристов торговых государств, которые могут быть доставлены на этот рынок только издалека. А когда их умение и искусство возрастут, они скоро смогут продавать свои изделия дешевле. Ремесленники и мануфактуристы таких торговых государств поэтому встретят соперников на рынке этих земледельческих наций, а вскоре затем будут побиваться ими и окажутся вообще вытесненными с этого рынка. Дешевизна мануфактурных изделий этих земледельческих наций, вследствие постепенного увеличения их умения и искусства, через некоторое время распространит их продажу за пределы внутреннего рынка и даст им доступ на многие иностранные рынки, из которых они точно так же постепенно вытеснят многие мануфактурные изделия торговых наций.

Такое непрерывное увеличение сырого продукта и мануфактурных изделий этих земледельческих стран через некоторое время создаст больший капитал, чем может быть употреблен с обычной нормой прибыли в земледелии или в мануфактурах. Излишек этого капитала естественно направится во внешнюю торговлю и будет упот-

реблен на вывоз в другие страны той части сырого продукта и мануфактурных изделий его собственной страны, которая превышает спрос внутреннего рынка. При вывозе продукта своей страны купцы земледельческой нации будут обладать тем же преимуществом перед купцами торговых наций, каким обладают ее ремесленники и мануфактуристы перед ремесленниками и мануфактуристами последних, — преимуществом находить у себя дома те грузы, запасы и предметы продовольствия, которые последним приходится добывать издалека. Поэтому, даже будучи менее опытны и умелы в мореплавании, они будут в состоянии продавать на иностранных рынках перевозимые ими товары столь же дешево, как и купцы торговых наций, а при одинаковой опытности и умелости они смогут продавать их дешевле. Поэтому они скоро смогут успешно соперничать с этими торговыми нациями в этой отрасли внешней торговли, а через некоторое время и совсем вытеснить их из нее.

Таким образом, согласно этой либеральной и великодушной теории, самым выгодным способом, каким земледельческая нация может создать у себя своих ремесленников, мануфактуристов и купцов, является предоставление самой полной свободы торговли ремесленникам, мануфактуристам и купцам всех других наций. Эта нация таким путем повышает стоимость избыточного продукта своей собственной земли, непрерывное увеличение которого постепенно создает фонд, вызывающий по прошествии некоторого времени появление нужных ей ремесленников, мануфактуристов и купцов.

Если же земледельческая нация, напротив того, стесняет высокими пошлинами или запрещениями ввоза торговлю иностранных наций, она неизбежно причиняет ущерб своим собственным интересам, и притом двумя различными путями: во-первых, повышая цену всех иностранных товаров и всякого рода мануфактурных изделий, она неизбежно понижает действительную стоимость избыточного продукта своей земли, на который или, что то же самое, на цену которого она покупает эти иностранные товары и мануфактурные изделия; во-вторых, давая своего рода монополию внутреннего рынка своим собственным купцам, ремесленникам и мануфактуристам, она повышает норму торговой и промышленной прибыли по сравнению с нормой земледельческой прибыли, а следовательно или отвлекает от земледелия часть капитала, до того вкладывавшегося в него, или противодействует притоку к нему той части капитала, которая в противном случае притекала бы к нему. Такая политика поэтому задерживает развитие земледелия двояким образом: понижением действительной стоимости его продукта, а следовательно и понижением нормы его прибыли, и, во-вторых, повышением нормы прибыли во всех остальных занятиях. Земледелие делается менее выгодным, а торговля и мануфактурная промышленность более выгодными, чем это было бы в противном случае, и интересы всех решительно людей побуждают их отвлекать, по возможности, свой капитал и свой труд от первого к последним.

Хотя при помощи такой притеснительной политики земледельческая нация окажется в состоянии создать у себя своих ремесленников, мануфактуристов и купцов несколько скорее, чем могла бы сделать это при свободе торговли (это, впрочем, подлежит немалому сомнению), все же она создаст их, так сказать, преждевременно и до того, как вполне созреет для них. Вызывая в жизни слишком поспешно один вид труда, она помешает развитию другого, более ценного вида труда. Вызывая слишком поспешно отрасль труда, которая только возмещает капитал, затрачиваемый на нее, вместе с обычной прибылью, она задержит развитие отрасли труда, которая, помимо возмещения этого капитала вместе с соответственной прибылью, дает также чистый продукт, ренту для землевладельца. Она будет сокращать производительный труд, слишком поспешно поощряя тот труд, который совершенно бесплоден и непроизводителен.

Каким образом, согласно этой теории, вся сумма годового продукта земли распределяется между тремя вышеназванными классами и каким образом труд непроизводительного класса только возмещает стоимость своего собственного потребления, ни в малейшей степени не увеличивая стоимости этой общей суммы, — это изображает Кенэ, очень талантливый и глубокий творец этой теории, в нескольких арифметических таблицах. Первая из этих таблиц, которую ввиду ее важности он специально выделяет, назвав ее «Экономической таблицей», изображает, как, по его предположению, происходит это распределение в состоянии наиболее полной свободы, а потому и наивысшего благосостояния, когда годовой продукт достигает таких размеров, что дает наибольший возможный чистый продукт, и когда каждый класс получает причитающуюся ему долю из всего годового продукта. Дальнейшие таблицы изображают, как, по его мнению, это распределение происходит при существовании ограничений и стеснений, когда класс землевладельцев, или бесплодный и непроизводительный класс, пользуется большим покровительством, чем класс земледельцев, и когда тот или другой из них посягает на большую или меньшую часть доли, которая должна была бы принадлежать этому производительному классу. Каждое такое посягательство, каждое нарушение этого естественного распределения, устанавливаемого при наиболее полной свободе, неизбежно должно, согласно этой теории, понижать в большей или меньшей степени из года в год стоимость и общие размеры годового продукта и неизбежно вести к постепенному уменьшению действительного богатства и дохода общества, — к уменьшению, которое должно происходить быстрее или медленнее в зависимости от того, насколько резко нарушено то естественное распределение, которое устанавливает наиболее полная свобода. Различные степени уменьшения соответствуют, согласно этой теории, различным степеням нарушения этого естественного распределения.

Некоторые врачи-доктринеры воображали, повидимому, что здоровье тела может быть сохранено только при соблюдении определенного точного режима диеты и упражнений, причем всякое малейшее на-

рушение его должно вести к какому-либо заболеванию или расстройству, причем серьезность их соответствует серьезности этого нарушения. Однако опыт, как кажется, свидетельствует, что человеческое тело часто остается, по крайней мере по видимости, в самом отличном состоянии здоровья при самых разнообразных режимах, даже при таких, которые обычно считаются далеко не здоровыми. Но в своем здоровом состоянии человеческий организм, повидимому, таит в себе самое некоторое неизвестное начало самосохранения, способное в некоторых отношениях предотвращать или исправлять скверные последствия даже очень неправильных режимов. Кенэ, который сам был врачом, и притом врачом теоретиком, держался, повидимому, такого же взгляда и относительно политического организма и воображал, что он может благоденствовать и процветать только при соблюдении определенного режима, режима полной свободы и совершенного правосудия. Он, очевидно, не принял во внимание, что в политическом организме естественные усилия, постоянно делаемые каждым отдельным человеком для улучшения своего положения, представляют собою начало самосохранения, способное во многих отношениях предупреждать и исправлять дурные последствия пристрастной и притеснительной политической экономии. Хотя такая политическая экономия, без сомнения, более или менее замедляет естественный прогресс нации в сторону богатства и процветания, она не всегда может совсем остановить его и еще меньше — заменить его попятным движением. Если бы нация не могла преуспевать, не пользуясь полной свободой и совершенным правосудием, на всем свете не нашлось бы нации, которая когда-либо могла бы процветать. Но мудрая природа, к счастью, позаботилась о том, чтобы заложить в политическом организме достаточно средств для исправления многих вредных последствий безумия и несправедливости человека, совсем так, как она сделала это с физическим организмом человека для исправления последствий его неосторожности и невыдержанности.

Однако главная ошибка этой теории состоит, как кажется, в изображении класса ремесленников, мануфактуристов и купцов как совершенно бесплодного и непроизводительного. Нижеследующие замечания должны показать неправильность такого изображения.

I. Этот класс, как это признается, воспроизводит ежегодно стоимость своего собственного годового потребления и сохраняет, по меньшей мере, тот запас или капитал, который содержит его и дает ему занятие. Уже в силу одного этого название бесплодного и непроизводительного совершенно неправильно применено к нему. Мы ведь не назовем брак бесплодным или непроизводительным, хотя бы он принес только сына и дочь, заменяющих отца и мать, и хотя бы он не увеличивал число особей человеческого рода, а только поддерживал его на прежнем уровне. Правда, фермеры и сельскохозяйственные рабочие сверх капитала, который содержит их и дает им занятие, воспроизводят ежегодно чистый продукт, ренту землевладельца. Подобно тому как брак, приносящий трех детей, несо-

мненно производительнее брака, приносящего только двух, так и труд фермеров и сельскохозяйственных рабочих несомненно производительнее труда купцов, ремесленников и мануфактуристов. Более значительная производительность одного класса не делает, однако, другой класс бесплодным и непроизводительным.

II. Ввиду этого представляется вообще неправильным рассматривать ремесленников, мануфактуристов и купцов в таком же свете, как и домашнюю прислугу. Труд домашней прислуги не продолжает существования фонда, который содержит ее и дает ей занятие. Она содержится и получает занятие исключительно за счет своих хозяев, и работа, которую она выполняет, не такого рода, чтобы возместить издержки. Работа эта состоит в услугах, следы которых исчезают в самый момент выполнения их; она не овеществляется или не реализуется в каком-либо могущем быть проданным товаре, который мог бы возместить стоимость ее заработной платы и содержания. Напротив того, труд ремесленников, мануфактуристов и купцов естественно овеществляется или реализуется в каком-нибудь таком товаре, который может быть продан. По этой именно причине в главе, в которой я говорю о производительном труде¹, я отнес ремесленников, мануфактуристов и купцов к производительным работникам, а домашнюю прислугу к бесплодному и непроизводительному классу.

III. Представляется со всех точек зрения неправильным утверждение, что труд ремесленников, мануфактуристов и купцов не увеличивает действительный доход общества. Если даже предположить, например, как это предполагается, повидимому, этой теорией, что стоимость ежедневного, месячного и годового потребления этого класса в точности равняется стоимости его ежедневного, месячного и годового производства, все-таки отсюда отнюдь не следует, что его труд ничего не добавляет к действительному доходу, к реальной действительной стоимости годового продукта земли и труда общества. Так, например, ремесленник, который в первые шесть месяцев после жатвы выполняет работу на 10 фунт. стерл., хотя и потребляет за это время хлеба и других предметов продовольствия на 10 фунт. стерл., на деле добавляет стоимость в 10 фунт. стерл. к годовому продукту земли и труда общества. Потребляя хлеб и другие предметы продовольствия на сумму полугодового дохода в 10 фунт. стерл., он выполняет работу такой же стоимости, на которую можно приобрести для него самого или для какого-нибудь лица такое же содержание в течение полугода. Поэтому стоимость того, что потреблено и произведено в течение этих шести месяцев, равняется не 10, а 20 фунтам. Конечно, вполне возможно, что в каждый данный момент налицо было не более 10 фунтов этой стоимости. Но если бы хлеб и другие предметы продовольствия стоимостью в 10 фунтов, потребленные ремесленником, были потреблены солдатом или домашней слугой, то стоимость той части годового продукта, которая существовала в конце шести месяцев, оказалась бы на 10 фунтов меньше

¹ [См. книгу вторую, главу третью.]

по сравнению с тем, что имеется на самом деле в результате труда ремесленника. Таким образом, хотя стоимость того, что производит ремесленник, не была бы признана превышающей то, что он потребляет, все же в каждый данный момент фактически существующая стоимость товаров на рынке, благодаря тому, что он производит, больше той, которая была бы, если бы он не работал.

Когда сторонники этой теории утверждают, что потребление ремесленников, мануфактуристов и купцов равняется стоимости того, что они производят, они наверное имеют в виду только то, что их доход или фонд, предназначенный для их потребления, равен тому, что они производят. Но если бы они выражались точнее и только утверждали, что доход этого класса равняется стоимости того, что он производит, читателю стало бы сразу ясно, что все естественно сберегаемое из этого дохода должно необходимо увеличивать в большей или меньшей степени действительное богатство общества. И поэтому, желая привести доказательство в пользу своего взгляда, они, по необходимости, должны были выразиться именно так, как сделали это; тем не менее, даже если предположить, что дело обстоит так, как они предполагали, этот их довод представляется весьма мало убедительным.

IV. Фермеры и сельскохозяйственные рабочие при отсутствии бережливости могут увеличивать действительный доход, годовой продукт земли и труда своего общества, не больше, чем ремесленники, мануфактуристы и купцы. Годовой продукт земли и труда любого общества может быть увеличен только двумя путями: во-первых, или посредством увеличения производительности полезного труда, выполняемого в нем, или, во-вторых, посредством увеличения количества этого труда.

Увеличение производительности полезного труда зависит прежде всего от повышения ловкости и умения работника, а затем от улучшения машин и инструментов, при помощи которых он работает. Но так как разделение труда ремесленников и мануфактуристов и сведение труда каждого работника к более простой операции можно проводить в большей степени, чем это возможно с трудом фермеров и сельскохозяйственных рабочих, то повышение производительности труда первых обоими указанными способами гораздо легче достижимо¹. В этом отношении класс земледельцев не может обладать решительно никаким преимуществом сравнительно с классом ремесленников и мануфактуристов.

Увеличение количества полезного труда, фактически затрачиваемого в данном обществе, должно зависеть вообще от увеличения капитала, который дает ему занятие, а увеличение этого капитала, в свою очередь, должно в точности равняться размерам сбережений из дохода тех лиц, которые определяют употребление этого капитала, или каких-либо других лиц, которые ссужают его им. Если купцы, ремесленники и мануфактуристы, как, повидимому, предполагает

¹ См. первую главу первой книги.

эта теория, естественно более склонны к бережливости и сбережению, чем землевладельцы и земледельцы, то, поскольку это так, они скорее могут увеличивать количество полезного труда, затрачиваемого в обществе, а следовательно и действительный доход общества, годовой продукт его земли и труда.

V. Хотя было предположено, — как это, повидимому, делает рассматриваемая теория, — что доход жителей каждой страны состоит исключительно из количества средств существования, которое им может дать их труд, однако, даже при таком предположении, доход торговой и промышленной страны, при прочих равных условиях, должен быть всегда больше, чем доход страны, не имеющей торговли и мануфактур. При помощи торговли и мануфактур в данную страну можно ежегодно ввозить большее количество средств существования, чем могли бы дать ее собственные земли при данном уровне ее сельского хозяйства. Хотя жители города часто совсем не имеют собственной земли, они все же посредством своего труда получают такое количество сырого продукта земли других людей, которое доставляет им не только материалы для их работы, но и фонд для их существования. Тем, чем всегда является город по отношению к окрестной земледельческой местности, часто может являться одна независимая страна или государство по отношению к другим независимым государствам или странам. Так, напр., Голландия получает большую часть своих средств существования от других стран: живой скот из Голштинии и Ютландии, а хлеб из всех стран Европы. На небольшое количество мануфактурных изделий можно покупать большое количество сырого продукта. Поэтому торговая и промышленная страна естественно покупает на небольшую часть своих мануфактурных изделий большую часть сырого продукта других стран, тогда как, напротив, страна, не обладающая мануфактурами и торговлей, обычно вынуждена покупать за счет значительной части своего сырого продукта совсем небольшую часть мануфактурных изделий других стран. Одна вывозит то, что может служить для существования и удобства очень немногих, и ввозит средства существования и предметы удобства для многих. Другая вывозит предметы удобства и средства существования для большого числа людей и ввозит их только для очень немногих. Жители первой страны должны всегда иметь в своем распоряжении гораздо большее количество средств существования, чем могут доставить им при данном уровне земледелия их собственные земли. Жители другой всегда должны обладать гораздо меньшим количеством их.

И все же изложенная теория, при всех ее несовершенствах, пожалуй, ближе всего подходит к истине, чем какая-либо другая теория политической экономии, до сих пор опубликованная. Ввиду этого она вполне заслуживает внимания каждого, желающего исследовать принципы этой весьма важной науки. Правда, изображая труд, затрачиваемый в земледелии, как единственный производительный труд, она отстаивает, пожалуй, слишком узкие и ограниченные взгляды, но поскольку она признает богатство народов

состоящим не в непригодных для потребления деньгах, а в предметах потребления, ежегодно воспроизводимых трудом общества, поскольку она признает полную свободу единственным действительным средством для обеспечения возможно больших размеров этого ежегодного воспроизводства, постольку ее учение, надо думать, во всех отношениях столь же истинно, сколь благородно и либерально. Эта теория имеет очень много последователей, и так как люди любят парадоксы и любят казаться понимающими то, что превосходит понимание простых смертных, то лежащий в ее основе парадокс о непроизводительном характере промышленного труда немало содействовал, быть может, увеличению числа ее поклонников. В последние годы они составляли в французском литературном мире довольно значительную школу, известную под названием «экономистов»¹. Их сочинения, без сомнения, оказали известную услугу их стране, не только выдвинув на общее обсуждение много вопросов, которые раньше никогда как следует не подвергались обсуждению, но и повлияв в некоторой степени на правительство в пользу сельского хозяйства. Так, в результате их представлений сельское хозяйство Франции было освобождено от ряда стеснений, от которых оно до того много терпело. Срок, на который земля могла сдаваться в аренду и с которым должен был считаться всякий будущий приобретатель или собственник земли, был удлиннен с 9 до 27 лет. Прежние стеснения при перевозке хлеба из одной провинции королевства в другую были совершенно отменены, свобода вывоза его во все иностранные государства была установлена как общий закон королевства при нормальных условиях. Эта школа в своих сочинениях, которые весьма многочисленны и обсуждают не только то, что собственно называется политической экономией, т. е. природу и причины богатства народов, но и все другие отрасли системы гражданского управления, буквально следует, не делая сколько-нибудь заметных отступлений, учению Кенэ. В этом отношении большая часть их сочинений мало различается между собою. Наиболее отчетливое и связное изложение этой теории можно найти в небольшой книге, написанной Мерсье де-ла-Ривьером, бывшим интендантом в Мартинике, и озаглавленной «Естественный и необходимый строй политических обществ»². Преклонение всей этой секты перед своим учителем, который сам был человеком величайшей скромности и простоты, не меньше того, какое питал любой из древних философов к основателю своей системы. «С самого возникновения мира, — говорит весьма прилежный и почтенный автор, маркиз Мирабо³, — были сделаны три великих изобретения, которые главным образом придали устойчивость политическим обществам, независимо от многих других изобретений, обогащавших и украшавших их. Первое из них, это — изобретение письма, которое одно дает людям способность передавать без изменений их законы,

¹ [Так называли себя обычно физиократы.]

² [Mercier de la Rivière, L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. Paris 1767.]

³ [Mirabeau, Philosophie rurale. 1763, vol. I, p. 52.]

их договоры, их предания и их открытия. Второе, это — изобретение денег, которые связывают воедино все сношения между цивилизованными обществами. Третье изобретение, это — «Экономическая таблица», результат первых двух, который завершает их, совершенствуя их задачу, великое открытие нашего века, плоды которого, впрочем, соберет наше потомство».

Если политическая экономия народов современной Европы больше благоприятствовала мануфактурной промышленности и внешней торговле, промышленности городов, чем сельскому хозяйству деревень, то политическая экономия других народов придерживалась противоположного направления и благоприятствовала больше земледелию, чем мануфактурной промышленности и внешней торговле.

Политика Китая благоприятствует сельскому хозяйству больше, чем всем другим промыслам. В Китае, как передают, положение крестьянина настолько же лучше положения ремесленника, насколько в большей части Европы положение ремесленника лучше положения крестьянина. В Китае заветная мечта каждого человека состоит в получении небольшого клочка земли в собственность или в аренду, и аренда, как утверждают, дается там на очень умеренных условиях и дает достаточно гарантий арендаторам. Китайцы проявляют мало уважения к внешней торговле. Ваша презренная торговля! — таким языком говорили о ней мандарины Пекина с русским посланником Де-Ланге¹. Если не считать торговли с Японией, китайцы сами и на своих собственных судах не ведут почти никакой внешней торговли; суда иностранных государств они даже допускают только в один или два порта своего государства. Поэтому в Китае внешняя торговля как на китайских судах, так и на судах других наций ограничивается гораздо более узким кругом, чем это было бы, если бы ей была предоставлена большая свобода.

Так как мануфактурные изделия при небольшом объеме обладают часто большой стоимостью и их поэтому возможно перевозить из одной страны в другую с меньшими издержками, чем большую часть сырых продуктов, то они почти во всех странах составляют главный предмет внешней торговли. Кроме того, в странах, менее обширных и обладающих менее благоприятными условиями для внутренней торговли, чем Китай, мануфактурная промышленность обыкновенно нуждается в содействии внешней торговли. Не имея обширного внешнего рынка, она не может процветать в небольших странах, представляющих собою слишком ограниченный внутренний рынок, или в таких странах, где сообщение между провинциями так затруднительно, что это делает невозможным для товаров одной местности пользоваться всем тем внутренним рынком, каким может служить вся страна. Следует помнить, что совершенство мануфактурной промышленности зависит вообще от разделения труда, а степень разделения труда, возможного в том или другом производстве, опре-

¹ См. дневник Ланге в «Путешествии» Белля, том II, стр. 258, 276, 293. [Смит имеет в виду книгу: John Bell, Travels from St. Petersburg in Russia to divers parts of Asia. 2 vol. Glasgow 1753.]

делается, как уже было показано, размерами рынка. Но громадные размеры Китайской империи, многочисленность ее населения, разнообразие климата, а следовательно и продуктов различных ее провинций и легкое сообщение водным путем между большей частью этих провинций делают внутренний рынок этой страны столь обширным, что его одного достаточно для существования очень крупных мануфактур и для проведения весьма значительного разделения труда. Внутренний рынок Китая, пожалуй, по своей обширности не многим уступает рынку всех стран Европы, взятых вместе. Более обширная внешняя торговля, которая к этому большому внутреннему рынку присоединила бы внешний рынок всего остального мира, в особенности, если бы значительная часть этой торговли велась на китайских судах, должна была бы повести к очень большому росту китайской мануфактурной промышленности и к значительному увеличению производительности последней. При более обширном мореплавании китайцы естественно научились бы применению и сооружению всех тех различных машин, которыми пользуются в других странах, а также другим усовершенствованиям в ремеслах и промышленности, применяемым во всех частях мира. При современном характере своего хозяйства они имеют мало возможностей улучшить его, беря пример с других наций, если не считать примера японцев.

Политика древнего Египта и правительства Индостана, повидному, тоже покровительствовала больше сельскому хозяйству, чем всем другим промыслам. Как в древнем Египте, так и в Индостане вся масса жителей разделялась на касты, из которых членам каждой было наследственно, от отца к сыну, предоставлено одно какое-нибудь занятие или род занятий. Сын жреца был обязательно жрецом, сын солдата — солдатом, сын крестьянина — крестьянином, сын ткача — ткачом, сын портного — портным и т. д. В обеих этих странах высшее положение занимала каста жрецов, вслед за нею шла каста воинов, и в обеих странах каста фермеров и крестьян была выше каст купцов и мануфактуристов.

Правительство обеих этих стран особенно внимательно относилось к нуждам сельского хозяйства. Сооружения, возведенные древними государями Египта для надлежащего распределения воды Нила, были знамениты в древности, и сохранившиеся развалины некоторых из них до сих пор еще вызывают изумление путешественников. Столь же грандиозными, хотя они и не так прославились, были, повидному, подобного же рода сооружения, возведенные древними государями Индостана для надлежащего распределения воды Ганга, а также многих других рек. В соответствии с этим обе эти страны, хотя иногда и терпели неурожай, были известны своим высоким плодородием. Хотя они и обладали чрезвычайно многочисленным населением, они все же могли в годы среднего урожая вывозить большие количества хлеба к своим соседям.

Древние египтяне питали суеверное отвращение к морю, а так как религия древних индусов не позволяет своим последователям зажигать на воде огонь, а следовательно и готовить пищу, то

фактически она этим запрещает им какие бы то ни было отдаленные морские путешествия. И египтяне и индусы при вывозе своего избыточного продукта должны были почти целиком зависеть от судоходства других народов; эта зависимость, ограничивая рынок, должна была задерживать возрастание этого избыточного продукта. При этом она должна была в большей степени задерживать возрастание мануфактурных продуктов, чем возрастание главнейших видов сырья. Первые требуют гораздо более обширного рынка, чем главнейшие виды сырого продукта земли. Один только сапожник изготовит за год более трехсот пар башмаков, а его собственная семья не сносит за это время наверное и шести пар. Поэтому, если у него нет в качестве заказчиков по крайней мере пятидесяти таких семей, как его собственная, он не может сбыть весь продукт своего труда. В обширной стране, даже при очень значительном развитии ремесла, число ремесленников редко составляет больше двух или одного процента числа всех семей, живущих в ней. Напротив, в таких больших странах, как Франция и Англия, число лиц, занятых в сельском хозяйстве, исчислялось некоторыми авторами в половину, другими — в треть и ни одним известным мне автором менее, чем в одну пятую всего населения страны. Но так как продукт сельского хозяйства Франции и Англии в преобладающей своей части потребляется внутри страны, то это значит, что каждое лицо, занятое в нем, должно, согласно этим расчетам, иметь своими покупателями несколько больше одной, двух или, самое большее, четырех таких семей, как его собственная, чтобы иметь возможность сбыть весь продукт своего труда. Таким образом, сельское хозяйство гораздо лучше, чем мануфактурная промышленность, может существовать при неблагоприятном условии ограниченного рынка. В древнем Египте и Индостане ограниченность внешнего рынка до известной степени возмещалась удобством внутреннего водного сообщения, благодаря которому весь внутренний рынок при самых выгодных условиях был открыт для всех решительно продуктов любого района этих стран. К тому же обширность Индостана делала внутренний рынок этой страны очень большим и достаточным для существования самых разнообразных отраслей мануфактурной промышленности. Напротив, небольшие размеры древнего Египта, который никогда не достигал размеров Англии, должны были во все времена делать внутренний рынок этой страны слишком ограниченным, чтобы обеспечивать существование большого числа разнообразных отраслей мануфактурной промышленности. Ввиду этого Бенгалия, провинция Индостана, которая обычно вывозит наибольшее количество риса, всегда более выделялась вывозом разнообразных мануфактурных изделий, чем вывозом своего зерна; напротив, древний Египет, хотя он и вывозил некоторые мануфактурные изделия, — в особенности тонкое полотно, — а также некоторые другие товары, всегда был больше известен своим большим вывозом хлебов. В течение продолжительного времени он являлся житницей Рима.

Государи Китая, древнего Египта и отдельных государств, на

которые в различное время разделялся Индостан, всегда извлекали весь свой доход или гораздо большую его часть из того или иного вида поземельного налога или земельной ренты. Этот поземельный налог или земельная рента, подобно десятине в Европе, состояла, как передают, в пятой части продукта земли, сдаваемой в натуре или уплачиваемой деньгами по определенной оценке, и таким образом изменялась в размере из года в год в зависимости от колебаний размеров валового продукта. Естественно поэтому, что государи этих стран с особым вниманием относились к интересам земледелия, от процветания или упадка которого непосредственно зависело ежегодное увеличение или уменьшение их собственного дохода.

Политика древних республик Греции и политика Рима, хотя она более ценила земледелие, чем мануфактурную промышленность или внешнюю торговлю, все же, повидимому, скорее затрудняла эти последние занятия, чем непосредственно или сознательно поощряла первое. В некоторых из древних государств Греции внешняя торговля была совершенно запрещена, а в некоторых других промысел ремесленников и мануфактуристов считался вредным для силы и ловкости человеческого тела, поскольку он делал его неспособным воспринимать те навыки, которые старались развить в нем при помощи военных и гимнастических упражнений, а потому и неспособным в большей или меньшей степени переносить утомление и опасности войны. Эти промыслы считались пригодными только для рабов, а свободным гражданам государства запрещалось заниматься ими. Даже в тех государствах, где не существовало такого запрещения, как, напр., в Риме и Афинах, масса народа фактически была отстранена от всех тех промыслов, какими в настоящее время занимается обычно низшие слои населения городов. Всеми этими промыслами в Афинах и в Риме занимались рабы богатей, причем занимались они ими в пользу своих хозяев, которые своим богатством, могуществом и влиянием делали почти невозможным для свободного бедняка найти рынок для продукта своего труда, когда последнему приходилось конкурировать с продуктами труда рабов богатого человека. Но рабы редко проявляют изобретательность; все более важные улучшения в орудиях труда или в порядке и распределении работы, которые облегчают и уменьшают труд, являлись открытиями свободных людей. Если бы даже раб предложил какое-либо улучшение подобного рода, его хозяин был бы склонен счесть это предложение внушенным леностью и желанием раба сократить свой труд за счет хозяина. Бедный раб вместо награды получил бы, вероятно, на свою долю град ругательств, а может быть и подвергся бы наказанию. Поэтому в мануфактурах, в которых работают рабы, обычно требуется больше труда для выполнения того же самого количества работы, чем в предприятиях, где применяется труд свободных рабочих. Труд первых должен ввиду этого обходиться дороже, чем труд последних. Как замечает Монтескье¹, венгерские рудники, хотя они и не богаче

¹ [Montesquieu, Esprit des loix. Книга XV, гл. 8.]

расположенных по соседству турецких рудников, всегда разрабатывались с меньшими издержками, а потому и с большей прибылью, чем последние. В турецких рудниках работали рабы, руки этих рабов являлись единственными машинами, которые турки когда-либо думали употреблять в дело. Венгерские рудники разрабатываются свободными людьми, которые применяют много различных машин, при помощи которых облегчают и уменьшают свой труд. Судя по тому немногому, что известно относительно цены мануфактурных изделий в эпоху греков и римлян, кажется, что изделия более высокого качества были чрезвычайно дороги. Шелк продавался на вес золота. Правда, в ту пору шелк не являлся европейским изделием, и так как он весь привозился из Ост-Индии, расход на перевозку на такое большое расстояние может в известной мере объяснять высоту его цены. Но цена, которую знатная женщина, по рассказам, готова была иногда платить за штуку очень тонкого полотна, равным образом была, повидимому, чрезвычайно высокой. А так как полотно всегда было европейским или, в крайнем случае, египетским продуктом, то такая высокая цена может быть объяснена только большой затратой труда, который надо было употребить на его изготовление, а чрезмерность затраты его, в свою очередь, могла вызываться только несовершенством применявшихся орудий труда. Цена тонких шерстяных материй, хотя и не столь высокая, все же, как кажется, намного превышала цену нынешнего времени. Плиний рассказывает нам, что некоторые материи, окрашенные особым образом, стоили 100 динариев, или 3 фун. 6 шилл. 8 пенс. за фунт по весу¹. Другие материи, окрашенные иным способом, стоили за фунт 1 000 динариев, или 33 ф. 6 ш. 8 п. Римский фунт, следует иметь в виду, содержал только 12 наших унций. Правда, такая высокая цена обуславливалась главным образом краской. Но если бы сама материя не стоила намного дороже материй, выделяемых в настоящее время, на нее, вероятно, не тратили бы столь дорого стоящей краски. Слишком велико было бы несоответствие между подсобным и основным материалом. Упомянутая тем же автором² цена некоторых триклинарий, особых шерстяных подушек, употреблявшихся для того, чтобы облокачиваться на них во время возложения за столом, превышает всякое вероятное: некоторые из них стоили будто бы более тридцати тысяч, другие — более трехсот тысяч фунтов. При этом не упоминается, чтобы такая высокая цена обуславливалась краской. Как замечает доктор Арбутнот³, в древние времена в одежде богатых людей обоего пола было гораздо меньше разнообразия, чем в настоящее время. И это замечание подтверждается весьма небольшим разнообразием одежды, какое мы видим на древних статуях. Арбутнот заключает из этого, что их одежда должна была в общем стоить дешевле, чем наша, но такое заключение совсем не вытекает из этого. Когда расход на изысканную одежду очень велик, ее разнообразие

¹ Plin., 1, IX, с. 39.

² Plin., 1, VIII, с. 48.

³ [John Arbuthnot, Table of ancient coins, weights and measures. 1754].

должно быть незначительно, но когда благодаря увеличению производительности труда и улучшению его методов стоимость того или иного предмета одежды оказывается умеренной, разнообразие становится естественно очень значительным. Богатые люди, не имея возможности отличиться дороговизной своей одежды, естественно будут стараться выделяться большим количеством и разнообразием своей одежды.

Самая значительная и наиболее важная отрасль торговли каждой нации, как это уже отмечено, это та, которая ведется между жителями города и жителями деревни. Жители города получают из деревни сырой продукт, который служит как материалом для их труда, так и фондом для их существования; они оплачивают этот сырой продукт тем, что посылают взамен в деревню некоторую часть своих мануфактурных и готовых для непосредственного потребления продуктов. Торговля, ведущаяся между этими двумя различными группами населения, выражается в конечном счете в обмене известного количества сырых продуктов на известное количество мануфактурных изделий. Поэтому чем дороже последние, тем дешевле первые, и все то, что в какой-либо стране ведет к повышению цены мануфактурных изделий, ведет вместе с тем к понижению цены сырого продукта земли и этим замедляет развитие земледелия. Чем меньше количество мануфактурных изделий, которое можно купить на данное количество сырого продукта или, что то же самое, на цену последнего, тем меньше побуждений может быть у землевладельца увеличить его количество улучшением земли, а у фермера — возделыванием ее. Кроме того, все, что ведет к уменьшению в стране числа ремесленников и мануфактуристов, ведет к уменьшению внутреннего рынка, наиболее важного из всех рынков для сырого продукта земли, и этим еще больше задерживает развитие земледелия.

Ввиду изложенного те теории, которые предпочитают сельское хозяйство всем другим занятиям и для поощрения его налагают стеснения на мануфактуры и внешнюю торговлю, действуют вразрез с той целью, которую ставят себе, и косвенно затрудняют развитие как раз того вида труда, которому хотя и содействовать. В этом они, пожалуй, еще более непоследовательны, чем даже меркантилистическая система. Эта последняя, поощряя мануфактурную промышленность и внешнюю торговлю больше, чем сельское хозяйство, отвлекает часть капитала общества от более выгодного к менее выгодному виду труда. Все же на деле и в конечном счете она поощряет именно тот вид труда, который имеет в виду поощрять. Указанные сельскохозяйственные теории, напротив, в конечном счете только задерживают развитие своей излюбленной отрасли труда.

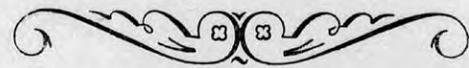
Таким-то образом всякая система, старающаяся чрезвычайными поощрительными мерами привлечь к какой-либо особой отрасли труда большую долю капитала общества, чем естественно направлялось бы к ней, или чрезвычайными стеснениями отвлекать от какой-нибудь отрасли труда ту долю капитала, которая без таких

стеснений была бы вложена в нее, в действительности поступает как раз обратно тому, к чему стремится. Она задерживает, вместо того чтобы ускорять, развитие общества в направлении к действительному богатству и величю и уменьшает, вместо того чтобы увеличивать, действительную стоимость продукта его земли и труда.

Таким образом, поскольку совершенно отпадают все системы предпочтения или стеснений, очевидно остается и утверждается простая и незамысловатая система естественной свободы. Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса. Государь совершенно освобождается от обязанности, при выполнении которой он всегда будет подвергаться бесчисленным обманам и надлежащее выполнение которой недоступно никакой человеческой мудрости и знанию, от обязанности руководить трудом частных лиц и направлять его к занятиям, более соответствующим интересам общества. Согласно системе естественной свободы, государю надлежит выполнять только три обязанности, правда, три обязанности весьма важного значения, но ясные и понятные для обычного разума: во-первых, обязанность ограждать общество от насилий и вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность ограждать, по мере возможности, каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить хорошее отправление правосудия; и, в-третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные сооружения и общественные учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них не сможет никогда оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу.

Надлежащее выполнение этих различных обязанностей государя необходимо предполагает известные издержки; эти издержки, в свою очередь, предполагают получение некоторого дохода для покрытия их. Поэтому в следующей книге я попытаюсь выяснить, во-первых, в чем выражаются необходимые издержки государя или государства, какие из этих издержек должны оплачиваться за счет взносов всего общества и какие — только некоторыми определенными его членами; во-вторых, каковы различные методы, посредством которых все общество может быть привлечено к участию в расходах, лежащих на все общество, и каковы главные преимущества и неудобства каждого из этих методов; наконец, в-третьих, каковы основания и причины, побудившие почти все современные правительства закладывать некоторую часть этого дохода или заключать займы; каково было влияние этих долгов на действительное богатство, на годовой продукт земли и труда общества. Следующая книга естественно распадается поэтому на три главы.

КНИГА V

О ДОХОДАХ
ГОСУДАРЯ
ИЛИ ГОСУДАРСТВА

У

Глава I

О РАСХОДАХ ГОСУДАРЯ ИЛИ ГОСУДАРСТВА

Отдел I. О расходах на оборону

Первой обязанностью государя является защита общества от насилия и посягательства со стороны других независимых обществ; она может быть выполнена только посредством военной силы. Однако расходы как на подготовку военной силы в мирное время, так и на использование ее во время войны весьма различны в разных состояниях общества, в разные периоды его развития.

У охотничьих народов, находящихся на самой низкой ступени развития общества, — что мы видим у туземных племен Северной Америки, — каждый мужчина является настолько же воином, насколько и охотником. Когда он идет на войну, защищать ли свое общество или мстить за ущерб, нанесенный ему другими обществами, он поддерживает свое существование своим собственным трудом, точно таким же способом, как и живя дома. Его общество, — в этом состоянии, собственно говоря, еще нет ни государя, ни государства, — не несет никаких расходов ни на подготовку его к походу, ни на содержание его в продолжение войны.

У пастушеских народов, находящихся на более высокой ступени развития, как, например, у татар или арабов, каждый мужчина точно так же есть воин. Такие народы обыкновенно не имеют постоянных жилищ, а живут в шатрах или крытых повозках, которые легко переносятся с места на место. Целое племя или народ меняет свое местоположение в зависимости от времен года и других случайных обстоятельств. Когда их табуны и стада уничтожают корм в одной части страны, они передвигаются в другую, а оттуда — в третью. В сухое время года они спускаются к берегам рек, а в дождливое уходят на возвышенности. Когда такой народ идет на войну, воины не доверяют своим стад слабой защите стариков, женщин и детей; их женщин, стариков и детей нельзя оставить без защиты и средств к существованию. Кроме того, народ, привыкший к скитальческой жизни в мирное время, легко передвигается и во время войны. Выступают ли они в поход как армия, кочуют ли они как пастухи, образ жизни их одинаков, хотя поставленные перед ними цели весьма

различны. Они идут на войну все вместе, и каждый делает свое дело, как может. У татар часто даже женщины вступают в бой. Если они побеждают, то все, принадлежащее побежденному племени, вознаграждает победителя; если они разбиты, то все теряют; не только их стада, но их женщины и дети становятся добычей победителя. Даже большая часть тех, кто пережил поражение, должна подчиниться победителю из-за отсутствия средств к существованию. Остальные обыкновенно рассеиваются в пустыне.

Повседневная жизнь, повседневные занятия готовят татарина или араба к войне. Бег, борьба, фехтование, метание дротика и стрельба из лука—обычное времяпровождение тех, кто живет на открытом воздухе, и все эти занятия копируют войну. Когда татарин или араб идет на войну, его существование поддерживается его стадами, которые движутся вместе с ним, как и в мирное время. Его вождь или государь,—ибо все эти народы имеют вождей или государей,—не несет никаких расходов по подготовке его к походу, а в походе только возможность грабежа является платой, которую воин может ожидать или требовать.

Армия охотничьего племени редко превышает две-три сотни человек. Ненадежное добывание средств существования, которые доставляет охота, редко позволяет большому количеству людей собираться вместе на продолжительное время. Армия же пастухов, напротив, может иногда достигать двух или трех тысяч человек. Поскольку ничто не останавливает их продвижения, они переходят из одной области, где уничтожен фураж, в другую, еще нетронутую, и, повидимому, трудно ограничить число их, которое может соединиться для похода. Охотничье племя не может внушать страха цивилизованному народу, живущему по соседству, а народ пастухов может. Ничто не может быть менее серьезным, чем индейские войны в Северной Америке. Напротив, ничего не может быть ужасней татарских нашествий, имевших место в Азии. Суждение Фукидида¹, что ни Европа, ни Азия не могут сопротивляться объединенным скифам, было подтверждено опытом всех последующих эпох. Обитатели обширных и незащищенных степей Скифии и Татарии быстро объединились под владычеством вожды нескольких победоносных орд или племен; опустошение и разгром Азии всегда были следствием такого союза. Обитатели негостеприимной Аравийской пустыни,—другой великий народ пастухов,—объединились только однажды при Магомете и его ближайших преемниках. Их объединение, бывшее скорее результатом религиозного энтузиазма, чем победы, ознаменовалось точно такими же следствиями. Если бы охотничьи народы Америки сделали когда-нибудь пастухами, их соседство было бы много опасней для европейских колонистов, чем в настоящее время.

На еще более высокой ступени развития общества, у землевладельческих народов, имевших небольшую внешнюю торговлю и не

¹ [Фукидид, том II. Смит, вероятно, пользовался Глазговским изданием 1759 г., экземпляр которого имелся в его личной библиотеке.]

обладавших никакой промышленностью, кроме грубой домашней, которою почти каждая отдельная семья занималась для удовлетворения собственных потребностей, точно так же каждый мужчина был воином или легко им становился. Те, кто живет земледелием, обыкновенно проводят целые дни на открытом воздухе, подвергаясь всем непогодам. Суровость их повседневной жизни подготавливает их к тяготам войны, со многими из которых их обычные занятия имеют большое сходство. Повседневная землекопная работа готовит их к рытью окопов, и они так же хорошо устраивают лагерь, как и огораживают свое поле. Обычные развлечения земледельца те же, что и пастуха, и точно так же напоминают о войне. Но земледельцы имеют меньше досуга, чем пастухи, и они не так часто предаются этим развлечениям. Они солдаты, но солдаты не так мастерски усвоившие свои приемы. Но так как они все-таки воины, то государь или государство редко несет расходы по их подготовке к походу.

Земледелие даже на самой низкой ступени развития предполагает поселение, некоторый род постоянного обиталища, которое не может быть оставлено без большой потери. Когда народ, состоящий из одних только земледельцев, отправляется на войну, он не может выступить в поход весь целиком. По крайней мере, старики, женщины и дети должны остаться дома, чтобы охранять жилища. Все мужчины военного возраста могут, разумеется, выступить в поход, и у малых земледельческих народов часто так и делается. Считается, что у каждого народа количество мужчин, способных носить оружие, ограничивается четвертой или пятой частью всего народа. Далее, если поход начинается после посева и кончается перед жатвой, то земледельец и его главные работники могут быть оторваны от хозяйства без больших потерь. Он знает, что работы, выполняемые в этот промежуток времени, могут быть довольно хорошо исполнены стариками, женщинами и детьми. Поэтому он согласен служить бесплатно в продолжение короткого похода, и поэтому часто расходы государя или государства на его содержание в походе бывают так же малы, как и на его подготовку. Граждане всех государств древней Герции, повидимому, несли таким образом военную службу до конца второй Персидской войны, а жители Пелопоннеса—до конца Пелопоннеской войны. Последние, как замечает Фукидид, оставляли поле летом и возвращались домой к уборке хлеба. Римляне в эпоху царей и в первый период республики служили таким же образом. Только во время осады Вейи те, кто оставался дома, начали нести некоторые расходы на содержание ушедших на войну. В европейских монархиях, возникших на развалинах Римской империи до и в первое время после возникновения собственно феодального строя, сеньеры с непосредственно зависевшими от них вассалами должны были служить королю на свой собственный счет. В походе, так же как и дома, они должны были содержать себя на свои собственные доходы, не получая от короля никакого жалования или платы на удовлетворение их личных потребностей.

На более высокой ступени общественного развития две различные

причины делают совершенно невозможным, чтобы отправившиеся в поход могли содержать себя на свой собственный счет. Эти две причины суть: прогресс мануфактурной промышленности и развитие военного искусства.

Если земледелец занят походом, то перерыв в его работах не всегда вызывает уменьшение его доходов, разумеется, если поход начинается после посева и кончается перед жатвой. Без его вмешательства природа сама делает большую часть работы, которая должна быть сделана. Но в тот момент, когда ремесленник, — кузнец, плотник или ткач, например, — отрывается от своей мастерской, источник его доходов совершенно иссякает. Природа ничего не делает за него; он все делает сам. Когда он идет в поход защищать общество, его необходимо должно содержать общество, так как он не имеет доходов для того, чтобы самому содержать себя. В стране, большая часть населения которой ремесленники и мануфактуристы, те, кто идет на войну, должны быть набраны из этих классов и должны, пока служат, содержаться на счет общества.

Когда искусство войны мало-помалу развилось в очень запутанную и сложную науку, когда исход войны перестал решаться, как в первобытные эпохи, единственной случайной схваткой или битвой, когда борьба стала протекать в нескольких различных кампаниях, каждая из которых продолжалась большую часть года, тогда повсюду возникла необходимость для общества содержать тех, кто ему служит на войне, по крайней мере, пока они заняты этой службой. Каково бы ни было обычное занятие людей, идущих на войну в мирное время, такая продолжительная и разорительная служба легла бы на них слишком тяжелым бременем. В соответствии с этим после второй Персидской войны армия Афин была составлена из наемных войск; правда, они состояли отчасти из граждан и только отчасти из иностранцев, но все они одинаково нанимались и оплачивались за счет государства. Со времени осады Вейи армии Рима получали плату за свою службу, пока они оставались в походе. В феодальном строе военная служба сеньеров и их непосредственных вассалов по истечении некоторого периода повсеместно была заменена уплатой денег на содержание тех, кто служил вместо них.

Количество людей, могущих идти на войну, по отношению к общему числу народа необходимо должно быть значительно меньше в цивилизованном обществе, чем на низкой ступени общественного развития. Так как солдаты в цивилизованном обществе содержатся трудом не-солдат, то количество первых не может превышать то, которое последние могут содержать сверх содержания самих себя и содержания чиновников соответственно их положению. В маленьких аграрных государствах древней Греции четвертая или пятая часть всего населения считала себя солдатами и, как говорят, иногда выступала в поход. Вычислено, что у цивилизованных народов новой Европы не больше чем одна сотая часть населения какой-либо страны может быть солдатами без разорения страны, оплачивающей расходы на их службу.

Расходы по подготовке армии к войне не были значительны до тех пор, пока содержание ее на войне не было окончательно передано государю или государству. Во всех республиках древней Греции обучение военным упражнениям было необходимой частью воспитания, предписанного государством всем свободным гражданам. Кажется, что в каждом городе были общественные места, в которых под председательством магистрата молодые люди учились различным упражнениям под руководством учителей. Этим простым институтом ограничивались, как кажется, все расходы, которые греческое государство несло на подготовку своих граждан к войне. В древнем Риме упражнения на Марсовом поле отвечали той же цели, как и упражнения в гимназиях древней Греции. В феодальном обществе в некоторых областях было постановлено, чтобы граждане практиковались в стрельбе из лука и других военных упражнениях, чем намеревались достигнуть той же цели, но, кажется, она достигалась не так хорошо. От отсутствия ли интереса к этим постановлениям со стороны чиновников, которые должны были наблюдать за их исполнением, или по каким-либо другим причинам, но только военные упражнения мало-помалу вышли из употребления у большей части народов.

В республиках древней Греции и Рима в продолжение всего их существования, а также при феодальном строе в продолжение значительного периода после его учреждения ремесло солдата не было отдельным, определенным ремеслом, которое составляло бы единственное или главное занятие особого класса граждан. Каждый член государства, каким бы ремеслом или занятием он ни добывал себе средства существования, при обыкновенных обстоятельствах считал себя способным к ремеслу солдата, а в чрезвычайных случаях считал себя обязанным стать солдатом.

Военное искусство, будучи благороднейшим из искусств, вместе с тем по мере прогресса культуры необходимо становится самым сложным среди них. Состояние механики, а также других искусств, с которыми военное искусство неразрывно связано, определяет степень его совершенства в данное время. Но для доведения его до этой степени совершенства необходимо, чтобы оно было единственным или главным занятием особого класса граждан; разделение труда также необходимо для его развития, как и в каком-либо другом искусстве. В других искусствах разделение труда естественно вводится благоразумием отдельных лиц, понимающих, что они лучше достигнут удовлетворения своих личных интересов, занимаясь одним каким-нибудь промыслом, чем несколькими. Но только благоразумие государства может сделать ремесло солдата отдельным ремеслом, отличным от всех других. Отдельный гражданин, который во время глубокого мира и без каких-либо поощрений со стороны общества был бы в состоянии проводить большую часть своего времени в военных упражнениях, без сомнения мог бы очень хорошо как усовершенствоваться в них, так и получить от них удовольствие; но, конечно, он этим не удовлетворил бы своих интересов. Только мудрость государства мо-

жет дать ему возможность в интересах государства предаваться этому специальному занятию, и государства не всегда имеют эту мудрость, даже когда обстоятельства, в которых они находятся, требуют для сохранения их существования, чтобы они обладали этой мудростью.

Пастух имеет очень много досуга; земледelec на низкой ступени развития земледелия имеет тоже некоторое количество досуга; ремесленник или мануфактурист не имеют его вовсе. Первый может без каких-либо потерь занять большую часть своего времени военными упражнениями; второй может занять ими некоторую часть своего времени; но последний не может занять ими ни единого часа без некоторых потерь, и естественно, что внимание, направленное к собственным интересам, заставляет его пренебрегать ими. Усовершенствование земледелия, необходимо вызываемое развитием искусств и мануфактурной промышленности, оставляет земледельцу так же мало досуга, как и ремесленнику. Военные упражнения так же сильно пренебрегаются жителями деревни, как и города, и весь народ становится невоинственным. В то же время богатство, которое всегда следует за улучшением земледелия и мануфактурной промышленности и которое в действительности является не чем иным, как накопленным продуктом этих улучшений, вызывает нападения соседних народов. Промышленный и благодаря своей промышленности богатый народ является для других народов наиболее желанным объектом нападения; и если только государство не предпримет новых мер для общественной защиты, естественные привычки народа сделают его совсем неспособным к собственной защите.

При этих обстоятельствах, как кажется, есть только два способа, которыми государство может сделать возможной подготовку общественной обороны.

Это может быть выполнено или, во-первых, средствами очень строгой власти, которая, пренебрегая целым рядом интересов, склонностей и привычек населения, насильно заставляет его заниматься военными упражнениями, а в военное время обязывает всех граждан или некоторую часть их соединять в известной мере их ремесло или профессию с ремеслом солдата.

Или, во-вторых, держа и занимая постоянными упражнениями известную часть граждан, государство может сделать ремесло солдата особым ремеслом, отдельным и отличным от всех других ремесел.

Если государство обращается к первому из этих двух способов, его военную силу, как говорится, составляет ополчение; если ко второму, то—регулярная армия. Практика военных упражнений есть единственное или главное занятие солдат регулярных войск, содержание которых или плату государство доставляет им как главный и повседневный источник их существования. Военная практика является только случайным занятием солдат ополчения, и главные источники своего существования они извлекают посредством других занятий. В ополчении характер рабочего, ремесленника или торговца преобладает над характером солдата; в регулярной армии характер солдата преобладает над всеми другими; и это различие составляет

существенную разницу между этими двумя разными родами военной силы.

Ополчения бывали различного типа. В некоторых странах граждане, предназначенные для обороны государства, подлежали, как кажется, только военному обучению, не будучи, если можно так выразиться, сформированы в полки, не будучи разделены на отдельные отряды, находящиеся под командой собственных постоянных офицеров. В республиках древней Герции и римской каждый гражданин, пока он оставался дома, занимался упражнениями или отдельно и независимо от других, или с теми из равных ему по положению, которые ему нравились больше; он не был прикреплен к какому-либо отряду войск до тех пор, пока его не призывали в поход. В других странах ополчение не только занималось упражнениями, но было и сформировано. В Англии, в Швейцарии и, я думаю, также в других странах новейшей Европы, где была организована несовершенная военная сила подобного рода, каждый ополченец, даже в мирное время, прикреплен к особому отряду, который выполняет свои упражнения под руководством своих собственных постоянных офицеров.

До изобретения огнестрельного оружия из двух армий превосходство было на стороне той, в которой каждый солдат в отдельности обладал большей ловкостью и искусством в употреблении своего оружия. Сила и ловкость человека имели величайшее значение и обыкновенно определяли судьбу сражений. Но эта ловкость и искусство в употреблении оружия приобретались таким же точно способом, как в фехтовании в настоящее время, не упражнениями больших отрядов, а упражнениями отдельных людей в специальных школах под руководством своих учителей или вместе с их личными товарищами и сверстниками. С изобретением огнестрельного оружия сила и ловкость человека и даже чрезвычайное искусство в употреблении оружия, хотя еще далеко не потеряли своего значения, все же имеют гораздо меньшее значение. Природа оружия, хотя и не уравнивает неуклюжего с ловким, делает разницу между ними гораздо меньшей, чем это было раньше. Полагают, что вся та ловкость и искусство, которые необходимы для употребления огнестрельного оружия, могут быть в достаточной степени приобретены посредством упражнений больших отрядов.

Регулярность, порядок и быстрое исполнение приказаний—таковы свойства, которые в современных армиях имеют большее значение для определения судьбы боя, чем ловкость и искусство солдат в пользовании своим оружием. Но шум, производимый огнестрельным оружием, дым и невидимая смерть, которой каждое мгновение подвергается каждый, как только он вступает в зону оружейного огня, часто долгое ожидание боя создают большие трудности для поддержания на значительной высоте этой регулярности, порядка и быстрого исполнения приказаний даже в начале боя. В древнем сражении не было шума, который превосходил бы человеческий голос, не было дыма, не было невидимой причины ран и смерти. Каждый до тех пор, пока смертельное оружие не приближалось действительно к нему,

видел ясно, что этого оружия близ него нет. При таких условиях в войсках, которые имеют некоторое доверие к своей ловкости и искусству в обращении с оружием, было значительно меньше трудностей в сохранении на некоторой высоте регулярности и порядка не только в начале, но и в течение всей древней битвы, пока одна из двух армий не бывала разбита. Но привычка к регулярности, к порядку и быстрому исполнению приказаний может быть приобретена только войсками, обучающимися в больших отрядах.

Во всяком случае ополчение, в какой бы степени оно ни было дисциплинировано и обучено, всегда должно быть более слабым в сравнении с хорошо дисциплинированной и хорошо обученной постоянной армией.

Солдаты, которые упражняются раз в неделю или раз в месяц, никогда не могут быть столь опытными в обращении с оружием, как войска, упражняющиеся ежедневно или через день; и хотя это обстоятельство не может иметь в новое время такого значения, какое оно имело в древности, однако признанное превосходство прусских войск, происходящее от их высокой опытности в упражнениях, показывает нам, что и в настоящее время, теперь, оно имеет очень большое значение.

Солдаты, которые обязаны повиноваться своему офицеру только раз в неделю или раз в месяц, а все остальное свое время могут устраивать свои собственные дела, как они хотят, без всякой ответственности перед ним, никогда не будут испытывать такого страха в его присутствии, никогда не будут иметь такой привычки к быстрому исполнению приказаний, как те, вся жизнь которых и поведение определяются им и которые каждый день встают и ложатся спать или, по крайней мере, расходятся по домам по его приказу. В том же, что называется дисциплиной, или в привычке быстро исполнять приказания, ополчение всегда должно еще более уступать постоянной армии, чем в упражнениях и умении пользоваться оружием. Но в современной войне привычка немедленно исполнять приказания имеет гораздо большее значение, чем значительное превосходство в умении владеть оружием.

Те ополчения, которые, подобно татарам или арабам, идут на войну под начальством тех же вождей, которым они привыкли повиноваться в мирное время, являются самыми лучшими. В почитании своих офицеров, в привычке к быстрому исполнению приказаний они подходят ближе всего к постоянным армиям. Ополчения шотландских горцев, когда они служат под начальством своих собственных вождей, имеют также некоторые преимущества того же самого рода. Но так как эти горцы—не кочующие пастухи, а все живут оседло, в постоянных жилищах, и так как они не привыкли в мирное время следовать за своими вождями с места на место, то они менее расположены следовать за ними в походы на значительное расстояние и на долгое время. Когда они захватывали какую-нибудь добычу, они стремились возвратиться домой, и их начальство редко было способно удержать их. В повиновении они стояли ниже того, что известно о татарах и ара-

бах. Так как шотландские горцы, при их оседлой жизни, проводят меньше времени на открытом воздухе, они менее привычны к военным упражнениям и менее опыты во владении своим оружием, чем татары и арабы.

Однако нужно заметить, что ополчение, проделавшее несколько последовательных военных кампаний, становится во всех отношениях похожим на постоянную армию. Солдаты, упражняющиеся ежедневно со своим оружием и постоянно находящиеся под командой своих офицеров, привыкают к такому же быстрому исполнению приказаний, какое имеет место в постоянных армиях. То, чем они занимались до начала войны, теперь имеет мало значения. Они необходимо уподобляются во всех отношениях постоянной армии после того, как провели несколько кампаний. Если война в Америке протянется еще одну кампанию, американское ополчение во всех отношениях не будет уступать той постоянной армии, которая во время последней войны¹ обнаружила не меньшую храбрость, чем самые закаленные ветераны Франции и Испании.

Поняв это различие, в истории всех эпох можно найти доказательства непреодолимого превосходства хорошо обученной постоянной армии над ополчением.

Одна из первых постоянных армий, насчет которой мы имеем известия в хорошо засвидетельствованной истории, есть армия Филиппа Македонского. Его постоянные войны с фракийцами, иллирийцами, фессалийцами и греческими государствами по соседству с Македонией мало-помалу образовали из его войск,—вероятно, вначале представлявших собой ополчение,—хорошо дисциплинированную регулярную армию. Во время мира, который наступал очень редко и никогда не продолжался долго, он заботился о том, чтобы не распускать свою армию. Последняя победила и покорила,—правда, после долгой и жестокой борьбы,—храбрые и хорошо обученные ополчения главных республик древней Греции и, после очень небольших усилий, изнеженное и плохо обученное ополчение великой Персидской империи. Падение греческих республик и персидской монархии было следствием непреодолимого превосходства регулярной армии над разного рода ополчениями. Это была первая великая революция в делах человечества, о которой история сохранила точное и обстоятельное известие.

Падение Карфагена и последующее возвышение Рима являются второй революцией. Изменения в судьбах этих двух знаменитых республик могут быть объяснены той же причиной.

От конца первой и до начала второй Пунической войны карфагенские армии были постоянно в походе под управлением трех великих военачальников, которые следовали в командовании один за другим: Гамилькара, его зятя Гасдрубала и его сына Ганнибала; сперва ими были усмирены восставшие рабы, затем покорены мятежные народы Африки и, наконец, завоевано великое государство Испания. Армия, которую Ганнибал повел из Испании в Италию, необхо-

¹ [Речь идет о войне 1756—1762 гг.]

димо должна была в этих войнах обратиться в хорошо дисциплинированную регулярную армию. Между тем, римляне, хотя и не пользовались полным миром, однако в этот период не были втянуты в большие войны, и их военная дисциплина, как говорится, была в значительной степени ослаблена. Римские армии, с которыми Ганнибал сражался при Требии, Тразименском озере и Каннах, были ополчением, противопоставленным регулярной армии. Вероятно, это обстоятельство, больше чем какое-либо другое, определило судьбу этих сражений.

Постоянная армия, которую Ганнибал оставил в Испании, имела подобное же превосходство над ополчением, посланным туда римлянами; в короткое время, под командой младшего Гасдрубала, брата Ганнибала, римляне были вытеснены почти из всей страны.

Ганнибалу плохо помогали из дому. Римское ополчение, находясь постоянно в походе, стало в течение войны хорошо дисциплинированной и хорошо обученной армией, и превосходство Ганнибала с каждым днем становилось меньше и меньше. Гасдрубал был поставлен в необходимость вести всю или почти всю армию, которой он командовал в Испании, на помощь брату в Италию. Говорят, что в этом походе он был сбит с пути своими проводниками; в незнакомой стране он был неожиданно атакован другой регулярной армией, во всех отношениях равной или даже превосходящей его армию, и был совершенно разбит.

Когда Гасдрубал оставил Испанию, Сципион Великий не нашел там никого, способного сопротивляться ему, кроме ополчения, более слабого, чем его собственное. Он разбил это ополчение, и в течение войны его собственное ополчение стало хорошо дисциплинированной и хорошо обученной регулярной армией. Эта регулярная армия была перевезена в Африку, где только ополчение могло противостоять ей. Для спасения Карфагена необходимо было отозвать регулярную армию Ганнибала. Последняя была пополнена лишенным бодрости духа, вследствие частых поражений, африканским ополчением, составившим в сражении при Заме большую часть войск Ганнибала. События этого дня определили судьбу двух соперничавших республик.

От конца второй Пунической войны и до падения римской республики армии Рима были во всех отношениях регулярными армиями. Регулярная армия Македонии оказала им значительное сопротивление. Риму, находившемуся на высочайшей ступени его величия, покорение этого небольшого государства стоило двух больших войн и трех великих сражений; завоевание, вероятно, было бы еще более трудным, если бы не малодушие последнего македонского царя. Ополчения всех цивилизованных народов древнего мира—Греции, Сирии и Египта—оказали только слабое сопротивление постоянным войскам Рима. Ополчение некоторых варварских народов защищалось гораздо лучше. Скифское или татарское ополчение, которое Митридат собрал в странах к северу от Черного и Каспийского морей, было самым страшным врагом, с которым сражались римляне со

времен второй Пунической войны. Парфянское и германское ополчения также представляли собою внушительную силу, которая при случае одерживала верх над римскими армиями. Вообще же, когда римские армии были под командой хороших полководцев, они всегда имели большие преимущества; и если римляне не завоевали окончательно Парфии или Германии, то, вероятно, потому, что не считали их достаточно ценными, чтобы присоединить их к и без того уже слишком большой империи. Древние парфяне были, кажется, народом скифского или татарского происхождения и всегда в значительной степени сохраняли обычаи своих предков. Древние германцы, подобно скифам или татарам, были народом кочующих пастухов, отправлявшимся на войну под начальством тех же вождей, за которыми они привыкли следовать в мирное время. Их ополчение было точно такого же рода, как ополчения скифов или татар, от которых они, вероятно, и происходили.

Много различных причин содействовало упадку дисциплины в римской армии. Может быть, чрезмерная жестокость была одной из этих причин. В дни величия Рима, когда не оказывалось врага, способного противиться ему, тяжелые латы вышли из употребления как ненужная тяжесть, трудными упражнениями пренебрегали как ненужным утомлением. С другой стороны, при римских императорах те воинские части, которые охраняли германскую и паннонскую границы, становились опасными для своих повелителей, против которых они часто восставали под командой своих военачальников. Чтобы сделать их менее опасными, по одним сведениям—Диоклетиан, а по другим—Константин сперва отозвал их с границ, где перед этим они всегда были соединены в большие отряды, обыкновенно по два или три легиона вместе, и затем разместил их маленькими отрядами по различным провинциальным городам, откуда их ни разу не перемещали, за исключением случаев, когда являлась необходимость отражать вторжение. Маленькие отряды солдат, квартирующие в торговых или ремесленных городах, редко передвигались из этих квартир, и солдаты превращались в торговцев, ремесленников и промышленников. Гражданский характер начал преобладать над военным; постоянные армии Рима мало-помалу превратились в развращенное, небрежное и недисциплинированное ополчение, неспособное сопротивляться нападению германского и скифского ополчений, нахлынувших вскоре после этого на Западную империю. Некоторое время императоры были еще способны защищаться только таким образом, что они нанимали ополчение одного из этих народов, чтобы бороться с другими. Падение Западной империи было третьей великой революцией в делах человечества, о которой древняя история сохранила точные обстоятельные указания. Она была закончена благодаря непреодолимому превосходству, которое варварские ополчения имеют над цивилизованными народами, которое ополчение пастушеского народа имеет над ополчением народа земледельцев, ремесленников и промышленников. Победы, выигранные ополчениями, обыкновенно были одержаны не над регулярной армией, а над

другими ополчениями, более слабо обученными и дисциплинированными. Так было в победах, одержанных греками над ополчениями Персидской империи, и так же было в позднейшие времена, когда швейцарское ополчение одержало верх над австрийцами и бургундцами.

Военные силы германских и скифских народов, которые утвердились на развалинах Западной империи, продолжали быть некоторое время точно такими же в их новых поселениях, как и в их прежней стране. Это были ополчения пастухов и земледельцев, которые во время войны шли в поход под командой тех же вождей, каким они привыкли повиноваться в мирное время. Они были поэтому сносно обучены и сносно дисциплинированы. Однако с развитием искусства и промышленности влияние вождей мало-помалу пришло в упадок, и у большей части народа оставалось меньше времени для военных упражнений. Поэтому дисциплина и военное обучение феодальных ополчений постепенно приходили в упадок и место ополчений постепенно заступали постоянные армии. При этом, когда один из цивилизованных народов вводил у себя постоянную армию, для всех его соседей становилось необходимым последовать его примеру. Они скоро увидели, что их безопасность зависит от этого и что их ополчение совершенно неспособно сопротивляться такой армии.

Солдаты регулярной армии, хотя бы они никогда не видели неприятеля, часто обнаруживали всю храбрость старых войск и с первого момента похода способны были противостоять самым выносливым и опытейшим ветеранам. В 1756 г., когда русская армия вступила в Польшу, смелость русских солдат оказалась не ниже, чем прусских, считавшихся в то время самыми выносливыми и опытейшими ветеранами Европы. Между тем, перед этим около двадцати лет русская империя пользовалась глубоким миром, и в это время она могла иметь очень мало солдат, когда-либо видевших неприятеля. Когда в 1739 г. разразилась испанская война, Англия пользовалась глубоким миром в течение двадцати восьми лет. Однако храбрость ее солдат далеко не была подорвана ее долгим миром и никогда не была столь отличной, как в попытке взятия Картагены, — в этом первом несчастном подвиге этой несчастной войны. Генералы, может быть, и могут во время долгого мира иногда терять свое искусство, но там, где содержится хорошо устроенная постоянная армия, солдаты никогда не теряют своей храбрости.

Когда цивилизованный народ в деле обороны полагается на ополчение, он в любое время может оказаться побежденным варварским народом, случайно оказавшимся по соседству с ним. Частые завоевания татарами всех цивилизованных стран Азии достаточно показывают превосходство ополчения варваров над ополчениями цивилизованных народов. Хорошо обученная постоянная армия превосходит всякое ополчение. Такая армия может содержаться лучше всего богатым и цивилизованным народом и в то же время только она может защищать такой народ от вторжения бедного варварского соседа. Поэтому только посредством постоянной армии можно продолжать и сохранять цивилизацию в течение значительного времени. Подобно

тому как только посредством хорошо обученной постоянной армии цивилизованная страна может быть защищена, так только при ее посредстве цивилизация может быстро проникнуть в варварскую страну. Постоянная армия с неодолимой силой утверждает закон государя в отдаленнейших провинциях империи и поддерживает до некоторой степени правильное управление в странах, которые в противном случае не допустили бы этого. Если кто-либо исследует со вниманием преобразования, введенные Петром Великим в России, тот увидит, что они почти все имели в виду учреждение хорошо обученной постоянной армии. Она — орудие, которое проводило и поддерживало все другие его мероприятия. Та степень порядка и внутреннего спокойствия, которой пользовалась с тех пор империя, всецело объясняется влиянием этой армии.

Люди республиканских убеждений относятся недоверчиво к постоянной армии как к опасной для свободы. Конечно, она бывает такой там, где интересы генерала и главных офицеров не связаны неразрывно с поддержанием существующего государственного устройства. Постоянная армия Цезаря уничтожила римскую республику. Постоянная армия Кромвеля разогнала Долгий парламент. Но там, где государь — сам генерал, где высшее и среднее дворянство страны составляет большую часть офицеров армии, где военная сила находится под командой тех, чей главный интерес в поддержании существующей власти, потому что они сами составляют большую часть этой власти, там постоянная армия не может быть опасной для свободы. Напротив, в некоторых случаях она может быть благоприятна для свободы. Устойчивость, которую она дает государю, делает ненужной беспоконную недоверчивость, которая в некоторых новых республиках, по видимому, следит за самыми мелкими делами и в любой момент готова нарушить спокойствие каждого гражданина. Где прочность гражданской власти, хотя бы и поддерживаемой большей частью населения страны, подвергается опасности в случае какого-либо народного недовольства, где небольшое волнение способно превратиться в несколько часов в большую революцию, вся власть правительства должна употребляться на подавление и наказание малейшего ропота и недовольства против нее. Напротив, государю, опирающемуся не только на приращенную аристократию, но и на постоянную регулярную армию, самые грубые, неосновательные и своевольные выступления доставляют мало тревоги. Он спокойно может прощать их или пренебрегать ими, и его собственное превосходство естественно располагает его так и поступать. Такая степень свободы, доходящая до своеволия, может быть терпима только в стране, где государь охраняется постоянной армией. Только в таких странах общественная безопасность не требует, чтобы государь на самом деле стал неограниченным властелином для подавления нелепой распущенности такой своевольной свободы.

Итак, первая обязанность государя — защита общества от насилия других независимых обществ — постепенно требует все больше и больше расходов, по мере того как общество развивается и цивилизуется.

Военная сила общества, которая первоначально не стоила ничего государю ни во время мира, ни во время войны, должна, по мере развития прогресса, содержаться им сперва во время войны, а потом и в мирное время.

Великий переворот, произведенный в военном искусстве изобретением огнестрельного оружия, еще более увеличил расходы как по обучению известного количества солдат в мирное время, так и по употреблению их во время войны. И оружие, и снаряжение их стало много дороже. Ружье—более дорогое оружие, чем дротик или лук и стрелы; пушка или мортира дороже, чем баллиста или катапульта. Порох, который тратится во время смотров, теряется безвозвратно, что является весьма значительным расходом; брошенные дротики и выпущенные стрелы в древности можно было подобрать, и притом они стоили очень немного. Пушка или мортира не только много дороже, но и много тяжелее, чем катапульта или баллиста, и требует больше расходов на изготовление и на перевозку их. Превосходство новой артиллерии над древней очень велико, и укрепить город так, чтобы он мог сопротивляться этой артиллерии хотя бы несколько недель, становится все более трудным и, следовательно, все более дорогим. В новое время много различных причин содействует тому, что защита общества стала более дорогой. В этом отношении неизбежным следствием переворота, произведенного в военном искусстве простой случайностью—открытием пороха, было огромное увеличение расходов вместе с естественным прогрессом.

В современной войне большие расходы на огнестрельное оружие дают очевидное преимущество народу, который больше в состоянии нести эти расходы, а следовательно народу богатому и цивилизованному над народом бедным и варварским. В древние времена народам богатым и цивилизованным было трудно защищаться от народов бедных и варварских. В новое время бедным и варварским народам трудно защищаться от народов богатых и цивилизованных. Изобретение огнестрельного оружия, сначала казавшееся столь вредным, на самом деле благоприятно для сохранения и распространения цивилизации.

Отдел II. О расходах на отправление правосудия

Вторая обязанность государя, а именно—защита, насколько это возможно, каждого члена общества от несправедливости и притеснения его другими членами общества, или обязанность установления точного отправления правосудия, также требует весьма различных расходов в разные периоды развития общества.

У охотничьих народов едва ли есть собственность или, по крайней мере, нет собственности, стоимость которой превосходила бы оплату двух-трех дней труда; поэтому у них редко встречаются судебные учреждения или правильное отправление правосудия. Люди, не имеющие собственности, могут наносить вред только личности или репутации друг друга. Но когда один человек убивает, ранит, бьет

или позорит другого, то хотя тот, кому нанесен вред, страдает, нанесший вред не получает от этого никакой выгоды. Иначе обстоит дело с нанесением вреда собственности. Выгода лица, наносящего вред, часто равна потерям того, кто этот вред терпит. Ненависть, злоба или месть являются чувствами, побуждающими одного человека наносить вред только личности или репутации другого. Но большая часть людей не очень часто поддается под влияние этих чувств; даже очень плохие люди поддаются им только по временам. Далее, так как удовлетворение этих чувств, как бы оно ни было приятно некоторым характерам, не сопровождается какими-либо реальными или постоянными выгодами, то большая часть людей удерживается от этого соображениями благоразумия. Люди могут, живя вместе в одном обществе, пользоваться некоторой умеренной степенью безопасности, хотя бы не было судебного учреждения, защищающего их от посягательств, вызванных этими чувствами. Но скупость и честность у богатых, а у бедных ненависть к работе и любовь к покою и удовольствиям—эти чувства побуждают посягать на собственность, чувства, гораздо более устойчивые в своем действии и гораздо более всеобъемлющие в своем влиянии. Где есть большая собственность,—там есть и большое неравенство. На одного очень богатого человека должно приходиться по меньшей мере пятьсот бедных, и богатство немногих предполагает нищету многих. Обилие богача возбуждает негодование бедняков, которые часто, гонимые нуждой и подгоняемые ненавистью, покушаются на его владения. Только под покровительством гражданских властей владелец ценной собственности, приобретенной трудами многих лет, а быть может и многих поколений, может ночью спокойно спать. Он всегда окружен неизвестными врагами, которых, хотя он их никогда не возбуждал, он удовлетворить не может и от насилия которых он может быть защищен только мощной рукой гражданских властей, всегда готовых наказать их. Поэтому возникновение ценной и большой собственности необходимо требует учреждения гражданского правительства. Где нет собственности или где, по крайней мере, собственность не превышает стоимости двух-трех дней труда, там существование правительства не необходимо.

Гражданское правительство предполагает некоторое подчинение. Но подобно тому, как нужда в таком правительстве постепенно усиливается вместе с приобретением ценной собственности, так и главные причины, которые естественно вызывают подчинение, также постепенно усиливаются вместе с ростом этой ценной собственности.

Причин или обстоятельств, которые вызывают подчинение или которые естественно, до установления гражданских учреждений, ставят некоторых людей несколько выше большинства их собратьев, всего четыре.

Первая из этих причин или обстоятельств есть превосходство личных качеств, силы, красоты и ловкости тела, мудрости и добродетели, благоразумия, справедливости, мужества, воздержанности и ума. Превосходство тела, не поддержанное превосходством ума,

во всяком периоде развития общества может дать лишь небольшую власть. Очень сильным человеком является уже тот, кто может принудить исключительно своей физической силой повиноваться себе двух слабых людей. [Только умственные способности могут дать очень большую власть.] Они, разумеется, представляют собою невидимые качества; они всегда спорны и обыкновенно оспариваются. Ни одно общество, будь то варварское или цивилизованное, не находило удобным устанавливать правила, определяющие степень преимуществ и подчинения в соответствии с этими невидимыми качествами, но выделяло для этого признаки более простые и очевидные.

Вторая из этих причин или обстоятельств есть преимущество возраста. Старик, если только он не жил так долго, чтобы впасть в слабоумие, всегда более уважается, чем молодой человек одинакового с ним положения, состояния и способностей. У охотничьих народов, как, например, у туземных племен Северной Америки, возраст есть единственное основание для положения и преимуществ. Среди них старшего называют отцом, равного — братом, а младшего — сыном. У самых богатых и цивилизованных народов возраст определяет ранг между теми людьми, которые во всех других отношениях равны друг другу и для которых поэтому ранг не может быть определен на основании какого-нибудь другого признака. Между братьями и сестрами старший обыкновенно получает преимущество; при наследовании отцовского состояния то, что не может быть разделено, а должно перейти к одному из них, как, например, титул, в большинстве случаев отдается старшему. Возраст есть простое и очевидное, не допускающее споров качество.

Третья из этих причин или обстоятельств есть преимущество состояния. Однако, хотя власть богатства велика на разных ступенях развития общества, она, быть может, наиболее велика на низших ступенях его развития, которые только допускают более или менее значительное имущественное неравенство. Татарский вождь, который на прирост своих стад и табунов может содержать тысячи людей, не может употребить своего дохода на что-либо другое, кроме содержания этих тысяч людей. Низкая ступень развития его общества не доставляет ему каких-либо промышленных продуктов или драгоценностей и предметов роскоши, на которые он мог бы обменять часть собственных сырых продуктов, которых производится во много раз больше, чем нужно для его собственного потребления. Тысячи людей, которых он таким образом содержит, всецело зависят от него в средствах к своему существованию, должны повиноваться его приказам на войне и подчиняться его юрисдикции в мирное время. Он непременно является и их полководцем, и их судьей, и его власть есть необходимое следствие превосходства его состояния. В богатом и цивилизованном обществе человек может обладать гораздо большим состоянием и, однако, не быть в состоянии командовать и диктовать тысячам людей. Хотя продуктов его поместья хватит для содержания более тысячи человек, — и возможно, что он их действительно содержит, — однако эти люди платят ему за то, что получают, и едва ли он дает

что-нибудь кому бы то ни было, не получив в обмен чего-либо равноценного; поэтому едва ли кто-нибудь считает себя всецело зависящим от него, и его власть простирается только на несколько домашних слуг. Тем не менее, власть богатства очень велика даже в богатом и цивилизованном обществе. То обстоятельство, что влияние богатства гораздо сильнее, чем влияние, зависящее от возраста или личных качеств, служит предметом постоянных жалоб во все периоды развития, характеризующиеся значительным имущественным неравенством. Первый период развития общества — охотничий — не допускает такого неравенства. Всеобщая бедность утверждает их всеобщее равенство; превосходство возраста или личных качеств является слабым, но единственным основанием власти и подчинения. Поэтому и нет ни большой власти, ни большой подчиненности в этот период развития общества. Второй — пастушеский — период развития общества допускает очень большое неравенство состояний, и нет другого периода, в котором богатство давало бы большую власть тому, кто владеет им. Поэтому нет периода, в котором власть и подчинение были бы так полно установлены, как в этом. Власть арабского шейха очень велика; власть татарского хана совсем деспотична.

Четвертая из этих причин или обстоятельств есть преимущество рождения. Преимущество рождения предполагает старинное превосходство богатства в семье лица, которое претендует на него. Все семьи одинаково древни; предки князя, хотя они лучше известны, не могут быть более многочисленны, чем предки нищего. Древность фамилии предполагает древность или богатства, или величия, которое обыкновенно основывается на богатстве или сопровождается им. Внезапно возникшее величие везде уважаются меньше, чем величие древней фамилии. Ненависть к узурпаторам и любовь к фамилии древних монархов в значительной степени основывается на пренебрежении, которое люди обыкновенно проявляют к первым, и уважении к последним. Как офицер охотно подчиняется власти старшего, который всегда ему приказывал, но не выносит, чтобы младший стал его начальником, так люди легко подчиняются семье, которой они и их предки всегда подчинялись, но загораются негодованием, когда какая-нибудь фамилия, превосходства которой они никогда не признавали, присваивает себе господство над ними.

Преимущества по рождению, поскольку они следуют за имущественным превосходством, не могут иметь места у охотничьих народов, у которых все люди, будучи равными в имущественном отношении, должны быть очень близки и к равенству в происхождении. Разумеется, сын умного и смелого человека даже и среди них более уважается, чем человек с такими же заслугами, но имеющий несчастье быть сыном дурака или труса. Тем не менее, различие не будет очень велико, и я полагаю, что никогда в мире не было такой важной семьи, блеск которой проистекал бы из наследования мудрости или добродетели.

Преимущества по рождению не только могут быть, но всегда имеют место у пастушеских народов. Такие народы всегда бывают

незнакомы с какой бы то ни было роскошью, и у них большое богатство едва ли может быть растрачено самой безрассудной расточительностью. Поэтому нет народов, у которых было бы большее обилие чтимых и уважаемых семейств, ведущих свое происхождение от длинного ряда великих и блестящих предков, потому что нет народов, у которых богатство оставалось бы так долго в одном и том же роду.

Очевидно, что происхождение и богатство представляют собою два обстоятельства, которые преимущественно ставят одного человека выше другого. Они—два великих источника личных преимуществ и, следовательно, они—главные причины, естественно устанавливающие власть и подчинение между людьми. У пастушеских народов обе эти причины действуют с полной силой. Богатый пастух или стадовладелец, уважаемый за свое богатство, за большое количество людей, зависящих от него в средствах существования, за благородство своего происхождения, незапамятную древность своей блестящей фамилии, естественно имеет власть над всеми младшими пастухами или стадовладельцами своей орды или племени. Он может командовать соединенной силой большего количества людей, чем они. Его военная мощь больше, чем у кого-либо из них. Во время войны они все скорее склонны собраться под его знаменем, чем под знаменем кого-либо другого; его происхождение и богатство естественно предоставляют ему своего рода исполнительную власть. Далее, командуя большим количеством людей, чем любой из них, он больше всех способен принудить того, кто нанес вред другому, исправить зло. Следовательно, он является тем лицом, к которому все те, кто чувствует себя слишком слабым, чтобы защищаться от насилия, обращаются за покровительством. Естественно, что ему жалуются на причиненные обиды, и лицо, на которое жалуются, скорее подчинится его вмешательству, чем вмешательству какого-либо другого лица. Так происхождение и богатство предоставляют ему своего рода судебную власть.

В пастушескую эпоху, т. е. во второй период развития общества, впервые появляется неравенство состояний и вводит между людьми некоторую степень власти и подчинения, которая не могла существовать прежде. Вследствие этого вводится некоторая степень гражданского управления, которое необходимо нужно для сохранения общества, и, кажется, это делается естественно, даже независимо от соображений о необходимости этого. Соображения об этой необходимости, без сомнения, являются впоследствии и тогда содействуют и поддерживают укрепление власти и подчинения. В особенности богатые люди неизбежно заинтересованы в поддержании того порядка вещей, который один может укрепить за ними обладание их преимуществами. Люди менее богатые соединяются с богатыми, чтобы защищать их собственность, с условием, что богатые соединятся с ними для защиты также и их собственности. Все малоимущие пастухи и стадовладельцы чувствуют, что безопасность их стад и табунов зависит от безопасности стад богатого пастуха или стадовладельца; что сохранение их меньшей власти зависит от его большей власти; что от их

подчинения его силе зависит удержание бедных в подчинении им самим. Они составляют род мелкого дворянства, которое заинтересовано в защите собственности и поддержании власти своего царька, чтобы он был в состоянии защищать их собственность и поддерживать их власть. Гражданское управление, поскольку оно учреждено для защиты собственности, на самом деле учреждено для защиты богатых от бедных или для защиты тех, кто имеет какую-либо собственность, от тех, которые совсем ее не имеют.

Как бы то ни было, а судебная власть такого государя не только не была причиной расходов, но долгое время была источником его дохода. Лица, которые обращались к его правосудию, всегда были согласны платить за него, и подарок всегда сопровождал прошение. Затем, после того как власть государя была окончательно установлена, лицо, найденное виновным, сверх удовлетворения противной стороны, принуждалось также к уплате пени государю. Он доставлял беспокойство, делал беспорядок, нарушал спокойствие своего господина и царя, и считали, что за это преступление с него причитается пени. В татарских государствах Азии и европейских государствах, основанных германскими и скифскими народами, разрушившими Римскую империю, отправление правосудия было значительным источником доходов как для государя, так и для младших вождей или вельмож, которые имели особую юрисдикцию в отдельном племени или клане или в отдельной области или округе. Первоначально и государь, и младшие вожди производили судопроизводство лично. Позднее всюду они нашли более удобным посылать вместо себя заместителей—чиновников или судей. Такой заместитель должен был все еще давать отчет своему государю и доверителю в прибылях от отправления правосудия. Кто прочтет инструкции¹, какие давались судьям, объезжавшим округа во время Генриха II, ясно увидит, что эти судьи были чем-то вроде странствующих приказчиков, рассылаемых королем по стране для сбора некоторых из королевских доходов. В эти дни отправление правосудия не только доставляло некоторый доход государю, но, кажется, добывание этого дохода было одной из главных выгод, которые он рассчитывал получить от отправления правосудия.

Такая система отправления правосудия, служившая целям добывания доходов, вызывала много различных грубых злоупотреблений. Лицо, обращавшееся к правосудию с большим подарком, получало больше, чем ему полагалось по праву, а лицо, дававшее маленький подарок, получало меньше. Далее, осуществление правосудия часто откладывалось, чтобы подарок был поднесен еще раз. С другой стороны, пени с лица, на которое приносилась жалоба, часто могла являться сильным соображением в пользу его обвинения, хотя бы в действительности оно было право. История каждой страны в Европе доказывает, что такие злоупотребления были далеко не редкостью.

¹ Их можно найти в «Истории Англии» Тирреля [James Tyrrrell, The General History of England. London 1770.]

Когда государь или вождь отправлял судебную власть лично, то как бы много он ни допустил несправедливостей, едва ли было возможно исправить их, потому что редко можно было найти кого-нибудь, кто был бы достаточно силен, чтобы призвать его к ответу. Когда же он отправлял правосудие посредством чиновника, исправления несправедливости иногда можно было добиться. Если чиновник преступно допускал какой-нибудь акт несправедливости только ради своей собственной выгоды, то государь мог иногда согласиться наказать его или принудить его заглянуть на несправедливость. Но если это принудительное действие совершалось для выгоды государя или в угоду лицу, доставившему чиновнику место и могущему доставить ему повышение, то исправление его было так же невозможно, как если бы его причинил сам государь. Поэтому во всех варварских государствах и, в частности, в тех государствах Европы, которые возникли на развалинах Римской империи, судебная администрация в течение долгого времени была чрезвычайно развращена—очень далека от справедливости и беспристрастия даже при лучших монархах и совершенно развращена при худших.

У пастушеских народов, где государь или вождь является только богатейшим пастухом—стадовладельцем племени или орды, он получает средства к существованию, как и любой из его подданных, от своих стад. У земледельческих народов, которые только что вышли из пастушеского периода и еще недалеко отошли от него,—какими были греческие общины около времени Троянской войны или наши германские и скифские предки, когда они впервые поселились на развалинах Западной империи,—государь или вождь является только богатейшим землевладельцем страны и существует, подобно всем другим землевладельцам, на доходы, притекающие от его собственного личного имени, или от того, что в новой Европе называется владениями короны. Его подданные в обыкновенных случаях ничего не платят ему, исключая тех случаев, когда вынуждены обращаться к его покровительству против притеснений их каким-либо другим его подданным. Подарки, которые они делают в таких случаях, составляют весь его доход, всю выгоду, которую он получает от своего господства над ними, исключая, может быть, некоторые, совершенно чрезвычайные случаи. Когда у Гомера Агамемнон, чтобы приобрести дружбу Ахиллеса, обещает ему семь греческих городов, единственная выгода, которую он обещает от владения ими, состоит в том, что граждане принесут ему дары. Пока такие подарки, доходы от отправления правосудия или, как их можно назвать, судебные пошлины составляли, таким образом, весь обыкновенный доход государя, извлекаемый им из своей власти, нельзя было ждать, даже неразумно было бы предположить, чтобы он совсем отказался от этого дохода. Можно было предлагать и часто предлагалось, чтобы он регулировал и устанавливал размер их. Но после того как они были регулированы и точно установлены, все-таки было очень трудно, если не сказать невозможно, воспрепятствовать всемогущему человеку увеличить их за определенные размеры. Поэтому, пока продолжалось такое по-

ложение вещей, едва ли можно было найти какое-либо действительное средство против развращенности правосудия, бывшей следствием произвольности и неопределенности этих подарков.

Но когда, вследствие различных причин, главным образом вследствие постоянно растущих расходов на защиту народа от вторжения других народов, личное имущество государя стало совершенно недостаточным для покрытия расходов государства, и когда стало неизбежным, чтобы народ, ради своей собственной безопасности, уплачивал эти расходы посредством разного рода налогов, стало весьма обычным договариваться, чтобы за отправление правосудия ни государь, ни чиновники, замещавшие его в качестве судей, не получали никаких подарков. Кажется, полагали, что много легче эти подарки уничтожить совсем, чем их урегулировать и ограничить. Определенное жалованье было назначено судьям, которое, как предполагалось, вознаграждало их за потерю их доли в прежних доходах от судопроизводства, подобно тому как налоги более чем вознаграждали государя за его потери. Суд, как тогда говорилось, должен производиться бесплатно.

Тем не менее, суд ни в одной стране в действительности не производился бесплатно. Адвокаты и стряпчие всегда оплачивались сторонами; если бы этого не было, они бы исполняли еще хуже свои обязанности, чем теперь. Ежегодные доходы стряпчих и адвокатов в каждой стране достигают большей суммы, чем жалованье судей. То обстоятельство, что жалованье последним уплачивается короной, нигде не может уменьшить неизбежных расходов процесса. Но этот порядок был введен не столько для уменьшения расходов, сколько для того, чтобы предупредить развращение суда, воспрепятствовав судьям получать подарки или взятки от тяжущихся сторон.

Должность судьи так почетна сама по себе, что люди склонны добиваться ее, хотя бы она доставляла очень малые доходы. Должность мирового судьи, хотя она сопряжена с большим беспокойством и в большинстве случаев не приносит никаких доходов, является предметом честолюбия большей части наших помещиков. Жалованье различных судей, высших и низших, вместе со всеми расходами на отправление правосудия и исполнение приговоров, составляет во всех цивилизованных странах,—даже тех, которые в своем управлении не соблюдают большой бережливости,—очень незначительную часть всех расходов государства.

Все расходы на отправление правосудия легко могут быть покрыты судебными пошлинами, и, не подвергая судебное управление какой бы то ни было опасности развращения, можно таким образом совершенно освободить общественный доход от этого, хотя бы и небольшого расхода. Действительно, трудно упорядочить судебные пошлины там, где лицо, столь могущественное, как государь, имеет в них долю и извлекает из них некоторую значительную часть своих личных доходов. Но это легко сделать там, где главным лицом, могущим получать некоторую выгоду от судебных пошлин, является судья. Закон легко может заставить судью уважать известные постановления, но он не

всегда может заставить государя уважать их. Там, где судебные пошлины точно установлены и ограничены, где они уплачиваются сразу в известный период процесса кассиру или сборщику, распределяющему их в некоторой известной пропорции между различными судьями лишь после того, как процесс решен, там, кажется, не больше опасности развращения суда, чем при полном запрещении таких пошлин. Эти пошлины, не причиняя значительного увеличения расходов на ведение процесса, могут быть вполне достаточными для покрытия целиком расходов судопроизводства. Если судьям не платят до того момента, когда процесс закончен, эти пошлины могут быть некоторой побудительной причиной для усердия суда в решении его. В судах, состоящих из большого количества судей, можно при помощи пошлин, соразмеряя долю каждого судьи с количеством часов и дней, употребленных им на разрешение процесса, в самом ли суде или в следственной комиссии по предписанию суда, дать некоторое поощрение усердию каждого отдельного судьи. Общественная служба никогда не исполняется лучше, чем в тех случаях, когда награда является следствием исполнения и соразмерна усердию, употребленному на него. В различных парламентах¹ Франции судебные пошлины (называемые *éripes et vocations*) составляют большую часть доходов судей. За всеми вычетами чистое жалованье, уплачиваемое короной советнику или судье Тулузского парламента, — по месту и достоинству второго парламента в королевстве, — достигает только ста пятидесяти ливров, т. е. около шести фунтов стерлингов одиннадцати шиллингов в год. Около семи лет тому назад такая же сумма в том же самом месте была обыкновенно годовым жалованьем простого лакея. Распределение этих *éripes* производится также соответственно усердию судей. Прилежный судья получает хороший, хотя и умеренный доход от своей должности, а ленивый получает немного больше своего жалованья. Эти парламенты, может быть, — не очень пригодные суды во многих отношениях, но они никогда не обвинялись, даже никогда не подозревались в подкупности.

Первоначально судебные пошлины были главным источником средств, на которые существовали различные судебные учреждения Англии. Каждый суд старался привлечь к себе так много дел, как только мог, и был склонен считать себе подсудными многие процессы, которые вначале не подлежали его юрисдикции. Так называемый Суд королевской скамьи, учрежденный только для разбора уголовных дел, присвоил себе подсудность и гражданских дел, ссылаясь на то, что ответчик, причиняя несправедливость истцу, совершает некоторый проступок или преступление. Суд казначейства, учрежденный только для собирания королевских доходов и принуждения к уплате долгов королю, присвоил себе подсудность над всеми долговыми обязательствами на том основании, что, по словам истца, он не в состоянии платить долги королю, так как ему не платит долгов

¹ [Парламентами в дореволюционной Франции назывались высшие судебные учреждения.]

ответчик. Вследствие таких уловок стороны получали во многих случаях возможность выбирать разные суды для решения своих дел, и каждый суд старался большей быстротой решения дела и беспристрастностью привлечь к себе как можно больше дел. Современное превосходное состояние судов в Англии получилось вначале, может быть, в значительной степени благодаря этому соревнованию, которое истари имело место между различными судьями; каждый судья старался в своем суде дать самое скорое и действительное средство, какое только допускалось законом, против разного рода беззакония. Первоначально гражданские суды за нарушение договоров приговаривали к уплате проторей и убытков. Суд канцелярии, как суд совести, первый принял на себя принуждение к выполнению обязательства. Когда нарушение договора состояло в неплатеже денег, причиненные убытки не могли компенсироваться иначе, как принуждением к платежу, что равносильно принуждению к точному исполнению обязательства. В таких случаях средство гражданского суда было достаточно. Но это было не так в других случаях. Когда арендатор обращался с жалобой в суд на своего лорда, несправедливо прогнавшего его с арендуемой земли, покрытие убытков было неравнценно владению землей. Поэтому такие дела на некоторое время перешли в суд канцелярии, к немалому ущербу для гражданских судов. Для того, чтобы привлечь к себе обратно такие дела, гражданские суды изобрели искусственный и фиктивный указ об отъезде во владении, самое действительное средство против несправедливого изгнания или лишения земли.

Гербовый сбор на бумаги судопроизводства в каждом отдельном суде, собираемый этим судом и употребляемый на содержание судей и других чиновников суда, может, таким образом, доставлять доход, достаточный для покрытия расходов на отправление правосудия, не обременяя собой общий доход государства. Правда, в этом случае у судьи может быть искушение ненужного увеличения количества бумаг по каждому делу ради возможного роста дохода от гербового сбора. В новейшей Европе был обычай платить поверенным и писцам суда по количеству страниц, какое нужно было написать; между тем суд требовал, чтобы каждая страница заключала в себе известное количество строк, а каждая строка известное количество слов. Ради увеличения платы поверенный и писцы без всякой нужды размножали слова и развращали судебный язык, я полагаю, во всех судах Европы. Такое же искушение развращения форм судопроизводства может иметь место в этом случае.

Но будет ли придумано средство, чтобы суд сам покрывал свои расходы, или судьи будут получать определенное жалованье, которое будет выплачиваться из какого-либо другого источника, необходимо, чтобы лицу или лицам, связанным с исполнительной властью, было доверено заведывание этим источником или уплата жалованья судьям. Таким источником может служить рента с земельных угодий, причем управление каждым угодьем предоставляется тому суду, который должен содержаться на его счет. Такой источник может

заключаться в процентах с капитала, которым точно так же распоряжается суд, содержащийся на эти средства. Часть, хотя и небольшая, жалования судей в Шотландии составляется из процентов на капитал. Неизбежная неустойчивость такого источника делает его, однако, непригодным для содержания учреждения, которое должно существовать вечно.

Отделение власти судебной от исполнительной вначале произошло, повидимому, от увеличения дел общества в результате его развития. Отправление правосудия стало делом настолько трудным и сложным, что требовало уже безраздельного внимания лица, которому оно было поручено. Так как лицо, которому вручалась исполнительная власть, не имело досуга заниматься разрешением частных дел, то вместо него назначался его заместитель, чтобы разрешать их. С ростом могущества Рима консул был слишком занят политическими делами государства, чтобы заниматься отправлением правосудия. Поэтому был назначен вместо него претор. При развитии европейских монархий, основанных на развалинах Римской империи, государи и феодалы везде стали считать отправление правосудия обязанностью и слишком трудной, и слишком неблагородной, чтобы исполнять ее лично. Поэтому они везде отказались от нее, назначая себе заместителей, управителей или судей.

Когда судебная и исполнительная власть соединены, представляется мало возможным, чтобы правосудие не приносилось часто в жертву тому, что обычно называют политикой. Лицо, обладающее исполнительной властью, может ради великих государственных интересов, даже не имея корыстных целей, иногда думать, что необходимо ради этих великих интересов пожертвовать правами частного лица. Но от беспристрастного отправления правосудия зависят свобода каждого отдельного человека и его чувство собственной безопасности. Для того, чтобы каждый отдельный человек чувствовал полную безопасность во владении всеми принадлежащими ему правами, не только необходимо отделение судебной власти от исполнительной, но необходимо судебную власть сделать насколько возможно независимой от власти исполнительной. Судья не должен быть увольняем от своей должности по капризу исполнительной власти. Регулярная уплата жалования судье не должна зависеть от доброй воли или даже от бережливости исполнительной власти.

Отдел III. О расходах на общественные работы и общественные учреждения

Третьей и последней обязанностью государя или государства является основание и содержание таких общественных учреждений и таких общественных работ, которые, будучи, может быть, в самой высокой степени полезными для обширного общества в целом, не могут, однако, своей прибылью возместить расходы отдельного че-

ловека или небольшой группы людей; поэтому нельзя ожидать, чтобы частное лицо или небольшая группа частных лиц основывала их или содержала. Выполнение этих обязанностей также требует очень различных расходов в различные периоды развития общества.

После общественных учреждений и общественных работ, необходимых для защиты общества и для отправления правосудия, которые уже были упомянуты, главными являются общественные учреждения и работы для содействия торговле общества и поощрения народного образования. Учреждения для образования бывают двух родов: для воспитания юношества и для образования людей всех возрастов. Для рассмотрения наиболее соответствующего способа ведения расходов на эти общественные работы и учреждения третий отдел настоящей главы будет разделен на три статьи.

Статья I. Об общественных работах и учреждениях для содействия торговле общества

О тех, которые необходимы для содействия торговле вообще

Очевидно без всяких доказательств, что основание и содержание таких общественных работ для содействия торговле любой страны, как хорошие дороги, мосты, судоходные каналы, гавани и т. п., должны требовать различных расходов в разные периоды развития общества. Расходы на прокладку и содержание общественных дорог, очевидно, должны увеличиваться вместе с ростом годового продукта земли и труда данной страны или с количеством и весом товаров, которые должны быть перенесены или перевезены по этим дорогам. Крепость моста должна соразмеряться с количеством и весом подвод, которые должны переезжать через него. Глубина судоходного канала и снабжение его водой должны соответствовать количеству и грузоподъемности барж, которые провозят по нему товары; размеры гавани—количеству судов, которые находят в ней убежище.

Повидимому, нет нужды, чтобы расходы на эти общественные работы покрывались из так называемых общественных доходов, сборание и употребление которых в большей части стран предоставлено исполнительной власти. Большую часть таких общественных работ легко можно вести так, чтобы получать специальный доход, достаточный для самостоятельного покрытия расходов на них, не отягощая общего дохода общества.

Например, шоссе, мост, судоходный канал могут в большинстве случаев и устраиваться, и содержаться за счет небольшого сбора с подвод, пользующихся ими; гавань—умеренным портовым потонным сбором с судов, нагружаемых или разгружаемых в ней. Чеканка монеты,—другое учреждение для содействия торговле,—во многих странах не только покрывает свои собственные расходы, но еще доставляет небольшой доход государю. Почта,—еще одно учреждение для той же самой цели,—сверх покрытия своих

собственных расходов почти во всех странах приносит очень значительный доход государю.

Когда подводы, проезжающие по шоссе или через мост, и баржи, плывущие по судоходному каналу, платят сбор пропорционально их весу или грузоподъемности, они платят на содержание этих общественных сооружений в точном соответствии тому изнашиванию и порче, которые они причиняют им. Повидимому, невозможно изобрести более справедливый способ содержания этих сооружений. Далее, хотя этот сбор или пошлина уплачивается подводчиком, в конечном счете он платится потребителем, которому присчитывается к цене товара. Так как расходы по перевозке очень сильно сокращаются благодаря этим общественным сооружениям, то, несмотря на пошлину, товары обходятся потребителю дешевле, чем если бы эти сооружения не были устроены; цена товаров не настолько возрастает от взимания пошлин, насколько понижается благодаря дешевизне перевозки. Лицо, уплачивающее этот налог, в конечном итоге выигрывает от его введения и употребления собранных сумм больше, чем теряет от уплаты его. Его уплата точно соответствует его выигрышу. В действительности же этот налог не что иное, как та часть дохода, которую он должен уплатить, чтобы получить остальное. Трудно представить себе более справедливый способ взимания налога.

Когда пошлины на роскошные экипажи, кареты, почтовые кареты и т. п. устанавливаются в более высокой пропорции к их весу, чем на экипажи, перевозящие предметы необходимости, — телеги, фургоны и т. п., леность и тщеславие богатых должны участвовать в оплате расходов для облегчения бедных, удешевляя перевозку тяжелых товаров во все части страны.

Если шоссе, мосты, каналы и т. п., таким образом, сооружаются и поддерживаются торговлей, которая ведется при посредстве их, то они могут быть сооружены только там, где торговля требует их и, следовательно, есть в них надобность. Их расходы, их величина и великолепие должны соответствовать тому, что может доставить торговля. Они, следовательно, должны быть сделаны так, как обычно принято их делать. Великолепная дорога не может быть сооружена в пустынной местности, где мало или совсем нет торговли, только потому, что она ведет к даче начальника провинции или к поместью вельможи, которому этот начальник хочет угодить. Большой мост не может быть переброшен через реку в том месте, где никому не нужно переправляться через нее, просто для украшения вида из окон соседнего замка; такие вещи случаются в странах, где подобные работы производятся за счет других доходов, а не тех, которые они могут доставить сами.

В некоторых странах Европы пошлины или шлюзные сборы на каналах являются собственностью частных лиц, которых личный интерес заставляет поддерживать каналы в надлежащем состоянии. Если такое лицо не содержит канал в надлежащем порядке, то навигация по нему прекращается совсем, а с ней вместе и вся прибыль,

которую доставляют пошлины. Если бы эти сборы были поставлены под управление лиц, не заинтересованных в них, они могли бы быть менее внимательны к производимым работам. Канал в Лангедоке стоил королю и провинции тринадцать миллионов ливров, которые (при двадцати восьми ливрах в марке серебра — такова была стоимость французских денег в конце прошлого столетия) в итоге равны сумме около девятисот тысяч фунтов стерлингов. Когда это огромное сооружение было закончено, то самым лучшим способом содержать канал в постоянном порядке сочли передачу пошлины Рике, инженеру, который составил план и провел всю работу. В настоящее время эти пошлины приносят очень большой доход различным ветвям семьи этого господина, которые поэтому сильно заинтересованы содержать канал в исправности. Но если бы эти пошлины были под управлением незаинтересованных лиц, последние, может быть, растратили бы их на украшение и ненужные расходы, в то время как главные части работы были бы доведены до разрушения.

Пошлины для содержания шоссейных дорог не могут быть безопасно переданы в собственность частного лица. Шоссе, хотя бы совершенно запущенное, не становится от этого совсем непроходимым, как канал. Собственники пошлин на шоссе могут совершенно не исправлять дороги и, тем не менее, продолжать собирать почти такое же количество пошлин. Поэтому самым удобным было бы передать сбор пошлин для содержания шоссе заведыванию комиссаров или чиновников.

В Великобритании очень часто и очень справедливо жаловались на злоупотребления, какие допускались чиновниками в заведывании этими пошлинами. На многих заставах, как говорят, взимают пошлин больше чем вдвое, сравнительно с тем, что необходимо для содержания дороги в полнейшем порядке, в то время как дороги очень часто исправляются чрезвычайно неряшливо, а иногда и вовсе не исправляются. Способ поддержания в порядке шоссе посредством взимания пошлин не очень старинный способ. Поэтому не удивительно, что он еще не доведен до возможной степени совершенства. Если для заведывания дорогами назначаются маленькие и неподходящие люди, если надзор и отчетность для контроля их действий и для доведения пошлин до размера, достаточного для производства необходимых работ, все еще не учреждены, то объяснением и оправданием этих недостатков служит новизна учреждения; со временем большая часть этих недостатков мало-помалу будет исправлена парламентом.

Полагают, что деньги, собираемые на разных заставах в Великобритании, достигают такой суммы, которая далеко превосходит необходимую для ремонта дорог и которая, при надлежащей экономии, как это было замечено даже некоторыми министрами, могла бы быть в тех или иных случаях употреблена на нужды государства. Правительство, как указывали, взяв в свои руки заведывание заставами и употребив солдат для работ с небольшой прибавкой к их жалованью, могло бы содержать дороги в хорошем состоянии и с гораздо меньшими расходами, чем частные лица, рабочие которых целиком

содержат себя на свою заработную плату. Утверждают, что огромный доход, — возможно полмиллиона, — может быть получен таким образом без какого-либо нового отягощения народа¹, и что дорожные заставы могут покрывать обычные расходы государства так, как почта покрывает их в настоящее время.

Я не спорю, что значительный доход мог бы быть получен таким образом, хотя, вероятно, не такой большой, как полагают составители проекта. Тем не менее, самый план вызывает несколько очень важных возражений.

Во-первых, если бы эти пошлины когда-либо стали считать одним из ресурсов для покрытия государственных нужд, то их, конечно, стали бы увеличивать, как только того потребовали бы эти нужды. Соответственно обычной политике Великобритании они, вероятно, очень скоро были бы увеличены. Легкость, с которой большой доход мог бы быть собран с них, вероятно, поощрил бы правительство очень часто обращаться к этому источнику. Хотя, может быть, и более чем сомнительно, чтобы при экономии можно было получить от этих пошлин полмиллиона при их настоящих размерах, но едва ли можно оспаривать, что можно собрать миллион, если их удвоить, или два миллиона, если их утроить². Затем этот доход мог бы собираться без назначения даже одного нового чиновника к прежнему количеству собиравших его; но заставные пошлины продолжали бы увеличиваться и таким образом вместо облегчения внутренней торговли страны очень скоро создали бы для нее большие затруднения. Расходы по перевозке тяжелых товаров из одной части страны в другую так возросли бы, следовательно рынок для всех этих товаров был бы так сильно ограничен, что их производство в значительной мере сократилось бы, и важнейшие отрасли отечественной промышленности были бы совсем уничтожены.

Во-вторых, налог на экипажи соответственно их весу, хотя и очень справедлив, когда взимается с целью ремонта дорог, очень несправедлив, когда направляется на другие цели или на удовлетворение общих нужд государства. Когда он обращен к единственной указанной выше цели, предполагается, что каждая повозка платит за ту порчу и изнашивание, которые она причиняет дороге. Когда же налог направляется к другим целям, то каждая повозка платит больше, чем за изнашивание и порчу дороги, и принуждается восполнять другие нужды государства. Но так как заставная пошлина повышает цену товаров пропорционально их весу, а не стоимости, то она оплачивается главным образом потребителями громоздких и простых товаров, а не дорогих и легких. Поэтому, какие бы нужды

¹ Со времени опубликования двух первых изданий этой книги я получил твердое основание полагать, что пошлины с застав, собираемые в Великобритании, не достигают полумиллиона, т. е. суммы, которая при управлении правительства была бы недостаточна для поддержания в порядке пяти главных шоссейных дорог королевства.

² В настоящее время я имею твердые основания полагать, что эти предположительные суммы слишком преувеличены.

государства ни намеревались покрывать этими пошлинами, они будут оплачиваться главным образом бедными, а не богатыми, за счет тех, кто наименее, а не тех, кто наиболее способен оплачивать их.

В-третьих, если бы правительство когда-нибудь стало пренебрегать исправлением шоссе, то его было бы еще труднее, чем в настоящее время, принудить к надлежащему употреблению для этого какой-либо части дорожных пошлин. Таким образом, большой доход собирался бы с народа без того, чтобы какая-либо часть этого дохода шла на удовлетворение той цели, ради которой этот налог собирается. Если благодаря бедности и низкому положению людей, заведывающих дорогами, трудно заставить их починять дороги в настоящее время, то богатство и могущество правительства сделали бы это в десять раз труднее.

Во Франции фонды, назначаемые для исправления шоссейных дорог, находятся под непосредственным управлением исполнительной власти. Эти фонды состоят отчасти из некоторого количества рабочих дней, которое обязано давать для исправления шоссе сельское население в большей части стран Европы, а отчасти из той доли общих доходов государства, которую король находит нужным уделить от других своих расходов.

По старому французскому закону, как и в других странах Европы, работа сельского населения находилась под управлением местных или провинциальных властей, которые не зависели непосредственно от королевского совета. Но при современной практике работа местного населения и средства, отпускаемые королем для исправления шоссе в отдельной провинции или округе, находятся целиком под управлением интенданта, чиновника, который назначается и увольняется королевским советом, получает от него приказания и постоянно переписывается с ним. При развитии деспотизма сила исполнительной власти постепенно поглощает всякую другую власть в государстве и принимает на себя управление всякой отраслью дохода, предназначенного для общественной цели. Большие почтовые дороги во Франции, по которым поддерживается сообщение между главными городами государства, обычно содержатся в большом порядке; в некоторых провинциях они даже значительно превосходят шоссейные дороги Англии. Но проселочные дороги, которые составляют большую часть дорог страны, обыкновенно заброшены и во многих местах совершенно непроходимы для тяжелых повозок. В некоторых местах они даже опасны для путешествия верхом, и мул представляет собою единственное перевозочное средство, которому не опасно довериться. Гордый министр пышного двора может часто находить удовольствие в великолепном и блестящем труде, как сооружение шоссе, которое часто видит знать, чье одобрение не только льстит его тщеславию, но и доставляет ему поддержку при дворе. Но выполнение большого количества мелких работ, которые не имеют блестящего вида и не вызывают ни в малейшей степени восхищения путешественника, одним словом, которые отличаются только своей чрезвычайной полезностью, является делом слишком мелким и нич-

тожным, чтобы заслужить внимание столь высокой особы. Под таким управлением такие работы, разумеется, почти всегда находятся в пренебрежении.

В Китае и в других государствах Азии исполнительная власть принимает на себя и постройку больших дорог, и содержание судоходных каналов. Как говорят, в инструкциях, которые даются начальнику провинции, постоянно предлагается следить за ними, и по вниманию, которое он обращает на эту часть своих инструкций, при дворе составляют себе суждение о его деятельности. Эта отрасль общественных дел, как говорят, пользуется большим вниманием во всех странах, но особенно в Китае, где большие дороги и еще более каналы превосходят все, что известно в этом роде в Европе. Сведения об этих трудах, однако, доставлялись в Европу обычно слабыми и пораженными удивлением путешественниками, а часто глупыми и лживыми миссионерами. Если бы эти сведения были проверены более трезвыми глазами и исходили от более надежных свидетелей, то они, вероятно, не представлялись бы столь удивительными. Описание сооружений такого рода в Индостане, даваемое Бернье¹, гораздо скромнее того, что было рассказано другими, более склонными к чудесному путешественниками. Далее, в этих странах, может быть, имеет место то же самое, что и во Франции, где большие дороги являются предметом разговоров при дворе в столице и пользуются вниманием, тогда как остальные дороги заброшены. В Китае, Индостане и других государствах Азии доход государя получается почти исключительно от земельного налога или земельной ренты, которая увеличивается или уменьшается с увеличением или уменьшением продукта земли. Поэтому важные интересы государя, его доход, неизбежно и непосредственно связаны с возделыванием земли, размерами ее продукта и с его стоимостью. Но чтобы возможно больше увеличить этот продукт и придать ему возможно большую стоимость, необходимо обеспечить ему возможно более обширный рынок и, следовательно, устроить свободные, самые легкие, самые дешевые пути сообщения между различными частями страны, что и достигается наилучшими дорогами и каналами. Но доход государя в Европе ни в одной стране не получается главным образом от земельного налога или земельной ренты. Возможно, что в конечном счете доход во всех больших королевствах Европы тоже зависит от продукта земли, но эта зависимость не является ни непосредственной, ни очевидной. Поэтому в Европе государь не чувствует себя заинтересованным так непосредственно ростом количества и стоимости продукта земли или содержанием хороших дорог и каналов, доставляющих обширный рынок этому продукту. Поэтому, если бы даже соответствовало истине, — что, как я думаю, несколько сомнительно, — что в Азии эта отрасль общественного дела превосходно управляется исполнительной властью, то нет ни малейшей вероятности при современном по-

¹ [F. Bernier, Voyages de François Bernier, contenant la description des Etats du Grand Mogol. 2 vol. Amsterdam 1699.]

ложении вещей, чтобы в какой-либо части Европы эта власть управляла бы ею сносно.

Даже те общественные сооружения, которые по природе своей не могут доставлять никакого дохода для их содержания, но выгоды которых ограничены некоторой отдельной местностью или округом, всегда лучше содержатся на местный или провинциальный доход под управлением местной и провинциальной администрации, чем на общий доход государства, которым всегда заведует исполнительная власть. Если бы лондонские улицы должны были освещаться и моститься за счет казначейства, была бы какая-либо вероятность, чтобы они были освещены и вымощены так хорошо и с такими небольшими расходами, как в настоящее время? С другой стороны, расход на них, вместо того, чтобы пополняться местным налогом на жителей каждой отдельной улицы, прихода или округа Лондона, покрывался бы в этом случае общим доходом государства и, следовательно, происходил от налога на всех жителей королевства, которым по большей части нет никакой пользы от того, освещены ли и вымощены ли улицы Лондона или нет.

Злоупотребления, которые по временам вкрадываются в местное или провинциальное управление местными или провинциальными доходами, как бы огромны они иногда ни были, тем не менее почти всегда оказываются ничтожными в сравнении с теми, которые обыкновенно имеют место в управлении и тратах доходов большого государства. С другой стороны, они могут быть гораздо легче исправлены. При местном или провинциальном управлении мировых судей в Великобритании шестидневная работа, которую сельское население обязано отдавать на исправление шоссежных дорог, применялась, возможно, не всегда очень справедливо, но едва ли когда-нибудь вынуждалась с жестокостью или притеснениями. Во Франции, под управлением интендантов, применение ее не всегда было справедливое, а принуждение к ней часто самое жестокое и стеснительное. Такие барщины, как они называются, являются одним из главных орудий тирании, которой эти чиновники подчиняют какой-либо приход или общину, имевшие несчастье подпасть под их немилость.

Об общественных работах и учреждениях, необходимых для поощрения отдельных отраслей торговли

Целью общественных работ и учреждений, о которых говорилось выше, было поощрение торговли вообще. Но для поощрения отдельных отраслей ее необходимы некоторые особые учреждения, которые, в свою очередь, требуют специальных и чрезвычайных расходов.

Некоторые отдельные отрасли торговли, которые ведутся с варварскими и нецивилизованными народами, требуют чрезвычайного покровительства. Обыкновенный склад или контора может давать малую безопасность товарам и купцам, торгующим на западном берегу Африки. Для ограждения их от варварских туземцев необходимо, чтобы места, где товары находятся на складе, были до извест-

ной степени укреплены. Беспорядки в управлении Индостана делают необходимой подобную предосторожность даже среди этого кроткого и мягкого народа; под предлогом защиты людей и товаров от насилия Английская и Французская остиндские компании получили разрешение возвести первые форты, которыми они обладают в этой стране. У других народов, чье сильное правительство не потерпит, чтобы иностранцы обладали каким-либо укрепленным местом на их территории, может оказаться необходимым содержать посланника, консула или дипломатического агента, который благодаря своему официальному положению с большим авторитетом мог бы разрешать споры между своими земляками в согласии с их обычаями, а также вмешиваться в их споры с туземцами и давать им более могущественную защиту, чем какое-либо частное лицо. Интересы торговли часто заставляли содержать посланников в странах, где политические цели не требовали этого. Торговля Турецкой компании была первой причиной назначения постоянного посла в Константинополе. Первые английские посольства в Россию тоже вызывались только торговыми интересами. Постоянные столкновения интересов, неизбежно возникающие между подданными различных государств Европы, вероятно, ввели обычай содержания даже в мирное время постоянных посланников во всех соседних странах. Этот обычай, повидимому, неизвестный в древние времена, не старше конца пятнадцатого или начала шестнадцатого столетия, т. е. того времени, когда торговля впервые начала охватывать большую часть народов Европы и когда впервые ее интересы начали привлекать к себе внимание.

Кажется небезосновательным требование, чтобы чрезвычайный расход, причиняемый покровительством отдельной отрасли торговли, покрывался умеренным налогом на эту же отрасль; например—умеренным взносом, уплачиваемым купцами, когда они вступают в нее; или, что более справедливо, пошлиной в размере определенного процента с товаров, ввозимых или вывозимых ими из стран, с которыми ведется эта торговля. Говорят, что защита торговли от пиратов и каперов была причиной первоначального введения таможенных пошлин. Но хотя вполне правильно налагать на общую торговлю налог для покрытия расходов по общему ей покровительству, казалось бы также правильным облагать особым налогом отдельные ветви торговли для покрытия чрезвычайных расходов, вызванных покровительством этим отраслям.

Общее покровительство торговле всегда считалось крайне важным и для защиты государства и составляло поэтому неотъемлемую часть обязанностей исполнительной власти. Поэтому сбор и расходование общих таможенных пошлин всегда было предоставлено этой власти. Но покровительство какой-либо отдельной отрасли торговли есть часть покровительства торговле вообще, а следовательно также составляет часть обязанностей исполнительной власти, и если бы народы всегда поступали последовательно, то специальные пошлины, взимаемые для этого специального покровительства, тоже всегда оставались бы в ведении исполнительной власти. Но в этом отношении,

как и во многих других, народы поступали не всегда последовательно, и в большей части торговых государств Европы отдельные компании купцов ухитрялись убедить законодательную власть доверить им выполнение этой части обязанностей государя вместе со всей той властью, которая с этим неизбежно связана.

Эти компании, хотя и могли быть полезными благодаря тому, что впервые вводили некоторые отрасли торговли и делали за свой счет опыты, которые государство не находило благоразумным делать, в конце концов везде доказали свою обременительность или бесполезность, везде расстроили или стеснили торговлю.

Когда эти компании торгуют не на акционерный капитал, но обязаны допускать после уплаты известного взноса любое лицо, удовлетворяющее определенным требованиям и согласное подчиняться правилам компании,—причем каждый член торгует на свой собственный капитал и риск,—такие компании называются привилегированными компаниями. Когда компании торгуют на акционерный капитал, причем каждый член ее участвует в прибылях или потерях пропорционально своей доле в этом капитале, они называются акционерными компаниями. Эти компании, привилегированные или акционерные, иногда имели исключительные привилегии, а иногда не имели их.

Привилегированные* компании во многих отношениях сходны с ремесленными корпорациями, столь обычными в городах разных стран Европы, и представляют вид расширенной монополии того же рода. Как житель города не может заниматься ремеслом корпорации без вступления в нее, так во многих случаях подданный государства не может законно заниматься той отраслью торговли, для которой учреждена привилегированная компания, не вступив в члены последней. Монополия эта более или менее строго проводится соответственно большей или меньшей трудности вступления, большому или меньшему влиянию директоров компании или большей или меньшей власти их управлять компанией таким образом, чтобы большая часть торговли сосредоточивалась в их руках или в руках их личных друзей. В самых старых привилегированных компаниях привилегии ученичества были те же, что и в других корпорациях, и давали право вступать в члены лицу, прослужившему установленное время у члена компании, без уплаты вступительного взноса или с уплатой гораздо меньшего взноса, чем тот, который взыскивался с посторонних людей. Обычный корпоративный дух там, где закон не сдерживает его, господствует в привилегированных компаниях. Когда им позволяли поступать согласно их естественным склонностям, они всегда ради ограничения соперничества возможно малым количеством лиц старались подчинять торговлю многим обременительным постановлениям. Когда же закон лишил их возможностей делать это, они стали совсем бесполезными и бессильными.

Привилегированные компании для иностранной торговли, существующие в настоящее время в Великобритании, таковы: старинная компания купцов-авантюристов, теперь называемая обыкновенно Гам-

бургской компанией, Российская компания, Восточная компания, Турецкая компания и Африканская.

Утверждают, что теперь вступление в Гамбургскую компанию очень легко; директора ее или не имеют права стеснять торговлю обременительными ограничениями или постановлениями, или, по крайней мере, не пользуются в последнее время этим правом. Но не всегда было так. Около середины минувшего столетия вступительный взнос равнялся пятидесяти, а одно время ста фунтам стерлингов, и управление компанией было чрезвычайно стеснительно. В 1643, в 1645 и в 1661 гг. суконщики и свободные торговцы Западной Англии жаловались на компанию в парламент как на монополистов, которые ограничивают торговлю и притесняют мануфактуристов страны. Хотя эти жалобы не произвели никакого действия на парламент, но они, вероятно, испугали компанию так сильно, что принудили ее изменить свое поведение: с этого времени против нее не подавали жалоб. Законом, изданным в 10 и 11-й гг. правления Вильгельма III, гл. 6, вступительный взнос в Российскую компанию был установлен в пять фунтов, а законом 25-го года правления Карла II вступительный взнос в Восточную компанию установлен в сорок шиллингов; одновременно с этим Швеция, Дания и Норвегия, все страны на северном берегу Балтийского моря, были выделены из их монопольного права на торговлю. Вероятно, поведение компании вызвало эти два парламентских акта. Перед этим сэр Джошуа Чайльд¹ изображал обе эти компании чрезвычайно стеснительными и плохое состояние их торговли со странами, входящими в их монополию, объяснял скверным управлением. Но хотя такие компании не могут в настоящее время быть очень стеснительными, они, конечно, совершенно бесполезны. Быть только бесполезной—это, пожалуй, самая высокая похвала, какую когда-либо может справедливо заслужить привилегированная компания; и все три упомянутые выше компании в настоящее время заслуживают эту похвалу.

Вступительный взнос в Турецкую компанию сначала составлял двадцать пять фунтов для лиц, не достигших двадцати шести лет, и пятьдесят фунтов для лиц старше этого возраста. Никто, кроме настоящих купцов, не мог быть принят; ограничение это исключало розничных и мелочных торговцев. Особым постановлением никакие британские промышленные изделия не могли вывозиться в Турцию иначе, как на кораблях компании; так как эти корабли всегда отплывали из Лондонского порта, то это постановление ограничивало торговлю с Турцией этим портом и купцами, живущими в Лондоне и по соседству с ним. По другому постановлению не могли быть приняты в компанию лица, живущие в двадцати милях от Лондона и не состоящие гражданами города; это второе ограничение, вместе с предыдущим, исключало всех, кроме граждан Лондона. Так как время погрузки и отплытия кораблей компании всецело зависело от директоров, они легко могли грузить корабли своими товарами и товарами

своих личных друзей, исключая других, под предлогом, что они опоздали с своими заявлениями о погрузке. При таком положении вещей, разумеется, компания являлась очень стеснительной монополией. Эти злоупотребления дали повод издать закон (25-й год правления Георга III, гл. 18), понижавший вступительный взнос до двадцати фунтов для всех лиц без различия возраста и без ограничения их только купцами или гражданами Лондона; этот акт даровал всем этим лицам свободу вывоза из всех портов Великобритании в порты Турции всех британских товаров, вывоз которых не был запрещен, и свободу ввоза всех турецких товаров, ввоз которых не был запрещен, с уплатой обычных таможенных пошлин и особой пошлины на покрытие необходимых расходов компании; одновременно с этим он подчинял их законной власти британского посланника или консулов, находящихся в Турции, и надлежащим образом утвержденным постановлениям компании. Чтобы воспрепятствовать каким-либо стеснениям этих постановлений, тот же закон предписывал, что если семь членов компании сочтут себя стесненными каким-либо постановлением, утвержденным после издания закона, они могут обжаловать его в Совет торговли и колоний (замененный теперь комитетом при Тайном совете), при условии подачи этой жалобы до истечения двенадцати месяцев после утверждения постановления; далее, если семь членов сочтут себя стесненными каким-либо постановлением, изданным до этого закона, они также могут обжаловать его не позже двенадцати месяцев со дня издания закона. Однако опыт одного года не всегда может быть достаточным, чтобы показать всем членам вредное действие какого-либо отдельного постановления; и если некоторые из них откроют это вредное действие после установленного срока, то ни Совет торговли, ни комитет Тайного совета не могут отменить постановление. С другой стороны, целью большей части правил всех привилегированных компаний, как и других корпораций, является не столько притеснение тех, кто уже вошел в их члены, сколько затруднение для вступления в их состав других лиц; это может быть достигнуто не только высоким вступительным взносом, но и многими другими способами. Постоянной целью таких компаний является елико возможное повышение своих прибылей; для этого на рынке поддерживается недостаток как ввозимых, так и вывозимых товаров, что может быть достигнуто только ограничением конкуренции или недопущением новых участников в торговлю. Кроме того, хотя вступительный взнос в двадцать фунтов, возможно, и недостаточен для того, чтобы воспрепятствовать кому-либо приступить к торговле с Турцией с намерением продолжать ее, он может быть достаточен для того, чтобы отбить смелость у какого-либо спекулянта рисковать в отдельной операции. Во всякой торговле крепко обосновавшиеся купцы, даже если они не объединены в корпорацию, естественно соединяются, чтобы повысить свои прибыли; для понижения этих прибылей до их надлежащего уровня во все времена не было иного средства, как возникавшая время от времени случайная конкуренция спекулирующих купцов. Хотя торговля с Турцией до некоторой

¹ [J. Child, Discourse upon trade. London 1691, chap. 3.]

степени и была открыта для всех указанным парламентским актом, однако она многими все еще считается далеко не совершенно свободной. Турецкая компания вносит часть содержания посланника и двух или трех консулов, которые должны, подобно другим чиновникам, всецело содержаться за счет государства, а торговля должна быть открыта для всех подданных его величества. Различные сборы, производимые компанией для этой и других корпоративных целей, могли бы доставить более чем достаточный доход государству на содержание этих чиновников.

Привилегированные компании, как было замечено сэром Джошуа Чайльдом¹, хотя они часто и участвовали в содержании чиновников, никогда не содержали каких-либо укреплений или гарнизонов в странах, с которыми они торговали, тогда как акционерные компании часто это делали. Действительно, первые гораздо менее пригодны для подобного рода деятельности, чем последние. Во-первых, директора привилегированной компании не имеют личного интереса в процветании общей торговли компании, ради которой эти укрепления и гарнизоны содержатся. Упадок этой общей торговли часто даже приносит выгоду их собственной личной торговле; уменьшение числа их конкурентов дает им возможность покупать дешевле и продавать дороже. Наоборот, директора акционерной компании, имеющие только долю в прибылях, получаемых на общий капитал компании, находящийся под их управлением, не ведут собственной личной торговли, которая имела бы другие интересы, чем общая торговля компании. Их личные интересы связаны с процветанием общей торговли компании и с содержанием укреплений и гарнизонов, необходимых для ее защиты. Поэтому они скорее будут проявлять постоянное и заботливое внимание, которого требует содержание гарнизонов и укреплений. Во-вторых, директора акционерных компаний всегда управляют большим капиталом—акционерным капиталом компании,—часть которого они нередко могут употреблять на постройку, ремонт и содержание таких необходимых укреплений и гарнизонов. Директора же привилегированных компаний никогда не имеют в руках ни общего капитала, ни других фондов для этой цели, кроме случайных доходов вроде вступительных взносов и других сборов, взимаемых с торговых оборотов компании. Хотя бы они имели такой же интерес в содержании укреплений и гарнизонов, они редко имеют возможность проявить этот интерес на деле. Содержание чиновника, почти не требующее заботливости и связанное с умеренным и ограниченным расходом, является делом более соответствующим характеру и возможностям привилегированных компаний.

Тем не менее, спустя долгое время после сэра Джошуа Чайльда, а именно в 1750 г., была учреждена существующая до настоящего времени привилегированная компания купцов, торгующих с Африкой, которой вначале было вменено в обязанность содержать укрепления и гарнизоны между мысом Белым и мысом Доброй Надежды,

а впоследствии только между мысами Красным и Доброй Надежды. Акт, учреждавший эту компанию (23-й год правления Георга II, гл. 31), имел, повидимому, в виду две различные цели: во-первых, действительно обуздать стеснительный и монополистический дух, присущий директорам привилегированных компаний, и, во-вторых, заставить их проявить несвойственную им вообще заботливость к содержанию укреплений и гарнизонов.

Для достижения первой цели вступительный взнос ограничен был сорока шиллингами. Компании запрещены: торговля на корпоративный или акционерный капитал, займы под общее поручительство, всякое препятствие торговле, которая может производиться в любом месте всеми британскими подданными, внесенными вступительный взнос. Правление состоит из девяти лиц и собирается в Лондоне; оно ежегодно избирается членами компании из Лондона, Бристоля и Ливерпуля, причем от каждого города выбирается по три члена правления. Член правления не может быть в этой должности больше трех лет сряду. Каждый член правления может быть смещен Советом торговли и земледелия (ныне комиссией Тайного совета) по выслушании того, что он может сказать в свою защиту. Правлению запрещено вывозить негров из Африки и ввозить африканские товары в Великобританию; но так как оно обязано содержать укрепления и гарнизоны в Африке, то для этой цели оно может ввозить в Африку британские товары и разного рода провиант. Из денег, получаемых правлением от компании, ему разрешается тратить не свыше восьмисот фунтов на жалованье конторщикам и агентам в Лондоне, Бристолье и Ливерпуле, на наем дома для конторы в Лондоне и на все другие расходы: агентурные, комиссионные и по управлению делами компании в Англии. То, что остается от этой суммы после покрытия всех расходов, они могут делить между собой по своему усмотрению как вознаграждение за их труд. Можно было ожидать, что такое устройство действительно обуздает дух монополии и будет отвечать первой цели акта. Но на самом деле это, повидимому, не имело места. Хотя законом 4-го года правления Георга III (гл. 20) форт Сенегал с прилегающими к нему окрестностями был передан компании купцов, торгующих с Африкой, однако в следующем году (5-й год правления Георга III, гл. 44) не только Сенегал с его окрестностями, но и весь берег Африки от Южной Берберии до Красного мыса был изъят из ведения компании, возвращен короне, и торговля с ним объявлена свободной для всех подданных его величества. Компания была обвинена в том, что ограничила торговлю и установила нечто вроде ввозной монополии. Однако очень легко понять, как при действии закона 23-го года правления Георга II она могла это сделать. Как бы то ни было, я замечал не всегда отвечают действительности, что ее обвиняли в этом. Поскольку члены правления из девяти лиц все были купцами, а начальники и агенты различных фортов и поселений зависели от них, весьма возможно, что последние особенно старательно исполняли их распоряжения и поручения, устанавливающие настоящую монополию.

¹ [См. предыдущее примечание.]

Для достижения второй из этих целей, содержания укреплений и гарнизонов, компании ежегодно отпускала парламенту сумма около тринадцати тысяч фунтов. Отчет о надлежащем употреблении этой суммы правление обязано было представлять начальнику казначейства, а потом этот отчет вносился в парламент. Но парламент, так мало внимания уделяющий расходованию миллионов, вряд ли станет уделять много внимания расходованию этих тринадцати тысяч в год, а начальник казначейства по своей специальности и своему образованию не очень подготовлен к пониманию нужных расходов на укрепление и гарнизоны. Правда, капитаны кораблей его величества и другие офицеры, назначенные Советом адмиралтейства, могут быть осведомлены о состоянии укреплений и гарнизонов и докладывать свои наблюдения этому совету, но этот совет, повидимому, не имеет прямого отношения к правлению компании и не имеет власти исправлять прегрешения, о которых он осведомлен; с другой стороны, нельзя предполагать глубокое знание фортификационной науки у капитанов кораблей его величества. Увольнение от должности, которую можно занимать только в течение трех лет и которая даже в течение этого срока доставляет ничтожное законное вознаграждение, является самым большим наказанием для провинившегося члена правления, исключая случаев взяточничества или растраты денег государства или компании; страх такого наказания никогда не может быть достаточно веским побуждением к постоянному и заботливому вниманию к делам, не сопровождающимся никаким другим интересом. Правление компании обвинялось в том, что оно посылало кирпич и камень из Англии на берег Гвинеи для ремонта крепости Берегового мыса, на что парламент отпускал несколько раз специальные суммы. Кроме того, кирпич и камень, отправленные в столь длинное путешествие, оказались настолько скверного качества, что пришлось заново перестроить стены, которые были сделаны из них. Укрепления, лежащие к северу от Красного мыса, не только содержатся на средства государства, но и находятся под непосредственным управлением исполнительной власти, и не легко представить себе разумные основания, почему укрепления, находящиеся к югу от него и, по крайней мере, отчасти содержащиеся также на средства государства, должны быть под другим управлением. Покровительство средиземноморской торговле было первоначальной причиной или поводом для занятия гарнизоном Гибралтара и Минорки; однако содержание их и управление этими гарнизонами совершенно правильно было поручено не Турецкой компании, а исполнительной власти. В обширности господства исполнительной власти заключаются в значительной мере ее величие и достоинство, и трудно ожидать, чтобы она пренебрегала тем, что необходимо для защиты этого господства. И гарнизоны Гибралтара и Минорки никогда не были в пренебрежении; хотя Минорка два раза была отнята и теперь, вероятно, потеряна навсегда, но никогда это несчастье не приписывалось небрежности со стороны исполнительной власти. Я не хотел бы, чтобы меня поняли так, будто та или другая из этих дорого стоявших крепостей была когда-ни-

будь в малейшей степени нужна для достижения той цели, ради которой вначале они были оторваны от испанской монархии. Этот захват, может быть, никогда не служил на самом деле другой цели, кроме отчуждения от Англии ее естественного союзника, испанского короля, и соединения двух главных ветвей Бурбонского дома в более тесный и более постоянный союз, чем тот, который могли когда-нибудь установить узы крови.

Акционерные компании, утвержденные королевской хартией или парламентским актом, во многих отношениях отличаются не только от привилегированных компаний, но и от частных торговых товариществ.

Во-первых, в частных торговых товариществах ни один участник не может без разрешения компании передать свой пай другому лицу или ввести нового члена в товарищество. Однако каждый член может по надлежащем извещении выйти из товарищества и требовать выплаты ему его пая из общего капитала. Напротив, в акционерной компании член не может требовать от компании выплаты его пая, но каждый член может без согласия компании передать свой пай другому лицу и таким образом ввести нового члена. Стоимость акции акционерной компании всегда определяется ее ценою на рынке и может быть больше или меньше суммы, внесенной ее обладателем в капиталы компании.

Во-вторых, в частном торговом товариестве каждый член отвечает по обязательствам и долгам товарищества всем своим имуществом. В акционерной компании, напротив, каждый член отвечает только в размере своего пая.

Торговые операции акционерной компании всегда ведутся советом директоров. Правда, этот совет часто подлежит во многих отношениях контролю общего собрания акционеров. Но общее собрание этих акционеров редко претендует на понимание дел компании; и когда среди них не господствуют партийные раздоры, они не считают нужным интересоваться ими, довольствуясь получением такого полугодового или годового дивиденда, какой директора сочтут нужным выдать им. Это полное освобождение от забот и риска сверх определенной суммы привлекает в акционерные компании многих людей, которые не считали бы возможным рисковать всем состоянием в частном торговом товариестве. Поэтому такие компании обычно привлекают к себе гораздо большие капиталы, чем те, какими могут похвалиться частные торговые товарищества. Торговый капитал Южно-океанской компании в одно время превышал 33 800 000 фунтов. Приносящий дивиденд капитал Английского банка достигает в настоящее время 10 780 000 фунтов. Однако от директоров таких компаний, которые заведуют в большей степени чужими деньгами, чем своими собственными, нельзя ожидать такой неусышной осторожности, какую участники частного торгового товарищества проявляют в управлении своим капиталом. Подобно управляющему на службе у богатых людей, они склонны считать мелкие дела ниже достоинства своих хозяев и очень легко освобождают себя от заботы о них.

Поэтому небрежность и расточительность должны всегда в большей или меньшей степени проявляться в управлении делами такой компании. Вследствие этого акционерные компании для внешней торговли редко обнаруживали способность выдерживать конкуренцию частных торговых товариществ. Они редко имели успех без исключительных привилегий; часто не имели успеха и с привилегиями. Без исключительных привилегий они обыкновенно расстраивали торговлю. При исключительных привилегиях они и расстраивали, и стесняли ее.

Королевская африканская компания, предшествовавшая теперешней Африканской компании, получила исключительную привилегию на основании хартии, но так как эта хартия не была подтверждена парламентом, то торговля вследствие декларации прав, объявленной после революции, была открыта для всех поданных его величества. Компания Гудзонова залива, что касается ее законных прав, находится в таком же положении, как и Королевская африканская компания. Ее исключительная хартия не была подтверждена парламентом. Южно-океанская компания, пока она действовала как торговая компания, имела исключительную привилегию, подтвержденную парламентом, точно так же, как и существующая до настоящего времени объединенная компания купцов, торгующих с Ост-Индией.

Королевская африканская компания скоро оказалась неспособной выдержать конкуренцию частных торговцев, которых она, невзирая на декларацию прав, продолжала в течение некоторого времени называть контрабандистами и преследовать как таковых. Однако в 1698 году частных торговцев заставили платить со всех почти предметов их торговли пошлину в десять процентов, которая употреблялась компанией на содержание своих укреплений и гарнизонов. Но несмотря на этот тяжелый налог, компания все-таки была неспособна выдержать конкуренцию. Ее капитал и кредит мало-помалу уменьшались. В 1712 году долги компании так возросли, что понадобился парламентский акт для ее сохранения и для удовлетворения кредиторов. Было постановлено, что решение двух третей кредиторов по их количеству и суммам долга должно быть обязательным для остальных как в отношении сроков, даваемых компании для уплаты долгов, так и в отношении других соглашений, какие могут быть признаны целесообразными относительно этих долгов.

В 1730 году дела компании пришли в такое расстройство, что она оказалась совсем не в состоянии содержать укрепления и гарнизоны, служить единственной цели, бывшей предлогом ее существования. С этого года до окончательного роспуска компании парламент решил отпускать ей для этой цели десять тысяч фунтов. В 1732 году после многолетних убытков в торговле по ввозу негров в Вест-Индию она, наконец, решила совсем от этой торговли отказаться, продавать частным торговцам Америки негров, приобретаемых на берегу, и устроить торговлю с внутренними частями Африки для вывоза золотого песка, слоновой кости, красящих веществ и т. п. Но ее успех в этой более ограниченной торговле был не больше, чем в прежней

более обширной. Дела компании продолжали постепенно приходить в упадок, пока, наконец, компания не оказалась полным банкротом и не была распущена парламентским актом, а ее укрепления и гарнизоны были переданы теперешней привилегированной компании купцов, торгующих с Африкой. До организации Королевской африканской компании последовательно учреждались три других акционерных компании для торговли с Африкой. Все они равным образом не имели успеха. Все они имели исключительные хартии, хотя не подтвержденные парламентом, но в то время действительно доставлявшие исключительную привилегию.

Компания Гудзонова залива до бедствий, постигших ее в последнюю войну, была гораздо счастливее, чем Королевская африканская компания. Ее обязательные расходы были гораздо меньше. Все количество людей, которых она содержала в различных поселениях и отдельных жилищах, гордо именуемых укреплениями, не превосходило, как передают, ста двадцати человек. Этого количества людей, однако, было достаточно для заблаговременной заготовки груза пушнины и других товаров, нужных для погрузки на корабли компании, которые из-за льдов редко могли оставаться в этих морях больше шести или восьми недель. Этим преимуществом заблаговременной заготовки товаров без нескольких лет подготовительных работ не могли заручиться частные торговцы, а без этого, повидимому, невозможна торговля в Гудзоновом заливе. Небольшой капитал компании, как говорят, не превышавший ста десяти тысяч фунтов, мог быть, тем не менее, достаточным для того, чтобы компания захватила в свои руки всю или почти всю торговлю и весь избыток продуктов бедной, хотя и обширной страны, на которую простиралось действие ее хартии. Соответственно с этими условиями не было частных купцов, которые когда-либо пробовали бы конкурировать с компанией в торговле с этой страной. Поэтому компания всегда фактически обладала монополией торговли, хотя последняя и не была закреплена за ней законом. Помимо всего этого небольшой капитал компании, как говорят, принадлежал очень небольшому числу купцов. Но акционерная компания, состоящая из малого количества владельцев акций и владеющая небольшим капиталом, по своей природе очень близко подходит к частному торговому товариществу и может оказаться способной к такой же степени бережливости и внимания к делам. Поэтому неудивительно, что вследствие этих преимуществ компания Гудзонова залива до последней войны могла вести свою торговлю с значительным успехом. Однако, повидимому, вероятно, чтобы прибыли компании когда-либо приближались к тому, что говорил о них Доббс¹. Гораздо более серьезный и осторожный писатель Андерсон, автор «Исторического и хронологического обзора торговли»², весьма справедливо замечает, что, рассмотрев

¹ [Arthur Dobbs, An account of the countries adjoining the Hudson's Bay.]

² Adam Anderson, An historical and chronological deduction of the origin (and progress) of commerce, from the earliest accounts to the present time. London, 2 vol., 1764.]

отчеты вывоза и ввоза компании, данные за несколько лет самим Доббсом, и учтя надлежащим образом чрезвычайный риск и расходы компании, он обнаружил, что ее прибыли не заслуживают зависти или что они не могли намного превышать обыкновенную торговую прибыль.

Южно-океанской компании никогда не приходилось содержать ни укреплений, ни гарнизонов, и благодаря этому она была совершенно свободна от крупного расхода, который лежал на других акционерных компаниях. Но она имела огромный капитал, распределенный между огромным количеством акционеров. Поэтому естественно было ждать, что нерасчетливость, небрежность и расточительность господствуют во всем управлении делами компании. Мошенничество и сумасбродство ее биржевой игры достаточно известны, но рассмотрение их увело бы нас за пределы нашей темы. Торговые операции ее велись не намного лучше. Первое торговое предприятие, которым занялась компания, было снабжение испанской Вест-Индии неграми, предоставленное ей в исключительную монополию на основе так называемого договора «ассиенто», заключенного по Утрехтскому миру¹. Но так как нельзя было от этой торговли ожидать больших выгод, поскольку Португальская и Французская компании, занимавшиеся перед этим такой же торговлей и на тех же самых условиях, разорились на ней, то компании в возмещение было разрешено ежегодно посылать непосредственно в испанскую Вест-Индию один корабль с различным грузом. Из десяти рейсов этого ежегодного корабля, говорят, принес значительные выгоды только один, сделанный кораблем «Royal Caroline» в 1731 году; почти все остальные были более или менее убыточны. Эти плохие результаты приписывались поверенными и агентами компании вымогательствам и притеснениям со стороны испанского правительства; но возможно, что это происходило главным образом от растрат и хищений самих этих поверенных и агентов; передают, что многие из них приобрели громадные состояния только в один год. В 1734 г. компания обратилась к королю с прошением, чтобы ей было позволено вследствие малой выгодности прекратить торговлю и отправку ежегодного корабля с грузом и взамен получить то, что удастся добыться от короля Испании.

В 1724 году эта компания попробовала заняться китоловным промыслом. Правда, в этом промысле она не обладала монополией, но все время, пока она занималась им, ни один британский подданный не брался за него. Из восьми экспедиций, которые сделали ее корабли в Гренландию, прибыльной была одна, все остальные были убыточны. После восьмой, последней экспедиции, когда компания продала суда, запасы и орудия, потери, принесенные этим предприятием, включая сюда и проценты на капитал, превысили двести тридцать семь тысяч фунтов.

В 1722 году компания обратилась в парламент с прошением, чтобы ей разрешили разделить ее огромный капитал,—более чем

¹ [По Утрехтскому миру 1713 г. Англия получила исключительное право снабжение неграми-рабами испанских колоний в Америке.]

33 800 000 фунтов, который весь был дан в долг правительству, на две равные части: одна половина, т. е. свыше 16 900 000 фунтов, ставилась в равное положение с другими государственными рентами и не должна была подвергаться взысканиям по долгам, заключенным директорами компаний, или по убыткам, понесенным ими при осуществлении их торговых проектов; другая часть оставалась, как и прежде, торговым капиталом и отвечала по долгам и убыткам. Просьба была слишком основательной, чтобы оставаться без удовлетворения. В 1733 году компания снова обратилась с прошением, чтобы три четверти ее торгового капитала были отданы в ссуду правительству и только одна четвертая часть оставалась бы в виде торгового капитала и подвергалась бы риску, связанному с дурным управлением ее директоров. Как ссудный, так и торговый капитал компании был к этому времени уменьшен больше чем на два миллиона каждый последовательными платежами правительства; таким образом эта четвертая часть в итоге равнялась 3 662 784 фунтам 8 шилл. и 6 пенсам. В 1748 году все требования компании к испанскому королю, основанные на договоре «ассиенто», были по трактату в Ахене удовлетворены соответствующим образом. Таким образом был положен конец ее торговле с испанской Вест-Индией, ее торговый капитал был обращен в ссудный, и компания прекратила существование как торговое предприятие.

Надо заметить, что в торговле, которую вела Южно-океанская компания посредством своего ежегодно снаряжаемого корабля и от которой она единственно ожидала получить сколько-нибудь значительный барыш, она встречала конкуренцию как на иностранном, так и на внутреннем рынке. В Картагене, Порто-Белло и Вера-Крузе компания сталкивалась с конкуренцией испанских купцов, привозивших из Кадикса на эти рынки те же европейские товары, которые вывозил корабль компании, а в Англии компания сталкивалась с конкуренцией английских купцов, ввозивших из Кадикса те же вестиндские товары. Правда, товары испанских и английских купцов облагались более высокими пошлинами. Но, по всей вероятности, потери, вызываемые небрежностью, растратами и хищениями служащих компании, были гораздо более тяжелым налогом, чем все эти пошлины. Всему опыту противоречит то, что акционерная компания может успешно вести какую-либо отрасль внешней торговли, если отдельные торговцы могут вступать в открытую свободную конкуренцию с нею.

Старая Остиндская компания была учреждена в 1600 году хартией королевы Елизаветы. В первые двенадцать экспедиций, снаряженных ею в Индию, она, повидимому, являлась торговой привилегированной компанией с отдельными капиталами, торговавшей, однако, исключительно на общих кораблях компании. В 1612 году члены объединились в акционерную компанию. Их хартия давала им привилегию, и хотя последняя не была утверждена парламентским актом, она в то время доставляла компании настоящую, исключительную привилегию. Поэтому в течение многих лет компанию не сильно

тревожили конкуренты. Ни ее капитал, который никогда не превышал семисот сорока четырех тысяч фунтов, с акциями в пятьдесят фунтов, не был настолько велик и ее торговля не была настолько обширна, чтобы они давали возможность большой небрежности и расточительности или больших хищений. Несмотря на несколько чрезвычайных потерь, причиненных отчасти недоброжелательством Голландской остиндской компании, а отчасти другими обстоятельствами, компания в течение многих лет вела успешную торговлю. Но с течением времени, когда начали лучше понимать принципы свободы, становилось с каждым днем все более спорным, насколько королевская хартия, не утвержденная парламентским актом, может давать исключительную привилегию. Решения судов по этому вопросу не были одинаковы, но менялись с сменой правительства и духом времени. Количество конкурентов увеличивалось; к концу царствования Карла II, во все царствование Якова II и в продолжение части царствования Вильгельма III они поставили компанию в крайне тяжелое положение. В 1689 году парламенту было сделано предложение дать правительству два миллиона из восьми процентов на условии образования из подписчиков этого займа новой Остиндской компании с исключительными привилегиями. Старая Остиндская компания предложила семьсот тысяч фунтов, почти весь свой капитал, из четырех процентов и на тех же условиях. Но в это время состояние государственного кредита было таково, что правительству было выгоднее занять два миллиона из восьми процентов, чем семьсот тысяч фунтов из четырех. Предложение новых акционеров было принято и вследствие этого учреждена новая Остиндская компания. Однако старая Остиндская компания получила право продолжать свою торговлю до 1701 года. В то же время она очень искусно приобрела на имя своего казначея акций новой компании на триста шестнадцать тысяч фунтов. По небрежности в тексте парламентского акта, передавшего торговлю с Ост-Индией подписчикам этого двухмиллионного займа, осталось неясно, должны ли они вести свои торговые операции сообща и на соединенные средства. Некоторые отдельные торговцы, подписавшиеся в общей сложности на семь тысяч двести фунтов, настаивали на своем праве торговать отдельно на свой собственный капитал и свой собственный риск. Старая Остиндская компания сохранила право торговли на свой старый капитал до 1701 года; точно так же до и после этого срока, подобно другим отдельным купцам, она имела право торговать самостоятельно на триста пятнадцать тысяч фунтов, подписанных ею в капитал новой компании. Говорят, что конкуренция двух компаний с частными торговцами и между собой почти разорила их обеих. При следующем случае, когда в 1730 году парламенту было сделано предложение передать ведение торговли привилегированной компании и этим сделать ее более свободной, Остиндская компания в противовес этому предложению изобразила в очень ярких красках несчастные последствия, вызванные к этому времени, по ее мнению, конкуренцией. В Индии, как она утверждала, эта последняя подняла цены на товары так высоко, что их не стоило покупать, а в Европе,

переполнив рынок, она так понизила цены, что не было выгоды от продажи их. То, что более обильным ввозом она должна была сильно понизить на английском рынке цены на индийские товары, к великой выгоде и удобству потребителей, не может быть оспариваемо; но чтобы она повысила цены на них на индийском рынке, кажется мало вероятным, так как весь чрезвычайный спрос, какой могла вызвать эта конкуренция, должен был являться только каплей среди необъятного океана индийской торговли. С другой стороны, хотя увеличение спроса вначале временно поднимает цены на товары, он всегда в конце концов понижает их. Спрос поощряет производство и поэтому, вызывает конкуренцию между производителями, которые, ради того, чтобы иметь возможность продавать дешевле других, вводят новое разделение труда и новые приемы в промысле, о которых в противном случае они никогда бы и не подумали. Печальные последствия, на которые жаловалась компания, были: дешевизна предметов потребления и поощрение, данное производству, как раз два результата, являющиеся главной задачей политической экономии. Однако конкуренция, на которую компания так горько жаловалась, не долго просуществовала. В 1702 году обе компании были до некоторой степени соединены тройственным договором, третьей стороной в котором была королева; в 1708 году парламентским актом они были окончательно соединены в одну компанию под ее теперешним названием «Соединенной компании купцов, торгующих с Ост-Индией». В этот акт сочли нужным включить оговорку, разрешающую отдельным торговцам продолжать свои операции до Михайлова дня 1711 года; в то же время директорам давалось полномочие, с предупреждением за три года, выкупить небольшой капитал этих торговцев в семь тысяч двести фунтов и таким образом обратить весь капитал компании в акционерный капитал. Тем же самым актом капитал компаний вследствие нового займа правительству был увеличен с двух миллионов до трех миллионов двухсот тысяч фунтов. В 1745 году компания ссудила еще один миллион правительству; но так как этот миллион не был собран по подписке среди акционеров, а получился от продажи ренты и выпуска долговых обязательств, то от этого капитал, с которого акционеры могли требовать дивиденд, не увеличился. Однако это увеличило торговый капитал компании, который вместе с остальными тремя миллионами двумястами тысяч фунтов нес ответственность по понесенным компанией в ее торговой деятельности потерям и заключенным ею долгам. С 1708 или, по крайней мере, с 1711 года компания была избавлена от конкурентов и, установив полную монополию английской торговли с Ост-Индией, успешно торговала и из прибылей ежегодно выплачивала умеренный дивиденд своим акционерам. Во время французской войны, начавшейся в 1741 году, происки Дюпле, французского губернатора в Пондишери, вовлекли компанию в войны в Карнатике и в политические распри индийских князей. После многих замечательных успехов и одинаково замечательных потерь компания в конце концов потеряла Мадрас, в то время главное ее поселение в Индии. Мадрас был возвращен компании по трак-

тату в Ахене; но около этого времени дух войны и завоеваний овладел, повидимому, служащими компании и с тех пор никогда не оставлял их. Во время французской войны, которая началась в 1755 году, военные силы компании участвовали во всех успехах оружия Великобритании. Они отстояли Мадрас, взяли Пондишери, возвратили Калькутту и овладели доходами богатой и обширной страны, превывавшими, как тогда говорили, три миллиона в год. Компания в течение нескольких лет спокойно обладала этими доходами; но в 1767 году правительство предъявило претензию на ее территориальные приобретения и получающиеся от них доходы, как принадлежащие по праву короне; компания в виде удовлетворения этого требования согласилась платить правительству четырехста тысяч фунтов в год. Перед этим компания постепенно повысила дивиденд с шести до десяти процентов, т. е. на ее капитал в 3 200 000 фунтов дивиденд возрос на 128 000 фунтов, т. е. увеличился с 192 000 фунтов до 320 000 фунтов в год. Компания собиралась увеличить дивиденд еще больше, а именно—до двенадцати с половиной процентов, тогда ежегодная выплата акционерам была бы равна сумме, которую она согласилась платить правительству, т. е. четыреста тысяч фунтов в год. Но в течение двух лет, когда должно было выполняться соглашение компании с правительством, двумя последовательными актами парламента было ограничено дальнейшее увеличение дивидендов; целью этих актов было ускорение уплаты долгов компании, которые в это время определялись в шесть или семь миллионов фунтов. В 1769 году компания возобновила соглашение с правительством еще на пять лет, причем добилась, чтобы в течение этого периода ей позволено было увеличить постепенно дивиденд до двенадцати с половиной процентов, однако при условии, чтоб увеличение его ни в коем случае не превышало одного процента в год. Поэтому увеличение дивиденда, когда он достиг своего максимального размера, могло увеличить ежегодные платежи компании акционерам и государству только на 608 000 фунтов по сравнению с тем, что она выплачивала до своих последних территориальных приобретений. Каков, по предположениям, был валовой доход компании от этих территориальных приобретений, уже было упомянуто; по отчету, доставленному в 1768 году судном Остиндской компании «Круттенден», чистый доход компании за всеми вычетами и военными издержками выражался в 2 048 747 фунтов. Помимо того, компания, как передавали, располагала еще другими доходами, отчасти с земель, а главным образом от пошлин, установленных ею в ее различных поселениях и достигающих в общем 439 000 фунтов. Прибыли компании от торговли, согласно показанию ее председателя в Палате общин, достигали в то время по меньшей мере четырехсот тысяч фунтов в год; по свидетельству ее бухгалтера—по меньшей мере пятисот тысяч фунтов; по самому осторожному подсчету, она равнялась самому высокому дивиденду, какой мог выплачиваться акционерам. Такой громадный доход компании мог, конечно, выдержать увеличение на 608 000 фунтов ее ежегодных платежей и в то же время составить большой фонд погашения долгов для быстрого со-

кращения их. Однако в 1773 году ее долги вместо уменьшения увеличились невнесением в казначейство годового взноса в четыреста тысяч фунтов, неплатежом пошлин в таможенно, большим долгом банку по сделанным займам и, наконец, по векселям, выданным в Индии и неосторожно акцептованным, в общей сумме свыше 1 200 000 фунтов. Затруднения, обрушившиеся на компанию в результате этих скопившихся требований, принудили ее не только сократить сразу дивиденд до шести процентов, но и прибегнуть к милости правительства, умоляя его, во-первых, об освобождении от дальнейшей уплаты условленных четырехсот тысяч фунтов, а, во-вторых, о займе в 1 400 000 фунтов для того, чтобы спасти ее от неминуемого банкротства. Огромный рост капиталов компании послужил, повидимому, для ее служащих только поводом для еще большей расточительности и прикрытия огромных хищений, чем это соответствовало возрастанию ее средств. Поведение служащих компании в Индии и общее состояние ее дел и в Европе, и в Индии стало предметом парламентского расследования, вследствие которого было сделано несколько очень важных изменений в строении ее управления как в Англии, так и за границей. В Индии главные поселения компании—Мадрас, Бомбей и Калькутта, которые перед этим были совсем независимы одно от другого, были подчинены генерал-губернатору, при котором состоял совет из четырех членов, причем парламент оставил за собой первое назначение губернатора и совета; их резиденцией назначалась Калькутта; этот город стал в Индии тем, чем прежде был Мадрас—главным английским поселением в Индии. Суд мэра Калькутты, вначале учрежденный для разбирательства торговых споров, возникавших в городе и по соседству его, мало-помалу расширил свою юрисдикцию вместе с расширением владений компании. Теперь он был ограничен и введен в свои первоначальные рамки. Вместо него был учрежден новый верховный суд, состоящий из главного судьи и трех судей, назначенных короной. В Европе ценз, дающий право голоса в общем собрании акционеров, первоначально равнявшийся пятистам фунтам—цене акций компании,—был повышен до тысячи фунтов. Кроме того, было установлено, что право голоса при покупке акции, а не получении ее в порядке наследования, дается при условии владения ею, по меньшей мере, в течение года, вместо шести месяцев, требовавшихся прежде. Совет из двадцати четырех директоров прежде избирался ежегодно; теперь было постановлено, чтобы каждый директор в будущем избирался на четыре года; однако шесть из них попеременно выбывали из должности каждый год и не имели права переизбираться при выборе шести новых директоров следующего года. Ожидали, что вследствие этих преобразований собрание акционеров и совет директоров окажутся способными действовать с большим достоинством и систематичностью, чем это обыкновенно имело место прежде. Но, повидимому, представляется невозможным посредством каких-либо преобразований сделать их способными управлять и даже принимать участие в управлении огромной страной, потому что большая часть членов всегда слишком мало заинтересована в процветании этой страны, чтоб относиться с сколь-

кто-нибудь серьезным вниманием к тому, что может содействовать ему. Часто человек, обладающий большим, а иногда и маленьким состоянием, склонен купить тысячефунтовую акцию Индийской компании исключительно ради того влияния, которое он думает получить правом голоса в собрании акционеров. Она дает ему, если не участие в грабеже, то участие в назначении грабителей Индии; хотя это назначение производится советом директоров, но последний неизбежно находится более или менее в зависимости от влияния акционеров, которые не только избирают директоров, но иногда распоряжаются назначением служащих в Индии. Если только акционер может в течение нескольких лет пользоваться таким влиянием и этим способом устроить некоторое число своих друзей, то часто его мало интересует дивиденд или даже цена акции, на которой основано его право голоса. О преуспевании страны, в управлении которой его акция дает ему право голоса, он редко думает. Не было и по самой природе вещей не могло быть государей, до такой степени равнодушных к счастью или несчастью своих подданных, процветанию или запустению своих владений, славе или бесчестию своего правительства, какими должно быть вследствие непреодолимых моральных причин большинство акционеров такой торговой компании. Это безразличие, скорее всего, должно было возрасти, а не уменьшиться от некоторых новых постановлений, сделанных в результате парламентского расследования. Например, постановлением Палаты общин было объявлено, что акционеры могут получать восемь процентов дивиденда на капитал не ранее того, как будет уплачен долг правительству в 1 444 000 фунтов, а остальные долги доведены до 1 500 000 фунтов, и что все остатки дохода и чистой прибыли должны делиться на четыре части, из которых три должны уплачиваться в казначейство для общественных надобностей, а четвертая обращаться в запасный капитал для дальнейшего погашения долгов или покрытия непредвиденных расходов компании. Но если компания была плохим управителем и плохим государем, когда весь ее чистый доход и прибыли принадлежали ей и находились в ее собственном распоряжении, она вряд ли могла стать лучше, если три четверти их должны были принадлежать другим, а одна четверть, хотя и должна была употребляться на нужды компании, но под чужим контролем и с чужого разрешения.

Компании было бы, наверное, приятнее, чтобы ее собственные служащие и агенты имели удовольствие расхищать или извлекать выгоды от расхищения излишков, остающихся за уплатой положенных восьми процентов дивиденда, чем если эти излишки попадали в руки людей, с которыми указанное постановление должно было поставить их до известной степени во враждебные отношения. Интересы этих служащих и их близких могли преобладать на собрании акционеров и побуждать его оказывать поддержку виновникам хищений, совершенных в прямое нарушение его собственных распоряжений. Для большинства акционеров поддержание авторитета своего собственного собрания может иногда представляться делом менее важным, чем поддержка подрывающих этот авторитет.

Постановления 1773 года, однако, не положили конца беспорядкам в управлении делами компании в Индии. Несмотря на то, что в продолжение кратковременного хорошего ведения дела она собрала в калькутском казначействе более трех миллионов стерлингов; несмотря на то, что в дальнейшем она распространила свое господство или свое грабительство, присоединив некоторые богатейшие и плодороднейшие области в Индии, все было расхищено и разрушено. Компания оказалась совершенно неподготовленной к тому, чтобы остановить или сопротивляться вторжению Гайдер-Али; вследствие этих беспорядков дела компании теперь (1784 г.) находятся в большем расстройстве, чем когда-либо; чтобы предупредить немедленное банкротство, она еще раз принуждена просить помощи у правительства. Различные планы предлагались разными партиями в целях лучшего управления делами компании, и, повидимому, все эти планы сходятся в предположении, — которое, в сущности, всегда было достаточно очевидным, — что она совсем непригодна для управления своими территориальными владениями. Даже сама компания, повидимому, была вполне убеждена в своей неспособности и была готова передать их правительству.

С правом владения укреплениями и гарнизонами в отдаленных и варварских странах неизбежно соединено право объявления войны и заключения мира в этих странах. Акционерные компании, имевшие одно из этих прав, постоянно пользовались и другим, которое часто определенно предоставлялось им. Как несправедливо, как легкомысленно, как жестоко пользовались они им, слишком хорошо известно после недавнего опыта.

Когда компания купцов предпринимает на свой риск и за свой счет организацию новой торговли с каким-либо отдаленным и варварским народом, может быть целесообразно соединить их в акционерную компанию и, в случае их успеха, предоставить им монополию этой торговли в течение некоторого количества лет. Это — самый легкий и самый естественный способ, каким государство может вознаграждать их за риск опасного и дорого стоящего опыта, из которого впоследствии общество извлечет пользу. Такого рода временная монополия может быть оправдана теми же соображениям, в силу которых монополия новой машины дается ее изобретателю или новой книге — автору. Но по истечении срока монополии, конечно, должна быть уничтожена; укрепления и гарнизоны, если было найдено необходимым завести их, должны быть переданы правительству, их стоимость должна быть уплачена компании, а торговля открыта для всех подданных государства. При постоянной монополии все другие подданные государства очень нелепо облагаются двумя налогами: во-первых, более высокой ценой товаров, которые при свободной торговле они могли бы покупать гораздо дешевле, а, во-вторых, полным исключением их из отрасли торговли, заняться которою было бы удобно и выгодно многим из них. И притом они облагаются таким образом для самой бесполезной и ненужной из всех целей. Это делается лишь для того, чтобы дать возможность компании сохранять не-

брежность, расточительность и хищничество ее служащих, чье беспорядочное ведение дел редко позволяет дивиденду компании превосходить обычную норму прибыли в отраслях торговли, совершенно свободных, а часто заставляет его падать намного ниже этого уровня. Однако без монополии акционерные компании, как это показывает опыт, не могут долго вести какую-либо отрасль внешней торговли. Покупать на одном рынке, чтобы продать с прибылью на другом, когда на обоих имеется много конкурентов, следить не только за случайными колебаниями спроса, но и за более значительными и более частыми колебаниями в конкуренции или в удовлетворении этого спроса другими торговцами, приспособлять умело и с пониманием дела ко всем этим обстоятельствам количество и качество каждого ассортимента товаров, это—своего рода ведение войны, операции которой непрерывно меняются и которая едва ли может вестись успешно без таких неослабных усилий бдительности и внимания, каких нельзя ожидать от директоров акционерной компании. Остиндская компания, по погашении всех своих вкладов и по истечении срока своей привилегии, имеет, согласно парламентскому акту, право продолжать торговлю с Ост-Индией, сохраняя корпоративное строение акционерной компании и на корпоративные средства, наравне с остальными британскими подданными. Но при таком положении большая расторопность и внимательность частных торговцев, по всей вероятности, скоро заставят ее бросить эту торговлю.

Выдающийся французский автор, большой знаток политической экономии, аббат Морелле¹ приводит список пятидесяти пяти акционерных компаний для внешней торговли, учрежденных в разных странах Европы с 1600 года, которые, по его словам, все потерпели неудачу благодаря плохому управлению, несмотря на то, что обладали исключительными привилегиями. Морелле был неверно осведомлен относительно истории двух или трех из них, которые не были акционерными компаниями и не кончили крахом, но зато было несколько обанкротившихся акционерных компаний, пропущенных им.

Акционерные компании могут вести успешно, повидимому, без исключительных привилегий, только те предприятия, в которых все операции могут быть сведены к так называемой рутине или к такому единообразию методов, какое допускает немного или совсем не допускает изменений. К предприятиям такого рода относятся: во-первых, банки, во-вторых, предприятия по страхованию от огня, от морского риска и каперства во время войны, в-третьих, сооружение и содержание судоходных каналов и, в-четвертых, подобные им предприятия, снабжающие водой большие города.

Хотя принципы банковского дела могут казаться до некоторой степени темными, его практика может быть сведена к точным правилам. Отступление в каких бы то ни было случаях от этих правил ради чрезвычайного барыша от заманчивых спекуляций почти всегда в выс-

¹ [Morellet, Réfutation de l'ouvrage qui a pour titre «Dialogues sur le Commerce des Bleds» 1770.]

шей степени опасно и часто губительно для банковской компании, рискнувшей на это. Но акционерные компании в силу своей структуры обычно более усердно соблюдают установленные правила, чем частные товарищества. Поэтому такие компании, повидимому, чрезвычайно пригодны для этого дела. Главные банки в Европе поэтому являются акционерными компаниями, и многие из них занимаются своим делом очень успешно без каких-либо исключительных привилегий. Английский банк не имеет других привилегий, кроме той, что другие банковские компании в Англии не могут состоять более чем из шести лиц. Два банка в Эдинбурге оба являются акционерными компаниями и без всяких привилегий.

Хотя стоимость риска от огня ли, от потерь ли в море или от каперства и не может быть вычислена очень точно, однако она допускает такую приблизительную оценку, которая позволяет сводить риск до некоторой степени к твердым правилам и методам. Поэтому страховое предприятие может вестись акционерной компанией без исключительных привилегий. Ни Лондонская страховая, ни Королевская биржевая страховая компании не имеют таких привилегий.

Когда судоходный канал сооружен, управление им совсем просто и легко и подчиняется точным правилам и методам. Даже сооружение его таково, что может быть сдано подрядчику с расплатой поверстно или по количеству шлюзов. То же самое, что о канале, можно сказать и о водопроводе, снабжающем водой большой город. Поэтому такие предприятия могут вестись, а часто на самом деле ведутся очень успешно, под управлением акционерных компаний без исключительных привилегий.

Однако учреждение акционерной компании для какого-либо предприятия только потому, что такая компания может оказаться способной вести это предприятие успешно, или изъятие отдельной группы купцов от действия обычных законов, которые распространяются на всех их соседей, только потому, что при таком изъятии они могут преуспевать, конечно, не является основательным. Для того, чтобы такое учреждение было вполне целесообразно, наряду с возможностью точных правил и методов налицо должны быть еще два других обстоятельства: во-первых, должно быть совершенно очевидно, что это предприятие приносит большую и более общую пользу, чем большая часть обыкновенных предприятий; во-вторых, что оно требует большего капитала, чем тот, какой может быть без труда собран частным товариществом. Если умеренный капитал достаточен, большая полезность предприятия не может служить достаточным основанием для учреждения акционерной компании, потому что в таком случае спрос на то, что она должна производить, может быть незамедлительно и легко удовлетворен отдельными предпринимателями. Во всех четырех отмеченных выше видах предприятия налицо имеются оба эти условия.

Большая и общая польза банковских предприятий, когда они разумно управляются, была обстоятельно выяснена во второй книге этого исследования. Но государственный банк, который поддерживает

государственный кредит и в отдельных случаях авансирует правительству весь его доход от налогов,—иногда достигающий, может быть, многих миллионов,—за год или два до того, как налог будет собран, требует капитала большего, чем тот, какой может быть легко собран какой-либо частной компанией.

Страховые предприятия обеспечивают значительную устойчивость состояния отдельных лиц; распределяя между многими людьми те убытки, которые разорили бы отдельное лицо, они облегчают их для всего общества. Однако для того, чтобы дать эту устойчивость, страхователи должны обладать очень большим капиталом. Говорят, что перед учреждением двух акционерных страховых компаний в Лондоне генеральному прокурору был представлен список ста пятидесяти частных страхователей, обанкротившихся в течение пяти лет.

То, что судоходные каналы и сооружения, необходимые иногда для снабжения больших городов водой, очень полезны для общества и в то же время часто требуют больших расходов, чем это соответствует средствам частных лиц, достаточно ясно.

За исключением четырех видов предприятий, о которых выше упоминалось, я не мог представить себе какого-либо другого, где налицо имелись бы условия, требующиеся для того, чтобы было целесообразно учреждение акционерной компании. Английская медная компания в Лондоне, компания для выплавки свинца, компания для шлифовки зеркал не имеют целью какой-либо большой или особенной пользы, которую они бы преследовали; не требуется также, повидимому, для выполнения их целей затрат, непосильных для состояния многих частных лиц. Мне неизвестно, возможно ли свести дело, какое ведут эти акционерные компании, к таким точным правилам и методам, которые делают его пригодным для акционерных компаний, или имеют ли они основание хвалиться чрезвычайными прибылями. Горнопромышленная торговая компания давно уже обанкротилась. Акции Британской полотняной компании в Эдинбурге продаются в настоящее время много ниже своей нарицательной стоимости, хотя и выше, чем несколько лет тому назад. Акционерные компании, учрежденные с патриотической целью поддержания некоторых отдельных видов мануфактурной промышленности, кроме принесения себе вреда и уменьшения капитала всего общества, вряд ли приносят больше пользы, чем вреда. Несмотря на самые честные намерения, неизбежное пристрастие директоров к отдельным отраслям промышленности, в которые разные предприниматели завлекают их и обманывают, задерживает фактически развитие остальной промышленности и неизбежно более или менее нарушает то естественное соотношение, какое в противном случае установилось бы между правильно ведущейся промышленностью и прибылями и какое для общей промышленности страны является большим и самым действительным поощрением.

Статья II. О расходах на учреждения для образования юношества

Учреждения для образования юношества точно так же могут приносить доход, достаточный для покрытия расходов по их содержанию. Плата или гонорар, который студент уплачивает учителю, естественно составляет доход этого рода.

Даже в тех случаях, когда вознаграждение учителя получается не из этого естественного источника, все же не представляется необходимым, чтобы оно оплачивалось за счет общих государственных доходов, собиравание и расходование которых в большинстве стран предоставлено исполнительной власти. Действительно, в большей части Европы содержание школ и университетов или совсем не ложится бременем на эти общие доходы государства, или ложится очень небольшим бременем. Они повсюду содержатся главным образом за счет каких-нибудь местных или провинциальных доходов, за счет ренты с какого-либо земельного владения или процентов с капитала, предоставленного специально для этой цели иногда самим государем, иногда каким-нибудь частным жертвователем и порученного управлению особых доверенных людей.

Содействовали ли в общем эти общественные пожертвования достижению той цели, ради которой они делались? Содействовали ли они поощрению старательности и улучшению способностей преподавателей? Направляли ли они обучение в сторону целей, более полезных как для отдельного лица, так и для всего общества, чем те цели, какие оно естественно преследовало бы, будучи предоставлено самому себе? Не представляется очень трудным дать более или менее точный ответ на каждый из этих вопросов.

В любой профессии старательность большинства тех, кто занимается ею, всегда соответствует необходимости для них проявлять эту старательность. Эта необходимость сильнее всего ощущается теми, для которых вознаграждение их профессии составляет единственный источник, из которого они рассчитывают приобрести себе состояние или даже свой обычный доход и средства к существованию. Для того, чтобы приобрести это состояние или даже только получить эти средства к существованию, они должны на протяжении года выполнить определенное количество работы установленной стоимости; и там, где конкуренция свободна, соперничество конкурентов, которые все стараются вытеснить друг друга, вынуждает каждого стараться выполнять свою работу с известной степенью точности. Величина благ, которые могут быть получены при успехе в некоторых профессиях, может, несомненно, возбуждать иногда усилия немногих людей, отличающихся чрезвычайным честолюбием и характером. Однако большие блага, очевидно, отнюдь не необходимы для того, чтобы вызывать величайшие усилия. Соперничество и борьба делают первенство и превосходство даже в маловажных профессиях целью честолюбия и часто вызывают величайшие усилия. Напротив того, одни большие блага, при отсутствии необходимости добиваться их, редко бывали достаточны для того, чтобы вызвать сколько-нибудь значительные

усилия. В Англии успех в профессии юриста ведет к очень заманчивым для честолюбия благам, и, однако, как мало людей, рожденных в богатых семьях, выделились здесь в этой профессии!

Капиталы школ и университетов неизбежно более или менее уменьшили необходимость прилежания для преподавателей. Их средства к существованию, поскольку их источником является их жалование, получаются очевидно из фонда, совершенно независимого от их успеха и репутации в их специальной профессии.

В некоторых университетах жалование составляет только часть, и притом часто только небольшую часть, вознаграждения преподавателя, большая его часть получается от гонорара или платы, вносимой его слушателями. Необходимость усердия, хотя всегда более или менее уменьшенная, в данном случае не совсем устранена. Репутация в своей профессии имеет для преподавателя еще некоторое значение, он еще зависит от симпатий, благодарности и благоприятных отзывов тех, кто слушал его лекции; и такое благоприятное отношение к себе он приобретает скорее всего только в том случае, если заслужит его, т. е. если проявит способности и старательность при выполнении всех своих обязанностей.

В других университетах преподавателям запрещено получать от слушателей какой-либо гонорар или плату, и их жалование составляет весь заработок, который они получают от своей должности. В данном случае интересы преподавателя поставлены в самую непосредственную и прямую противоположность его обязанностям. В интересах каждого человека жить так спокойно, как это только возможно, и если его заработок останется неизменным, будет ли он или не будет выполнять некоторые очень обременительные обязанности, то, конечно, в его интересах, — по крайней мере как последние обычно понимаются, — или совсем пренебрегать ими, или, если он подчинен некоторой власти, которая не потерпит этого с его стороны, выполнять их так небрежно и неаккуратно, как только это допустит указанная власть. Если он по природе деятелен и трудолюбив, в его интересе проявить эту активность таким образом, чтобы извлекать из этого некоторую выгоду, но не расходовать ее на выполнение своих обязанностей, которое не принесет ему ни малейшей выгоды.

Если власть, которой он подчинен, олицетворяется в корпорации, — в колледже или университете, — членом которой он состоит сам и большая часть других членов которой состоит из таких же преподавателей, как и он, или будущих преподавателей, то они скорее всего будут действовать согласно, будут все очень снисходительны друг к другу, причем каждый согласится, чтобы его сосед пренебрегал своими обязанностями при условии, чтобы ему самому также позволяли пренебрегать своими. В Оксфордском университете большинство профессоров в течение уже многих лет совсем отказалось даже от видимости преподавания.

Если власть, которой преподаватель подчинен, принадлежит не столько корпорации, членом которой он является, а каким-либо

другим посторонним лицам, например епископу диоцеза, губернатору провинции или, может быть, одному из министров государства, в таких случаях мало вероятно, чтобы ему вообще было позволено пренебрегать своими обязанностями. Но такое начальство может самое большее заставить его посвящать своим ученикам определенное число часов, т. е. читать им определенное число лекций в неделю или в год. Содержание и характер этих лекций попрежнему будут зависеть от старательности преподавателя, а эта старательность тоже, вероятно, будет соответствовать побуждениям, которые могут у него быть для проявления ее. Помимо того, подобного рода посторонняя власть легко может осуществляться невежественно и произвольно. По своей природе она произвольна и безапелляционна, и лица, осуществляющие ее, не присутствуя сами на лекциях преподавателя и не понимая, может быть, наук, которые он должен преподавать, редко способны осуществлять эту власть с надлежащим пониманием. Нередко высокомерие, обусловленное их положением, делает их индифферентными к отпращиванию обязанностей, и они проявляют большую склонность делать преподавателю выговоры или легкомысленно и без всякой основательной причины отрешать его от должности. Лицо, подчиненное такой власти, неизбежно принижается этим и вместо того, чтобы быть одним из наиболее уважаемых лиц в обществе, становится одним из наиболее жалких и презираемых. Только при помощи могущественного покровительства оно может оградить себя от плохого обращения, которому оно в любой момент может подвергнуться; а такое покровительство оно скорее всего приобретет не благодаря своим способностям или старательности, проявляемой им в сфере своей специальности, а посредством угодливости перед желаниями выше стоящих и постоянной готовности жертвовать правами, интересами и достоинством корпорации, членом которой оно состоит. Все, кому приходилось более или менее продолжительное время наблюдать управление каким-нибудь французским университетом, должны были иметь случай заметить последствия, к каким естественно ведет произвольная и посторонняя власть подобного рода.

Все, что принуждает определенное количество студентов посещать какой-либо колледж или университет, независимо от достоинств или репутации преподавателей, в большей или меньшей степени ведет к уменьшению необходимости таких достоинств и репутации.

Права, даваемые ученой степени в области искусств, юриспруденции, естественных наук и богословия, если она может быть получена только после пребывания в продолжение определенного числа лет в известных университетах, неизбежно заставляют определенное количество студентов поступать в эти университеты независимо от достоинств и репутации преподавателей. Особые права бакалавров представляют собою своего рода уставы об ученичестве, которые столь же содействовали улучшению образования, как уставы об ученичестве содействовали улучшению ремесл и мануфактур.

Благотворительные фонды для содержания кафедр, стипендии для учащегося и т. п. неизбежно привлекают известное количество студен-

тов в определенные колледжи независимо от достоинств этих последних. Если бы студентам, пользующимся этими благотворительными фондами, была предоставлена свобода выбирать колледж по своему вкусу, такая свобода, возможно, могла бы вести к возбуждению некоторого соревнования между различными колледжами. Напротив, правило, воспрещающее даже независимым членам колледжа покидать его и переходить в другой, не испросив и не получив предварительного разрешения у колледжа, который они намереваются оставить, много содействует уничтожению такого соревнования.

Если в каждом колледже учитель или преподаватель, который должен обучать каждого студента всем искусствам и наукам, не выбирается добровольно самим студентом, а назначается главою колледжа; если в случае его небрежного отношения к делу, неспособности и плохого поведения студенту не будет разрешено переменить его на другое, не испросив предварительно и не получив на это разрешения, то такое правило будет вести не только к уничтожению всякого соревнования между преподавателями одного и того же колледжа, но и к уменьшению необходимости для них проявлять усердие и внимание по отношению к своим ученикам. Такие преподаватели, хотя и очень хорошо оплачиваемые своими студентами, могут оказаться столь же расположенными пренебрегать ими, как и те, которые совсем не получают от них платы или не имеют другого вознаграждения, кроме своего жалованья.

Если преподаватель человек не глупый, для него должно быть неприятно сознание, что, преподавая своим студентам, он говорит или читает пустяки или нечто такое, что очень мало отличается от пустяков. Точно так же ему должно быть неприятно замечать, что большая часть его студентов не посещает его лекций или, может быть, присутствует на них, достаточно ясно обнаруживая свое пренебрежение, презрение и насмешку. Поэтому, если он обязан прочесть определенное число лекций, одни эти мотивы, помимо всяких других соображений, могут побудить его дать себе труд читать сколько-нибудь сносные лекции. Впрочем, могут быть пущены в ход различные средства, освобождающие от необходимости проявлять такую старательность. Вместо того, чтобы самостоятельно излагать своим ученикам науку, которую он хочет преподавать им, преподаватель может читать им какую-нибудь книгу на эту тему; а если эта книга написана на иностранном и мертвом языке, то, переводя ее на их родной язык или, что причинит ему еще менее беспокойства, заставляя их переводить ее ему и время от времени вставляя замечание от себя по поводу нее, он может обольщать себя мыслью, что читает лекцию. Малейшая степень знания и усердия позволит ему делать это, не навлекая на себя насмешки или презрения и не говоря ничего такого, что было бы действительно глупо, нелепо или смешно. В то же самое время дисциплина колледжа может позволить ему принудить всех своих учеников к самому аккуратному посещению его постыдных лекций и к сохранению самого приличного и почтительного поведения во все время их чтения.

Дисциплина в колледжах и университетах по общему правилу установлена не ради блага студентов, а в интересах или, правильнее выражаясь, для удобства преподавателей. Ее цель во всех случаях, это — поддержать авторитет учителя и, независимо от того, пренебрегает ли он своими обязанностями или выполняет их, принудить студентов во всех случаях относиться к нему так, как если бы он выполнял их с величайшей старательностью и талантом. Дисциплина как будто предполагает мудрость и добродетель у одних и величайшую слабость и неразумие у других. Везде, где учителя действительно выполняют свои обязанности, не бывает примеров, я уверен, чтобы большинство студентов пренебрегало своими обязанностями. Не требуется совсем никакой дисциплины для принуждения посещать лекции, которые действительно заслуживают этого, потому что хорошо известно, где такого рода лекции читаются. Принуждение и дисциплина могут быть, без сомнения, до известной степени необходимы для того, чтобы заставить детей или совсем маленьких мальчиков не пренебрегать теми предметами обучения, усвоение которых признается необходимым для них в этот ранний период жизни; но по достижении двенадцати- или тринадцатилетнего возраста, если только учитель выполняет свои обязанности, принуждение или дисциплина вряд ли могут оказаться необходимыми для прохождения той или иной части образования. Таково великодушное и благородство большей части молодых людей, что, отнюдь не будучи склонны игнорировать или презирать наставления своего учителя, если только он обнаруживает хотя сколько-нибудь серьезное стремление быть полезным им, они обычно склонны прощать значительные упущения при исполнении им своих обязанностей и иногда даже скрывать от публики грубое пренебрежение ими.

Следует отметить, что наилучшие результаты получаются по общему правилу в тех отраслях обучения, для которых не существует общественных школ. Если молодой человек посещает фехтовальную или танцевальную школу, он, правда, не всегда научится очень хорошо фехтовать или танцевать, но редко он не научится вообще фехтованию или танцам. Хорошие результаты школ верховой езды обычно не столь заметны. Расходы на содержание школы верховой езды так велики, что в большинстве мест они являются учреждениями общественными. Три наиболее важные части общего образования, — чтение, письмо и счет, — все еще принято больше усваивать в частных школах, а не в общественных, и очень редко бывает, чтобы кто-либо не сумел усвоить их в той степени, в какой это необходимо.

В Англии общественные школы находятся в гораздо меньшем упадке, чем университеты. В школах юношество обучается или, по крайней мере, может обучаться греческому и латинскому языкам, т. е. всему, чему учителя, согласно их заявлениям, учат или чему они должны, согласно ожиданиям, учить. В университетах же молодежь не обучается и не всегда находит надлежащие средства обучаться тем наукам, обучение которым составляет обязанность этих корпораций. Вознаграждение школьного учителя в большинстве случаев

зависит главным образом, а в некоторых случаях почти целиком, от платы, вносимой его учениками. Школы не обладают исключительными привилегиями. Для получения степени нет необходимости, чтобы данное лицо представило удостоверение о том, что училось определенное число лет в общественной школе. Если после экзамена оно оказывается знающим все то, что преподается в школе, его не спрашивают, где он учился.

Те отрасли знания, которые обычно преподаются в университетах, преподаются, можно сказать, не очень хорошо. Но если бы не было этих учреждений, то этим предметам обычно совсем не обучались бы, и как отдельные лица, так и общество в целом очень сильно чувствовало бы отсутствие этих важных отраслей образования.

Современные университеты Европы в своем большинстве были первоначально духовными корпорациями, учрежденными для образования священников. Они основывались властью папы и настолько находились под его непосредственным покровительством, что их члены, безразлично — профессора или студенты, пользовались тем, что в ту эпоху называлось привилегией духовенства, т. е. были изъяты из гражданской юрисдикции тех стран, где находились их университеты, и были подсудны только церковным трибуналам. В большинстве этих университетов преподавалось то, что соответствовало цели их учреждения, — теология или предметы, служившие только подготовкой к теологии.

Когда христианство было впервые признано государственной религией, испорченный латинский язык сделался общим языком всех западных областей Европы. В соответствии с этим церковная служба велась на этом испорченном латинском языке и на этот же язык была переведена Библия, читавшаяся в церквях, т. е. на общепотребительный язык страны. После нашествия варварских народов, разрушивших Римскую империю, латинский язык постепенно вышел из употребления во всех странах Европы. Но благоволение народа естественно сохраняет установившиеся религиозные формы и церемонии долгое время после того, как исчезают обстоятельства, впервые вызвавшие их к жизни и делавшие их разумными. Поэтому, хотя масса народа нигде уже не понимала латинского языка, вся церковная служба попрежнему отправлялась на этом языке. Таким образом в Европе, как и в древнем Египте, появились два языка: язык священников и язык народа. Но представлялось необходимым, чтобы священники хотя немного понимали тот священный и ученый язык, на котором они должны были отправлять церковную службу; поэтому изучение латинского языка с самого начала составляло существенную часть университетского обучения.

Не так обстояло дело с языком греческим или еврейским. Непотребительные декреты церкви провозгласили латинский перевод Библии, обычно называемый латинской Вульгатой, продиктованным божественным вдохновением и потому равным по авторитету с греческим и еврейским оригиналами. Поскольку в силу этого знание этих обоих языков не было абсолютно необходимо для церковника, изучение

их долгое время не составляло обязательной части обычного курса университетского образования. Как меня уверяют, в Испании есть такие университеты, где изучение греческого языка никогда не входило в этот курс. Первые реформаторы нашли греческий текст нового завета и даже еврейский текст древнего завета более благоприятным для их взглядов, чем перевод Вульгаты, который, как это естественно можно было предположить, был постепенно приспособлен для подтверждения доктрин католической церкви. Они поэтому заявили разоблачением многочисленных ошибок этого перевода, который римско-католическое духовенство ввиду этого было поставлено в необходимость защищать или комментировать. Но это не могло быть надлежащим образом выполнено без некоторого знакомства с оригинальными языками, изучение которых было поэтому введено постепенно в большей части университетов как в принявших учение реформации, так и в отвергавших его. Греческий язык входил во все области того классического образования, которое, хотя оно сперва культивировалось главным образом католиками и итальянцами, вошло в моду как раз около того времени, когда стали распространяться идеи реформации. Поэтому в большинстве университетов этот язык изучался до философии и сейчас же после того, как студент приобретает некоторые познания в латинском языке. Поскольку еврейский язык не стоит ни в какой связи с классическим образованием и, за исключением священного писания, на нем не написано ни одной книги, заслуживающей какого-либо внимания, постольку изучение его обычно начинается только после курса философии, когда студент уже приступил к изучению теологии. Первоначально начатки греческого и латинского языков преподавались в университетах, а в некоторых из них это практикуется и по сию пору. В других предполагается, что студент приобрел уже предварительно хотя бы самые первые познания в одном или в обоих этих языках, изучение которых продолжает составлять повсюду весьма существенную часть университетского образования.

Древняя греческая философия подразделялась на три большие отдела: физика, или натуральная философия, этика, или моральная философия, и логика. Такое общее подразделение представляется вполне соответствующим самой природе вещей.

Великие явления природы, движение небесных тел, затмения, кометы, гром, молния и другие необычные метеорологические явления; рождение, жизнь, рост и разложение растений и животных — все это такие предметы, которые, поскольку они неизбежно вызывают удивление, естественно возбуждают любопытство человечества дознаться их причин. Сперва суеверие пыталось удовлетворить это любопытство, объясняя все эти удивительные явления непосредственной деятельностью богов. Затем философия пыталась объяснить их более простыми причинами или такими, которые лучше известны человечеству, чем действия богов. Так как эти великие явления представляют собою первые объекты человеческого любопытства, то и наука, старавшаяся объяснить их, естественно должна была явиться первой отраслью философии, которая разрабатывалась. И действительно,

первые философы, о которых история сохранила какие-либо сведения, были натурфилософами.

Во все эпохи и во всех странах мира люди должны были обращать внимание на характеры, стремления и действия друг друга: им приходилось устанавливать и одобрять с общего согласия многочисленные важные правила и обычаи человеческого поведения. Как только распространилось умение писать, мудрые люди или люди, воображавшие себя таковыми, естественно пытались увеличить количество таких установленных и почитаемых правил и высказать свое собственное понимание того, что является надлежащим или ненадлежащим поведением, прибегая иногда к более искусственной форме иносказаний, подобно басням Эзопа, а иногда к более простой форме изречений, каковы притчи Соломона, стихи Феогнида или Фокилида и некоторые произведения Гезиода. Они могли таким образом продолжать долгое время свое творчество, умножая число таких правил благоразумия и нравственности, даже не пытаясь привести их в более или менее отчетливую и упорядоченную систему, не говоря уже об объединении их одним или несколькими общими принципами, из которых они все вытекают бы, как следствия вытекают из своих естественных причин. Прелесть систематического расположения различных наблюдений, объединенных немногими общими принципами, впервые заметна в грубых попытках этой древней эпохи создать натуральную философию. Нечто в том же роде пытались впоследствии создать и в области морали. Правила поведения в повседневной жизни были сгруппированы в известном методическом порядке и объединены немногими общими принципами, как раньше пытались сгруппировать и объединить явления природы. Наука, ставящая себе задачей исследование и объяснение этих объединяющих принципов, и есть то, что собственно называют моральной философией.

Различные авторы предлагают различные системы натуральной и моральной философии, но доводы, которые они приводили в обоснование этих различных систем, далеко не всегда будучи доказательными, часто представляли собою в лучшем случае мало обоснованные предположения, а иногда просто софизмы, основывавшиеся исключительно на неточности и двусмысленности обиходного языка. Во все эпохи спекулятивные системы принимались на основе соображений столь неосновательных, что они никогда не могли бы определять суждение здравомыслящих людей в делах, связанных с малейшим денежным интересом. Грубая софистика вообще вряд ли когда-либо имела какое-нибудь влияние на мнения человечества, за исключением вопросов философии и умозрения, причем в этих областях она часто пользовалась наибольшим влиянием. Сторонники каждой системы натуральной и моральной философии естественно старались разоблачить слабость доводов, приводимых в обоснование систем, противоположных их собственной. Исследуя эти доводы, они необходимо приходили к выяснению различия между доводами, основанными на вероятности, и доводами доказательными, между доводами ложными и убедительными; из наблюдений, вызванных исследова-

нием этого рода, необходимо развилась логика, или наука об общих принципах правильного и неправильного мышления. Хотя она возникла после физики и этики, она обыкновенно преподавалась,—не во всех, правда, но в большей части древних школ философии,—до обеих этих наук. Полагали, повидимому, что студент должен хорошо усвоить различие между правильным и неправильным мышлением прежде, чем приступить к обсуждению вопросов столь большого значения.

Такое старинное подразделение философии на три отдела в большинстве университетов Европы сменилось подразделением ее на пять отделов.

В древней философии все учения, касавшиеся природы человеческого духа или божества, составляли часть системы физики. В чем бы ни состояла, по предположению их, сущность, они являлись частями великой системы вселенной и притом такими частями, которые проявляли в высшей степени важное действие. Все, что человеческий разум мог заключать или предполагать относительно них, составляло как бы две главы, притом, без сомнения, две очень важные главы той науки, которая хотела объяснить происхождение и изменения великой системы вселенной. Но в университетах Европы, где философия преподавалась лишь в качестве вспомогательной науки для теологии, было естественно останавливаться на этих двух главах дольше, чем на какой-либо другой главе науки. Постепенно они все более и более расширялись и подразделялись на многие второстепенные главы, пока, наконец, учение о духе, о котором так мало может быть известно, не заняло в системе философии столько же места, сколько и учение о телах, о которых так много может быть известно. Учения об этих двух предметах были признаны составляющими две самостоятельные науки. Так называемая метафизика, или учение о духе (пневматика), была противопоставлена физике и разрабатывалась не только как более возвышенная, но и как более полезная—для целей специальной профессии—наука. Область знания, открытая для опыта и наблюдения, область знания, в которой тщательное внимание способно приводить к столь многочисленным полезным открытиям, была оставлена почти в полном пренебрежении. Напротив, тщательно разрабатывалась та область, где, помимо весьма немногих простых и почти очевидных истин, самое тщательное исследование не может ничего открыть, кроме мрака и неизвестности, и поэтому способно породить только ненужные тонкости и софизмы.

Когда эти две науки были, таким образом, противопоставлены одна другой, сравнение между ними естественно привело к появлению третьей науки, так называемой онтологии, или науки, рассматривавшей качества и свойства, общие предметам двух других наук. Но если бесспорительные тонкости и софизмы составляли главную часть метафизики, или учения о духе, различных школ, то исключительно из них состояла вся эта паутина онтологии, которую точно так же называли иногда метафизикой.

Все то, что вело к счастью и совершенствованию человека, рас-

смастриваемого не только как отдельная личность, но и как член семьи, государства или великого целого — человечества, составляло предмет исследования древней моральной философии. В этой философии обязанности человека признавались средствами для счастья и улучшения человеческой жизни. Когда же моральная философия и натурфилософия стали преподаваться как науки, пособия для теологии, на обязанности человека стали смотреть главным образом как на средство для счастья в будущей жизни. В древней философии совершенная добродетель изображалась необходимо приносящей человеку, обладающему ею, совершенное счастье в этой жизни. В современной философии она часто изображалась как нечто, по общему правилу или почти всегда не совместимое с какою бы то ни было степенью счастья в этой жизни; небесного блаженства, согласно ей, можно было достичь только путем покаяния и умерщвления плоти, смирения и суровой жизни монаха, а не свободным, великодушным и благородным поведением человека. Казуистика и аскетическая мораль составляли в большинстве случаев главное содержание школьной моральной философии. Наиболее важная из всех отраслей философии оказалась таким образом больше всего извращенной.

Ввиду изложенного обычный порядок философского обучения в большинстве европейских университетов был таков: в первую очередь преподавалась логика; на втором месте шла онтология; третье место занимала пневматология, включая сюда учение о природе человеческой души и божества; на четвертом месте следовала извращенная система моральной философии, которая признавалась непосредственно связанной с теориями пневматологии, с бессмертием человеческой души и наградами и наказаниями со стороны божественной справедливости, каких следовало ожидать в будущей жизни; краткая и поверхностная система физики обычно заключала курс обучения.

Все изменения, какие европейские университеты ввели, таким образом, в древний курс философии, имели в виду образование духовенства и превращение этого курса в более подходящее введение к изучению теологии. Но добавочное количество тонкостей и софистики, казуистики и аскетической морали, введенное в него этими изменениями, безусловно не сделало его более пригодным ни для воспитания светских людей, ни для развития умственных способностей или улучшения характера.

Этот курс философии и теперь еще преподается в большей части университетов Европы, — преподается с большим или меньшим усердием, в зависимости от того, насколько устройство каждого отдельного университета делает это усердие более или менее необходимым для преподавателей. В некоторых из наиболее богатых и лучше всего снабженных средствами университетах учителя ограничиваются преподаванием немногих, не связанных между собою отрывков и кусков этого извращенного курса, причем даже их они обычно преподают очень небрежно и поверхностно.

Успехи, сделанные в современную эпоху в различных областях

философии, в большей своей части были сделаны не в университетах, хотя, без сомнения, некоторые из них были достигнуты в последних. Большинство университетов даже не очень спешило воспринять эти достижения после того, как они были сделаны, а некоторые из этих ученых обществ предпочитали оставаться в течение долгого времени святилищем, где отвергнутые системы и устарелые предрассудки находили убежище и защиту после того, как они были изгнаны из всех уголков мира. По общему правилу, наиболее богатые и лучше всего снабженные университеты проявляли наибольшую медлительность в принятии этих достижений и больше всего сопротивлялись сколь угодно значительным изменениям в установленном плане обучения. Эти нововведения находили более легкий доступ в некоторые из более бедных университетов, где преподаватели, самое существование которых зависело главным образом от их репутации, были вынуждены больше считаться с новыми течениями мысли.

Но, хотя общественные школы и университеты Европы первоначально устраивались только для образования определенной профессии духовенства — и хотя они не всегда достаточно усердно обучали своих учеников даже тем наукам, которые считались необходимыми для этой профессии, они все же постепенно взяли на себя образование почти всех других людей, в частности почти всего дворянства и состоятельных лиц. Это, повидимому, лучший способ затратить с пользой продолжительный промежуток между детством и тем периодом жизни, когда человек серьезно приступает к практической деятельности, к той работе, какую ему придется заниматься до конца своих дней. Однако большая часть того, чему обучают в школах и университетах, не является наиболее подходящей подготовкой к этой деятельности.

В Англии с каждым днем все более входит в обычай посылать молодых людей путешествовать за границу сейчас же после окончания ими школы, не определяя их ни в какой университет. Как утверждают, наша молодежь обычно возвращается домой, много приобретя в своих путешествиях. Молодой человек, уезжающий за границу семнадцати или восемнадцати лет и возвращающийся домой двадцати одного года, возвращается старше на три или четыре года по сравнению с тем, каким уезжал за границу, и в этом возрасте очень трудно не развиться и не приобрести значительных знаний за три или четыре года. За время своих путешествий он обыкновенно приобретает некоторые познания в одном или двух иностранных языках, — познания, впрочем, редко достаточные для того, чтобы он мог, как следует, говорить или писать на них. Во всех остальных отношениях он обыкновенно возвращается более тщеславным, более безнравственным и более неспособным к какому бы то ни было занятию или делу, чем это могло бы быть, если бы он оставался дома. Благодаря странствованиям в столь юном возрасте и бесплодной затрате самых драгоценных лет жизни на самый легкомысленный разгул, вдали от надзора и контроля родителей и родственников, все полезные привычки, какие могли в некоторой степени воспитать в нем прежние годы обучения, вместо того, чтобы упрочиться, почти

неизбежно утратили над ним силу или совсем исчезли. Только дурная репутация, до которой университеты позволили себе докатиться, могла сделать распространенным столь нелепый обычай, как путешествия в этот ранний период жизни. Отправляя своего сына за границу, отец избавляет себя, по крайней мере на некоторое время, от неприятности видеть своего сына шатающимся без дела, ни к чему не пристроенным и на его глазах идущим к гибели.

Таковы были результаты некоторых из современных образовательных учреждений.

В иные эпохи и у других народов существовали, повидимому, другие программы и другие учреждения для образования.

В республиках древней Греции каждый свободный гражданин обучался, под контролем государственной власти, гимнастическим упражнениям и музыке. Посредством гимнастических упражнений имелось в виду закалить его тело, развить в нем мужество и подготовить его к тяготам и опасностям войны; и так как греческое ополчение, согласно всем сообщениям, было одним из лучших, которые когда-либо существовали, то эта часть их общественного воспитания, надо думать, вполне отвечала цели, для которой она была установлена. Посредством другой его части—музыки—имелось в виду, по крайней мере по мнению философов и историков, которые описали нам эти учреждения, гуманизировать ум, смягчить характер и располагать его к выполнению всех социальных и нравственных обязанностей общественной жизни.

В древнем Риме упражнения на Марсовом поле служили той же цели, что и гимназии в древней Греции и, как кажется, служили ей столь же хорошо. Но у римлян не было ничего, что соответствовало бы музыкальному образованию греков. Однако нравственный уровень римлян как в частной, так и в общественной жизни, повидимому, был не только не ниже, но в общем гораздо выше, чем у греков. Что они в частной жизни стояли в этом отношении выше, определенно свидетельствуют нам Полибий¹ и Дионисий Галикарнасский, два писателя, хорошо знакомые с обоими народами; и весь характер греческой и римской истории свидетельствует нам о превосходстве общественных нравов римлян. Спокойный характер и умеренность борющихся партий представляются наиболее важными чертами в общественных нравах свободного народа. Между тем партии в Греции отличались почти всегда насильственными действиями и склонностью к кровопролитию, тогда как до эпохи Гракхов ни одна из римских партий не пролила никогда ни капли крови, а со времени Гракхов римскую республику можно считать фактически переставшей существовать. Вопреки, таким образом, весьма прочному авторитету Платона, Аристотеля и Полибия и вопреки весьма остроумным соображениям, какими Монтескье пытается подкрепить этот авторитет, представляется вероятным, что музыкальное воспитание греков мало отразилось на улучшении их нравов, поскольку, при отсутствии

¹ [Polybius, Hist., VI, 54.]

такого воспитания, нравы римлян в общем были выше. Уважение этих древних мудрецов к учреждениям своих предков располагало их, вероятно, находить большую политическую мудрость в том, что было, быть может, только старинным обычаем, существовавшим без перерыва с самого раннего периода этих обществ до того времени, когда они достигли значительной степени цивилизации. Музыка и танцы служат большим развлечением почти у всех варварских народов и считаются большим талантом, делающим каждого человека способным развлекать общество. Это наблюдается в наше время у негров на Африканском побережье. То же имело место у древних кельтов, у древних скандинавов, и как мы можем видеть у Гомера¹, у древних греков в эпоху, предшествовавшую Троянской войне. Когда греческие племена сложились в небольшие республики, изучение этих искусств в течение долгого времени естественно составляло часть государственного и общего воспитания народа.

Учителя, которые обучали молодых людей музыке или военным упражнениям, повидимому, не оплачивались и даже не назначались государством ни в Риме, ни даже в Афинах, той греческой республике, о законах и обычаях которой мы лучше всего осведомлены. Государство требовало, чтобы каждый свободный гражданин подготовил себя к защите его во время войны и с этой целью прошел курс военных упражнений, но оно предоставляло ему учиться у тех преподавателей, каких он найдет, и, как кажется, оно ничего не давало на эту цель, если не считать предоставления общественного поля или места для упражнений, где он мог практиковаться и выполнять последние.

В ранние периоды существования греческих и римской республик другие части образования состояли, повидимому, в обучении чтению, письму и счету согласно правилам арифметики того времени. Эти знания более богатые граждане, как кажется, приобретали часто у себя на дому с помощью домашних учителей, которые обыкновенно были рабами или вольноотпущенниками, а более бедные граждане—в школах таких учителей, которые делали себе ремесло из преподавания за плату. Эти отделы образования были целиком предоставлены заботам родителей и опекунов каждого отдельного лица. Нет данных, чтобы государство когда-либо брало на себя надзор или руководство ими. Впрочем, по законам Солона, дети освобождались от обязанности содержать в старости тех родителей, которые не обучили их какой-нибудь полезной профессии или ремеслу.

С развитием культуры и просвещения, когда вошли в моду философия и риторика, люди богатые и состоятельные стали посылать своих детей в школы философов и риториков для обучения этим модным наукам; школы эти, однако, не содержались на государственные средства; государство долгое время лишь терпело их. Спрос на философию и риторику в течение долгого времени был так незначителен, что первые учителя, сделавшие себе профессию из той или другой, не могли найти постоянного занятия в каком-нибудь одном го-

[Вероятно, имеется в виду 18-я песнь Илиады.]

роде, а были принуждены странствовать из одного места в другое. Так жили Зенон Элейский, Протагор, Горгий, Гиппий и многие другие. С усилением спроса школы философии и риторики сделались постоянными сперва в Афинах, а потом в ряде других городов. Тем не менее, государство, как кажется, никогда в своем поощрении их не шло дальше предоставления некоторым из них специального помещения для занятий, которое нередко отводилось также и частными жертвователями. Государство, повидимому, предоставило Академию Платону, Лицей—Аристотелю и Портик—Зенону из Цитты, основателю стоической школы. Эпикур завещал свои сады своей собственной школе. Однако, насколько известно, до времени Марка Антонина ни один учитель не получал никакого жалования от государства и вообще не имел иного вознаграждения, кроме гонорара или платы за учение от своих учеников. Пенсия, пожалованная этим императором-философом, как нам сообщает Лукиан¹, одному из учителей философии, вероятно, выдавалась только при его жизни. В ту пору не существовало ничего, соответствующего ученой степени, и для занятия какой-либо профессией или ремеслом не было необходимо прослушать курс одной из этих школ. Если бы учеников не привлекало к ним сознание их полезности, закон все равно не принуждал никого посещать эти школы и не давал никому вознаграждения за посещение их. Учителя не обладали никакими правами и никакой властью над своими учениками, если не считать того естественного авторитета, каким в глазах юношества всегда пользуются те, кому поручена та или иная часть их образования, кто отличается высшей добродетелью и способностями.

В Риме изучение гражданского права составляло часть образования не большей части граждан, но лишь некоторых семей. Но молодые люди, желавшие изучать право, не имели к своим услугам общественных школ, которые они могли бы посещать, и не обладали другими способами ознакомиться с ним, кроме более частого общения с теми из своих родственников и друзей, которые считались сведущими в праве. Не лишним будет, пожалуй, заметить, что, хотя часть законов Двенадцати таблиц была заимствована из законов некоторых древних греческих республик, ни в одной из республик древней Греции право, повидимому, не развилось до степени науки. В Риме оно очень рано превратилось в науку, и там граждане, считавшиеся сведущими в ней, пользовались большой известностью. В республиках древней Греции, в особенности в Афинах, обыкновенные суды состояли из многочисленных, а потому и беспорядочных народных коллегий, которые часто выносили свои приговоры наудачу или так, как то внушалось криками и партийным духом. Позор несправедливого решения дела, когда он делится между пятьюстами, тысячью или полтора тысячами людей (ибо некоторые их суды были столь многочисленны), не мог ложиться очень большой тяжестью на отдельное лицо. В Риме, напротив, главные суды состояли из одного

¹ [Lucian, Eunuchus, c. ad. 3.]

судьи или очень малого числа судей, на репутации которых, поскольку они всегда обсуждали дела публично, должно было сильно отражаться всякое несправедливое или опрометчивое решение. В сомнительных случаях такие суды, в стремлении избегнуть порицания, всегда естественно стремились прикрыться примером или прецедентом, установленным судьями, заседавшими раньше в этом же или в другом каком-нибудь суде. Этот интерес к практике и прецедентам необходимо придал римскому праву ту прочную и последовательную систему, в которой оно дошло до нас; такое же влияние он оказывал на право всякой другой страны. Превосходство римского характера над греческим, которое отмечают Полибий и Дионисий Галикарнасский, скорее всего объясняется лучшим устройством их судов, а не одною из тех причин, которые выдвигают эти авторы. Как передают, римляне особенно отличались своим высоким уважением к присяге, а люди, привыкшие приносить присягу только перед внимательным и хорошо осведомленным судом, естественно будут относиться с большей осторожностью к тому, что они показывают под присягой, чем люди, привыкшие присягать перед шумными и беспорядочными собраниями.

Следует бесспорно признать, что как гражданские, так и военные способности греков и римлян, по меньшей мере, не уступали способностям любой из современных наций. Наши предрассудки, пожалуй, даже располагают нас скорее переоценивать способности первых. Но за исключением военного дела, государство, повидимому, не проявляло особых забот для развития этих способностей; в самом деле, я не могу поверить, чтобы музыкальное образование греков имело большое значение в этом отношении. Однако находились учителя для обучения богатых людей этих народов всем тем искусствам и наукам, обучение которым в данном обществе считалось для них необходимым или приличествующим. Спрос на такое преподавание порождал, как всегда, соответствующие способности и умение; и соревнование, которое всегда неизбежно вызывает неограниченная конкуренция, довело эти способности до высшей степени совершенства. Судя по тому вниманию, которое возбуждали древние философы, по влиянию, какое они приобретали над мнениями и убеждениями своих слушателей, по их способности придавать определенную окраску и характер поведению и разговору последних, они, повидимому, значительно превосходили современных учителей. В новейшее время старательность общественных преподавателей более или менее ослабляется ввиду условий, делающих их более или менее независимыми от их успеха и репутации в их специальности. То обстоятельство, что они получают жалованье, ставит также частного учителя, который пожелал бы конкурировать с ними, в такое же положение, в каком находится купец, желающий торговать при отсутствии премии, конкурируя с купцами, получающими значительную премию. Если он продает свои товары приблизительно по той же цене, он не может иметь такую же прибыль, и его неизбежно ожидает печальная участь,—по меньшей мере, бедность и нищета, если не полное разо-

рение и гибель. Если же он попробует продавать их дороже, то у него будет так мало покупателей, что обстоятельства его значительно не улучшатся. Помимо того, в многих странах ученая степень необходима или, по крайней мере, чрезвычайно важна для людей ученых профессий, т. е. для преобладающей части тех, кто хочет заняться учеными профессиями. Но эту степень можно получить, только посещая лекции общественных преподавателей. Самые серьезные занятия под руководством самого способного частного учителя не всегда могут дать право на соискание степени. Эти различные причины привели к тому, что в новейшее время частные преподаватели тех наук, какие обычно преподаются в университете, обычно считаются самым низким разрядом людей свободных профессий. Человек действительно способный едва ли может найти более униженное и более невыгодное занятие, чем сделаться частным учителем. Таким-то образом стипендии и оклады школ и колледжей не только уменьшили старательность общественных преподавателей, но и сделали почти невозможным иметь сколько-нибудь хороших частных преподавателей.

Если бы не существовало никаких общественных образовательных учреждений, то не преподавались бы науки, на которые отсутствует спрос или изучение которых по условиям времени не было бы необходимым, желательным, или, по меньшей мере, не требовалось бы модой. Частный учитель при таких условиях никогда не мог бы с выгодой обучать всеми отвергнутой и устаревшей научной системе или науке, признаваемой всеми совершенно бесполезной и педантической смесью софизмов и нелепостей. Такие системы, такие науки могут уцелеть только в таких образовательных корпорациях, благосостояние и доход которых в значительной степени не зависят от их репутации и совсем не зависят от их деятельности. Если бы не существовало общественных образовательных учреждений, молодой человек благородного происхождения, старательный и способный, прошедший самый полный курс образования, какой только можно было бы пройти по условиям его времени, не мог бы вступить в жизнь, оставаясь совершенно невежественным во всем том, что составляет содержание обычных разговоров воспитанных и светских людей.

Не существует общественных заведений для образования женщин, и в результате этого в обычном курсе их обучения нет ничего бесполезного, нелепого или фантастического. Их обучают тому, что их родители или опекуны считают нужным или полезным для них изучить, и ничему иному их не учат. Все части их образования явно направлены к какой-нибудь полезной цели: или к развитию естественной привлекательности их личности, или к воспитанию в них сдержанности, скромности, целомудрия и бережливости, к подготовке их к роли хозяйки семьи и к умению вести себя в качестве таковой. Во все периоды своей жизни женщина чувствует какие-либо удобства или преимущества от полученного ею образования. Напротив, редко бывает, чтобы мужчина в какой-либо период своей жизни извлекал какие-либо удобства или преимущества из наиболее трудных и обременительных частей своего образования.

Могут спросить, не должно ли общество в силу этих оснований совсем игнорировать народное образование? Или, если оно должно уделять известное внимание, то каковы должны быть различные виды образования, которым оно должно содействовать в отношении различных классов народа? Каким образом оно должно содействовать им?

В некоторых случаях общее состояние общества необходимо ставит большинство отдельных личностей в такое положение, которое естественно развивает в них, без всякого содействия правительства, почти все способности и качества, которые это состояние общества требует или может допускать. В других случаях общее состояние общества не ставит большинство отдельных лиц в такое положение, и тогда становится необходимым некоторое вмешательство правительства, чтобы предотвратить почти полное разращение и упадок нравственности широких масс народа.

С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум. Но умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, причем и результаты их, возможно, всегда одни и те же или почти одни и те же, не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность для придумывания способов устранять трудности, которые никогда ему не встречаются. Он поэтому естественно утрачивает привычку к такому упражнению и обыкновенно становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо. Его умственная тупость делает его не только неспособным находить удовольствие или участвовать в сколько-нибудь разумной беседе, но и понимать какое бы то ни было благородное, великодушное или нежное чувство, а следовательно и составлять сколько-нибудь правильное суждение относительно многих даже обычных обязанностей частной жизни. О великих и общих интересах своей страны он вообще не способен судить, и если не прилагаются чрезвычайные усилия, чтобы повлиять на него, он оказывается столь же неспособным защищать свою страну во время войны. Однообразие его неподвижной жизни естественно подрывает мужество его характера и заставляет его с ужасом взирать на беспорядочную, неверную и полную случайностей жизнь солдата. Оно ослабляет даже деятельность его тела и делает его неспособным напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для иного какого-либо занятия, кроме того, к которому он приучен. Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки, т. е. главная масса народа, если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого.

Иначе обстоит дело в варварских обществах, как они обычно называются, в обществах охотничьих, пастушеских и даже земледельческих на той низкой ступени земледелия, которая предшествует успехам мануфактурной промышленности и расширению внешней торговли. В таких обществах разнообразие занятий каждого человека вынуждает его развивать свои способности и придумывать средства для устранения постоянно возникающих затруднений. Все время дается пища изобретательности, и ум не может впасть в ту тупую сонливость, которая в цивилизованном обществе притупляет умственные способности почти всех членов низших классов народа. В этих так называемых варварских обществах каждый человек, как уже указано, является воином. Каждый человек вместе с тем является в некоторой степени государственным деятелем и может составить себе более или менее правильное суждение относительно интересов общества и образа действий тех, кто управляет им. Наблюдению почти каждого из них совершенно ясно, насколько их вожди являются хорошими судьями в мирное время или хорошими предводителями на войне. Конечно, в таком обществе ни один человек не может приобрести то высокое и утонченное умственное развитие, каким нередко обладают немногие люди в более цивилизованном обществе. Хотя на низкой ступени развития общества существует большое разнообразие в занятиях каждого отдельного его члена, во всем обществе в целом занятий совсем не так уже много. Каждый человек выполняет или способен выполнять почти все то, что выполняет или способен выполнять всякий другой человек. Каждый обладает значительным запасом знаний, сообразительности и изобретательности, но вряд ли хотя бы у одного из них запас этот очень велик. И все же тот запас, какой имеется налицо, является обычно достаточным для ведения простых дел общества. Напротив, хотя в цивилизованном обществе существует мало разнообразия в занятиях большей части отдельных его членов, имеется налицо почти бесконечное разнообразие занятий общества в целом. Эти разнообразные занятия представляют почти бесконечное разнообразие предметов для размышления тех немногих, которые, не занимаясь сами каким-нибудь определенным делом, имеют досуг и проявляют склонность исследовать и наблюдать занятия других людей. Наблюдение над столь разнообразными предметами необходимо изощряет их ум в бесконечных сравнениях и сопоставлениях и делает их умственные способности в чрезвычайной степени развитыми и восприимчивыми. Однако, если эти немногие не ставятся в совершенно особое положение, их большие способности, хотя и лестные для них самих, могут очень мало содействовать хорошему управлению или счастью их общества. Несмотря на большие способности этих немногих, все более благородные стороны человеческого характера могут быть в значительной мере подавлены и уничтожены в главной массе народа.

Образование простого народа в цивилизованном и торговом обществе требует, пожалуй, большего внимания и содействия государства, чем образование людей знатных и состоятельных. Люди знатные

и состоятельные обычно только в восемнадцати- или девятнадцатилетнем возрасте приступают к тому специальному делу, профессии или промыслу, посредством которого предполагают приобрести себе положение в свете. До этой поры у них вполне достаточно времени для приобретения или, по крайней мере, для подготовки себя к приобретению впоследствии всех тех данных и сведений, которые могут обеспечить им общественное уважение или сделать их достойными его. Их родители или опекуны обычно проявляют достаточно забот, чтобы они приобрели такую подготовку, и в большинстве случаев довольно охотно производят расходы, необходимые для этой цели. И если они не всегда получают должное образование, то это редко происходит от недостаточности расходов, произведенных на эту цель, а вызывается ненадлежащим употреблением расходуемых средств; это редко бывает от недостатка учителей, а происходит от небрежности и неспособности тех учителей, каких можно найти, или, вернее, от невозможности при современном положении вещей найти сколь-нибудь лучших. Вместе с тем занятия, в которых люди знатные и состоятельные проводят большую часть своей жизни, в отличие от занятий простого народа, не отличаются простотой и единообразием; почти все они чрезвычайно сложны и такого характера, что требуют больше работы головы, а не рук. Умственные способности тех, кто участвует в этих занятиях, редко могут отупеть от недостатка упражнения. Помимо того, занятия людей знатных и состоятельных редко бывают таковы, чтобы изнурять их с утра до ночи. Они обычно предполагают немалым досугом, в течение которого могут совершенствоваться в любой отрасли полезного знания или искусства, первоначальное ознакомление с которой или интерес к которой они приобрели в более ранний период своей жизни.

Иначе обстоит дело с простым народом. Он мало времени может уделять на образование. Родители людей из простонародья едва даже могут содержать их в детстве. Как только они становятся способными к труду, они вынуждены заняться каким-нибудь промыслом, при помощи которого могли бы зарабатывать себе средства к существованию. Притом профессия их, очевидно, так проста и однообразна, что дает мало упражнения уму, тогда как одновременно с этим их труд так непрерывен и так утомителен, что оставляет им мало досуга и пробуждает мало охоты заняться или даже подумать о чем-нибудь другом.

Но хотя люди из простонародья не могут в цивилизованном обществе получать такое хорошее образование, как люди знатные и состоятельные, однако умение читать, писать и считать может быть приобретено в столь ранний период жизни, что большинство даже тех, кто воспитывается для более простых занятий, имеют время приобрести эти познания еще до того, как они могут быть приставлены к этим занятиям. С весьма небольшими издержками государство может облегчить, поощрять и даже сделать обязательным почти для всего народа приобретение этих наиболее существенных элементов образования.

Общество может облегчать приобретение этих знаний учреждением в каждом приходе или округе небольшой школы, где дети могли бы обучаться за столь умеренную плату, которая была бы полезна даже для рядового поденщика; учитель должен был бы частью, но не целиком, оплачиваться из общественных средств, потому что при оплате его целиком или главным образом за счет общества он скоро научился бы небрежно относиться к своему делу. В Шотландии учреждение таких приходских школ привело к обучению почти всего простонародья чтению и весьма значительной части его — письму и счету. В Англии учреждение благотворительных школ произвело такого же рода действие, хотя и не в столь широких размерах, поскольку учреждались они не повсеместно. Если бы в этих первоначальных школах учебники, по которым дети обучаются читать, были несколько более содержательны, чем это обычно теперь бывает, и если бы вместо поверхностного ознакомления с латинским языком, которому иногда обучают в этих школах детей из простого народа и который вряд ли когда-нибудь может пригодиться им, их обучали бы элементарным отделам геометрии и физики, то общее образование этого класса народа было бы, пожалуй, так полно, как только может им быть. Нет почти такого ремесла или профессии, где не представляется случая прилагать принципы геометрии и физики и где поэтому простой народ не упражнялся бы и не ознакомился бы глубже с этими принципами, которые служат необходимым введением к самым возвышенным, а также и самым полезным наукам.

Общество может поощрять приобретение этих наиболее существенных знаний путем выдачи небольших премий и отличий детям из простонародья, которые отличились в этой области.

Государство может сделать необходимым почти для всего населения приобретение этих наиболее существенных знаний, сделав обязательным экзамен или испытание в них для каждого, желающего сделаться членом какой-либо корпорации или намеревающегося заняться каким-нибудь промыслом в деревне или городе.

Именно таким путем, облегчая занятие военными и гимнастическими упражнениями, поощряя его и даже делая обязательным для всего народа, греческие и римская республики поддерживали военный дух своих граждан. Они облегчали занятие этими упражнениями тем, что отводили определенное место для них и предоставляли определенным учителям право преподавать в этом месте. Эти учителя, повидимому, не получали совсем жалования и не пользовались никакими особыми правами. Все их вознаграждение состояло в том, что они получали от своих учеников; и гражданин, обучавшийся упражнениям в общественной гимназии, не имел никаких законных преимуществ сравнительно с тем, кто обучался им частным образом, при условии, конечно, что последний обучался им так же хорошо. Эти республики поощряли занятие этими упражнениями тем, что давали небольшие премии и знаки отличия тем, кто выделялся своими успехами в них. Получение приза на Олим-

пийских, Истмийских или Немейских играх давало известность не только лицу, взявшему его, но и всему его семейству и родственникам. Обязанность каждого гражданина прослужить известное число лет в армиях республики являлась достаточным побуждением к занятию этими упражнениями, без чего он оказался бы непригодным для этой службы.

Пример современной Европы достаточно убедительно свидетельствует о том, что с развитием цивилизации практика военных упражнений, если правительство не прилагает надлежащих усилий к сохранению ее, постепенно приходит в упадок, а вместе с нею и военный дух широкой народной массы. Но безопасность каждого общества должна всегда в большей или меньшей степени зависеть от военного духа широкой народной массы. Правда, в современную эпоху одного военного духа, не подкрепляемого хорошо дисциплинированной постоянной армией, пожалуй, недостаточно для защиты и безопасности общества. Но в тех странах, где каждый гражданин обладает военным духом, для этого понадобится, без сомнения, постоянная армия меньших размеров. Этот дух, кроме того, обязательно уменьшит весьма значительно опасности, действительные или воображаемые, которые, как обычно опасаются, угрожают свободе со стороны постоянной армии. Подобно тому как наличие такого духа будет очень существенно облегчать операции этой армии против чужеземного вторжения, она в такой же мере будет затруднять их, если, к несчастью, они когда-нибудь будут направлены против конституции государства.

Древние учреждения Греции и Рима, кажется, гораздо лучше достигали цели поддержания военного духа основной массы народа, чем современное учреждение так называемой милиции или ополчения. Они были гораздо проще. Будучи однажды учреждены, они действовали самостоятельно, и от правительства требовалось мало или совсем не требовалось внимания для того, чтобы поддерживать их в полной силе. Напротив, поддержание хотя бы сносного выполнения сложных правил любой из современных милиций требует постоянных и обременительных забот со стороны правительства, при отсутствии которых они постоянно оказываются в полном пренебрежении и перестают существовать. Помимо того, влияние древних учреждений имело гораздо более общий характер. Благодаря им весь народ был вполне обучен употреблению оружия, тогда как совсем ничтожная часть его может быть обучена этому при действии правил современных милиций, за исключением, может быть, швейцарской. Трус, человек, не способный защищать себя или отомстить за себя, очевидно страдает отсутствием одной из главнейших черт характера человека. Его дух так же искалечен и обезображен, как искалечено и обезображено тело человека, лишившегося какого-либо важного члена или утратившего способность владеть им. Из этих двух человек первый, очевидно, более несчастен и жалок, потому что счастье и несчастье, представляющие собою исключительно состояние духа, должны зависеть больше

от здорового или нездорового, искаленного или нормального состояния духа, чем от состояния тела. Если бы даже военный дух народа был бесполезен для защиты государства, все же в интересах предотвращения распространения в массе народа того рода моральной искаленности, обезображенности и несчастья, к каким неизбежно ведет трусость, он заслуживает самого серьезного внимания правительства, как самого серьезного внимания заслуживало бы с его стороны предотвращение распространения в народе проказы или другой какой-нибудь заразной и мучительной болезни, хотя и не смертельной и не опасной, если бы даже такое внимание не принесло, может быть, иной пользы обществу, кроме предупреждения столь большого общественного бедствия.

То же самое можно сказать и относительно грубого невежества и тупости, в которых в цивилизованном обществе так часто цепенеет ум всех низших классов народа. Человек, лишенный умственных способностей, представляется еще более жалким, чем трус, и кажется искаленным и изуродованным в еще более важном свойстве характера человека. Если бы даже государство не могло получить никакой выгоды от образования низших классов народа, оно все же должно было бы заботиться о том, чтобы они не оставались совсем необразованными. Чем более они образованы, тем менее они подвержены заблуждениям экстаза и суеверия, которые у непросвещенных наций часто вызывают самые ужасные беспорядки. Помимо того, образованный и просвещенный народ всегда более воспитан и более склонен к порядку, чем народ невежественный и тупой. Каждый человек в отдельности чувствует себя более достойным уважения и способным встречать уважение со стороны выше его стоящих и потому бывает более расположен уважать этих выше стоящих. Такой народ более склонен критически относиться и более способен устанавливать истинный смысл корыстных претензий партий и мятежных элементов; ввиду этого его не так легко увлечь в легкомысленную или ненужную оппозицию мероприятиям правительства. В свободных странах, где устойчивость правительства очень сильно зависит от благоприятной оценки его образа действия народом, должно быть, без сомнения, чрезвычайно важно, чтобы последний не был склонен судить о правительстве слишком быстро и опрометчиво.

Статья III. О расходах на учреждения для образования людей всех возрастов

Учреждения для образования лиц всех возрастов состоят главным образом из учреждений для религиозного обучения. Целью этого вида обучения является не столько превращение людей в хороших граждан в этом мире, сколько подготовка их к иному и лучшему миру в будущей жизни. Преподаватели доктрин, входящих в это обучение, подобно другим учителям, могут или зависеть в своих средствах к существованию от добровольных взносов своих слушателей, или получать их из каких-либо иных фондов, предоставляе-

мых им законом страны, каковы земельные владения, десятина или поземельный налог, установленное жалованье или стипендия. Их старательность, усердие и прилежание точно так же будут гораздо больше в первом случае, чем в последнем. В этом отношении наставники новых религий всегда обладали значительным преимуществом, поскольку нападали на давние и утвердившиеся системы, духовенство которых, спокойно пользуясь своими бенефициями, пренебрегало поддержанием в массе народа ревности к вере и благочестия и, предавшись лени и бездействию, сделалось вообще неспособным к сколько-нибудь серьезным усилиям для защиты даже своего собственного института. Представители духовенства официально признанной и хорошо снабженной средствами религии часто становятся людьми учеными и светскими, обладающими всеми качествами знати или такими качествами, которые вызывают уважение к ним со стороны знати, но вместе с тем они легко утрачивают постепенно те качества, хорошие и дурные, которые давали им авторитет и влияние среди низших классов народа и были, наверное, первоначальной причиной успеха и распространения их религии. Такое духовенство, когда на него нападает кучка популярных и смелых, хотя, может быть, глупых и невежественных энтузиастов, чувствует себя столь же незащищенным, как ленивые, изнеженные и сытые народы южных частей Азии, когда на них нападали стремительные, смелые и голодные татары с севера. Такое духовенство в подобной крайности не знает обычно иного выхода, как призыв к гражданской власти преследовать, уничтожать или изгонять его противников как нарушителей общественного мира и спокойствия. Именно так было, когда римско-католическое духовенство добивалось от гражданских властей преследования протестантов, а англиканская церковь — преследования диссентеров, и вообще всякая религиозная секта, после того как она в течение столетия или двух пользовалась обеспеченностью признанного законом учреждения, оказывалась неспособной сколько-нибудь решительно защищаться против всякой новой секты, нападавшей на ее учение или правила. В таких случаях преимущество в отношении учености и умения хорошо писать может быть иногда на стороне признанной церкви. Но умение приобретать популярность, умение и способность привлекать новых сторонников всегда оказываются на стороне ее противников. В Англии эти навыки и способность давно уже находятся в пренебрежении у хорошо оплачиваемого духовенства признанной церкви и в настоящее время воспитываются главным образом у диссентеров и методистов. Однако независимые доходы, которые во многих местах были установлены для диссентерских проповедников посредством добровольных пожертвований, завещаний и других обходов закона, кажется, очень сильно уменьшили ревность и активность этих проповедников. Многие из них сделались очень учеными и почтенными людьми, но, по общему правилу, перестали быть очень популярными проповедниками. Методисты, не обладая и половиной долей учености диссентеров, пользуются гораздо большим успехом.

В римской церкви старательность и рвение низшего духовенства гораздо больше поддерживается могущественным мотивом заинтересованности, чем в какой-либо признанной протестантской церкви. Многие представители приходского духовенства получают весьма значительную часть своих средств к существованию от добровольных приношений народа, — источник дохода, который исповедь дает им много возможностей сделать более обильным. Нищенствующие монашеские ордены все свои средства к существованию получают от таких приношений. К ним применимо то же, что к гусарам и легкой пехоте некоторых армий: не пограбишь, ничего не получишь. Это приходское духовенство находится в таком же положении, как и те учителя, вознаграждение которых зависит отчасти от их жалованья и отчасти от платы или гонорара, получаемого ими от своих учеников; они всегда должны зависеть в большей или меньшей степени от своего усердия и репутации. Нищенствующие монахи подобны тем учителям, заработок которых всецело зависит от их старательности. Они поэтому вынуждены прибегать к всевозможным ухищрениям, которые могут возбуждать благочестие простого народа. Учреждение двух больших нищенствующих орденов, св. Доминика и св. Франциска, как это заметил Макиавелли, оживило в XIII и XIV веках потухавшие веру и благочестие католической церкви. В римско-католических странах дух благочестия поддерживается вообще монахами и более бедным приходским духовенством. Высшие сановники церкви, при всех своих блестящих качествах знати и людей светских, а иногда и ученых, достаточно заботятся о поддержании необходимой дисциплины среди своих подчиненных, но редко дают себе труд делать что-нибудь для просвещения народа.

«Большинство ремесел и профессий в государстве, — говорит самый замечательный философ и историк нашего века¹, — таковы по своей природе, что, служа интересам общества, они вместе с тем полезны или приятны некоторым отдельным лицам; и поскольку это так, неизбежным правилом государственной власти, — за исключением, может быть, первоначального введения какого-нибудь ремесла, — должно быть предоставление профессии самой себе и ожидание ее поощрения и развития от усилий тех лиц, которые получают выгоду от нее. Ремесленники, видя, что их прибыль увеличивается при благоприятном отношении к ним заказчиков и покупателей, стараются, по возможности, увеличить свое искусство и старательность; и так как в промысел не вносится никакого расстройств нецелесообразным вмешательством, то всегда есть уверенность, что количество сработанного товара всегда будет приблизительно соответствовать спросу».

«Но существуют и такие занятия, которые, хотя и полезны и даже необходимы в государстве, не приносят никакой выгоды или удовольствия ни одному человеку; верховная власть обязана изменить

¹ [Смит в дальнейшем передает, с легкими изменениями, мысли Юма из его книги «History of England». Henry VIII, ch. 3.]

свой образ действий по отношению к представителям этих профессий. Она обязана оказывать им государственное поощрение, чтобы они могли существовать; против пренебрежения, в каком эти профессии естественно окажутся, она должна принимать меры, связывая с этими профессиями особые почести и знаки отличия, устанавливая целую цепь рангов и строгую зависимость одного от другого или прибегая к каким-либо иным средствам. Лица, занятые в финансовом ведомстве, во флоте и судебном ведомстве, представляют собою пример этого класса людей».

«С первого взгляда можно подумать, что духовенство принадлежит к первому роду профессий и что поощрение его, равно как юристов и врачей, можно смело предоставить щедрости отдельных лиц, которые следуют его учениям и получают пользу или утешение от его духовной деятельности и помощи. Его старательность и усердие, без сомнения, будут только подхлестываться этим добавочным побуждением, а его искусство в своей профессии, а также умение управлять умами народа должны будут ежедневно возрастать в результате увеличения его практики, прилежания и внимания к делу».

«Но при более близком рассмотрении дела мы найдем, что каждое мудрое правительство должно стараться как раз не допускать этого заинтересованного усердия духовенства, потому что во всякой религии, исключая истинной, оно в высшей степени опасно, оно имеет даже естественную тенденцию искажать истинную религию, пропитывая ее значительной примесью суеверий, нелепостей и заблуждений. Любой духовный деятель, стремясь стать в глазах своих последователей более нужным и священным, готов внушать им самое резкое возмущение против всех остальных сект и постоянно пытаться возбуждать какой-нибудь выдумкой ослабевающее благочестие своей аудитории. В проповедуемых доктринах не будет обращать ни малейшего внимания на истину, нравственность или приличие. Будет приниматься любое положение, какое лучше всего соответствует беспорядочным страстям человеческой природы. Каждая община будет привлекать к себе приверженцев все новыми усилиями и ловкостью в воздействии на страсти и легкое верие черни; и в конце концов гражданская власть увидит, что она дорого заплатила за преследуемую ею бережливость, экономя на постоянном жаловании священникам, и что на деле ей выгоднее и удобнее всего в ее отношениях к духовным пастырям просто купить их пассивность, установив для этой профессии определенное жалованье и сделав для них излишним проявлять большее усердие и активность, чем это необходимо для того, чтобы не дать своему духовному стаду рассеяться в поисках новых пастырей. Таким-то образом церковные учреждения, хотя и возникавшие обычно первоначально в силу религиозных побуждений, в конце концов оказываются выгодными для политических интересов общества».

Но были ли хороши или дурны результаты установления независимых доходов для духовенства, это очень редко делалось для достижения этих результатов. Эпохи, отличавшиеся ожесточенными рели-

гиозными распрями, были обычно и эпохами столь же ожесточенной политической борьбы. В такой обстановке каждая политическая партия считала для себя выгодным заключать союз с тою или другою из борющихся между собой религиозных сект. Но это было осуществимо лишь при условии принятия или, по крайней мере, покровительства отношения к основным догматам этой отдельной секты. Секта, которой удалось заключить союз с победившей партией, неизбежно приобретала к победе своего союзника, при помощи которого вскоре получала возможность до известной степени привести к молчанию и подчинению всех своих противников. Эти последние обычно объединялись с врагами победившей партии, а потому и становились ее врагами. Духовенство отдельной секты, одержав полную победу и приобретя величайшее влияние и авторитет в массе народа, оказывалось достаточно могущественным для того, чтобы держать в руках вождей и руководителей своей собственной партии и вынуждать гражданскую власть считаться с его взглядами и стремлениями. Обыкновенно первое требование этого духовенства состояло в том, чтобы гражданская власть принуждала к молчанию и обуздывала всех его противников, а второе его требование сводилось к предоставлению ему этой властью независимых доходов. Так как духовенство обычно немало содействовало победе, то казалось справедливым, чтобы оно получило некоторую долю в добыче. Помимо того, для него стала неприятной и обременительной необходимостью приспособляться к народу и зависимость в своих средствах к существованию от его настроений. Таким образом, предьявляя это требование, духовенство считалось с своими удобствами и выгодой, не задумываясь о последствиях, какие это может иметь в будущем для влияния и авторитета его сословия. Гражданская власть, которая могла удовлетворить это требование только передачей духовенству части того, что она предпочла бы взять сама или удержать в свою пользу, редко проявляла большую готовность уступить этому требованию. Однако необходимость всегда заставляла ее в конце концов подчиниться, хотя часто это происходило только после продолжительных отяжек, уклончивости и неискренних оправданий.

Но если бы политика никогда не призывалась на помощь религии, если бы победившая партия никогда не поддерживала учения одной секты в ущерб учениям другой, то она, вероятно, относилась бы одинаково и беспристрастно ко всем существующим сектам и предоставляла бы каждому человеку выбирать себе священника и религию согласно его убеждению. В таком случае, без сомнения, налицо оказалось бы большое множество религиозных сект. Почти каждая отдельная община, вероятно, составляла бы своего рода самостоятельную маленькую секту или исповедывала свои особые учения. Каждый проповедник, вне всякого сомнения, чувствовал бы себя вынужденным прилагать чрезвычайные усилия и пускать в ход всевозможные уловки, чтобы сохранить за собой и увеличить наличное количество своих последователей. Но так как все другие

проповедники чувствовали бы себя вынужденными к тому же самому, то ни один проповедник или секта проповедников не могли бы пользоваться очень большим успехом. Заинтересованное и деятельное рвение религиозных проповедников может быть опасно и может иметь неприятные последствия только там, где в обществе допущена только одна секта или где все общество в целом разделяется на две или три большие секты, причем проповедники каждой из них действуют согласованно и подчиняясь установленной дисциплине и иерархии. Но это рвение безопасно там, где общество делится на двести или триста или, может быть, на много тысяч маленьких сект, из которых ни одна не может быть достаточно значительна, чтобы нарушать общественное спокойствие. Проповедники каждой секты, видя себя окруженными со всех сторон большим количеством противников, чем друзей, были бы вынуждены учить тому чистосердечию и умеренности, которые так редко возможно встретить среди проповедников больших сект, учения которых, поддерживаемые гражданской властью, почитаются почти всеми жителями обширных королевств или империй и которые знают только последователей, учеников и смиренных почитателей. Проповедники каждой маленькой секты, видя себя почти одинокими, были бы вынуждены с уважением относиться к проповедникам других сект, и уступки, которые они привносили бы удобным и приятным делать друг другу, с течением времени могли бы превратить учения большинства их в ту чистую и рациональную религию, свободную от всякой примеси нелепостей, обманов или фанатизма, которую мудрые люди во все эпохи желали видеть утвердившейся, но которая еще, пожалуй, никогда не была установлена положительным законом и, вероятно, никогда не будет установлена им ни в одной стране, потому что в вопросах религии на положительный закон всегда оказывали и, наверное, всегда будут оказывать большее или меньшее влияние народные предрассудки и предпочтения. Такого рода церковное управление или, точнее говоря, отсутствие всякого церковного управления предлагала установить в Англии в конце гражданской войны секта так называемых индепендентов, секта, без сомнения, совершенно необузданных фанатиков. Если бы оно было установлено, то, хотя в его основу совсем не были положены философские принципы, оно, вероятно, к нашему времени имело бы своим последствием в высшей степени философскую терпимость и умеренность в отношении к религиозным принципам. Оно было установлено в Пенсильвании, где, несмотря на то, что квакеры там наиболее многочисленны, закон фактически не благоприятствует одной секте больше, чем другой, и где оно, как утверждают, привело к указанной философской умеренности и терпимости.

Но если бы даже это одинаковое отношение ко всем религиозным сектам какой-либо страны не порождало такой терпимости и умеренности у всех или у большей части их, то все же при том условии, что эти секты достаточно многочисленны и каждая из них вследствие этого слишком незначительна, чтобы нарушать общественное

спокойствие, чрезмерная ревность каждой из них по отношению к своему учению не могла бы приводить к каким-либо очень вредным последствиям, а, напротив, была бы в состоянии вызывать некоторые хорошие результаты; и если бы правительство твердо решило не вмешиваться в их жизнь и заставить их не вмешиваться в жизнь друг друга, то мало вероятно, что они и по собственному почину не раздробились бы достаточно быстро и не стали бы скоро довольно многочисленны.

В любом цивилизованном обществе, в любом обществе, где уже вполне установилось разделение на классы, всегда существовали одновременно две схемы или системы нравственности, из которых одну можно назвать строгой или суровой, а другую—свободной или, если хотите, распущенной. Первая обычно принимается и почитается простонародьем, вторая—так называемым «обществом», людьми воспитанными и светскими. Та степень осуждения, с какою мы должны относиться к порокам легкомыслия, порокам, легко порождаемым богатством и избытком веселости и хорошего настроения, служит, повидимому, главным признаком, отличающим эти две противоположные системы. Свободная или распущенная система нравственности обычно относится с большой снисходительностью к роскоши, расточительности и даже беспорядочным развлечениям, к доведению удовольствий до некоторой степени невоздержанности, к нарушению целомудрия, по крайней мере одним из двух полов, и т. п., при условии, если все это не сопровождается грубым неприличьем и не ведет к лживости или несправедливости; она легко извиняет и даже прощает все это. Напротив, суровая система нравственности относится к подобным излишествам и крайностям с крайним отвращением и презрением. Пороки легкомыслия всегда губительны для простого народа; беззаботности и разгула в течение одной только недели часто бывает достаточно, чтобы погубить навсегда бедного работника и толкнуть его в отчаянии к совершению самых чудовищных преступлений. Поэтому более благоразумные и лучшие люди из простонародья всегда питают отвращение к подобным эксцессам, которые, как говорит им их опыт, столь непосредственно губительны для людей их положения. Напротив, беспорядочный образ жизни и расточительность в течение нескольких лет не всегда разоряет и губит человека светского, и люди этого класса весьма склонны считать возможность предаваться до известной степени подобным эксцессам одним из преимуществ своего богатства, а свободу поступать так, не навлекая на себя порицания или упреков, одной из привилегий, связанных с их общественным положением. Ввиду этого к подобным эксцессам со стороны представителей своего класса они относятся лишь с незначительным неодобрением и порицают их очень слабо, а то и совсем не порицают.

Почти все религиозные секты зарождались среди простого народа, из рядов которого они обыкновенно привлекали своих первых, впоследствии наиболее многочисленных приверженцев. В соответствии с этим указанные секты почти всегда или за очень немногими

исключениями усваивали систему строгой нравственности. Именно такой нравственностью они могли лучше всего зарекомендовать себя в глазах того класса, кому они в первую очередь предлагали свой проект реформирования существующих учреждений. Многие из них, даже, пожалуй, большинство, старались приобрести доверие усилением строгости этой системы нравственности и доведения ее до нелепости и чрезмерности; и эта чрезмерная суровость часто привлекала к ним больше, чем что-либо другое, уважение и преклонение простого народа.

В силу своего положения человек знатный и состоятельный является заметным и выдающимся членом большого общества, которое следит за каждым его шагом и таким образом вынуждает его самого следить за собственным поведением. Его влияние и вес очень сильно зависят от уважения, с каким относится к нему общество. Он не решится делать ничего такого, что может опорочить или навлечь на него дурную славу в глазах общества, и он вынужден очень строго соблюдать тот вид нравственности, снисходительный или суровой, какую общее мнение общества предписывает людям его положения и богатства. Человек низших классов, напротив, отнюдь не является заметным членом какого-либо большого общества. Пока он живет в деревне, за его поведением могут следить, и он сам может быть вынужден следить за собственным поведением. В таком положении и только в таком он может утратить так называемое «доброе имя». Но стоит ему поселиться в большом городе, и он погружается в неизвестность и мрак. Никто уже не наблюдает за его поведением, поэтому весьма вероятно, что он перестанет сам следить за ним и предастся всем видам низменной распущенности и порока. Только став членом небольшой религиозной секты, он фактически выходит из своей неизвестности, а его поведение делается предметом большого внимания общества почтенных людей. С этого момента он приобретает некоторую репутацию и вес, какими до сих пор никогда не обладал. Все его братья—члены секты,—в интересах репутации секты, заинтересованы в наблюдении за его поведением и, если он служит причиной какого-либо скандала, если он слишком резко отклоняется от той суровой нравственности, какую они почти всегда требуют друг от друга, в их интересах подвергнуть его тому наказанию, которое всегда является очень суровым, хотя и не связано ни с какими скверными последствиями, а именно—исключению или отлучению его от секты. В соответствии с этим в небольших религиозных сектах нравственность простонародья отличалась почти всегда замечательной устойчивостью и чистотой, обычно оставляя далеко позади себя нравственность членов официально признанной церкви. Нравственность таких небольших сект была часто даже в известной степени неприятно сурова и антиобщественна.

Однако существуют два весьма простых и действительных средства, при помощи соединенного действия которых государство могло, не прибегая к насилию, смягчить то, что представлялось антиобщественно.

ственным или неприятно суровым в нравственности всех маленьких сект, на которые делилось население страны.

Первое из этих средств заключается в изучении науки и философии, которое государство может сделать почти общераспространенным среди всех лиц среднего и выше среднего положения и состояния; сделать это оно может не выдачей жалования учителям, что вызовет со стороны последних небрежность и нерадивость, а установлением определенного экзамена даже по высшим и более трудным наукам, которому должно подвергаться всякое лицо для получения разрешения заниматься какой-либо либеральной профессией или для назначения его на какую-либо почтенную должность, ответственную или доходную. Если государство создает для этого класса людей необходимость учиться, ему не приходится заботиться о том, чтобы снабдить их надлежащими учителями. Они скоро найдут для себя сами учителей лучших, чем это могло бы сделать для них государство. Наука является великим противоядием против отравы суеверия и фанатизма, а там, где высшие классы застрахованы от нее, низшие классы тоже уже не так сильно подвергаются этой опасности.

Вторым средством служит частое устройство и веселый характер общественных развлечений. Государство, поощряя, т. е. предоставляя полную свободу всем тем, кто в собственных интересах старается, без скандала или бесстыдства, развлекать и забавлять народ живописью, поэзией, музыкой, танцами, всякого рода драматическими представлениями и зрелищами, легко рассеет в большинстве народа то мрачное настроение и меланхолию, которые почти всегда питают общественное суеверие и фанатизм. Общественные развлечения всегда были предметом ужаса и ненависти для всех фанатических сеятелей и возбудителей этого народного безумия. Веселое и радостное настроение, внушаемое такими развлечениями, вообще несовместимо с тем умонастроением, какое наиболее соответствует их целям или на какое им легче всего воздействовать. Кроме того, драматические представления, часто разоблачающие и подвергающие общественному осмеянию их уловки, а иногда вызывающие общественное возмущение, навлекали на себя ввиду этого более, чем всякие другие развлечения, их особенную ненависть и отвращение.

В стране, где закон не покровительствует проповедникам одной религии больше, чем проповедникам другой, не окажется необходимым, чтобы кто-либо из них находился в особой или непосредственной зависимости от государя или исполнительной власти или чтобы государь имел какое-либо отношение к назначению или смещению их с должности. При таких условиях ему не будет никакой нужды вмешиваться в их дела больше, чем это требуется для поддержания мира между ними (как он делает это по отношению ко всем другим своим подданным), т. е. для воспрепятствования им преследовать, позорить или угнетать друг друга. Совершенно иначе обстоит дело в странах, где существует официально признанная или

господствующая религия. В таких странах государь никогда не может чувствовать себя достаточно прочно, если он не располагает средствами для воздействия в значительной степени на большинство проповедников этой религии.

Духовенство всякой официально признанной церкви образует многочисленную корпорацию. Оно может действовать согласованно и преследовать свои интересы по общему плану и объединенное одним духом, как будто бы оно руководилось все одним человеком; и часто действительно оно и находится под таким руководством. Его интересы, как особой корпорации, никогда не совпадают с интересами государя, а иногда прямо противоположны им. Главный интерес духовенства состоит в сохранении своего авторитета и влияния на народ, а эти последние зависят от предполагаемой достоверности и важности всего учения, проповедуемого им, и от предполагаемой необходимости принимать его во всех его подробностях, целиком, с полной верой, чтобы избежать вечных мук. И если государь будет иметь неосторожность показаться отступающим или сомневающимся в самом пустяшном вопросе их учения или из чувства человечности захочет заступиться за тех, кто провинился в том или другом из этих прегрешений, то шепетильная часть духовенства, совершенно независимо от государя, сейчас же провозгласит его нечестивцем и пустит в ход все страхи религии, чтобы вынудить народ перейти в подданство к более правоверному и послушному государю. А если он воспротивится каким-либо из претензий или узурпаций духовенства, опасность не менее велика. Государь, осмелившийся таким образом восстать против церкви, обычно навлекали на себя обвинение не только в этом преступлении, но и в добавочном преступлении—ереси, несмотря на их торжественные заверения о своей вере и на смиренное подчинение всем догматам, какие она считала нужным предписать им. Но авторитет религии выше всякого другого авторитета. Страх, внушаемый ею, превосходит всякий другой страх. Когда признанные проповедники религии распространяют в массе народа учения, подрывающие авторитет и власть государя, последний может поддержать свой авторитет и власть только насильственными действиями или силой постоянной армии. Даже постоянная армия не может в таком случае служить для него прочной опорой, потому что, если солдаты не чужеземцы,—что редко бывает,—а рекрутируются из массы народа,—что должно быть почти всегда,—то и они скоро окажутся зараженными этими самыми учениями. Революции, которые постоянно вызывали интриги греческого духовенства в Константинополе во все время существования Западной империи, смуты и потрясения, которые в течение нескольких столетий постоянно порождались интригами римско-католического духовенства повсеместно в Европе, достаточно свидетельствуют о том, как непрочно и ненадежно всегда положение государя, не обладающего надлежащими средствами воздействовать на духовенство признанной и господствующей в его стране религии.

Символ веры, равно как и все другие духовные вопросы, само собою разумеется, не входят в сферу деятельности светского государя, который, правда, может в полной мере обладать качествами, необходимыми для защиты народа, но редко предполагается способным наставлять и просвещать его. Поэтому в отношении этих вопросов его авторитет редко может быть достаточен для того, чтобы перевесить объединенный авторитет духовенства официально признанной церкви. Между тем общественное спокойствие и его собственная безопасность часто могут зависеть от учений, которые духовенство находит нужным распространять относительно этих вопросов. И так как он редко может с надлежащим весом и авторитетом открыто противиться решению духовенства, то необходимо, чтобы он мог воздействовать на него, а воздействовать на него он может только внушением страха или надежд большинству членов этого сословия. Эти страх и надежды могут состоять в страхе отрешения от должности или другого наказания или в надежде на повышение.

Во всех христианских церквях бенефиции духовных лиц представляют собою владения, которыми они пользуются не по усмотрению государя, а пожизненно или до тех пор, пока не совершат какого-нибудь проступка. Если бы обладание этими бенефициями было менее надежно и духовенство могло бы лишиться их при малейшем неудовольствии государя или его министров, оно было бы, вероятно, не в состоянии сохранять свой авторитет в глазах народа, который в таком случае считал бы его представителей наемниками, зависящими от двора, и не питал бы никакого доверия к искренности их проповедей и наставлений. Но если государь попытается незаконно или насильственно лишить некоторое количество священников их бенефиций хотя бы на том основании, что они проповедывали с чрезмерным усердием то или иное мятежное учение, то таким преследованием он только сделает их и их учение в десять раз более популярными, а потому и в десять раз более докучными и опасными. Страх почти во всех случаях оказывается плохим оружием управления и к нему в особенности никогда не следует прибегать против такого класса людей, который проявляет хотя бы малейшее притязание на независимость. Попытка застрашать их ведет только к их озлоблению и усиливает их противодействие, тогда как более мягкое обращение с ними, может быть, легко побудило бы их смягчить свою оппозицию или совсем отказаться от нее. Насилие, которое французское правительство обычно употребляло, чтобы заставить все свои парламенты или высшие судебные места зарегистрировать тот или иной непопулярный указ, очень редко приводило к успешным результатам. А между тем средство, употреблявшееся обычно в таких случаях, а именно—заключение в тюрьму всех строптивых членов, следует признать достаточно решительным. Государя из дома Стюартов иногда прибегали к такому же средству, чтобы воздействовать на некоторых членов английского парламента, которые обыкновенно оставались столь же непреклонными. Обра-

щение с английским парламентом теперь иное, и небольшой опыт, который проделал двенадцать лет тому назад герцог Шуазель с парижским парламентом, убедительно показал, что таким путем еще легче поладить со всеми парламентами Франции. Но опыт этот не был продолжен, потому что, хотя уступчивость и убеждение всегда представляют собою самое легкое и самое надежное средство управления, между тем как принуждение и насилие являются самым худшим и наиболее опасным средством, все же таково, повидимому, естественное самомнение человека, что он почти всегда пренебрегает хорошими средствами, за исключением тех случаев, когда не может или не смеет пользоваться дурными. Французское правительство могло и имело смелость прибегнуть к силе, и потому не считало нужным прибегать к уговорам и убеждению. Но не существует, повидимому, такого сословия, как об этом говорит опыт всех веков, по отношению к которому было бы опаснее или даже губительнее применять принуждение или насилие, чем по отношению к уважаемому духовенству признанной церкви. Особые права, преимущества и личная свобода каждого отдельного представителя духовенства, который ладит с своим собственным сословием, больше уважаются даже в самых деспотических государствах, чем права, преимущества и личная свобода любого другого лица приблизительно одинакового общественного положения и состояния. Так бывает при всех степенях деспотизма, начиная с мягкого и снисходительного правительства в Париже и кончая насильственным и необузданным правительством в Константинополе. Но если это сословие трудно принудить к чему-нибудь силой, то поладить с ним столь же легко, как и со всяким другим, и безопасность государя, равно как и общественное спокойствие сильно зависят, повидимому, от средств, какие у него имеются для воздействия на духовных лиц; эти средства, повидимому, выражаются вообще в повышении, каким он может награждать их.

При древнем устройстве христианской церкви епископ каждого диоцеза избирался соединенным голосованием духовенства и жителей епархиального города. Народ недолго сохранял свое право на участие в выборах, а пока пользовался им, почти всегда действовал под влиянием духовенства, которое в подобного рода духовных вопросах казалось его естественным руководителем. Но духовенству скоро, однако, надоело затруднять себя хлопотами, необходимыми для воздействия на народ, и оно сочло более удобным и простым самому избирать своих епископов. Точно так же и настоятель избирался монахами монастыря, по крайней мере в большей части аббатств. Все низшие церковные бенефиции, входящие в состав диоцеза, жаловались епископам, который раздавал их тем членам духовенства, кому считал нужным. Таким образом все церковные должности и чины находились в распоряжении самой церкви. И хотя государь мог пользоваться некоторым косвенным влиянием на эти выборы, иногда было принято спрашивать его согласия на производство выборов и утверждение избранных лиц, все же он не распо-

лагал прямыми или достаточными средствами воздействия на духовенство. Честолюбие каждого церковника естественно побуждало его заботиться о благоволении не столько государя, сколько своего собственного сословия, от которого только он мог ожидать повышения.

В большей части Европы папа постепенно присвоил себе сперва раздачу почти всех епископств и аббатств или так называемых консисторских бенефиций, а потом, посредством различных махинаций и предлогов, большей части низших бенефиций, входящих в состав каждого диоцеза, причем епископу было оставлено не многим больше того, что представлялось абсолютно необходимым для обеспечения ему хотя бы минимального авторитета в глазах подчиненного ему духовенства. Благодаря такому порядку положение государя еще ухудшилось сравнительно с тем, что было прежде. Духовенство всех стран Европы сложилось, таким образом, в своего рода духовную армию, правда, рассеянную по различным местам, но которая могла теперь во всех своих движениях и действиях направляться одним главой и руководиться по одному единообразному плану. Духовенство каждой отдельной страны можно было рассматривать как особый отряд этой армии, действия которого легко могли быть поддержаны и подкреплены всеми другими отрядами, размещенными в соседних странах. Каждый отряд являлся не только независимым от государя той страны, в которой он находился и которая содержала его, но и зависимым от чужестранного государя, который мог в любой момент обратить свое оружие против государя данной страны и поддержать свой отряд оружием всех других отрядов.

Это оружие было страшнее и сильнее всего, что только можно себе представить. В древней Европе, до развития ремесл и мануфактур, богатство духовенства давало ему такое же влияние на простой народ, какое богатство баронов обеспечивало им власть над вассалами, арендаторами и крепостными. В громадных поместьях, которые жертвовало церкви ошибочно направленное благочестие государей и частных лиц, устанавливалась юрисдикция такого же рода, как и в поместьях крупных баронов, и по тем же причинам. В этих больших поместьях духовенство или его управители легко могли охранять мир, не обращаясь к поддержке или помощи короля или кого бы то ни было другого, и ни король, ни какое-либо другое лицо не могли бы охранять там мир без поддержки и помощи духовенства. Поэтому юрисдикция духовенства в принадлежащих ему баронствах или поместьях была столь же независима и столь же не подчинена власти королевских судов, как и юрисдикция крупных светских владетелей. Держатели земли духовенства были почти все, как и держатели земли крупных баронов, свободными арендаторами, целиком зависимыми от своих непосредственных господ и потому подлежащими в любой момент призыву для участия в военных действиях, в какие духовенство считало нужным вовлечь их. Помимо доходов с этих поместий, духовенство обладало в виде десятины весьма значительной долей доходов со всех других поместий

во всех королевствах Европы. Доходы эти в своей большей части поступали натурой, т. е. уплачивались хлебом, вином, скотом, птицей и т. п. Количество, собираемое таким образом духовенством, значительно превышало то, что оно само могло потребить, а в то время еще не существовало ремесл и мануфактур, на продукты которых оно могло бы выменять этот излишек. Духовенство могло не иначе употреблять эти громадные излишки, как расходуя их, подобно крупным баронам, на самое широкое гостеприимство и на самую щедрую благотворительность. В соответствии с этим как гостеприимство, так и благотворительность духовенства были, как передают, очень велики. Оно не только поддерживало почти всех бедных почти во всех королевствах, но и многие рыцари и дворяне не имели часто другой возможности существовать, как странствуя из монастыря в монастырь под предлогом благочестия, а на самом деле с целью воспользоваться гостеприимством духовенства. Свита и приближенные у некоторых прелатов были иногда столь же многочисленны, как и у самых могущественных светских лордов, а если взять все духовенство в целом, то, пожалуй, и более многочисленны, чем у всех светских лордов, взятых вместе. Духовенство отличалось всегда гораздо большей объединенностью и единодушием, чем светские лорды. Оно было связано постоянной дисциплиной и подчинением папской власти. Лорды, напротив, были свободны от всякой дисциплины и подчинения и почти всегда соперничали друг с другом и враждовали с королем. Поэтому, хотя у духовенства было меньшее число держателей и челяди, взятых вместе, чем у могущественных лордов (а число их держателей само по себе, вероятно, было еще гораздо меньше), однако его согласие и единодушие делали его более сильным. Равным образом, гостеприимство и благотворительность духовенства не только позволяли ему распоряжаться большой светской силой, но и значительно увеличивали вес его духовного оружия. Эти добродетели доставляли ему величайшее уважение и почитание со стороны всех низших классов народа, из которых множество людей постоянно, а почти все по временам, получали от него пропитание. Решительно все, принадлежавшее или имевшее отношение к столь популярному сословию,—его владения, его привилегии, его учения,—необходимо являлось священным в глазах простого народа, и всякое посягательство на него, действительное или предполагаемое, казалось актом святотатственного безумия и нечестия. При таком положении вещей нас не должно удивлять, что если государь часто находил трудным сопротивляться объединению немногих представителей высшего дворянства, то еще более трудным оказывалось для него противиться объединенной силе духовенства его собственных владений, поддерживаемого силой духовенства всех соседних владений. В таких условиях приходится удивляться не тому, что он иногда бывал вынужден уступать, а тому, что он вообще когда-либо оказывался в состоянии сопротивляться.

Привилегии духовенства в те давно минувшие времена (представляющиеся нам, живущим ныне, в высшей степени нелепыми),

его полное изъятие из светской подсудности, или так называемое в Англии право духовенства, являлись естественным или, вернее, неизбежным последствием такого положения вещей. Как опасно должно было быть для государя пытаться наказать духовное лицо за какое-либо преступление, если его собственное сословие было склонно защищать его и объявлять улики недостаточными для осуждения столь святого человека или наказание слишком суровым для наложения его на человека, личность которого освящена религией! При таких условиях государю не оставалось ничего другого, как предоставить рассмотрение его дела церковным судам, которые ради доброго имени и достоинства своего сословия были заинтересованы в удержании, насколько возможно, всех его членов от совершения тяжких преступлений или даже от создания поводов к громким скандалам, могущим вызвать возмущение народа.

При том положении вещей, какое существовало в большей части Европы в течение X, XI, XII и XIII столетий и в течение некоторого времени до и после этого периода, устройство римской церкви можно считать самой страшной силой, которая когда-либо была объединена и сосредоточена против власти и прочности гражданского правительства, а также против свободы, разума и счастья человечества, которые могут процветать только там, где гражданское правительство в состоянии оказывать им защиту. При этом устройстве самые грубые заблуждения суеверия питались и поддерживались частными интересами столь большого числа людей, что это ограждало их от всех нападений человеческого разума; в самом деле, хотя человеческий разум мог бы иногда разоблачить, даже в глазах простого народа, некоторые из заблуждений суеверия, он никогда не мог разорвать узы частного интереса. Если бы на это учреждение не нападал никакой другой враг, кроме человеческого разума с его слабыми усилиями, то оно сохранилось бы на вечные времена. Но этот громадный и тщательно построенный организм, потрясти который, а еще меньше — свалить, не могла вся мудрость и добродетель человека, был в силу естественного хода вещей сперва ослаблен, а потом и частично разрушен, теперь же в течение ближайших столетий наверное и совсем распадется.

Постепенное развитие ремесел, мануфактур и торговли, — та самая причина, которая уничтожила власть крупных баронов, уничтожила точно так же в большей части Европы всю светскую власть духовенства. В продуктах, доставляемых ремеслом, мануфактурами и торговлей, духовенство, как и крупные бароны, находило нечто такое, на что оно могло обменивать свои сырые продукты; таким путем оно открыло способ расходовать все свои доходы на самого себя, не отдавая сколько-нибудь значительной доли их другим людям. Его благотворительность постепенно стала менее широкой, его гостеприимство менее щедрым или менее расточительным. В результате этого уменьшилось число зависящих от него лиц, а постепенно свита и челядь духовенства совсем исчезли. Подобно крупным баронам, духовенство тоже стремилось получать более высокую

ренту с своих поместий, чтобы расходовать ее точно таким же образом на удовлетворение своего личного тщеславия и прихотей. Но такое увеличение ренты можно было обеспечить только предоставлением земельных участков в аренду своим крестьянам, которые благодаря этому становились в значительной мере независимыми от него. Таким образом, постепенно были ослаблены и совсем разорваны те узы заинтересованности, которые привязывали низшие классы народа к духовенству. Они даже были ослаблены и разорваны раньше, чем такие же узы, связывавшие эти же классы народа с крупными баронами, потому что, поскольку бенефиции духовенства большей частью были гораздо меньше земельных владений крупных баронов, обладатели отдельных бенефиций могли гораздо легче израсходовать весь свой доход на свою собственную персону. На протяжении большей части четырнадцатого и пятнадцатого столетий могущество крупных баронов в большей части Европы было еще в полной силе, тогда как светская власть духовенства, абсолютная власть, какою оно некогда обладало над широкой массой народа, пришла в значительный упадок. Власть церкви к этому времени в большей части Европы свелась почти исключительно к тому, что вытекало из ее духовного авторитета, и даже этот духовный авторитет был значительно ослаблен, когда его уже перестали поддерживать благотворительность и гостеприимство духовенства. Низшие классы народа перестали смотреть на это сословие, как делали это до сих пор, как на помощника и целителя в своей нужде и болезнях. Напротив того, их возмущали суетность, роскошь и расточительность более богатого духовенства, которое казалось теперь расходующим на свои собственные удовольствия то, что всегда рассматривалось как достояние бедных.

При таком положении вещей государи различных государств Европы стали делать попытки вернуть себе то влияние, которым они некогда обладали в деле распоряжения крупными бенефициями церкви, и с этой целью восстанавливали старинное право настоятелей и капитулов каждого диоцеза выбирать своего епископа и право монахов каждого аббатства выбирать своего аббата. Восстановление этого старинного порядка было целью ряда законов, изданных в Англии на протяжении XIV столетия, в частности так называемого «статута о провизорах»¹ и прагматической санкции, установленной в XV столетии во Франции. Для действительности избрания было необходимо, чтобы государь согласился предварительно на самое производство выборов и утвердил потом избранное лицо; и хотя выборы попрежнему предполагались свободными, однако государь располагал всеми косвенными средствами воздействия на духовенство своих владений, какие естественно давало ему его положение. В остальных частях Европы вводились другие правила,

¹ [Провизорами назывались лица, назначавшиеся папою на церковную должность с правом занять ее после смерти лица, занимающего ее в данный момент.]

преследовавшие подобные же цели. Но власть папы в деле раздачи крупных бенефиций церкви нигде, кажется, не была до реформации так действительно и так всемерно ограничена, как во Франции и в Англии. В дальнейшем, в XVI столетии, конкордат предоставил королям Франции неограниченное право раздачи всех больших или так называемых консисторских бенефиций галликанской церкви.

Со времени установления прагматической санкции и конкордата духовенство Франции стало в общем проявлять меньше уважения к распоряжениям папской курии, чем духовенство всех других католических стран. Во всех спорах и столкновениях своего государя с папой оно почти постоянно становилось на сторону первого. Такая независимость духовенства Франции от римской курии основывается, повидимому, главным образом на прагматической санкции и конкордате. В более ранние периоды существования монархии духовенство Франции представляется не менее преданным и послушным папе, чем духовенство всякой другой страны. Когда Роберт, второй государь капетинской династии, самым незаслуженным образом был отлучен от церкви римской курией, его собственные слуги, как рассказывают, выбрасывали приносимую с его стола пищу собакам и отказывались вкушать что-либо, оскверненное прикосновением такого человека. Можно почти с уверенностью предполагать, что делать это им внушило духовенство его собственных владений.

Притязание на право раздачи крупных церковных бенефиций, притязание, в защиту которого римская курия часто колебалась, а иногда и опрокидывала троны некоторых из величайших государей христианского мира, было, таким образом, ограничено или видоизменено или даже совсем отменено в различных частях Европы еще до эпохи реформации. И если духовенство пользовалось теперь меньшим влиянием на народ, то государство обладало большим влиянием на духовенство. И потому духовенство имело меньше силы и проявляло менее склонности противодействовать государству.

В таком упадке находились авторитет и влияние римской церкви, когда в Германии начались споры, породившие реформацию и скоро распространившиеся по всей Европе. Новые учения всюду встречались народом с большим восторгом. Они пропагандировались со всем тем восторженным рвением, какое обычно воодушевляет всякую группу, когда она нападает на установленную власть. Проповедники этих учений, которые в других отношениях не отличались, пожалуй, большей ученостью, чем многие из священников, защищавших официальную церковь, в общем, повидимому, были лучше ознакомлены с церковной историей и происхождением и развитием той системы идей, на которой покоится авторитет церкви. Поэтому почти во всех диспутах они оказывались победителями. Строгость их нравов давала им авторитет в глазах народа, который сопоставлял их строгий образ жизни с беспорядочной жизнью большей части его собственного духовенства. Помимо того, они обладали в гораздо большей степени, чем их противники, умением приобретать попу-

лярность и привлекать новых сторонников, тем умением, каким давно уже пренебрегали надменные и важные сыны церкви как в значительной мере бесполезным для них. Содержание и смысл новых учений располагали к ним некоторых, их новизна—многих, а ненависть и презрение к официальному духовенству привлекали к ним еще большее число сторонников; горячее, страстное и фанатическое, хотя нередко грубоватое и примитивное красноречие, с каким они почти везде проповедывались, располагало к ним еще больше массы.

Успех новых учений был почти повсеместно так велик, что государя, которые в ту пору оказались в плохих отношениях с римской курией, легко смогли, опираясь на них, ниспровергнуть в своих владениях церковь, которая, утратив уважение и почитание со стороны низших классов народа, почти не могла оказать сопротивления. Римская курия задела и обидела некоторых из второстепенных государей в северной части Германии, которых она, вероятно, считала слишком незначительными, чтобы стоило с ними церемониться. Они поэтому повсюду ввели реформацию в своих владениях.

Тирания Христиана II и Тролля, архиепископа Упсальского, позволила Густаву Вазе изгнать их из Швеции. Папа покровительствовал тирану и архиепископу, и Густав Ваза не встретил никаких затруднений при введении реформации в Швеции. Христиан II был потом низложен с трона Дании, где его поведение сделало его столь же ненавистным, как и в Швеции. Папа, однако, все еще был склонен поддерживать его, и Фридрих Гольштейнский, занявший трон вместо него, отомстил тем, что последовал примеру Густава Вазы. Магистраты Берна и Цюриха, не имевшие особых столкновений с папой, легко ввели реформацию в своих кантонах, где как раз перед тем некоторые из представителей духовенства благодаря несколько более грубому, чем обычно, обману сделали все свое сословие предметом сильной ненависти и презрения.

При таком критическом положении своих дел папская курия не щадила усилий для поддержания и укрепления дружественных отношений с могущественными государями Франции и Испании, из которых последний был в это время императором германским. С их помощью ей удалось, хотя и не без большого труда и с большим кровопролитием, или совсем подавить, или значительно задержать развитие реформации в их владениях. Она также проявляла готовность ладить и идти навстречу королю Англии, но в силу сложившихся обстоятельств не могла сделать это, не оскорбив еще более могущественного государя, Карла V, короля испанского и императора германского. Ввиду этого, Генрих VIII, хотя он сам не разделял большей части учений реформаций, мог все же благодаря их всеобщему распространению закрыть все монастыри и уничтожить власть римской церкви в своих владениях. То обстоятельство, что он сделал это, хотя и не пошел дальше, дало некоторое удовлетворение сторонникам реформации, которые, завладев правительством в правлении его сына и преемника, без всякого труда завершили дело, начатое Генрихом VIII.

В некоторых странах, как, например, в Шотландии, где правительство было слабо, непопулярно и непрочно, реформация оказалась достаточно сильной для того, чтобы ниспровергнуть не только церковь, но и государственную власть, пытавшуюся поддержать церковь.

У последователей реформации, рассеянных по всем странам Европы, не было общего трибунала, который, подобно трибуналу римской курии или вселенскому собору, мог бы улаживать все споры между ними и с непреодолимым авторитетом предписывать всем им точные границы правоверия. Поэтому, если последователям реформации в одной стране случалось расходиться во взглядах с их братьями в другой стране, они не имели общепризнанного судьи, к которому можно было бы обратиться, и спор никогда не мог быть разрешен, а таких споров и разногласий среди них возникало множество. Разногласия относительно церковного управления и права раздачи церковных бенефиций были, пожалуй, наиболее важны для мира и благоденствия гражданского общества. Ввиду этого они породили две главные партии или секты среди сторонников реформации—лютеранскую и кальвинистскую секты,—единственные секты среди них, учения и организации которых были установлены до сих пор законом в странах Европы.

Последователи Лютера вместе с так называемой англиканской церковью сохранили более или менее епископское управление, установили субординацию среди духовенства, предоставили государю распоряжение всеми епископствами и другими консисторскими бенефициями в его владениях и этим сделали его фактическим главой церкви; и не лишая епископа права раздавать менее значительные бенефиции в пределах его диоцеза, они даже в отношении этих бенефиций не только допускали, но и высказывались за право государя и других светских патронов предлагать своих кандидатов. Эта система церковного управления с самого начала благоприятствовала миру и нормальному порядку и подчинению светскому государю. И действительно, она никогда не служила поводом и не вызывала каких-либо смут или гражданских потрясений в странах, в которых была введена. В частности англиканская церковь всегда гордилась, и не без основания, исключительной лояльностью своих принципов. При такой системе управления духовенство естественно старается снискать расположение государя, двора, знати и дворянства страны, от влияния которых оно главным образом ожидает повышений и движения вперед. Без сомнения, оно нередко ухаживает за этими покровителями при помощи самой низкой лести и угодливости, но часто также старается совершенствоваться в тех искусствах, которые больше всего заслуживают, а потому и скорее всего могут приобрести им уважение людей с положением и состоятельными; оно старается выделяться своими познаниями во всех областях полезных и приятных знаний, приличной непринужденностью своего обращения, остроумием и добродушием своего разговора и явным презрением к тем нелепым и лицемерным строгостям

нравов и суровости, каких требуют фанатики и каких они будто бы придерживаются, чтобы обеспечить себе уважение простонародья и вызвать возмущение последнего против большей части людей состоятельных и знатных, признающих, что они не придерживаются их. Однако такое духовенство, ухаживающее за высшими классами, очень склонно пренебрегать вообще средствами, служащими сохранению его влияния и авторитета среди низших классов. К нему прислушиваются, его уважают высшие, но перед низшими оно часто бывает неспособно успешно и убедительно для слушателей защищать свои собственные трезвые и умеренные взгляды против самого невежественного фанатика, нападающего на последние.

Напротив, последователи Цвингли или, точнее, последователи Кальвина передали населению каждого прихода, где свободно место церковного священника, право избрания своего пастыря и одновременно с этим установили самое полное равенство среди духовенства. Что касается первого, то это право, пока оно оставалось в силе, порождало, повидимому, только беспорядок и смуты и вело к возвращению одинаково как духовенства, так и народа. Что касается второго, то, повидимому, учреждение это имело только вполне хорошие последствия.

До тех пор, пока жители каждого прихода сохраняли право избирать своего священника, они почти всегда действовали под влиянием духовенства и притом обычно под влиянием наиболее мятежных и фанатичных членов этого сословия. Стремясь сохранить свое влияние на этих народных выборах, духовенство, в лице своих многих представителей, становилось или делало вид, что становится фанатичным, поощряло фанатичность среди народа и почти всегда отдавало предпочтение самому фанатичному кандидату. Столь маловажное дело, как назначение приходского священника, вызывало почти всегда ожесточенную борьбу не только в одном приходе, но и во всех соседних приходах, которые редко упускали случай принять участие в кампании. Если приход находился в большом городе, это делило всех его жителей на две партии, а когда этот город составлял сам по себе маленькую республику или был столицей небольшой республики, как это имело место с многими значительными городами Швейцарии и Голландии, то всякий незначительный спор этого рода, помимо того, что обострял вражду всех их партий, грозил повести к новому расколу в церкви и к новым смутам в государстве. Поэтому в таких небольших республиках гражданские власти очень скоро сочли необходимым в целях сохранения общественного спокойствия присвоить себе право замещения всех освобождающихся бенефиций. В Шотландии, самой обширной стране из тех, где когда-либо была установлена эта пресвитерианская форма церковного управления, права патрона были отменены законом, установившим в начале правления Вильгельма III пресвитерианство. Этот закон предоставил, по крайней мере, возможность определенным группам граждан в каждом приходе покупать за совсем незначительную сумму право выбирать своего пастора. Порядок, установленный этим законом, суще-

ствовав двадцать два года, а затем был отменен законом, изданным в 10-й год правления королевы Анны (гл. 12), ввиду тех смут и беспорядков, которые почти везде вызывал этот наиболее популярный способ избрания. Но в столь большой стране, как Шотландия, смуты в каком-нибудь отдаленном приходе вряд ли могли в такой же мере затруднить правительство, как в государстве меньших размеров. Закон 10-го года правления королевы Анны восстановил право патроната. Но хотя в Шотландии закон предоставляет бенефиций каждому лицу, указываемому патроном, все же церковь иногда требует (ибо в этом отношении ее решения не всегда были единообразны) известного участия народа прежде, чем предоставить кандидату так называемое «врачевание душ» или церковную юрисдикцию в приходе. Иногда даже, будто бы заботясь о мире в данном приходе, она откладывает окончательное назначение, пока не добьется этого участия народа. Частные происки и усилия некоторых из членов окрестного духовенства, чтобы добиться или, еще чаще, предотвратить это участие, а также и средства, употребляемые ими для достижения этой цели, являются, надо думать, главной причиной сохранения до сих пор остатков старого фанатического духа среди духовенства и народа Шотландии.

Равенство, которое пресвитерианская форма церковного управления устанавливает среди духовенства, выражается, во-первых, в равенстве власти или церковной юрисдикции и, во-вторых, в равенстве бенефиций. Во всех пресвитерианских церквях равенство власти проведено в полной мере; не так обстоит дело с равенством бенефиций. Однако разница между бенефициями редко бывает столь значительна, чтобы побуждать обладателя даже маленького бенефиция стараться угождать своему патрону низкой лестью и попустительством в целях получения лучшего. Во всех пресвитерианских церквях, где полностью проведено право патроната, духовенство по общему правилу старается приобрести благоволение высших более благородными и лучшими средствами: своей ученостью, безупречной честностью своей жизни и добросовестным и старательным выполнением своих обязанностей. Их патроны часто даже жалуются на независимость образа мыслей и действий пресвитерианских священников, которую они склонны объявлять неблагодарностью за прежние милости, но которая в худшем случае редко представляет собою что-либо большее, чем безразличие, которое естественно порождается сознанием, что не приходится больше ожидать дальнейших милостей этого рода. Вряд ли где бы то ни было в Европе можно встретить более ученую, более приличную, независимую и почтенную корпорацию людей, чем большая часть пресвитерианского духовенства Голландии, Женевы, Швейцарии и Шотландии.

Там, где церковные бенефиции все почти одинаковы, ни один из них не может быть очень велик, и такие скромные размеры бенефиций, хотя, без сомнения, и могут быть чрезмерно малы, имеют все же некоторые положительные результаты. Ничто, кроме самой примерной нравственности, не может придать достоинства человеку, не имеющие-

му состояния. Пороки легкомыслия и суетности неизбежно делают его смешным и, помимо того, почти так же губительны для него, как и для людей из престопадаря. Поэтому в своем поведении он вынужден следовать тем правилам нравственности, которые больше всего почитает простой народ. Он приобретает уважение и любовь последнего благодаря тому образу жизни, какой побуждают его вести его собственный интерес и положение. Простой народ смотрит на него с той доброжелательностью, с какою мы естественно относимся к тем, кто несколько приближается к нашему собственному положению, но кто, по нашему мнению, должен был бы стоять более высоко. Его доброжелательность естественно вызывает доброжелательность со стороны священника. Он проявляет старания просвещать народ и усердно помогает ему. Он даже не проявляет презрения к предрассудкам людей, столь расположенных к нему, и никогда не относится к ним с таким презрением и высокомерием, какое мы столь часто встречаем у гордых сановников могущественных и богатых церквей. Вследствие этого пресвитерианское духовенство пользовалось большим влиянием на умы простого народа, чем, пожалуй, духовенство любой другой официальной, признанной церкви. Поэтому также только в пресвитерианских странах мы видим, что простой народ без всяких преследований, целиком и почти поголовно, принадлежит к официальной церкви.

В странах, где церковные бенефиции в большинстве своем очень скромны, университетская кафедра обычно дает лучшее положение, чем церковный бенефиций. Университеты в таком случае выискивали и избирали своих членов из среды всего духовенства страны, составляющего везде самый значительный класс ученых людей. Напротив, там, где церковные бенефиции в своем большинстве очень значительны, церковь естественно привлекает к себе из университетов большую часть их выдающихся ученых, которые обыкновенно находят покровителя, гордого возможностью добыть для них церковное назначение. В первом случае мы найдем университеты, заполненными самыми выдающимися учеными, какие имеются в стране; во втором случае найдем в них мало выдающихся людей, причем эти немногие окажутся среди самых молодых членов университетской корпорации; и они тоже, вероятно, перейдут на церковные должности прежде, чем успеют приобрести достаточно опыта и знаний, чтобы принести много пользы университету. Вольтер заметил, что отец Порэ, иезуит, не выделявшийся особенно в мире ученых, был единственным профессором из французских иезуитов, сочинения которого стоило читать. Должно казаться несколько странным, что в стране, породившей так много выдающихся ученых, почти ни один из них не был профессором университета. Знаменитый Гассенди был в начале своей деятельности профессором в университете в Э. Но когда проявились первые проблески его гения, ему было указано, что, перейдя в церковь, он сможет легко найти для себя более спокойную и комфортабельную жизнь, а также обеспечить себе лучшие условия для продолжения своих научных работ, и он немедленно последовал этому совету. Замечание Вольтера,

как мне кажется, может быть применено не только к Франции, но и ко всем другим римско-католическим странам. Мы очень редко можем встретить в любой из них выдающегося ученого, состоящего профессором в университете, за исключением, может быть, таких областей, как юридические науки и медицина, от которых церковь не так легко может отвлекать их. После римской церкви наиболее богатой и лучше всего обеспеченной церковью в христианском мире является церковь англиканская. Ввиду этого в Англии церковь постоянно отнимает у университетов всех их лучших и способнейших членов, и здесь столь же редко можно найти, как и в любой римско-католической стране, старого университетского преподавателя, который был бы известен в Европе как выдающийся ученый. Напротив того, в Женеве, в протестантских кантонах Швейцарии, в протестантских государствах Германии, в Голландии, Шотландии, Швеции и Дании самые выдающиеся ученые, каких породили эти страны, если и не все без исключения, то в громадном большинстве своем были профессорами в университетах. В этих странах университеты постоянно отвлекают от церкви всех ее самых выдающихся ученых.

Не излишним будет, пожалуй, заметить, что если исключить поэтов, немногих ораторов и немногих историков, то значительно большая часть остальных выдающихся ученых и писателей как в Греции, так и в Риме были, как оказывается, частными или общественными учителями, обычно философии или риторики. Это замечание справедливо, начиная с Лизия и Сократа, Платона и Аристотеля до дней Плутарха и Эпиктета, Светония и Квинтилиана. Заставить человека преподавать из года в год определенную отрасль науки представляется, в самом деле, наиболее действительным средством для того, чтобы он сам вполне овладел ею. Будучи обязан ежегодно обозреть один и тот же предмет, он неизбежно, если вообще пригоден на что-нибудь, должен через несколько лет вполне ознакомиться со всеми его подробностями; и если по какому-либо частному вопросу он в один год составит себе скороспелое мнение, то, когда на следующий год ему придется в ходе своих лекций снова подумать об этом вопросе, он наверное исправит свое ошибочное суждение. Преподавание науки, являясь, несомненно, естественным занятием человека науки, вместе с тем представляет собою лучшее средство сделать его человеком солидных знаний и учености. Небольшие размеры церковных бенефиций естественно ведут в стране, где это имеет место, к отвлечению большей части ученых к тому занятию, в котором они могут быть наиболее полезны обществу, и в то же время к обеспечению им наилучшей научной подготовки, какую только они могут получить. Они делают их ученость возможно более солидной и возможно более полезной.

Нужно заметить, что доход всякой государственной церкви (за исключением тех его частей, которые могут получаться от специальных земель и поместий) представляет собою часть общего дохода государства, которая, таким образом, затрачивается на цель, не имеющую ничего общего с защитой государства. Десятина, например, яв-

ляется настоящим поземельным налогом, который лишает землевладельцев возможности так широко содействовать своим взносами защите государства, как они могли бы делать это при отсутствии десятины. А между тем земельная рента представляет собою согласно мнению одних единственный, а согласно мнению других главный фонд, из которого во всех обширных монархиях должны в конечном счете покрываться все расходы государства. Чем больше из этого фонда отдается церкви, тем меньше, очевидно, может остаться для государства. Можно установить в качестве несомненного положения, что, при прочих равных условиях, чем богаче церковь, тем беднее должен быть или государь, или народ, и во всех случаях тем менее способно должно быть государство защищать себя. В некоторых протестантских странах, в частности во всех протестантских кантонах Швейцарии, доходы, раньше принадлежавшие римско-католической церкви, десятины и церковные земли, оказались фондом, достаточным не только для оплаты приличного содержания духовенству, но и для покрытия расходов государства. Власти богатого Бернского кантона, в частности, накопили из излишков этого фонда очень большую сумму, достигающую, как предполагают, нескольких миллионов, причем часть ее вложена на хранение в государственное казначейство, а другая часть вложена под проценты в так называемые государственные фонды различных обремененных долгами народов Европы, главным образом Франции и Великобритании. Я точно не знаю, каковы могут быть размеры общего расхода государства, вызываемого церковью Бернского или какого-либо другого протестантского кантона. Согласно вполне точным данным, явствует, что в 1755 г. весь доход духовенства шотландской церкви, включая церковные земли и ренту с его жилых домов, оценивался по осторожной оценке всего только в 68 514 ф. 1 ш. и 5¹/₁₂ п. Этот очень скромный доход доставляет приличное содержание 944 священникам. Весь расход церкви, включая единовременные издержки на постройку и ремонт храмов и домов для священников, не может, по предположениям, превышать 80 или 85 тысяч фунтов в год. Самая богатая церковь в христианстве не поддерживает лучше единообразия веры, религиозную ревность, дух порядка, честности и строгой нравственности в массе народа, чем эта очень бедно обставленная церковь Шотландии. Все благотворные результаты, как гражданские, так и религиозные, которые может, по предположению, породить государственная церковь, порождаются шотландской церковью в такой же полной мере, как и всякой другой. Большинство протестантских церквей Швейцарии, по общему праву обладающих не большими средствами, чем шотландская церковь, дают такие же результаты в еще гораздо большей степени. В большей части протестантских кантонов нельзя встретить ни одного человека, который не принадлежал бы к государственной церкви. Правда, если он принадлежит к какой-либо другой церкви, закон обязывает его покинуть кантон. Но такой суровый или, вернее, такой притеснительный закон никогда не мог бы проводиться в жизнь в столь свободных

странах, если бы усердие духовенства не привлекло к этой церкви заранее всю массу народа, за исключением, может быть, немногих отдельных лиц. Действительно, в некоторых частях Швейцарии, где благодаря случайному соединению протестантских и римско-католических местностей обращение было не столь полное, обе религии не только терпят, но и признаны государственными.

Надлежащее выполнение всякой услуги предполагает, повидимому, чтобы оплата за нее или вознаграждение, по возможности, точно соответствовало характеру самой услуги. Если за какую-нибудь услугу платят значительно меньше того, что следует, на ее выполнении отразится неспособность и негодность большей части тех, кто занят этим делом. Если за нее платят слишком много, ее выполнение еще больше может страдать от их небрежности и лени. Человек, обладающий большим доходом независимо от своей профессии, склонен думать, что ему следует жить подобно другим людям, получающим большие доходы, и проводить значительную часть своего времени в увеселениях, в суетных развлечениях и мотовстве. Но у священнослужителя такой образ жизни не только отнимает время, которое должно было бы затрачиваться на выполнение его обязанностей, но и почти полностью уничтожает в глазах народа святость его профессии, которая одна дает ему возможность с надлежащим весом и авторитетом выполнять эти обязанности.

Отдел IV. О расходах на поддержание достоинства государя

Помимо расходов, необходимых для того, чтобы позволить государю выполнять разнообразные его обязанности, некоторый расход требуется еще для поддержания его величия и достоинства. Размеры этого расхода колеблются в зависимости от различных периодов развития и от различных форм управления.

В богатом и развитом обществе, где все классы народа с каждым днем производят все большие расходы на свои дома, свою обстановку, на свой стол и одежду, трудно ожидать, чтобы один только государь устоял против этого обычая. Поэтому он естественно или, вернее, по необходимости тоже начинает тратить большие суммы на все эти предметы. Его достоинство, повидимому, даже требует от него этого.

Так как в смысле величия и достоинства монарх гораздо больше возвышается над своими подданными, чем признается возвышающимся над своими согражданами высшее должностное лицо в республике, то и больший расход оказывается необходимым для поддержания этого большего достоинства. Мы естественно ожидаем встретить больше блеска при дворе короля, чем в резиденции дожа или бургомистра.

Заключение.—Расход для защиты общества и расход на поддержание достоинства главы государства производятся в интересах общей пользы всего общества. Справедливо поэтому, чтобы они покрывались за счет общего обложения всего общества, причем различные его члены платят, по возможности, соответственно своим возможностям.

Расход на отправление правосудия тоже может, без сомнения, рассматриваться как производимый в интересах всего общества. Поэтому

вполне уместно, чтобы он покрывался за счет общего обложения всего общества. Однако лица, вызывающие этот расход, своей несправедливостью в том или ином отношении делают необходимым искать возмещения или защиты у судов. С другой стороны, наиболее непосредственно получают выгоду от этого расхода те лица, которых суды восстанавливают в их правах или утверждают в них. Поэтому расход на отправление правосудия вполне справедливо мог бы покрываться за счет специального обложения той или другой или обеих этих категорий лиц в зависимости от обстоятельств, т. е. в виде судебных пошлин. Не может быть необходимости прибегать к всеобщему обложению всего общества, за исключением случаев суда над теми преступниками, которые не обладают собственным имуществом или средствами, достаточными для оплаты этих пошлин.

Те местные или областные расходы, которые имеют местное или областное значение (например издержки на полицию в отдельном городе или округе), должны покрываться из местных или областных доходов и не должны обременять собою общий доход общества. Несправедливо, чтобы общество в целом доставляло средства на оплату расходов, производимых в пользу одной лишь части общества.

Расход на содержание в порядке дорог и путей сообщения, без сомнения, полезен для всего общества и может поэтому покрываться без всякой несправедливости путем общего обложения всего общества. Однако расход этот наиболее непосредственным образом полезен для тех, кто путешествует или перевозит товары из одного места в другое, и для тех, кто потребляет эти товары. Заставные пошлины в Англии и так называемые дорожные сборы в других странах перекладывают этот расход на обе вышеуказанные группы лиц и этим освобождают общий доход общества от очень значительного бремени.

Расходы на учреждения для образования и религиозного обучения точно так же, без сомнения, полезны для всего общества и потому без несправедливости могут покрываться за счет общего обложения всего общества. Однако расход этот, пожалуй, мог бы оплачиваться с одинаковым удобством и даже с некоторой выгодой теми, кто получает непосредственную пользу от этого образования и обучения, или посредством добровольных взносов тех, кто считает себя заинтересованным в том или другом.

Когда учреждения или общественные сооружения, полезные для всего общества, оказывается невозможным содержать целиком или когда они не содержатся целиком за счет обложения тех именно членов общества, которые наиболее непосредственно пользуются ими, то недостающая сумма в большинстве случаев должна быть собрана посредством общего обложения всего общества. Общий доход общества, после покрытия расходов на защиту общества и на поддержание престижа главы государства, должен покрывать то, чего недостает во многих специальных отделах дохода. В следующей главе я постараюсь выяснить источники этого общего или государственного дохода.

Глава II

ОБ ИСТОЧНИКАХ ОБЩЕГО ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ДОХОДА ОБЩЕСТВА

Доход, за счет которого должны покрываться не только расходы по защите общества и на поддержание престижа главы государства, но и все другие необходимые расходы правительства, для которых конституцией государства не предусмотрено какого-либо специального дохода, может получаться, во-первых, или из какого-нибудь фонда, принадлежащего государю или государству и не зависящего от народного дохода, или, во-вторых, из народного дохода.

Отдел I. О фондах или источниках дохода,
которые могут принадлежать специально государю
или государству

Фонды или источники дохода, которые могут принадлежать специально государю или государству, должны состоять или в капиталах, или в земле.

Государь, подобно всякому другому владельцу капитала, может получать от него доход, или пользуясь им сам, или ссужая его. Его доход в первом случае составляет прибыль, во втором—проценты.

Доход татарского или арабского воеводы состоит в прибыли. Он получается главным образом от молока и приплода принадлежащих ему стад, за которыми он сам наблюдает; он является главным пастухом или скотоводом своего племени. Однако только на этой ранней и самой примитивной ступени гражданского управления прибыль составляла когда-либо главную часть дохода монархического государства.

Небольшие республики иногда извлекали значительный доход от прибыли с торговых предприятий. Как сообщают, Гамбург получает доход с прибыли от принадлежащего ему винного погребца и аптекар-

ского магазина¹. Не может быть очень обширным государство, государь которого имеет достаточно свободного времени, чтобы заниматься делом виноторговца или аптекаря. Доход с государственного банка был источником дохода более значительных государств. Он был таковым не только в Гамбурге, но и в Венеции и Амстердаме. Некоторые люди полагали даже, что доход такого рода заслуживает внимания столь большого государства, как Великобритания. Считая обычный дивиденд Английского банка в 5½ процентов, а его капитал в 10 780 000 фунтов, чистая годовая прибыль, после покрытия расходов по управлению, должна достигать, как указывают, 592 900 фунтов. Правительство, как предполагают, может занять этот капитал с уплатой 3% и, взяв управление банком в свои собственные руки, может получать чистую прибыль в 269 500 фунтов в год. Честная, бдительная и бережливая администрация таких аристократий, как Венеция и Амстердам, в высшей степени пригодна, как об этом свидетельствует опыт, для ведения коммерческих предприятий подобного рода. Но представляется во всяком случае гораздо более сомнительным, возможно ли спокойно доверить осуществление такого проекта такому правительству, как английское, которое, при всех его достоинствах, никогда не славилось бережливостью и которое в мирное время обычно проявляло нерадивое и небрежное мотовство, естественное, пожалуй, для монархий, а во время войны постоянно действовало со всей той недоброй расточительностью, в которую так легко впадают демократии.

Почтовое дело—чисто коммерческое предприятие. Правительство затрачивает средства на устройство различных контор и на покупку или наем необходимых лошадей или экипажей и покрывает свои расходы с значительной прибылью платой, взимаемой за перевозку. Это, пожалуй, единственное коммерческое предприятие, которое, как мне кажется, успешно велось правительствами всех видов. Капитал, который приходится вкладывать в дело, не очень значителен. Дело не представляет собой ничего сложного. Доход не только обеспечен, но и получается немедленно.

Однако государи часто пускались в многие другие коммерческие предприятия и стремились, как и частные лица, поправить свои имущественные дела, занявшись какой-либо из обычных отраслей торговли. Почти никогда они не имели успеха: расточительность, с какою обычно ведутся дела государей, делают успех почти невозможным.

¹ См. «Mémoires concernant les Droits et Impositions en Europe», tome I, p. 73. Это сочинение было составлено по распоряжению двора для нужд комиссии, учрежденной несколько лет тому назад для изучения лучших способов преобразования финансов Франции. Описание французских налогов, занимающее три тома in 4°, может считаться вполне точным. Описание же налогов в других европейских странах было составлено на основании сведений, доставленных французскими послами при различных дворах; оно значительно короче и, вероятно, не отличается такой точностью, как описание французских налогов. [Точное название этой книги, часто в дальнейшем цитируемой Смитом, таково: «Mémoires concernant les Impositions et Droits en Europe (par Moreau de Beaumont)». Paris, vol. I—IV, 1768—1769; vol. V, 1789.]

Агенты государя считают состояние своего господина неисчерпаемым; они не придают значения тому, по какой цене покупают и продают, не придают значения тому, во сколько обходится им перевозка товаров из одного места в другое. Эти агенты часто живут столь же широко, как и государи, и иногда, несмотря на эту расточительность, при помощи умелого составления своих отчетов приобретают состояния, не уступающие состоянию государя. Именно так, по рассказу Макиавелли¹, вели торговлю агенты Лоренцо Медичи, государя не малых способностей. Флорентинская республика несколько раз оказывалась вынужденной уплачивать долги, в которые втягивали ее их небрежность и расточительность. Ввиду этого Медичи счел целесообразным отказаться от профессии купца, от той профессии, которой его семья первоначально была обязана своим богатством, и в позднейшую пору своей жизни употреблял то, что осталось еще от этого богатства, и ту часть государственного дохода, какую мог распоряжаться, на проекты и расходы, более соответствующие его положению.

Нет ничего более несоместимого, чем занятие торговлей и положение государя. Если торговый дух английской Ост-индской компании делает ее очень плохим правителем, то сознание своей верховной власти сделало ее, как кажется, одинаково плохим торговцем. Когда она была только купцом, она вела свою торговлю успешно и была в состоянии выплачивать из своих прибылей умеренный дивиденд собственникам своего капитала. С того момента, когда она получила права государя с доходом, превышавшим, как сообщают, первоначально три миллиона фунтов, она оказалась вынужденной просить чрезвычайной помощи у правительства, чтобы избежать неминуемого банкротства. При прежнем ее положении ее служащие в Индии считали себя приказчиками купцов, а при современном ее положении они считают себя чиновниками государя.

Государство может иногда извлекать часть своего дохода из процентов на капитал, равно как и из прибыли от него. Если оно накопило сокровище, оно может ссужать часть их другим государствам или своим собственным подданным.

Бернский кантон получает значительный доход, ссужая часть своей казны другим государствам, т. е. помещая ее в государственные фонды различных обремененных долгами наций Европы, главным образом Франции и Англии. Надежность этого дохода должна зависеть, во-первых, от надежности займов, в которые помещены деньги, или от добросовестности правительства, ведающего ими, и, во-вторых, от прочности или вероятности сохранения мира с нацией-должником. В случае войны первый акт враждебных действий со стороны нации-должника может выразиться в конфискации фондов ее кредитора. Такая политика ссуды денег другим государствам, насколько мне известно, является особенностью Бернского кантона.

¹ [Machiavelli, Delle istorie Fiorentine, 1532, liber VIII.]

Город Гамбург¹ учредил своего рода общественную кассу ссуд, которая ссужает деньги подданным государства под поручительство, взимая 6 процентов. Эта ссудная касса или ломбард, как она называется, приносит государству доход, согласно сообщением, в 150 тысяч крон, что при курсе в 4 ш. 6 п. за крону составляет 33 750 фунтов стерлингов.

Правительство Пенсильвании придумало способ, не накопляя сокровищ, ссужать своим подданным, если не деньги, то нечто эквивалентное деньгам. Выдавая частным лицам, под проценты и под обеспечение земель на двойную стоимость, бумажные кредитные деньги, которые выкупаются через 15 лет после выпуска и в течение этого срока могут переходить из рук в руки, подобно банкнотам, обладая на основе акта законодательного собрания силой законного средства при всех платежах, прозаводимых жителями провинции друг другу, оно получило скромный доход, который значительно содействовал покрытию ежегодного расхода в 4 500 ф., т. е. всей суммы обыкновенного расхода этого бережливого правительства. Успех мероприятия подобного рода должен был зависеть от трех различных обстоятельств: во-первых, от потребности в каком-либо ином орудии торговли, кроме золотой и серебряной монеты, или от спроса на такое количество предметов потребления, которое нельзя было получить, не послав за границу для их покупки большую часть имеющихся золотых и серебряных денег; во-вторых, от прочности кредита правительства, прибегнувшего к такому средству; и, в третьих, от осторожности, с которою пользовались им, имея в виду, чтобы вся стоимость бумажных кредитных билетов никогда не превышала общую стоимость золотых и серебряных денег, которые были бы необходимы для обращения, если бы не было бумажных кредитных билетов. К этому средству в различных случаях прибегали некоторые другие американские колонии, но ввиду отсутствия указанной осторожности оно в большей части их порождало гораздо больше расстройств, чем удобств.

Однако неустойчивый и непрочный характер капитала и кредита делает их непригодными для того, чтобы полагаться на них как на главный фонд того верного, устойчивого и постоянного дохода, который один может обеспечить правительству прочность и достоинство. И, повидимому, ни одно правительство большой нации, вышедшей из пастушеского состояния, никогда не извлекало большую часть своего государственного дохода из таких источников.

Земля представляет собою фонд более устойчивого и неизменного характера, и рента с государственных земель была вследствие этого главным источником государственного дохода многих больших наций, оставивших далеко позади себя пастушескую ступень развития. От продукта или ренты с государственных земель древние республики Греции и Италии получали в течение долгого времени большую часть того дохода, который покрывал необходимые расходы государ-

¹ См. «Mémoires concernant les Droits et Impositions en Europe», tome I, p. 73. А. Смит, т. II

отва. Рента с коронных земель в течение долгого времени составляла большую часть дохода древних государей Европы.

Война и подготовка на случай войны вызывают в новейшее время большую часть необходимых расходов всех больших государств. В древних республиках Греции и Италии каждый гражданин был солдатом, причем он и служил и подготовлялся к военной службе за собственный счет. Поэтому оба эти обстоятельства не могли тогда вызвать сколько-нибудь значительных издержек государства. Ренты с очень небольших земельных владений могло вполне хватать для покрытия всех других необходимых расходов государства.

В древних европейских монархиях нравы и привычки того времени достаточно хорошо подготовляли главную массу народа к войне, и когда народные массы выступали в поход, они должны были содержаться, согласно условиям своего феодального владения землей, или на свой собственный счет, или на счет своих лордов, не вызывая никаких новых расходов для государя. Большая часть других расходов правительства была очень невелика. Отправление правосудия, как было уже указано, вместо того, чтобы вызывать издержки, являлось источником дохода. Обязательный труд сельского населения в течение трех дней до жатвы и трех дней после нее признавался достаточным для поддержания в исправности мостов, шоссе и других общественных сооружений, в которых нуждалась торговля страны. В ту эпоху главный расход государя состоял, повидимому, в содержании его собственного семейства и домашнего хозяйства. Ввиду этого служащие его двора являлись главными должностными лицами государства. Главный казначей собирал его ренты. Главный дворецкий и камергер следил за расходами его семьи. Забота о его конюшнях была поручена главному констэблю и главному маршалу. Его дома строились все в виде замков и, повидимому, представляли собою главные крепости, какими он обладал. Управителей этих домов, или замков, можно считать своего рода военными губернаторами. Они, очевидно, являлись единственными военными должностными лицами, которых представлялось необходимым содержать во время мира. При таких условиях рента с обширных земельных владений могла в обычных обстоятельствах вполне хорошо покрывать все необходимые расходы правительства.

При современном состоянии большей части цивилизованных монархий Европы рента со всех земель страны, при управлении ими так, как это, вероятно, было бы, если бы они все принадлежали одному владельцу, едва ли достигала бы размеров обычного дохода, какой эти монархии взимают с народа даже в мирное время. Обыкновенный доход Великобритании, например, включая суммы, необходимые не только для покрытия текущих ежегодных расходов, но и для уплаты процентов по государственным долгам и для погашения части капитальной суммы этих долгов, достигает 10 миллионов с лишним в год. Но поземельный налог, взимаемый в размере 4 шиллингов с фунта, дает менее 2 миллионов в год. А между тем этот так называемый поземельный налог предполагается равным одной пятой не

только ренты со всей земли, но и дохода со всех домов и процентов со всех капиталов Великобритании, за исключением только той части последних, которая отдана в ссуду государству или вложена в виде фермерского капитала в обработку земли. Весьма значительная часть поступлений этого налога получается от дохода с домов и процентов на капитал. Поземельный налог города Лондона, например, в размере 4 шиллингов с фунта достигает 123 399 ф. 6 ш. 7 п., поземельный налог города Вестминстера — 63 092 ф. 1 ш. 5 п., поземельный налог и Сент-Джемс — 30 754 ф. 6 ш. 3 п. Известная доля поземельного налога таким же образом распределена по всем другим городам и торговым местечкам и почти целиком получается от дохода с домов и от предполагаемого процента с торгового или производительного капитала. Следовательно, согласно оценке, которая положена в основу обложения Великобритании поземельным налогом, вся масса дохода, получаемого от ренты со всех земель, от ренты со всех домов и от процентов на все капиталы, за исключением только той части последних, которая отдана в ссуду государству или употреблена на возделывание земли, не превышает 10 миллионов фунтов стерлингов в год, т. е. того обыкновенного дохода, который правительство взимает с народа даже в мирное время. Оценка, положенная в основу обложения Великобритании поземельным налогом, без сомнения значительно ниже действительной стоимости, если взять все королевство в среднем, хотя в некоторых отдельных графствах и округах она, как утверждают, почти равняется ей. Рента с одних только земель, исключая доход с домов и процент на капиталы, оценивалась многими в 20 миллионов, — оценка, которая в значительной мере произвольна и, как мне кажется, с одинаковой вероятностью превышает или не достигает действительной цифры. Но если земли Великобритании при современном состоянии их возделывания не дают более 20 миллионов ренты в год, то они не могли бы дать половины, а вероятно даже и четвертой части этой ренты, если бы все они принадлежали одному владельцу и находились под небрежным, расточительным и притеснительным управлением его управителей и служащих. Коронные земли Великобритании не приносят в настоящее время четвертой части той ренты, которая могла бы, вероятно, получаться с них, если бы они принадлежали частным лицам. И если бы коронных земель было еще больше, то управление ими, вероятно, было бы еще хуже.

Доход, который масса населения получает с земли, определяется не рентой, а продуктом земли. Весь годовой продукт земли каждой страны, за исключением той части, которая идет на семена, потребляется в течение года массой населения или обменивается на другие продукты, потребляемые ею. Все то, что понижает продукцию земли ниже того уровня, до какого она нормально могла бы подняться, понижает доход массы населения в еще большей степени, чем доход собственников земли. Рента с земли, та доля продукции, которая принадлежит землевладельцам, почти нигде в Великобритании не принимается превышающей третью часть всего получаемого продукта.

Если земля, при данном состоянии земледелия дающая ренту в 10 миллионов фунтов в год, могла бы приносить при более высоком уровне культуры 20 миллионов, то при предположении, что рента в обоих случаях составляет третью часть всего продукта, окажется, что доход землевладельцев в первом случае только на 10 миллионов в год меньше того дохода, какой возможен при более высоком уровне культуры, тогда как доход массы населения меньше возможного на целых 30 миллионов в год (вычитая только часть продукта, необходимую на семена). В таком случае население страны будет меньше на то количество людей, какое могло бы существовать на 30 миллионов в год (опять-таки за вычетом необходимого на семена) в соответствии с привычным образом жизни и обычными издержками людей различного положения, между которыми распределялась бы остающаяся часть.

Хотя в настоящее время в Европе не существует ни одного цивилизованного государства, которое извлекало бы главную часть своих государственных доходов из ренты с земель, принадлежащих государству, однако во всех больших монархиях Европы все еще имеется много обширных земельных владений, принадлежащих короне. Это по большей части леса, и притом иногда такие леса, где на протяжении нескольких миль не встретишь ни одного дерева, — сплошная пустыня в отношении растительности и населения. В любой большой европейской монархии продажа коронных земель дала бы очень большую сумму денег, которая при употреблении ее на уплату государственных долгов освободила бы гораздо большую часть дохода, чем тот доход, который когда-либо приносили казне эти земли. В странах, где земли, очень значительно улучшенные и хорошо обрабатываемые и дающие к моменту продажи такую высокую ренту, которая легко может быть получена с них, при продаже оцениваются обычно в размере 30-летней доходности, — там неулучшенные, необрабатываемые и приносящие незначительную ренту коронные земли могут быть проданы, вероятно, по цене, соответствующей доходности за 40, 50 или 60 лет. Казна в таком случае могла бы сразу воспользоваться доходом, который эта большая сумма освободила бы от обязательных платежей. А спустя немного лет она, вероятно, стала бы получать еще и другой доход. Перейдя в частную собственность, коронные земли в течение нескольких лет были бы значительно улучшены и стали бы лучше обрабатываться. Увеличение даваемого ими продукта должно вести к увеличению населения страны, поскольку увеличивает его доход и потребление. А доход, получаемый казной от пошлин и акцизов, обязательно возрастает вместе с ростом дохода и потребления населения.

Хотя и представляется на первый взгляд, будто доход, получаемый в цивилизованных монархиях казною от казенных земель, ничего не стоит отдельным лицам, однако в действительности он обходится обществу гораздо дороже, чем всякий другой равный по размерам доход казны. Во всех случаях в интересах общества заменить казне этот доход каким-либо другим доходом таких же размеров и распре-

делить земли среди населения, что лучше всего может быть осуществлено, вероятно, продажей их с торгов.

Земли, служащие для удовольствия и роскоши, а именно: парки, сады, места для гуляний и прочие владения, которые везде считаются источником издержек, а не доходов, одни только, повидимому, должны в обширных и изолированных монархиях оставаться в собственности казны.

Таким образом, поскольку общественные капиталы и общественные земли, могущие принадлежать государству или государю, представляются неподходящим и недоступным источником для покрытия необходимых расходов всякого большого и цивилизованного государства, расходы эти в большей их части приходится покрывать налогами того или иного рода, причем население отдает долю своего частного дохода, чтобы составить общественный доход государя или государства.

Отдел II. О налогах

Как уже было выяснено в первой книге этого исследования, частный доход отдельных лиц получается в конечном счете из трех источников: ренты, прибыли и заработной платы. Каждый налог должен быть в конечном счете уплачиваем из того или другого из этих трех различных видов дохода или одинаково из них всех. Я постараюсь дать возможно полное представление о налогах, которые имеют в виду обложение, во-первых, ренты, во-вторых, прибыли, в-третьих, заработной платы и, в-четвертых, всех этих трех источников частного дохода. Отдельное рассмотрение каждого из этих четырех видов налогов разделит второй отдел настоящей главы на четыре статьи, причем три из них потребуют дальнейших подразделений. Как выяснится из последующего обзора, многие из этих налогов уплачиваются в конечном счете не из того фонда или источника дохода, какой имелся в виду.

Прежде чем приступить к рассмотрению отдельных налогов, необходимо предпослать четыре нижеследующих общих положения относительно налогов вообще.

I. Подданные государства должны, по возможности, соответственно своей способности и силам участвовать в содержании правительства, т. е. соответственно доходу, каким они пользуются под покровительством и защитой государства. Расходы правительства по отношению к отдельным лицам, составляющим население большой нации, подобны расходам по управлению большим поместьем, принадлежащим нескольким владельцам, которые все обязаны участвовать в них соответственно своей доле в имении. Соблюдение этого положения или пренебрежение им приводит к так называемому равенству или неравенству обложения. Всякий налог, заметим это раз навсегда, который в конечном счете падает только на один из этих трех вышеупомянутых видов дохода, является обязательно неравным, поскольку не затрагивает двух остальных. В дальнейшем рассмотрении раз-

личных налогов я редко буду отмечать особенно этот вид неравенства, но в большинстве случаев буду ограничивать свои замечания тем неравенством, которое создается отдельным налогом, неравномерно падающим на тот вид частного дохода, который затрагивается им.

II. Налог, который обязывается уплачивать каждое отдельное лицо, должен быть точно определен, а не произволен. Срок уплаты, способ платежа, сумма платежа,—все это должно быть ясно и определено для плательщика и для всякого другого лица. Там, где этого нет, каждое лицо, облагаемое данным налогом, отдается в большей или меньшей степени во власть сборщика налогов, который может отягощать налог для всякого неугодного ему плательщика или вымогать для себя угрозой такого отягощения подарок или взятку. Неопределенность обложения развивает наглость и содействует подкупности того разряда людей, которые и без того не пользуются популярностью даже в том случае, если они не отличаются наглостью и подкупностью. Точная определенность того, что каждое отдельное лицо обязано платить, в вопросе налогового обложения представляется делом столь большого значения, что весьма значительная степень неравномерности, как это, по моему мнению, явствует из опыта всех народов, составляет гораздо меньшее зло, чем весьма малая степень неопределенности.

III. Каждый налог должен взиматься в то время или тем способом, когда и как плательщику должно быть удобнее всего платить его. Налог на ренту с земли или домов, уплачиваемый в тот именно срок, когда обычно уплачиваются эти ренты, взимается как раз в то время, когда плательщику, повидимому, удобнее всего внести его или когда у него скорее всего будут на руках деньги для уплаты его. Налоги на такие предметы потребления, которые представляют собою предметы роскоши, в конечном итоге уплачиваются все потребителем и обычно таким способом, какой очень удобен для него. Он уплачивает их понемногу, по мере того как покупает соответствующие товары. И так как он свободен покупать или не покупать их, то его собственная вина, если ему когда-либо приходится испытывать сколько-нибудь значительное неудобство от таких налогов.

IV. Каждый налог должен быть так задуман и разработан, чтобы он брал и удерживал из карманов народа возможно меньше сверх того, что он приносит казначейству государства. Налог может брать или удерживать из карманов народа гораздо больше, чем он приносит казначейству четырьмя следующими путями: во-первых, собиравание его может требовать большого числа чиновников, жалование которых может поглощать большую часть той суммы, какую приносит налог, и вымогательства которых могут обременить народ добавочным налогом; во-вторых, он может затруднять приложение труда населения и препятствовать ему заниматься теми промыслами, которые могут давать средства к существованию и работу большому множеству людей. Обязывая людей платить, он может этим уменьшать или даже уничтожать фонды, которые дали бы им возможность с большей легкостью

делать эти платежи. В-третьих, конфискациями и другими наказаниями, которым подвергаются несчастные люди, пытающиеся уклониться от уплаты налога, он может часто разорять их и таким образом уничтожать ту выгоду, которую общество могло бы получать от приложения их капиталов. Неразумный налог создает большое искушение для контрабанды, а кары за контрабанду должны усиливаться в соответствии с искушением. Закон, вопреки всем обычным принципам справедливости, сперва создает искушение, а потом наказывает тех, кто поддается ему, и притом обычно он усиливает наказание соответственно тому самому обстоятельству, которое, несомненно, должно было бы смягчать его, а именно—соответственно искушению совершить преступление¹. В-четвертых, подвергая людей частым посещениям и неприятным расспросам сборщиков налогов, он может причинять им много лишних волнений, неприятностей и притеснений; и хотя неприятности, строго говоря, не представляют собою расхода, однако они, без сомнения, эквивалентны расходу, ценою которого каждый человек готов избавить себя от них. Тем или другим из этих четырех различных способов налоги часто делаются гораздо более отяготительными для народа, чем полезными для государя.

Очевидная справедливость и польза этих положений обращали на себя большее или меньшее внимание всех народов. Все народы старались по силе своего разума сделать свои налоги настолько равномерными, как только могли, настолько определенными, чтобы это было удобно плательщику как в отношении срока и способа уплаты, так и в отношении доли его дохода, которую он отдавал государю, сделать их возможно менее отяготительными для народа. Нижеследующий краткий обзор некоторых главных налогов, существовавших в различные эпохи и в различных странах, должен показать, что усилия эти не у всех народов были в этом отношении одинаково успешны.

Статья I. Налоги на ренту.—Налоги на земельную ренту

Налог на земельную ренту может устанавливаться согласно определенной схеме, причем для каждого округа принимается в основу оценки определенная рента, и эта оценка потом уже не изменяется, или же налог может устанавливаться таким образом, что он изменяется вместе с каждым изменением размеров действительной ренты с земли и повышается или понижается в зависимости от улучшения или ухудшения ее обработки.

Поземельный налог, который, как это имеет место в Великобритании, раскладывается на каждый округ соответственно определенной схеме, может быть равномерен в момент его первой раскладки, но в дальнейшем он неизбежно становится неравномерным ввиду того, что в различных частях страны обработка земли в неодинаковой степени улучшается или ухудшается. В Англии оценка, которая была

¹ См. «Sketches of the History of Man». Vol. II, p. 273 и сл.

положена в основу обложения поземельным налогом различных графств и приходом законом 4-го года Вильгельма и Марии, была с самого начала весьма неравномерна. Поэтому этот налог идет вразрез с первым из вышеприведенных четырех правил. Зато он вполне согласуется с остальными тремя. Он определен вполне точно. Поскольку срок платежа налога совпадает с временем уплаты ренты, он так удобен для плательщика, как это только возможно. Хотя во всех случаях действительным плательщиком является землевладелец, но налог обычно уплачивается заранее арендатором, которому землевладелец обязан вычесть эту сумму при уплате ренты. Этот налог взимается гораздо меньшим числом чиновников, чем всякий другой налог, приносящий приблизительно такой же доход. Поскольку налог с каждого округа не повышается вместе с возрастанием ренты, государь не получает доли прибылей, которые являются результатом улучшений, производимых землевладельцем. Правда, эти улучшения иногда служат для облегчения налога с других землевладельцев округа. Но увеличение тяжести налога, которое это иногда может вызвать для отдельного имения, всегда настолько незначительно, что никогда не может препятствовать улучшениям или задерживать рост производительности земли. И поскольку налог не ведет к уменьшению количества продуктов, производимых землею, он не может вести и к повышению их цены. Он не препятствует приложению труда населения. Он не причиняет землевладельцу никаких других неудобств, кроме неизбежного неудобства платить налог.

Однако выгода, которую землевладелец получал от неизменности оценки, согласно которой облагались поземельным налогом все земли Великобритании, зависела главным образом от обстоятельств, совершенно чуждых природе налога.

Она отчасти обуславливалась большим преуспеянием почти всей страны, так как рента почти со всех имений Великобритании неизменно возрастала со времени установления этой оценки и ни в одном почти случае не уменьшалась. Ввиду этого почти все землевладельцы выгадывали разницу между тем налогом, который они должны бы платить соответственно действительно получаемой ими ренте с своих имений, и тем, какой они фактически уплачивали согласно старинной оценке. Если бы состояние страны было иное, если бы ренты постепенно понижались вследствие упадка земледелия, землевладельцы почти все потеряли бы эту разницу. При том положении вещей, которое сложилось после революции, неизменность оценки оказалась выгодной для землевладельцев и вредной для государя. При другом положении вещей она могла бы явиться выгодной для государя и вредной для землевладельцев.

Так как налог подлежит уплате деньгами, то и оценка земли выражена в деньгах. Со времени установления этой оценки стоимость серебра оставалась почти неизменной и не происходило также никаких изменений в весе или содержании чистого металла в монете. Если бы серебро значительно повысилось в своей стоимости, как это, по видимому, было в течение двух столетий, предшествовавших открытию

рудников Америки, неизменность оценки могла бы оказаться чрезвычайно невыгодной и обременительной для землевладельца. Если бы серебро значительно понизилось в своей стоимости, как это, без сомнения, было в течение, по крайней мере, столетия после открытия этих рудников, то эта самая неизменность оценки на очень много сократила бы статью дохода государя. Если бы было произведено значительное изменение в характере денег, причем прежнее количество серебра стало бы обозначаться меньшей или большей монетной единицей; если бы, например, из унции серебра вместо 5 ш. 2 п. стали чеканить монеты всего только в 2 ш. 7 п. или, напротив, монеты столь высокого обозначения, как 10 ш. 4 п., то в первом случае это подорвало бы доход собственника земли, а во втором — доход государя.

Итак, при условиях, несколько отличных от тех, которые фактически имели место, такая неизменность оценки могла бы представлять собою очень большое неудобство или для плательщиков налога, или для государства. Однако на протяжении веков такие обстоятельства должны наступать в тот или другой момент. Но хотя обширные государства, как и все творения рук человеческих, оказывались до сих пор все без исключения смертными, тем не менее каждое государство стремится к бессмертию. Поэтому всякое учреждение, которое предназначается столь же постоянное существование, как и самому государству, должно быть удобно не только при определенных обстоятельствах, но и во всех обстоятельствах, должно соответствовать не преходящим, изменчивым или случайным условиям, а неизбежным и потому всегда неизменным.

Налог на ренту, изменяющийся в зависимости от каждого изменения ренты или повышающийся и понижающийся в соответствии с улучшением или ухудшением обработки земли, рекомендуется, как наиболее справедливый из всех налогов, той школой французских писателей, которые называют себя экономистами. Все налоги, заявляют они, падают в конечном счете на земельную ренту и должны поэтому равномерно взиматься с того фонда, из которого они в конце концов выплачиваются. Без сомнения справедливо, чтобы все налоги, по возможности, равномерно падали на тот фонд, из которого они в конечном счете должны быть уплачены. Но, не входя в утомительное обсуждение метафизических доводов, которыми они защищают свою весьма остроумную теорию, из последующего обзора с достаточной убедительностью выяснится, какие налоги падают в конце концов на земельную ренту и какие падают на какой-либо другой источник.

На территории Венеции все пахотные земли, сдаваемые в аренду фермерам, облагаются в размере десятой части ренты. Арендные договоры заносятся в официальный регистр, который ведется податными чиновниками в каждой провинции или округе. Когда собственник сам обрабатывает свои земли, они расцениваются по справедливой оценке и ему предоставляется скидка в одну пятую налога, так что за такую землю он платит только 8% вместо 10 предполагаемой ренты.

Поземельный налог такого рода, несомненно, более равномерен, чем поземельный налог Англии. Он, может быть, не всегда так устойчив, и часто определение размеров налога может доставлять земле-владельцу не мало неудобств. Равным образом он может требовать более значительных издержек при взимании.

Однако может быть, пожалуй, придумана такая система проведения этого налога, которая в значительной степени устраняла бы эту неопределенность и уменьшала бы эти издержки.

Землевладелец и арендатор, например, могли бы оба быть обязаны заявлять о своем договоре об аренде для записи в общественном регистре. Могли бы быть установлены надлежащие штрафы за сокрытие или неправильное сообщение каких-либо из этих условий; и если бы часть этих штрафов выдавалась одной из этих сторон, которая сообщила и уличила другую сторону в таком сокрытии или неправильном сообщении, то это действительно удерживало бы их от сговора в целях надувательства финансового ведомства. Все условия аренды могли бы быть известны в достаточной мере из таких заявлений.

Некоторые землевладельцы вместо того, чтобы повысить ренту, включают единовременную сумму за возобновление аренды. Такая практика в большинстве случаев отличает расточителя, который за некоторую сумму наличных денег продает будущий доход гораздо большей стоимости. Поэтому в большинстве случаев она вредна для землевладельца; она часто вредна для арендатора и всегда вредна для общества. Она часто берет у арендатора значительную часть его капитала и этим так уменьшает его способность обрабатывать землю, что для него оказывается более трудным уплачивать небольшую ренту, чем при других условиях платить более высокую. А все то, что уменьшает его способность обрабатывать землю, неизбежно понижает наиболее важную часть дохода общества. Если бы налог с таких единовременных сумм был установлен гораздо более высокий, чем с обычной ренты, можно было бы затруднить эту практику к немалой выгоде всех заинтересованных сторон — землевладельца, арендатора, государя и общества в целом.

Некоторые арендные договоры предписывают арендатору определенный способ возделывания земли и определенный севооборот в течение всего срока аренды. Это условие, которое обычно является плодом самонения землевладельца и уверенности в превосходстве его собственных знаний (самонения, в большинстве случаев очень мало обоснованного), следует всегда рассматривать как добавочную ренту, как ренту в виде определенных услуг вместо денежной ренты. Для затруднения и прекращения такой практики, которая обычно нелепа, можно было бы этот вид ренты оценивать более высоко и, следовательно, облагать несколько выше, чем обычные денежные ренты.

Некоторые землевладельцы вместо ренты деньгами требуют ренту натурой, хлебом, скотом, птицей, вином, растительным маслом и т. п., другие, в свою очередь, требуют ее работой. Такие ренты всегда более обременительны для арендатора, чем выгодны для землевладельца. Они берут больше из кармана первого, чем дают последнему. Во

всякой стране, где эти ренты встречаются, арендаторы бедны и нищенствуют почти в полном соответствии с степенью распространения ренты. Эту практику, вредную для всего общества, можно было бы, пожалуй, тоже в достаточной степени затруднить, оценивая подобные ренты несколько выше, а следовательно и облагая их несколько выше обычных денежных ренты.

Когда землевладелец сам ведет хозяйство на части своих земель, рента может быть определена согласно согласительной оценке окрестных фермеров и землевладельцев, и ему может быть предоставлено небольшое понижение налога, как это практикуется на венецианской территории, при условии, если рента с занимаемых им земель не превышает определенной суммы. Важно поощрять землевладельца обрабатывать часть своей земли. Его капитал обычно больше капитала арендатора, и при меньшем умении он часто может получать больший продукт. Землевладелец может позволить себе различные опыты и обычно склонен делать их. Его неудачные опыты приносят ему лишь небольшие потери, тогда как его успешные опыты содействуют улучшению и лучшему развитию всей страны. Но может оказаться важным, чтобы понижение налога поощряло его самостоятельно обрабатывать свои земли только до известной степени. Если бы большинство землевладельцев было поставлено перед искушением самим вести хозяйство на всех своих землях, то страна (вместо трезвых и трудолюбивых арендаторов, вынужденных в своих собственных интересах обрабатывать землю так хорошо, как только позволяют это их капитал и умение) оказалась бы заполненной ленивыми и расточительными управителями, небрежное управление которых скоро ухудшило бы обработку земли и понизило бы годовой продукт земли, вызвав не только уменьшение дохода их хозяев, но и сокращение наиболее важной части дохода всего общества.

Такая система управления могла бы, пожалуй, избавить налог этого рода от всякой степени неопределенности, которая может вызывать притеснение или неудобство для плательщика, и в то же самое время могла бы содействовать всеобщему применению такого способа использования земли, какой мог бы немало повлиять на общее улучшение культуры страны.

Расход по взиманию поземельного налога, который изменялся бы при каждом изменении ренты, был бы, несомненно, несколько больше, чем при взимании налога, устанавливаемого всегда соответственно неизменной оценке. В первом случае неизбежны были бы добавочные издержки как на содержание учреждений по оценке, которые пришлось бы учредить в различных округах страны, так и на производство оценки земель, которые землевладельцы вздумали бы обрабатывать сами. Расход на все это, тем не менее, мог бы быть очень умеренным и значительно ниже расхода, связанного с взиманием многих других налогов, которые приносят совершенно незначительный доход в сравнении с тем, что легко может быть получено от налога этого рода.

Самое важное возражение, которое может быть сделано, повидимому, против изменяющегося поземельного налога этого рода, со-

стоит в том, что он может помешать улучшению земли. Землевладелец наверное будет менее склонен к улучшениям, если государь, не участвовавший в расходах на это, будет получать часть прибыли от этих улучшений. Даже это возражение может быть устранено, если землевладельцу будет разрешено прежде, чем он приступит к улучшениям, устанавливать совместно с податными чиновниками действительную стоимость его земель в данный момент согласно справедливой оценке определенного числа окрестных землевладельцев и фермеров, избранных поровну обеими сторонами, и если он будет обложен соответственно этой оценке на число лет, вполне достаточное для полного возмещения ему его расходов на улучшения. Привлечение внимания государя к улучшению земли в интересах увеличения его собственного дохода—такова одна из главных выгод поземельного налога этого рода. Поэтому срок, предоставляемый для возмещения затрат землевладельца, не должен быть на много продолжительнее того, что безусловно необходимо для этой цели, потому что в противном случае отдаленность ожидаемой выгоды чрезмерно ослабила бы это внимание. Но все же лучше в некотором отношении, чтобы он был несколько длиннее, чем слишком короток. Никакое возбуждение внимания и забот государя не может уравновесить малейшее затруднение, создаваемое для улучшений со стороны землевладельца. Внимание и заботы государя в лучшем случае могут вести к самому общему и расплывчатому взвешиванию того, что способно содействовать лучшей обработке большей части его владений. Внимание же и заботы землевладельца выражаются в тщательном и подробном взвешивании того, что может явиться наиболее выгодным использованием каждого дюйма земли его имения. Главное внимание государя должно быть направлено на поощрение всеми имеющимися в его власти средствами старательности и внимания землевладельца и фермера; для этого он должен предоставить им обоим преследовать свои интересы самостоятельно и по собственному разумению, дать им полнейшую уверенность, что они смогут в полной мере пользоваться плодами своего труда, и обеспечить им самый обширный рынок для всех их продуктов, установив наиболее легкие и безопасные пути сообщения по суше и по воде повсеместно в своих владениях, а также совершенно неограниченную свободу вывоза во владения всех других государей.

Если при такой системе управления налог этого рода окажется возможным применять таким образом, чтобы не только не препятствовать, но, напротив, несколько поощрять улучшение земли, то он вряд ли причинит какое-либо иное неудобство для землевладельца, кроме неустрашимого вообще неудобства — необходимости платить налог.

При всех меняющихся состояниях общества, при развитии и упадке земледелия, при всех изменениях стоимости серебра и содержания благородных металлов в монете, налог этого рода, сам по себе и без всяких усилий со стороны правительства, будет согласоваться с фактическим положением вещей и будет одинаково справедлив

и равномерен при всех этих изменениях. Поэтому он гораздо более пригоден для установления в качестве постоянного и неизменного правила или так называемого основного закона государства, чем всякий иной налог, взимаемый всегда согласно фиксированной оценке.

Некоторые государства вместо простого и понятного способа регистрации арендных договоров прибегали к более сложному и дорогому способу—фактической переписи и оценки всех земель страны. Они, вероятно, подозревали, что сдающий землю и арендатор могут в целях обмана фискального ведомства по взаимному соглашению скрывать действительные условия аренды. «Книга страшного суда»¹ являлась, повидимому, результатом весьма точной переписи этого рода.

В старых владениях короля Пруссии поземельный налог взимается согласно фактической переписи и оценке, пересматриваемой и изменяемой время от времени². Соответственно этой оценке светские землевладельцы уплачивают от 20 до 25% своего дохода, духовные—от 40 до 45%. Перепись и оценка в Силезии были произведены по распоряжению нынешнего короля³ и, как говорят, отличаются большой точностью. Согласно этой оценке, земли, принадлежащие епископу Бреславльскому, обложены в размере 25% приносимой ими ренты. Другие доходы духовенства обоих вероисповеданий обложены в размере 50%; командорства Тевтонского и Мальтийского орденов обложены в размере 40%; земли, находящиеся в руках дворян, обложены в размере $38\frac{1}{3}\%$, а в руках простолюдинов— $35\frac{1}{3}\%$.

Перепись и оценка земель в Богемии потребовала, как сообщают, работы в продолжение более ста лет. Она была закончена лишь после мира 1748 года по приказу ныне царствующей императрицы⁴. Перепись Миланского герцогства, начавшаяся еще при Карле VI, была закончена только после 1760 г. Она считается одною из самых точных, какие когда-либо были произведены. Перепись Савойи и Пьемонта была выполнена по приказу покойного короля Сардинии⁵.

Во владениях прусского короля доход церкви облагается на много выше, чем доход светских землевладельцев. Церковный доход в большей своей части лишь ложится бременем на земельную ренту. Редко бывает, чтобы хотя некоторая часть его шла на улучшение земли или употреблялась таким образом, чтобы в каком-либо отношении содействовать увеличению дохода массы народа. Прусский король счит, вероятно, ввиду этого справедливым, чтобы духовенство вносило значительно больше для удовлетворения нужд государства. В некоторых странах церковные земли освобождены от

¹ [Так называлась опись земельных владений, произведенная в Англии в конце XI века.]

² «Mémoires concernant les Droits etc.», tome I, p. 114, 115, 116 etc.

³ [Фридриха II.]

⁴ Id., tome I, p. 83, 84 [Смит имеет в виду австрийскую императрицу Марию-Терезу.]

⁵ Id., p. 280 etc., 287—316.

всех налогов, в других—они облагаются легче, чем другие земли. В герцогстве Миланском земли, которыми церковь обладала до 1575 г., оценены при обложении лишь в третью часть своей стоимости.

В Силезии земли, находящиеся во владении дворян, обложены на 3% выше, чем земли, находящиеся в руках простолюдинов. Прусский король, вероятно, предполагал, что почет и различные привилегии, связанные с владениями первого рода, достаточно вознаграждают землевладельца за небольшое увеличение налога, а унижительная подчиненность последних будет в некоторой степени ослаблена благодаря более легкому обложению. В других странах система обложения не только не ослабляет, но еще усугубляет это неравенство. Во владениях короля Сардинского и в тех провинциях Франции, на которые распространяется так называемая реальная или поземельная подать, налог падает исключительно на земли, находящиеся во владении простолюдинов, тогда как дворянские земли не подлежат обложению.

Поземельный налог, устанавливаемый в соответствии с общей переписью и оценкой, как бы справедлив и равномерен он ни был сначала, должен спустя очень непродолжительное время сделаться несправедливым и неравномерным. Для предотвращения этого со стороны правительства требовалось бы постоянное и обременительное внимание ко всем колебаниям в общем состоянии и производительности каждой отдельной фермы в стране. Правительства Пруссии, Богемии, Сардинии и герцогства Миланского действительно проявляют такого рода внимание,—внимание, столь несвойственное природе всякого правительства, что вряд ли оно будет проявляться долгое время, а если и будет проявляться, то, вероятно, станет причиной в конце концов гораздо больше беспокойств и стеснений плательщикам налога, чем сможет приносить им облегчение.

В 1666 году в Монтанбанском округе реальная или поземельная подать была разверстана, как передают, в соответствии с весьма точной переписью и оценкой¹. К 1727 г. эта разверстка оказалась совершенно неравномерной и несправедливой. В целях исправления этого неудобства правительство не нашло лучшего средства, как наложить на весь округ добавочный налог в 120 000 ливров. Этот добавочный налог разверстывается по всем участкам округа, подлежащим подати, соответственно прежней раскладке. Но он взимается только с тех участков, которые при современном положении вещей обложены по старой раскладке ниже действительной доходности, и употребляется для облегчения тех, кто по той же раскладке обложен выше доходности. Например, два участка обложены по старой раскладке по 1 000 ливров каждый, тогда как согласно современному положению вещей первый должен был бы платить 900, а второй— 1 100 ливров. Добавочным налогом оба эти участка облагаются по 1 100 ливров каждый, но он взимается только с недообложенного участка и употребляется на облегчение участка переобложенного, который та-

¹ Id., tome II, p. 139 etc.

ким образом платит только 900 ливров. Правительство ничего не выгадывает и не проигрывает от добавочного налога, который применяется исключительно для устранения неравномерности, обусловленной старой разверсткой. Применение его предоставлено усмотрению интенданта округа и должно быть поэтому в большой мере произвольным.

Налоги, определяемые не соответственно ренте, а соответственно продукции земли

Налоги на продукцию земли в действительности представляют собою налоги на ренту, и хотя они могут сперва выплачиваться фермером, в конечном счете их платит землевладелец. Когда приходится уплачивать в виде налога часть продукции, фермер высчитывает, по мере возможности, стоимость этой части из года в год и потом соответственно уменьшает ренту, которую соглашается платить землевладельцу. Нет такого фермера, который не высчитывал бы заранее, сколько составит за все годы аренды церковная десятина, представляющая собою поземельный налог такого же рода.

Десятина и всякий другой поземельный налог такого же рода, хотя они по внешности и кажутся совершенно одинаковыми, на самом деле являются далеко неодинаковыми налогами, поскольку известная часть продукции при различных условиях равна по стоимости весьма различной доле ренты. На некоторых очень плодородных землях продукция так велика, что половины ее достаточно для возмещения фермеру капитала, затраченного им на обработку, вместе с обычной в округе прибылью на фермерский капитал. Другую половину или, что то же самое, стоимость этой другой половины он мог бы платить в виде ренты землевладельцу, если бы не было десятины. Но если десятая часть продукции отнимается у него в виде десятины, он должен требовать понижения ренты на одну пятую, потому что иначе не сможет вернуть свой капитал с обычной прибылью. В этом случае рента землевладельца вместо того, чтобы достигать половины или пяти десятых всей продукции, будет равняться только четверем десятым ее. На менее плодородных землях продукция иногда так мала, а расходы по обработке так велики, что требуется четыре пятых всей продукции, чтобы возместить фермеру его капитал вместе с обычной прибылью. В этом случае, даже при отсутствии десятины, рента землевладельца может достигать не больше одной пятой или двух десятых всей продукции. А если фермер уплачивает десятую часть своего продукта в виде десятины, он должен требовать от землевладельца соответствующего понижения ренты, которая таким образом окажется пониженной до одной десятой всей продукции. На ренту с плодородных земель десятина может иногда ложиться налогом не более чем в одну пятую, т. е. в 4 шилл. на фунт, тогда как на ренту с плохих земель она может иногда ложиться налогом в целую половину, т. е. в 10 шилл. на фунт.

Поскольку десятина оказывается часто очень неравномерным на-

логом на ренту, постольку она всегда служит большим препятствием как для улучшений со стороны землевладельца, так и для обработки земли фермером. Первый не может рисковать производить наиболее важные, обычно дороже всего стоящие улучшения, а последний не решается возделывать наиболее ценные растения, которые обычно требуют наибольших издержек, если церковь, не несущая ни малейшей доли этих расходов, должна получать очень значительную часть прибыли. Разведение марены в течение долгого времени производилось благодаря десятине только в Соединенных провинциях¹, которые, как пресвитерианская страна, были избавлены от этого разорительного налога и пользовались своего рода монополией на это полезное красящее вещество в ущерб всей остальной Европе. Недавние попытки ввести культуру этого растения в Англии были произведены только вследствие издания закона, согласно которому с земель, засеянных мареной, взимается только 5 шилл. с акра взамен всякого рода десятины.

Подобно тому как в большей части Европы церковь, так и во многих странах Азии государство содержится главным образом на счет поземельного налога, соразмеряемого не с рентой, а с продукцией земли,—в Китае главный доход государя состоит в десятой части продукции со всех земель империи. Однако эта десятая часть определяется так умеренно, что во многих провинциях она, как передают, не превышает одной тридцатой части обычной продукции. Поземельный налог или земельная рента, которая уплачивалась магометанскому правительству Бенгалии до того, как эта страна попала в руки Английской ост-индской компании, достигала, как утверждают, одной пятой продукции. Поземельный налог в древнем Египте, как сообщают, тоже равнялся пятой части.

В Азии, как утверждают, этот вид поземельного налога питает интерес государя к улучшению и обработке земли. Государя Китая, Бенгалии при магометанском правительстве и древнего Египта, как сообщают, действительно очень заботились о проведении и содержании хороших дорог и судоходных каналов, чтобы как можно больше увеличить как количество, так и стоимость всей продукции земли, обеспечивая ей самый обширный рынок, какой только могли предоставить ей их собственные владения. Церковная десятина дробится на столь незначительные части, что ни один из ее обладателей не может питать подобного рода интереса. Приходский священник никогда не выручит своих денег, если проведет дорогу или канал к отдаленной части страны, чтобы расширить рынок для продуктов своего отдельного прихода. Такого рода налоги, поскольку они предназначены для доставления средств государству, обладают некоторыми полезными сторонами, которые могут в известной степени уравновешивать их неудобства; когда же они должны служить для доставления средств церкви, они связаны с одними только неудобствами.

¹ [Г. е. в Нидерландах.]

Налоги с продукции земли могут выскиваться натурой или, по определенной оценке, деньгами.

Приходский священник или средней руки помещик, живущий с своего имени, могут иногда, пожалуй, находить некоторую выгоду в получении—первый—своей десятины, второй—своей ренты натурой. Количество, подлежащее сбору, и район, в пределах которого производится сбор, так малы, что они оба могут собственными глазами следить за сбором и использованием решительно всего того, что им следует получить. Богатый помещик, живущий в столице, рисковал бы большими потерями от небрежности и еще больше—от злоупотребления со стороны своих управителей и служащих, если бы ренты с его имени в отдаленной провинции уплачивались ему таким способом. Потери государя вследствие злоупотреблений и хищений его сборщиков налогов должны быть в таком случае неизбежно гораздо больше. Слуги и служащие самого легкомысленного частного лица гораздо больше, вероятно, находятся на глазах своего хозяина, чем слуги и служащие самого осмотрительного государя, и государственный доход, уплачиваемый натурой, так сильно страдал бы от злоупотреблений сборщиков налога, что совсем незначительная часть сумм, собираемых с народа, попадала бы в казначейство государя. Однако, как передают, некоторая часть государственного дохода в Китае вносится именно таким образом. Мандарины и другие сборщики налогов, без сомнения, находят выгоду сохранять способ платежа, при котором гораздо более возможны злоупотребления, чем при уплате деньгами.

Налог с продукции земли, взимаемый деньгами, может взиматься или по оценке, меняющейся в соответствии со всеми изменениями рыночной цены, или согласно твердой оценке, так что, например, бушель пшеницы всегда оценивается в одну и ту же цену независимо от состояния рынка. Выручка от налога, взимаемого первым способом, изменяется лишь в зависимости от изменений фактической продукции земли, в зависимости от улучшения или недостатков обработки земли. Выручка от налога, взимаемого вторым способом, изменяется не только в зависимости от изменений размеров фактической продукции, но и в зависимости от изменений стоимости драгоценных металлов и количества этих металлов, содержащегося в разное время в монете того же самого обозначения. Выручка в первом случае всегда стоит в определенном отношении к стоимости действительной продукции земли; выручка во втором случае может в различные периоды стоять в весьма неодинаковом отношении к этой стоимости.

Когда вместо уплаты определенной части продукта с земли или цены определенной его части требуется уплата определенной денежной суммы в погашение всего налога или десятины, налог в таком случае приобретает совершенно такой же характер, как и поземельный налог в Англии. Он не повышается и не понижается вместе с земельной рентой, он и не поощряет улучшения, и не затрудняет их. Десятина в большинстве тех приходов, которые уплачивают так

называемый *модус* вместо всех других десятин, представляет собою налог этого рода. Во времена магометанского владычества в Бенгалии вместо платежа натурою пятой части продукции в большей части округов или *цеиндаров* страны была установлена уплата определенной денежной суммы и притом, как передают, очень умеренной. Некоторые служащие *Ост-индской* компании, под предлогом восстановления надлежащей стоимости государственного дохода, взамен уплаты этой суммы установили в некоторых провинциях платеж натурою. При их управлении такая перемена должна, вероятно, затруднять обработку земли и вместе с тем создавать новые поводы для злоупотреблений при взимании государственных доходов, которые упали на много ниже того уровня, на каком они стояли, как утверждают, в то время, когда впервые были переданы в ведение компании. Служащие компании, возможно, выгадали от этой перемены, но, вероятно, за счет своих хозяев и страны.

Налоги на ренту с домов

В ренте с дома или наемной плате можно различать две части, из которых одна может быть вполне уместно названа строительной рентой, а другая обычно называется земельной рентой.

Строительная рента (или рента от здания) представляет собою процент или прибыль на капитал, затраченный на постройку дома. Для того, чтобы поставить строительную промышленность в одинаковые условия с другими промыслами, необходимо, чтобы эта рента была достаточна, во-первых, для оплаты строителю такого же процента, какой он получил бы на свой капитал, если бы ссудил его под надежное обеспечение, и, во-вторых, для сохранения его дома в надлежащем порядке или, что то же самое, для возмещения, спустя определенное число лет, капитала, затраченного на его постройку. Рента с строений или обычная прибыль с построек везде поэтому определяется обычным процентом на деньги. Там, где рыночная норма процента равняется четырем, рента с дома, которая по уплате земельной ренты дает 6 или $6\frac{1}{2}\%$ на все издержки по постройке, может, пожалуй, приносить достаточную прибыль строителю. Когда рыночная норма процента достигает пяти, нужна будет для этого, пожалуй, рента в 7 или $7\frac{1}{2}\%$. Если сравнительно с существующим процентом на капитал строительное дело приносит в какой-либо момент гораздо более высокую прибыль, чем эта, то оно скоро привлечет к себе из других отраслей промышленности так много капитала, что это понизит прибыль до ее нормального уровня. Если оно в какой-либо момент приносит гораздо меньше этого, то другие отрасли промышленности скоро отвлекут от него так много капитала, что опять-таки повысят эту прибыль.

Вся та часть ренты с дома, которая остается сверх того, что необходимо для доставления этой умеренной прибыли, естественно приходится на земельную ренту, и в тех случаях, когда собственник земли и собственник здания—два различных лица, она в большин-

стве случаев целиком выплачивается первому. Эта добавочная рента представляет собою цену, которую обитатель дома уплачивает за какое-либо действительное или предполагаемое преимущество местоположения. Сельские дома, находящиеся на значительном расстоянии от большого города, где вдоволь свободной земли, дают совсем незначительную ренту и, во всяком случае, не больше того, что приносила бы земля, на которой стоит дом, если бы была использована для земледелия. Рента с загородных вилл по соседству с большим городом бывает иногда значительно выше, и в этом случае особые удобства или красота местоположения очень хорошо оплачиваются. Земельная рента обычно выше всего в столице и в тех отдельных районах ее, где предъясняется наибольший спрос на дома, безразлично для каких целей: для промышленных и торговых, для развлечений и приема гостей или из-за простого тщеславия и моды.

Налог на наемную плату (ренту с дома), уплачиваемый съемщиком и пропорциональный всей ренте с каждого дома, не может, по крайней мере на сколько-нибудь значительное время, оказывать влияние на строительную ренту. Если бы строитель не выручал своей умеренной прибыли, он вынужден был бы прекратить свое дело, а это в непродолжительном времени вернуло бы его прибыль на уровень, соответствующий ее уровню в других промыслах, поскольку усилило бы спрос на здания. Такой налог не может падать целиком на земельную ренту; он распределяется таким образом, что падает частью на обитателя дома и частью на владельца земли.

Предположим, например, что некто находит по своим средствам затрачивать в год на аренду дома 60 фунтов; предположим также, что на наемную плату с домов установлен налог в размере 4 шилл. с фунта или одной пятой, уплачиваемый нанимателем,—дом, сдающийся за 60 фунтов в год, будет обходиться ему в таком случае в 72 фунта, т. е. на 12 фунтов дороже, чем он считает возможным для себя платить. Он удовлетворится поэтому несколько худшим домом или домом, сдающимся за 50 ф., что вместе с добавочными 10 фунтами, которые он должен затрачивать на уплату налога, составит как раз 60 ф. в год, тот расход, который он считает себе по средствам; для того, чтобы уплатить налог, он откажется от части добавочных удобств, какие мог бы иметь от дома, стоящего на 10 ф. в год дороже. Я говорю: от части добавочных удобств, потому что он лишь в редких случаях лишится всех этих удобств, так как благодаря налогу он получит за 50 ф. в год лучший дом, чем мог бы получить за эту сумму при отсутствии налога. Ибо подобно тому как налог этого рода, устрняя данного соискателя, должен уменьшить спрос на дома в 60 ф., он должен также уменьшить спрос и на дома в 50 ф. и вообще на дома в любую другую цену, исключая самых дешевых домов, спрос на которые он на некоторое время усилит. Но рента с домов всех категорий, спрос на которые уменьшился, обязательно более или менее понизится. Так как ни малейшая часть этого понижения не может, по крайней мере сколько-нибудь значительное время, отразиться на строительной ренте, то все оно должно в ко-

нечном счете упасть на земельную ренту. Таким образом, конечная уплата этого налога должна лечь частью на нанимателя дома, который окажется вынужденным для уплаты этого налога отказаться от части своих удобств, и часть на собственника земли, который для уплаты своей доли вынужден будет отказаться от части своего дохода. Не очень легко, пожалуй, установить, в каком отношении распределится между ними этот конечный платеж. Распределение это будет, вероятно, весьма различно при различных условиях, и налог этого рода может, в зависимости от этих различных обстоятельств, очень неравномерно ложиться на нанимателя дома и на собственника земли.

Неравномерность, с какою налог этого рода может ложиться на владельцев различных земельных рент, возникает целиком из-за случайной неравномерности указанного распределения, тогда как неравномерность, с какою он может ложиться на нанимателей различных домов, обуславливается не только этой, но и другой причиной. Доля расхода на наемную плату в общих издержках на жизнь неодинакова у лиц, обладающих различным состоянием. Она, вероятно, выше всего у самых богатых людей и понижается постепенно с уменьшением состояния, так что по общему правилу оказывается ниже всего на самой низшей ступени благосостояния. Предметы первой необходимости составляют главный расход бедняков. Им трудно доставать себе пищу, и большая часть их скромного дохода затрачивается на приобретение ее. Предметы роскоши и суетности вызывают главный расход богатых, а великолепный дом еще украшает и выставляет в наиболее выгодном свете все другие предметы роскоши и суетные украшения, которыми они обладают. Поэтому налог на наемную плату должен по общему правилу ложиться наибольшей тяжестью на богатых, и в такого рода неравномерности нет, пожалуй, ничего особенно несправедливого. Отнюдь не несправедливо, чтобы богатые участвовали в государственных расходах не только пропорционально своему доходу, но и несколько большей долей.

Хотя рента с домов или наемная плата в некоторых отношениях походит на земельную ренту, в одном отношении она существенно разнится от нее. Земля, с которой уплачивается рента, производит ее. Рента с домов уплачивается за пользование непроизводительным предметом. Ни дом, ни земля, на которой он стоит, ничего не производят. Поэтому лицо, уплачивающее ренту, должно брать деньги для этого из какого-либо другого источника дохода, отличного и независимого от этого предмета. Налог с наемной платы или ренты с домов, поскольку он ложится на нанимателя, должен браться из того же источника, как и сама рента, и должен уплачиваться из дохода нанимателей, получаемого от заработной платы, прибыли на капитал или земельной ренты. Поскольку он ложится на нанимателя, он принадлежит к числу тех налогов, которые падают не на один только, а безразлично на все три источника дохода, и во всех отношениях подобен по своему характеру всякому другому налогу на любой другой предмет потребления. В общем не существует, пожа-

луй, такого другого предмета расхода или потребления, по которому лучше можно было бы судить о широте или скромности общих издержек человека, чем по уплачиваемой им наемной плате за дом. Пропорциональный налог на эту особую статью расхода мог бы, пожалуй, приносить более значительный доход, чем до сих пор извлекали из него в какой-либо части Европы. Разумеется, если налог будет очень высок, большинство людей будут стараться, по возможности, уменьшить свои платежи и будут удовлетворяться домами меньших размеров, обращая большую часть своего дохода на другие цели.

Размер ренты с дома или наемной платы может быть легко установлен с достаточной точностью посредством практики такого же рода, какая необходима для установления обычной земельной ренты. Дома ненаселенные не должны платить никакого налога. Налог на них целиком ложился бы на собственника, который таким образом облагался бы за предмет, не доставляющий ему ни удобств, ни дохода. Дома, в которых живут сами владельцы их, должны облагаться не в соответствии с их строительной стоимостью, а согласно справедливой оценке, — вероятно доходу с них в случае сдачи их в наем арендатору. При обложении таких домов соответственно их строительной стоимости налог в 3 или 4 шиллинга с фунта, в соединении с другими налогами, разорил бы почти все богатые и знатные фамилии не только нашей, но, думается мне, и всякой другой цивилизованной страны. Кто со вниманием познакомится с городскими и сельскими домами богатейших и знатнейших фамилий нашей страны, убедится, что при норме только в $6\frac{1}{2}$ или 7% с первоначальной строительной стоимости их рента с дома почти равняется всей чистой ренте с их поместий. Это — накопленный расход нескольких последовательных поколений, затраченный, правда, на предметы большой красоты и великолепия, но, в сравнении с тем, во что они обошлись, — весьма малой меновой стоимости¹.

Земельная рента с участков под домами представляет собою еще более подходящий объект обложения, чем наемная плата. Налог на такого рода земельную ренту не повысит наемную плату за дома. Он целиком будет ложиться на владельца этой земельной ренты, который всегда выступает в качестве монополиста и требует наивысшей ренты, какая только может быть получена за пользование его участком земли. Он может получить за него больше или меньше в зависимости от того, богаче или беднее окажутся соискатели, будут ли они в состоянии удовлетворить свой выбор определенного участка с большими или меньшими издержками. Во всех странах наибольшее количество богатых соискателей бывает в столице, и потому именно там всегда встречается самая высокая земельная рента с застроенных участков. Так как богатство этих соискателей ни в каком отношении не увеличится от налога на эту земельную ренту, они вряд ли будут склонны платить дороже за пользование участком. Мало будет иметь

¹ После первого издания этой книги был введен налог приблизительно на вышеизложенных основаниях.

значения, кто непосредственно уплачивает налог, наниматель или владелец участка. Чем больше вынужден будет платить в виде налога наниматель, тем меньше он будет склонен платить за участок, так что в конце концов уплата налога целиком ляжет на владельца участка. Земельная рента с необитаемых домов должна быть освобождена от налога.

Земельная рента с застроенных участков и обычная земельная рента представляет собой такой вид дохода, которым собственник во многих случаях пользуется без всяких забот и усилий с его стороны. И если часть этого дохода будет отниматься у него для покрытия расходов государства, от этого не пострадает ни одна отрасль труда. После введения такого налога годовой продукт земли и труда общества, действительное богатство и доход массы населения могут остаться неизменными. Ввиду этого земельная рента с застроенных участков и обычная земельная рента являются, пожалуй, тем видом дохода, какой лучше всего может выносить особый налог, устанавливаемый с него.

Рента с застроенных участков представляется с этой точки зрения более подходящим объектом обложения, чем обычная земельная рента. Эта последняя во многих случаях обусловлена, по крайней мере отчасти, заботами и хорошим управлением землевладельца. Очень тяжелый налог может слишком неблагоприятно отразиться на этих заботах и хорошем управлении. Рента с застроенных участков, поскольку она превышает уровень обычной земельной ренты, целиком обусловлена хорошим управлением государя, который, покровительствуя труду всего народа или жителей какой-нибудь отдельной местности, дает им возможность платить за участок, на котором они строят свои дома, значительно больше его действительной стоимости или с большим избытком возмещать его владельцу потери, какие он может нести от такого использования участка. Не может быть ничего более справедливого, чем чтобы фонд, обязанный своим существованием хорошему управлению государства, был обложен хорошим налогом или участвовал несколько большей долей, чем большая часть других фондов, в расходах на содержание этого управления.

Хотя во многих европейских странах устанавливались налоги на наемную плату с домов, я не знаю такой страны, где рента с застроенных земельных участков считалась бы самостоятельным предметом обложения. Изобретатели налогов встретили, вероятно, некоторое затруднение при установлении того, какая часть ренты должна признаваться земельной рентой и какая — строительной рентой. Между тем не представляется очень трудным отличать эти две части ренты одну от другой.

В Великобритании наемная плата за дома подвергается обложению в таких же размерах, как и земельная рента, посредством так называемого ежегодного земельного налога. Оценка, согласно которой определялся этот налог в каждом приходе или округе, всегда одна и та же. Первоначально она была чрезвычайно неравномерна

и поныне остается такою же. В большей части королевства этот налог падает на ренту с домов еще меньшей тяжестью, чем на земельную ренту. Только в небольшом числе округов, которые первоначально были высоко обложены и в которых рента с домов значительно понизилась, земельный налог в 3 или 4 шиллинга на фунт признается соответствующим действительной доходности дома. Дома, не имеющие жильцов, хотя в силу закона они подлежат обложению налогом, в большинстве округов освобождаются от него благодаря снисходительности сборщиков; это изъятие иногда вызывает небольшие изменения в окладах налога с отдельных домов, хотя для всего округа он всегда остается неизменным. Увеличение ренты в результате новых построек, ремонта и пр. служит облегчению всего округа, что вызывает дальнейшие колебания в окладе отдельных домов.

В Голландии¹ каждый дом облагается в $2\frac{1}{2}\%$ его стоимости, причем не обращается никакого внимания ни на фактически приносимый им доход, ни на то обстоятельство, сдан ли он в наем или остается необитаемым. Обременительным является, повидимому, принуждение собственника платить налог за необитаемый дом, от которого он не может извлечь никакого дохода, в особенности платить такой очень тяжелый налог. В Голландии, где рыночная норма процента не превышает трех, два с половиной процента со всей стоимости должны в большинстве случаев составлять более трети строительной ренты, а возможно и всей ренты. В самом деле, оценка, согласно которой дома облагаются, всегда, как говорят, ниже действительной стоимости. Когда дом перестраивается, исправляется или расширяется, производится новая оценка и соответственно ей определяется оклад налога.

Изобретатели различных налогов, какими в различные эпохи облагали в Англии дома, воображали, повидимому, что очень затруднительно установить с приблизительной точностью, какова действительная рента с каждого дома. Поэтому они регулировали свои налоги в соответствии с более очевидными признаками, которые, по их мнению, должны были в большинстве случаев находиться в некотором соответствии с рентой.

Первым налогом этого рода явилась подымная подать или налог в 2 шиллинга на каждый очаг. Для того, чтобы удостовериться, сколько очагов в доме, сборщику налогов надо было осматривать все комнаты в нем. Это неприятное посещение сделало налог ненавистным. Поэтому вскоре после революции он был отменен как клеймо рабства.

Следующим налогом этого рода был налог в 2 шиллинга с каждого обитаемого жилого дома. Дом с десятью окнами облагался добавочными 4 шиллингами, дом с двадцатью окнами и больше — 8 шиллингами. Этот налог в дальнейшем был изменен в том смысле, что дома с 20 окнами и меньше чем с 30 должны были платить 10 шиллингов, а дома с 30 окнами и больше — 20 шиллингов. Число окон в большин-

¹ «Mémoires concernant les Droits etc.», p. 223.

стве случаев можно считать снаружи и во всех случаях—не входя во все комнаты дома. Ввиду этого посещение сборщика при взимании этого налога было менее неприятно, чем при взимании подъемной подати.

Налог этот потом был отменен и вместо него был введен налог на окна, который тоже подвергся ряду изменений и увеличений. Налог на окна, как он существует в настоящее время (январь 1775 г.), сверх налога в 3 шилл. с каждого дома в Англии и 1 шилл. в Шотландии, облагает еще каждое окно, причем этот налог в Англии увеличивается постепенно с низшей ставки в 2 пенса с домов, имеющих не более 7 окон, до высшей ставки в 2 шиллинга с домов, имеющих 25 окон и больше.

Главное возражение против всех подобного рода налогов, это—их неравномерность, неравномерность худшего сорта, так как они должны часто ложиться гораздо тяжелее на бедных, чем на богатых. Дом в небольшом городке, сдающийся за 10 фунтов, может иногда иметь более окон, чем дом, приносящий 500 фунтов в Лондоне, и хотя жилец первого наверное гораздо беднее жильца второго, однако, поскольку его доля определяется налогом на окна, он должен вносить больше на содержание государства. Ввиду этого подобные налоги прямо противоположны первому из вышеприведенных четырех основных принципов. Они, повидимому, не противоречат сильно ни одному из трех других принципов.

Естественная тенденция налога на окна и всех других налогов с домов проявляется в понижении рент. Чем больше кто-либо уплачивает в виде налога, тем меньше, очевидно, может он платить за наем дома. Однако со времени введения налога на окна рента с домов в целом более или менее повысилась почти во всех городах и сельских местностях Великобритании, которые мне известны. Так сильно было почти везде увеличение спроса на дома, что он повысил наемную плату больше, чем мог понизить его налог на окна,—одно из многочисленных доказательств большого процветания страны и увеличивающегося дохода ее жителей. Если бы не этот налог, наемная плата, вероятно, поднялась бы еще выше.

Статья II. Налоги на прибыль или на доход, приносимый капиталом

Доход или прибыль, получающаяся с капитала, распадается на две части—на ту часть, которая оплачивает процент и принадлежит владельцу капитала, и на ту добавочную часть, которая остается сверх того, что необходимо для уплаты процента.

Последняя часть прибыли, очевидно, не может облагаться непосредственно. Она составляет вознаграждение и в большинстве случаев лишь очень умеренное вознаграждение за риск и труды при применении капитала. Предприниматель должен получать это вознаграждение, в противном случае он не может, в согласии с своими интересами, продолжать свое предприятие. Поэтому, при непосредствен-

ном обложении соответственно всей прибыли в целом, он был бы вынужден или повысить норму своей прибыли, или переложить налог на денежный процент, т. е. платить меньший процент. При повышении им нормы своей прибыли пропорционально налогу весь этот налог, хотя бы он и уплачивался им самим, в конечном счете оплачивался бы одною из двух различных групп в зависимости от того, каким способом он употребляет капитал, находящийся в его распоряжении. Употребляя его, как фермерский капитал, на обработку земли, он мог бы повысить норму своей прибыли, только удерживая большую долю или, что то же самое, цену большей доли продукта земли; а так как это может быть сделано только путем сокращения ренты, то конечная уплата налога ложилась бы на землевладельца. Употребляя его как торговый или промышленный капитал, он мог бы повысить нормы своей прибыли только путем повышения цены своих товаров; в этом случае конечная уплата налога ложилась бы целиком на потребителей этих товаров. Если бы он не повысил норму прибыли, он был бы вынужден накладывать весь налог на ту ее часть, которая приходится на проценты за капитал. Он мог бы платить меньший процент за занятый капитал, и вся тяжесть налога ложилась бы в этом случае в конечном счете на денежный процент. Поскольку он не мог бы переложить с себя налог одним способом, он был бы вынужден сделать это другим способом.

Денежный процент с первого взгляда кажется объектом, столь же допускающим непосредственное обложение, как и земельная рента. Подобно земельной ренте, он представляет собою чистый продукт, который остается после полного вознаграждения за риск и труды при применении капитала. Подобно тому как налог на земельную ренту не может вести к повышению рент, потому что чистый продукт, остающийся после возмещения капитала фермера вместе с справедливой прибылью, не может быть после налога больше, чем был до него, так и в силу той же причины налог на денежный процент не может повысить норму процента, поскольку количество капитала или денег в стране предполагается не изменившимся после введения налога, как и до него. Обычная норма прибыли, как это показано в первой книге, определяется повсюду отношением количества наличного капитала к количеству предприятий и дел, для которых он нужен. Но никакой налог на денежный процент не в состоянии ни увеличить, ни уменьшить количество применений капитала. И если поэтому количество капитала, вкладываемого в различные предприятия, не увеличивается и не уменьшается благодаря налогу, то обычная норма прибыли обязательно останется прежней, а также останется неизменной и та часть этой прибыли, которая необходима для вознаграждения предпринимателя за риск и труд, поскольку последние также не изменились. Таким образом и остаток, т. е. та часть, которая принадлежит владельцу капитала и которая оплачивает денежный процент, тоже необходимо останется неизменной. Поэтому с первого взгляда денежный процент представляется объектом, столь же допускающим непосредственное обложение налогом, как и земельная рента.

Однако существуют два обстоятельства, которые делают денежный процент гораздо менее пригодным объектом непосредственного обложения, чем земельная рента.

Во-первых, количество и стоимость земли, какую обладает тот или иной человек, никогда не может быть тайной, оно всегда может быть точно установлено. Напротив, общая сумма денежного капитала, которым он обладает, почти всегда составляет тайну и почти никогда не может быть установлена с приблизительной точностью. Помимо того, она подвержена почти непрерывным колебаниям. Редко проходит год, часто даже месяц, а иногда всего только один день без того, чтобы она в большей или меньшей степени не увеличилась или не уменьшилась. Расследование частных обстоятельств каждого отдельного человека и притом расследование, которое следило бы за изменениями его состояния, чтобы согласовать с ними налог, явилось бы источником такого постоянного и бесконечного притеснения, которого не мог бы выдержать ни один народ.

Во-вторых, земля представляет собою предмет, который нельзя переносить из одного места в другое, тогда как капитал легко можно переносить. Собственник земли необходимо является гражданином той страны, где находится его имение. Собственник капитала является в сущности гражданином всего мира и отнюдь не обязательно связан с какой-либо отдельной страной. Он легко может покинуть страну, в которой подвергается—в целях обложения его обременительным налогом—стеснительному контролю и расспросам, и перенести свой капитал в другую страну, где он может с большим удобством вести свое предприятие или пользоваться своим состоянием. Перенося свой капитал, он прекратит всю ту работу, которую вел в покинутой им стране. Капитал возделывает землю, капитал дает занятие труду. Налог, ведущий к отливу капитала из какой-либо страны, ведет, таким образом, к исчезновению всех источников доходов государя и общества. Вследствие перенесения капитала в другую страну неизбежно уменьшатся в большей или меньшей мере не только прибыль с капитала, но и земельная рента и заработная плата.

Ввиду этого те нации, которые стремились обложить доход, получающийся от капитала, были вынуждены, вместо такого рода строгого расследования и контроля, довольствоваться весьма приблизительной, а следовательно более или менее произвольной оценкой. Чрезвычайная неравномерность и неопределенность налога, устанавливаемого таким образом, может быть уравновешена только его крайней умеренностью, вследствие которой каждый плательщик видит себя обложенным настолько ниже своего действительного дохода, что его мало беспокоит, если его сосед обложен несколько ниже.

При установлении в Англии так называемого поземельного налога имелось в виду обложить и капитал в таком же размере, как землю. Когда поземельный налог равнялся 4 шилл. с фунта или одной пятой предполагаемой ренты, имелось в виду обложить и капитал в размере одной пятой предполагаемых процентов с него. При вве-

дении современного ежегодного поземельного налога законная норма процента составляла шесть на сто. В соответствии с этим каждую сотню фунтов капитала предполагалось обложить в 24 шиллинга, т. е. в размере одной пятой 6 фунтов. После того, как законная норма процента понижена до 5, каждые сто фунтов капитала стали облагаться в размере только 20 шилл. Сумма, подлежащая взысканию посредством так называемого поземельного налога, разверстывалась между сельскими местностями и главными городами, причем большая часть падала на первые, а большая часть доли, приходившейся на города, разверстывалась на дома. Сумма, остававшаяся для разверстки на капитал и торговлю (капитал, вложенный в землю, облагать не имелось в виду), была много ниже действительной стоимости этого капитала или торговли. Ввиду этого все неравномерности, которые могли иметь место при первоначальной разверстке, вызывали мало неудобств и неудовольствия. Все приходы и округа по настоящее время продолжают облагаться для уплаты налога с их земель, домов и капиталов согласно первоначальной раскладке, и почти всеобщее пренебрежение страны, которое во многих местах весьма значительно повысило стоимость всех этих статей, еще уменьшило значение этой неравномерности. Равным образом ввиду того, что обложение каждого округа остается все время неизменным, неопределенность этого налога, поскольку он может взыскиваться с капитала каждого отдельного лица, весьма значительно уменьшилась и имеет теперь гораздо меньшее значение. Если большая часть земель Англии оценена для взимания поземельного налога меньше, чем в половину своей действительной стоимости, то большая часть капитала Англии оценена, может быть, меньше, чем в одну пятую своей действительной стоимости. В некоторых городах вся сумма поземельного налога раскладывается на дома, как, например, в Вестминстере, где капитал и торговля свободны от обложения. Иначе обстоит дело в Лондоне.

Во всех странах старательно избегалось тщательное расследование обстоятельств частных лиц.

В Гамбурге¹ каждый житель обязан платить государству четверть процента всего того, чем он владеет, и так как имущество населения Гамбурга заключается главным образом в капитале, то налог этот может рассматриваться как налог на капитал. Каждый облагает себя сам и в присутствии чиновника вносит ежегодно в государственное казначейство определенную сумму денег, которая, согласно его заявлению под присягой, составляет четверть процента всего его имущества, но не делает заявления о его размерах и не подлежит никаким расспросам по этому поводу. Согласно общему мнению, налог этот уплачивается с большой добросовестностью. В небольшой республике, где население относится с полным доверием к своим чиновникам, где оно убеждено в необходимости налога для существования государства и уверенно, что он будет добросовестно упо-

¹ «Mémoires concernant les Droits», tome I, p. 74.

треблен на эту цель, можно иногда ожидать такой добросовестной и добровольной уплаты. Она не представляет особенности населения Гамбурга.

Кантон Унтервальден в Швейцарии часто опустошается бурями и наводнениями и потому несет чрезвычайные расходы. В таких случаях собирается население, и каждый гражданин, как передая, объявляет с величайшей откровенностью размеры своего имущества, чтобы соответственно этому быть обложенным налогом. В Цюрихе закон устанавливает, чтобы в случае необходимости все жители облагались пропорционально доходу, размеры которого они должны объявлять под присягой. Там не существует подозрения, что кто-либо из граждан захочет обмануть государство. В Базеле главный доход государства получается от небольшой пошлины с вывозимых товаров. Все граждане приносят присягу, что будут уплачивать каждые три месяца все налоги, устанавливаемые законом. Всем купцам и даже всем содержателям гостиниц поручается вести самим запись всех тех товаров, которые они продают в пределах или вне территории Базеля. По истечении каждых трех месяцев они посылают эту запись казначею вместе с суммой налога, вычисленной в конце ее. Нет подозрений, чтобы государственный доход терпел ущерб от такого доверия¹.

Возлагаемое на каждого гражданина обязательство публично объявлять под присягой свое состояние, повидимому, не признается в этих швейцарских кантонах стеснительным, но в Гамбурге оно считалось бы в высшей степени стеснительным. Купцы, пускающиеся в рискованные торговые предприятия, все трепещут при мысли быть обязанными обнаруживать в любое время действительное положение своих дел. Они предвидят, что последствием этого часто может явиться подрыв их кредита и неудача их проектов. Рассудительный и бережливый народ, чуждый подобного рода проектам, не чувствует необходимости в такого рода секретах.

В Голландии, вскоре после возведения покойного принца Оранского в штатгальтеры², был установлен налог в 2% или так называемая пятидесятая денга со всего имущества каждого гражданина. Каждый гражданин сам облагал себя и вносил налог таким же образом, как это делалось в Гамбурге; согласно общему предположению, налог этот уплачивался с большой добросовестностью. Народ в ту пору питал величайшую привязанность к своему новому правительству, которое он только что установил путем всеобщего восстания. Налог был единовременным, будучи предназначен помочь правительству в чрезвычайной нужде; действительно, он был слишком тяжел, чтобы быть постоянным. В стране, где рыночная норма процента редко превышает три, налог в 2% достигает 13 шилл. 4 пенс.

¹ «Mémoires concernant les Droits», tome I, p. 163, 166, 171.

² [Речь идет о Вильгельме I Оранском, который, после победоносно закончившейся в 1679 г. нидерландской революции, был избран штатгальтером Голландии.]

на фунт с самого высокого чистого дохода, который обычно получается с капитала. Такой налог только немногие могут платить, не затрагивая в большей или меньшей степени своих капиталов. При какой-либо особой крайности народ может, под влиянием сильного общественного воодушевления, сделать большое усилие и отдать даже часть своего капитала, чтобы прийти на помощь государству, но совершенно немыслимо, чтобы он делал это сколько-нибудь продолжительное время; а если бы он делал это, налог скоро разорил бы его в такой степени, что он вообще утратил бы способность поддерживать государство.

Хотя налог на капитал, установленный в Англии законом о земельном налоге, пропорционален капиталу, все же он не имеет в виду уменьшить или отнять часть этого капитала. Имелось только в виду сделать его налогом на денежный процент, соответствующим по размерам налогу на земельную ренту, так что, когда последний равняется 4 шилл. на фунт, первый тоже мог бы достигать 4 шилл. на фунт. Налог в Гамбурге и еще более умеренные налоги в Унтервальдене и Цюрихе точно так же имелись в виду как налоги не на капитал, а на процент или чистый доход с капитала; налог же в Голландии должен был являться налогом на капитал.

Налоги на прибыль с отдельных промыслов

В некоторых странах устанавливаются чрезвычайные налоги с прибылей на капитал при вложении его или в определенные отрасли торговли, или в земледелие.

К первой категории в Англии относятся налоги на разносчиков и бродячих торговцев, на извозчицьи кареты и коляски и налог, который содержатели пивных уплачивают за разрешение продавать в розницу пиво и спиртные напитки. Во время последней войны предполагался еще один налог этого рода, а именно—на магазины. Указывали, что так как война предпринята в целях защиты торговли страны, то купцы, которые выгадывают от нее, должны участвовать в несении расходов на нее.

Однако налог на прибыль с капитала, вкладываемого в ту или иную отрасль торговли, никогда не может в конечном итоге ложиться на самих торговцев (которые во всех нормальных случаях должны иметь свою справедливую прибыль и редко могут получить больше этой прибыли, если конкуренция не ограничена), он всегда ложится на потребителей, которые принуждены платить в цене товаров налог, выплачиваемый торговцем, и притом обычно еще с некоторой надбавкой.

Налог этого рода, если он соответствует оборотам торговца, в конечном счете уплачивается потребителем и не причиняет никаких неудобств торговцу. Когда же он не соразмеряется с оборотом, а в одинаковых размерах взыскивается со всех торговцев, то хотя в этом случае он в конечном итоге уплачивается потребителем, все же он более благоприятен для крупного торговца и обременителен для

мелкого. Налог в 5 шилл. в неделю на каждую извозчицью карету и в 10 шилл. в год на каждую извозчицью коляску, поскольку он уплачивается различными содержателями таких карет и колясок. Достаточно точно соразмерен с их выручкой. Он не мирволит крупному и не притесняет более мелкого предпринимателя. Налог в 20 шилл. в год за разрешение продавать пиво, в 40 шилл. за разрешение торговать спиртными напитками и еще в 40 шилл. за разрешение торговать винами, будучи одинаков для всех торговцев, должен обязательно обеспечить некоторое преимущество крупным торговцам и причинять некоторое неудобство мелким. Первым должно быть легче, чем последним, выручать обратно сумму налога в цене своих товаров. Впрочем, умеренность налога делает эту неравномерность имеющей мало значения, и многим может даже казаться вполне целесообразным несколько затруднить размножение мелких пивных и трактиров. Налог на лавки имелось в виду сделать одинаковым со всех лавок. Да и трудно было бы сделать иначе. Было бы невозможно соразмерить с сколько-нибудь приблизительной точностью налог на лавку с размерами торговли, производящейся в ней, не прибегая к расследованиям и розыскам, невыносимым в свободной стране. Если бы налог был значителен, он ложился бы бременем на мелких торговцев и привел бы к переходу почти всей розничной торговли в руки крупных торговцев. С устранением конкуренции первых, последние пользовались бы монополией торговли и, подобно всем монополистам, скоро столкновались бы относительно повышения своих прибылей на много больше того, что необходимо для уплаты налога. Конечная уплата налога вместо того, чтобы ложиться на лавочника, падала бы на потребителя с значительной надбавкой в пользу лавочника. В силу этих соображений проект налога на лавки был оставлен и вместо него был установлен налог 1759 года.

Так называемая во Франции подушная подать представляет собою, вероятно, самый важный налог на прибыли с капитала, затрачиваемого в сельском хозяйстве, который взимается в какой-либо из европейских стран.

При безначалии, существовавшем в Европе при господстве феодализма, государь был вынужден довольствоваться обложением тех, кто был слишком слаб, чтобы отказаться платить налоги. Крупные феодалы, хотя и готовые приходить ему на помощь в чрезвычайных обстоятельствах, не соглашались на обложение их постоянным налогом, а государь был недостаточно силен, чтобы вынудить их. Земледельцы по всей Европе были первоначально в своем большинстве рабами. В большей части Европы они постепенно получили свободу. Некоторые из них приобретали в собственность свои участки, которые отдавались им королем или каким-нибудь другим крупным владельцем, причем оставались в большей или меньшей степени зависимыми от своих господ; таковы были старинные копигольдеры в Англии. Другие, не приобретая своих участков в собственность, брали их в аренду на определенное число лет и таким образом становились менее зависимыми от своего господина. Крупные земле-

владельцы смотрели поэтому с завистливым и презрительным возмущением на возрастающее благосостояние и независимость этого низшего класса людей и охотно соглашались, чтобы государь облагал его налогом. В некоторых странах налог этот ограничивался землями, принадлежащими на праве собственности недворянам, и в этом случае назывался реальной податью. Поземельный налог, установленный покойным сардинским королем, и подать в провинциях Лангедок, Прованс, Дофинэ и Бретань, в округе Монтобан и в избирательных округах Ажанском и Кондомском, а также в некоторых других местах Франции, представляют собою налог на недворянские земли. В других странах налогом облагались предполагаемые прибыли всех тех лиц, которые владели на правах аренды чужими землями, как дворянскими, так и недворянскими; в этом случае подать называлась подушной. В большей части тех провинций Франции, которые называются *paus d'élection*, подать отличается именно этим характером. Поскольку реальная подать взыскивается только с части земель страны, она неизбежно является налогом неравномерным, но не всегда произвольным, хотя в некоторых случаях имеет место и последнее. Подушная подать, поскольку она должна соответствовать прибылям определенного класса людей, — прибылям, которые могут быть устанавливаемы только по догадкам, — неизбежно бывает и произвольна и неравномерна.

В настоящее время (1775 г.) подушная подать, взимаемая ежегодно во Франции в двадцати провинциях, так называемых *paus d'élection*, составляет 40 107 239 ливров 16 су¹. Пропорция, в которой эта сумма раскладывается между этими провинциями, изменяется из года в год в соответствии с отчетами, представляемыми королевскому совету о хорошем или плохом состоянии хлебов, также и о других обстоятельствах, которые могут увеличивать или уменьшать их платежеспособность. Каждый округ разделен на известное число участков, и разверстка между этими участками суммы, наложенной на весь округ, тоже изменяется из года в год в зависимости от отчетов, представляемых совету относительно платежеспособности каждого. Представляется невозможным, чтобы совет даже при всем своем желании был в состоянии производить обе эти раскладки хотя бы в приблизительном соответствии с действительной платежеспособностью провинций или округов, с которых взимается подать. Отсутствие надлежащих сведений или неправильная осведомленность всегда должны в большей или меньшей степени вводить в заблуждение даже самый справедливый совет. Доля, которую должен уплачивать каждый приход из суммы, приходящейся на весь участок, а также доля, которую должен уплачивать каждый обитатель прихода из суммы, приходящейся на последний, точно так же изменяется ежегодно соответственно обстоятельствам. Эти обстоятельства оцениваются и взвешиваются в одном случае — должностными лицами участка, в другом — прихода, причем те и другие находятся под большим

¹ «Mémoires concernant les Droits etc.», tome II, p. 17.

или меньшим влиянием интенданта и зависят от него. Как утверждают, не только неведение и неправильная осведомленность, но и дружба, партийная вражда и личное неудовольствие часто ведут к неправильным действиям этих чиновников. Ни один человек, подлежащий налогу, никогда, очевидно, не может до получения раскладки точно знать, сколько ему придется уплатить. Он не может даже знать это и после получения раскладки. Если кто-либо из плательщиков оказывается несостоятельным и не может уплатить своего оклада, за него обязан внести налог сам сборщик, причем эта сумма взыскивается на следующий год со всего прихода, чтобы возместить ее сборщику. Если сам сборщик оказывается несостоятельным, то приход, избирающий его, должен отвечать за него перед главным сборщиком налогов участка. А так как для главного сборщика может быть затруднительным возбуждать преследование против всего прихода, он выбирает по своему усмотрению пять или шесть из наиболее богатых плательщиков и взыскивает с них сумму, недополученную участковым сборщиком. Для возмещения этим пяти или шести лицам потом производится дополнительная раскладка на весь приход. Такие раскладки всегда делаются в дополнение к подати того года, в течение которого они собираются.

Когда прибыли с капитала в какой-либо отрасли торговли облагаются налогом, торговцы стараются доставлять на рынок не больше товаров, чем они могут продать по цене, достаточной для возмещения им расхода на уплату налога. Некоторые из них извлекают часть своих капиталов из торговли, и рынок снабжается благодаря этому более скудно, чем раньше. Цена товаров возрастает, и в конечном итоге уплата налога ложится на потребителя. Когда же налогом облагается прибыль с капитала, вложенного в земледелие, не в интересах фермеров извлекать какую-либо часть своего капитала из своего дела. Каждый фермер занимает определенное количество земли, за которое он платит ренту. Для надлежащей обработки этой земли необходимо определенное количество капитала, и при извлечении из дела какой-либо части этого необходимого количества фермеру не станет легче уплачивать ренту или налог. Он никогда не может быть заинтересован—для уплаты налога—в том, чтобы уменьшать размеры своей продукции, а следовательно снабжать рынок более скудно, чем раньше. Поэтому налог никогда не даст ему возможности поднять цену своих продуктов так, чтобы возместить себе этот расход посредством перекладывания конечной уплаты на потребителя. Между тем, фермер, как и всякий другой торговец, должен иметь умеренную прибыль, ибо в противном случае он должен будет отказаться от своего промысла. После установления налога такого рода он может получить такую умеренную прибыль только при уплате землевладельцу меньшей ренты. Чем больше он принужден платить в виде налога, тем меньше он в состоянии платить в виде ренты. Налог этого рода, налагаемый во время действия арендного договора, может, без сомнения, затруднить или разорить фермера. При возобновлении же аренды налог всегда должен падать на землевладельца.

В странах, где существует подушная подать, фермер обыкновенно облагается пропорционально капиталу, который он затрачивает на обработку земли. Ввиду этого он часто опасается иметь хороших рабочих лошадей и быков и старается вести свое хозяйство при помощи самых плохих и негодных орудий, насколько только возможно. Так сильно его недоверие к справедливости оценщиков, что он симулирует бедность и старается казаться едва способным вообще платить что-нибудь из опасения быть вынужденным платить слишком много. Благодаря такой глупой политике он, возможно, не всегда более целесообразно учитывает свои собственные интересы и, вероятно, теряет больше в результате уменьшения своей продукции, чем выигрывает от уменьшения налога. Хотя вследствие такого нелепого ведения хозяйства рынок, без сомнения, снабжается несколько хуже, все же возможное в результате этого небольшое повышение цены вряд ли может возместить фермеру уменьшение его продукции и, конечно, еще меньше может позволить ему платить землевладельцу более высокую ренту. Общество, фермер, землевладелец,—все терпят больший или меньший ущерб от такого ухудшения возделывания земли. Я имел уже случай указать в третьей книге настоящего исследования, что подушная подать ведет многими различными путями к понижению уровня сельского хозяйства и, следовательно, к истощению главного источника богатства каждой обширной страны.

Так называемый подушный налог в южных провинциях Северной Америки и на Вестиндских островах, т. е. ежегодный налог в размере определенной суммы с каждого негра, представляет собою, собственно, налог на прибыль с особого вида капитала, затрачиваемого в сельском хозяйстве. Поскольку плантаторы в большинстве своем совмещают в своем лице и фермеров и землевладельцев, конечная уплата налога ложится на них в их качестве землевладельцев без всякого возмещения.

Налоги в размере определенной суммы с каждого раба, употребляемого в земледелии, в древнее время были, повидимому, общим явлением во всей Европе. В настоящее время налог такого рода существует в Российской империи. Вероятно именно по этой причине подушные налоги всех видов изображались часто как признак рабства. Однако всякий налог является для лица, которое платит его, признаком не рабства, а свободы. Он означает, правда, что это лицо является подданным правительства, но также и то, что, поскольку оно обладает некоторой собственностью, оно не может быть само собственностью какого-нибудь хозяина. Подушный налог с рабов вообще оплачивается от подушного налога со свободных людей: последний уплачивается теми лицами, на которых накладывается, первый уплачивается совсем другими лицами. Налог со свободных людей или совершенно произволен, или совершенно неравномерен, а в большинстве случаев имеет место то и другое. Налог же с рабов, хотя в некоторых отношениях и неравномерен, поскольку различные рабы имеют различную стоимость, все же ни в каком отношении не является произвольным. Каждый хозяин, знающий число

своих рабов, точно знает, сколько ему следует платить. Тем не менее ввиду того, что эти различные налоги получили одинаковое наименование, их рассматривали как имеющие одинаковый характер.

Налоги, которыми облагается в Голландии мужская и женская прислуга, представляют собою налоги не на капитал, а на личные расходы, и в этом отношении походят на налоги на предметы потребления. Такой именно характер имеет налог на одну гинею с каждого слуги-мужчины, недавно введенный в Великобритании. Наибольшей тяжестью он ложится на средний класс. Человек, имеющий ежегодный доход в 200 ф., может держать одного слугу; обладатель дохода в 10 000 ф. в год не будет держать 50 слуг. Но зато налог этот не задевает бедных.

Налоги с прибыли на капитал, вкладываемый в те или другие специальные промыслы, никогда не могут отразиться на денежном проценте. Никто не станет ссужать свои деньги тем, кто занимается облагаемым промыслом, за меньший процент, чем тем, кто занимается промыслами необлагаемыми. Налоги на доход, получающийся с капитала, без различия промыслов, в каких он занят, там, где правительство пытается взимать их с некоторой степенью точности, во многих случаях ложатся на денежный процент. «Двадцатая доля» во Франции представляет собою налог того же рода, как и так называемый поземельный налог в Англии, и взимается точно так же с дохода от земли, домов и капитала. Поскольку он касается дохода с капитала, он раскладывается, хотя и не с большой суровостью, но с гораздо большей точностью, чем та доля поземельного налога в Англии, которая получается из того же источника. Во многих случаях он ложится целиком на денежный процент. Во Франции деньги часто помещаются по договорам об установлении пожизненной ренты, т. е. о выплате ежегодно определенных взносов, причем должник в любое время может выкупить эту пожизненную ренту, уплатив первоначально занятую сумму, тогда как кредитор не может требовать выкупа, за исключением особых случаев. «Двадцатая доля», повидимому, не повысила размеры этих ежегодных рент, хотя она строго взимается со всех их.

Дополнение к статьям I и II. Налоги на капитальную стоимость земли, домов и капиталов

Какие бы постоянные налоги ни налагались на собственность, они никогда не задавались целью, пока собственность остается в руках своего обладателя, уменьшить или отобрать какую-либо часть ее капитальной стоимости, а имели в виду взыскивать только некоторую часть дохода, получающегося от нее. Но когда собственность переходит в другие руки, когда она передается от умершего живому или от живого к другому живому, она облагается часто такими налогами, которые неизбежно отнимают часть ее капитальной стоимости.

Передача всех видов собственности от умершего живущему лицу и недвижимой собственности, земли и домов от живущего лица дру-

тому живущему представляет собою сделку, которая по самой сущности своей публична и известна или имеет такой характер, что не может быть скрыта долгое время. Такие сделки возможно поэтому облагать непосредственно. Передача капитала или движимой собственности от одного живого лица другому в виде денежной ссуды часто представляет собою тайную сделку и ее всегда можно сделать таковой. Поэтому ее не легко обложить непосредственно. Ее облагали косвенно двумя различными способами: во-первых, требуя, чтобы документ, содержащий обязательство уплатить занятую сумму, писался на особой бумаге, оплаченной определенным сбором; без этого документ считался не имеющим силы; во-вторых, требуя, под страхом такой же недействительности, чтобы он заносился в публичный или секретный реестр, причем за такую регистрацию взималась определенная пошлина. Гербовые сборы и пошлины за регистрацию часто взимались также с документов, передающих всякого рода собственность от умершего живущему лицу, а также передающих недвижимую собственность от живущего лица живущему,—со сделок, которые легко было бы облагать непосредственно.

«Vicesima hereditatum», двадцатая часть с наследств, установленная Августом у древних римлян, была налогом при переходе собственности от умершего к живущему лицу. Дион Кассий¹, сообщающий об этом налоге наиболее точные сведения, говорит, что он взимался со всех наследств, завещаний и дарений, за исключением тех случаев, когда собственность переходила к ближайшим родственникам и иному.

Такой же характер имеет голландский налог с наследств². Наследства по боковой линии облагаются, в зависимости от степени родства, в размере от 5 до 30% всей стоимости наследства. Дарения по завещаниям или отказы по завещаниям родственникам по боковой линии облагаются такими же пошлинами. Имущество, переходящее по завещанию от мужа к жене или от жены к мужу, облагается в размере 2%, наследование по восходящей линии облагается в размере только 5%. Прямые наследования, т. е. по нисходящей линии, свободны от обложения. Смерть отца редко сопровождается для его детей, живущих под одним с ним кровом, каким-либо увеличением их дохода, а часто, напротив, уменьшением его ввиду прекращения его промысла, его службы или какого-либо пожизненного имущества, которым он владел. Жестоким и притеснительным был бы налог, который отягчал бы их потерю, отнимая часть их наследства. Иначе может иногда обстоять дело с детьми, которые, по римской юридической терминологии, эмансипированы, а по шотландской—выде-

¹ Lib. 55. См. также *Burman, De Vectigalibus Pop. Rom., cap. XI; Bouchaud, De l'Impôt du vingtième sur les successions.* [Более точное название этих книг: 1) *P. Burmannus, Vectigalia Populi Romani, et Ζεὺς καὶ τὰ ἀστέρη, sive Iuppiter Fulgurator in Cyrrhenarum nummis.* Leyden 1734; 2) *Bouchaud, De l'Impôt du vingtième sur les successions et de l'Impôt sur les marchandises chez les Romains.* Paris, nouv., edit. 1772.]

² «Mémoires concernant les Droits etc.», tome I, p. 225.

лены из семьи, т. е. которые получили уже свою долю имущества, обзавелись собственными семьями и существуют на средства, отдельные и не зависящие от средств их отца. Какая бы доля наследства их отца ни досталась таким детям, она явится действительным увеличением их имущества и может поэтому облагаться налогами без большего неудобства, чем связанное со всеми другими налогами такого рода.

Феодальным законом устанавливались налоги при переходе земли как от умершего к живущему лицу, так и от живущего к живущему. В давно минувшие времена они по всей Европе составляли один из главных источников дохода короны.

Наследник каждого непосредственного вассала короны уплачивал определенный налог, обычно в размере годичной ренты, при получении инвеституры (пожалования) на поместье. Если наследник был несовершеннолетен, все доходы с поместья в продолжение всего его несовершеннолетия поступали в пользу сюзерена, на которого возлагалось только обязательство содержать несовершеннолетнего и уплачивать пенсию вдове умершего, если таковая имелась налицо. Когда наследник достигал совершеннолетия, он должен был уплачивать сюзерену другой налог, так называемый выкуп, обычно тоже в размере годового дохода с поместья. Продолжительное несовершеннолетие, которое в наше время часто освобождает большое поместье от всех обременяющих его долгов и восстанавливает былой блеск и богатство фамилии, в ту эпоху не могло оказывать такого действия. Расточительность, а не освобождение поместья от долгов, была обычным следствием продолжительного несовершеннолетия.

В силу феодальных законов вассал не мог отчуждать землю без согласия своего сюзерена, который обычно вымогал платеж или выкуп за разрешение. Этот платеж, размеры которого первоначально были произвольны, в дальнейшем стал во многих странах определяться известной долей цены земли. В некоторых странах, где большая часть других феодальных обычаев вышла из употребления, этот налог при отчуждении земли все еще продолжает составлять весьма значительную статью дохода государя. В Бернском кантоне он так высок, что составляет шестую часть цены всех дворянских владений и десятую часть владений недворянских¹. В Люцернском кантоне пошлина при продаже земель установлена не повсеместно, а взимается только в некоторых округах; но если кто-либо продает свою землю с целью выселиться, он уплачивает 10% с цены проданной земли². Подобного же рода пошлины при продаже всяких земель или только земель, принадлежащих на определенном праве владения, существуют во многих других странах и составляют более или менее значительную статью дохода государя.

Подобного рода сделки могут облагаться косвенно посредством гербовых сборов или нотариальных записей, причем эти налоги

¹ «Mémoires concernant les Droits etc.», tome I, p. 154.

² Ibid., p. 157.

могут быть пропорциональны или непропорциональны стоимости объекта, переходящего от одного лица к другому.

В Великобритании гербовые сборы выше или ниже не столько в зависимости от стоимости переходящей в другие руки собственности (гербовой бумаги в 18 пенсов или полкроны достаточно для заключения обязательства на самую крупную сумму денег), сколько в зависимости от характера документа. Высшая ставка не превышает 6 фунтов с листа бумаги или пергамента, и эти высокие пошлины приходятся главным образом на пожалования от короны и на судебные документы, независимо от стоимости объекта. В Великобритании не существует пошлин с нотариальной записи документов и бумаг, если не считать вознаграждения самих нотариусов; последнее редко превышает справедливую оплату их труда. Корона не извлекает от этого никакого дохода.

В Голландии¹ существуют как гербовые, так и нотариальные сборы, которые в некоторых случаях пропорциональны стоимости передаваемой собственности. Все завещания должны писаться на гербовой бумаге, цена которой соответствует передаваемой стоимости, так что там существует гербовая бумага, стоящая от 3 пенсов или 3 стиверов за лист до 300 флоринов, что составляет около 27 ф. 10 шилл. на наши деньги. Если употреблена гербовая бумага низшего разряда, чем должен был употребить завещатель, то наследство его конфискуется. Этот гербовый сбор взимается сверх всех других существующих в Голландии налогов с наследств. За исключением векселей и некоторых других коммерческих документов, все остальные документы, обязательства и договоры подлежат гербовому сбору. Однако налог этот не повышается пропорционально стоимости объекта. Все сделки по продаже домов и земли и все залоговые операции с теми и другими должны регистрироваться нотариусом, и при этой записи взимается налог в пользу государства в размере 2½% с цены продаваемого или закладываемого имущества. Налог этот распространен также на сделки по продаже всех судов и кораблей грузоподъемностью свыше двух тонн, палубных или беспалубных. Они, повидимому, рассматриваются как своего рода дома на воде. Такой же налог в 2½% взыскивается при продаже движимых имуществ, если она производится в силу судебного постановления.

Во Франции существуют как гербовый, так и нотариальный сборы. Первый считается частью общей системы пошлин и акцизов и в провинциях, где установлены эти последние, взимается акцизными чиновниками; второй признается частью коронных доходов и взимается другой группой чиновников.

Такой способ обложения посредством гербовых и нотариальных сборов представляет собою изобретение самого недавнего времени. Однако в течение не более столетия гербовый сбор в Европе был введен почти повсеместно, а нотариальный сбор сделался чрезвычайно распространенным. Никакому другому искусству не выучивается скорее

¹ Ibid., p. 223, 224, 225.

одно правительство у другого, как искусству выкачивать деньги из карманов своего народа.

Налоги при переходе собственности от умершего к живущему ложатся в конце концов, а также непосредственно, на лицо, которому передается собственность. Налоги при продаже земли ложатся целиком на продавца. Последний почти всегда продает по необходимости и должен поэтому соглашаться на такую цену, какую может получить; покупатель почти никогда не бывает вынужден купить и потому дает только такую цену, какую считает нужным. Он подсчитывает, сколько должна ему обойтись земля вместе с налогом; чем больше он обязан платить в виде налога, тем меньше согласится он заплатить за землю. Поэтому такие налоги ложатся почти всегда на лицо, испытывающее нужду, а следовательно должны быть часто очень жестоки и притеснительны. Налоги при продаже вновь выстроенных домов в тех случаях, когда здание передается без земли под ним, ложатся обычно на покупателя, потому что строитель должен по общему правилу получать свою прибыль, в противном случае ему придется отказаться от своего промысла. Поэтому, если он и уплачивает налог, покупатель обычно должен возместить его ему. Налоги при продаже старых домов по той же причине, что и налоги при продаже земли, ложатся обычно на продавца, которого в большинстве случаев заставляет продавать выгода или необходимость. Количество вновь выстроенных домов, ежегодно поступающих на рынок, в большей или меньшей степени определяется спросом. Если спрос не так силен, чтобы обеспечивать строителю после оплаты всех издержек нормальную прибыль, он не станет больше строить дома. Количество старых домов, в любой момент поступающих на рынок, определяется случайными обстоятельствами, из которых большая часть не имеет никакого отношения к спросу. Два или три крупных банкротства в торговом городе вызывают предъявление к продаже многих домов, которые должны быть проданы за любую цену, которую можно выручить за них. Налоги при продаже участков под застройку ложатся исключительно на продавца по той же причине, что и налоги при продаже земли. Гербовый и нотариальный сборы с обязательств и договоров в связи с займом денег ложатся целиком на занимающего и на деле всегда оплачиваются им. Такого же рода сборы с судебных бумаг ложатся на тяжущихся. Они уменьшают для обеих сторон капитальную стоимость спорного объекта. Чем дороже обходится приобретение собственности, тем меньше будет ее чистая стоимость после приобретения.

Все налоги при переходе из рук в руки собственности всех видов, поскольку они уменьшают капитальную стоимость этой собственности, ведут к уменьшению фонда, предназначенного для содержания производительного труда. Они все в большей или меньшей степени представляют собой невыгодные налоги, которые увеличивают доход государя, редко содержащего других работников, кроме непроизводительных, за счет капитала народа, который содержит лишь производительный труд.

Такие налоги, даже когда они пропорциональны стоимости переходящей собственности, остаются все же неравномерными, поскольку различные виды собственности равной стоимости не всегда одинаково часто переходят из одних рук в другие. Когда же эти налоги не пропорциональны этой стоимости, что имеет место с большей частью гербовых и нотариальных сборов, то они становятся еще более неравномерными. Они ни в каком отношении не произвольны, а во всех случаях могут быть или бывают вполне определенными и точно установленными. Хотя нередко они ложатся на лицо, которому платить нелегко их, момент платежа в большинстве случаев достаточно удобен для него. Когда наступает момент платежа, у него в большей части случаев должны быть деньги для уплаты. Они взимаются с очень небольшими издержками и, по общему правилу, не доставляют плательщикам других неудобств, кроме неустраняемого вообще неудобства платить налог.

Во Франции гербовые сборы не вызывают особых жалоб; иначе обстоит дело с нотариальными пошлинами, которые называются там «контрольными». Как утверждают, они служат поводом значительных вымогательств со стороны чиновников главных откупщиков, собирающих этот налог, в большей мере произвольный и неопределенный. В большей части памфлетов, написанных против современной финансовой системы во Франции, главной темой служат злоупотребления «контроля». Однако неопределенность не представляется обязательно присущей характеру таких налогов. Если народные жалобы основательны, они должны питаться не столько самим характером налога, сколько недостаточной точностью и ясностью текста указов или законов, установивших его.

Нотариальное засвидетельствование закладных и всех вообще сделок относительно недвижимой собственности чрезвычайно выгодно обществу, поскольку обеспечивает права как кредиторов, так и покупателей. Нотариальное засвидетельствование большей части документов другого рода часто неудобно и даже опасно для отдельных лиц, не принося вместе с тем ни малейшей пользы обществу. Все нотариальные книги, которые, как это признано, должны вестись без огласки записей, совсем не должны были бы существовать. Кредит отдельных лиц, без сомнения, ни при каких условиях не должен зависеть от столь ненадежного обеспечения, как честность и скромность низших податных чиновников. Но там, где пошлины с нотариальных записей были сделаны источником дохода государя, обычно умножались без конца количество нотариальных контор как для документов, которые должны были заноситься в регистр, так и для тех, которые не подлежали занесению. Во Франции существует целый ряд различных секретных регистров. Следует признать, что это злоупотребление, хотя может быть и неизбежное, представляет собою вполне естественное следствие такого рода налогов.

Такие штемпельные налоги, как существующие в Англии на игральные карты и кости, на газеты и периодические издания и т. п., представляют собою, собственно, налоги на потребление; конечный

платеж ложится на тех лиц, которые пользуются или употребляют эти предметы. Такие пошлины, как сборы свидетельств на розничную торговлю пивом, вином и спиртными напитками, хотя, может быть, при введении их имелось в виду обложить прибыль самих торговцев, в конечном итоге тоже оплачиваются потребителями этих напитков. Такие налоги, хотя они носят такое же обозначение и взимаются теми же чиновниками и таким же способом, как и вышеупомянутые гербовые сборы при переходе собственности в другие руки, отличаются все же совсем другим характером и ложатся на совсем другие источники.

Статья III. Налоги на заработную плату

Как я старался показать в первой книге, заработная плата низших разрядов рабочих повсюду неизбежно определяется двумя различными условиями: спросом на труд и обычной или средней ценой предметов питания. Спрос на труд в зависимости от того, возрастает ли он, остается ли неизменным или уменьшается, т. е. требует ли он возрастающего, неизменного или уменьшающегося населения, определяет уровень существования рабочего и устанавливает, в какой мере оно должно быть изобильное, умеренное или скудное. Обычная или средняя цена предметов продовольствия определяет количество денег, какое должен получать рабочий, чтобы иметь возможность из года в год приобретать эти обильные, умеренные или скудные средства существования. Поэтому при неизменном размере спроса на труд и цены предметов продовольствия прямой налог на заработную плату может иметь своим следствием только повышение заработной платы на сумму, несколько превышающую самый налог. Предположим, в самом деле, что в определенной местности спрос на труд и цена предметов продовольствия таковы, что делают 10 шилл. в неделю обычной заработной платой рабочего, и что установлен налог с заработной платы в одну пятую, т. е. в размере 4 шилл. на фунт. Если спрос на труд и цена предметов продовольствия не изменятся, то попрежнему будет необходимо, чтобы рабочий в этой местности зарабатывал такие средства к существованию, которые могут быть куплены только на 10 шилл. в неделю, или чтобы по уплате налога у него оставался чистый заработок в 10 шилл. в неделю. Но для того, чтобы у него оставался такой чистый заработок после уплаты налога, цена труда в этой местности должна будет скоро повыситься, и не до 12 только шилл. в неделю, а до 12 шилл. 6 пенсов, т. е. для того, чтобы рабочий мог уплачивать налог в одну пятую, его заработная плата должна обязательно скоро повыситься не на одну пятую только, а на одну четверть. Независимо от отношения налога к заработной плате, последняя во всех случаях должна увеличиваться не только пропорционально налогу, но и несколько больше. Если, например, налог установлен в размере одной десятой, заработная плата должна неизбежно повыситься скоро не только на одну десятую, а на одну восьмую.

Таким образом, относительно прямого налога на заработную пла-

ту, если даже рабочий уплачивает его сам, нельзя, собственно, даже говорить, что он авансируется рабочим, по крайней мере в том случае, если спрос на труд и цена предметов продовольствия остались после введения налога такими же, какими были и до него. Во всех таких случаях не только налог, но и несколько большая сумма в действительности авансируется лицом, которое непосредственно нанимает рабочего. Окончательный платеж ляжет в различных случаях на различных лиц. Повышение, которое такой налог может вызвать в заработной плате мануфактурного труда, будет уплачено владельцем мануфактуры, который и будет в праве, и окажется вынужденным накинуть его вместе с прибылью на цену своих товаров. Таким образом, окончательная оплата такого повышения заработной платы вместе с добавочной прибылью владельца мануфактуры ляжет на потребителя. Повышение, которое такой налог может вызвать в заработной плате сельскохозяйственного труда, будет оплачено фермером, который, чтобы занимать прежнее число рабочих, будет вынужден затрачивать больший капитал. А для того, чтобы выручить обратно этот больший капитал вместе с обычной прибылью на него, ему придется удерживать большую долю или, что то же самое, цену большей доли продукта его земли, а следовательно платить меньшую ренту землевладельцу. Следовательно, в этом случае окончательная уплата этого повышения заработной платы ляжет на землевладельца вместе с добавочной прибылью фермера, который авансировал ее. Во всех случаях прямой налог на заработную плату должен в конечном счете вызывать и большее уменьшение земельной ренты, и большее повышение цены мануфактурных изделий, чем это имело место при взимании суммы, равной выручке от налога, отчасти с земельной ренты, отчасти с предметов потребления.

Если прямые налоги на заработную плату не всегда вызвали пропорциональное увеличение последней, то это потому, что они обычно вели к значительному уменьшению спроса на труд. Упадок промышленности, уменьшение работы для бедных и сокращение годового продукта земли и труда страны являлись, по общему правилу, следствиями таких налогов. Однако вследствие этих налогов цена труда всегда должна быть выше, чем это было бы при данных размерах спроса, и это увеличение цены, вместе с прибылью тех, кто авансирует его, всегда должно быть в конечном счете оплачиваемо землевладельцами и потребителями.

Налог на заработную плату сельскохозяйственного труда не повышает цены сырого продукта земли пропорционально налогу в силу той же причины, по какой налог на прибыль фермера не повышает пропорционально этой же цены.

Как ни нелепы и разорительны такие налоги, они все же существуют во многих странах. Во Франции та часть подушной подати, которая взимается с труда рабочих и сельских поденщиков, представляет собою, собственно, налог такого же рода. Их заработная плата исчисляется соответственно обычному уровню того округа, в котором они живут; а для того, чтобы их заработок, по возможности

не подвергался чрезмерной оценке, в основу принимается не больше двухсот рабочих дней в году¹. Налог с каждого отдельного лица колеблется из года в год в соответствии с различными обстоятельствами, о которых судит сборщик или комиссар, назначаемый в помощь себе интендантом. В Богемии в результате реформы финансовой системы, начатой в 1748 г., установлен очень тяжелый налог на труд ремесленников. Они разбиты на четыре разряда. Высший разряд уплачивает 100 флоринов в год, что составляет, считая флорин в 22 $\frac{1}{2}$ пенса, 9 ф. 7 ш. 6 п. Второй разряд обложен в 70 фл., третий — в 50 фл., а четвертый, включающий деревенских ремесленников и низший разряд городских, обложен в 25 фл.²

Как я пытался доказать в первой книге, вознаграждение талантливых артистов и лиц свободных профессий необходимо стоит в известном соотношении с заработной платой более простых видов труда. Налог на это вознаграждение поэтому не может иметь иного результата, как повышение его, и притом несколько больше, чем на сумму налога. Если бы оно не повышалось в таких размерах, искусства и либеральные профессии оказались бы не идущими вровень с другими видами труда, а потому от них начался бы такой сильный отлив работников, что скоро они вернулись бы к общему уровню.

Вознаграждение, уплачиваемое чиновникам, не определяется, подобно вознаграждению в промышленности и либеральных профессиях, свободной конкуренцией на рынке и поэтому не всегда находится в надлежащем соответствии с тем, чего требует самый характер их занятия. В большинстве стран оно, пожалуй, выше этого, поскольку лица, стоящие во главе правительства, склонны вознаграждать как себя самих, так и своих непосредственных подчиненных в большей мере, чем это необходимо. Ввиду этого жалование чиновников в большинстве случаев вполне хорошо может выдержать обложение налогом. Кроме того, лица, занимающие государственные должности, вызывают во всех странах общую зависть, и налог на их жалование, даже если бы он был несколько выше, чем на другие виды дохода, всегда бывает популярным налогом. В Англии, например, где предполагается, что поземельный налог облагает все виды дохода в размере 4 шилл. с фунта, большой популярностью было встречено обложение жалования чиновников, превышающего 100 фунтов в год, в размере 5 шилл. 6 пенс. с фунта; не подверглось этому налогу лишь содержание, выплачиваемое младшим линиям королевской фамилии, жалование офицеров армии и флота и некоторых других чиновников, возбуждающих меньше зависти. Других налогов на заработную плату в Англии не существует.

Статья IV. **Налоги, которые имеют в виду обложение всех родов доходов безразлично**

Налогами, имеющими целью обложение всех видов доходов безразлично, являются подушные подати и налоги на предметы потреб-

¹ «Mémoires concernant les Droits etc.», tome II, p. 108.

² Ibid., tome III, p. 87.

ления. Они должны уплачиваться независимо от того, каким доходом обладают плательщики, — с их земельной ренты, с прибыли от их капиталов, с заработной платы за их труд.

Подушные подати

Подушные подати, если пытаются их устанавливать в соответствии с состоянием или доходом каждого плательщика, приобретают совершенно произвольный характер. Размеры состояния каждого человека изменяются постоянно и если не производится тщательного расследования, более нестерпимого, чем любой налог, и возобновляемого, по крайней мере, один раз в год, могут быть определены лишь приблизительно. Поэтому его обложение должно в большей или меньшей степени зависеть от доброго или плохого расположения духа оценщика, а следовательно, отличаться вообще произвольностью и неопределенностью.

Подушные подати, если они устанавливаются не соответственно предполагаемому состоянию, а соответственно общественному положению каждого плательщика, становятся вообще неравномерными, потому что люди одного и того же общественного положения обладают часто неодинаковыми состояниями.

Поэтому такие налоги, если пытаются сделать их равномерными, становятся произвольными и неопределенными, а если пытаются сделать их определенными и не зависимыми от произвола, — делаются неравномерными, а будет ли налог легким или тяжелым, его неопределенность всегда представляет собою большое неудобство. При легкости налога можно еще выдержать значительную степень неравномерности, при тяжести его она вообще невыносима.

При установлении различных подушных налогов в Англии в правление Вильгельма III плательщики в большинстве своем облагались в соответствии с своим рангом и положением, как, например, герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны, эсквайры, дворяне, старшие и младшие сыновья пэров и др. Все лавочники и торговцы, обладающие имуществом выше 300 фунтов, т. е. высшая группа их, были обложены в одинаковом размере, как бы велико ни было различие их состояний. Их положение больше принималось во внимание, чем их состояние. Некоторые из тех, кто при взимании первого подушного налога были обложены в соответствии с их предполагаемым состоянием, были потом обложены в соответствии с их общественным положением. Врачи, адвокаты и юрисконсульты, которые при первом подушном налоге были обложены в размере 3 шилл. с фунта их предполагаемого дохода, потом облагались как дворяне. При раскладке налога, не очень тяжелого, значительная степень неравномерности была признана менее невыносимой, чем какая-либо степень неопределенности.

При взимании подушного налога, существовавшего во Франции без всякого перерыва с начала текущего столетия, высшие классы облагались соответственно их рангу, а низшие классы населения в за-

висимости от их предполагаемого состояния, причем раскладка налога изменялась из года в год. Чиновники королевского суда, судьи и другие чиновники высших судов, офицеры войска и т. п. облагались первым способом. Низшие сословия в провинции облагались вторым способом. Во Франции сильные мира сего охотно соглашались на значительную неравномерность налога, который, поскольку он касается их, не очень тяжел, но не могут сносить произвольной раскладки интенданта. Низшие классы должны в этой стране терпеливо сносить порядок, который стоящие выше их считают нужным установить для них.

В Англии различные подушные налоги никогда не давали той суммы, которую от них ожидали или которую, по предположениям, они могли бы дать, если бы правильно взимались. Во Франции подушный налог всегда приносит ожидаемую от него сумму. Снисходительное правительство Англии, произведя раскладку подушного налога между различными группами и сословиями населения, удовлетворялось тем, что такая раскладка давала, и не требовало никаких возмещений потерь, которые могло понести государство благодаря тем, кто не мог уплатить, или тем, кто не захотел уплатить (а таких было много), и кого не заставляли платить ввиду снисходительного применения закона. Более строгое правительство Франции облагает каждый округ определенной суммой, которую интендант должен добыть, как сумеет. Если какая-либо из провинций жалуется на слишком тяжелое обложение, она может получить при раскладке следующего года некоторое уменьшение оклада, соответствующее излишке взысканной суммы в предыдущем году, но пока что она должна платить. Для того, чтобы интенданту было обеспечено получение суммы, наложенной на его округ, ему было дано право облагать последний на несколько большую сумму, чтобы неплатежеспособность некоторых плательщиков могла компенсироваться добавочным обложением остальных; до 1765 г. определение размеров этого добавочного обложения всецело предоставлялось его усмотрению. Только с этого года королевский совет присвоил это право самому себе. Как замечает вполне хорошо осведомленный автор «Записки относительно налогового обложения во Франции»¹, при обложении провинций подушным налогом доля, лежащая на дворянство и на тех, привилегии которых освобождают их от подушной подати, совершенно незначительна. Наибольшая часть ложится на тех из привилегированных к уплате подушной подати, кто при взимании поголовного налога облагается в размере определенной суммы с каждого фунта уплачиваемой ими подушной подати.

Подушные налоги, поскольку они взимаются с низших классов населения, представляют собою прямой налог на заработную плату и связаны со всеми отрицательными сторонами такого налога.

¹ [Речь идет о многократно цитированной выше книге: «Mémoires concernant les Impositions et Droits en Europe», автором которой был Moreau de Beaumont. См. примечание в начале второй главы пятой книги.]

Подушные налоги взимаются с небольшими издержками, и в тех случаях, когда они строго взыскиваются, доставляют государству очень верный доход. Именно ввиду этого подушные налоги очень распространены в странах, где мало обращается внимания на благосостояние, довольство и обеспеченность низших классов народа. Однако, по общему правилу, только небольшая часть государственных доходов получалась когда-либо в обширных государствах от таких налогов, и самая крупная сумма, какую они когда-либо давали, всегда могла бы быть получена каким-нибудь другим путем, гораздо более удобным для народа.

Налоги на предметы потребления

Невозможность обложить население пропорционально доходности посредством подушных налогов вызвала, повидимому, появление налогов на предметы потребления. Государство, не зная, как облагать непосредственно и пропорционально доход своих подданных, пытается облагать его косвенно, облагая их расходы, которые, по предположению, в большинстве случаев должны близко соответствовать их доходу. Их расходы облагаются посредством обложения предметов потребления, на которые эти расходы производятся.

Предметы потребления бывают или предметами необходимости, или предметами роскоши.

Под предметами необходимости я понимаю не только предметы, которые безусловно необходимы для поддержания жизни, но и такие, обходиться без которых в силу обычаев страны считается неприличным для почтенных людей даже низшего класса. Полотняная рубашка, например, отнюдь не является, строго говоря, предметом необходимости. Греки и римляне, надо думать, жили с большим удобством, хотя и не имели белья; но в наше время в большей части Европы уважающий себя поденщик постыдится показаться на людях без полотняной рубашки, отсутствие которой будет сочтено свидетельством той унижительной степени бедности, в которую, как предполагается, никто не может впасть иначе, как в результате чрезвычайно плохого поведения. Обычай точно так же сделал кожаную обувь предметом жизненной необходимости в Англии. Самое бедное уважаемое лицо того или другого пола постыдится появиться на людях без нее. В Шотландии обычай сделал кожаную обувь предметом необходимости для мужчин самого низшего класса, но не для женщин того же класса, которые могут, не вызывая осуждения, ходить босиком. Во Франции она не составляет предмета необходимости ни для мужчин, ни для женщин; мужчины и женщины низшего класса ходят там на людях, не вызывая осуждения, иногда в деревянной обуви, иногда босиком. Поэтому под предметами необходимости я понимаю не только те предметы, которые сделала природа необходимыми для низшего класса населения, но и те предметы, которые сделали необходимыми установившиеся правила приличия. Все остальные вещи я называю предметами роскоши, не имея в виду этим обозначением

бросать хотя бы малейшую тень на умеренное пользование ими. Пиво и эль в Великобритании, например, и вино даже в винодельческих странах я называю предметами роскоши. Человек любого класса может, не навлекая на себя упреков, вполне обходиться без употребления этих напитков. Природа не делает их необходимыми для поддержания жизни, а обычаи нигде не делают неприличной жизнь без них.

Так как заработная плата рабочих повсюду определяется частью спросом на них и частью средней ценой необходимых предметов существования, то все, что повышает эту среднюю цену, должно обязательно повышать заработную плату, чтобы рабочий мог попрежнему приобрести то количество этих необходимых предметов, которого требует для него состояние спроса на труд, — возрастание его, неизменность или уменьшение¹. Налог на эти предметы неизбежно ведет к повышению их цены несколько большему, чем размер самого налога, так как розничный торговец, заранее уплачивающий этот налог, должен обычно вернуть его с прибылью. Поэтому такой налог должен вызывать повышение заработной платы рабочих соответственно этому повышению цен.

Таким-то образом налог на предметы необходимости действует точно так же, как и прямой налог на заработную плату рабочих. Относительно рабочего, хотя бы он и сам выплачивал этот налог, нельзя говорить, что он даже авансирует его, по крайней мере, на сколько-нибудь продолжительное время. В конечном счете он всегда должен авансироваться рабочему его непосредственным предпринимателем в виде повышенной заработной платы. Его предприниматель, если он владелец мануфактуры, наложит на цену своих товаров эту надбавку к заработной плате вместе с соответствующей прибылью, так что конечная уплата налога вместе с этой надбавкой ляжет на потребителя. Если его предпринимателем является фермер, конечная уплата вместе с такой же надбавкой ляжет на ренту землевладельца.

Иначе обстоит дело с налогами на так называемые мною предметы роскоши, даже на те из них, которые употребляются бедняками. Повышение цены облагаемых предметов не вызовет обязательно повышения заработной платы рабочих. Налог на табак, например, хотя он и представляет собою предмет роскоши одинаково для богатых и для бедных, не поведет к повышению заработной платы. Хотя он облагается в Англии в тройном размере, а во Франции — в пятнадцатикратном размере своей первоначальной цены, эти высокие пошлины, повидимому, не оказывают никакого действия на размеры заработной платы рабочих. То же самое можно сказать и о налогах на чай и сахар, которые в Англии и Голландии сделались предметом роскоши самых низших слоев населения, и о налоге на шоколад, который, как сообщают, сделался таковым в Испании. Как предполагают, различные налоги, которыми в течение настоящего столетия облагались в Великобритании спиртные напитки, не оказали ника-

¹ См. книгу первую, главу восьмую.

кого влияния на заработную плату. Повышение цены портера, вызванное добавочным налогом в три шиллинга с барреля крепкого пива, не повысило заработную плату черноработного в Лондоне. Она равнялась приблизительно 18—20 пенсам в день до установления этого налога и не превышает этого в настоящее время.

Высокая цена таких предметов не уменьшает обязательно способность низших слоев населения содержать свои семьи. На воздержанных и трудолюбивых членов бедных классов налоги на эти предметы действуют подобно законам против роскоши и побуждают их уменьшить потребление или совсем воздерживаться от потребления таких предметов излишества, которые они уже не могут легко позволить себе. Их способность содержать семьи, в результате такого вынужденного воздержания, часто, пожалуй, увеличивается благодаря налогу, а отнюдь не уменьшается. Как раз трезвые и трудолюбивые бедняки имеют обычно наиболее многочисленные семьи и удовлетворяют главным образом спрос на полезный труд. Конечно, не все бедняки рассудительны и трудолюбивы, беспорядочные и распущенные среди них могут продолжать злоупотреблять такими предметами и после указанного повышения их цены, как делали это раньше, не обращая внимания на лишения, которые это может навлечь на их семьи. Но подобные беспорядочные люди редко имеют многочисленные семьи, поскольку их дети обычно погибают от небрежного ухода, плохого обращения и недостаточности питания или плохого его качества. И если даже благодаря крепости своего организма эти дети выживают, несмотря на все лишения, на какие обрекает их плохое поведение их родителей, то все же пример этого плохого поведения обыкновенно развращает их, так что вместо того, чтобы быть полезными обществу своим трудом, они благодаря своим порокам и распущенности становятся общественным злом. Таким образом, хотя повышение цены предметов роскоши бедняков может несколько усиливать лишения таких беспорядочных семейств, а следовательно и несколько уменьшать их способность воспитывать своих детей, представляется мало вероятным, чтобы оно значительно уменьшило полезное население страны.

Всякое повышение средней цены предметов необходимости, если оно не возмещается соответствующим повышением заработной платы, обязательно должно в большей или меньшей степени уменьшать способность бедных классов содержать многочисленные семьи, а следовательно удовлетворять спрос на полезный труд, — каково бы ни было состояние этого спроса, возрастает ли он, остается неизменным или сокращается, требует ли он возрастающего, неизменного или уменьшающегося населения.

Налоги на предметы роскоши не имеют тенденции вызывать повышение цены каких-либо других товаров, кроме облагаемых налогом. Напротив, налоги на предметы необходимости, вызывая повышение заработной платы, неизбежно ведут к повышению цены всех мануфактурных изделий, а следовательно и к уменьшению их продажи и потребления. Налоги на предметы роскоши в конечном счете

уплачиваются без всякого возмещения потребителями облагаемых предметов. Они ложатся безразлично на все виды дохода: на заработную плату рабочих, на прибыль на капитал, на ренту с земли. Налоги на предметы необходимости, поскольку они падают на трудящихся бедняков, уплачиваются в конечном итоге отчасти землевладельцами, — поскольку уменьшается рента с их земель, — и отчасти богатыми потребителями, землевладельцами и другими, поскольку они платят дороже за мануфактурные изделия, и при этом уплачивают они их всегда с значительной надбавкой. Повышение цены таких товаров, которые представляют собою действительно необходимые предметы для жизни и предназначены для потребления неимущих, как, например, грубых шерстяных изделий, должно уравновешиваться для бедняков дальнейшим увеличением их заработной платы. Средние и высшие классы, если бы они понимали свои собственные интересы, должны были бы всегда противиться всем налогам на предметы жизненной необходимости, как и всем прямым налогам на заработную плату. Конечная уплата тех и других ложится целиком на них самих и всегда с значительной надбавкой. Тяжелее всего они ложатся на землевладельцев, которые всегда платят в двойном количестве: и как землевладельцы — в виде уменьшения их ренты, и как богатые потребители — в виде увеличения своих расходов. Замечание сэра Мэтью Деккера¹, что некоторые налоги иногда увеличиваются в два, четыре или пять раз в цене некоторых товаров, совершенно справедливо в отношении налогов на предметы жизненной необходимости. В цене кожи, например, вам приходится оплачивать не только налог на кожу, идущую на ваши башмаки, но и часть налога на кожу, идущую на башмаки сапожника и кожевника. Кроме того, вы должны оплатить налоги на соль, на мыло и на свечи, которые потребляют эти рабочие в то время, когда они заняты работой на вас, и налог на кожу, которую потребляют рабочий по добыванию соли, мыловар и свечник, пока они работают на вас.

В Великобритании главными налогами на предметы необходимости являются налоги на четыре только что упомянутых предмета потребления, а именно: на соль, кожу, мыло и свечи.

Соль с самых давних времен и повсеместно явилась предметом обложения. Она облагалась налогом у римлян и облагается в настоящее время, как мне кажется, во всех странах Европы. Количество соли, потребляемое в течение года отдельным лицом, так незначительно и покупается так постепенно, что никто, как, повидимому, полагали, не может очень сильно ощущать даже очень большой налог на нее. В Англии она обложена в размере 3 шилл. 4 пенсов за бушель, т. е. почти в тройном размере своей первоначальной цены. В некоторых других странах налог этот еще выше. Кожа представ-

¹ Смит имеет в виду анонимную книгу «An essay on the causes of the decline of foreign trade, consequently of the value of the lands of Britain, and on the means to restore both». Edinburgh 1756. Мак-Куллох приписывает эту книгу не Деккеру, а Ричардсону. См. примечание на стр. 82.]

ляет собою предмет действительной жизненной необходимости. Употребление белья делает таковым мыло. В странах, где зимние вечера продолжительны, свечи необходимы для торговли. Кожа и мыло обложены в Великобритании в размере 3½ пенса с фунта, свечи — в размере одного пенни; налоги эти могут составлять до 8 или 10% первоначальной цены кожи, 20—25% первоначальной цены мыла и 14 или 15% первоначальной цены свечей, будучи, таким образом, хотя и несколько менее обременительными, чем налог на соль, но все же очень тяжелыми. Так как все эти четыре товара являются предметами действительной необходимости, то столь тяжелые налоги на них должны несколько увеличивать расходы бережливых и трудолюбивых неимущих, а следовательно и в большей или меньшей степени повышать их заработную плату.

В стране, где зимы так холодны, как в Великобритании, топливо в это время года представляет в самом точном смысле этого слова предмет жизненной необходимости не только для приготовления пищи, но и для нормального существования рабочих различных специальностей, которые работают в закрытых помещениях; из всех видов топлива самым дешевым является уголь. Цена угля оказывает столь важное влияние на цену труда, что по всей Великобритании мануфактуры устраивались главным образом в угольных районах; другие части страны ввиду высокой цены этого необходимого предмета не были в состоянии работать так дешево. Помимо того, в некоторых отраслях мануфактурной промышленности уголь является необходимым средством самого производства, как, например, на мануфактурах стекла, железа и других металлов. Если в каких-либо случаях премии могут быть целесообразны, то, пожалуй, именно при перевозке угля из тех частей страны, где он имеется в изобилии, в те местности, где в нем ощущается недостаток. Но законодательство вместо установления премии ввело налог в 3 ш. 3 п. с тонны угля, перевозимого вдоль побережья, что для большей части сортов угля составляет более 60% первоначальной цены на шахте. С угля, перевозимого сухим путем или по внутренним водам, не взимается никакого налога. Там, где уголь в силу естественных причин дешев, он потребляется без обложения его налогом; там, где он в силу естественных причин дорог, он облагается тяжелым налогом.

Налоги такого рода, хотя они повышают цену средств существования, а следовательно и заработную плату, доставляют, тем не менее, значительный доход правительству, который нелегко было бы получить каким-либо другим путем. Могут быть поэтому разумные основания сохранять их. Премия на вывоз хлеба, поскольку при современном состоянии земледелия она ведет к повышению цены этого необходимого продукта, имеет столь же плохие последствия, и вместо того, чтобы приносить доход, часто требует от правительства очень больших расходов. Высокие пошлины при ввозе иностранного хлеба, равносильные в годы сильного урожая запрещению ввоза, и полное запрещение ввоза живого скота или солины, установленное законом для нормального времени, а ныне, ввиду недостатка

этих продуктов, отмененное на определенное время по отношению к Ирландии и британским колониям, имеют плохие последствия налогов на предметы жизненной необходимости и не приносят правительству никакого дохода. Для отмены этих законов необходимо лишь убедить общественное мнение в нецелесообразности той системы воззрений, под влиянием которой они были установлены.

Налоги на предметы жизненной необходимости во многих других странах намного выше, чем в Великобритании. Во многих странах существуют налоги на муку и хлеб в зерне, перемалываемый на мельницах, и на печеный хлеб. В Голландии, как полагают, денежная цена хлеба, потребляемого в городах, удваивается благодаря таким налогам. Вместо части этих налогов жители деревень уплачивают ежегодно определенную сумму с души в соответствии с сортом хлеба, какой они, по предположению, потребляют. Потребляющие пшеничный хлеб уплачивают 3 гульдена 15 стиверов, т. е. около 6 шилл. 9,5 пенса. Как утверждают, эти и некоторые другие налоги, повысив цену труда, привели к гибели большей части мануфактур Голландии¹. Подобные же налоги, хотя и не столь тяжелые, существуют в Миланской области, в Генуе, в герцогствах Парма, Пиаченца и Гвастала, а также в Папской области. Один довольно известный французский писатель² предложил преобразовать финансы своего отечества, заменив большинство других налогов этим самым разорительным из всех налогов. Нет такой нелепости, говорит Цицерон³, которая не защищалась бы когда-либо тем или другим философом.

Налоги на мясо еще более распространены, чем налоги на хлеб. Действительно, можно считать сомнительным, является ли мясо где-либо предметом жизненной необходимости. Как известно из опыта, хлеб и другие растения вместе с молоком, сыром и сливочным или растительным маслом, когда нельзя достать первого, могут и без кусочка мяса доставлять самое обильное и здоровое, подкрепляющее питание. Приличия нигде не требуют от человека питаться мясом, как они требуют от него в большинстве мест носить полотняное белье или кожаные башмаки.

Предметы необходимого потребления или роскоши могут быть облагаемы двумя способами: или потребитель уплачивает ежегодно определенную сумму за пользование или потребление известных товаров, или товары облагаются налогом, будучи еще на руках у торговца и до того, как они передаются потребителю. Предметы потребления, которые сохраняются продолжительное время, прежде чем вполне будут потреблены, лучше всего облагать первым способом; вторым способом наиболее целесообразно обложение тех пред-

¹ «Mémoires concernant les Droits etc.», p. 210, 211.

² «Le Réformateur» [Смит имеет в виду книгу «Le Réformateur», появившуюся анонимно в 1756 г. в Амстердаме и приписываемую Cliquot de Bievache. См. «Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale», tome XXX, p. 5].

³ [Cicero, De Divinatione. Lib. II, cap. 58.]

метов потребления, которые потребляются немедленно или более скоро. Налоги на экипажи и на посуду представляют собою примеры первого способа обложения, большинство других налогов в виде акциза и пошлин—второго способа.

Экипаж может при бережном обращении прослужить десять или двенадцать лет. Он может быть обложен налогом раз навсегда, прежде чем выйдет из рук каретного мастера. Но, конечно, покупателю удобнее платить 4 ф. в год за право держать экипаж, чем сразу заплатить на 40 или 48 ф. дорожке каретнику, или ту сумму, в какую обойдется ему налог за все то время, в течение которого он пользуется этим экипажем. Точно так же серебряный или золотой сервиз может сохраняться в течение более столетия. Потребителю, разумеется, легче платить 5 шиллингов в год за каждые сто унций посуды, т. е. около 1% ее стоимости, чем выкупать этот налог из расчета 25 или 30 лет, что должно повысить цену, по крайней мере, на 25 или 30%. Различные налоги, взимаемые с домов, с большим удобством уплачиваются, без сомнения, посредством умеренных годичных взносов, чем при установлении тяжелого налога такой же стоимости при постройке их или при первой их продаже.

Хорошо известно предложение сэра Мэттью Деккера¹, чтобы все предметы, даже те, которые потребляются немедленно или очень быстро, облагались этим именно способом, т. е. чтобы торговец ничего заранее не платил, но чтобы потребитель уплачивал определенную сумму ежегодно за дозволение потреблять известные предметы. Целью этого проекта было поощрение всех различных отраслей внешней торговли, в особенности торговли транзитной, посредством отмены всех пошлин при ввозе и вывозе и предоставление, таким образом, торговцу возможности затрачивать весь свой капитал и кредит на покупку товаров и зафрахтование судов, не отвлекая ни малейшей доли того и другого на предварительную уплату налогов. Однако проект обложения таким способом предметов, потребляемых немедленно или скоро, вызывает, повидимому, следующие четыре весьма существенные возражения. Во-первых, налог в таком случае окажется более неравномерным или не так хорошо соответствующим издержкам и потреблению различных плательщиков, как при том способе, каким он обычно взимается. Налоги на эль, вино и спиртные напитки, которые уплачиваются заранее торговцами, в конечном итоге оплачиваются различными потребителями в точном соответствии с потреблением каждого из них. Но если бы налог уплачивался посредством покупки разрешения на право пить эти напитки, то трезвый оказался бы—сравнительно с своим потреблением—обложен гораздо более тяжело, чем пьяница. Семейство, проявляющее большое гостеприимство, облагалось бы гораздо легче, чем семейство, принимающее меньше гостей. Во-вторых, этот способ обложения

¹ [Здесь Смит имеет в виду приписываемую Деккеру книгу: «Serious Considerations on the several high duties which the Nation in general, as well as Trade in particular, labours under, with a proposal for etc., raising the publick supplies by one single tax. London 1743.]

посредством оплаты за год, за полгода или три месяца разрешения на право потребления определенных товаров очень значительно уменьшил бы одно из главных удобств налогов на предметы быстрого потребления, а именно—уплату их малыми долями. В цене в 3¹/₂ пенса, какую в настоящее время стоит кружка портера, различные налоги на солод, хмель и пиво вместе с добавочной прибылью, какую пивовар накидывает за авансирование их, составляют, вероятно, около 1¹/₂ пенсов. Если рабочий может без труда обойтись без этих 1¹/₂ пенсов, он покупает кружку портера; если не может, он удовлетворяется пинтой, и, поскольку неистраченный пенни равносителен приобретению одного пенини, он таким образом выгадывает благодаря своей воздержанности фартинг; он уплачивает налог малыми долями, в зависимости от того, как и когда может платить его, и каждый акт платежа совершенно доброволен с его стороны, при желании он может совсем не платить. В-третьих, эти налоги будут приносить меньше, чем налоги на предметы роскоши. Раз разрешение приобретено, будет ли покупатель пить много или мало, налог с него останется тем же самым. В-четвертых, если бы рабочему приходилось уплачивать сразу, посредством годовых, полугодовых или трехмесячных платежей, весь налог, который он теперь уплачивает с незначительным неудобством или без всякого неудобства при покупке всех кружек и пинт портера, выпиваемых им за любой из этих периодов времени, то эта сумма могла бы часто быть для него очень обременительной. Поэтому представляется очевидным, что этот способ обложения никогда не может без самого жесткого угнетения приносить доход, хотя бы сколько-нибудь приближающийся к тому доходу, который получается при действующем ныне способе без всякого угнетения. Тем не менее, в некоторых странах предметы, потребляемые немедленно или очень быстро, облагаются именно таким способом. В Голландии жители уплачивают определенную сумму с души за разрешение пить чай. Я уже упоминал о налоге на хлеб, который взимается таким же образом, поскольку он потребляется на фермах и в деревнях.

Налоги в виде акцизов взимаются главным образом с продуктов отечественного производства, предназначенных для потребления внутри страны; они налагаются только на немногие виды продуктов наиболее широкого потребления. Никогда не может быть никаких недоразумений как относительно продуктов, подлежащих этим налогам, так и относительно специального налога, каким облагается каждый вид продуктов. Они ложатся почти исключительно на так называемые мною предметы роскоши, исключая четыре вышеупомянутых налога: на соль, мыло, кожу, свечи и, пожалуй, налог на простое стекло.

Таможенные пошлины гораздо более старинного происхождения, чем налоги акцизные. Повидимому, они и получили название *sustoms* (обычаев) для обозначения обычных платежей, существовавших с незапамятных времен; первоначально их считали, повидимому, налогами на прибыль купцов. В варварские времена феодальной мо-

нархии к купцам, как и ко всем прочим жителям городов, относились не многим лучше, чем к освобожденным крепостным, личность которых презиралась и барыши которых вызывали зависть. Крупная знать, которая согласилась, чтобы король облагал прибыли ее собственных вассалов, не имела ничего против того, чтобы он облагал точно так же и прибыль того класса людей, в защите которого она была гораздо менее заинтересована. В те просвещенные времена не понимали, что прибыли купцов не могут быть облагаемы непосредственно или что конечная уплата всех подобных налогов должна ложиться, с значительной надбавкой, на потребителей.

К барышам иностранных купцов относились с еще большим недоброжелательством, чем к барышам купцов английских; было поэтому естественно, что прибыли первых облагались более тяжело, чем прибыли последних. Эта неодинаковость налогов на иностранных и английских купцов, порожденная невежеством, сохранялась в дальнейшем благодаря духу монополии или в целях обеспечения нашим собственным купцам преимущества как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Принимая во внимание это различие, старинными таможенными пошлинами облагались одинаково все виды продуктов, предметы необходимости так же, как и предметы роскоши, товары как вывозимые, так и ввозимые. Почему торговцы одним видом продуктов,—так, повидимому, рассуждали,—должны находиться в более благоприятном положении, чем торговцы другим видом продуктов? Или почему купец, вывозящий товары, должен пользоваться большим покровительством, чем купец, ввозящий их?

Старинные пошлины распадалась на три группы; первой и, вероятно, самой древней из всех этих пошлин была пошлина на шерсть и кожу. Она, повидимому, была главным образом или исключительно вывозной пошлиной. Когда в Англии возникла суконная промышленность, была установлена такая же пошлина на сукно, чтобы король при вывозе последнего не лишился части причитающихся ему пошлин с шерсти. Две другие группы составляли, во-первых, пошлину на вино, которая называлась *tonnage* (потонной), потому что взималась в определенном размере с тонны, и, во-вторых, пошлину на все другие товары, которая называлась *roundage* (пофунтовой), потому что взималась в определенном размере с фунта стерлингов их предполагаемой стоимости. В 47-й год правления Эдуарда III была установлена пошлина в 6 пенсов с фунта стоимости всех вывозимых и ввозимых товаров, исключая шерсти, шкур, кожи и вин, которые подлежали особым пошлинам. В 14-й год правления Ричарда II пошлина эта была повышена до 1 шиллинга с фунта, но спустя три года снова понижена до шести пенсов. Она была увеличена до 8 пенсов во 2-й год правления Генриха IV, а в 4-й год правления этого государя—до 1 шиллинга. С этого времени до 9-го года правления Вильгельма III пошлина эта оставалась на уровне 1 шиллинга с фунта. Пошлины потонная и пофунтовая обыкновенно предоставлялись королю одним и тем же актом парламента и назывались потонной и по-

фунтовой субсидией. Так как пофунтовая субсидия столь продолжительное время существовала в размере одного шиллинга с фунта, или 5%, то на таможенном языке слово субсидия стало обозначать общую пошлину этого рода в 5%. Эта субсидия, называемая ныне старой, и по сию пору продолжает взиматься на основании таможенного устава, введенного в 12-м году правления Карла II. Порядок определения на основе таможенного устава стоимости товаров, облагаемых этой пошлиной, установлен, как говорят, во времена, предшествовавшие королю Якову I. Новая субсидия, установленная в 9-м и 10-м гг. правления Вильгельма III, состояла в добавочных пяти процентах с большей части товаров. Субсидии в одну треть и в две трети составили вместе еще 5%, которые пропорционально приходились на каждую из них. Субсидия 1747 г. добавила четвертые пять процентов с большей части товаров, а субсидия 1759 г. — пятые с некоторых групп товаров. Помимо этих пяти субсидий в различных случаях было установлено великое множество разных других пошлин с отдельных товаров, иногда в целях удовлетворения нужд государства, а иногда в целях регулирования торговли страны в соответствии с принципами меркантилистической системы.

Эта система приобретала все больше и больше влияния. Старая субсидия взималась безразлично как и при вывозе, так и при ввозе. Четыре последующие субсидии, равно как другие пошлины, которые потом в различных случаях устанавливались с отдельных товаров, облагали вообще, за немногими исключениями, только ввоз. Большая часть старинных пошлин, которыми облагался вывоз товаров отечественного происхождения и производства, были или понижены, или совсем отменены. В большинстве случаев они были отменены. Выдавались даже премии за вывоз некоторых из них. Установлен был также возврат иногда полностью, а в большинстве случаев частично пошлин, уплачиваемых при ввозе иностранных товаров, при обратном их вывозе. Только половина пошлин, устанавливаемых старой субсидией при ввозе товаров, возвращается при вывозе их, но полностью возвращаются в таких случаях с большинства товаров пошлины, установленные последующими субсидиями и другими актами. Это усиливающееся поощрение вывоза и затруднение ввоза знали только немного исключений, относящихся преимущественно к сырью для некоторых мануфактурных производств. Ведь наши купцы и владельцы мануфактур стремятся, чтобы это сырье доставалось им возможно дешевле и обходилось возможно дороже их соперникам и конкурентам в других странах. Ввиду этого иностранное сырье иногда допускается к беспошлинному ввозу; примером этого служат испанская шерсть, лен и суровая льняная пряжа. Вывоз сырья отечественного происхождения и сырья, представлявшего собою специальный продукт наших колоний, иногда воспрещался, а иногда облагался высокими пошлинами. Вывоз английской шерсти был воспрещен. Вывоз бобровых шкур, бобрового меха и сенегальской резины был обложен высокими пошлинами, по-

скольку в результате завоевания Канады и Сенегала Великобритания приобрела почти монополию на эти продукты.

Что меркантилистическая система была не очень благоприятна для увеличения дохода населения, для увеличения годового продукта земли и труда страны, я старался показать в четвертой книге настоящего исследования. Она, повидимому, была не более благоприятной и для дохода государя, поскольку, по крайней мере, его доход зависит от таможенных пошлин.

В соответствии с этой системой ввоз некоторых видов товаров был совсем воспрещен. Это запрещение в одних случаях совсем прекратилось, а в других — значительно уменьшило ввоз этих товаров, вынудив импортеров прибегать к контрабанде. Она совершенно прекратила ввоз иностранной шерсти и очень сильно уменьшила ввоз иностранного шелка и бархата. В обоих случаях она свела к нулю таможенный доход, который мог бы получаться при ввозе этих товаров.

Высокие пошлины, какими облагался ввоз многих иностранных товаров, чтобы уменьшить потребление их в Великобритании, во многих случаях служили только для поощрения контрабанды и во всех случаях уменьшали таможенный доход сравнительно с тем, какой приносили бы гораздо более умеренные пошлины. Изречение д-ра Свифта¹, что в таможенной арифметике два плюс два вместо того, чтобы составлять четыре, иногда дают только единицу, совершенно подтверждается на примере таких высоких пошлин, которые иной раз не были бы установлены, если бы меркантилистическая система не учила нас во многих случаях пользоваться обложением не как средством для извлечения дохода, а как орудием монополии.

Премии, которые иногда выдавались при вывозе отечественного сырья и мануфактурных изделий, и возврат пошлин при обратном вывозе большей части иностранных товаров создавали почву для многочисленных злоупотреблений и для особого вида контрабанды, более убыточного для государственного дохода, чем всякий другой. Хорошо известно, что в целях получения премии или возвратной пошлины нередко грузят на корабль товары и отправляют в море, но вскоре после того тайком снова выгружают их в какой-либо другой части страны. Сокращение таможенного дохода, вызываемое премиями и возвратом пошлин, из которых значительная часть получается посредством обманов, очень велико. Общий таможенный доход за год, истекший 5 января 1755 г., достигал 5 068 000 ф. ст. Премии, выплаченные из этого дохода, хотя в этом году не действовала премия на хлеб, составили 167 800 ф. ст.; возвратные пошлины, выплаченные по дубликатам и удостоверениям, составили 2 156 000 ф. ст. Премии и возвратные пошлины составили вместе 2 324 600 ф. ст. В результате этих вычетов таможенный доход выразился всего

¹ [Смит имеет в виду сочинение: *Swift Jonathan, Answer to a paper called. A memorial of the poor inhabitants, tradesmen and labourers of the Kingdom of Ireland. Written in the year 1728.* Приводимое Смитом изречение Свифта было уже цитировано Юмом в его «Опыте о торговом балансе».]

в 2 743 400 ф. ст., а за вычетом 287 900 ф. ст. на расходы по управлению (жалованье служащим и другие издержки) чистый таможенный доход этого года равен 2 455 500 ф. ст. Таким образом, расход по управлению составляет от 5 до 6% валового таможенного дохода и несколько более 10% той суммы, которая остается из этого дохода после вычета расхода на выплату премий и возвратных пошлин.

Поскольку почти на все ввозимые товары наложены высокие пошлины, наши купцы-импортеры ввозят, по возможности, больше контрабандным путем и возможно меньше через таможню. Напротив, наши купцы-экспортеры провозят через таможню гораздо больше, чем на самом деле вывозят; иногда они делают это из тщеславия и для того, чтобы прослыть крупными торговцами товарами, которые не обложены пошлиной, а иногда в целях получения премии или возвратной пошлины. Вследствие этих различных обманов и злоупотреблений наш экспорт по таможенным книгам оказывается значительно превышающим наш ввоз, что доставляет невыразимое удовольствие тем политикам, которые измеряют национальное благосостояние так называемым ими торговым балансом.

Все ввозимые товары, если для них не сделано специальных изъятий, а такие изъятия не очень многочисленны, облагаются теми или иными пошлинами. При ввозе товаров, не упомянутых в таможенном уставе, они облагаются в размере 4 ш. 9^д 20 п. с каждых 20 шиллингов стоимости, объявленной под присягой импортером, т. е. почти в размере пяти субсидий или пяти пофунтовых пошлин. Таможенный устав чрезвычайно подробен и перечисляет великое множество предметов, из которых многие мало употребительны и потому мало известны. Ввиду этого часто представляется неясным, к какой статье следует отнести данный вид товаров, а следовательно, и какую пошлину он должен платить. Ошибки в этом отношении иногда разоряют таможенного чиновника и часто причиняют значительные затруднения, издержки и хлопоты импортеру. Ввиду этого в отношении понятности, точности и определенности таможенные пошлины много уступают акцизным сборам.

Для того, чтобы большинство членов общества вносило свою долю в государственный доход пропорционально своим расходам, не представляется необходимым, чтобы облагался каждый отдельный предмет этого расхода. Доход, взимаемый посредством акцизных сборов, предполагает падающим на плательщиков столь же равномерно, как и доход, получающийся от таможенных пошлин, а акциз взимается ведь только с немногих предметов наиболее широкого потребления. Многие полагали, что при надлежащем управлении таможенные пошлины тоже могли бы, без всяких потерь для государственного дохода и с большей выгодой для внешней торговли, взиматься только с немногих товаров.

Иностранными продуктами, наиболее широко употребляемыми в Великобритании, в настоящее время являются, повидимому, главным образом заграничные вина и водки, некоторые продукты Америки и Вест-Индии, сахар, ром, табак, какао и т. п., а также некото-

рые продукты Ост-Индии, каковы чай, кофе, китайский фарфор, пряности разного рода, различные сорта материй и т. д. Эти различные товары доставляют в настоящее время, наверное, большую часть дохода, получаемого от таможенных пошлин. Пошлины, существующие ныне для иностранных мануфактурных изделий, за исключением тех немногих, которые приведены в данном выше перечислении, были установлены большей частью в целях не извлечения дохода, а установления монополии или предоставления нашим купцам преимущества на внутреннем рынке. При отмене всех запрещений и при обложении всех иностранных мануфактурных изделий такими умеренными пошлинами, которые, как это установлено опытом, приносят с каждого предмета наибольший доход государству, наши собственные работники могли бы все еще иметь преимущество на внутреннем рынке, и многие товары, из которых некоторые в настоящее время не приносят правительству никакого дохода, а другие — совсем незначительный доход, могли бы доставлять ему очень большой доход.

Высокие пошлины, иногда сокращая потребление облагаемых товаров и иногда поощряя контрабанду, часто дают правительству меньший доход сравнительно с тем, какой мог бы получаться от более умеренных пошлин.

Когда уменьшение дохода представляет собою следствие сокращения потребления, имеется только одно средство против этого, а именно — понижение пошлины.

Когда уменьшение дохода происходит в результате поощрения, данного контрабанде, против этого могут быть применены, пожалуй, два средства: или ослабление искушения заниматься контрабандой, или увеличение затруднений, связанных с контрабандой. Искушение к занятию контрабандой может быть ослаблено только посредством понижения пошлины, а затруднена контрабанда может быть только путем установления такой системы управления, какая наиболее пригодна для предотвращения ее.

Как мне кажется, опыт показывает, что акцизные законы препятствуют и затрудняют операции контрабандиста с гораздо большим успехом, чем таможенные законы. Установлением в таможнях системы управления, настолько сходной с системой акцизного управления, насколько это допускается природой этих различных налогов, можно очень сильно увеличить трудности, связанные с контрабандой. Такое преобразование, как предполагали многие, может быть очень легко осуществлено.

Указывали, что импортер товаров, облагаемых таможенными пошлинами, мог бы иметь право, по своему усмотрению, или свозить их в свой собственный частный склад, или помещать их в склад, устроенный за его счет или на общественные средства, но замыкаемый таможенным чиновником и открываемый только в его присутствии. Когда купец свозит товары в свой частный склад, пошлины должны уплачиваться немедленно и притом безвозвратно; таможенный чиновник имеет право в любое время посещать и осматривать склад,

чтобы удостовериться, насколько количество товаров, находящееся в нем, соответствует тому количеству, за какое уплачена пошлина. Когда же купец свозит товары в общественные склады, уплата пошлины производится только при вывозе их со склада для потребления внутри страны. Когда они берутся со склада для вывоза за границу, они освобождаются от уплаты пошлины, причем всегда должна быть предоставлена надлежащая гарантия, что они действительно будут вывезены за границу. Торговцы оптом или в розницу этими товарами должны подлежать в любое время посещению и опросу таможенного чиновника и обязаны представлять надлежащие оправдательные документы в подтверждение уплаты пошлин за все количество товаров, находящееся в их лавках или складочных помещениях. Так называемые акцизные пошлины с ввозимого рома в настоящее время взимаются таким способом, и возможно, что такая же самая система могла бы быть распространена на все пошлины с ввозимых товаров, при том, разумеется, условии, чтобы эти пошлины, как и акцизные сборы, ограничивались немногими категориями товаров наиболее широкого потребления. Если бы они распространялись почти на все категории товаров, как в настоящее время, не легко было бы обеспечить наличность общественных складочных помещений достаточной вместимости, и товары, которые очень легко портятся или сохранение которых требует большого внимания и ухода, купец не решался бы доверить никакому другому складу, кроме своего собственного.

Если бы при такой системе управления удалось, даже при очень высоких пошлинах, предотвратить сколько-нибудь обширную контрабанду и если бы каждая пошлина повышалась или понижалась соответственно с тем, при каком размере можно скорее всего ожидать от нее наибольшего дохода для государства, причем обложением всегда пользовались бы как средством извлечения дохода, а не как орудием для установления монополии, то не представляется невозможным, чтобы доход, по меньшей мере, равный нынешнему чистому доходу от таможен, получался от ввозных пошлин с немногих только видов товаров наиболее широкого потребления и чтобы таможенные пошлины были таким образом доведены до той степени простоты, определенности и точности, какую отличаются акцизные сборы. Все то, что государственный доход теряет в настоящее время благодаря возврату пошлин при обратном вывозе иностранных товаров, которые потом снова погружаются и потребляются внутри страны, полностью сберегалось бы при этой системе. И если бы к этому сбережению, которое само по себе было бы очень значительно, была добавлена отмена всех премий при вывозе отечественных продуктов, — во всех случаях, когда эти премии не являются в действительности возвратом тех или иных акцизных сборов, уплаченных до того, — то нельзя сомневаться, что чистый таможенный доход после такого рода реформы оказался бы не меньшим, чем когда бы то ни было раньше.

Если в результате такого преобразования системы государственный доход не потерпел бы ущерба, то торговля и мануфактурная промышленность страны несомненно получили бы весьма значительные

выгоды. Торговля необложенными товарами, т. е. громадным большинством товаров, стала бы совершенно свободной и могла бы вестись во всех частях света со всеми возможными преимуществами. В число этих товаров были бы включены все предметы продовольствия и все сырые материалы для мануфактурной промышленности. Поскольку свободный ввоз предметов продовольствия понижал бы их среднюю денежную цену внутри страны, он повел бы к понижению денежной цены труда, не понижая, однако, ни в каком отношении его действительное вознаграждение. Стоимость денег пропорциональна количеству предметов продовольствия, какое можно купить на них; стоимость предметов продовольствия совершенно не зависит от количества денег, какое можно получить за них. Уменьшение денежной цены труда обязательно сопровождалось бы пропорциональным уменьшением денежной цены всех продуктов отечественной мануфактурной промышленности, которая таким образом приобрела бы некоторое преимущество на всех иностранных рынках. Цена некоторых промышленных изделий понизилась бы в еще большей пропорции благодаря беспошлинному ввозу сырых материалов. Если бы шелк-сырец ввозился из Китая и Индостана беспошлинно, то английские владельцы шелковых мануфактур могли бы с большим успехом побивать владельцев шелковых мануфактур как Франции, так и Италии. Тогда не было бы причины запрещать ввоз иностранного шелка и бархата; дешевизна наших изделий обеспечила бы нашим собственным производителям не только господство на внутреннем, но и очень большой сбыт на иностранных рынках; даже торговля облагаемыми товарами велась бы с гораздо большей выгодой, чем в настоящее время. При отпуске этих товаров из общественных складов для вывоза за границу, — причем они освобождались бы от уплаты всех пошлин, — торговля ими была бы совершенно свободной. Транзитная торговля всеми видами товаров пользовалась бы при этой системе всеми возможными преимуществами. При отпуске этих товаров для потребления внутри страны импортер, так как он не был бы обязан заранее уплачивать пошлину еще до того, как ему представился случай продать свои товары торговцу или какому-нибудь потребителю, всегда имел бы возможность продавать их дешевле, чем в том случае, если бы он был вынужден уплачивать их при ввозе. При наличии тех же пошлин внешняя торговля для нужд потребления, даже облагаемыми товарами, могла бы, таким образом, вестись с гораздо большей выгодой, чем в настоящее время.

Целью известного акцизного проекта сэра Роберта Вальполя было введение по отношению к вину и табаку системы, не очень значительно отличающейся от предложенной здесь. Но хотя законопроект, внесенный тогда в парламент, включал только эти два предмета, общим было мнение, что он задуман как приступ к осуществлению более широкого плана такого же характера. Партийная вражда в соединении с интересами купцов, занимающихся контрабандой, подняли такой сильный, хотя и несправедливый крик против этого законопроекта, что министр счел целесообразным отказаться от него,

и из страха вызвать подобный крик ни один из его преемников не осмелился вновь выдвинуть этот проект.

Хотя пошлины на иностранные предметы роскоши, ввозимые для потребления внутри страны, иногда ложатся на бедные классы, но главным образом они падают на людей среднего или более чем среднего достатка. Таковы, например, пошлины на заграничные вина, кофе, шоколад, чай, сахар и т. д.

Налоги на более дешевые предметы роскоши отечественного производства, предназначенные для потребления внутри страны, ложатся почти равномерно на членов всех классов пропорционально их расходам. Бедняк платит налоги на солод, хмель, пиво и эль, потребляемые им самим, богатый уплачивает их с своего собственного потребления и с потребления своих слуг.

Следует заметить, что общее потребление низших классов населения, т. е. тех, которые стоят ниже среднего класса, во всех странах немного больше не только количественно, но и по стоимости, чем общее потребление среднего класса и класса, стоящего выше среднего. Общая сумма издержек низшего класса гораздо больше, чем высших классов. Во-первых, почти весь капитал каждой страны распределяется ежегодно среди низшего класса в виде заработной платы за производительный труд. Во-вторых, значительная часть дохода, получающегося от земельной ренты и от прибыли на капитал, ежегодно распределяется среди членов этого же класса в виде заработной платы и содержания домашней прислуги и других непродовольственных работников. В-третьих, некоторая часть прибыли с капитала принадлежит членам того же класса в виде дохода, получающегося от применения их небольших капиталов. Сумма прибылей, ежегодно получаемых мелкими лавочниками и торговцами всякого рода, повсюду весьма велика и составляет очень значительную долю годового продукта. Наконец, в-четвертых, даже некоторая часть земельной ренты принадлежит этому же классу, значительная ее часть принадлежит тем, кто стоит несколько ниже среднего класса, и небольшая часть даже самому низшему классу, поскольку простые рабочие иногда владеют акром или двумя землями. Хотя, таким образом, издержки членов этих низших классов населения, взятых каждый в отдельности, очень невелики, однако вся сумма издержек для всего класса составляет всегда наибольшую часть общих издержек всего общества, причем все, что остается от годового продукта земли и труда страны для потребления высших классов, всегда значительно меньше не только по количеству, но и по стоимости. Ввиду этого налоги, лежащие главным образом на издержки высших классов населения, т. е. на меньшую долю годового продукта, должны скорее всего приносить гораздо меньше, чем налоги, лежащие одинаково на издержки всех классов или даже падающие главным образом на издержки низшего класса, т. е. налоги, падающие одинаково на весь годовой продукт или на его большую часть. Вследствие этого акциз на сырье и производство хмельных и спиртных напитков, изготавливаемых внутри страны, дает гораздо больше дохода, чем все

другие налоги на потребление, и этот акциз ложится значительной, если не главной, своей долей на издержки престолярства. За год, окончившийся 5 июля 1775 года, валовой доход от этого вида акциза достигал 3 341 837 ф. 9 ш. 9 п.

Однако следует помнить, что облагать надлежит всегда расходы низших классов на предметы роскоши, а не на предметы необходимости. Уплата налога на их необходимые расходы в конечном счете упала бы целиком на высшие классы народа, на меньшую часть годового продукта, а не на большую. Подобный налог должен во всех случаях вести к повышению заработной платы рабочих или к уменьшению спроса на них. Он не может увеличить заработную плату, не перелаяя конечную уплату налога на высшие классы; он не может уменьшить спрос на труд, не уменьшив годовой продукт земли и труда страны, т. е. тот фонд, из которого в конечном счете должны выплачиваться все налоги. До каких бы размеров ни уменьшил налог такого рода спрос на труд, он всегда должен вести к большему повышению заработной платы, чем это соответствовало бы данному сокращению спроса, и конечная плата этого повышения заработной платы должна во всех случаях лечь на высшие классы.

Хмельные и спиртные напитки, выделяемые и перегоняемые не на продажу, а для собственного потребления, не подлежат в Великобритании никакому акцизу. Это изъятие, целью которого является избавление частных семей от неприятных посещений и осмотров сборщиков налогов, приводит к тому, что бремя этого акциза ложится часто гораздо меньше на богатых людей, чем на бедных. Правда, сравнительно мало распространено обыкновение гнать спиртные напитки для своего частного употребления, хотя иногда это и делается, но в сельских местностях многие семьи среднего достатка и почти все богатые и аристократические семьи сами варят для себя пиво. Поэтому крепкое пиво обходится им на 8 шилл. с барреля дешевле, чем обходится среднему пивовару, который должен получить прибыль на сумму налога, равно как и на все другие произведенные им издержки. Поэтому такие семьи должны иметь свое пиво, по крайней мере, на 9 или 10 шилл. за баррель дешевле, чем обходится какой-либо напиток такого же качества престолярству, которому удобнее покупать пиво, по мере надобности, на заводе или в пивной. Точно так же не подлежит контролю и осмотру сборщика налогов солод, изготавливаемый для нужд частных семейств, с тем, что в последнем случае за каждого члена семьи уплачивается налог в 7 ш. 6 п. Семь шиллингов шесть пенсов составляют акциз с 10 бушелей солода, количества, вполне соответствующего тому, что, вероятно, потребляют в среднем все члены трезвого семейства—мужчины, женщины и дети. Но в богатых семьях, где широко практикуется сельское гостеприимство, напитки, приготовляемые из солода и потребляемые членами семьи, составляют только незначительную часть домашнего потребления. Вследствие ли этого налога или по другим причинам обычай готовить солод для домашнего употребления распространен гораздо меньше, чем обычай варить пиво.

Трудно привести разумные основания, почему не должны облагаться таким же налогом те, кто варит пиво или изготавливает спиртные напитки для домашнего потребления.

Часто указывалось, что гораздо больший доход, чем получается ныне от всех высоких налогов на солод, пиво и эль, мог бы быть получен от гораздо менее обременительного налога на солод, так как у пивоваренных заводов гораздо больше возможностей обмануть казну, чем у предприятий, изготавливающих солод, а лица, варящие пиво для домашнего потребления, освобождены от всяких налогов, что не имеет места по отношению к тем, кто изготавливает солод для домашнего употребления.

На пивоваренном заводе в Лондоне из квартера солода варится обычно более $2\frac{1}{2}$, а иногда и 3 барреля портера. Различные налоги на солод составляют 6 шилл. с квартера, а налоги на крепкое пиво и эль—8 шилл. за баррель. Таким образом, на пивоваренном заводе различные налоги на солод, пиво и эль ложатся в размере от 26 до 30 шиллингов на продукт одного квартера солода. На деревенском пивоваренном заводе, продающем пиво сельскому населению, из квартера солода редко варят меньше двух баррелей крепкого и одного барреля слабого пива, а часто—два с половиной барреля одного только крепкого пива. Различные налоги на слабое пиво составляют 1 ш. 4 п. на баррель. Поэтому на деревенском пивоваренном заводе различные налоги на солод, пиво и эль редко составляют меньше 23 ш. 4 п., а часто достигают 26 ш. на продукт одного квартера солода. Следовательно, беря все королевство в среднем, общую сумму налогов на солод, пиво и эль нельзя принимать меньше, чем в 24 или 25 шилл. на продукт одного квартера солода. Но, как утверждают, при отмене различных налогов на пиво и эль и при увеличении в три раза налога на солод, т. е. при повышении его с 6 ш. до 18 ш. на квартал солода, можно было бы от одного этого налога получить больший доход, чем извлекается теперь из всех этих более тяжелых налогов.

	Ф.	ш.	п.
В 1772 г. старый налог на солод дал	722 023	11	11
добавочный » » » »	356 776	7	$\frac{9^3}{4}$
В 1773 г. старый » » » »	561 627	3	$\frac{7^1}{2}$
добавочный » » » »	278 650	15	$\frac{3^3}{4}$
В 1774 г. старый » » » »	624 614	17	$\frac{5^3}{4}$
добавочный » » » »	310 745	2	$\frac{8^1}{2}$
В 1775 г. старый » » » »	657 357	0	$\frac{8^1}{4}$
добавочный » » » »	323 755	12	$\frac{6^1}{4}$
	3 835 580	12	$\frac{0^3}{4}$
Средняя годовая за эти четыре года	958 895	3	$\frac{0^2}{16}$
В 1772 г. акциз в деревне дал	1 243 128	5	3
лондонские пивоварни дали	408 260	7	$\frac{2^3}{4}$
В 1773 г. акциз в деревне дал	1 245 808	3	3
лондонские пивоварни дали	405 406	17	$\frac{10^1}{2}$
В 1774 г. акциз в деревне дал	1 246 373	14	$\frac{5^1}{2}$
лондонские пивоварни дали	320 601	18	$\frac{0^1}{4}$

В 1757 г. акциз в деревне дал	1 214 583	6	1
лондонские пивоварни дали	463 670	7	$\frac{0^1}{4}$
	6 547 832	19	$\frac{2^1}{4}$
Средняя годовая за эти четыре года	1 636 958	4	$\frac{9^1}{2}$
Плюс годовое поступление налога на солод	958 895	3	$\frac{0^3}{16}$
Общая сумма этих налогов составляет	2 595 853	7	$\frac{9^1}{16}$
При увеличении втрое налога на солод или при увеличении его с 6 до 18 ш. на квартал, этот один налог даст	2 876 685	9	$\frac{6^3}{16}$
Эта сумма превышает предыдущую на	280 832	1	$\frac{2^1}{4}$

Под старым налогом на солод подразумевается налог в 4 шилл. с бочки сидра и другой налог в 10 ш. с барреля мума¹. В 1774 г. налог на сидр дал только 3 083 ф. 6 ш. 8 п. Он, вероятно, дал в этом году меньше обычного; в этом году все налоги на сидр дали меньше, чем обыкновенно. Налог на мум, хотя и гораздо более высокий, дает еще меньше ввиду меньшего потребления этого напитка. Но для того, чтобы восполнить недопоступление обычной суммы с этих двух налогов, к сельскому акцизу причислены: 1) старый акциз в 6 ш. 8 п. с бочки сидра; 2) такой же налог в 6 ш. 8 п. с бочки виноградного сока; 3) налог в 8 ш. 9 п. с бочки винного уксуса и, наконец, 4) налог в 11 п. с галлона меда; поступления с этих налогов, вероятно, с избытком уравновесят поступления с так называемого ежегодного солодового налога на сидр и мум.

Солод употребляется не только при варке пива и эля, но также и при изготовлении низших сортов вин и водок. При увеличении налога на солод до 18 ш. на квартал могло бы оказаться необходимым несколько понизить акцизы, которые взимаются с этих сортов вин и водок, при изготовлении которых употребляется солод. В так называемых солодовых напитках солод составляет обычно одну треть употребляемого материала, а остальные две трети приходится на ячмень или одна треть на ячмень и одна треть на пшеницу. На водочных заводах возможности и искушение обходить акцизные законы гораздо значительнее, чем на пивоваренных заводах или при изготовлении солода; возможности—ввиду меньшей громоздкости и большей стоимости этого товара, а искушение—ввиду больших размеров налогов, которые достигают 3 ш. $\frac{10^2}{3}$ п.² с галлона спирта. При повышении налога на солод и понижении налога на спирт уменьшатся как возможность, так и искушение нарушать акцизные законы, что может вызвать еще большее увеличение дохода.

В последнее время в Великобритании принята политика затруднять употребление спиртных напитков ввиду их предполагаемого

¹ [Сидр—особый род вина; мум—особый род пива.]

² Хотя налог, взимаемый непосредственно с градусного спирта, достигает только 2 ш. 6 п. на галлон, но, будучи добавлен к налогу на сусло, из которого гонится градусный спирт, он составит 3 ш. $\frac{10^2}{3}$ п. В настоящее время, целях предотвращения злоупотреблений, сусло и градусный спирт одинаково облагаются соответственно количеству градусов в сусле.

действия, разрушающего здоровье и подрывающего нравственность простого народа. Согласно этой политике, понижение налогов на производство спирта не должно быть столь значительно, чтобы в какой-либо мере понижать цену этих напитков. Спиртные напитки могут оставаться столь же дорогими, как и прежде, тогда как в то же самое время полезные и укрепляющие напитки, каковы пиво и эль, могут быть значительно понижены в цене. Народ таким образом мог бы быть отчасти избавлен от одной из тех тягот, на которые он ныне жалуется, при одновременном значительном увеличении дохода.

Возражения д-ра Давенанта¹ против такого изменения современной системы акцизного обложения представляются необоснованными. Возражения эти сводятся к тому, что налог, вместо того, чтобы падать почти равномерно на прибыли предпринимателя, изготовляющего солод, пивовара и торговца, будет, поскольку он падает на прибыль, ложиться целиком на прибыль первого; что предприниматель, изготовляющий солод, не сможет так легко выручить обратно сумму, затраченную на уплату налога, при помощи повышения цены своего солода, как могут это делать пивовар и торговец, повышая цену своих напитков; что столь высокий налог на солод может понизить ренту и прибыль с земли, засеваемой ячменем.

Никакой налог не может на сколько-нибудь продолжительное время понизить норму прибыли в какой-либо отдельной отрасли торговли или промышленности, которая всегда должна держаться на одном уровне с нормой прибыли, существующей в других отраслях в данной местности. Существующие ныне налоги на солод, пиво и эль не влияют на прибыль торгующих этими продуктами, которые все выручают обратно сумму налога с добавочной прибылью в повышенной цене своих товаров. Правда, налог может сделать облагаемые им продукты столь дорогими, что это уменьшит их потребление. Но солод употребляется для изготовления напитков, и налог в 18 шилл на квартал солода не может, конечно, сделать эти напитки более дорогими, чем различные налоги, достигающие 24 или 25 шиллингов, делают это в настоящее время. Напротив, эти напитки, вероятно, подешевеют, и потребление их скорее увеличится, чем сократится.

Не очень легко понять, почему производителю солода будет труднее вернуть 18 шилл. в повышенной цене своего солода, чем пивовару вернуть в настоящее время в цене его напитка 24 или 25 шилл., а иногда и 30 шилл. Правда, ему придется уплачивать в виде налога с каждого квартала солода не 6 шилл., а 18 шилл. Но пивовар в настоящее время обязан уплачивать налог в 24—25, а иногда и 30 шилл. за каждый квартал солода, который он варит. Не может оказаться более затруднительным для изготовителя солода уплачивать более незначительный налог, чем для пивовара платить теперь более тяжелый. Производитель солода не всегда держит в своих амбарах такой запас солода, распродажа которого требовала бы более про-

должительного времени, чем распродажа запаса пива и эля, который пивовар часто держит в своих погребах. Первый поэтому может часто вернуть себе затраченные деньги так же скоро, как и последний. Но какие затруднения ни возникли бы для производителя солода из-за необходимости уплачивать более тяжелый налог, они легко могут быть устранены предоставлением ему на несколько месяцев более продолжительного кредита, чем кредит, обычно даваемый в настоящее время пивовару.

Ренту и прибыль с земли, засеваемой ячменем, может уменьшить только сокращение спроса на ячмень. Но изменение системы, уменьшающее налоги с квартала солода, идущего на варку пива и эля, с 24—25 до 18 шилл., скорее увеличит спрос, чем сократит его. Кроме того, рента и прибыль с земли, засеваемой ячменем, всегда должны быть приблизительно равны ренте и прибыли с других одинаково плодородных и одинаково хорошо возделываемых земель. Если бы они были меньше, некоторая часть земли под ячменем была бы скоро обращена на какую-нибудь другую цель, а если бы они были больше, большее количество земли скоро было бы обращено под посев ячменя. Когда обычная цена какого-либо продукта земли представляет собою, так сказать, монопольную цену, налог на него обязательно понижает ренту и прибыль с земли, на которой он растет. Налог на продукт тех роскошных виноградников, на которых производство вина настолько меньше действительного спроса на него, что его цена всегда превышает естественный уровень цены продукта других, одинаково плодородных и одинаково хорошо возделываемых земель, неизбежно понизит ренту и прибыль с этих виноградников. Поскольку цена этих вин уже достигает максимума, который может быть получен за обычно отправляемое на рынок количество их, она не может быть увеличена еще больше без уменьшения этого количества, а последнее не может быть сделано без еще большей потери, потому что земли не могут быть обращены на производство какого-либо другого столь же ценного продукта. Ввиду этого вся тяжесть налога должна ложиться на ренту и прибыль, собственно говоря, на ренту с виноградника. Всякий раз, когда предполагалось ввести какой-нибудь новый налог на сахар, наши сахарные плантаторы жаловались, что вся тяжесть таких налогов ложится не на потребителя, а на производителя, потому что они никогда не могут повысить цену своего сахара после введения налога. Цена эта до введения налога была, по видимому, монопольной ценой, и довод, приводимый в доказательство того, что сахар представляет собою предмет, не подходящий для обложения, доказывал, пожалуй, что он вполне подходит для этого, потому что прибыли монополистов, откуда бы они ни получались, служат, без сомнения, самым подходящим предметом для обложения. Между тем, обычная цена ячменя никогда не была монопольной, а рента и прибыль с земли под ячмень никогда не превышали естественного уровня ренты и прибыли с других земель, одинаково плодородных и одинаково хорошо обрабатываемых. Различные налоги, какими облагались солод, пиво и эль, никогда не вели к понижению

¹ [Davenant, Discourses on the public revenues and on the trade of England Works, 1771. Vol. I, p. 221—224.]

цены ячменя, никогда не понижали ренты и прибыли с земли под ячменем. Цена солода, в которую он обходился пивовару, постоянно повышалась соответственно налогам, взимаемым с него, и эти налоги, вместе с различными акцизами на пиво и эль, постоянно или повышали цену или, что сводится к тому же, понижали качество этих продуктов для потребителя. Конечная уплата этих налогов всегда ложилась на потребителя, а не на производителя.

От предложенной здесь реформы системы могут пострадать исключительно только те лица, которые варят пиво для собственного потребления. Но освобождение высшего класса населения от уплаты весьма тяжелых налогов, уплачиваемых бедными рабочими и ремесленниками, представляется, несомненно, наиболее несправедливым и противоречащим равенству и должно быть устранено, хотя бы даже указанная реформа не была произведена. Возможно, впрочем, что именно интересы этого высшего класса противодействовали до сих пор изменению системы, которое не могло не увеличить государственного дохода и вместе с тем облегчить народ.

Помимо таких налогов, как упомянутые выше таможенные пошлины и акцизные сборы, существует еще ряд других, которые влияют на цену товаров более неравномерно и не так непосредственно. Таковыми являются налоги, которые называются во Франции дорожными пошлинами (réages), а во времена древних саксов назывались пошлинами за проезд, и которые, повидимому, были первоначально установлены с той же целью, что и наши заставные пошлины или сборы за проезд по нашим каналам и судоходным рекам, а именно— для содержания дороги или поддержания судоходности. Такие налоги, когда они предназначаются для подобных целей, вполне правильно устанавливаются соответственно объему или весу перевозимых предметов. Поскольку они первоначально были местными и провинциальными налогами, употребляемыми для местных провинциальных нужд, управление ими в большинстве случаев предоставлялось какому-нибудь определенному городу, приходу или поместью, в которых они взимались, причем предполагалось, что эти общины тем или иным образом должны давать отчет в их употреблении. Государь, который вообще никому не обязан отчетом, во многих странах взял в свои руки управление этими налогами, и хотя в большинстве случаев он очень значительно повышал налог, он во многих случаях совершенно не считал нужным расходовать собираемые суммы согласно назначению. Если заставные пошлины Великобритании когда-либо сделаются одним из источников дохода правительства, то пример многих других народов заранее может указать нам, каковы будут вероятные последствия этого. Подобные пошлины, без сомнения, оплачиваются в конечном счете потребителем, но при платеже он облагается не в соответствии с своими издержками, не в соответствии со стоимостью, а в соответствии с объемом или весом того, что он потребляет. Когда подобные налоги взимаются соответственно не объему или весу, а предполагаемой стоимости товаров, они в сущности превращаются в своего рода внутренние пошлины

или акциз, который весьма сильно затрудняет самую важную отрасль торговли, внутреннюю торговлю страны.

В некоторых небольших государствах налоги, подобные этим пошлинам за проезд, взимаются с товаров, перевозимых через их территорию, сушей или водою, из одного иностранного государства в другое. В некоторых странах они называются транзитными пошлинами. Некоторые небольшие итальянские государства, расположенные в бассейне По и его притоков, извлекают известный доход от пошлин этого рода, уплачиваемых целиком иностранцами и представляющих собою, пожалуй, единственный налог, каким одно государство может облагать граждан другого, не задерживая несколько развития своей собственной промышленности или торговли. Самой важной из всех транзитных пошлин в мире является пошлина, взимаемая королем Дании со всех торговых судов, проходящих через Зунд.

Хотя такие налоги на предметы роскоши, каковы большая часть таможенных пошлин и акцизных сборов, ложатся одинаково на все виды дохода и уплачиваются в конечном итоге или без возмещения теми, кто потребляет облагаемые ими предметы, все же они не всегда ложатся равномерно или пропорционально на доход каждого отдельного лица. Поскольку размеры потребления каждого человека определяются его собственными вкусами и привычками, постольку он уплачивает налог скорее в соответствии со своими вкусами и привычками, чем в соответствии со своим доходом: расточительный уплачивает больше, бережливый меньше, чем это соответствует их доходу. Богатый человек во время своего несовершеннолетия обычно уплачивает с своего потребления очень немного на содержание государства, защита которого обеспечивает ему его большой доход. Люди, живущие за границей, своим потреблением ничего не вносят на содержание правительства страны, в которой находится источник их дохода. При отсутствии в такой стране поземельного налога или крупного налога при передаче движимой или недвижимой собственности, как это имеет место в Ирландии, такие дезертиры из своей страны могут получать большой доход, пользуясь покровительством правительства, на содержание которого не вносят ни одного шиллинга. Такая неравномерность резче всего должна проявляться в стране, правительство которой в некоторых отношениях подчинено и зависит от правительства какой-нибудь другой страны. Люди, обладающие наиболее крупными имуществами в зависимой стране, в этом случае предпочитают обычно жить в господствующей стране. Ирландия находится как раз в таком положении, и нас поэтому не должно удивлять, что проект налога на абсентеистов пользуется такой популярностью в этой стране. Возможно, что будет несколько затруднительно установить характер или длительность отсутствия; при котором отдельный человек подлежит этому налогу, или когда именно должно начинаться или прекращаться взимание налога; тем не менее, если исключить этот совершенно своеобразный случай, всякая неравномерность обложения отдельных лиц, какая мо-

жет иметь место при таких налогах на потребление, больше чем уравновешивается тем самым обстоятельством, которое создает эту неравномерность,—тем обстоятельством, что взнос каждого человека вообще добровольен, ибо целиком от него самого зависит, потреблять ли или не потреблять облагаемый налогом предмет. Поэтому там, где подобные налоги устанавливаются надлежащим образом и на соответствующие предметы, они уплачиваются с меньшим ропотом, чем всякий другой налог. Когда они наперед уплачиваются торговцем или владельцем мануфактуры, потребитель, который в конечном счете оплачивает их, скоро перестает отличать их от цены товара и почти забывает, что платит вообще какой-нибудь налог.

Такие налоги бывают или могут быть вполне точно определены или устанавливаются таким образом, чтобы не оставалось ни малейшего сомнения относительно того, сколько или когда следует платить, относительно размера или времени платежей. Если и проявляются тогда произвольность и неопределенность при взимании таможенных пошлин в Великобритании или других подобного же рода налогов в других странах, то это обусловлено отнюдь не природой этих налогов, а только неточной или неумелой редакцией закона, устанавливающего их.

Налоги на предметы роскоши обыкновенно уплачиваются или всегда могут уплачиваться по мелочам или по мере того, как плательщики имеют нужду в приобретении предметов, которые обложены ими. Что касается момента и способа уплаты, они являются или могут быть самыми удобными из всех налогов. Такие налоги ввиду этого в общем удовлетворяют, пожалуй, первым трем из четырех основных принципов обложения не меньше, чем всякий другой налог. Но зато они во всех смыслах идут вразрез с четвертым принципом.

Подобные налоги, в сравнении с тем, что они дают государственной казне, всегда берут из карманов населения гораздо больше, чем почти всякий другой налог. Они делают это, повидимому, всеми четырьмя различными путями, какими это вообще возможно.

1) Взимание таких налогов, даже когда они устанавливаются самым целесообразным образом, требует значительного количества таможенных и акцизных чиновников, жалованье и поборы которых ложатся действительным налогом на население и ничего не приносят казначейству. Впрочем, следует признать, что эти расходы более умеренны в Великобритании, чем в большинстве других стран. За год, кончающийся 5 июля 1775 г., общая сумма поступлений от различных налогов, находившихся в Англии в ведении акцизных чиновников, достигала 5 507 308 ф. 18 ш. 8½ п., причем взыскание этой суммы обошлось в 5¼% с небольшим. Однако из этого валового дохода надо вычесть суммы, уплаченные в виде премий и возврата пошлин при вывозе облагаемых акцизом товаров, что сократит чистый доход с суммы, немного не достигающей пяти миллионов¹. Взимание

¹ Чистый доход этого года, за вычетом всех издержек и выдач, достигал 4 975 652 ф. 19 ш. 6 п.

вание соляного налога, этого акцизного сбора, находящегося в другом ведомстве, обходится гораздо дороже. Чистый доход от него не достигает двух миллионов с половиной, причем эта сумма взимается с издержками в 10% с лишним на жалованье чиновникам и другие расходы. Но поборы таможенных служащих повсеместно намного превышают их жалованье, в некоторых портах они увеличивают это жалованье вдвое и втрое. Если, таким образом, жалованье таможенных чиновников и другие расходы составляют более 10% чистого дохода таможен, то все издержки по взиманию этого дохода могут превысить 20 или 30%. Акцизные чиновники получают мало или совсем не получают взяток; поскольку это ведомство учреждено не так давно, оно в общем менее подкупно, чем таможенное ведомство, в котором продолжительность его существования породила и узаконила много злоупотреблений. Беря с солода всю ту сумму, которая в настоящее время взимается при помощи различных налогов с солода и напитков, изготовляемых из него, можно получить, согласно предположениям, экономию в расходах акцизного ведомства больше чем в 50 тысяч фунтов в год. Если обложение таможенными пошлинами ограничить только немногими видами товаров и взимать их способом, установленным акцизными законами, можно, вероятно, получить еще гораздо большую экономию в издержках таможенного ведомства.

2) Такие налоги неизбежно приносят некоторый вред или задерживают развитие некоторых отраслей промышленности. Так как они всегда повышают цену облагаемого продукта, они ведут к сокращению его потребления, а следовательно и его производства. Если это—продукт, выращиваемый или изготовляемый внутри страны, то в результате этого меньше труда будет затрачиваться на его выращивание и производство. Если налог, таким образом, повышает цены заграничного продукта, то, конечно, такого же рода продукты отечественного производства могут приобрести некоторое преимущество на внутреннем рынке, и большее количество отечественного труда может быть в результате этого обращено на изготовление их. Но хотя такое повышение цены заграничного продукта может поощрять какую-нибудь одну отрасль отечественной промышленности, оно неминуемо оказывает вредное влияние почти на все другие ее отрасли. Чем дороже платит бирмингемский владелец мануфактуры за потребляемое им заграничное вино, тем дешевле он неизбежно продает ту часть своих металлических изделий, на которую или, что то же самое, за цену которой он покупает это вино. Поэтому эта часть его металлических товаров оказывается имеющей для него меньшую стоимость, и у него становится меньше побуждений выделывать ее. Чем дороже потребители одной страны платят за избыточный продукт другой, тем дешевле продают они по необходимости ту часть своего собственного избыточного продукта, на которую или, что то же самое, за цену которой они покупают его. Эта часть их собственного избыточного продукта приобретает для них меньшую стоимость, и у них теперь имеется меньше побуждений увеличивать его

количество. Таким образом, все налоги на предметы потребления имеют тенденцию уменьшать количество производительно затрачиваемого труда на изготовление облагаемых предметов, если это—продукты отечественного производства, или тех продуктов, на которые они покупаются, если это—заграничные продукты. Притом такие налоги всегда в большей или меньшей степени изменяют естественное направление отечественной промышленности и толкают ее в русло, всегда отличное от того, по какому она шла бы, если бы была предоставлена самой себе, и обычно менее выгодное.

3) Надежда избавиться от этих налогов при посредстве контрабанды часто ведет к конфискации и другим карам, которые совершенно разоряют контрабандиста—человека, который, хотя он и заслуживает величайшего порицания за нарушение законов своей страны, часто неспособен нарушать законы естественной справедливости и был бы во всех отношениях прекрасным гражданином, если бы законы его страны не делали преступлением то, что природа никогда не думала признавать таковым. В тех странах с дурным управлением, где существует, по меньшей мере, общее подозрение относительно наличности многих ненужных расходов и весьма неправильного расходования государственных доходов, законы, ограждающие последние, мало уважаются. Немногие люди проявляют щепетильность в отношении контрабанды, когда, не нарушая присяги, могут найти удобный и безопасный случай к этому. Если кто-нибудь сочтет недопустимым покупать контрабандные товары, то,—хотя такая покупка является явным поощрением нарушения фискальных законов и лжеприсяги, почти всегда связанной с этим,—в большинстве стран это было бы сочтено одним из тех педантических проявлений лицемерия, которые не только не приобретают человеку уважения, но и навлекают на него подозрение в том, что он еще больший мошенник, чем большинство его соседей. Благодаря такой снисходительности общества контрабандист часто поощряется продолжать промысел, который он, таким образом, приучается считать до известной степени невинным, а когда вся строгость фискальных законов готова обрушиться на него, он часто бывает склонен оружием защищать то, что привык рассматривать как свою законную собственность. Будучи сначала скорее неблагоразумным и легкомысленным, а не преступным, он в конце концов слишком часто становится одним из самых смелых и наиболее решительных нарушителей законов общества. При разорении контрабандиста его капитал, который раньше затрачивался на содержание производительного труда, поглощается или государственной казной, или податным чиновником и затрачивается на содержание непроизводительного труда, благодаря чему уменьшается общий капитал общества и сокращается полезная промышленная деятельность.

4) Эти налоги, подвергая, по меньшей мере, розничных торговцев облагаемыми предметами частым посещениям и придирчивым расследованиям сборщиков налогов, без сомнения, иногда причиняют им известные притеснения и всегда приносят много неприятностей

и затруднений; хотя и такого рода неприятности, как уже отмечено, не представляют собою, строго говоря, издержек, однако они эквивалентны расходу, который каждый человек готов понести для того, чтобы откупиться от них. Акцизные законы, хотя они лучше достигают цели, для которой установлены, являются в этом отношении более придирчивыми и обременительными, чем законы таможенные. Купец, привезший из-за границы товары, облагаемые известными пошлинами, уплативший эти пошлины и сложивший товары на склад, в большинстве случаев не подвергается уже никаким дальнейшим беспокойствам или придиркам со стороны таможенного чиновника. Иначе обстоит дело с продуктами, облагаемыми акцизом. Акцизные чиновники не дают торговцу покоя своими постоянными посещениями и расспросами. Ввиду этого акцизные налоги более непопулярны, чем таможенные пошлины, а равным образом и чиновники, взыскивающие их. Утверждают, что хотя эти чиновники в общем выполняют свои обязанности, может быть, столь же хорошо, как и таможенные чиновники, все же отличаются обычно некоторой жесткостью характера, часто чуждой последним, так как их обязанности нередко вынуждают их быть очень надоедливыми и придирчивыми к некоторым из своих соседей. Впрочем, такое мнение является, весьма вероятно, лишь внушением нечестных торговцев, контрабанда которых была предупреждена или обнаружена их бдительностью.

При всем том неудобства, которые, пожалуй, в известной степени неотделимы от налогов на предметы потребления, ложатся на народ Великобритании не большей тяжестью, чем на народ всякой другой страны, правительство которой обходится приблизительно столь же дорого. Наше положение отнюдь не великолепно и может быть улучшено, но оно не хуже или даже лучше, чем положение большинства наших соседей.

Вследствие мнения, что налоги на предметы потребления представляют собою налоги на прибыли торговцев, эти налоги в некоторых странах взыскивались при каждой последовательной продаже товаров. Если облагаются прибыли купца-импортера или купца, занимающегося переработкой, то, казалось, справедливость требует обложения также прибылей всех промежуточных покупателей, посредничающих между ними и потребителем. Известная алькавала в Испании была, по видимому, установлена соответственно этому принципу. Она представляла собою первоначально налог в 10%, потом в 14%, а в настоящее время лишь в 6% при продаже всякого рода собственности, движимой или недвижимой, причем взимание его повторяется при каждой новой продаже собственности¹. Взимание этого налога требует множества податных чиновников для надзора за перевозкой товара не только из одной провинции в другую, но и из одной лавки в другую. Он обрекает на постоянные посещения и осмотры со стороны сборщика налогов не только торговцев некоторыми видами товаров, но и всех вообще торговцев, любого фер-

¹ «Mémoires concernant les Droits etc.», tome I, p. 455.

мера, любого владельца мануфактуры, любого купца и лавочника. В большей части страны, где введен такой налог, ничего нельзя производить для продажи на отдаленном рынке. Производство каждой части страны должно сообразоваться с потреблением ее округа. Ввиду этого Устариз¹ именно алькавале приписывает упадок и разорение мануфактурной промышленности в Испании. Он равным образом мог бы поставить на ее счет упадок сельского хозяйства, поскольку алькавала взималась не только с мануфактурных изделий, но и с сельскохозяйственных продуктов.

В Неаполитанском королевстве существует подобный налог в 3% со стоимости всех договоров и, следовательно, со всех сделок о продаже. Он легче соответствующего испанского налога, и притом большей части городов и приходов дозволено уплачивать вместо него определенную сумму. Они собирают эту сумму способом, каким хотят, обычно таким образом, чтобы это не причиняло затруднений внутренней торговле данной местности. Поэтому неаполитанский закон далеко не так губителен, как налог испанский.

Единообразная система обложения, которая за немногими незначительными исключениями существует во всех частях Соединенного королевства Великобритании, оставляет всю внутреннюю торговлю страны как сухопутную, так и каботажную, почти совершенно свободной. Внутренняя торговля почти совершенно свободна, и большая часть товаров может перевозиться с одного конца королевства в другой без каких бы то ни было разрешений или пропусков, без всяких опросов или осмотров со стороны податных чиновников. Существуют немногочисленные исключения, но они таковы, что не могут нарушать нормального хода какой-либо важной отрасли внутренней торговли страны; например, при перевозке товаров по побережью требуются удостоверения прибрежных таможенных постов. Впрочем, за исключением угля, остальные товары почти все свободны от обложения. Эта свобода внутренней торговли, результат единообразия системы обложения, является, пожалуй, одною из главных причин процветания Великобритании, поскольку каждая большая страна необходимо представляет собою лучший и самый обширный рынок для большей части продуктов ее собственной промышленности. Если бы такая же свобода в результате подобного же единообразия могла быть распространена на Ирландию и колонии, величие государства и процветание всех частей империи были бы, вероятно, еще более значительны, чем в настоящее время.

Во Франции многообразные фискальные законы, существующие в различных провинциях, требуют наличия множества податных чиновников для охранения границ не только королевства, но почти каждой отдельной провинции, чтобы препятствовать ввозу определенных товаров или взыскивать с них определенные пошлины, немало затрудняя этим внутреннюю торговлю страны. Некоторым провинциям разрешено уплачивать известную сумму взамен gabelles,

или соляного налога, другие совсем освобождены от него. Некоторые провинции освобождены от монополии торговли табаком, которая в большей части королевства принадлежит обычно генеральным откупщикам. Так называемые aides, соответствующие акцизным сборам в Англии, весьма различны в различных провинциях. Некоторые провинции освобождены от них и уплачивают вместо них определенную сумму. В тех провинциях, где они взимаются и сдаются на откуп, существует много местных налогов, которые не распространяются за пределы отдельного города или округа. Так называемые traites, соответствующие нашим пошлинам, делят королевство на три большие области: первая охватывает провинции, находящиеся под действием тарифа 1664 г. и называемые провинциями пяти главных откупов; в их число входят Пикардия, Нормандия и большая часть внутренних провинций королевства; вторая охватывает провинции, находящиеся под действием тарифа 1667 г. и называемые провинциями на положении иностранных; в их число входит большая часть пограничных провинций; третья охватывает провинции, которые приравниваются к иностранной территории и которые ввиду того, что им разрешена свободная торговля с иностранными государствами, в своей торговле с другими провинциями Франции облагаются такими же пошлинами, как и другие иностранные государства. К ним относятся: Эльзас, три епископства — Метц, Туль и Верден, и три города: Дюнкирхен, Байонна и Марсель. Как в провинциях пяти главных откупов (называемых так ввиду старинного разделения таможенных пошлин на пять главных отделов, из которых каждый сдавался первоначально особому откупщику, хотя в настоящее время они все соединены в один откуп), так и в тех, которые считаются на положении иностранных, существуют многочисленные местные пошлины, действие которых ограничивается отдельным городом или округом. Они существуют даже в провинциях, приравниваемых к иностранной территории, в частности в городе Марселе. Нет нужды указывать, насколько должны умножаться как стеснения внутренней торговли страны, так и количество налоговых чиновников, чтобы охранять границы этих различных провинций и округов, подчиненных столь различным системам обложения.

Помимо общих стеснений, порождаемых этой сложной системой фискальных законов, торговля вином, которое является после хлеба, пожалуй, самым важным продуктом Франции, в большинстве провинций подлежит особым ограничениям, порожденным покровительством, которое оказывалось винограду отдельными провинциями и округов предпочтительно перед другими. Как я полагаю, провинциями, наиболее славящимися своими винами, окажутся те, где торговля этими продуктами испытывает меньше всего стеснений этого рода. Обширный рынок, которым обладают эти провинции, поощряет как надлежащий уход за виноградниками, так и последующее тщательное изготовление вин.

Столь различные и сложные фискальные законы не представляют собою особенности Франции. Небольшое герцогство Миланское раз-

¹ [Ustariz, Teórica y práctica de Comercio y de Marina. Madrid, 1724.]

делено на шесть провинций, в каждой из которых существует особая система обложения различных предметов потребления. Еще меньшие владения герцога Пармского разделены на три или четыре провинции, из которых каждая точно так же имеет свою особую систему обложения. При таком нелепом управлении ничто, кроме большого плодородия почвы и благоприятного климата, не может предохранить подобные страны от скорого погружения в самую глубокую степень нищеты и варварства.

Налоги на предметы потребления могут взиматься ведомством, чиновники которого назначаются правительством и непосредственно подотчетны ему, причем доход правительства должен в этом случае колебаться из года в год в зависимости от колебаний поступлений от этих налогов, или же они могут сдаваться на откуп за определенную сумму, причем откупщику предоставляется право назначать своих собственных служащих, которые, будучи обязаны взимать налог указанным в законе образом, находятся под его непосредственным надзором и подотчетны непосредственно ему. Откупная система никогда не может быть лучшим и наиболее экономным способом взимания налогов. Сверх того, что необходимо для уплаты обусловленной суммы, жалования служащим и покрытия всех издержек по управлению, откупщик всегда должен отчислять себе из общей выручки налога некоторую прибыль, пропорциональную, по крайней мере, предварительным затратам, делаемым им, риску, какому он подвергается, хлопотам и беспокойствам, какие ему при этом приходится нести, и специальным знаниям и умению, какие необходимы для того, чтобы вести столь сложное предприятие. Правительство, учреждая собственное управление, находящееся в его непосредственном ведении и подобное тому, какое организует откупщик, может сэкономить, по крайней мере, эту прибыль, которая почти всегда чрезмерна. Взятие на откуп какой-либо значительной отрасли государственных доходов требует наличности большого капитала или большого кредита — условий, которые сами по себе должны чрезвычайно ограничивать число людей, конкурирующих между собою при сдаче таких откупов. И из этого небольшого числа людей, обладающего таким капиталом или кредитом, еще меньшее число обладает необходимыми знаниями или опытом — еще одно обстоятельство, суживающее еще больше круг соревнующихся. И те немногие, кто в состоянии принять участие в соревновании, находят более соответствующим своим интересам вступать в соглашение между собою, стать компаньонами, вместо того, чтобы конкурировать друг с другом, и при сдаче откупа с торгов они предлагают за него только такую плату, которая много ниже его действительной стоимости. В странах, где государственные доходы сдаются на откуп, откупщики обычно являются самыми богатыми людьми. Одно уже их богатство должно было бы вызывать общественное возмущение, а тщеславие, которое всегда сопровождает такие быстро нажитые состояния, нелепая пышность, с какою они обычно щеголяют своим богатством, усиливают это возмущение еще больше.

Откупщики государственных доходов никогда не считают достаточно суровыми законы, карающие попытки уклонения от уплаты налога. Они безжалостны по отношению к плательщикам налогов, которые не являются их подданными и всеобщее разорение которых, если бы оно произошло на другой день после окончания срока их откупа, не задело бы сильно их интересы. При переживаемых государством величайших затруднениях, когда государь по необходимости больше всего озабочен обеспечением аккуратного поступления его доходов, они редко упускают случай жаловаться, что без издания законов, более суровых, чем существующие, им будет невозможно уплачивать даже установленную сумму. В такие моменты общественных бедствий трудно спорить против их домогательств. Фискальные законы ввиду этого становятся постепенно все более и более суровыми. Наиболее жестокие законы в этой области всегда имеют место в странах, где большая часть государственных налогов отдана на откуп, наиболее мягкие — в странах, где они взимаются под непосредственным надзором государя. Даже плохой государь чувствует большее сострадание к своему народу, чем какого можно ожидать от откупщиков его доходов. Он знает, что устойчивое могущество его династии зависит от благосостояния его народа, он не захочет сознательно подрывать это благосостояние ради своих собственных временных интересов. Иначе обстоит дело с откупщиками его доходов, богатство которых часто может являться результатом разорения, а не благосостояния его народа.

Иногда не только налог сдается на откуп за определенную сумму, но и откупщику, кроме того, предоставляется монополия на предмет, облагаемый налогом. Во Франции так именно взимаются налоги на табак и соль. В таких случаях откупщик получает с народа не простую прибыль, а двойную: прибыль откупщика и еще более чрезмерную прибыль монополиста. Поскольку табак представляет собою предмет роскоши, каждому предоставлена возможность, по усмотрению, купить его или не покупать. Но соль является предметом первой необходимости, и каждый человек вынужден покупать у откупщика определенное количество ее, потому что предполагается, что если он не покупает это количество ее, потому что предполагается, что если он не покупает это количество у откупщика, он приобретает ее у какого-нибудь контрабандиста. Налоги на оба эти предмета чрезмерно высоки, вследствие чего искушение заняться контрабандой их для многих людей непреодолимо, тогда как одновременно с этим строгость закона и бдительность служащих откупщика ведут к почти верной гибели и разорению тех, кто поддается этому искушению. Контрабандный провоз соли и табака ежегодно отправляет несколько сот человек на каторгу, не считая весьма значительного числа тех, кого он приводит на виселицу. Эти налоги, взимаемые таким образом, приносят правительству очень значительный доход. В 1767 г. табачный откуп был сдан за 22 541 278 ливров в год, а соляной откуп за 36 492 404 ливра. В обоих случаях срок откупа должен был начинаться в 1768 г. и длиться шесть лет. Те, кто не придает значения крови народа в сравнении с доходами государя, могут, пожалуй,

одобрять такой способ взимания налогов. Подобные налоги и монополии на соль и табак устанавливались во многих других странах, в частности во владениях Австрии и Пруссии и в большей части государств Италии.

Во Франции преобладающая часть нынешнего дохода короны получается из восьми различных источников: налог с дохода (*taille*), подушная подать, две двадцатых, соляной налог (*gabelles*), акцизы (*aides*), таможенные пошлины (*traites*), государственные имущества и табачный откуп. Пять последних в большей части провинций сданы на откуп. Первые три налога взимаются повсеместно администрацией, находящейся под непосредственным контролем и руководством правительства. Всеми признано, что в соответствии с тем, что они берут из карманов народа, эти три налога приносят казначейству государя больше, чем другие пять, администрация которых гораздо более расточительна и дорога.

Финансы Франции в их современном состоянии допускают, по видимому, три очень простых реформы: во-первых, отмену налога с дохода и подушной подати и увеличение числа двадцатых долей для получения добавочного дохода, равного сумме поступлений с двух отменяемых налогов, так что доход короны не уменьшится. Расход по взиманию мог бы быть значительно сокращен; могли бы быть совершенно устранены притеснения низших классов народа, связанные с налогом с дохода и подушной податью, а высшие классы не были бы обременены больше того, чем обременена в настоящее время большая часть их представителей. Двадцатая доля, как я уже отметил, представляет собою налог почти совсем такого же рода, как и поземельный налог в Англии. Бремя налога с дохода, как это признано, ложится в конечном итоге на землевладельцев, а так как большая часть подушной подати взимается с лиц, уплачивающих налог с дохода, в размере определенной суммы с фунта этого последнего налога, то в конечном счете уплата большей ее части должна тоже ложиться на этот же класс населения. Поэтому при увеличении числа двадцатых долей для получения добавочного дохода, равного сумме этих двух налогов, высшие классы не оказались бы обремененными больше, чем в настоящее время. Это может, без сомнения, случиться с многими отдельными лицами ввиду большой неравномерности, с какою производится обычно определение окладов подоходного налога с земель и арендуемых участков различных лиц. Заинтересованность и противодействие тех лиц, которые находятся в привилегированном положении, представляют собою препятствие, которое скорее всего не допустит проведения этой или какой-либо другой подобного рода реформы. Во-вторых, сделав соляной налог, акцизы, таможенные пошлины, налоги на табак, всевозможные таможенные и акцизные сборы единообразными во всех частях королевства, можно будет взимать эти налоги с гораздо меньшими издержками, и внутренняя торговля королевства сможет тогда сделаться столь же свободной, как и в Англии. В-третьих, наконец, при передаче всех этих налогов в ведение администрации, находящейся под непосредствен-

ным контролем и руководством правительства, можно будет увеличить доходы государства на всю сумму чрезмерных прибылей главных откупщиков. Противодействие, обусловливаемое частными интересами отдельных лиц, окажется, вероятно, не менее действительным для предотвращения двух последних проектов реформы, как и первого.

Французская система налогового обложения во всех отношениях уступает британской. В Великобритании ежегодно взимается 10 миллионов фунтов с населения, не достигающего 8 миллионов душ, причем нельзя говорить о притеснении или чрезмерном обложении какого-либо отдельного класса. На основании данных аббата Экспилли¹ и замечаний автора «Опыта о законодательстве и торговле хлебом»² представляется вероятным, что Франция, включая провинции Лотарингию и Бар, обладает населением в 23—24 миллиона душ, т. е. раза в три больше Великобритании. Во Франции почва и климат лучше, чем в Великобритании. Страна эта гораздо более продолжительное время возделывалась, и земли ее улучшались, и вследствие этого она богаче всем тем, создание и накопление чего требует продолжительного времени, каковы, например, богатые города, удобные и хорошо выстроенные дома в городе и деревне. При таких преимуществах можно было бы ожидать, что во Франции доход в 30 миллионов на содержание государства будет собираться с не большими затруднениями, чем в Великобритании доход в 10 миллионов. Согласно лучшим, хотя, должен признать, очень несовершенным данным, какие я мог достать на этот счет, в 1765 и 1766 гг. весь доход, поступивший в казначейство Франции, выразился в сумме от 308 до 325 миллионов ливров, т. е. не достигал 15 миллионов фунтов, половины того, чего можно было бы ожидать, если бы население платило в той же пропорции к своей численности, как и население Великобритании. Между тем общепризнано, что народ Франции гораздо более обременен налогами, чем население Великобритании. А ведь Франция, несомненно, является великой европейской державой, которая после Великобритании обладает наиболее мягким и наиболеенисходительным правительством.

В Голландии высокие налоги на предметы необходимости привели, как утверждают, к гибели ее главных отраслей мануфактурной промышленности и способны даже постепенно подорвать ее рыболовный промысел и кораблестроение. Налоги на предметы необходимости в Великобритании незначительны, и ни одна отрасль мануфактурной промышленности до сих пор не была подорвана ими. Налогами, наибольшей тяжестью ложащимися на мануфактурные изделия, в Великобритании являются некоторые ввозные пошлины на сырые материалы, на шелк-сырец. Согласно сообщениям, доходы генеральных штатов³ и различных городов превышают

¹ [Expilly, De la population de la France. Amsterdam 1765.]

² [Возможно, что Смит имеет в виду книгу: Herbert, Essai sur la police générale des grains. 1754.]

³ [Речь идет о генеральных штатах Соединенных провинций, т. е. Нидерландов.]

5 250 000 фунтов, а так как нельзя предполагать, чтобы число жителей Соединенных провинций превышало третью часть населения Великобритании, то они должны быть облагаемы гораздо более тяжело.

После того, как исчерпаны все пригодные для обложения объекты, если нужды государства продолжают требовать введения новых налогов, ими приходится облагать предметы, для этого не подходящие. Поэтому налоги на предметы необходимости не могут служить укором мудрости государства, которое в целях завоевания и сохранения своей независимости было втянуто, несмотря на крайнюю его бережливость, в столь дорого стоившие войны, что было вынуждено войти в крупные долги. Кроме того, находящиеся в особенных условиях провинции Голландия и Зеландия требуют значительных издержек даже для сохранения их существования или для предотвращения поглощения их морем; это обстоятельство должно было вести к значительному увеличению бремени налогов в этих двух провинциях. Республиканская форма управления представляется, по видимому, главным основанием современного могущества Голландии. Обладатели больших капиталов, известные купеческие фамилии, обычно принимают непосредственное участие в правительстве или пользуются некоторым косвенным влиянием на него. Ради уважения и власти, которую дает им такое положение, они обнаруживают готовность жить в стране, где их капитал, если они сами пускают его в дело, принесет им меньше прибыли, а если они ссудят его другому лицу, принесет им меньший процент, и где на очень умеренный доход, какой они могут получать с него, они могут приобретать меньше предметов необходимости и удобств, чем в любой другой части Европы. Наличие таких богатых людей необходимо поддерживает на известном уровне промышленность страны, несмотря на все неблагоприятные моменты. Всякое общественное бедствие, которое уничтожит республиканскую форму правления, которое передаст все управление в руки знати и военных, сведет на-нет значение этих богатых коммерсантов, скоро сделает для них неприятной жизнь в стране, где они уже не пользуются особым уважением. Они перенесут и свое местожительство и свои капиталы в какую-либо другую страну, а промышленность и торговля Голландии скоро последуют за капиталами, которые питали их.

Глава III

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОЛГАХ

На той низкой ступени развития общества, которая предшествует распространению торговли и прогрессу обрабатывающей промышленности, когда совсем неизвестны те дорого стоящие предметы роскоши, которые могут вводить в употребление только торговля и мануфактурная промышленность, лицо, обладающее крупным доходом, как это я старался выяснить в третьей книге настоящего исследования, может расходовать или использовать этот доход только таким образом, что он содержит приблизительно такое количество людей, сколько можно на этот доход содержать. Относительно крупного дохода всегда можно сказать, что он состоит в возможности распоряжаться большим количеством предметов потребления. На указанной низкой ступени развития он обычно выплачивался в виде большого количества этих предметов необходимости, в виде предметов продовольствия и грубых материй, хлебом и скотом, шерстью и невыделанными шкурами. Если ни торговля, ни мануфактурная промышленность не доставляют никаких продуктов, на которые обладатель дохода может обменять большую часть этих материалов, превышающую его собственное потребление, он с этим излишком не может сделать ничего другого, как кормить и одевать приблизительно такое число людей, на которое его может хватить. Гостеприимство, чуждое роскоши, и щедрость, чуждая тщеславия, составляют при таком положении вещей главные расходы богатых и знатных людей. Но, как я равным образом пытался выяснить в той же книге, это все такие расходы, благодаря которым люди не так легко разоряются. Нет, пожалуй, таких суетных эгоистических удовольствий, пристрастие к которым не разорило бы иной раз даже благоразумных людей; страсть к петушиным боям, например, разорила многих. Но, мне думается, не очень много можно встретить примеров разорения людей вследствие гостеприимства или щедрости этого рода, хотя гостеприимство вместе с роскошью и щедростью вместе с тщеславной пышностью разорили многих. У наших феодальных предков продолжительность времени, в течение которого поместья оставались в руках одной и той же семьи, достаточно свидетельствует об общей склонности их не выходить за пределы своего

дохода. Хотя деревенское гостеприимство, которое постоянно проявляли крупные землевладельцы, может казаться нам в настоящее время несовместимым с порядком, который мы склонны считать неразрывно связанным с надлежащей экономией, однако мы несомненно должны признать, что они были, по крайней мере, настолько бережливы и умеренны, что не всегда расходовали целиком свои доходы. Часть своей шерсти и невыделанных шкур они обычно имели возможность продавать за деньги. Часть этих денег они, вероятно, затрачивали на покупку немногих предметов украшения и роскоши, какие по условиям того времени могли достать, но некоторую часть их они, повидимому, обыкновенно копили. Действительно, им и не оставалось делать ничего другого, как копить деньги, сберегаемые ими. Заняться торговлей считалось позорным для дворянина, а ссужать деньги под проценты, что в то время считалось ростовщичеством и воспрещалось законом, было бы еще более позорным. Сверх того, в ту эпоху насилия и беспорядка было удобно иметь у себя под рукой некоторый запас денег: будучи выгнан из собственных владений, такой землевладелец мог в таком случае иметь нечто, обладающее общепризнанной стоимостью, чтобы увезти с собою в какое-либо безопасное место. Те же самые насилия, которые делали целесообразным накопление денег, делали столь же целесообразным запрятывание накопленных денег. Частое нахождение кладов и скрытых сокровищ, владельцы которых неизвестны, достаточно свидетельствует о распространенности в то время обыкновения как копить деньги, так и запрятывать свои сокровища. Найденные клады считались тогда важной отраслью дохода государя. В настоящее время все клады, обнаруживаемые во всем королевстве, вряд ли составят сколько-нибудь значительную статью дохода какого-нибудь богатого дворянина.

Такая же склонность накапливать и хранить сокровища проявлялась и у государя, как и у его подданных. У наций, которым мало знакомы торговля и мануфактурная промышленность, государь, как уже отмечено в четвертой книге, находится в положении, естественно предполагающем его к бережливости, необходимой для накопления. При таком положении издержки даже государя не могут определяться тщеславием, которое находит удовольствие в пышном блеске двора. Примитивность той эпохи знает лишь ничтожное количество тех безделушек и украшений, в каких проявляется эта пышность. Постоянные армии не являются тогда необходимыми, так что даже расходы государя, как и расходы любого крупного землевладельца, могут состоять почти только в щедрости по отношению к его вассалам и гостеприимстве по отношению к его придворным. Но щедрость и гостеприимство редко ведут к расточительности, тогда как тщеславие почти всегда ведет к ней. В соответствии с этим, как уже было указано, все европейские государя обладали в старину сокровищами, и, как сообщают, любой татарский хан обладает ими в настоящее время.

В торговой стране, изобилующей всякого рода дорогой роскошью,

государь точно так же, как и почти все крупные собственники в его владениях, естественно затрачивает большую часть своего дохода на покупку этих предметов роскоши. Его собственная и соседние страны обильно снабжают его всеми дорогими безделушками и украшениями, которые составляют блестящую, но пустую пышность двора. Ради пышности такого же рода, хотя и более скромной, его знать распускает своих приближенных, делает независимыми своих вассалов и постепенно становится сама имеющей столь же мало значения, как и большинство богатых горожан в его владениях. Те же суетные страсти, которые определяют их образ жизни, воздействуют и на государя. Как можно предполагать, чтобы он был единственным богатым человеком в своих владениях, не чувствительным к подобного рода удовольствиям? Если он не затрачивает, — как это, вероятно, и имеет место, — на эти удовольствия столь большую часть своего дохода, чтобы это слишком ослабило обороноспособность государства, то нельзя ожидать, чтобы он не тратил на них всю ту часть своих доходов, которая остается после необходимых издержек на поддержание этой обороноспособности. Его обыкновенные расходы становятся равными его обыкновенным доходам и в лучшем случае не превышают последних. Теперь уже не приходится ожидать накопления сокровищ, и когда чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайных расходов, он, по необходимости, бывает должен обращаться к своим подданным за чрезвычайной помощью. Нынешний¹ и покойный короли Пруссии являются единственными великими европейскими государями, которые со времени смерти Генриха IV французского в 1610 году собрали, как предполагают, сколько-нибудь значительные сокровища. Бережливость, ведущая к накоплению, сделалась почти одинаково редкой как в республиканских, так и в монархических странах. Итальянские республики, Соединенные провинции Нидерландов — по уши в долгах. Бернский кантон представляет собою единственную республику в Европе, которая накопила значительную казну, другие швейцарские республики не имеют ее. Страсть к некоторой пышности, к великолепным зданиям и к другим публичным украшениям часто одинаково господствует в трезвом по внешности сенате маленькой республики, как и при развращенном дворе величайшего короля.

Недостаточная бережливость во время мира вызывает необходимость входить в долги во время войны. Когда вспыхивает война, в казначействе не оказывается денег свыше того, что необходимо для покрытия обыкновенных расходов по управлению во время мира. Во время войны для защиты государства становится необходимым расход в три или четыре раза больший, а следовательно в три или четыре раза больший доход, чем в мирное время. Даже если предположить, что у государя имеются, — а это вряд ли когда-нибудь бывает, — средства для немедленного увеличения его доходов соответственно увеличению расходов, все же налоги, за счет которых должно

¹ [Фридрих II.]

быть произведено это увеличение доходов, начнут поступать в казначейство, вероятно, не раньше, как спустя десять или двенадцать месяцев после введения их. Но уже в самый момент начала войны или, точнее, в момент, когда выяснится ее неизбежность, армия должна быть увеличена, флот снаряжен, крепости приведены в состояние обороны; эта армия, этот флот, эти крепости должны быть снабжены оружием, снаряжением и продовольствием; в этот момент непосредственной опасности, не ждущей постепенного и медленного поступления новых налогов, должны производиться немедленные и значительные расходы. В такой крайности у правительства не может быть иного выхода, как прибегнуть к займу.

То самое торговое развитие общества, которое, посредством действия известных моральных причин, приводит таким образом правительство к необходимости занимать деньги, порождает у граждан как возможность ссужать деньги, так и склонность к этому. Если оно приносит с собою необходимость делать долги, оно одновременно с этим создает возможность к этому.

Страна, имеющая в изобилии купцов и владельцев мануфактур, изобилует также такими людьми, через руки которых проходят не только их собственные капиталы, но и капиталы всех тех, кто или ссужает им деньги, или дает им в кредит свои товары, причем эти капиталы обращаются в их руках так же быстро или еще быстрее, чем доход частных лиц, не занимающихся торговлей или промышленностью и живущих на свой доход. Доход последних лиц может обычно проходить через их руки только один раз в год, тогда как вся сумма капитала и кредита купца, ведущего торговлю, в которой обороты очень быстры, может иногда проходить через его руки два, три или четыре раза в год. Поэтому страна, изобилующая купцами и владельцами мануфактур, обладает многочисленным классом людей, которые в любой момент могут, если захотят, ссудить правительству весьма значительную сумму денег. Отсюда способность граждан торгового государства ссужать деньги.

Торговля и мануфактурная промышленность редко могут процветать продолжительное время в государстве, которое не пользуется правильным отправлением правосудия, где население не чувствует себя обеспеченным в обладании своей собственностью, где сила договоров не поддерживается законом и где нет уверенности в том, что власть государства регулярно пускается в ход для вынуждения уплаты долгов всеми теми, кто в состоянии платить. Торговля и мануфактурная промышленность, одним словом, редко могут процветать в государстве, где не существует известной степени доверия к правосудию правительства. То доверие, которое располагает крупных купцов и владельцев мануфактур в нормальных условиях верить свою собственность защите и покровительству определенного правительства, располагает их в чрезвычайных обстоятельствах доверять этому правительству пользование ею. Ссужая правительству деньги, они даже ни на минуту не уменьшают возможности для себя продолжать свои торговые или промышленные операции,

напротив, они обыкновенно лишь увеличивают ее этим. Нужды государства делают правительство в большинстве случаев готовым занимать деньги на условиях, чрезвычайно выгодных для лица, дающего их. Обеспечение, какое правительство предоставляет первоначальному кредитору, может быть передаваемо любому другому кредитору и, в силу всеобщего доверия к государству, обычно продается на рынке по более высокой цене, чем первоначально было уплачено за него. Купец или денежный человек наживает деньги, ссужая деньги правительству, и не только не уменьшает, а, напротив, увеличивает свой торговый капитал. Поэтому он обыкновенно считает проявлением благосклонности к себе, когда правительство допускает его к участию в первоначальной подписке на новый заем. Отсюда готовность подданных торгового государства ссужать деньги.

Правительство такого государства очень склонно рассчитывать на такую способность и готовность его подданных ссужать свои деньги в чрезвычайных обстоятельствах. Оно предусматривает легкость занять деньги и потому освобождает себя от обязанности делать сбережения.

На низкой ступени развития общества не существует значительных торговых или промышленных капиталов. Лица, которые копят деньги, какие только могут сберечь, и прячут свои сбережения, делают это из недоверия к правосудию правительства, из боязни быть ограбленными, если только станет известным, что у них имеются сбережения и где эти сбережения можно найти. При таком положении вещей мало кто окажется в состоянии и никто не захочет ссужать свои деньги правительству в случаях чрезвычайной необходимости. Государь сознает тогда, что должен обеспечить себя на случай такой чрезвычайной нужды посредством бережливости, потому что предвидит абсолютную невозможность занять деньги. Это предвидение еще больше усиливает его естественную склонность делать сбережения.

Рост громадных долгов, которые в настоящее время гнетут и в конечном счете, вероятно, разорят все великие нации Европы, почти везде происходил однообразно. Нации, как и частные лица, начинали обыкновенно занимать, так сказать, под свой личный кредит, не предоставляя или не закладывая никакого специального фонда в обеспечение уплаты долга, а когда этот способ отказался служить, они перешли к займам под обеспечение или под залог специальных фондов.

Так называемый неконсолидированный долг Великобритании составил первым из указанных способов. Он состоит частью в долге, который не приносит или считается не приносящим процентов и который подобен долгам, заключаемым частным лицом по счетам, и частью в долге, приносящем проценты и подобном долгу, который частное лицо делает под вексель или под обязательство. Долги, вызванные чрезвычайными потребностями или непредусмотренными расходами или расходами, не оплаченными в тот момент, когда они были произведены, часть чрезвычайных расходов на армию, флот,

артиллерию, невыплаченные субсидии иностранным государям, невыплаченное жалование матросам и т. п. — составляют обычно долги первого рода. Билеты адмиралтейства и казначейства, которые выпускаются иногда в уплату части таких долгов, а иногда для других целей, составляют долги второго рода, причем казначейские билеты приносят проценты со дня выпуска, а билеты адмиралтейства через шесть месяцев после выпуска. Английский банк, добровольно учитывая эти билеты по их биржевой стоимости или вступая с правительством в соглашение о введении за определенную комиссию в обращение казначейских билетов, т. е. о принятии их по номинальной стоимости с уплатой причитающихся процентов, поддерживает их стоимость и облегчает их обращение и этим часто дает правительству возможность заключать очень значительные долги такого рода. Во Франции, где не существует банка, государственные билеты (*billets d'état*)¹ иногда продавались со скидкой в 60 и 70% номинальной стоимости. Во время большой переканки монеты в правление короля Вильгельма, когда Английский банк счел нужным приостановить свои обычные операции, казначейские билеты и купоны продавались, как сообщают, со скидкой от 25 до 60%; это было вызвано отчасти, без сомнения, предполагаемой непрочностью нового правительства, установленного революцией, но отчасти также отсутствием поддержки со стороны Английского банка.

Когда этот источник оказывался исчерпанным и становилось необходимо для получения денег предоставить в обеспечение или заложить какую-либо отрасль государственного дохода, правительство в различных случаях делало это двумя различными способами. Иногда оно устанавливало такое обеспечение или залог только на короткий период времени, например на год или на несколько лет, а иногда устанавливало их без срока. В первом случае предоставляемый фонд признавался достаточным для выплаты в течение непродолжительного времени как капитальной суммы долга, так и процентов на нее, во втором случае он признавался достаточным только для уплаты процентов или ежегодного дохода, равного причитающимся процентам, причем правительство сохраняло за собою право выкупить в любой момент эту вечную ренту, уплатив занятую им капитальную сумму. Когда деньги получались первым способом, это называлось срочным долгом, когда они занимались вторым способом, это называлось вечным или консолидированным долгом.

В Великобритании годовой оклад поземельного налога и налога на солод ежегодно получается правительством наперед в силу специальной статьи о займе, постоянно включаемой в законы, которые устанавливают эти налоги. Английский банк обычно авансирует суммы, в размере которых определены эти налоги, взимая процент, который со времени революции колеблется от 8 до 3, и суммы эти

¹ См. «Examen des Réflexions Politiques sur les Finances» [Речь идет о книге *J. Duverney*, Examen du livre intitulé «Réflexions Politiques sur les Finances et le Commerce». 1740. Эта книга Дюверне направлена против известной книги *Dutoit*, Réflexions Politiques etc. 1738.]

уплачиваются ему по мере поступления налогов. Если окажется недобор, — а это бывает всегда, — он покрывается из поступлений следующего года. Таким образом, единственная значительная отрасль государственных доходов, остающаяся еще не заложеной, регулярно расходуется еще до того, как поступает в казначейство. Подобно легкомысленному моту, неотложные нужды которого не позволяют ему выжидать регулярного поступления его доходов, государство постоянно производит займы у своих собственных агентов и комиссионеров и уплачивает проценты за пользование своими собственными деньгами.

В правление короля Вильгельма и в течение значительной части правления королевы Анны, когда мы еще не ознакомились так хорошо, как теперь, с практикой бессрочных займов, большая часть новых налогов устанавливалась лишь на короткий период времени (только на четыре, пять, шесть или семь лет), и значительная часть ассигнований каждого года состояла в займах под ожидаемые поступления от этих налогов. И так как поступления часто оказывались недостаточными для уплаты в короткий срок капитальной суммы долга и процентов по нему, то получалась недоимка, для покрытия которой становилось необходимым продлить срок.

В 1697 г. актом, изданным в 8-й год правления Вильгельма III, ст. 20, недоимки по ряду налогов были отнесены на так называвшуюся тогда первую общую закладную или фонд, который должен был составиться в результате продолжения до 1 августа 1706 г. нескольких налогов, срок которых истекал раньше и поступления от которых должны были составить один общий фонд. Недоимки, отнесенные к этому продолженному сроку, достигали 5 160 459 ф. 14 ш. 9¹/₄ п.

В 1701 г. эти налоги вместе с некоторыми другими были с той же целью продлены до 1 августа 1710 г. и получили название второй общей закладной или фонда. Отнесенные на него недоимки достигали 2 055 999 ф. 7 ш. 11¹/₂ п.

В 1707 г. налоги эти были продолжены еще раз, в качестве фонда для новых займов, до 1 августа 1712 г. и получили название третьей общей закладной или фонда. Сумма, занятая под них, равнялась 983 254 ф. 11 ш. 9¹/₄ п.

В 1708 г. эти налоги (за исключением старой субсидии — потонной и пофунтовой пошлины, лишь половина которой была включена в этот фонд, и пошлины на ввозимое шотландское полотно, отмененной ввиду закона о соединении Шотландии с Англией) были снова продлены, в качестве фонда для новых займов, до 1 августа 1714 г. и получили название четвертой общей закладной или фонда. Сумма, занятая под них, равнялась 925 176 ф. 9 ш. 2¹/₄ п.

В 1709 г. эти налоги (за исключением старой субсидии — потонной и пофунтовой пошлины, которая теперь была совсем выделена из этого фонда) были снова продлены с той же целью до 1 августа 1716 г. и получили название пятой общей закладной или фонда. Сумма, занятая под них, равнялась 922 029 ф. 6 ш.

В 1710 г. эти налоги опять были продолжены до 1 августа 1720 г. под названием шестой общей закладной или фонда. Сумма, занятая под них, достигала 1 296 552 ф. 9 ш. 11³/₄ п.

В 1711 г. эти же налоги (которые, следовательно, к этому времени служили обеспечением для четырех различных займов) вместе с некоторыми другими были продолжены бессрочно и составили фонд для оплаты процентов Южно-океанской компании, которая в этом году ссудила правительству для погашения долгов и покрытия дефицита сумму в 9 177 967 ф. 15 ш. 4 п.,—крупнейший заем, какой был в то время когда-либо произведен.

До этого периода главными и, насколько я мог установить, единственными налогами, которые вводились на вечное время для оплаты процентов по займу, были налоги, предназначенные для выплаты процентов за деньги, ссуженные правительству Английским банком и Остиндской компанией, и за суммы, какие ожидали получить, но какие никогда не были получены, от проектировавшегося Земельного банка. Банковский фонд в это время достигал 3 375 027 ф. 17 ш. 40¹/₂ п., на которые ежегодно выплачивалось 206 501 ф. 13 ш. 5 п. процентов. Остиндский фонд достигал 3 200 000 ф., и на него выплачивалось ежегодно 160 000 ф. процентов; банковский фонд оплачивался шестью процентами, остиндский—пятью процентами.

В 1715 г. актом первого года правления Георга I, гл. 12, различные налоги, выделенные в обеспечение ежегодных платежей Английскому банку, вместе с некоторыми другими, тоже превращенными этим актом в постоянные, были соединены в один общий фонд, на который были отнесены не только ежегодные платежи банку, но и различные другие ежегодные платежи и расходы. Этот фонд был потом увеличен актами, изданными в третий год правления Георга I, гл. 8, и в пятый год правления Георга I, гл. 3, и различные налоги, которые были тогда присоединены к нему, были тоже превращены в постоянные.

В 1717 г. актом третьего года правления Георга I, гл. 7, некоторые другие налоги были превращены в постоянные и объединены в другой общий фонд, названный «Соединенным фондом», для выплаты ряда обязательных ежегодных платежей, достигавших в общей сложности 724 849 ф. 6 ш. 40¹/₂ п.

В результате этих различных актов большая часть налогов, под которые раньше брались авансы лишь на короткий срок, была превращена в постоянные в виде фонда для уплаты не капитала, а только процентов на суммы, которые занимались под них путем ряда последовательных авансов.

Если бы займы делались правительством только в виде краткосрочных авансов, то в течение нескольких лет государственные доходы были бы освобождены от всяких обязательств, причем от правительства не требовалось бы никаких особых усилий, кроме воздержания от перегрузки фонда отнесением на него более значительных долгов, чем возможно выплатить в непродолжительный срок, и от нового аванса до погашения первого аванса. Но большинство европейских правительств было неспособно проявлять такое воздержан-

ние и осторожность. Они часто переобременяли фонд обеспечения уже при первом авансе; а если это и не имело места, они не упускали случая переобременить его, заключая второй и третий срочный заем до погашения первого. Поскольку в результате этого фонд становился совершенно недостаточным для уплаты и капитальной суммы долга и процентов на нее, оказывалось необходимым отнести на него только проценты или ежегодные платежи, равные причитающимся процентам; такие неблагоприятные авансовые займы неизбежно порождали еще более разорительную практику—бессрочный залог налоговых поступлений в обеспечение займов. Но хотя такая практика неизбежно отодвигает освобождение государственных доходов от лежащих на них обязательств с точно установленного срока на срок столь неопределенный, что он вряд ли когда-нибудь может наступить, все же, поскольку посредством этой новой практики могут быть получены суммы большие, чем при помощи прежнего метода краткосрочных авансов, эта новая практика, как только она стала известна, в моменты острой нужды государства повсеместно предпочиталась прежнему методу. Удовлетворение требований данного момента всегда больше всего занимает внимание тех, на ком непосредственно лежит управление общественными делами. Будущее освобождение государственных доходов от лежащих на них обязательств они предоставляют заботам потомства.

Во время правления королевы Анны рыночная норма процента понизилась с шести до пяти, и в двенадцатом году ее правления пять процентов были объявлены высшим процентом, какой мог законно взиматься за деньги, занятые под частное обеспечение. Вскоре после того, как большая часть временных налогов Великобритании была превращена в постоянные и распределена по соединенному, южно-океанскому и общему фондам, кредиторы государства, подобно кредиторам частных лиц, должны были согласиться на получение пяти процентов на свои деньги, что привело к экономии в 1% с капитальной суммы большей части долгов, консолидированных таким образом, или в одну шестую большей части ежегодных платежей, производившихся из трех вышеупомянутых фондов. Эта экономия оставляла значительный излишек от поступлений с налогов, соединенных в эти фонды, сравнительно с тем, что было необходимо для уплаты ежегодных платежей, отнесенных теперь на них, и положила начало фонду, названному впоследствии фондом погашения. В 1717 г. он достигал 323 434 ф. 7 ш. 7¹/₂ п. В 1727 г. норма процента по большей части государственных долгов была понижена еще больше, а именно до 4, а в 1753 и 1757 гг. до 3¹/₂ и 3; эти понижения нормы процента вели к еще большему увеличению фонда погашения.

Хотя фонд погашения учрежден для уплаты старых долгов, он значительно облегчает заключение новых. Он представляет собою вспомогательный фонд, всегда могущий служить обеспечением в подкрепление какого-нибудь другого сомнительного фонда, под который имеется в виду занять деньги в момент чрезвычайной нужды

государства. В дальнейшем достаточно выяснится, для какой из этих двух целей чаще всего употребляется фонд погашения Великобритании. Помимо указанных двух способов займа денег, посредством авансовых займов и консолидированных долгов, существует еще два других способа, занимающих как бы среднее место между ними. Это—займы под выплату ренты на определенное число лет и займы под выплату пожизненной ренты.

В правление короля Вильгельма и королевы Анны крупные суммы часто занимались под выплату ежегодной ренты в течение определенного срока, более или менее продолжительного. В 1693 г. был принят закон о займе одного миллиона на шестнадцать лет с ежегодной выплатой 14%, или 140 000 фунтов стерлингов. В 1691 г. был принят закон о займе в один миллион под выплату пожизненных рент, на условиях, которые в настоящее время показались бы очень выгодными. Но подписка не покрыла полностью суммы займа. В следующем году недостающая сумма была пополнена займом под выплату пожизненных рент из 14%, т. е. с капитализацией из семилетнего дохода. В 1695 г. лицам, приобретшим эти ренты, было предоставлено право обменять их на другие ренты, сроком на 96 лет, с уплатой в казначейство по 63 фунта на каждые сто фунтов, т. е. разница между 14%-ной пожизненной рентой и 14%-ной рентой на 96 лет оценивалась в 63 ф., или в сумме доходов за 4½ года. Правительство считалось настолько непрочным, что даже эти условия привлекли мало покупателей. В правление королевы Анны деньги в различных случаях занимались как под выплату пожизненных рент, так и под выплату срочных рент на 32, 89, 98 и 99 лет. В 1719 г. владельцам ренты на 32 года было предложено принять вместо них акции Южно-океанской компании на сумму доходности ренты за 11½ лет плюс добавочное количество акций на сумму накопившейся недоимки по их рентам. В 1720 г. в этот же фонд была превращена большая часть других рент на определенное число лет, долгосрочных и краткосрочных. Долгосрочные ренты к этому времени составляли 666 821 ф. 8 ш. 3½ п. в год, к 5 января 1775 г. их остаток достигал 136 453 ф. 12 ш. 8 п.

Во время двух войн, начавшихся в 1739 и 1755 гг., небольшие суммы денег занимались под срочные или пожизненные ренты. Рента на 98 или 99 лет стоит, однако, почти столько, сколько и вечная рента, и должна была бы, можно думать, служить не менее хорошим обеспечением для займов. Но лица, покупающие государственные процентные бумаги для осуществления семейных разделов и для обеспечения в отдаленном будущем, не захотят покупать такие бумаги, стоимость которых постоянно понижается, а такие люди составляют весьма значительную часть владельцев и покупателей процентных бумаг. Ввиду этого долгосрочная рента, хотя ее внутренняя стоимость может почти совсем не отличаться от стоимости вечной ренты, находит меньшее количество покупателей. Подписчики на новый заем, которые обычно имеют в виду, по возможности, скорее перепродать приобретенные фонды, в большинстве

случаев предпочитают вечную ренту, могущую быть выкупленной парламентом, не подлежащей выкупу долгосрочной ренте на ту же сумму. Стоимость первой может считаться всегда неизменной или почти неизменной, и ввиду этого она является гораздо более пригодной для перехода из рук в руки, чем вторая.

Во время обеих только что упомянутых войн срочные или пожизненные ренты предоставлялись только в виде премии подписчикам на новый заем, в добавление к подлежащей выкупу ежегодной ренте или к процентам, под обеспечение которых производился заем. Они предоставлялись не как обеспечение, под которое занимались деньги, а в виде добавочного поощрения лицам, сужающим деньги.

Пожизненные ренты иногда предоставлялись двумя различными способами—или по жизнь отдельных лиц, или по жизнь целой группы лиц, что во Франции называлось тонтиной по фамилии изобретателя этого способа. Когда ренты устанавливаются на срок жизни отдельных лиц, смерть каждого отдельного обладателя ренты уменьшает расход государства на сумму этой ренты. Когда ренты устанавливаются по системе тонтин, расход государства уменьшается только с момента смерти всех обладателей ренты, включенных в одну группу, могущую иногда состоять из двадцати или тридцати человек, из которых остающиеся в живых наследуют ренты всех тех, кто умирает до них, а последний из остающихся в живых получает в свою пользу ренты всей группы. Под одно и то же обеспечение всегда можно получить больше денег при системе тонтин, чем посредством пожизненных рент для отдельных лиц. Рента с правом наследования рент умирающих членов группы стоит в действительности больше, чем рента на такую же сумму по жизнь отдельного лица; ввиду веры в свою удачу, какую имеет каждый человек,—на ней основывается успех всех лотерей,—такая рента обычно продается несколько дороже своей номинальной стоимости. В странах, где правительство обычно достает деньги посредством предоставления рент, тонтин ввиду этого обычно предпочитают рентам по жизнь отдельных лиц. Способ, могущий дать больше всего денег, почти всегда предпочитается такому способу, который обещает всего быстрее уменьшить государственные расходы.

Во Франции гораздо большая часть государственных долгов состоит в пожизненных рентах, чем это имеет место в Англии. Согласно записке, представленной королю в 1764 г. Бордоским парламентом, весь государственный долг Франции оценивался в 2 400 миллионов ливров, причем капитал, на который были предоставлены пожизненные ренты, достигал, по предположению, трехсот миллионов, или восьмой части всего государственного долга. Сами ренты, как полагают, составляют тридцать миллионов в год, четвертую часть ста двадцати миллионов, т. е. предполагаемой суммы процентов по всему этому долгу. Мне хорошо известно, что эти исчисления не точны, но, поскольку они представлены столь почтенным учреждением как приближающиеся к истине, их можно, мне думается, признать таковыми. Это различие в способах занимать деньги, отличающее

правительства Франции и Англии, зависят не от различной степени заботливости, проявляемой ими для освобождения государственных доходов от лежащих на них обязательств. Оно зависит целиком от различия стремлений и интересов людей, ссужающих деньги.

В Англии, где местопребыванием правительства служит крупнейший торговый город мира, обыкновенно ссужают деньги правительству купцы. Ссужая их, они имеют в виду отнюдь не уменьшить, а, напротив, увеличить свои торговые капиталы; и они ни за что не подписывались бы на займы, если бы не рассчитывали продать с некоторой прибылью свою долю подписки на новый заем. Но если бы взамен ссужаемых денег они получали не бессрочные ренты, а только пожизненные, безразлично—на срок их собственной жизни или других лиц, они не всегда могли бы так легко продать их с прибылью. Ренты на срок их собственной жизни они всегда могли бы продать только с убытком, потому что никто не захочет дать за ренту на срок жизни другого человека, почти одного с ним возраста и здоровья, такую же цену, какую он дал бы за ренту на срок своей собственной жизни. Конечно, рента на срок жизни третьего лица имеет, без сомнения, одинаковую стоимость для покупателя и продавца, но ее действительная стоимость начинает уменьшаться с момента ее установления и продолжает все более уменьшаться в течение всего времени ее существования. Она поэтому никогда не может быть столько же удобной и легко передаваемой ценной бумагой, как бессрочная рента, действительная стоимость которой может считаться всегда неизменной или почти неизменной.

Во Франции местом пребывания правительства не служит большой торговый город и потому купцы не составляют столь значительного процента среди людей, ссужающих деньги правительству. Люди, занятые финансовыми операциями: главные откупщики, сборщики налогов, не сдаваемых на откуп, придворные банкиры и т. п., составляют большинство тех, кто ссужает деньги во всех случаях, когда они нужны государству. Такие люди бывают обычно низкого происхождения, но очень богаты и часто весьма спесивы. Они слишком спесивы, чтобы жениться на равных себе, а женщины из кругов знати не желают выходить за них. Они поэтому часто решают оставаться холостяками, не имея собственной семьи и не питая особенной привязанности к семьям своих родственников, которых они не всегда даже готовы признавать; они желают лишь жить в блеске и роскоши, пока не придет смерть, и не имеют ничего против того, чтобы их имущество исчезло вместе с ними самими. Помимо того, во Франции гораздо значительнее, чем в Англии, количество богатых людей, которые не расположены жениться или условия жизни которых делают для них брак неподходящим и неудобным. Для таких людей, мало или совсем не заботящихся о потомстве, ничего не может быть более удобным, чем обмен их капитала на постоянный доход, который будет получаться как раз до тех пор и не дольше, чем это им желательно.

Так как обыкновенные расходы большей части современных пра-

вительств в мирное время равны или почти равны их обыкновенным доходам, то при возникновении войны они и не хотят, и не в состоянии увеличить свои доходы соответственно увеличению своих расходов. Они не хотят этого из боязни вызвать неудовольствие народа, который вследствие столь значительного и внезапного увеличения налогов скоро настроится против войны; они не в состоянии сделать это ввиду того, что не знают, как следует, какие налоги окажутся достаточными, чтобы принести нужный доход. Легкая возможность занять деньги избавляет их от затруднения, в котором они в противном случае оказались бы благодаря опасениям и затруднениям. Посредством займов они получают возможность, при очень умеренном повышении налогов, доставать из года в год деньги, достаточные для ведения войны, а посредством практики вечных рент они оказываются в состоянии добывать ежегодно, при минимальном повышении налогов, максимальные суммы денег. В обширных государствах люди, живущие в столице и в провинциях, отдаленных от театра военных действий, почти не ощущают,—по крайней мере, многие из них,—никаких неудобств от войны, а наслаждаются, никем не тревожимые, чтением в газетах описания подвигов отечественного флота и армий. Для них это удовольствие окушает небольшую разницу между налогами, которые они уплачивают из-за войны, и теми, которые они привыкли платить в мирное время. Они обычно бывают недовольны при восстановлении мира, который кладет конец этому удовольствию, а также фантастическим надеждам на завоевание и приобретение национальной славы при дальнейшем продолжении войны.

Впрочем, восстановление мира редко избавляет их от большей части налогов, установленных во время войны. Эти налоги отданы в обеспечение процентов по займам, заключенным для ведения войны. Если сверх уплаты процентов по этим займам и покрытия обыкновенных расходов правительства прежние доходы вместе с новыми налогами дают некоторый излишний доход, он может быть обращен в фонд погашения этих займов. Но, во-первых, этот фонд погашения, даже при предположении, что им не будут пользоваться для других целей, обычно бывает совершенно недостаточен для выплаты всего долга, сделанного во время войны, за тот период времени, в течение которого можно не без основания ожидать сохранения мира. Во-вторых, этот фонд всегда обращается на другие цели.

Новые налоги были установлены с единственной целью платить проценты по займам, заключенным под них. Если они приносят больше, то этот излишек обычно не имелся в виду и не ожидался и потому редко бывает очень значительным. Фонды погашения обыкновенно составлялись не столько за счет излишков от налогов, превывавших суммы, необходимые для оплаты процентов или ежегодных рент, отнесенных на них, сколько вследствие последующего понижения этих процентов. Фонды погашения Голландии в 1655 г. и Перковой области в 1685 г. образовались именно таким образом. Это объясняет обычную недостаточность этих фондов.

Во время самого глубокого мира происходят различные события, требующие чрезвычайных расходов, и правительство всегда находит более удобным покрыть эти расходы посредством неправильного использования фонда погашения, чем посредством установления нового налога. Всякий новый налог немедленно же более или менее сильно ощущается народом. Он всегда вызывает некоторый ропот и порождает некоторое противодействие. Чем больше умножаются налоги, чем выше поднимаются ставки налогов, взимаемых с различных предметов обложения, тем громче жалуется население по поводу каждого нового налога, тем труднее становится также находить новые предметы обложения или повышать ставки уже существующих налогов. Временная же приостановка выплаты долга непосредственно не ощущается населением и не вызывает ропота или жалоб. Заимствование из фонда погашения всегда представляет простое и легкое средство для того, чтобы выйти из затруднений данного момента. Чем больше накопилось государственных долгов, чем более необходимо стремиться уменьшить их, чем опаснее и губительнее может быть использование не по назначению фонда погашения,—тем менее вероятно, чтобы государственные долги были уменьшены в сколько-нибудь значительной степени, тем вероятнее и несомненнее, что фонд погашения будет неправильно употребляться на покрытие всех чрезвычайных расходов, возникающих в мирное время. Когда какая-либо нация уже чрезмерно обременена налогами, ничто, кроме требований новой войны, ничто, кроме чувства национальной мести или опасения за национальную безопасность, не может побудить народ терпеливо подчиниться новому налогу. Это объясняет ставшее обычным неправильное использование фонда погашения.

В Великобритании с того времени, когда мы впервые прибегали к разорительному средству бессрочных долговых обязательств, уменьшение государственного долга в мирное время никогда не соответствовало увеличению его во время войны. Во время войны, начавшейся в 1688 г. и закончившейся Рисвикским договором в 1697 г., было положено основание существующему ныне громадному долгу Великобритании.

На 31 декабря 1697 г. государственные долги Великобритании, консолидированные и неконсолидированные, достигали 21 515 742 ф. 13 ш. 8 $\frac{1}{2}$ п. Значительная часть этих долгов была заключена под краткосрочные обязательства, а некоторая часть—под пожизненные ренты, так что к 31 декабря 1701 г., т. е. меньше чем за четыре года, частью была выплачена и частью возмещена держателям займов сумма в 5 121 041 ф. 12 ш. $\frac{3}{4}$ п.—наибольшее сокращение государственного долга, какое когда-либо с того времени производилось в столь короткий период времени. Таким образом, остающийся долг достигал лишь 16 394 701 ф. 1 ш. 7 $\frac{1}{3}$ п.

Во время войны, начавшейся в 1702 г. и закончившейся Утрехтским договором, государственные долги возросли еще больше: на 31 декабря 1714 г. они достигли суммы в 53 681 076 ф. 5 ш. 6 $\frac{1}{12}$ п.

Подписка на южно-океанский фонд кратко- и долгосрочных рент увеличила капитальную сумму государственного долга, так что на 31 декабря 1722 г. он достигал 55 282 978 ф. 1 ш. 3 $\frac{5}{6}$ п. Сокращение долга началось в 1723 г. и происходило так медленно, что к 31 декабря 1739 г., т. е. за 17 лет глубокого мира, вся выплаченная сумма не превысила 8 328 354 ф. 17 ш. 11 $\frac{3}{12}$ п., так что государственный долг к этому времени выражался в сумме 46 954 623 ф. 3 ш. 4 $\frac{7}{12}$ п.

Война с Испанией, начавшаяся в 1739 г., и война с Францией, последовавшая вскоре за нею, повели к дальнейшему увеличению долга, который на 31 декабря 1748 г., после окончания войны договором в Э-ла-Шапелль, достигал 78 293 313 ф. 1 ш. 10 $\frac{3}{4}$ п. Глубокий мир, длившийся семнадцать лет, уменьшил его не более чем на 8 328 354 ф. 17 ш. 11 $\frac{3}{12}$ п. Война, продолжавшаяся менее девяти лет, увеличила его на 31 338 689 ф. 18 ш. 6 $\frac{1}{6}$ п.¹

Во время министерства Пельгэма проценты по государственному долгу были понижены или, по крайней мере, были приняты меры к понижению их с четырех до трех на сто; фонд погашения увеличился, и некоторая часть государственного долга была погашена. В 1755 г., накануне возникновения последней войны, консолидированный долг Великобритании достигал 72 289 673 ф. К 15 января 1763 г., при заключении мира, консолидированный долг достигал 122 603 336 ф. 8 ш. 2 $\frac{1}{4}$ п. Неконсолидированный долг оценивался в 13 927 589 ф. 2 ш. 2 п. Но расходы, вызванные войною, не прекратились с заключением мира, так что, хотя к 5 января 1764 г. консолидированный долг увеличился (отчасти благодаря новому займу и отчасти в результате консолидации части текущего долга) до 129 586 789 ф. 10 ш. 1 $\frac{3}{4}$ п., оставался еще (согласно данным очень хорошо осведомленного автора «Рассуждения о торговле и финансах Великобритании»²) неконсолидированный долг, в этом и следующем году доходивший до 9 975 017 ф. 12 ш. 2 $\frac{15}{44}$ п. Таким образом, согласно этому автору, в 1764 г. государственный долг Великобритании, консолидированный и текущий, достигал суммы 139 516 807 ф. 2 ш. 4 п. Кроме того, пожизненные ренты, предоставленные в виде премии подписчикам на новые займы в 1757 г. и капитализированные по доходности за 14 лет, оценивались в 472 500 ф., а долгосрочные ренты, тоже предоставленные в виде премии в 1761 и 1762 гг. и капитализированные по доходности за 27 $\frac{1}{2}$ лет, оценивались в 6 826 875 ф. За время мира в течение около семи лет осторожное и поистине патриотическое управление Пельгэма не смогло погасить старых долгов на шесть миллионов. За время войны, длившейся почти столько же времени, были сделаны новые долги на 75 миллионов с лишком.

¹ См *James Postlethwaite, History of the public revenue*. [Полное название: «History of the public revenue from the Revolution to the present time». London 1758.]

² [Смит имеет в виду анонимное сочинение «Considerations on the trade and finances of the Kingdom». London 1766, приписываемое лорду Гренвиллю.]

На 5 января 1775 г. консолидированный долг Великобритании достигал 124 996 086 ф. 1 ш. 6¹/₄ п., неконсолидированный долг, не считая большого долга по гражданскому листу, достигал 4 150 236 ф. 3 ш. 11⁷/₈ п. Вместе это составляет 129 146 322 ф. 5 ш. 6 п. Согласно этому счету, за 11 лет полного мира было погашено всего 10 415 474 ф. 16 ш. 9⁷/₈ п. долга. Но даже и это незначительное сокращение долга произведено не целиком за счет сбережений из обыкновенных доходов государства. Различные чрезвычайные поступления, совершенно не зависящие от обыкновенных доходов, были употреблены для этой цели. В числе их мы можем указать добавочный шиллинг с каждого фунта поземельного налога, взимающийся в течение трех лет, два миллиона, полученные от Остиндской компании в возмещение за ее территориальные приобретения, и 110 000 ф., полученных от Английского банка за возобновление его привилегии. К этому следует добавить ряд других сумм, которые, пожалуй, следует вычесть из общей суммы издержек последней войны, поскольку они получены благодаря ей. Главные из них таковы:

	ф.	ш.	п.
Выручка от захвата французских кораблей	690 449	18	9
Возмещение за французских пленных	670 000	0	0
Выручка при продаже уступленных островов	95 500	0	0
Итого	1 455 949	18	9

Если добавить к этой сумме остаток по счетам лорда Чатама и Калькрафта и другие сбережения подобного же рода на содержание армии вместе с суммами, полученными от Английского банка, Остиндской компании и от добавочного шиллинга с фунта поземельного налога, то общий итог должен значительно превысить пять миллионов. Таким образом, погашение государственного долга за время мира за счет сбережений из обыкновенных доходов не превышало в среднем полумиллиона в год. Без сомнения, фонд погашения был значительно увеличен после заключения мира в результате выплаты части долга, понижения процентов по выкупаемым обязательствам с четырех до трех и погашения части пожизненных рент; и если бы мир продолжался, то миллион, наверное, можно было бы ежегодно уделять из него на погашение долга. Действительно, за минувший год был выплачен миллион, но в то же самое время был оставлен непоплаченным значительный долг по гражданскому листу, а теперь мы вовлечены в новую войну, которая в дальнейшем может оказаться столь же дорогой, как и предыдущие войны¹. Новый долг, который, вероятно, будет сделан до окончания следующей кампании, будет, наверное, приблизительно равняться той сумме, на какую был умень-

¹ Действительно, эта война потребовала больше расходов, чем какая-либо из прежних войн, и вовлекла нас в добавочный долг свыше ста миллионов. В течение одиннадцати лет глубокого мира мы выплатили немного более десяти миллионов долга; в течение же семи лет войны мы сделали долг более чем на сто миллионов. [Смит имеет в виду начавшуюся в 1775 г. войну Англии с ее североамериканскими колониями.]

шен старый долг за счет сбережений по обыкновенным доходам государства. Поэтому было бы совершенно неосновательно ожидать, что государственный долг может быть когда-либо полностью погашен посредством возможных сбережений из обыкновенных доходов при их нынешнем состоянии.

Государственные долговые обязательства различных европейских наций, обремененных налогами, в частности Англии, один автор¹ считает суммой огромного капитала, который добавлен к наличному капиталу страны и посредством которого расширяется ее торговля, умножаются ее мануфактуры, улучшаются и обрабатываются ее земли в значительно больших размерах, чем это было бы возможно посредством одного только наличного капитала. Он не принимает во внимание, что капитал, предоставленный первыми кредиторами государства правительству, представлял собою с того самого момента, как был ссужен государству, известную часть годового продукта, отвлеченную от своей функции капитала для того, чтобы служить доходом, отвлеченную от содержания производительного труда к содержанию непроизводительных работников и к тому, чтобы быть израсходованной и растроченной в течение года, даже без надежды на воспроизводство в будущем. В обмен на предоставленный капитал кредиторы, правда, получили ежегодную ренту из государственных средств, в большинстве случаев большей стоимости. Эта рента, без сомнения, возместила им их капитал и позволила им вести их торговлю и операции в прежних или, может быть, в еще более широких размерах; это значит, что они получили возможность или занимать у других лиц новый капитал под обеспечение этой ренты, или, продав ее, получить от третьих лиц новый собственный капитал, равный или даже превышающий тот, какой они ссудили правительству. Однако этот новый капитал, приобретенный или занятый ими у третьих лиц, должен был существовать в стране раньше и должен был, как все капиталы, употребляться на содержание производительного труда. Когда он перешел в руки тех, кто ссудил свои деньги правительству, хотя он и явился в некоторых отношениях новым капиталом для них, он не стал таковым для страны; он лишь представлял собою капитал, отвлеченный от одного употребления для того, чтобы быть обращенным на другое. Хотя он возместил им капитал, ссуженный ими правительству, он не возместил его стране. Если бы они не ссудили этого капитала правительству, в стране было бы два капитала, две части годового продукта, вместо одной, затрачиваемые на содержание производительного труда.

Когда для покрытия расходов правительства получается ежегодно доход в виде поступлений от свободных или незаложенных налогов, известная доля дохода частных лиц отвлекается от содержания одного вида непроизводительного труда на содержание другого. Несомненно, некоторая часть сумм, уплачиваемых ими в виде этих

¹ [Смит, повидимому, имеет в виду известную книгу: *Pinto, Traité de la circulation et du crédit*. Amsterdam 1771.]

налогов, могла бы быть превращена в капитал, а следовательно употреблена на содержание производительного труда, но более значительная часть, вероятно, была бы израсходована, а следовательно употреблена на содержание непроизводительного труда. Покрытие государственных расходов таким способом, без сомнения, затрудняет в большей или меньшей степени дальнейшее накопление нового капитала, но оно не ведет необходимо к уничтожению какой-либо доли фактически существующего капитала.

Когда же государственные расходы покрываются бессрочными займами, они покрываются путем ежегодного уничтожения некоторого капитала, до того существовавшего в стране, поскольку некоторая часть годового продукта, которая раньше предназначалась для содержания производительного труда, отвлекается на содержание труда непроизводительного. Однако, так как в этом случае налоги оказываются более легкими, чем они были бы, если бы суммы, достаточные для покрытия этих же расходов, собирались в течение одного года, то частный доход отдельных лиц неизбежно меньше обременяется и вследствие этого значительно меньше ослабляется их способность сберегать и обращать часть этого дохода в капитал. Если практика займов в большей мере уничтожает уже существовавший капитал, то одновременно с этим она в меньшей мере препятствует накоплению или приобретению нового капитала, чем метод покрытия государственных расходов доходами, собираемыми в течение данного года. При системе займов бережливость и трудолюбие частных лиц могут гораздо легче заполнить брешь, которые расточительность и неосмотрительность правительства могут в тех или иных случаях делать в совокупном капитале общества.

Впрочем, эта система бессрочных займов имеет такое преимущество перед другой системой только во время войны. Если бы военные расходы покрывались всегда доходом, получаемым в течение года, то налоги, дающие этот чрезвычайный доход, отменялись бы с окончанием войны. Способность частных лиц накапливать, меньшая во время войны, была бы большей в мирное время, чем при системе бессрочных займов. Война не обязательно приводила бы к уничтожению части существовавших уже капиталов, а мир приводил бы к накоплению значительных новых капиталов. Войны, по общему правилу, заканчивались бы гораздо быстрее и затевались бы не столь опрометчиво. Население, чувствуя во все время войны целиком всю тяжесть ее, скоро стало бы тяготиться ею; правительство, чтобы удовлетворить его, не было бы вынуждено вести ее дольше, чем это необходимо. Предвидение тяжелого и неизбежного бремени войны удерживало бы народ от опрометчивого требования ее, когда нет действительных и серьезных оснований вести ее. Периоды, в течение которых способность частных лиц накапливать несколько ослабляется, повторялись бы реже и были бы короче. Напротив того, периоды, в течение которых эта способность достигает максимальных размеров, были бы гораздо продолжительнее, чем это может быть при системе бессрочных фундированных долгов.

Помимо того, когда бессрочные фундированные долги достигли значительных размеров, умножение налогов, вызываемое этим, иногда уменьшает способность частных лиц накапливать даже в мирное время столь же сильно, как другая система делает это во время войны.

Доходы Великобритании в мирное время превышают ныне 10 миллионов фунтов в год. Если бы они были свободны от обязательств и не заложены, их могло бы хватить, при надлежащем управлении и не делая ни на один шиллинг новых долгов, на ведение самой упорной войны. Частный доход жителей Великобритании ныне не менее обременен в мирное время, а их способность накапливать ослаблена не меньше, чем это было бы во время наиболее дорого стоящей войны,—и все это в результате применения губительной системы бессрочных займов.

Как утверждали, при уплате процентов по государственному долгу деньги из правой руки переходят в левую. Деньги не выходят за пределы страны. При этом доля дохода одной части населения переходит к другой, и нация ни на грош не становится беднее. Эта апология целиком основывается на софистике меркантилистической системы, и после подробного рассмотрения, какому я уже подверг эту систему, представляется, пожалуй, излишним распространяться дальше на эту тему. Она предполагает также, что держателями государственных займов являются исключительно жители данной страны, а это как раз и неверно; голландцы, а также ряд других иностранных наций обладают весьма значительной долей наших государственных займов. Но даже если бы весь долг принадлежал жителям страны, он из-за этого не был бы менее губителен.

Земля и денежные капиталы составляют два основных источника всякого дохода как частного, так и государственного. Денежный капитал оплачивает заработную плату производительного труда, занятого в земледелии, в мануфактурной промышленности или в торговле. Распоряжение этими двумя основными источниками дохода принадлежит двум различным группам—собственникам земли и владельцам денежного капитала или предпринимателям.

Землевладелец заинтересован ради сохранения своего дохода в содержании своего владения в возможно лучшем состоянии,—он должен строить и ремонтировать дома своих арендаторов, производить и поддерживать необходимые осушения земель и огораживания их, а также все другие дорого стоящие улучшения, какие надлежит делать и поддерживать землевладельцу. Но в результате различных поземельных налогов доход землевладельца может быть так сильно уменьшен, а благодаря различным налогам на предметы необходимости и удобства он может быть сведен к столь незначительной действительной стоимости, что землевладелец может увидеть себя совершенно неспособным производить или поддерживать эти дорогие улучшения. Но когда землевладелец перестает выполнять лежащие на нем обязанности, то становится совершенно невозможным, чтобы арендатор продолжал выполнять свои. По мере уве-

личения затруднений землевладельца сельское хозяйство страны неизбежно приходит в упадок.

Когда владельцы капитала, производительно прилагающие его, находят, что вследствие различных налогов на предметы необходимости и удобств получаемый от него доход не дает возможности в данной стране приобретать такое же количество предметов необходимости и удобств, какое можно было бы приобрести на равный доход в любой другой стране, они проявляют склонность переселиться в другую страну. А если при взимании этих налогов все или большая часть купцов и владельцев мануфактур, т. е. все или большая часть крупных капиталистов оказываются обреченными на оскорбительные и неприятные посещения сборщиков налогов, эта склонность переселиться скоро претворится в фактическое переселение. Промышленная деятельность в стране неизбежно придет в упадок с отливом капитала, питавшего ее, и замирание торговли и промышленности будет сопровождаться упадком земледелия.

Передача большей части дохода с земли и капитала от владельцев этих двух главных источников дохода, т. е. от лиц, непосредственно заинтересованных в хорошем состоянии каждого клочка земли и в надлежащем употреблении каждой доли капитала, другой группе лиц (кредиторам государства, не имеющим такого специального интереса) должна в конечном счете привести к небрежному обращению с землей и к расточению или отливу капитала. Не подлежит сомнению, что кредитор государства заинтересован, в общем, в процветании земледелия, промышленности и торговли страны, а следовательно в хорошем состоянии ее земель и в надлежащем употреблении ее капиталов. При общем упадке одного из этих факторов выручка от различных налогов может оказаться уже недостаточной для того, чтобы производить уплату следуемой ему ежегодной ренты или процентов. Но кредитор государства, рассматриваемый только в этом своем качестве, ни малейшим образом не заинтересован в хорошем состоянии какой-нибудь определенной части земли или в надлежащем употреблении какой-нибудь определенной доли капитала; в качестве кредитора государства он не знает ни одной такой отдельной части, он не наблюдает за ней, не может проявлять заботу о ней. Ее уничтожение может в некоторых случаях оставаться неизвестным ему и не может непосредственно отразиться на нем.

Практика бессрочных фондируемых займов приводила к постепенному ослаблению всех государств, которые усваивали ее. Начали применять ее, как кажется, итальянские республики. Генуя и Венеция, единственные две уцелевшие республики, которые могут претендовать на самостоятельное существование, обе были ослаблены ею. Испания, повидимому, переняла эту практику у итальянских республик и (ввиду того, что ее налоги были, вероятно, менее справедливы, чем у них) была еще более ослаблена сравнительно с своими естественными силами. Долги Испании очень давнего происхождения. Она была значительно обременена долгами еще в конце XVI столетия, т. е. почти за целых сто лет до того, как Англия имела

долг хотя бы в один шиллинг. Франция, несмотря на все свои естественные богатства, изнемогает под таким же тяжелым бременем. Республика Соединенных провинций¹ своими долгами ослаблена не меньше Генуи и Венеции. Вероятно ли, чтобы в одной только Великобритании практика, которая приносила всякой другой стране слабость или затруднения, могла оказаться совсем не вредной?

Могут возразить, что во всех этих странах налоговая система хуже той, которая существует в Англии. Согласен, что это так. Но не следует забывать, что даже самое мудрое правительство, когда оно исчерпало все подходящие объекты обложения, должно в случаях настоятельной необходимости прибегать к совсем неподходящим. Мудрая Голландская республика в некоторых случаях бывала вынуждена прибегать к налогам, столь же нецелесообразным и неудобным, как большинство налогов Испании. Новая война, начавшаяся до того, как будет освобождена от лежащих на ней обязательств значительная часть государственного дохода, и в ходе своем требующая столь же больших расходов, как и последняя война, может с непреодолимой необходимостью сделать британскую систему обложения столь же обременительной, как и налоговая система Голландии или даже Испании. К чести существующей ныне у нас системы обложения, она до сих пор так мало затрудняла развитие промышленности, что даже за время вызывавших наибольшие расходы войн воздержание и надлежащее поведение отдельных лиц оказывались, повидимому, в состоянии благодаря бережливости и накоплению заполнять все те бреши, которые расточительность и небрежность правительства вызывали в совокупном капитале страны. К моменту окончания последней войны, связанной с наибольшими расходами, какие когда-либо приходилось Великобритании нести во время войны, ее земледелие столь же процветало, ее мануфактуры были столь же многочисленны и работали столь же полным ходом, ее торговля велась в столь же широких размерах, как и прежде. Отсюда следует, что капитал, питавший все эти отрасли производительного труда, не уменьшился за время войны. Со времени заключения мира состояние сельского хозяйства улучшилось еще больше, рента с домов повысилась во всех городах и селах страны,—доказательство возрастания богатства и доходов населения; точно так же непрерывно возрастали ежегодные поступления от большей части старых налогов, в частности—главных акцизов и пошлин, что тоже служит ясным доказательством увеличения потребления, а следовательно и увеличения продукции, без которого не может быть и роста потребления. Великобритания, кажется, легко выносит бремя, которое полвека тому назад никто не считал ее способной выдержать. Однако не станем ввиду этого слишком поспешно заключать, что она способна выдержать любое бремя, и даже слишком полагаться на то, что она сможет выдержать, не переживая больших бедствий, бремя, несколько более тяжелое, чем то, какое уже взвалено на нее.

¹ [Т. е. Голландия.]

Не было, кажется мне, еще почти ни одного примера того, чтобы национальные долги, накопившиеся до известных пределов, были потом полностью и честно выплачены. Освобождение государственных доходов от лежащих на них обязательств, если оно вообще когда-нибудь происходило, всегда производилось посредством банкротства,—в некоторых случаях открыто признанного, но всегда настоящего банкротства, хотя часто в виде фиктивного платежа.

Изменение объявленной стоимости монеты в сторону повышения служило наиболее употребительным средством, при помощи которого фактическому государственному банкротству придавался вид уплаты долгов. Если, например, монета в 6 пенсов объявлялась актом парламента или королевским указом стоящей столько, сколько шиллинг, а двадцать шестипенсовых монет—скольким фунт стерлингов, то лицо, которое заняло, при прежнем обозначении монеты, 20 шиллингов, или около 4 унций серебра, заплатит, при новом обозначении, свой долг двадцатью шестипенсовыми монетами, или немного менее чем двумя унциями. Национальный долг в размере около 128 миллионов, почти равный капиталу консолидированного и неконсолидированного долга Великобритании, можно было бы таким путем погасить уплатой 64 миллионов нашими теперешними деньгами. Но на самом деле это была бы фиктивная уплата, и кредиторы государства были бы фактически ограблены в размере 10 шиллингов с каждого фунта, должного им. При этом бедствие распространилось бы дальше круга кредиторов государства,—такую же потерю понесли бы и кредиторы каждого частного лица, и последнее не сопровождалось бы никакой выгодой, но в большинстве случаев было бы связано с добавочными значительными потерями для кредиторов государства. Конечно, если бы эти последние в общем были должны значительные суммы другим людям, то они могли бы в некоторой мере компенсировать свои потери, платя своим кредиторам той же монетой, какую заплатило им государство; но в большинстве стран большая часть кредиторов государства принадлежит к числу богатых людей, которые выступают больше в роли кредиторов, чем должников по отношению к остальным своим согражданам. Таким образом, фиктивная уплата такого рода, вместо того, чтобы уменьшить, в большинстве случаев только увеличивает потери кредиторов государства и, не принося никакой выгоды обществу, распространяет бедствие на значительное число других невинных людей. Она вызывает общее и чрезвычайно опасное перемещение состояний частных людей, обогащая в большинстве случаев ленивого и расточительного должника за счет трудолюбивого и бережливого кредитора и перенося значительную часть национального капитала из рук тех, кто скорее всего увеличит его, в руки тех, кто, вероятно, расстроит и уничтожит его. Когда государство оказывается в необходимости, как это бывает и с отдельным частным лицом, объявить себя банкротом, то честное, открытое и признанное банкротство всегда является мерой, которая наименее позорит должника и меньше всего причиняет вреда кредитору. О репутации государства, несомненно,

очень мало заботятся, когда в целях избежания позора действительного банкротства прибегают к мошеннической уловке этого рода, столь легко разгадываемой и в то же самое время столь губительной.

Тем не менее, почти все государства, как древние, так и современные, когда они оказывались перед такой необходимостью, в ряде случаев прибегали как раз к этой мошеннической уловке. Римляне в конце первой Пунической войны уменьшили содержание меди в ассе,—монете, посредством которой они исчисляли стоимость всех других своих монет,—с 12 унций всего только до 2, т. е. двум унциям меди они дали название, каким раньше выражали всегда стоимость 12 унций. Республика таким образом получила возможность уплатить крупные долги, которые она сделала посредством шестой части того, что она в действительности была должна. Мы в настоящее время склонны были бы предполагать, что столь неожиданное и грандиозное банкротство должно было вызвать очень сильное возмущение народа. Но, повидимому, оно ничего подобного не вызвало. Закон, устанавливающий эту меру, подобно всем другим законам, относящимся к денежному обращению, был внесен и проведен через народное собрание трибуном и, вероятно, был очень популярным законом. В Риме, как и во всех других древних республиках, бедняки были постоянно задолжены богатым и знатным, которые, желая обеспечить себе их голоса на ежегодных выборах, обычно ссужали им деньги под чрезмерно высокие проценты; так как последние никогда не уплачивались, то долг скоро возрастал до таких размеров, что ни должник не мог заплатить его сам, ни кто-либо другой за него. Должник из страха весьма сурового взыскания вынужден был, без всякого вознаграждения, голосовать за кандидата, рекомендуемого кредитором. Несмотря на все законы против подкупов и взяток, подачки кандидатов, вместе с происходившей время от времени раздачей хлеба, согласно постановлению сената, представляли собою главные источники, из которых в последний период Римской республики беднейшие граждане получали свои средства к существованию. Для того, чтобы освободиться от такого порабощения своим кредиторам, беднейшие граждане постоянно требовали или полной отмены всех долговых обязательств, или, как они выражались, новых таблиц, т. е. закона, который освобождал бы их целиком от накопившихся на них долгов при уплате лишь определенной доли последних. Закон, уменьшивший до одной шестой части стоимость монеты всех обозначений, самым выгодным образом шел навстречу их требованию, так как давал им возможность уплатить свои долги посредством шестой части того, что они были фактически должны. Для успокоения народа богатые и знатные неоднократно бывали вынуждены соглашаться на издание законов, отменяющих долги и вводящих новые таблицы; они, вероятно, побуждались соглашаться на этот закон отчасти из-за указанных выше соображений, а отчасти потому, что, освободив от бремени долгов государственные доходы, они могли восстановить силу правительства, руководство

которым находилось главным образом в их собственных руках. Операция такого рода должна была сразу уменьшить долг в 128 миллионов до 21333333 ф. 6 ш. 8 п. Во время второй Пунической войны стоимость асса была снова понижена, сперва с 2 унций меди до 1 унции, а потом с 1 унции до пол-унции, т. е. до одной двадцатой четвертой части его первоначальной стоимости. Соединив три римские операции в одну, долг в 128 миллионов на наши деньги можно было бы таким образом уменьшить сразу до 5 333 333 ф. 6 ш. 8 п. Даже громадный долг Великобритании можно было таким способом скоро выплатить.

Посредством таких меропрятий, если не ошибаюсь, монета всех наций постепенно все более и более понижалась сравнительно с своей первоначальной стоимостью, и та же самая номинальная сумма постепенно стала содержать все меньшее и меньшее количество серебра.

Иногда народы для той же цели изменяли пробу своей монеты, т. е. примешивали к ней большее количество лигатуры. Если бы, например, на фунт по весу нашей серебряной монеты примешивалось 8 унций лигатуры вместо 18 пенсов весом, согласно теперешней пробе, то фунт стерлингов или 20 шиллингов такой монеты стоил бы не многим больше 6 ш. 8 п. на наши теперешние деньги. Количество серебра, содержащееся в 6 ш. 8 п. на наши теперешние деньги, было бы таким образом повышено в стоимости почти до фунта стерлингов. Искажение пробы сопровождается совершенно тем же результатом, как и так называемое у французов повышение обозначения монеты.

Увеличение или прямое повышение обозначения монеты всегда представляет собою и по самому своему характеру должно быть гласной и общепризнанной операцией. В результате ее монеты меньшего веса и размера получают такое же название, какое раньше было присвоено монетам большего веса и размера. Изменение пробы, напротив, обычно бывало скрытой операцией. В результате ее монетным двором выпускались в обращение монеты того же обозначения и, по мере возможности, того же веса, размера и внешнего вида, какие имели монеты гораздо большей стоимости, обращавшиеся до того. Когда французский король Иоанн¹ для уплаты своих долгов прибег к порче своей монеты, со всех служащих монетного двора была взята присяга о сохранении этого в тайне. Обе операции несправедливы, но простое повышение объявленной стоимости монеты представляет собою дело открытого насилия, тогда как порча монеты не что иное, как обман и мошенничество. Поэтому последний прием, как только узнавали о нем, — а скрыть это на продолжительное время никогда нельзя, — всегда возбуждал гораздо большее негодование, чем операция первого рода. Очень редко бывало, чтобы монета, после скольконибудь значительного увеличения ее объявленной стоимости, снова доводилась до своего прежнего вида, тогда как после величайшей порчи она почти всегда доводилась до прежнего содержа-

¹ См. Словарь Дюканжа (слово «Moneta»), бенедиктинское издание

ния металла. Почти никогда не удавалось успокоить возмущение народа иным путем.

В конце правления Генриха VIII и в начале правления Эдуарда VI английская монета была не только повышена в своей номинальной стоимости, но и подвергалась порче своей пробы. Такой же обман практиковался в Шотландии во время несовершеннолетия Якова VI. То же самое делалось и в большинстве других стран.

Повидимому, совершенно напрасно ожидать, чтобы государственные доходы Великобритании были когда-либо вполне освобождены от лежащих на них обязательств или даже чтобы были сделаны сколько-нибудь значительные успехи на пути к этому освобождению, раз излишек доходов или остаток после покрытия ежегодных издержек управления мирного времени так ничтожен. Вполне очевидно, что такое освобождение никогда не может быть произведено без весьма значительного увеличения государственных доходов или столь же значительного сокращения государственных расходов.

Более равномерный поземельный налог, более равномерный налог на ренту с домов и такие изменения в современной системе пошлин и акцизов, которые указаны в предыдущей главе, могли бы, пожалуй, не увеличивая бремени, лежащего на большей части народа, а только распределяя более равномерно его тяжесть между всеми жителями страны, привести к значительному увеличению дохода. Но и самый крайний оптимист вряд ли сможет обольщать себя надеждой, что какое-либо увеличение этого рода позволит вполне освободить государственные доходы или настолько приблизиться к такому освобождению за время мира, чтобы предотвратить или компенсировать дальнейшее накопление государственных долгов во время ближайшей войны.

Распространив британскую систему обложения на все области империи, населенные лицами британского или европейского происхождения, можно было бы ожидать гораздо большего увеличения доходов. Впрочем, это вряд ли может быть осуществлено без нарушения принципов британской конституции и без включения в британский парламент или, если хотите, в генеральные штаты Британской империи справедливого и равномерного представительства всех этих областей; представительство каждой области должно было бы находиться в таком же соответствии с суммой уплачиваемых ею налогов, в каком представительство Великобритании находится с суммой налогов, взимаемых в Великобритании. Частные интересы многих могущественных людей, закоренелые предрассудки народных масс в настоящее время, как кажется, ставят для столь серьезной реформы такие препятствия, которые, может быть, очень трудно, а, пожалуй, и совершенно невозможно преодолеть. Тем не менее, не претендуя решать вопрос о том, насколько осуществимо или неосуществимо такое объединение, не будет, пожалуй, неуместным в теоретическом исследовании, каким является настоящее сочинение, выяснить, в какой мере британская система обложения может быть применена к различным областям империи, какого дохода

можно ожидать от нее в таком случае и как может отразиться объединение такого рода на благоденствии и благосостоянии различных областей, включенных в него. Такие рассуждения, в худшем случае, могут быть признаны новой утопией, несомненно, менее интересной, но не более бесполезной и химеричной, чем какая-нибудь старая.

Поземельный налог, штемпельные сборы и разного рода таможенные пошлины и акцизы составляют четыре главные группы британских налогов.

Ирландия, несомненно, столь же в состоянии, а наши американские и вестиндские поселения еще больше в состоянии платить поземельный налог, чем Великобритания. Там, где землевладелец не обложен ни десятиной, ни налогом на бедных, он, разумеется, должен иметь большую возможность уплачивать этот налог, чем там, где на него взвалены оба эти бремени. Десятина в тех местах, где она не заменяется определенной суммой денег и взимается натурой, уменьшает ренту землевладельца более значительно, чем поземельный налог в размере 5 шилл. с фунта. Такая десятина в большинстве случаев превышает четверть действительной ренты с земли или того, что остается после полного возмещения капитала фермера вместе с умеренной прибылью на него. Если не считать все десятины в денежной форме и все десятины, отчужденные в пользу светских лиц, то всю церковную десятину Великобритании и Ирландии следует определять не меньше чем в шесть или семь миллионов. Если бы в Великобритании и Ирландии совсем не существовало десятины, землевладельцы могли бы платить на шесть или семь миллионов добавочного поземельного налога, не будучи обременены больше того, чем обременено в настоящее время большинство их. Америка не платит десятины и потому без труда может платить поземельный налог. Правда, земли в Америке и в Вест-Индии, по общему правилу, не сдаются в аренду. Поэтому их нельзя облагать в соответствии с уплачиваемой рентой. Но и земли Великобритании в 4-й год правления Вильгельма и Марии были обложены не соответственно ставкам арендных договоров, а в соответствии с очень приблизительной и неточной оценкой. Земли в Америке могли бы быть обложены или таким же образом, или на основании справедливой оценки согласно данным точного обследования, как это недавно было сделано в Миланском герцогстве и в владениях Австрии, Пруссии и Сардинии.

Штемпельные и гербовые сборы могут, очевидно, взиматься без всяких изменений во всех странах, где формы судопроизводства и акты, посредством которых совершается передача реальной и личной собственности, одинаковы или почти одинаковы.

Распространение на Ирландию и колонии таможенных законов Великобритании, при условии, что оно сопровождалось бы, как этого требует справедливость, распространением на них свободы торговли, было бы в высшей степени выгодно им. Сразу был бы положен конец всем завистливым ограничениям, которые ныне стесняют торговлю Ирландии, различию между так называемыми перечисленными

и перечисленными товарами Америки. Страны, расположенные к северу от мыса Финистера, стали бы столь же открыты для всех решительно продуктов Америки, как открыты в настоящее время страны, находящиеся южнее этого мыса для некоторых ее продуктов. Вследствие такого единообразия таможенных законов торговля между всеми различными частями Британской империи сделалась бы столь же свободной, как и прибрежная торговля Великобритании в настоящее время. Британская империя таким образом создала бы в своих пределах громадный внутренний рынок для всех продуктов всех своих областей. Столь большое расширение рынка скоро возместит Ирландии и колониям все, что они потеряют от увеличения таможенных пошлин.

Акцизные сборы представляют собою единственную часть британской системы обложения, которая потребует видоизменений применительно к различным областям империи, где она будет вводиться. В Ирландии она может быть применена без всяких изменений, поскольку производство и потребление этого королевства по характеру своему ничем не отличается от Великобритании. При применении ее в Америке и Вест-Индии, производство и потребление которых так сильно отличается от Великобритании, могут оказаться необходимыми некоторые видоизменения, как это было сделано при применении ее в графствах Англии, славящихся производством сидра и пива.

Обычным напитком значительной части населения Америки является, например, хмельный напиток, называемый пивом, но который, ввиду того, что он изготовляется из патоки, очень мало походит на наше пиво. Этот напиток, так как он может сохраняться всего несколько дней, нельзя, подобно нашему пиву, изготовлять и хранить для продажи на больших пивоваренных заводах; каждая отдельная семья должна варить его для своего собственного потребления, совсем так, как она варит себе пищу. Но было бы совершенно несовместимо со свободой подвергать каждую частную семью тягостным посещениям и опросам сборщиков налогов, как это мы делаем с держателями пивных и с пивоварами, изготовляющими пиво для продажи. Если из соображений равенства будет сочтено необходимым обложить налогом этот напиток, это можно будет сделать, обложив материал, из которого он делается, или в месте его производства, или, если условия промысла сделают такой акциз неудобным, установив пошлину при ввозе его в колонию, где он потребляется. Сверх пошлины в 1 пенни на галлон, установленной британским парламентом при ввозе патоки в Америку, существует еще провинциальная пошлина такого же рода в 8 пенсов с бочки при ввозе ее в Массачузетскую бухту на судах, принадлежащих какой-либо другой колонии, а также пошлина в 5 пенсов с галлона при ввозе из ее северных колоний в Южную Каролину. Или, если ни один из этих способов не будет найден удобным, каждая семья сможет производить единовременную уплату за свое потребление этого напитка, соответственно количеству лиц, из которого она со-

стоит, как это делают частные семьи в Англии при уплате налога на солод, или в зависимости от возраста и пола этих лиц, как взимаются различные налоги в Голландии, или приблизительно так, как сэр Мэтью Деккер¹ предлагает взимать в Англии все налоги на предметы потребления. Как уже указано, этот способ обложения при применении его к предметам, быстро потребляемым, не очень удобен. Все же он мог бы быть принят в тех случаях, когда нельзя было бы применить лучшего.

Сахар, ром и табак представляют собою товары, которые, не являясь нигде предметами жизненной необходимости, сделались предметами почти всеобщего потребления и поэтому чрезвычайно подходят для обложения их налогом. Если состоится объединение с колониями, эти предметы можно будет облагать или до того, как они выйдут из рук промышленника или производителя, или, если такой способ обложения окажется не соответствующим условиям промысла этих лиц, их можно будет помещать в государственные склады как в месте производства, так и в различных портах империи, куда они могут быть в дальнейшем отправлены, под соединенным надзором владельца и податного чиновника, до наступления того момента, когда их надо будет передать потребителю, розничному торговцу для потребления внутри страны или экспортеру, причем налог не будет уплачиваться до такой сдачи товара. При выдаче товара для вывоза он освобождается от пошлины, если представлена надлежащая гарантия, что он действительно будет вывезен за пределы империи. Это, вероятно, главные товары, по отношению к которым при объединении с колониями могут понадобиться сколько-нибудь значительные изменения в действующей ныне британской системе обложения.

Без сомнения, невозможно установить хотя бы с приблизительной точностью, каковы могут быть размеры дохода при распространении этой системы обложения на все различные области империи. При действии этой системы ежегодно взимается в Великобритании с населения, не достигающего 8 миллионов человек, более 10 миллионов. Ирландия имеет более двух миллионов жителей, а согласно отчетам, представленным конгрессу², двенадцать объединенных провинций Америки имеют более 3 миллионов жителей. Однако возможно, что эти отчеты преувеличены, чтобы подбодрить свой собственный народ или застрашать жителей нашей страны; поэтому мы примем, что наши североамериканские и вестиндские колонии, взятые вместе, имеют население, не превышающее 3 миллионов человек, или что вся Британская империя в Европе и Америке имеет не более 13 милл. жителей. Если с населения, не достигающего 8 милл. человек, эта система обложения собирает доход

¹ [См. выше примечание на стр. 82.]

² [Смит, вероятно, имеет в виду филадельфийский конгресс 1774 г., на котором представители двенадцати североамериканских провинций формулировали свои требования к Англии.]

в 10 милл. с лишним, то с 13 милл. она должна собирать доход, превышающий 16 250 000 ф. ст. Из этого дохода, если предположить, что эта система может дать его, следует вычесть доход, обычно получаемый с Ирландии и колоний для покрытия расходов по их гражданскому управлению. Расходы гражданского и военного ведомств Ирландии, вместе с процентами по государственному долгу, составляют в среднем за два года, кончающиеся мартом 1775 г., несколько менее 750 000 ф. в год. Согласно весьма точному исчислению дохода главных колоний Америки и Вест-Индии, он достигал до возникновения нынешних смут 141 800 ф. В этом исчислении, впрочем, отсутствует доход Мэриленда, Северной Каролины и всех наших позднейших приобретений на материке и на островах, что составит, вероятно, разницу в 30 или 40 тысяч фунтов. Итак, округляя цифры, предположим, что доход, необходимый для содержания гражданского управления Ирландии и колоний, достигает одного миллиона. Следовательно, остается доход в 15 250 000 ф. на покрытие общих расходов империи и для уплаты государственного долга. Но если из получающегося ныне дохода Великобритании оказывается возможным уделять во время мира один миллион на уплату долга, то из этого увеличивающегося дохода совсем не трудно сберечь для этой цели 6 250 000 ф. Притом этот фонд погашения сможет увеличиваться каждый год на сумму процентов с той части долга, которая погашалась бы в предыдущем году, и таким образом сможет возрастать столь быстро, что он окажется спустя немногие лет достаточным для уплаты всего долга и, следовательно, для полного восстановления столь ослабленной ныне мощи империи. В то же самое время народ мог бы быть освобожден от некоторых наиболее отяготительных налогов, от налогов, какими обложены предметы необходимости или промышленное сырье. Бедный труженик получит таким образом возможность жить лучше, работать дешевле и посылать свои изделия на рынок по более дешевой цене. Дешевизна его изделий увеличит спрос на них, а следовательно на труд тех, кто производит их. Такое увеличение спроса на труд увеличит численность и улучшит условия жизни трудящихся бедняков. Их потребление возрастет, а вместе с этим возрастет и доход, получающийся со всех тех предметов их потребления, которые будет сочтено нужным попрежнему облагать налогом.

Впрочем, доход, получающийся от такой системы обложения, может не сразу возрасти соответственно количеству людей, на которых она будет распространена. Некоторое время необходимо будет проявлять большую снисходительность к областям империи, на которые будет, таким образом, возложено бремя, ранее непривычное для них; и даже когда эти налоги станут повсюду взиматься неукоснительно, они не везде будут давать доход, пропорциональный численности населения. В бедной стране потребление главных предметов, облагаемых таможенными пошлинами и акцизом, очень незначительно, а в редко населенной стране очень велики возможности для контрабанды. Потребление напитков, изготовляемых из солода,

среди низших классов Шотландии очень невелико, и акциз на солод, пиво и эль приносит там меньше, чем в Англии, если принять во внимание численность населения и размер налогов, который для солода установлен там в другом размере ввиду его предполагаемого другого качества. В этой области акциза, насколько мне известно, в Шотландии не наблюдается значительно больше контрабанды, чем в Англии. Акциз со спирта и большая часть таможенных пошлин, сравнительно с численностью населения в обеих странах, приносят в Шотландии меньше, чем в Англии, не только вследствие меньшего потребления облагаемых предметов, но и ввиду большей легкости контрабанды. В Ирландии низший класс населения еще беднее, чем в Шотландии, и многие части страны населены почти столь же редко. Поэтому в Ирландии потребление обложенных предметов может оказаться, сравнительно с численностью населения, еще меньшим, чем в Шотландии, а легкость контрабанды почти такая же. В Америке и в Вест-Индии белое население даже низших классов находится в гораздо лучших условиях, чем лица этих же классов в Европе, и их потребление всех предметов роскоши, какие они обычно позволяют себе, вероятно, намного значительнее. Правда, чернокожие, которые составляют большинство населения как в южных колониях на материке, так и на вестиндских островах, находятся в состоянии рабства и потому их положение должно быть хуже, чем положение беднейшего населения Шотландии или Ирландии; однако не следует думать ввиду этого, что они хуже питаются или что их потребление предметов, которые могли бы быть обложены умеренными налогами, меньше потребления даже низших классов населения Англии. Для того, чтобы они хорошо работали, их владелец заинтересован кормить их хорошо и поддерживать в них бодрое настроение совсем так, как заинтересован в этом же по отношению к своему рабочему скоту. В соответствии с этим чернокожие почти повсюду получают свою порцию рома и патоки или пива, как и белые слуги; и они, вероятно, не будут лишены этой порции при обложении этих предметов умеренными налогами. Поэтому потребление обложенных предметов, по сравнению с численностью населения, будет в Америке и Вест-Индии, вероятно, не меньше, чем в любой другой части Британской империи. Возможностей для контрабанды будет, правда, гораздо больше, поскольку Америка, сравнительно с размерами страны, гораздо реже заселена, чем Шотландия или Ирландия. Однако, если доход, который ныне получается от различных налогов на солод и на приготовляемые из него напитки, будет взиматься посредством налога на один лишь солод, то почти будет уничтожена возможность контрабанды в главнейшей отрасли акциза; а если таможенные пошлины не будут взиматься со всех почти ввозимых предметов и вместо того будут ограничены немногими предметами наиболее всеобщего потребления и если пошлины будут взиматься в порядке, установленном акцизными законами, то возможность контрабанды, если и не будет совсем уничтожена, будет весьма значительно уменьшена. В результате этих двух,

очевидно, очень простых и легких реформ таможенные пошлины и акцизные сборы смогут, вероятно, приносить доход, столь же большой сравнительно с потреблением чрезвычайно редко населенной провинции, какой получается ныне сравнительно с потреблением наиболее населенной.

Указывали, правда, что американцы не имеют золотых или серебряных денег; внутренняя торговля страны ведется у них при помощи бумажных денег, а все золото и серебро, которое иногда попадает к ним, отсылается целиком в Великобританию в обмен на товары, получаемые ими от нас; а без золота и серебра, прибавляют к этому, нет возможности уплачивать налоги. Мы уже получили все то золото и серебро, которое они имеют. Как возможно брать у них то, чего у них нет?

Современный недостаток золота и серебра в Америке не является следствием бедности этой страны или неспособности ее населения приобретать эти металлы. В стране, где заработная плата настолько выше, а цена предметов продовольствия настолько ниже, чем в Англии, большая часть населения должна, несомненно, иметь, на что покупать более значительное количество благородных металлов, если бы это ему было нужно или удобно. Поэтому недостаток этих металлов должен быть лишь результатом собственного желания населения, а не необходимости.

Золотые или серебряные деньги бывают необходимы или удобны для ведения операций внутри страны или с границей.

Как выяснено во второй книге настоящего исследования, торговые сделки внутри каждой страны могут, по крайней мере в мирное время, совершаться посредством бумажных денег почти с таким же удобством, как и посредством золотых и серебряных денег. Американцам, которые всегда могут употреблять с прибылью на улучшение своих земель больший капитал, чем они в состоянии достать без труда, выгодно возможно более экономить при расходовании столь дорого стоящего орудия торговли, как золото и серебро, и лучше употреблять ту часть своего избыточного продукта, которая была бы нужна для приобретения этих металлов, на покупку орудий производства, предметов одежды, различных предметов домашней обстановки хозяйства и тех железных изделий, которые нужны для постройки и расширения их поселений и плантаций,—на приобретение не мертвого, а активного и производительного капитала. Колониальные правительства находят выгодным снабжать население таким количеством бумажных денег, какое вполне достаточно, а обычно и более чем достаточно для ведения всех их внутренних торговых операций. Некоторые из этих правительств, в особенности правительство Пенсильвании, извлекает доход от ссуды этих бумажных денег своим подданным, взимая определенный процент. Другие, подобно правительству Массачусетса, выпускают в случаях чрезвычайной необходимости бумажные деньги этого рода для покрытия государственных расходов, а потом, когда это позволяют обстоятельства, выкупают их по уменьшенной стоимости, до которой они

постепенно падают. В 1747 г.¹ названная колония уплатила таким образом большую часть своих государственных долгов посредством десятой части суммы, на которую были выпущены ее кредитные билеты. Выгодам плантаторов соответствует сберегать издержки по употреблению золота и серебра в их внутренних торговых сделках, а колониальным правительствам выгодно снабжать их орудием обмена, употребление которого, правда, связано с некоторыми очень значительными неудобствами, но которое позволяет им экономить эти издержки. Обилие бумажных денег неизбежно вытесняет золото и серебро из внутреннего обращения колоний по той же причине, по которой они вытеснили эти металлы из большей части внутреннего обращения Шотландии. И в обеих странах не бедность, а предпримчивость населения, его желание дать деятельное и производительное применение всему капиталу, который оно может добыть, привели к такому обилию бумажных денег.

Во внешней торговле, которую различные колонии ведут с Великобританией, золото и серебро употребляется в большей или меньшей степени, в точном соответствии с тем, насколько они необходимы. В тех случаях, когда эти металлы не бывают необходимы, они редко появляются на сцене. Когда они необходимы, их обычно находят.

В торговле между Великобританией и колониями, производящими табак, британские товары обычно предоставляются колонистам в кредит на довольно продолжительный срок и потом оплачиваются табаком, расцененным по определенной цене. Колонистам удобнее платить табаком, чем золотом и серебром. Для всякого купца было бы удобнее платить за товары, проданные ему его контрагентами, какими-либо другими товарами, которыми он торгует, чем платить за них деньгами. Такому купцу не было бы надобности держать часть своего капитала при себе бездеятельной и в наличных деньгах для покрытия возможных требований. Он мог бы все время держать большее количество товаров в своей лавке или в своем складе и мог бы более широко развить свои обороты. Но редко бывает удобным для всех клиентов купца получать платежи за продаваемые ему товары товарами какого-либо другого рода, которыми он торгует. Британские купцы, ведущие торговлю с Мэрилендом и Виргинией, оказываются особого рода клиентами, которым удобнее получать платежи за товары, продаваемые ими колониям, табаком, а не золотом и серебром. Они ожидают получить прибыль от продажи табака. Никакой прибыли они не могут получить от продажи золота и серебра. Поэтому золото и серебро очень редко и появляются в торговле между Великобританией и производящими табак колониями. Мэриленду и Виргинии эти металлы одинаково мало нужны как в их внешней, так и во внутренней торговле. Соответственно этому сообщают, что у них меньше золотых и серебря-

¹ См. «Историю Массачузетского залива» Гетчинсона, том II, стр. 436 и сл. [Точное название: *Hutchinson, History of the colony of Massachusetts Bay*. 2 vol. London 1760.]

ных денег, чем в какой-либо другой колонии Америки. Тем не менее, они считаются столь же преуспевающими, а следовательно и богатыми, как любая из соседних колоний.

В северных колониях, каковы Пенсильвания, Нью-Йорк, Нью-Джерси, четыре округа Новой Англии и др., стоимость продуктов, вывозимых ими в Великобританию, не равна стоимости мануфактурных изделий, которые они ввозят для собственного потребления и для потребления некоторых других колоний, посредниками для которых они служат. Поэтому баланс должен уплачиваться метрополию золотом и серебром, и нужные для этого суммы они обычно находят.

В колониях, производящих сахар, стоимость продукта, ежегодно вывозимого в Великобританию, намного превышает стоимость всех товаров, ввозимых оттуда. Если бы сахар и ром, ежегодно отправляемый в метрополию, оплачивался на месте в этих колониях, то Великобритания была бы вынуждена пересылать ежегодно очень большую разницу наличными деньгами, и торговля с Вест-Индией признавалась бы известным сортом политиков чрезвычайно невыгодной. Но обстоятельства сложились так, что многие из главных владельцев сахарных плантаций живут постоянно в Великобритании. Их ренты доставляются им сахаром и ромом, продуктом их поместий. Сахар и ром, покупаемые купцами Вест-Индии в этих колониях за их собственный счет, не равны по стоимости товарам, которые они ежегодно продают там. Поэтому разница должна выплачиваться им золотом и серебром, и обыкновенно это делается без затруднений.

Затруднения и нерегулярность в платежах различных колоний Великобритании отнюдь не зависели от больших или меньших размеров разницы, которую должна была платить каждая из них. Платежи обычно были более регулярны со стороны северных колоний, чем со стороны колоний, производящих табак, хотя первые уплачивали обычно очень значительную разницу наличными деньгами, тогда как последним или совсем не приходилось платить разницу, или приходилось платить гораздо меньшую разницу. Трудность получать платежи от наших различных сахарных колоний была большей или меньшей в зависимости не столько от размеров разницы, какую они должны были платить, сколько от количества невозделанной земли, находившейся в них, т. е. от большего или меньшего соблазна для плантаторов вести торговлю в слишком больших размерах или заселять и возделывать большие пространства свободной земли, чем это соответствовало размерам их капиталов. Поступления с большого острова Ямайка, где имеется еще больше невозделанной земли, были ввиду этого обычно еще более нерегулярны, чем с островов меньшего размера, Барбадоса, Антигуа и св. Христофора, которые за последнее время были целиком заняты под культуру и потому оставляли меньше поприща для спекуляций плантаторов. Недавние приобретения Гренады, Тобаго, Сент-Винцентса и Доминики открыли новое поле для спекуляций этого рода, и поступления

с этих островов были в последнее время столь же нерегулярны и неверны, как с большого острова Ямайка.

Таким образом, отнюдь не бедность колоний вызывает у большей части их нынешний недостаток в золотой и серебряной монете. Их большой спрос на активный и производительный капитал делает удобным для них иметь как можно меньше мертвого капитала и ввиду этого располагает их довольствоваться более дешевым, хотя и менее удобным орудием торговли, чем золото и серебро. Благодаря этому они получают возможность превращать стоимость этого золота и серебра в орудия производства, в предметы одежды, в домашнюю утварь и обзаведение, в железные изделия, необходимые для постройки и расширения их плантаций и поселений. Что касается тех отраслей торговли, которые нельзя вести без золота и серебра, то, повидимому, они всегда могут найти необходимое для этого количество этих металлов, а если часто они не находят его, это является следствием не их бедности, а излишней и чрезмерной предприимчивости. Их платежи нерегулярны и ненадежны не потому, что они бедны, а потому, что они слишком стремятся сделаться чрезвычайно богатыми. Если бы даже вся та часть поступлений с налогов, взимаемых в колониях, которая превышает сумму, необходимую для оплаты расходов их собственных гражданских и военных учреждений, пересылалась в Великобританию золотом и серебром, у колоний оставалось бы более чем достаточно средств для приобретения требующегося количества этих металлов. Правда, в этом случае они были бы вынуждены обменять часть своего избыточного продукта, на которую они теперь покупают активный и производительный капитал, на капитал мертвый. В своих внутренних торговых сделках они были бы вынуждены употреблять дорогое орудие торговли вместо дешевого, и расходы на приобретение этого дорогого орудия могли бы несколько умерить живость и пылкость их чрезмерной предприимчивости в деле улучшения земли. Однако возможно, что совсем не было бы необходимости отсылать какую-либо часть американского дохода в золоте и серебре. Его можно было бы переводить посредством векселей, выписанных на великобританских купцов и акцептованных ими, купцов, которым была отправлена часть избыточного продукта Америки и которые вносили бы наличными деньгами в казначейство получаемые с Америки поступления, получив сами предварительно их стоимость товарами; вся эта операция могла бы часто выполняться без того, чтобы из Америки вывозилась хотя бы одна унция золота или серебра.

Отнюдь не противоречит справедливости, чтобы Ирландия и Америка участвовали в погашении государственного долга Великобритании. Этот долг был заключен в целях поддержания правительства, созданного революцией, правительства, которому протестанты Ирландии обязаны не только всем тем влиянием, каким они ныне пользуются в своей стране, но и всеми гарантиями их свободы, собственности и религии, какими они обладают, правительства, которому некоторые из колоний Америки обязаны своими хартиями, а следо-

вательно своей нынешней конституцией, и которому все колонии Америки обязаны своей свободой, безопасностью и собственностью, какими они все время пользовались. Этот государственный долг был заключен для защиты не одной только Великобритании, но всех многочисленных областей империи; в частности, громадный долг, заключенный во время последней войны, и значительная часть долга, заключенного во время предшествовавшей ей войны, были заключены, собственно, для защиты Америки.

При объединении с Великобританией Ирландия получит, помимо свободы торговли, другие, гораздо более важные выгоды, которые более чем вознаградят ее за любое увеличение налогов, могущее сопровождать такое объединение. Благодаря соединению с Англией средние и низшие классы народа в Шотландии получили полное избавление от власти аристократии, которая всегда до того угнетала их. Благодаря соединению с Великобританией большинство людей всех классов населения Ирландии получит столь же полное освобождение от гораздо более гнетущей аристократии—аристократии, не основанной, как в Шотландии, на естественных и почтенных отличиях рождения и богатства, а покоящейся на самых отвратительных из всех отличий, а именно—отличий, коренящихся в религиозных и политических предубеждениях, отличий, которые больше всяких других возбуждают наглость угнетателей и ненависть и возмущение угнетаемых и которые обыкновенно внушают жителям одной и той же страны больше вражды друг к другу, чем испытывают ее по отношению друг к другу жители разных стран. Без объединения с Великобританией жители Ирландии еще в течение многих веков вряд ли смогут считать себя единым народом.

В колониях никогда не господствовала какая-либо аристократия, угнетающая народ. Но даже и они, с точки зрения спокойствия и счастья, значительно выиграют от соединения с Великобританией. Оно, по крайней мере, избавит их от тех мстительных и злобных партий, которые неразлучны со всеми небольшими демократиями и которые так часто вносили разделение в чувства их населения и нарушали спокойствие их управления, по форме своей столь близкого к демократическому. В случае полного отделения от Великобритании, которое, весьма вероятно, произойдет, если не будет предпринято указанным соединением, эти партии станут в десять раз более ожесточенными, чем когда бы то ни было. До возникновения нынешних смут сдерживающая сила метрополии всегда была в состоянии препятствовать действиям этих партий вылиться в нечто худшее, чем в грубые насилия и оскорбления. Если эта сдерживающая сила будет совсем устранена, их борьба скоро проявится, вероятно, в открытом насилии и кровопролитии. Во всех обширных странах, объединенных под властью одного общего правительства, дух партийности обычно не так силен в отдаленных провинциях, как в центре государства. Отдаленность этих провинций от столицы, от главного средоточия великого котла партийной вражды и честолюбий, заставляет их менее интересоваться взглядами борющихся

партий и делает их более безучастными и беспристрастными зрителями поведения их всех. Партийный дух не так сильно проявляется в Шотландии, как в Англии. В случае соединения он, вероятно, будет меньше проявляться в Ирландии, чем в Шотландии, а колонии, наверное, скоро станут наслаждаться согласием и единодушием, в настоящее время неизвестными ни в одной части Британской империи. Правда, на Ирландию и колонии будут распространены налоги более тяжелые, чем те, которые они платят ныне. Однако в результате старательного и добросовестного употребления государственных доходов на погашение государственного долга большая часть этих налогов продержится недолго, и государственные доходы Великобритании скоро смогут быть сокращены до тех размеров, какие необходимы для содержания экономного управления мирного времени.

Территориальные приобретения Остиндской компании, это бесспорное достояние короны, т. е. государства и народа Великобритании, могут быть сделаны другим источником дохода, более обильным, пожалуй, чем все уже упомянутые. Эти страны изображаются более плодородными, более обширными и, сравнительно с своими размерами, более богатыми и населенными, чем Великобритания. Для получения от них большого дохода не понадобится, вероятно, вводить какую-либо новую систему обложения в страны, уже достаточно и более чем достаточно обложенные налогами. Может, пожалуй, оказаться более целесообразным облегчить, а не отягчить бремя этих несчастных стран и постараться извлекать из них доход не посредством введения новых налогов, а посредством предупреждения присвоения и растраты большей части налогов, которые они уже платят.

Если будет сочтено неудобным или невыполнимым для Великобритании получение сколько-нибудь значительного увеличения доходов от упомянутых выше источников, то единственное средство, которое может оставаться у нее, это—сокращение ее расходов. В отношении способа собирания и расходования государственных доходов (хотя в той и другой области остается еще много места для улучшения) Великобритания, повидимому, по меньшей мере столь же экономна, как и любая из соседних с нею стран. Ее военные расходы, производимые в мирное время в целях собственной защиты, более умеренны, чем соответствующие расходы любого европейского государства, которое может претендовать на соперничество с нею в отношении богатства или могущества. Поэтому в этой области, повидимому, невозможно сколько-нибудь значительное сокращение расходов. Расходы по гражданскому управлению мирного времени в колониях были до возникновения нынешних смут очень значительны и представляют собою расход, который может быть и—если из колоний нельзя будет получить никакого дохода—безусловно должен быть совершенно вычеркнут. Этот постоянный расход во время мира, хотя и очень большой, представляется незначительным в сравнении с тем расходом, какого стоит нам защита колоний

во время войны. Последняя война, предпринятая целиком из-за колоний, обошлась Великобритании, как уже отмечено, свыше 90 миллионов. Война с Испанией в 1739 г. была затеяна главным образом из-за них; во время этой войны и войны с Францией, которая была вызвана ею, Великобритания израсходовала свыше 40 миллионов, значительная часть которых должна быть по справедливости отнесена на счет колоний. За эти две войны колонии обошлись Великобритании гораздо более чем вдвое по сравнению с той суммой, какой достигал национальный долг перед началом первой из них. Если бы не эти войны, этот долг мог бы и, вероятно, был бы к настоящему моменту совершенно выплачен. И если бы не колонии, первая из этих войн, возможно, не была бы затеяна, а последняя, наверное, не была бы начата. Только потому, что колонии рассматривались как провинции Британской империи, этот расход был произведен ради них. Но страны, не доставляющие ни дохода, ни военной силы для поддержки империи, не могут быть признаваемы провинциями. Их можно, пожалуй, считать поместьями, своего рода блестящим и показным украшением империи. Но если империя не может дольше выдерживать расход по содержанию такого украшения, она, без сомнения, должна отказаться от него, а если она не в состоянии повысить свои доходы соответственно своим расходам, ей следует, по крайней мере, согласовать свои расходы с доходами. Если колонии, несмотря на их отказ признать британские налоги, все же будут попрежнему считаться провинциями Британской империи, то защита их во время какой-либо из будущих войн может обойтись Великобритании в такую же большую сумму, как в одной из предыдущих войн. Правители Великобритании в течение более столетия улаживали народ мыслью, что он владеет по ту сторону Атлантического океана громадной империей. Однако эта империя до сих пор существовала только в воображении. До сих пор это была не империя, а только проект империи, не золотой рудник, а только проект золотого рудника, проект, который стоил, продолжает стоить и,—если за него будут держаться так, как до сих пор,—будет и дольше стоить громадных издержек, не обещая приносить ни малейшей прибыли, потому что монополия торговли с колониями, как это было уже выяснено, для главной массы народа приносит скорее убыток, чем прибыль. Пора уже без сомнения, чтобы наши правители либо осуществили тот золотой сон, в котором они, возможно, сами пребывали до сих пор вместе с народом, либо же, чтобы они сами проснулись и постарались пробудить от него народ. Если проект не может быть осуществлен, от него надо отказаться. Если какие-либо провинции Британской империи нельзя заставить участвовать в содержании всей империи, то, несомненно, настало время, чтобы Великобритания освободила себя от расхода по защите этих провинций во время войны и от содержания той или иной отрасли их гражданского или военного управления во время мира и постаралась согласовать свои будущие стремления и планы с фактической скудостью своих средств.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Акции—278, 281, 282, 286, 424
стоимость акций—273
цена акций—273, 281, 282
Акционерная компания—89, 270, 273—286
Акционерная прибыль—275, 276
Акционеры—89, 267, 270, 271, 273, 275, 276, 279, 280, 281, 282
Акционерный капитал—273—276, 281, 285—286
Аренда—79, 121, 212, 225, 257, 323, 345, 346, 349, 351, 355, 366—368, 412, 440
арендная плата—55
арендные договоры—345, 346, 349, 368, 440
условия аренды—349
Аренда наследственная—134
Арендаторы—121, 225, 257, 344, 346, 347, 349, 356—358, 433
свободные арендаторы—320
Армия—19, 23, 235, 236, 238, 240—247, 310, 317, 418, 419, 427, 430
республиканская армия—307
Баланс годового производства и потребления—68, 69
Баланс торговый, см. торговля.
Банки—53, 54, 57—60, 117—119, 273, 281, 284, 285, 420, 422, 430
банковские квитанции—55, 57
банковские компании—285
банковские операции—420
банковский кредит—54, 57—59
банковский лаж—52, 53
банковский чек—53
банковые деньги, см. деньги
вкладчики банка—55
вклады в банк—55, 57, 60
доход банка—60
первоначальный капитал банка—55, 57
платежи банку—422, 423
прибыль банка—60
Банки депозитные—52
Банки земельные—422
Банк государственный—285
Банкиры—11, 12, 427
Банкноты—337
Банкротство—125, 281, 283, 336, 374, 436, 437
банкротство государства—436
действительное банкротство—437
Барщина—265
Бедные—195, 249, 253, 263, 299, 356, 382, 397, 437
Богатство—9, 10, 16, 18, 27, 39, 45, 66, 68, 69, 89, 106, 121, 123, 124, 127, 129, 130, 137, 154, 155, 171, 173, 179, 197, 200, 240, 249, 251, 252, 314, 315, 320, 336, 357, 372, 410, 411, 435, 449
власть богатства—250, 251
действительное богатство—27, 28, 69, 81, 83, 84, 101, 124, 128, 231, 358
источники богатства—210, 211, 369

- неравномерное распределение богатств—67
способ обогащения—5, 9
Богатство государства—450
Богатство духовенства—320, 323
Богатство колоний—154
Богатство народов—223, 224
Богатство населения—25, 435
Богатство нации—10, 66, 85, 86, 119, 220
Богатство общества—24, 106, 214, 215, 332
действительное богатство общества—219, 222
Богатство правительства—263
Богатство рудников золота и серебра—126, 127
Богатство страны—18, 27
действительное богатство страны—10, 17
Богатые—195, 230, 249, 252, 253, 263, 299, 356, 382, 397, 403, 410, 414, 415, 417, 427, 436, 437
Богатые нации—68
Богатые страны, см. страны
Вассал—238, 372, 389, 416, 417
Ввоз—11, 12, 18, 27—29, 35—37, 39, 41, 42, 46, 47, 49, 50, 65, 69, 71, 74, 76, 83, 90, 91, 100, 101, 103—107, 110—112, 139—143, 149, 150, 156, 163, 165, 170, 193—197, 205, 206, 223, 266, 269, 271, 276, 277, 279, 385, 387, 389—392, 395, 396, 408, 441
ежегодный ввоз—48
запрещение ввоза—27, 29, 34, 37, 42, 43, 47, 48, 83, 107, 110, 111, 139, 193, 197, 218, 385
ограничение ввоза—27, 29, 47, 61, 62, 66, 102, 193
поощрение ввоза—193—195
предметы ввоза—38
премии за ввоз, см. премии
свободный ввоз—35, 36, 41, 43, 101, 104
соглашение колоний об отказе от ввоза—163
Ввоз в колонии—441, 447
Ввоз золота и серебра—14, 15, 18, 22, 24, 113—115
Ввоз негров в Вест-Индию—274, 276
Ввоз орудий производства—193
Ввоз сырья—193—197, 395
Векселя—11, 21, 22, 50, 51, 159, 281, 373, 419, 448
вексель иностранный, заграничный—52—54
вексель переводной—21, 53
вексельный курс—11, 12, 49—53, 60
фактический курс векселя—51
вексельный паритет—49—51
премия за вексель, см. премии
Власть—288, 289
власть аристократии—449
власть богатства—250, 251
власть верховная—310
власть государственная—298, 310, 326, 418
власть гражданская—247, 249, 309, 311, 313, 327
власть законодательная—267
власть исполнительная—258, 259, 263—266, 272, 287, 316
власть папы—321, 324, 325
власть судебная—258
власть церкви—323
Войны—10, 19—22, 42, 66, 92, 111, 114, 133, 151, 155, 171, 172, 175, 181, 192, 205, 209, 228, 235, 236, 238, 239, 242—246, 248, 250, 252, 279, 280, 283, 284, 298, 299, 302, 304, 335, 336, 338, 365, 414, 417, 418, 425, 427—430, 432, 433, 435, 437—439, 449—451
военная сила—235, 246, 248, 252

- военные кампании—243
 военный дух народной массы—307, 308
 издержки войны—22, 280, 430
 расходы военные—19, 20, 171, 235, 237, 239, 365, 417—419, 429, 432, 435, 450, 451
 Войны внешние—19, 20, 22
 Войны гражданские—176, 313
 Воспроизводство—224
 воспроизводство собственной стоимости—214
 воспроизводство стоимости потребления—82, 214, 219, 220
 воспроизводство чистого продукта—213, 220
 Вывоз—20, 24, 27, 28, 31, 35—37, 39, 44, 47, 48, 62, 69—75, 77, 78, 80, 81, 83, 85, 87, 89—91, 101, 103—109, 112, 137—144, 150, 156, 159, 161, 165, 181, 193, 197—200, 203—207, 209, 217, 218, 223, 224, 266, 268, 269, 271, 274, 276, 364, 385, 387, 389, 390, 392, 394, 442
 издержки вывоза—181
 запрещение вывоза—80, 81, 103, 105, 106, 202, 203, 204, 207, 211
 поощрение вывоза—27, 70, 71, 104, 193
 предметы вывоза, см. предметы
 премия за вывоз, см. премии
 расходы по вывозу—49
 свободный вывоз—103, 104, 139, 166, 204, 269, 348
 тайный вывоз—206
 Вывоз денег—20
 Вывоз золота и серебра—10—14, 17, 18, 20, 22, 26, 63, 81, 82, 112, 113, 117, 119
 Вывоз избыточного продукта колоний—138
 Вывоз изделий промышленности—22, 23, 218
 Вывоз из колоний—447
 Вывоз иностранных товаров—390, 391
 Вывоз монет—13, 53
 Вывоз средств производства—206
 Вывоз сырья и орудий производства—22, 193, 196, 197, 204, 207, 218, 390, 391
 Государство—5, 26, 27, 41, 46, 53, 55, 59, 65, 74, 76, 83, 90, 104, 105, 121, 129, 130, 140, 148, 163, 166, 172—179, 185, 194, 203, 207, 223—225, 227, 228, 235, 237—241, 243, 244, 253, 254, 263, 264, 266, 267, 270, 272, 280, 283, 289, 296, 299—301, 304—306, 310, 315, 316, 319, 323, 324, 326, 328, 330—332, 335—337, 340—342, 345, 349, 352, 354, 358, 360, 363—365, 380, 381, 390, 402, 403, 409, 411, 412, 414, 417, 419, 424, 425, 427, 434, 436, 437
 банковская ссуда государству—339
 банкротство государства—436
 благосостояние государства—130
 богатство государства—450
 долг государства, см. долги
 кредит государству—53
 кредиторы государства—434, 436
 нужды государства—261—263
 оборона государства—241
 содержание государства—360, 413
 средства государства—299
 чрезвычайные расходы государства—76 172
 щедрость государства—198
 Государственная власть—298, 310, 326, 418
 Государственная измена—198
 Государственная конституция—307
 Государственная религия—292
 Государственная рента—277
 Государственная церковь—331, 332
 Государственное управление—210
 Государственное устройство—247
 Государственные деятели—5, 32, 42, 163, 169

- Государственный банк—285
 Государственный заем—433
 Государственный кредит—278, 286
 Государь—5, 23, 24, 103, 111, 124, 128, 145, 173, 174, 186, 189, 190, 202, 226, 227, 231, 235—237, 247, 248, 253—256, 258, 282, 287, 316—323, 321—326, 334—336, 338, 341, 343—346, 348, 353, 358, 362, 366, 372, 402, 411, 417, 419
 благочестие государя—320
 власть государя—253
 доход государя или государства—175, 176, 189, 190, 203, 210, 231, 253—255, 257, 259, 260, 263—265, 270, 287, 330, 331, 334—338, 340, 345, 348, 351—354, 362, 364, 372—375, 381, 391—394, 402, 406, 410, 413, 416, 417, 420—423, 426, 430—433, 435—437, 439, 450, 451
 откупщики государственных доходов—410, 411, 413
 закон государя—247
 интересы государя—264, 352
 казна государя или государства—19, 404
 накопление государя—19, 20
 обязанности государя—267
 расход государя—см. расходы
 Гражданин—228, 231, 237—241, 247, 254, 268, 269, 298—300, 306—308, 327, 338, 362, 364, 403, 406, 418, 437
 гражданская власть—247, 249, 309, 311, 313, 327
 гражданские войны, см. войны
 гражданское правительство—249, 322
 гражданские суды—257
 гражданское управление—224, 252, 253
 Дебет—49
 состояние дебета и кредита (платежный баланс)—49, 50
 Демократия—335, 449
 Деньги—9, 10, 15—17, 19—23, 25, 27, 28, 31, 49—54, 82, 83, 85, 101, 115, 117, 119, 122, 160, 169, 175, 197, 228, 238, 257, 261, 271, 273, 336, 337, 340, 342, 344—346, 352—354, 356, 363, 370, 373—376, 395, 401, 416, 418—427
 вывоз денег—20
 денежная ссуда—371, 445
 денежное обращение—437
 денежный интерес—294
 денежный эквивалент—337
 изобретение денег—225, 433, 436—438, 440
 количество денег в обращении—19, 23
 наличные деньги—447, 448
 потребление денег—10
 растрата денег—272
 стоимость денег—12, 83, 395
 Деньги банковые—52, 54—60
 владельцы банковых денег—58
 перевод банковых денег—60
 спрос на банковые деньги—54
 стоимость банковых денег—59, 60
 Деньги бумажные—15, 19—23, 69, 337, 445, 446
 количество бумажных денег в обращении—337
 стоимость бумажных денег—445
 Деньги золотые и серебряные—445—448
 Десятина—213, 320, 330, 331, 440
 церковная десятина, см. церковь
 Дивиденд—273, 279, 280—283, 335, 336
 Договоры—94, 225, 257, 276, 279, 370, 373, 374, 408, 418, 423
 арендные договоры—345, 346, 349, 368, 440
 торговый договор—27, 110—112, 172, 208
 Долги—20, 21, 54, 69, 159, 166, 274, 277, 280, 281, 331, 336, 372, 414, 417—424, 427—432, 433, 434, 436—438

- бессрочный долг—432
 долги государства—20, 209, 231, 338, 340—342, 415, 426, 428, 429, 431, 439, 446, 448—450
 погашение государственных долгов—430, 431, 443
 процент по государственному долгу—209, 433, 443
 долговые обязательства—437
 национальный долг—106, 436, 451
 погашение долгов—422
 Должники—11, 20, 49, 58, 159, 166, 370, 436, 437
 Доходы—5, 13, 16, 31, 48, 61—63, 75, 81, 89, 128, 165, 167, 172, 178, 179, 214, 222, 223, 228, 231, 238, 250, 253—257, 259—263, 280, 282, 287, 302, 332, 335—337, 339—347, 349, 356, 360, 364, 370, 378, 379, 381, 385, 386, 388, 391—393, 396—399, 403, 405, 414—418, 427, 432, 433, 435, 439, 442—445, 448
 акцизный доход—74, 397
 валовой доход—404
 годовой доход—31, 32, 61
 годовой доход земли, труда и производительного капитала—19
 действительный доход—25, 84, 101, 222, 350, 362
 доход от госбанка—335
 доход от колоний—129, 131, 135, 152, 443
 доход от чеканки монет—51
 источники дохода—210, 211, 433, 434, 450
 местный доход—333
 крупный доход—415
 постоянный доход—427
 провинциальный доход—265, 287
 специальный доход—259
 таможенный доход—46, 73, 74, 391, 392, 394
 торговый доход—334
 частный доход—433
 чистый доход—282, 365, 405
 чрезвычайный доход—172, 432
 Доход банка—60
 Доход главной массы народа—172, 189, 334, 349
 Доход государя или государства, см. государь
 Доход духовенства—309—312, 320, 321, 323, 331, 349
 Доход Европы—27
 Доход казны—74, 197
 Доход населения—61, 62, 339—341, 358, 391, 433, 435.
 Доход общества—34, 68, 69, 84, 214, 215, 255, 259, 333, 346, 347, 362
 действительный доход общества—221—223
 Доход правительства—46, 118, 286, 337, 338, 402, 410, 411, 427
 Доход страны—28, 33, 223
 Доход церкви—330, 349
 Духовенство—309—312, 320, 321—329, 332
 армия духовенства—320
 благотворительность духовенства—321—323
 богатство духовенства—320, 323
 доход духовенства, см. доходы
 земельные владения духовенства—323
 корпорации духовенства—292, 317, 328
 поместья духовенства—320
 потребление духовенства—321
 почитание духовенства народом—321
 привилегии духовенства—321, 322
 развращение духовенства—327
 расходы духовенства—322, 323
 светская власть духовенства—322, 323
 содержание духовенства—331
 Естественная свобода—45, 97, 163, 231

- Естественное распределение—219
 Естественный прогресс—248
 Займы—16, 159, 170, 175, 185, 231, 271, 278, 279, 281, 336, 418, 419, 421—429
 бессрочные займы—421, 432—434
 государственный заем—433
 срочные займы—423
 Законы государя—247
 Законы о земле—134
 Законы о перекупщиках хлеба—94, 95, 98—108
 Законы о промыслах—97, 98
 Заработная плата—44, 78, 128, 134, 157, 167, 168, 195, 213, 215, 221, 262, 341, 356, 362, 378, 379, 382—385, 396, 397, 433, 445
 расходы на зарплату—356, 357
 Землевладельцы—24, 37, 39, 98, 101, 128, 168, 170, 201, 211—216, 219, 220, 224, 230, 231, 331, 339, 344—352, 355—358, 361, 362, 366—369, 377, 382, 384, 412, 416, 433, 440
 доход землевладельца—340
 крупные землевладельцы—416
 расходы землевладельцев—416
 Земледелие—5, 37, 77, 98, 100, 101, 104, 127, 166, 211, 217, 218, 223, 225, 228, 230, 237, 304, 340, 344, 348, 355, 365, 368, 369, 385, 433—435
 неприкосновенный фонд земледелия—212
 Земледельческая культура—36, 138
 Земледельческие нации—217—219
 Земледельческие страны—93, 216, 217, 254
 Земледельцы—11, 13, 77, 211, 215, 216, 237, 238, 245
 земледельцы-рабы—366
 Земля—11, 27, 36, 121, 123—125, 127—129, 132—136, 138, 142, 167, 170, 187, 207, 212, 215, 223, 224, 257, 264, 280, 309, 334, 337, 339, 340, 345, 347, 348, 353, 355—357, 361—363, 367—370, 373, 374, 401, 402, 413, 433, 434, 440, 445, 447
 бесплодие земли—41
 богатые земли—121
 естественное плодородие земли—128, 187
 завоевание земель—148
 законы о земле—134
 издержки по расчистке земли—138, 140
 наследственная аренда земли—134
 наследственное владение землей—207
 обработка и улучшение земли—36, 66, 79, 96, 97, 103, 128, 130, 133—135, 138, 146, 148, 158, 161, 167, 179, 211—213, 216, 217, 230, 264, 339, 340, 343, 345—349, 352—354, 361, 368, 369, 431, 433, 445, 448
 расходы по обработке и улучшению земли—348, 351, 352
 повемельный налог—20, 171, 174, 228, 331, 338, 339, 343, 344, 346—353, 358, 359, 362, 363, 365, 367, 370, 378, 403, 412, 420, 429, 433, 439, 440
 продукт земли, см. продукты
 производительность земли—344
 скупка земли—136
 стоимость земли—264, 348, 350, 362, 363
 цена земли—128, 165, 168, 170, 372, 374
 частная собственность на землю—134
 Земля коронная—339—341
 Земля общественная—341
 Земля свободная—355
 Золото и серебро—5, 9, 12, 14, 15, 17—28, 47, 48, 69, 73, 80—82, 113—117, 124—127, 129, 131, 185, 445—448
 ввоз золота и серебра—14, 15, 18, 22, 24, 113—115
 вывоз золота и серебра, см. вывоз
 действительный спрос на золото и серебро—14
 издержки по употреблению золота и серебра—446

- накопление золота и серебра—9, 10, 17, 18
 потребность в золоте и серебре—18
 расходы по контрабанде золота и серебра—80
 рудники золота и серебра—148
 стоимость золота и серебра, см. стоимость
 цена золота и серебра—14, 15
 чистое серебро—50, 51
 Золото и серебро в слитках—55, 57—59, 62
 цена золота и серебра в слитках—55—58
 Золотые и серебряные деньги—445—448
 Издержки—12, 22, 36, 85, 86, 99, 170, 181, 184, 186, 199, 206, 209, 211—215, 221, 341, 354, 356, 357, 387, 392, 396, 397, 402, 405, 407, 414, 416
 ежегодные издержки—212, 213
 необходимые издержки—24, 212
 непроизводительные издержки—213, 214
 первоначальные издержки—212, 213
 повемельные издержки—212, 213
 производительные издержки—213, 214
 Издержки войны—22, 280, 430
 Издержки вывоза—181
 Издержки общества—396
 Издержки по взиманию налога—346, 347, 381
 Издержки по употреблению золота и серебра—446
 Издержки по управлению—54, 410
 Издержки производства—41
 Издержки простого народа—397
 Издержки торговые—75, 76
 Император—147, 245, 325
 император-философ—300
 Империя—226, 245—247, 253, 254, 258, 292, 313, 317, 369, 439, 441—444, 449—451
 Импортёры—83, 103, 205, 391—393
 Капитал—16, 17, 29—32, 33—35, 40, 41, 44, 46, 61—63, 67, 68, 70, 73, 75, 76, 89, 90, 92, 95—99, 113, 117, 125, 126, 134, 137, 142, 147, 159—161, 163—165, 167—169, 171, 180—186, 201, 211—213, 217, 218, 220, 222, 231, 267, 270, 273—279, 287, 288, 334, 335, 337, 339, 343, 347, 351, 354, 356, 360—363, 365, 368—371, 374, 377, 387, 390, 410, 414, 418, 422, 425, 427, 431, 432, 433—435, 445—447
 возмещение капитала—111, 219, 440
 естественное распределение капитала—183, 186
 оборот капитала—96, 158, 160, 182
 отлив капитала—73, 182, 434
 спрос на капитал—158
 авансированный капитал—213
 акционерный капитал—273—276, 281, 285—286
 денежный капитал—362, 433
 занятый капитал—361
 запасный капитал—282
 избыточный капитал—185
 иностранный капитал—156, 157, 159
 мертвый капитал—82, 445, 448
 непроизводительный капитал—214
 новый капитал—165
 производительный капитал—82, 164, 445, 448
 спрос на производительный капитал—448
 промышленный капитал—213, 214, 361, 419
 свободный капитал—113, 161
 ссудный капитал—277
 торговый капитал—96, 155, 156, 168, 181, 182, 185, 214, 361, 368, 419, 426
 фермерский капитал—96, 98, 213, 361

- Капитал контрабандиста—406
 Капитал нации—16, 76, 436
 Капитал общества—68, 69, 230, 231, 341, 406
 Капиталисты—98
 владельцы капитала—181, 182, 334, 336, 360—362, 433, 434, см. владельцы мануфактур, купцы, предприниматели, промышленники, торговцы, хозяева
 Классы—37, 42, 43, 45, 83, 84, 162, 168, 169, 172, 182, 202, 203, 211, 213, 215, 216, 219, 220, 238, 239, 303, 306, 311, 314—316, 318, 367, 379, 382, 389, 413, 418
 высшие классы—128, 316, 337, 379, 380, 384, 396, 397, 402, 412
 низшие классы—64, 91, 94, 128, 304, 308, 309, 315, 321, 323, 325, 327, 332, 367, 379—381, 383, 396, 397, 412, 443, 444, 449
 средние классы—370, 384, 396, 449
 класс бедных—35, 78
 класс непроизводительный—211, 213, 215, 216, 219—221
 класс производительный—211, 212, 219, 221
 Колонии—26—28, 73, 74, 121, 127—130, 133, 136—139, 144—149, 151—153, 155, 160—163, 167, 170—178, 180, 181, 187, 188, 194, 195, 197, 205, 209, 337, 385, 442, 443, 446—451
 благосостояние колоний—132, 133
 богатство колоний—154
 ввоз в колонии—441, 447
 вывоз из колоний, см. вывоз
 доходы от колоний, см. доходы
 колониальное правительство—445, 446
 колониальные собрания—145, 146, 173—175
 население колоний—130, 133
 прогресс европейских колоний—129
 производство колоний—143
 расходы на колонии—152, 443, 451
 соглашение колоний об отказе от ввоза—163
 Колонии древних государств—120—122
 Колонии Европы—120—122, 129—132, 146
 Колонии новые—127, 132, 133, 138, 158, 165, 187
 процветание новых колоний—133
 Колонии Северо-Американские—67, 69, 71
 колонизация Америки—149, 151
 Колонисты—131, 132, 135, 136, 144, 145, 147, 159, 170, 180, 187, 236, 446
 Компании—117, 119, 266—272, 336, 352, 422, 424, 430, 450
 акционерные компании—89, 270, 273—286
 банковские компании—285
 королевская компания—274, 275
 монопольные компании, см. монополии
 привилегированные компании—267, 271, 273—275, 277, 278, 284
 страховые компании—285, 286
 Конкуренты—154, 184, 189, 270, 278, 279, 284, 287, 390
 Конкуренция—35, 36, 40, 42, 43, 45, 46, 66, 71, 80, 95, 97, 112, 121, 137, 140, 154, 156, 157, 161, 163, 164, 189, 194, 208, 216, 228, 231, 269, 274, 275, 277—279, 284, 287, 301, 365, 366, 378, 410
 ограничение конкуренции—269
 свободная конкуренция—84, 96, 110, 111, 138
 Конституция—439, 448
 конституция государственная—307
 конституция демократическая—178
 конституция монархическая—178
 Консул—258, 266, 269, 270
 Контрабанда—132, 203, 206, 391—395, 406, 407, 443, 444
 контрабандная торговля—171
 Контрабандист—203, 393, 406, 411
 капитал контрабандиста—406

- Конфискация—198—200, 207, 406
 Королевство—9, 11, 33, 36, 110—112, 114, 115, 144, 196, 199, 207, 224, 255, 256, 262, 265, 313, 321, 339, 359, 408, 409, 412, 416, 441
 Король—19, 20, 23, 111, 127, 131, 132, 137, 145, 148, 174, 175, 177, 207, 208, 213, 237, 253, 256, 263, 273, 276, 277, 279, 320, 324, 328, 332, 349, 350, 366, 367, 389, 403, 417, 420, 421, 423, 424, 438
 королевская казна—103
 королевская служба—44
 королевская хартия—273—275, 277, 278
 королевские советы—13, 367, 380
 королевский указ—436
 тцеславие королей—65
 Корпорации—288, 289, 291, 302, 306, 328
 корпорации духовенства—292, 317, 328
 Кредит—15, 16, 20, 49, 55, 56, 160, 166, 274, 364, 387, 401, 410, 418, 419, 446
 банковский кредит—54, 57—59
 государственный кредит—278, 286
 кредит государству—53
 кредитные билеты—446
 Кредиторы—16, 20, 56, 166, 274, 375, 419, 423, 431, 436, 437
 кредиторы государства—434, 436
 Крестьяне—215, 225, 226
 Крепостные—320
 Купцы—11—13, 16, 17, 20—22, 24, 28, 30—32, 34, 37, 39, 40, 42, 50, 53, 54, 63, 65, 68, 70, 74—76, 85, 99, 104, 105, 110, 114, 115, 118, 132, 137, 140, 143, 144, 154, 156, 157, 159, 162, 168, 169, 171, 172, 180, 181, 184, 186, 189, 190, 194, 197, 208, 209, 211, 214—222, 265—271, 274, 275, 277, 278, 283, 284, 301, 364, 365, 388—390, 393—395, 418, 419, 426, 446—448
 купцы иностранные—389
 купцы оптовые—30
 купцы-экспортеры—392
 Мануфактура—15, 22—24, 26, 27, 32, 34, 35, 42—44, 65, 82, 83, 89, 95, 96, 121, 124, 144, 154, 161, 162, 165, 167, 179, 193, 204, 207, 208, 211, 214, 217, 218, 223, 225—228, 238, 268, 286, 289, 304, 320, 321, 322, 377, 385, 386, 390, 393—395, 404, 408, 433, 435
 владельцы мануфактуры—22, 37, 42, 45, 46, 65, 66, 70, 71, 74, 75, 83, 85, 86, 90, 91, 95—98, 110, 143, 162, 166, 179, 194, 197, 200, 202—209, 377, 382, 390, 395, 404, 405, 408, 418, 434
 иностранная мануфактура—42
 Мануфактурные изделия—23, 35, 42, 48, 66, 79, 82, 152, 160, 163, 165, 185, 215—218, 223, 225, 229, 230, 377, 383, 384, 393, 408, 447
 Мануфактуристы—209, 211—222, 226, 228, 230, 238, 240
 Мастера—65, 207
 Материалы—82, 141, 215—217, 223
 Машины—226, 229
 Меркантилистическая или коммерческая система—5, 9, 47, 48, 61, 68, 75, 76, 84, 85, 119, 143, 163, 167, 208—210, 230, 390, 391, 433
 меркантилистическая политика, см. политика
 Метрополии—28, 74, 120, 121, 129, 130, 132, 135, 137, 138, 140, 142—145, 148, 151, 152, 159, 170—172, 176, 177, 197, 447, 449
 Милиция—307
 Монарх—251, 254
 Монархия—258, 273, 331, 334, 335, 338, 340, 341, 389
 Монетные дворы—51—55, 60, 115, 117—119, 438
 Монеты—10—12, 18, 21, 25, 26, 50—54, 58—60, 69, 112—119, 344, 345, 348, 353, 420, 436, 438
 вывоз монет—13, 15
 доход от чеканки монет—51
 золотые и серебряные монеты—337
 количество серебряных и золотых монет в обращении—16

- национальные монеты—21
 первоначальная стоимость монет—438
 перечеканка монет—50, 52, 53, 55, 115—119, 420
 понижение стоимости монет—436—439
 порча монет—438, 439
 фальшивые монеты—116, 118
 цена монет, см. цены
 чеканка монет—51, 115—119, 259
 расходы по чеканке монет—51, 54, 115, 118, 119
 Монополисты—46, 268, 357, 366, 401
 Монополия—28, 29, 32, 34, 37—39, 42, 45, 46, 48, 61, 65, 70—72, 74, 75, 83, 84, 92, 110, 111, 132, 136, 168—172, 189, 191, 197, 203—205, 208, 218, 267—269, 271, 275, 276, 279, 283, 284, 352, 366, 389, 391, 393, 394, 409, 411, 412
 монополия колониальной торговли—161—167, 209, 451
 монополия правительства—116
 монополия торговля—148, 151—159, 170, 181, 183, 200, 205, 218
 монополия цена—401
 монопольные компании—26, 132, 133, 136—138, 140, 184—192
 Навигационный акт—38, 39, 153, 156, 170
 Накопление—168, 413, 417, 432, 433, 435
 способность к накоплению—165
 накопление наций—24, 416
 Налоги—28, 30, 36, 39, 40, 41, 43, 46, 74, 77, 78, 80, 81, 84, 85, 107, 128, 136, 145, 152, 172, 174, 175, 203, 208, 211, 213, 255, 260—262, 263, 265, 266, 274, 277, 283, 341, 343, 345—347, 349—353, 356—389, 393, 396—399, 401—414, 417, 418, 420—423, 427, 428, 431—435, 439—445, 449, 451
 добавочный налог—347, 350, 351, 383
 новые налоги—28
 откуп налога—401, 412
 откупщики налога—426
 плательщики налога—345, 347, 350, 368, 375, 411
 расход по взиманию налога—412
 сборщик налога—342, 343, 353, 359, 360, 368, 378, 397, 406, 407, 426, 434, 441
 системы налогов—435, 439, 441, 443
 ставки налога—428
 Налоги на зарплату—376—378, 380, 382, 384
 Налоги на земельную ренту—342, 343, 345, 347, 351, 352
 Налоги на капитал—363—365
 Налоги на наследство—371—373
 Налоги на предметы потребления и необходимости—375, 378, 381—389, 406, 407, 410, 411, 413, 414, 433, 434, 442—444
 Налоги на предметы роскоши—388, 389, 396, 397, 404
 Налоги на прибыль—360, 362, 365—370, 377, 378, 389
 Налоги на ренту с домов—354—360, 439
 Налоги на собственность—370, 371, 374—376
 Налоги на сырье—443
 Налоги на труд ремесленника—378
 Налог подушный—379, 381
 Налог поземельный, см. земля
 Народы—5, 10, 15, 17, 19, 23, 25, 39, 41, 43, 44, 48, 64—66, 70, 77, 78, 84, 85, 91, 99, 100, 121, 126, 142, 145, 162, 169—171, 188, 190, 215, 225, 227, 228, 245, 246, 248, 250, 252, 253, 255, 262, 263, 266, 267, 292, 298, 299, 301, 303, 304, 306, 307—312, 314—320, 322, 324, 328, 329, 331, 332, 338, 339, 342, 343, 353, 358, 362, 364, 365, 374, 375, 381, 400, 402, 407, 411, 412, 427, 428, 432, 437, 439, 442, 449, 481,
 благосостояние народов—5, 411
 благочестие простого народа—310
 богатство народов—223, 224
 возмущение народа—322, 323, 437, 439
 история народа—147

- народное образование—259, 302, 303, 305, 306, 308
 народные коллегии—300
 народные собрания—178
 низшие классы народа, см. классы
 почитание духовенства народом—321
 развращение народа—327
 способ обогащения народа—5
 Народы бедные—248
 Народы богатые—26, 248
 Народы дикие, варварские и некультурные—26, 120, 127, 129, 130, 186, 244—
 246, 265, 292, 299, 308
 Народы земледельческие—236, 237, 240, 254
 Народы охотничьи—235, 236, 248, 250, 251
 Народы промышленные—240
 Народы скотоводческие—9, 236, 238, 239, 251, 252, 254
 Население—18, 23, 36, 38, 67, 69, 91, 93, 94, 99, 101, 103, 104, 120, 128, 130,
 133, 135, 136, 138, 155, 162, 178, 179, 188, 189, 191, 193, 197, 211, 226, 227,
 230, 240, 247, 263, 316, 339—342, 363, 364, 379—383, 396, 398, 402, 404,
 412—414, 418, 428, 432, 441—446, 449
 богатство населения—25, 435
 доход населения, см. доходы
 низшие слои населения—228
 ограничение населения страны—78
 промышленное население—45
 рост населения—128, 130
 рост населения колоний—133
 свобода и безопасность населения—106
 сельское население—265
 трудолюбивая часть населения—166, 167
 Наука—289, 293—295, 299—302, 316, 330
 спрос на науку—302
 Нации—10, 11, 17, 19, 24, 26, 39, 42, 47, 76, 80, 81, 104, 110, 111, 113, 126, 127,
 133, 135—138, 143, 146, 148, 153, 156, 157, 162, 164, 168, 169, 171, 179, 180,
 183, 184, 186, 188, 210, 215, 218, 220, 225, 230, 301, 308, 336, 337, 341,
 342, 362, 428, 433
 благосостояние наций—197, 392
 богатство нации, см. богатство
 долг нации—106, 436, 451
 естественный прогресс нации—220
 национальная безопасность—428
 национальная вражда—42, 48, 49, 66, 68
 национальная месть—428
 национальная слава—427
 национальное накопление—24, 416
 национальное предубеждение—73
 национальный капитал—16, 76, 436
 Нации земледельческие—217—219
 Нации Европы—68, 112, 127, 131, 132, 148, 152, 183, 184, 186, 419, 431
 Нации иностранные—218, 433
 Нации потребителей—209
 Нации промышленные—63
 Нации торговые—66, 68, 217, 218
 Нации трудолюбивые—66
 Нищета—249
 Обмен—10, 11, 14, 16, 17, 20, 21, 24—26, 31, 33, 61—63, 80, 81, 101, 110, 112,
 114, 150, 152, 160, 161, 164, 189, 251, 431, 445
 натуральный обмен—130
 непосредственный товарообмен—15
 Образование в древней Греции и Риме—298—301
 Образование женщин—302

- Образование простого народа, см. народы
 издержки на образование простого народа—305
 Образовательные общественные учреждения—302
 Общество—5, 29—32, 34, 45, 70, 79, 82, 84, 90, 94, 97, 107, 134, 182, 184, 185,
 222—224, 231, 235, 236, 238, 239, 247—250, 252, 258, 259, 286, 287, 289,
 292, 299, 301, 303, 304—308, 313—315, 330, 346—348, 369, 375, 392, 415,
 432, 436
 богатство общества, см. богатство
 доход общества, см. доходы
 защита общества—235, 238, 248, 259, 307
 издержки общества—396
 интересы общества—182, 183, 231, 304, 310, 311, 333, 340
 капитал общества—68, 69, 230, 231, 341, 406
 классы общества—128
 обложение общества—332, 333
 развитие общества—237, 238, 251, 252, 418, 419
 расход для защиты общества—332—334
 общественная польза—32
 общественная ссудная касса—337
 общественное бедствие—58, 308, 411, 414
 общественное благо—32, 46, 105
 общественное возмущение—316, 410
 общественное дело—264
 общественное положение—314, 315, 319
 общественное спокойствие и безопасность—105, 247, 313, 314, 318, 319, 327
 общественное суеверие—316
 общественные земли, см. земля
 общественные работы—258, 259, 265
 общественные склады—393, 395
 общественные сооружения—231, 265, 333, 338
 общественные средства—306
 общественные учреждения—231, 258, 259, 265, 291, 302
 общественные школы—291, 292, 297, 300, 306
 общественный мир—309
 общественный фанатизм—316
 Общество варварское—250, 304
 Общество политическое—224
 Общество цивилизованное—225, 238, 250, 251, 303—305, 308, 314
 Обращение—17
 каналы обращения—19, 20
 Общины—254, 265, 402
 община религиозная—311, 312
 Ополчение—240—246, 298, 307
 ополченец—241
 Орудия—369
 орудия обмена—9, 10, 16, 130, 446
 орудия производства—46, 193, 445, 448
 ввоз орудий производства, см. ввоз
 вывоз орудий производства, см. вывоз
 производство орудий производства—193
 орудия сельскохозяйственные—212
 орудия труда—213, 228
 Оружие—241, 242
 изобретение оружия—248
 оружие огнестрельное—241, 248
 Палата общин—271, 280, 282
 Парламент—10, 13, 119, 135, 170, 173—176, 195, 247, 255, 261, 268, 272, 274—
 276, 278, 281, 284, 318, 319, 395, 425, 439, 441
 «Долгий» парламент—39
 парламентский акт—273—280, 389, 436

- парламентское расследование—281, 282
 сессия парламента—195
 член парламента—145
- Партии—176, 449
 господствующая партия—177
 партийная вражда—449
 политические партии, см. политика
- Плантатор—146, 159, 369, 401, 446, 447
 Плантации—142, 153, 187, 188, 195, 448
- Платежи—20, 375—377, 388
 действительная платежеспособность—367
 платежи банку—422, 423
- Подать подушная—367, 369, 377—380, 412
 Покупатели—227, 374, 375, 387, 407, 424
- Политика—42, 82, 94, 95, 104, 106, 113, 136, 146, 148, 188, 189, 216, 218, 219, 225, 226, 228, 258—262, 312, 369, 392, 400
 колониальная политика—137, 138
 меркантилистическая политика—141, 144, 205
 политическая борьба—312
 политические интересы—311
 политические партии—312
 торговая политика—112, 114
- Политика Англии и Франции—11
 Политика Европы—19, 95, 148, 149
 Политика народов Европы—10
 Политическая арифметика—191
 Политическая экономия—5, 27, 220, 223—225, 279, 284
 системы политической экономии—5, 10, 13, 210
- Помещик—353
 Поместья—372, 402
- Посланник—266, 269, 270
 Потребители—19, 65, 66, 91, 92, 94, 95, 98, 118, 169, 197, 208, 209, 260, 262, 279, 342, 361, 365, 366, 368, 376, 377, 382, 384, 386, 387, 389, 395, 401, 402, 404, 405, 407, 442
 богатые потребители—384
- Потребление—10, 11, 13, 17, 18, 27, 30, 31, 36, 73, 77, 78, 91, 93, 100, 103, 107, 113, 136, 138—140, 142, 149—153, 156—161, 163, 164, 166, 170, 180, 181, 189, 204, 208, 214, 215, 221, 222, 333, 340, 383, 384, 386—388, 391, 393—400, 402—405, 408, 441, 442, 444, 445, 447
 внутреннее потребление—23, 24, 27, 47, 48, 71, 86, 87, 101, 103, 109, 160
 воспроизводство стоимости потребления—82, 214, 219, 220
 потребление духовенства—321
 потребление колоний—180
 потребление трудящихся—443
 предметы потребления, см. предметы
 собственное потребление—142, 250—397, 398, 402, 415, 447
- Потребности—18, 24, 65, 138, 149, 151, 179, 237, 337
 действительная потребность—18
 потребность в золоте и серебре—18
 потребности торговли и обращения—81
- Пошлины и сборы—10, 12, 27—29, 31, 38—42, 65, 66, 70—74, 86, 101—104, 109—111, 116—119, 125, 140—144, 166, 193—195, 197, 202, 204—206, 259—263, 266, 269, 270, 274, 277, 280, 281, 333, 364, 371—373, 375, 376, 382, 385, 387—394, 396, 398, 399, 402—405, 407, 409, 412, 421, 435, 439, 441, 443, 444
 возврат пошлин—27, 28, 70—77, 90, 105, 143, 144, 203, 206, 390—392, 394, 404
 высокие пошлины—27, 29, 34, 41—43, 46, 48, 65, 66, 72, 83, 105, 107, 141, 143, 204, 206, 216—218, 390—394
 действительная пошлина—440

- добавочные пошлины—47
 запретительные пошлины—102, 204, 206
 судебные пошлины—254—256, 313
- Правительство—15, 20, 22, 26, 45, 51, 87, 93, 112, 115, 117, 119, 127, 129, 131, 132, 145, 146, 148, 162, 169, 171, 172, 177—179, 191, 192, 216, 224, 226, 231, 247, 261, 263, 266, 276—283, 286, 307—308, 314, 319, 325, 326, 328, 334—337, 348, 350—352, 364, 369, 370, 378, 380, 386, 386, 393, 402, 407, 410, 412, 413, 418, 420, 424—426, 431, 432, 435, 437—449, 451
 богатство правительства—263
 доход правительства—46, 118, 286, 337, 338, 402, 410, 411, 427
 кредит правительства—337
 монополия правительства—116
 расточительность правительства—435
 расход правительства—118, 119, 172, 173, 334, 337, 338, 341, 427, 428
 содержание правительства—172, 341, 403
 щедрость правительства—89
- Правительство гражданское—249, 322
 Правительство колониальное—445, 446
 Правительство республиканское—145
 Правительство самодержавное—147
 Правительство свободное—147, 176
- Правосудие—253—255, 258—259
 гражданские суды—257
 пошлины судебные—254—256, 333
 расходы по отправлению правосудия—248, 255—257
 судебная власть—258
- Предметы—10, 16—19, 33, 34, 41, 64, 81, 112—114, 124, 139, 149, 182, 191, 204, 205, 230, 376, 387, 388, 392, 393, 402—404, 406, 411, 414
- Предметы ввоза—38
 Предметы вывоза—39
 Предметы необходимости—41, 78, 188, 191, 260, 381, 382, 385, 386, 389, 397, 411, 414, 415, 434
 Предметы обложения—428
 Предметы потребления—11, 17, 19, 27, 62—64, 112, 114, 279, 342, 356, 357, 377, 381, 392, 395, 415, 435, 442, 443
 налоги на предметы потребления, см. налоги
 расходы на предметы потребления—381, 384
- Предметы продовольствия—40, 82, 83, 211, 218, 221, 445
 Предметы роскоши—81, 250, 342, 381—384, 386, 388, 389, 397, 403, 404, 411, 415, 417, 444
 налоги на предметы роскоши—388, 389, 396, 397, 404
- Предприниматели—31, 37, 78, 128, 213, 214, 285, 360, 366, 382, 400, 433
- Премии—36, 37, 43, 44, 54, 56, 58, 59, 61, 139, 162, 171, 188, 301, 306
 высокая премия—196
 потонные премии рыболовным предприятиям—85—89, 108, 109
 премия за ввоз—141, 143, 144, 195—197
 премия за вексель—49—51
 премия за вывоз—27, 28, 75—80, 82—86, 88—90, 102, 103, 106—108, 194, 195, 208, 394, 385, 390—392, 404
 премия за производство—85, 119, 197
 страховая премия—80
- Прибыль—11, 14, 16, 17, 20, 21, 30, 31, 48, 71, 76, 83, 85, 88, 91, 94—96, 110, 111, 116—119, 125, 126, 128, 134, 137, 138, 144, 153, 154, 156—159, 161, 162, 168, 169, 180—186, 188—190, 194, 201, 212—214, 229, 231, 258—260, 269, 270, 275, 276, 279, 282, 284, 286, 301, 310, 334, 336, 341, 344, 348, 351, 354—356, 360—362, 366, 368, 374, 376, 377, 379, 382, 384, 388, 389, 396, 397, 400—402, 407, 410, 412, 414, 426, 445, 446, 451
 акционерная прибыль—275, 276
 действительная прибыль—191
 добавочная прибыль—388

- земледельческая прибыль—218
налог на прибыль, см. налоги
норма прибыли—154, 156, 157, 161, 164, 167, 168, 171, 217, 218, 284, 361, 400
промышленная прибыль—218
сверхприбыль—94, 95, 182
торговая прибыль—282, 335
чрезвычайная прибыль—184, 188, 286
чрезмерная прибыль—169
Прибыль банка—60
Прибыль монополиста—190, 411
Прогресс европейских колоний—129
Продавец—17, 374
Продукты—12, 25, 27, 29, 31, 33—35, 62, 66, 73, 75, 77, 92, 110, 124, 128, 149—
151, 154, 164—166, 170, 185, 189, 194—196, 201, 206, 209, 211, 225—227,
321, 322, 337, 369, 377, 385, 386, 388, 389, 393, 400, 402, 405—408, 441, 447
валовой продукт—228
годовой продукт—101, 113, 219, 431, 432
годовой избыточный продукт—22
годовой продукт земли и труда—17, 21, 22, 24, 80—82, 158, 159, 161, 165,
211, 222, 223, 231, 339, 344, 347, 348, 358, 377, 391, 396, 397
действительная стоимость годового продукта земли и труда—221
избыточный продукт—149—154, 164, 187, 190, 191, 227, 275, 405, 445, 448
стоимость годового продукта, см. стоимость
ценный продукт—134, 135
чистый продукт—212, 213, 215, 219, 361
воспроизводство чистого продукта—213, 220
Продукт земли—210, 212, 264, 351—353, 361, 368, 401
избыточный продукт земли—216
Продукт колоний—133, 136—144, 151, 153, 390
Продукт потребления—230
Продукт промышленности, мануфактуры—31, 32, 43, 48, 81, 83—85, 208, 250
годовой продукт промышленности—28
годовой продукт туземной промышленности—19
продукт иностранной промышленности—32
Продукт сельскохозяйственный—35, 48, 208, 408
Продукт сырой, см. сырье.
Продукт труда—23, 24, 131, 139, 142, 211
годовой продукт труда—31
продукт рабского труда—228
продукт собственного труда—33, 160, 161, 217, 227, 228
Производство—17, 23, 27, 29, 33, 34, 41, 44, 61, 62, 77—79, 81, 83—85, 92, 101—
104, 140, 147, 150, 153, 156, 157, 165, 181, 189, 196, 206, 208, 214, 222, 226,
262, 279, 385, 388, 390, 396, 400, 401, 405, 406, 408, 441, 442
внутреннее производство—41, 104
годовое производство—201, 202
орудия производства, см. орудия
средства производства—205
Производители—29, 94, 95, 98, 103, 197, 202, 205, 208, 209, 279, 401, 402, 442
Производительные силы—24, 69
Промыслы—95—98, 103, 114, 119, 121, 139, 143, 194, 197, 204, 225, 226, 228,
279, 305, 306, 310, 342, 354, 368, 370, 371, 374, 406, 413, 441, 442
промысел белых сельдей—86—89
Промышленники—65, 68, 245, 442
рыбопромышленники—86, 88
соревнование промышленников и купцов—65, 68
Промышленность—15, 22, 27—32, 38—45, 73, 75, 80—82, 84, 85, 101, 106, 113,
127, 141, 142, 149—153, 161, 162, 164—167, 169, 170, 179, 180, 193, 195, 204,
206, 210, 211, 216, 225, 237, 262, 354, 377, 389, 400, 403, 405, 406, 408, 413—
416, 418, 434, 435
продукт промышленности, см. продукты

- промышленная деятельность—168, 179, 208
промышленные изделия—22, 65, 70, 140, 142, 144, 204, 268
Промышленность иностранная—38—41
Промышленность колоний—74
Промышленность национальная—27
Промышленный капитал—213, 214, 361, 419
Промышленный труд, см. труд.
Профессии—34, 44, 45, 63, 192, 208, 240, 287, 288, 295, 297, 299, 300, 302, 303,
305, 306, 310, 311, 332, 336, 354, 360—362, 364
либеральные профессии—316, 378
Процент—72, 171, 175, 212, 258, 274, 276, 278, 280, 282, 287, 331, 334, 336, 337,
339, 419—425, 427, 429, 430, 434, 445
денежный процент—361, 362, 364, 370
рыночная норма процента—168, 354, 363, 364, 423
Работа—43—45, 65, 78, 96, 121, 146, 151, 162, 163, 166, 194, 213, 214, 216, 217,
221—223, 228, 237—239, 260, 261, 263—265, 287, 297, 362, 377, 384, 443
Рабочие, работники—23, 29, 35, 43—46, 63—66, 78, 79, 83, 84, 90, 95, 126,
157, 162, 168, 193, 195, 197, 213, 215, 222, 228, 237, 240, 261, 314, 374, 376,
377, 378, 382, 384, 385, 388, 393, 396, 397, 402
конкуренция между рабочими—193
соревнование рабочих—90
спрос на рабочих—382, 397
Рабочие непроизводительные—374, 396
содержание непроизводительных рабочих—431
Рабочие свободные—147
Рабочие сельские, батраки—121, 211, 214, 220—222
Рабочие дни—263
Рабочие руки—165
Рабство—128, 146, 369, 444
Рабы—121, 139, 146, 228, 229, 369, 370
стоимость рабов—369
Расходы—11, 16, 18, 19, 22, 24, 72, 84, 89, 90, 126, 169—173, 175, 197, 209, 212,
229, 231, 235—237, 239, 247, 248, 253, 255, 258, 263, 265, 266, 269—272, 275,
276, 282, 286, 287, 305, 385, 392, 396, 397, 404—407, 415, 416, 422, 443, 448,
расходы действительные—119
расходы военные, см. войны
расходы на зарплату—356, 357
расходы на образование—287
расходы на общественные работы—259
расходы на предметы необходимости—356
расходы на предметы потребления—381, 384
расходы на предметы роскоши—356
расходы на погрузку и разгрузку—30
расходы на уплату налогов—412
расходы по взиманию налогов—412
расходы по вывозу—49
расходы по выплате премий и возврату пошлин—391
расходы по контрабанде золота и серебра—80
расходы по обработке и улучшению земли—348, 351, 352
расходы по отправлению правосудия—248, 255—257
расходы по перевозке—35
расходы по управлению—135—136, 170, 391, 417
расходы по чеканке монет—51, 54, 115, 118, 119
расходы частные—89
чрезвычайный расход—266, 364, 419, 428
чрезвычайный расход государства—76, 172
Расходы богача—66
Расходы государя или государства—23, 89, 203, 210, 255, 262, 263, 331—334,
337, 338, 341, 356, 358, 402, 406, 416, 417, 425, 431, 432, 439, 445, 450, 451
Расходы духовенства, см. духовенство

- Расходы землевладельца—416
 Расходы общества 69, 135
 Расходы правительства, см. правительство
 Расходы церкви—331
 Революция—243, 245, 247, 317, 359, 420, 448
 Религия—309, 322, 448, 449
   религиозное обучение—308, 309
   религиозная община—311, 312
   религиозные секты—309, 312—316
   проповедники религиозных сект—313, 317, 324
 Ремесленники—33, 34, 121, 207, 211, 213—222, 225, 227, 228, 230, 238, 240, 245, 310, 378, 402
   ремесленные корпорации—267
 Ремесло—24, 26, 32, 127, 130, 207, 226, 227, 239, 240, 267, 289, 299, 300, 306, 310, 320—322
 Рента—277, 354—360, 435
   вечная рента—425—427
   годовая рента—372
   действительная рента—359
   денежная рента—346, 347
   добавочная рента—355
   долгосрочная рента—425, 429
   натуральная рента—346, 347
   пожизненная рента—370, 424—426, 428
   срочная рента—424
   стоимость ренты—420, 425
 Рента земельная—14, 128, 134, 168, 189, 212—214, 219, 220, 228, 257—264, 287, 323, 331, 337—347, 353—359, 361, 362, 364, 368, 369, 377, 379, 382, 384, 396, 400—402, 420, 424—427, 429, 431, 434, 440, 447
   рента с государственных земель—337—340
 Республики—147, 192, 241, 243, 244, 247, 298, 300, 306, 327, 332, 334, 336, 363, 417, 434, 435, 437
   древние республики—337, 338, 437
   республиканская армия—307
   римская республика—178
 Рынок—14—16, 24, 25, 27, 29, 31, 34, 35, 39—41, 54, 57, 61, 65, 66, 70, 75—78, 80, 82, 83, 205, 206, 222, 225—228, 262, 264, 273, 279, 284, 348, 352, 353, 368, 369, 374, 378, 389, 393, 401, 408, 409, 419, 441, 443
   рынок внешний—41, 75—78, 80, 82, 142, 203, 211, 225—227, 277, 389
   рынок внутренний—34, 35, 37, 41, 43, 45, 46, 65, 70, 75, 77, 78, 80, 82—85, 88, 94, 100—105, 107, 113, 143, 162, 166, 205, 208, 209, 217, 225—227, 230, 277, 389, 393, 405, 441
   рынок колониальный—142, 144, 162, 163, 183
   рынок метрополии—140, 141
   рынок новый—164, 166
   рынок свободный—201
   рынок сырья—141, 142
 Сделки—371—375, 408
   сделки публикуемые—371
   сделки тайные—371
   сделки торговые—445, 446, 448
 Сельское хозяйство—11, 35, 44, 73, 82, 95, 165, 212, 223—227, 230, 369, 408, 433, 435
   сельскохозяйственные орудия—212
   сельскохозяйственные рабочие—121, 211, 214, 220—222
 Собственность—248, 249, 252, 369, 370, 418, 424, 440, 448, 449
   владелец собственности—249
   движимая собственность—371, 373, 407
   законная собственность—406
   защита собственности—252, 253

- недвижимая собственность—370, 371, 375, 407
 * собственность и неравенство—249
 стоимость собственности—370, 373—375
 частная собственность—340
 право частной собственности—146
 Сокровища—23
   накопление сокровищ—23, 24
 Спекулянт—269
 Спекуляция—99, 100, 284, 447
   биржевая спекуляция—58
 Спрос—21, 22, 24, 104, 140, 150, 163, 164, 190, 202, 284, 285, 310, 401
   действительный спрос—14, 113, 401
   чрезвычайный спрос—163, 279
   спрос иностранных покупателей—204
   спрос на банковские квитанции—58
   спрос на банковские деньги—54
   спрос на дома—355, 360, 374
   спрос на капитал—158, 448
   спрос на науку—302
   спрос на предметы потребления—337
   спрос на продукты земледелия—77
   спрос на рабочих—382, 397
   спрос на товары—62, 63
   спрос на труд—44, 376, 377, 382, 383, 397, 443
 Средства существования—5, 23, 43, 44, 61—63, 78, 138, 215—217, 223, 235, 236, 250, 254, 287, 288, 305, 308, 310, 312, 342, 376
   источники средств существования—437
 Ссуда—418, 419, 422, 425, 427, 431
   банковская ссуда государству—339
 Стоимость—18, 19, 24—26, 31—33, 36, 48—50, 53, 57—61, 69, 92, 95, 112, 113, 116, 128, 138, 139, 150, 189, 206, 213, 214, 221, 222, 230, 262, 264, 283, 285—287, 337, 353, 359, 387, 389, 390, 395, 402, 405, 426, 431, 447, 448
   возмещение стоимости—213
   действительная стоимость—56, 76, 79—84, 101, 105, 116, 231, 339, 358, 359, 363, 410, 416, 426, 433
   действительная стоимость избыточного продукта земли—217, 218
   меновая стоимость—31, 32, 33, 230, 357
   мерила стоимости—9, 10
   новая стоимость—214
   номинальная стоимость—81, 82, 425
   реальная стоимость—57
   собственная стоимость—213, 214
   увеличение стоимости—214
 Стоимость анций—273
 Стоимость векселя—53
   стоимость переводного векселя—54
 Стоимость годового потребления и производства—221
   меновая стоимость годового потребления—68
 Стоимость годового продукта—33, 219, 221
   действительная стоимость годового продукта земли и труда—221
   меновая стоимость годового продукта—61, 68, 69, 110
 Стоимость денег—12, 83, 395
   действительная стоимость денег—53, 54
   стоимость банковских денег—59, 60
   стоимость обращающихся денег—50
 Стоимость золота и серебра—11, 15, 80, 82, 106, 114—116, 126, 166, 344, 345, 348, 353, 448
   действительная стоимость золота и серебра—74, 79, 80, 84, 101, 105
   стоимость золота и серебра в обращении—20
   стоимость изделий из золота и серебра—51

- Стоимость земли—264, 348, 350, 362, 363
 Стоимость монет—51, 53, 54, 59, 60, 116—118
 Стоимость ренты—420, 425
   номинальная стоимость ренты—420
 Стоимость рабов—369
 Стоимость работы—117
 Стоимость собственности—370, 373—375
 Стоимость сырого продукта земли—213—215
 Стоимость труда—116
 Страны—5, 9—11, 14—16, 17—23, 25—29, 31, 33—43, 47, 48, 51—53, 60—62, 64, 65—68, 70, 72—75, 78—81, 84, 85, 89—93, 95, 106, 107, 110—113, 122—124, 126—133, 138, 140—143, 145—173, 179—194, 200, 205, 206, 208—211, 215—217, 225, 228, 230, 238, 244, 246, 247, 253—255, 259—264, 266, 268, 270, 275, 280, 283, 289, 292, 301—303, 308—310, 313, 316, 317, 320, 326—329, 338—340, 343, 344, 347, 349, 350, 352, 354, 358, 360, 362—367, 369, 372, 377, 378, 381—386, 388, 390, 391, 395, 396, 402, 414, 417, 418, 431, 432, 433—436, 439—446, 448—451
   богатство страны—18, 27
   действительное богатство страны—10, 17
   накопленный запас страны—19
   обогащение страны—13, 119
   отлив денег из страны—10, 13
 Страны бедные—106, 189
 Страны богатые—9, 41, 67, 106, 184, 185, 450
 Страны варварские—247, 283
 Страны земледельческие—93, 216, 217, 254
 Страны католические—324, 330
 Страны культурные—24, 92, 201
 Страны монархические—417
 Страны промышленные—41, 166, 202, 206
 Страны протестантские—331
 Страны республиканские—417
 Страны свободные—145, 146, 308, 366
 Страны торговые—21, 24, 68, 155, 416
 Страны цивилизованные—246, 247, 255, 357
 Страхование—203
   страховые компании—285, 286
 Страхователи—286
 Сырье, сырой материал, сырые продукты—15, 19, 22, 23, 29, 38, 46, 79, 81, 165, 194, 204—206, 213, 214, 217, 218, 223, 225, 227, 230, 250, 322, 377, 390, 395
   ввоз сырья—193—197, 395
   вывоз сырья, см. вывоз
   стоимость сырья—213, 215
 Суверен—372
 Товары—9, 11—18, 20—22, 24—26, 31, 33, 34, 36, 38—43, 47—51, 54, 61—63, 65, 66, 70—76, 79—84, 90, 92, 95, 97, 101, 103, 105, 110—115, 118, 121, 122, 132, 136, 138—141, 143, 150, 152, 153, 156, 157, 159—161, 163, 166, 167, 170, 181—184, 186, 190, 193, 197, 201, 204—207, 217, 218, 225, 227, 259, 262, 265, 266, 268, 269, 271, 275, 277, 279, 284, 301, 310, 333, 342, 361, 365, 366, 368, 377, 382, 384—387, 389—395, 399, 400, 402—405, 407, 408, 418, 440, 442, 445—447
   товары заграничные—11, 41, 79
   товары иностранные—13, 17, 27, 39, 40—43, 46, 62, 70, 71, 73, 74, 110, 143, 144, 156, 205, 208, 215, 216, 218
 Торговля—11, 13, 15, 17, 21, 25—27, 30, 32, 35, 38, 39, 53, 61—63, 65—69, 72—76, 78, 81, 84, 85, 90—95, 100, 101, 103, 105, 106, 110, 111, 113, 114, 118, 121, 122, 127, 131, 137—139, 141, 143, 144, 149, 152—172, 179—187, 190, 191, 200, 204, 205, 208, 210, 217, 219, 223, 225, 230, 259, 260, 265, 272, 274—279, 283, 284, 301, 322, 335—338, 363, 365, 366, 368, 376, 385, 390, 394, 395, 400, 408, 409, 413, 416, 418, 431, 433, 435, 440, 441, 446—449

- запрещение торговли—105, 228
 защита торговли—365
 интересы торговли—266
 орудие торговли—445, 447, 448,
 поощрение торговли—32, 265, 266
 регулирование торговли—30, 32, 39, 61, 183
 торговля внешняя—11, 13, 20, 21, 24, 25, 30, 31, 39, 62, 63, 66—69, 73, 113, 114, 144, 154, 158, 161, 164, 181, 182, 184, 189, 191, 211, 217, 218, 225, 226, 228, 230, 237, 274, 284, 304, 387, 392, 395, 496
 торговля внутренняя—13, 30—32, 66, 73, 79, 100, 104, 112, 141, 182, 184, 189, 191, 199, 262, 403, 409, 412, 445, 446
 торговля импортная—90, 100
 торговля иностранная—13, 267
 торговля каботажная—38
 торговля контрабандная—171
 торговля монополия, см. монополии
 торговля прибыльная—122
 торговля рабами—132
 торговля розничная—95, 96, 121, 366, 376
 торговля свободная—12, 14, 26, 37, 39, 40, 43—46, 48, 67, 68, 72, 73, 92—94, 100, 103, 104, 141, 153, 156, 162, 172, 176, 185, 189, 217, 218, 271, 283, 284, 395, 408, 409, 412, 440
 торговля с колониями—38, 67, 69, 72, 153—158, 162—167
 торговля транзитная—30, 31, 72, 73, 91, 105, 140, 161, 181, 185, 387, 395
 торговля экспортная—90, 100, 101, 103
 Торговая политика—112, 114
 Торговая республика—21, 22
 Торговое законодательство—209
 Торговые города—16, 426
 Торговые государства—216, 217
 Торговые договоры—27, 110—112, 172, 208
 Торговые компании—92, 93
 Торговые нации, см. нации
 Торговые операции—16, 20, 49, 50, 161, 273, 275, 278, 419, 445
 Торговые правила—106, 194
 Торговые сделки—445, 446, 448
 Торговые сношения—39, 53
 Торговые товарищества—273, 274
 Торговый баланс—11—13, 27, 28, 47, 48—50, 61, 62, 75, 111, 113, 140, 193, 197, 200, 392
 Торговый доход—334
 Торговый капитал, см. капитал
 Торговый мир—21, 79
 Торговый оборот—111, 150, 155, 159, 160, 165, 167, 171, 181, 270
 Торговый совет—268, 271
 Торговцы—16, 37—49, 64, 65, 74, 83, 91—100, 104, 112, 169, 170, 185, 186, 240, 245, 268, 274, 275, 277—279, 284, 336, 365, 366, 368, 376, 379, 386, 387, 389, 394, 395, 400, 404, 407
   торговцы бродячие—365
   торговцы крупные—365, 366, 392
   торговцы мелкие—366
   торговцы розничные—97, 98, 268, 382, 406
   торговцы свободные—268
   торговцы слитками—57
 Труд—14, 25, 26, 29, 31, 36, 40, 41, 44, 66, 69, 78, 81, 89, 92, 96, 97, 106, 126, 134, 135, 143, 148, 161, 163, 164, 166, 179, 181, 194, 196, 201, 202, 213—224, 228—231, 235, 263, 264, 303, 305, 342, 344, 348, 358, 361, 362, 377—379, 383, 385, 386, 405
   вознаграждение за труд—271
   высокая оплата труда—128

- затрата труда—128
 количество труда—63, 67, 81—84, 92, 101, 135, 158—160, 181, 194, 222—224
 обязательный труд сельского населения—338
 оплата колониального труда—161
 орудия труда, см. орудия
 отрасли труда—219
 производительность труда—25, 182, 216, 222, 230
 разделение труда—24, 64, 222, 225, 226, 239, 279, 303
 естественное разделение труда в обществе—70, 74
 свобода и обеспеченность труда—106
 способность к труду—305
 спрос на труд, см. спрос
 стоимость труда—116
 цена труда, см. цена
 Труд необходимый—128
 Труд непроизводительный—215, 216, 224, 406
 содержание непроизводительного труда—431, 432
 Труд производительный—158, 159, 164—169, 185, 216, 219, 223, 374, 396, 406, 433, 435
 фонд на содержание производительного труда—168, 374
 Труд промышленный—31, 33—35, 41, 44, 142, 161, 224, 377
 Труд ручной—146, 196
 Труд сельскохозяйственный—377
 Трудолюбие—44, 210, 288, 383, 385
 трудолюбивая часть населения, см. население
 Убитки—16, 451
 Ученики—208
 Устав об ученичестве—45, 289
 Фабриканты—28, 29, 40
 Ферма—37, 350, 388
 Фермеры—33, 36, 37, 76, 78, 79, 82, 84, 92, 94—98, 101, 105, 201, 211, 213, 214, 220—222, 226, 230, 245, 347, 348, 351, 352, 368, 369, 377, 382, 408
 фермерский капитал—96, 98, 213, 361
 Феодализм—237, 366
 феодальный закон—372
 феодальный обычай—372
 Феодалы—366
 Фонды—175, 221, 288, 308, 341, 342, 345, 358, 421, 422—425
 благотворительный фонд—289
 неприкосновенный фонд земледелия—212
 специальный фонд—419
 фонд государя или государства—331, 334
 фонд погашения долгов—26, 171, 280, 423, 424, 427—430, 443
 фонд содержания мануфактуристов и ремесленников—213, 215, 218, 222
 фонд содержания предпринимателя—213
 фонд содержания производительного труда, см. труд
 фонд содержания фермеров и сельскохозяйственных рабочих—215
 Фрахт—39, 73, 80, 203
 Хозяева—128, 146, 147, 168, 190, 191, 221, 228, 353, 354, 369
 Хозяйство—128, 142, 215, 226, 237, 347, 369
 хозяйственная деятельность—151, 211
 хозяйственное развитие—143
 Царь—244, 253
 Цены—13—15, 25, 33, 35, 36, 39—41, 43, 48, 75, 80, 85, 87, 88, 91—94, 97—99, 103, 105, 107, 108, 110, 113, 115—119, 125, 136—141, 144, 147, 152, 153, 156, 157, 159, 170, 181, 183, 184, 186, 188—190, 194, 200, 202—204, 206, 208, 209, 229, 230, 260, 262, 273, 278, 279, 283, 301, 336, 340, 344, 353, 355, 361, 365, 366, 368, 373, 374, 377, 383—385, 387, 388, 395, 400—402, 404, 405, 419, 443, 445, 446
 банковая цена—55, 56

- высокая цена—94, 182, 190, 229
 государственная цена—340
 денежная цена—79, 80, 82, 84, 85, 101—105, 386
 действительная цена—78, 83, 119
 договорная цена—94
 естественная цена—182, 201
 монетная цена—55, 56
 монопольная цена—401
 номинальная цена—78, 83, 119
 рыночная цена—55, 58, 353
 средняя цена—84, 88, 94, 101, 105, 376
 твердая цена—353
 Цена акций—273, 281, 282
 Цена банковских квитанций—57, 58, 60
 Цена банковских денег—57, 60
 Цена гербовых бумаг—373
 Цена готового продукта—195
 Цена драгоценных металлов—14, 15
 Цена земли, см. земля
 Цена золота и серебра в слитках—55, 58
 Цена монет—55, 59, 60
 Цена предметов необходимости—382
 Цена предметов продовольствия—376, 377, 383, 384
 Цена предметов роскоши—383
 Цена ренты—426
 Цена средств существования—40
 Цена сырья—195
 Цена труда—40, 79, 128, 154, 377, 385, 395
 Церковь—325
 власть церкви, см. власть
 доход церкви, см. доходы
 расход церкви, см. расходы
 церковные бенефиции—323, 324, 326, 328—330
 право государя и короля на раздачу церковных бенефиций—324, 326
 церковная десятина—351—354
 церковные земли—331, 349, 350
 церковный приход—327
 церковная реформация—324, 326
 церковные суды—322
 Церковь богатая—329—331
 Цивилизация—246, 248, 299, 307
 цивилизованные народы—236, 238, 240, 244—246, 308
 цивилизованное общество, см. общество
 цивилизованные страны—246, 247, 255, 357
 Штрафы—95, 198, 204, 207, 346
 Экономисты—345
 Экономическая таблица Кенэ—219
 Экспорт—392
 Экспортеры—35, 83, 104, 198, 442
 купцы-экспортеры—392

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение	5
----------------	---

Книга IV. О системах политической экономии

I. О принципах коммерческой, или меркантилистической, системы . . .	9
II. Об ограничении ввоза из-за границы таких продуктов, которые могут быть производимы внутри страны	29
III. Об исключительных ограничениях ввоза почти всех товаров из стран, баланс с которыми признается неблагоприятным	47
Отдел I. Неразумность подобных ограничений с точки зрения самой меркантилистической системы	47
Отступление относительно депозитных банков и в частности Амстердамского банка	52
Отдел II. Неразумность чрезвычайных ограничений в силу других соображений	61
IV. О возвратных пошлинах	70
V. О премиях	75
Отступление по вопросу о хлебной торговле и хлебных законах	90
VI. О торговых договорах	110
VII. О колониях	120
Отдел I. О причинах, побуждающих к учреждению новых колоний	120
Отдел II. Причины процветания новых колоний	127
Отдел III. О выгодах, полученных Европой от открытия Америки и пути в Ост-Индию мимо мыса Доброй Надежды	149
VIII. Заключение о меркантилистической системе	193
IX. О земледельческих системах или о тех системах политической экономии, которые признают продукт земледелия единственным или главным источником дохода и богатства каждой страны . . .	210

Книга V. О доходах государя или государства

I. О расходах государя или государства	235
Отдел I. О расходах на оборону	235
Отдел II. О расходах на отправление правосудия	248
Отдел III. О расходах на общественные работы и общественные учреждения	258
Статья I. Об общественных работах и учреждениях для содействия торговле общества	259
О тех, которые необходимы для содействия торговле вообще	259
Об общественных работах и учреждениях, необходимых для поощрения отдельных отраслей торговли.	265
Статья II. О расходах на учреждения для образования юношества	287